

Alessandro Nazari

MCM



Алессандро Надзари

МСМ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18830232

Аннотация

Париж, 1900 год, Всемирная выставка. Место и время, где сплетаются архитектура и мифы, промышленный шпионаж и мистическая революция. Город-театр, где заговор оборачивается грандиозным спектаклем абсурда. Город-фабрика, что неуёмно производит желания и амбиции, а их сладостно-горьким осадком, словно углём и чернилами, пишет историю. Город-корабль, что, как верно гласит его девиз, раскачивается на волнах, но не потопляем. Однако выдержит ли он грядущий шторм? Не угаснет ли свет в Городе огней? Наконец, что или кто определяет его конструкт? Всё это – в не лишённом иронии, драмы и магии романе городских приключений «МСМ».

МСМ

Моим родителям

Предисловие

Одни романы дышат как газели, другие – как киты или слоны.

Умберто Эко, «Заметки на полях „Имени розы”»

И этот роман я отношу к числу других. Если, конечно, не

отказываюсь понимать, что он мертворождённый.

Впрочем, следовало бы начать с фразы «это не роман» или «это не книга», но вряд ли станет лучше, если вместо сих громких слов использовать что-то вроде «произведения» или набившего оскомину «текста», поэтому переходим к следующей установке (и будем помнить, что это пятиминутка заламывания рук).

Итак. Это не исторический роман.

И даже не «исторический роман с добавлением магии». Это игра в исторический период, выросшая из нескольких не самых умных мыслей и наблюдений, распаливших желание что-то создать. Полешко «хочу стимпанк/протодизельпанк про Францию, а то жанр больно англосфероцентричный», полешко «изволю роман о городской архитектуре», полешко «желаю нечто о предчувствии несчастливой звезды¹ мифоборческого и мифопоборнического века, в котором мы родились», ещё одно, ещё одно... – естественно, (не) получилось ни то, ни другое, ни третье, ни энное – сложить их домиком, подложить бумагу для растопки, чиркнуть спичкой «ты сможешь» и наблюдать, что получится, надеясь, что начинающееся пламя не угаснет, поскольку начинающий пироманьяк не уследил за подачей кислорода.

Книга оперирует деталями, свойственными рубежу XIX–XX веков, однако сомневаюсь, что передаёт дух эпохи с точностью и глубиной, позволяющими ей претендовать на

звание исторической. Некую атмосферу художественными средствами я попытался нагнать и поддерживать, но обращаю внимание, что именно художественными, а не историческими (и всё же книга лжёт меньше, чем кажется).

Вы встретите знакомые имена и названия, однако предлагаю воспринимать их лишь как образы, в той или иной мере навеянные реально существовавшими людьми и объектами, но никогда полностью их не копирующие, а в ряде случаев и вовсе уподобляющиеся отголоскам. За неизбежно присутствующую спекуляцию я и так себя корю.

При этом созданию романа, стоит признаться, сопутствовала некоторая замороченность по поводу астрономии, инфраструктуры, хронологии и метеорологии, во многом определившая «анатомию» повествования. К слову, это было перечисление в порядке логарифмического понижения точности.

Хронология могла бы передвинуться и на второе место, если бы не пришлось, к примеру, события пятой главы на много дней приблизить к событиям четвёртой, иначе роман грозил превращением в барочный (хоть роман тему барокко и задевает по моей труднообъяснимой прихоти), а до этой формы я пока что не дорос и не уверен, что текстура получилась бы по-рубенсовски мясной – скорее, просто рыхлой. При этом, признаю, роман и без того можно обвинить в эвфуистичности, однако за этим – простите за признание, но не считите за оправдание – стоит игра-эксперимент.

И также хронология не заняла бы первую позицию из-за вольностей в плане истории техники. Прошу вас учесть, что анахронизмы не порождены незнанием; встречаются как забегающие вперёд, так и канувшие в Лету к моменту завязки истории, а часть того, что анахронизмом показаться может, таковым на деле не является (и, разумеется, присутствует то, что существовать никак не могло или же никогда реализовано не было). Эта вывернутость, в ряде мест подчёркнутая использованием неологизмов и заимствований, также свидетельствует, что к истории книга отношения имеет весьма опосредованное.

Более того, если обращаться к определению хронологии как последовательности событий во времени, то вы, вероятно, обратите внимание, сколь причудливо себя начинает вести это самое время в третьей части книги, сколь *вместительным* оно становится. Впрочем, вполне допускаю, что-то происходит не с ним, а с пространством или самими персонажами – сродни эффектам скосиглаза из «Пены дней». Так или иначе, подобное искажение не позволяет говорить об объективности и корректности хронологии.

К идее же определить роман как произведение жанра «альтернативной истории» отношусь с опасением из-за, позвольте так выразиться, горизонтального переноса и предубеждения, накопленного к упомянутому роду литературы – в особенности за все последние годы его существования.

Далее. Это не философский роман.

Вы встретите термины, подозрительно похожие на те, что составляют дискурс философии постструктурализма, но мифология романа, в свою очередь, выстраивающаяся на сплетении нескольких различных мифологий, вкладывает в них иные смыслы и взаимосвязи. Впрочем, не могу и опровергнуть, будто это не экивок на тему, поднятую Брикмоном и Сокалом в «Интеллектуальных уловках»: если сами философы заимствуют терминологию из одной области наук и модифицируют её значение для собственной, то почему бы не перевернуть это над ними самими? Но не подумайте, что я нарочно желал устроить постструктуралистам какую-то пакость, а в фундамент книги заложена идея тонкосаркастичного подрыва пласта философской мысли (ну, и не будем вспоминать, что до этого пласта «добурились» как раз в городе, где действие романа и происходит). Вовсе нет, роман не о том, да и куда мне до подобных игр.

Если же под «философским романом» подразумевать литературоведческое определение его как книги с повышенным или хотя бы заметным содержанием философских же концепций, и эти же самые концепции отрабатывающей, то мне, пожалуй, достаёт самокритичности не утверждать, будто это требование соблюдается.

Совершенно нескромным выглядело бы и заверение, что

роман наследует символизму.

На остальных видах, если кто таковые помнит, и дальнейших попытках классификации останавливаться не будем; вы вольны дать собственное определение, не говоря уже о том, чтобы и со мной не согласиться.

Перейдём к основной проблеме книги (кроме её автора, но и это тоже).

Дополнительную сложность в чтение (помимо языка, темпа, композиции², необходимости каждую третью страницу лезть в «Википедию» или поисковик – в общем, всё печально, закрывайте и не читайте) вносит то, что события имеют место на протяжении Всемирной выставки 1900 года.

Следы подстройки города под потребности Выставок – и этой, и предшествовавших ей – до сих пор заметны в планировке седьмого и восьмого округов как негативное пространство, однако от самих экспозиций мало что осталось в вещественном смысле: по большому-то счёту лишь Эйфелева башня, Большой и Малый дворцы, мост Александра III, «Улей», а также некоторые другие объекты, куда менее знаковые и узнаваемые, и редкая мелочь, если не упрятанная в музейный подвал, то раскупленная и растасканная, сменившая назначение.

Пожалуй, размышления об этом негативном пространстве достойны самостоятельного эссе, но пару строк уделю здесь,

поскольку это представляется концептуально важным даже не для самой книги, но для чего-то более высокого (глубокого?) и протяжённого во времени. Проявление присутствия даже не пустоты, а исчезновения, удаления, прекращения, раздиранья, трещины, разлома – разрыва – оказалось весьма симптоматичным.

В той или иной мере (секс-)символом и маркером определённой эпохи (разумеется, в большей степени для литературы и визуального искусства, причём уже наших дней) стал дирижабль, и её же концом обозначают катастрофу «Гинденбурга» в мае 1937 года. Однако стоит понять, что дирижабль был *одним из* свойственных эпохе конструкторов – также утраченных к тому году. Для меня конец эпохи – уход с арены трёх таких материально-символических конструкторов. Дирижабли утратили «гражданское» доверие, но всё же сохранились. Безвозвратной же оказалась гибель в последний раз сгоревшего тридцатого ноября 1936 года и разобранного на металлолом Хрустального дворца. Участь сноса постигла к 1937 году и дворец Трокадеро, эклектичный, сплетавший в себе восточное и западное. Однако на удобренной его прахом почве возник новый.

Дворец Шайо, построенный ко Всемирной выставке 1937 года, представляет собой инверсию предшественника: могучие крылья-корпуса и – отсутствие соединяющего их центра. Нет, технически этот центр есть, но он утоплен в землю, виден со стороны фонтана (то есть со стороны набереж-

ной) и никоим образом не способен доминировать в архитектурной совокупности комплекса. Проявления удвоения и предпосылки к его усилению были и у дворца Трокадеро: две неомавританского стиля башни выше основного купола, – но в архитектуре дворца Шайо видится что-то тревожное. Что-то, что должно было транслировать идею уравновешенности, равенства, встречи и диалога, но, по сути, лишь отрефлексовало, если не умножило и оттенило накапливавшийся и начавший проявляться во второй половине тридцатых годов ужас, в том числе ужас перед модернистскими режимами: однозначными, плоскими, играющими во что-то имперское, переходящими, говоря языком В. Паперного, в стадию Культуры-2.

Вспомните – или лучше даже отыщите – известную фотографию с той Выставки, а на ней – взаиморасположение и исполнение павильонов СССР и Третьего рейха: ориентированных на вертикаль, зауженных, но без лезвийной хрупкости, будто готовящихся ломать и кромсать перед собой, словно нос ледокола, – этих верстовых, дистанционных, пограничных столбов, триумфальных колонн, куда менее «открытых», чем многие из окружавших их, по последней моде одетых в стекло, строений. Это не только явное соперничество. И даже не только конфронтация.

Это нечто, что становится познаваемо и осознаваемо с помощью не прямой симметрии и зеркальности. Это нечто, что стремится найти, с чем сможет себя сравнить, чему может

себя противопоставить. И для большинства окружающих интенционально производит – в совершенно индустриальном смысле – ужас-предчувствие. А вместе с ним – и особое гравитационное поле власти.

И если кажется, что одно такое поле только лишь притягивает к себе и формирует орбиты, то при сближении и взаимодействии двух подобных полей становится заметно, что в своих гравитационных играх они разрывают континуум, влекут не к себе, но вовлекают в себя (если только не ставят цель пожрать, поглотить без остатка); они не смешиваемы и не могут сформировать двойную систему, они под действием властных сил могут двигаться навстречу, но – лишь к катастрофе.

(Возможно, для описания процесса разбега-сближения-разрыва вы предпочтёте сравнение с отливом перед цунами, а не абстрактно-космическое.)

И чем более они сближаются, тем более требует материализации формируемый их полями разрыв, тем большим содержанием наполняется негативное пространство – да и вовсе начинает осознаваться как пространство и объём.

Разумеется, то были не первые и не единственные ориентированные на вертикаль конструкции для означенной выставки (не только, скажем, США, но даже и Ватикан, Венгрия и Ирак, переживавшие и пережёвывавшие, стиснув зубы, любопытные моменты своей истории, на что-то надеялись и также предпочли «высоту») или в целом для выставок

тридцатых годов, но – сравните экстерьеры.

Впрочем, оставим дальнейшие измышления и остановимся на предположении, что, будь то возможно, и Эйфелеву башню бы разворотили во все четыре стороны, превратив в железный цветок без манящей, полной нектара сердцевины, и всё же, всё же затягивающий пустотой и в пустоту, разрывом и в разрыв. И уж тем более довольно, как для предисловия, об этом... *dirupterror? tearror? écarterreur?* Название ещё предстоит дать.

Так или иначе, чтобы вы имели хоть какое-то визуальное и пространственное представление о происходящем, я ещё немножко поднапрягся и сделал гугл-карту территории (важное уточнение: иллюстрации на метках показывают, что вы видели бы с этих точек, а не то, что было на них самих; жаль только, что нельзя заодно как-то сразу указать направление обзора).

Также роман предваряет традиционная карта сей ярмарки тщеславия, труда и празднотания, выбранная в качестве основной (и фактически является той, что в первой главе один персонаж передаёт другому).

Приятного чтения.

Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле, а я построил дом в жилище Тебе, место для вечного Твоего пребывания.

Паралипоменон, вторая книга

Вы, что питаете плод, чьё было не сеяно семя...

Вергилий, *Георгики*³

Перед нами была огромная мясистая масса футов по семьсот в ширину и длину, вся какого-то переливчатого желтовато-белого цвета, и от центра её во все стороны отходило бесчисленное множество длинных рук, крутящихся и изви- вающихся, как целый клубок анаконд, и готовых, казалось, схватить без разбору всё, что бы ни очутилось поблизости. У неё не видно было ни переда, ни зада, ни начала, ни конца, никаких признаков органов чувств или инстинктов; это покачивалась на волнах нездешним, бесформенным видением сама бессмысленная жизнь.

Герман Мелвилл, *Моби Дик, или Белый Кит*⁴

О древний Океан! Как ты силён! На собственном горьком

опыте убедились в этом люди. Они испробовали всё, до чего только мог додуматься их изобретательный ум, но покорить тебя так и не смогли. И были вынуждены признать над собою твою власть. Они столкнулись с силой, превосходящей их. И имя этой силы – Океан! Они трепещут пред тобою, и этот страх рождает в них почтение. Ты резво, легко и изящно играешь с их железными махинами, кружа их, словно в вальсе. Послушные твоим капризам, они взмывают вверх, ныряют в глубь зыбей так лихо, что любого циркового акробата разобрала бы зависть. И счастье, если тебе не вздумается затянуть их насовсем в кипящую пучину и прямым отпратить в свою утробу – тебе для этого не нужно ни дорог, ни рельсов, – чтобы они поглядели, каково там живётся рыбам, да заодно составили им компанию. «Но я умнее Океана», – скажет человек. Что ж, возможно, и даже наверное так, но человек страшится Океана больше, чем тот страшится человека, и в этом нет сомненья. Сей патриарх, свидетель всего, что совершалось на нашей висящей в пространстве планете от начала времён, снисходительно усмехается при виде наших морских «битв народов». Сначала соберётся сотня рукотворных левиафанов. Потом надсадные команды, крики раненых, пушечные выстрелы – сколько шуму ради того, чтобы скрасить несколько мгновений вечности. Наконец представление окончено, и Океан глотает все его атрибуты. Какая бездонная глотка! Она уходит чёрным жерлом в бесконечность.

Лотреамон, *Песни Мальдорора*⁵

Послушай, Китти, давай-ка поразмыслим, чей же это был сон? Это вопрос серьёзный, милая, так что перестань, пожалуйста, лизать лапу!

Льюис Кэрролл, *Алиса в Зазеркалье*⁶

Калибровка оптики

Ночь. До того густая и плотно укутанная толщей облаков, что иные могли бы и поспорить: то город или дно морское? То означающие безопасность и уют фонари или охотничья биолюминесценция хищников? То постройки, превозносящие амбиции их создателей, или кораллы и остовы кораблей, поверженных штормами и баталиями? А нечто ритмичное, витающее вокруг и откуда-то оттуда – то тихий, нашёптывающий «memento mori»⁷ тик часов или касание вёслами далёкой водной глади? А может, стрелки часов вёслами и были? Время расплывалось.

В одну из многометровых громад юркнула белая фигурка. Она что-то искала. Повиновалась интуиции. Пробовала

с чем-то свериться у себя на руке, но от безуспешности, едва бубня, выругалась: «Чтоб меня», – и продолжила путь по наитию. Она легко затерялась в тенях и тьме неосвещённых пространств. Потом вновь выплыла, сама лишь смутно догадываясь, где именно. «Котлы. Для грешников?» – усмехнулась она, потеряв один из таких и отчалив дальше.

Сообразила, что петляниям в мрачном металлическом лесу лучше предпочесть прямоту дорожек верхнего яруса. Приходилось двигаться тише: подошвы её костюма были мягки, но вибрации оголённому железу конструкции всё равно передавались. Так она, в зависимости от просматриваемых зон, уподоблялась то кошке, то медузе.

Что-то привлекло её внимание. Внизу. Похвалила себя за прозорливость. Точка для наблюдения была удобной. Метрах в пятнадцати-двадцати от неё три фигурки, укрытые – как они самоуверенно считали – какой-то тёмной, вбиравшей в себя свет тканью, копошились падальщиками над стендом с неким аппаратом, совершали технократическое таинство, водружали над тем агрегатом какой-то собственный. И всё то – под редчайшие шепотки, которые она силилась разобрать. И ни разу не взглянули наверх. Ах. Нет.

«Ой!». Они заметили друг друга. И пытались опознать видовую принадлежность добрых полминуты. Увы, только эти секунды добрыми и были. Далее могла начаться лишь охота. Она отшатнулась, вертела головой и искала, куда отступить.

Он отдал пару кратких команд, дёрнул за какие-то кольца

и рычаги у себя на костюме, – *она* только сейчас поняла, что облачён он был в чёрные кожу и сталь, что пришла в движение и зашипела, зафыркала – и, всё более превращаясь в минотавра, вырос на фут.

«Беги».

И *она*, побивая собственные рекорды, помчалась прочь. Для него *её* бег был подобен пунктирной линии. Ему не нравилось, что он так легко терял *её* в полных тенях. И, слегка разогнавшись, помогая себе механическими когтями, в итоге перемахнул на верхний ярус. Теперь это был неравный спринт. *Она* не могла придумать ни одного манёвра. Впереди был тупик. Прямо перед *её* носом какой-то книдоцист расскёл воздух и разбил окно, в которое *она*, не раздумывая, выпрыгнула.

Удачно упала на мягкий навес, но поспешила сползти с него и аккуратно двигаться от тени к тени, от палатки до палатки, незадерживаясь ни в одной. *Она* могла бы уйти за ограждение, но – нет, нет, она должна была двигаться к реке. Погоня, кажется, отстала. «Я ведь им с чем-то помешала. Сматывают удочки», – ухмыльнулась. Но всё же не сбавила темпа и вскоре вышла к знакомым очертаниям – монструозному Дворцу оптики, в котором гаргантюанский телескоп готов был заглотить все звёзды разом.

Лихорадочно раздумывала, не спрятаться ли в каком-нибудь из павильонов-аттракционов. «Нет, загоню себя в угол». И *ей* непременно нужно было на тот берег реки, но сначала

– добраться до ближайшего – одно что до него оставалось уже недолго – и особой акробатики уже не требовалось. Прочла слова, высеченные на деревянной плашке: „Секция охоты и рыболовства”. «Очаровательно. Прелестно. Да, спасибо, я поняла намёк». В это время увидела и другой – спасительный. И начала очень быстро, но с определённой последовательностью скрести зеркальце на руке, поворачивая его то так, то этак.

И даже не услышала – почувствовала, как за спиной вырос силуэт-преследователь. Сглотнула. Но всё же как-то хитро изогнулась и весьма точно и больно ударила охотника ногой, а когда тот подсогнулся, исполнила что-то вроде кросса. И подставилась. Он перехватил её руку. Сцепились. Какое-то время они безуспешно боролись. Он не хотел ей причинить боль сильнее необходимого, только обездвижить. И всё же – обездвижить. Она это понимала и не давалась, отступала при первой возможности. Всё ближе был край набережной. Наконец, зеркальце порадовало её особым отблеском. А вот то, что она сейчас свалится – не особо. Падение или пленение казались физически неизбежными вариантами. Но не для неё. В его руке она увидела блеск иной: очень неприятный, металлический – иглы шприца. Вложила все силы в последний рывок. Неудачный. До того неловкий, что лучше никогда себе не признаваться в том, что он был. Она запнулась и перелетела через ограду. Ткань на рукаве с устройством, которое он до сих пор не выпускал из хватки, разорвалась, и она

выскользнула – исчезла.

Он рассчитывал услышать звук падения о песок или всплеск воды, но не дождался ни того, ни другого. Свесившись, вглядывался в пустоту. Будто никого и не преследовал. Нет же, вот доказательство. Потрогал болевшие участки тела – и ещё вот. «Только доказательства чего?» В зеркальце, – а вернее, в двух, – он видел лишь укрывавшее лицо маску. «И где её теперь искать?»

I. Lux ex tenebris

1

Сорок восемь градусов пятьдесят минут северной широты и два градуса двадцать минут восточной долготы. Лабиринт из песчаника, известняка, гранита и булыжного камня, смягчённый зеленью листвы, с ариадновой нитью речной лазури и венчающей его вершины сапфиристо-цинковой филигранью. Город. Миф. Грёза, приключаящаяся в сладкие и вязкие минуты провала в утреннюю дрему после нечаянного пробуждения.

Чудесный композитный кристалл, грань за гранью, плоскость за плоскостью поглощаемый сумраком сновидческо-

го мира, влажной бездной, свет в которую изливается как сверху – и природа его понятна и естественна, – так и снизу, из онейрических глубин, геометрия и структура коих ведомы и проницаемы лишь отчасти. Это тьма, что порождает свет давлением накапливающихся, множащихся, вновь прибывающих знаков и символов, производит его как дублирующую систему трансляции и считывания себя, ей недостаточно, чтобы её познавали по текстуре. Вместо касания её самой она с липкой мягкостью навязывает касание её образов. О да, она всегда изволила быть прочитанной, но прямому подтверждению предпочитает коллекционирование и присовокупление плодов размышлений несчастных, причастившихся её таинств.

И как только от набегающей волны эфира древнейшего инстинкта начинает натягиваться и звенеть церебральная струнка, а разум готовится вернуться в мир яви, прекрасное таинственное свечение, ласкающее нефизиологическое нутро и продуцирующее секрецию, в недостаточной степени порождаемую реальностью, манит погрузиться глубже...

Сказано, что города рождаются из воды. Чаше – воды речной, пресной, текущей в одну сторону – не здесь ли исток индустриального викторианского линейного времени? – и поддающейся человеческим пониманию и способностям. И тому можно найти основания биологические, исторические, инфраструктурные – какие дамам и господам будет угодно в первую очередь, сообразно их вкусу и представлениям о ге-

неалогии городов. Однако, в отличие от большинства иных увенчанных легендами полисов и метрополий, зачатых и покоившихся на берегах, сей град на зависть остальным вынашивался на острове, где помещался он один.

Его эмбрион был надёжно окутан водами, лишь парой мостов-сосудов он сообщался с большой землёй, по реке и суше к органеллам и обратно от них текли питательные вещества: товары, деньги и знания – на зависть остальным... Свой взор обратила на него имперская махина, с южного берега произвела хирургическое приращение урбматерии, создав новые мембраны и механизмы обмена энергией и продуктами жизнедеятельности. А затем пронзила сердце плода иглой кардо максимум и инъецировала коллоидный раствор Вечно-го города. С сети улиц началась кристаллизация. Стоит ли удивляться, что спустя какое-то время островное лоно стало мало, и он вышел за пределы околплодных вод реки-матери, дитя Океана и Тетиды, закрепился на континенте и приступил к творению своей малой – городской – стихии, созданию и направлению потоков: впитывать, насыщать, преобразовать и преобразоваться, а затем выпускать, скорее даже выплёскивать – в общем, действовать, сообразно гению его конструкта, претерпевая метаморфозы как естественные и ожидаемые, так и внезапные – инвазивного свойства. И подобно кругам на воде он расширялся, рябью сменялись его стены и дороги...

К сожалению, описывающие дальнейший онтогенез обра-

зы рассыпаются калейдоскопическими осколками, оставляя от содержания своими яркостью и пестротой одно лишь сожаление о недосказанности, о невкушаемой сладости разбитого, и плаваются, покуда разум, ещё не вполне придя в сознание, уже химически орошается секретией и опалается потребностью встретиться с предстоящими дневными хлопотами, встряхивается вслед за телом-носителем, которому механическая природа взаимодействия поездного состава и железнодорожных путей передаёт вибрацию от встречи колёсной пары с очередным рельсовым стыком. Такова, пожалуй, участь любого беспокойного, как лодчонка на волнах, сна пассажира поезда, в особенности – следующего в Город огней. А уж тем более и вдобавок ко всему сжигаемого солнечными бликами, наводимыми неуёмным и чем-то рассерженным юным Архимедом с некоего начищенного медного предмета, что он вертит в руках и скрывает, как только в проходе, где он стоит, появляется Фидий, определённо не одобряющий ни цель, ни методы психо-оптического эксперимента.

Тот год был уже четвёртым, когда все дороги, включая и эту – лионскую – ветвь, вели в сей град, вновь ставший мировым центром притяжения для тех, кто находит удовольствие и интерес в достижениях техники и науки, сулящими не только сколь скучный, столь и прибыльный рост производительности, но также и новое качество жизни, обеспеченное комфортом, обслуживанием и развлечениями.

«Не требующее раздумий, а одного только умения в пользовании. Потребительское. Вызывающее привыкание – и этим привлекательное и *вызывающее*. Но не взывающее. Обменивающее избавление от сложностей не утомительным процессом развития общественного договора и правил сожития, но лишь энергией монеты, каково бы ни было её происхождение. Снимающее социальную напряжённость разъединением и переключением внимания с лёгкостью переключения рубильника. Высвобождающее время для развития нравственного и коммуникативного, но используемое для развлечений, несомненно приятных после тяжкой работы, но всё же односторонних и иной раз неизвестно почему именуемых культурными. Впрочем, истрадававшемуся человечеству в прощание по себе самом лишь и остаётся, что пировать дарами возделанных полей географических и ментальных. Пиршество, посреди коего ему предъявят, что всё не только умозрительно измеримо, но, в самом деле, уже измерено и отмерено: таннер, таннер, фунт, трипенс. Более того, успешно используется вне ведома субъектов. А конвертируемы даже – нет, в первую очередь! – желания. Социальные науки уже в самом скором времени убеждённо повторяют за Стагиритом: вы есть политическое животное. Технические науки и продукты производства же довершат процесс, начав избыточную раздачу палок в тянущиеся лапы высшего из сапиенсов. И как ни странно, это и есть чудесное завершение новообретённой чужестранной морали: хочешь накор-

мить голодного – дай ему удочку. Как жаль, что её не подкрепляет, неприятно оттеняет факт, что носители сей мудрости удочкам предпочли трубочки. Палка – инструмент базовый и многофункциональный. Для одних – скипетр и посох, для вторых – оружие и указатель, для третьих – пресловутая удочка и рычаг, для четвёртых... что ж, лучше оставить их предпочтения суду истории и первых трёх категорий. Неутолимый голод обладания, развившийся из аппетита к познанию, ускоренный требованием владения инструментарием для повышения выработки и увеличения дозы при мнимом сокращении времени. Но сокращается лишь социальное время, а социальное пространство сплетается в узлы. Последний сверхузел будет залом пира: всё в избытке, всё доступно, но – прошедшим ценз. Последний же царь, кем или чем он ни является, принимает сообщение, проступившее на стене. Но уже не зовут толкователя: конвертируют материю и энергию в другое и уплачивают указанное, тем самым продляют текущее состояние, ощущаемое предельным, а теистическая сущность, как ни странно, принимает плату, то ли окончательно устав от детей своих, не вмешиваясь в их буйное вымирание и дегенерацию, то ли от пробуждённой искажёнными молитвами и высокотехнологичными благовоениями демиургической природы. Договор, скрепляющий договоры», – плавал в пограничном тумане разум одного из временных обитателей шестого купе.

Последняя фраза, кажется, была отчасти порождена ше-

лестом соседской газеты, от которого он окончательно пробудился, и до того на удивление неприятного, громкого и резкого, что ожидаешь таковой в зале консерватории, а то и обложенном плиткой морге, но никак не в условиях купейной акустики.

Молодая зелень лугов, проплывавших мимо поезда, совершенно не привлекала некрасиво пробуждённое сознание, не говоря уже о прочем ближайшем окружении, но его занимало соперничество путей, ведущих к месту назначения. Железнодорожное русло бахвалилось перед речным, исполняло танец, едва ли не непристойный для лицезрения широкой, неподготовленной публикой: оно то сближалось до неприличия близко, предоставляв возможность любому желающему сравнить скорости их течений, то перекидывало с берега на берег простенькие, без излишеств – «так, рабочая потребность, уж извини, старушка!» – мосты, через которые играючи перелетали многотонные, шедшие на нерест, паровые махины. А где-то там иные пути, сокрытые расстоянием в десятки миль, домишками и набравшей сок июньской растительностью, петляли, вились и так же стремились к каналам и проходам, оставленным в городском фортифе, теперь уже различимом по левому борту. К тому моменту, когда река и поезд делали поворот на северо-запад, оживились уже все пассажиры и ныне, в зависимости от возраста и социального статуса, открыто или искоса, но в большинстве своём всё же вглядывались в законное. Однако городскую

окраину нельзя было разглядеть из-за этого несчастного архаического, анахроничного земляного вала, в истории уже седьмого по счёту... «Напоминающего лелеемую, выставляемую напоказ рубцовую ткань, оставленную схваткой с чужеродными организмами, выражающую готовность сразиться вновь», – заключил наш знакомец, подтягивая пластрон кирпично-бордового оттенка, выглядящего вполне солидно, – но уж не линялого ли? – и оправляя антрацитово-серый костюм.

В ожидании прибытия к Лионскому вокзалу – из-за городской стены всё ещё гипотетическому – часть наиболее деловитых и порядком засидевшихся пассажиров ритуально, но так, чтобы не обращать на себя лишнего внимания соседей, отстукивала каблуками, тросточками и зонтами в такт колёсным парам – пришпоривала зверя, расставляя акценты на моментах, когда казалось, что состав теряет темп. Глаза тех, что не единожды вкусили от целлулоидного древа братьев Люмьер, выдавали в своих хозяевах мечтателей, охотников до увеселений, наверняка воображавших себя участниками уже классических лент вроде «Прибытия почтового поезда» и «Прибытия делегатов на фотоконгресс в Лионе». Последнее, впрочем, могло быть объяснено лишь созвучием мест назначения и бессознательным – или не таким уж и «без-», памятуя о причудах прокладки трасс, – уподоблением железной дороги водной магистрали. «Если заглянуть, не обнаружится ли на дне их хрусталиков бег плёнки?» – ух-

мыльнулся, кладя ногу на ногу, известный нам пассажир шестого купе.

И вот, последние сотни метров пути, запечатлённые этой стихийной синематекой: справа – кладбище и городские муравейники, слева – более опрятные каменные норки и парк, а где-то за ними подразумевается речная гладь. Движение и его отсутствие, прикрываемое ходом поезда. Наконец, паровая машина окончила свой марафон. До того крепкая и мускулистая, в статике она будто обмякла, как обмякают выброшенные на берег киты, своим неестественным на суше весом раздавливая собственные лёгкие и сердце. Напоследок паровоз извергнул столь же грузные, льнущие к земле, клубы перегретой жидкости и отверз двери-жабры, из которых на платформу тотчас высыпали люди и, подобно частицам металлического порошка, устремились к незримым линиям магнетизма полей Елисейского и Марсова.

Но вот среди всего этого растекающегося по слегка напоминающей крышку рояля площади у Гар-де-Льон спешаще-растерянного людского потока можно различить задержавшуюся знакомую фигуру из шестого купе. И вновь потерять из виду: та скрылась в тени башни с часами, столь любезно прилагавшейся к вокзалу и направлением этой самой тени ненавязчиво артикулировавшей вновь прибывшим, не стеснённым неотложными поручениями, куда бы им отправиться в текущее время суток: от Монмартра бодрым утром до Пер-Лашез лирическим вечером. Последнее также наме-

кало на то, что не стоит тратить слишком много времени, стоя на перепутье и не решаясь сделать шаг хоть куда-то: можно не успеть пожить и увидеть что-то кроме кладбища. Так размышляла фигурка в серой тройке и красноватом галстуке, разглядывая циферблат, пока её не окликнул приближающийся быстрым шагом силуэт.

– Мартин, вот и ты! Вовремя я опоздал: не разминулись. Собрался уж было входить, чтобы встретить тебя у таможни, а тут поворачиваю голову и вижу тебя здесь. Приветственно жестикулирую, кличу и всё такое, приближаясь, а ты и не слышишь, не шевелишься. Начал было сомневаться: не мираж ли со мной приключился? Однако ж больше похоже на то, будто случился он с тобой. Так всматриваться в часовую башню...

– Ох, здравствуй, здравствуй, друг мой! Со мной, если не считать мой сон, всё хорошо. Просто избежал этой толкотни и суеты, да в ней и затеряться легче. И, как надеюсь, своей прострацией я не заставил тебя выглядеть неловко? – Его друг носил кепку, принятую к ношению у класса завсегда-таев, как это называется, тапи-франк и брассеры, пренебрегал галстуком, держал верхнюю пуговицу наивысшего качества сорочки расстёгнутой, к простому, но определённо выкроенному по фигуре пиджаку относился же без особого почтения, скорее как к домашнему халату; но вместе с тем отглаженные – наверняка этим же утром – брюки и ботинки, за состоянием которых определённо следят, не могли вызы-

вать нареканий, – становилось понятно, что стоял на земле он крепко, чувствовал себя непринуждённо, однако его облик отчего-то настораживал прохожих.

– Это ли неловкость, мистер Вайткроу? Не позволишь разделить бремя твоей ноши? – спросил он, уже протягивая к одному из саквояжей руку с указующим перстом. Настоящей дружеской неловкостью было бы отказать сейчас, прервав это фамильярное намерение, поэтому Мартин лишь кивнул, также соглашаясь следовать за другом, по всей видимости, направлявшимся к гужевой стоянке.

– Что-то я разволновался, как-то непривычно много вопросов с моей стороны, не находишь?

– Я могу тебя понять, Энрико. Какие-то из греков, – возможно, ещё до почитаемой тобой античности, – делили людей на живых, мёртвых и тех, кто в море. Деятнадцатый век добавил категорию тех, кто в поезде. И даже факт прибытия на вокзал не гарантирует, что путешествие закончится благополучно, что оно вообще закончилось. Кто может поручиться, что этому стальному зверю не захочется, к примеру, вырваться из упряжи, за пределы вокзальной клетки и её ажурных железных силков-опор, выяснить, куда это разбредаются перевезённые головастики, ради чего вся эта беготня, а в итоге – пробить кладку, на мгновение стать нелепым воздухоплавающим и своим глупым толстым лбом придавить несчастную, ни в чём не повинную цветочницу, ощутив среди прочих запахов катастрофы тонкий аромат поле-

вых цветов, неестественных для самого города, но коих полно по пути сюда.

– А ты в своём репертуаре! – спустя пару секунд одобрил Энрико, слегка растянув начало фразы, хотя определённо жаждал как-нибудь остроумно парировать.

– Ну да, стоило-то всего лишь пару минут – я надеюсь, что пару – помедитировать перед циферблатом.

– Итак, как отметим приезд?

– Сегодня бы мне хотелось просто где-нибудь тихо разместиться, а пылкие знакомства, высокие градусы и жаркие тосты отложить на недельку.

– Хорошо, но как изволите это понимать: «где-нибудь»? Тебе отведена одна из упомянутых в письмах, хм, инвестиций в недвижимость. Ты мой гость, никаких скромных отелей и комнатушек, в которых тебя поглотит меланхолия, и, захирев, ты в один из дней в приступе предчувствия скорого конца выпалишь что-то вроде: «Либо я, либо эти мерзкие обои!» – Энрико был доволен тирадой, а её завершение вполне могло сойти за нокаутирующий апперкот.

– Ладно-ладно, – усмехнулся Мартин, – не буду дичиться и противиться приглашению, уговорил, хоть и не уверен, что сейчас сезон, когда душевные недуги торят дорогу телесным.

– Только не вздумай проверять эту гипотезу.

– Намёк понят.

Друзья выбрали себе транспорт. Энрико назвал вознице открытого фиакра – что ж, обзор будет чудесным – адрес, ко-

торый отличался от известного Мартину, пристраивавшему дорожные сумки, а также указания о маршруте, от которого извозчик, рассчитывавший на более короткие заказы, не был в восторге. По завершении приготовлений четвероного-четвероколёсный транспорт тихонько покотился в направлении Лионской улицы.

– У тебя какой-то задумчивый вид. Что-то забыли взять с собой? Всё мои вопросы. Стоит вернуться?

– Нет-нет, но, кажется, я хотел что-то увидеть или о чём-то пошутить... Ах, да! Говорят, местные жители, несколько столетий *паразитировавшие* на катакомбах и шахтах под городом, наконец-то обзавелись метрополитеном, а одна из станций должна быть в районе этого вокзала. Однако ж момент упущен, не бывать анекдоту.

– Линию откроют ещё только через десяток недель, но тебе повезло: мы поедem, какое-то время повторяя её маршрут, – ответил он, довольный плодами своего спора с кучером. Последовала недолгая пауза, затем Энрико, поймавший волну, рассмеялся: вот он, шанс отыгаться!

– Что такое?

– Мне только что открылась природа твоей внезапной забывчивости: *l'esprit d'escalier*, лестничный ум! Угадаешь, чьё имя носит бульвар, который мы только что пересекли?

– До чего, в самом-то деле, злая ирония. Нельзя так шутить над теми, чьи занятия и интересы не умещаются в одном городе. Прямо у вокзала, надо же.

Экипаж же вырвался из-под власти лионской топонимики и ныне огибал Июльскую колонну вдоль одной из условных радиальных линий площади Бастилии – волн незримого озера революционной крови, снабжённого ныне изящным ареометром-на-костях авторства Дюка. «Что же будет, сдвинься он и в самом деле?!» – невольно сглотнул мысль Мартин. «Гений свободы» Дюмона стремился к западу города, в том же направлении и знакомый фиакр выруливал – скорее, скорее отсюда! – на рю Сен-Антуан, плавно сливавшуюся с Риволи. Начиналась, можно сказать, торжественная часть урбической инициации, подстроенной Энрико. Мартину предстояло впитать дух обновлённого города эпохи Выставки, для одних всё ещё лицемерного и лживого, для других – диктатного, а для кого-то – вполне пригодного для безопасных прогулок, полных светлой грусти вперемешку с восхищением. «Фланировать, как Бальзаку и не снилось», – таковое желание помимо прочих изъясил Мартин в своём письме, чем несколько смутил адресата, который знал мистера Вайткроу как человека хоть и романтического и увлекающегося, но всё же не праздного в деловом отношении, и списал это на простую потребность в отдыхе, стремление сменить обстановку, а также расчёт на указанную ранее реакцию.

Возможно, маршрут не был насколько уж и идеальным именно для церемонии посвящения... Ох, что уж там, Энрико можно, должно и следует обвинить в язвительности, а то и оскорблении вкуса. Однако целью поездки всё же было

не охватить все необходимые или причудливые места и узлы, что невозможно исполнить за одиночный маршрут, но добраться до апартаментов и в пути задеть по касательной силовые поля, позволить хотя бы некоторым важным, пускай, по сути, и до тошнотворности помпезными и назидательными архитектурными эфирам впитаться в ткани. И потом, барон Осман питал большие надежды в отношении той же рю де Риволи – декумануса правого берега, так почему бы и путнику не предаться набегаящим от неё – всё с большим напором по мере увеличения адресных цифр – волнам успеха, борьбы и победы определённого жизненного уклада, настроиться на ритм центральной части города?

И вот уже далеко позади них квартал Марэ и иезуитски-барочный фасад Сен-Поль-Сен-Луи, восхитительно сплавивший итальянское, французское и голландское. Впереди выплывал своим северо-восточным углом Отель-де-Виль, для Мартина невольно вторивший идее Вестминстерского дворца о воссоздании властного облика из предыдущих веков, внушающего должное почтение и отношение. Стены мэрии пожертвовали частью бесполезной толщины ради усиления и защиты конструкции нишами с помещёнными в них статуями исторических деятелей, не всегда представлявших политическую или военную власть – но прежде искусство, литературу, право, науку и предпринимательство, в том и мощь созвездия образов; своего рода секуляризованная версия приёма, использованного и для башни Сен-

Жак, нового маяка на маршруте и сборной точки для паломников, следовавших по пути к могиле Святого Иакова в далёком Сантьяго-де-Компостела.

Для наших же путников башня и сквер – свято место цеховой церкви осталось пусто – наоборот означали смену направления (должно быть, приплаченной Энрико суммы хватило лишь на такой крюк), уход из-под влияния Риволи, краткий приглушённый гул Севастопольского бульвара, лёгкую электростатику театра Шатле и плоскость моста Менял. Колёса коснулись земли острова Сите – городского ядра, клеточная ткань пространства которого ныне в большинстве своём отдана под строения и нужды сплава структур, имевших целью правовое, физическое и духовное исцеление нации – или же, с точки зрения представителей радикально настроенных социалистов, репрессивных, воплощавших аппарат подавления; в случае Отель-Дьё, вероятно, – неврологическим отделением. С моста Сен-Мишель фиакр проследовал на одноимённую площадь и прикреплявшуюся к ней рю Дантон, которая сливалась с бульваром Сен-Жермен, по нему проплыл до пятилучевого перекрёстка близ Сен-Жермен-де-Пре – и потерялся из виду, растворившись во множестве потоков, многослойной сетью пронизывавших аррондисманы, с тем, чтобы вновь обнаружить себя на одной из улиц несколькими кварталами далее.

И вот место назначения: одна из всё тех же османовских инсул о семи этажах. Скромная солидность протяжённого

песчаникового фасада, прикрытого от дороги липами в половину его высоты. Пунктирные антиколонны оконных проёмов, в ясный день разбавляющих бежевый монолит фасада голубыми линиями, а на рассвете и закате румянящие его оранжево-розоватыми оттенками. Два ряда железных подвязок, одна из которых проходит по бельэтажу и больше символизирует ограду, а вторая – по этажу ниже мансардного и служит утешительным комплиментом за экономность отделки на этом уровне, а также создаёт иллюзию уплотнения и мнимого сужения, переходящего в выпуклый жилой чердак.

– Императив, – резюмировал Мартин.

– Категорический, – подвёл черту Энрико.

Карман возницы приятно припух; лошадь одобрительно фыркнула, но вместе с тем постригла ушами, словно намекая пересчитать полученные деньги; извозчик косо на неё взглянул, издал утробный звук, похожий на «oui-oui»⁸, пошевелил пальцами в кармане, буркнул, причмокнул своей пегой кормилице и повёл к северу, на Орсе.

Буржуа-ориентированный первый этаж отдан под ресторан à prix fixe⁹ и аптеку таким образом, что заведение фиксированных цен расплзлось из угла дома и, как пояснил Энрико, за умеренную плату избавляет жильцов и всю день напролёт хлопчущую и празднующую округу от необходимости не только готовить еду самостоятельно, но даже и думать, *что* бы съесть. Что до аптеки, то хоть она и кажется слегка зауженной, однако при этом, – продолжал он объяс-

нять, – её владелец арендовал добрую половину этажа-антресоли, где оборудовал нечто вроде фармацевтической лаборатории и мастерской для изготовления рецептурных суспензий, эмульсий, порошков, настоек, масел и всего того, что в процессе изготовления явно пахнет покрепче какой-нибудь полуготовой рыбы или маринованного лука. К счастью для окружающих, дом был избавлен от одорического проклятия, выражающегося в том, что из-за особенностей перекрытий и вентиляции все соседние помещения по вертикали и горизонтали от источника запаха пропитывались характерными, далеко не всегда аппетитными ароматами, что на удивление часто бывает в подобных домах. И ведь как избавлен – усилиями обладающего новаторской жилкой аптекаря. Он предложил сконструировать простенькую, с минимальными потерями для интерьера, систему вытяжек, попрятав трубы по углам, а на концах расположить по прокладке, набитой специально обработанным углём. Примечательно, что уголь предоставил проживающий на бельэтаже промышленник, проявляющий интерес к созданной технологии. Теперь, кажется, дело шло к спонсированию патента. Так этот город и живёт.

Остальных жильцов Энрико знал не так хорошо, да и в краткие моменты пересечений не заметил за ними ничего любопытного. Но нет сомнений, что приметил бы, ведь он вновь поймал и скользящий по дорожным сумкам взгляд Мартина, и гасящую лишние колебания напряжён-

ность несущей поклажу руки. Прикусил губу, укорив себя за то, что не подумал о возможной хрупкости груза, когда при встрече подхватил саквояж: там ведь наверняка не только одежда, но и какие-нибудь милые сердцу безделушки и агрегаты. Напомнил, что им нужен шестой этаж. «Не в экономии дело, но в виде!» – продекламировал он, отворяя дверь.

Пред Мартином предстали две весьма компактных комнаты, последовательно соединённые коридорчиком. Первая, по всей видимости, отводилась для дел, предполагающих сидяче-стоячие положения тела, а вторая – стояче-лежащие, не подразумевая промежуточных положений, разве что на краю кровати. Хотя, в общем-то, обе приглашали расслабиться, помечтать, возможно даже, шопенгауэровски погрузиться – всё благодаря монотонно выкрашенным стенам. Какой-то тёплый и густой оттенок тёмно-голубого, но не циан и не один из сизых, почитаемых в эмблемах американской «лиги плюща». Возможно, это и есть подлинный греческий $\gamma\lambda\alpha\acute{\upsilon}\kappa\omicron\varsigma$, именно это определение отчего-то рисует воображение для описания. Энрико был верен себе – и, несомненно, тосковал. Диван и кресла первой комнаты, стоявшие на голом тёмном полу, обшиты серебристой обьярью с неясным рисунком и выполнены, кажется, из берёзы, как и приставленный меж ними столик и расположенный в углу противоположной стены шкафчик для книг и бумаг, вряд ли составлявшие единую гарнитуру с означенными предметами мягкой мебели. На каком аукционе всё это приобретено? И ведь

явно в едином порыве. Потолок был светло-серым, но не от хозяйской лени или копоти, но для придания общему цветовому решению большего спокойствия. Таким образом, получалось, что немногочисленная мебель была ярче и реальнее границ заключавшего её пространства, выступала акцентом, а сами плоскости, за исключением пола, будто размывали глубину и дальность, а при нынешнем освещении – полдень только близился – создавали эффект дымки. Подобное цветовое решение было выбрано и для второй комнаты, в которую были помещены также светлые берёзовые платяной шкаф, комод и простая кровать.

В атмосфере апартаментов явна была какая-то магия отчуждения, но она пока не подействовала на Мартина и тот слегка засомневался: возможно, желтушные обои в цветочек были бы и лучше. По возникшей особого рода тишине Энрико уловил мысль друга и с лёгкой улыбкой сообщил:

– Да, это и в самом деле не квартира для круглосуточных посиделок, а просто тихая гавань, пристанище от штормов дневной суеты. Ну, и поразмышлять в гордом одиночестве.

– Это я, пожалуй, оценю, – подбодрил гость, но подумал: «С мебелью-то из древевсины, столь подверженной загниванию?»

– Но всё же тебя уверяю, что особенно надоест квартирка тебе не успеет. Так что если вдруг захандришь и подхватишь студень – до чего ж англичане лелеют это слово! – это будет проявление французского насморка.

– Как можно?! Пошляк вы этакий, я благочестивая девушка!

– О, миледи, я заверяю вас в своём благородстве, и потому прошу принять вас предложение расположиться в сих покоях и распорядиться ими, как собственными.

– Спасибо, Энрико, мне бы и в самом деле сейчас не помешала тишина на несколько часов – сон в поезде не сон, а какой-то противный дурман.

– Как угодно. В таком случае, я воспользуюсь возможностью и завершу кое-какую писанину в редакции, а на обратном пути захвачу что-нибудь из харчевни внизу. И чуть не забыл, держи ключ.

Стоило только двери захлопнуться, и Мартин буквально на рефлексх снял пиджак и аккуратно повесил на спинку стула, расстегнул жилет, подхватил сумки, прошёл в дальнюю комнатку и задвинул поклажу под кровать, на которую мгновение спустя бесцеремонно рухнул. Голова слегка кружилась – кажется, со скоростью секундной стрелки. Мысленно подстроившись под темп и замедлив его, смог на пару часов заснуть. Просто провалиться в темноту, выключиться из окружающего света. Но и того было достаточно, чтобы освежиться к предстоящему вечеру. И надо бы разобрать поклажу.

Мало городу одной внешней мембраны фортифика, так на въезде поджидает ещё один фильтр в лице октруа – чиновников вокзальной таможни, подготовленных к летнему наплы-

ву гостей, ещё не выдохшихся, не удовлетворяющихся простым устным заверением в дозволенности предметов багажа, а в целом же сколь деликатных, столь и дотошных в своём намерении собрать пошлину за ввоз определённых предметов. Инспектор, не обнаруживший у Мартина того, что по обыкновению подпадает под обложение, то есть съестных припасов и напитков, отчего-то решил проявить настойчивость и, довольно бесцеремонно запустив руку в кожаное нутро сумки, выудил оттуда прямоугольный стеклянный контейнер с чем-то белёсым внутри: не то паста, не то... «Помада», – подсказал Мартин. Должно быть, инспектор принял его засаленную от путешествия, но уложенную шевелюру за доказательство тому, свидетельством чего Мартину послужило полученное в ответ стиснуто-фыркающее: «Франт, а помада-то ваша уж и без жары в своём соку плавится». Ретивость, напоенная и попотчеванная ехидством и ощущением чужой неудачи – вот с них бы, до того пьянящих, пошлины брать, – наконец-то была удовлетворена, и фигура из вагона номер шесть превратилась для города в мистера Вайткроу.

«Помада, конечно. В своём соку, как скажете», – Мартин повертел в руках тот же контейнер, проверил упакованные в махровую ткань запаянные колбочки с аналогичным наполнением, не замеченные при досмотре, а затем поместил обратно на законные места. Также провёл осмотр самого саквояжа: плечи, пружины, каркас, кожа, прочее содержимое – всё без повреждений. Вторая половина багажа, преимуществен-

но с бельём, тоже благополучно пережила странствия. Вряд ли что-то могло случиться, но нахлынувший прилив педантизма принёс дополнительную каплю успокоения и вернул ощущения контроля над собой и действительностью. Нет, власти Двадцати округов, их уносящему течению он отдаст-ся позже и на своих условиях.

По приходу, Энрико предложил открыть окно первой комнаты настежь и придвинуть к нему стулья, дабы во время трапезы филе дорады с соусом песто под белое вино – что ж, незатейливо, зато сытно – иметь вид, недостижимый для наземных кафетериев и ресторанов.

Так за дружеской беседой о всём и ни о чём, синхронизирующей их сознания и мироощущения, за улыбками и шутками, за сплетнями и спорами, летели часы. И вот, неожиданно для них разыгрался позднейший закат: уже почти летнее, плодоносное Солнце налилось цветом и ныне, сочившееся мёдом, обливавшее им дольний мир, грузно клонилось к горизонту.

Обзор снизу несколько ограничивал пятиэтажный дом напротив, экстерьером несравненно более простой и вдвое старше соседа. Но всё равно можно было оценить разбегающееся по нерегулярной решётке многообразию городских обиталищ, чьи гребни крыш в тонах, даруемых наплывавшим закатом, приобрели любопытный неясный оттенок. «Винноцветный», – вырвалось у раздобревшего Мартина, разглядывавшего какой-то сектор через призму бокала и по-

жалевшего, что ляпнул подобное. Впрочем, Энрико кивнул, выражая согласие, – магия начала действовать. Не мог Мартин не отметить и сочетание порыжевших стен и тенаровой сини крыш, в закатных лучах и впрямь ставших мутно-фиолетовыми: «Такое должно нравиться невротикам», – подумал он, припомнив описание интерьера из одной известной книги без интриги.

Пришла очередь игристого и взглядов вдаль. Только сейчас ум, раскрепощённый и способный мыслить масштабами мечтателей, распознал источаемую мощь пламенеющего, будто в память о славных жертвах, золота, что покрывает купол Дворца Инвалидов, и матового отсвета ажурного скелета башни, что зовут Эффелевой. Мартин повертел в руках одну из бутылок.

– Не понимаю недовольства местных. Неужели они до сих пор не находят, что она похожа на бутылку игристого? – повёртывал он в правой руке, как державу или увесистое яблоко, бутылку означенного. – Особенно с утолщением у вершины. Это же идеальный венец работ модернизации города! Рискнули и выиграли. После всех проложенных Второй империей тоталитарных горизонталей... Горизонтальных тотальностей? Или тотальных горизонтальностей? Ну, ты меня понял. В общем, Третьей республике нужна была какая-то притягивающая и стягивающая вертикаль. Понимаешь? Что-то в иной ориентации, затрагивающее иные плоскости, иначе организующее пространство.

– Через месяц-другой метрополитен начнёт свою работу – чем не альтернативная горизонталь, недоступная режиму Баденгэ?

– Да, конечно, это тоже, но она, во-первых, появляется слишком уж поздно для подобной манифестации, а во-вторых, считаю, что возврат республики к горизонтальному мышлению это своего рода тревожный симптом. И нет, колонны или арки посреди площадей тоже не подошли бы, они прочитываются иначе, да и все военные триумфы уже запечатлены. Резурекция столпов, растерзанных коммунарами – опять-таки нет, реставрация с целью инкорпорирования суть другое. О живущий в этом городе, только взгляни на эти сходящиеся... м-м-м, как же геометрически корректно называются эти кривые? Или так и называются?

От необходимости вспоминать и угадывать Энрико избавило то, что Мартин отвлёкся на нечто неестественное для его сознания. Небо за силуэтом башни Эйфеля медленно пересекал, поигрывая алыми оттенками, напоминающий пухлую сигару объект с выпяченным брюхом, размерами сопоставимый с самой башней.

– Энрико... Кажется, ты не рассказал мне что-то важное. Что это ещё такое?

Дирижабль «Александр II Освободитель», единственный представитель проектного класса «Серафим», завершал уже обыденный для него моцион над центральными округами, проплывая севернее Трёхсотметровой башни в направлении Булонского леса. Если точнее – близлежащего ипподрома, ставшего для него посадочной площадкой. Вокруг новой городской черты только д'Отёй и подходил на роль базы обслуживания. Французское правительство без особых возражений пожертвовало ипподромом, главное спортивное событие которого – конная программа Олимпийских игр, также проходивших тем летом и в которых, мягко говоря, не видел особого смысла главный комиссар выставки Пикар, была перенесена на ипподром Лонгшам, в Венсенский лес и седьмой округ на Марсово поле, для чего последнее на три дня подвергалось небольшой модификации, главным образом означавшей расстановку препятствий для конкура. Особый колорит эквестрийским соревнованиям придавало расположение временной арены: кони и их наездники демонстрировали свои умения в окружении дворцов технологий и машин, по отношению к которым уже второй десяток лет официально не применялось сравнение мощности лошадиными силами, мерой в техническом отношении иносказательной и слегка лукавой, некогда введённой Джеймсом Уаттом в рекламных целях, и заменённой на более строгую единицу, названную в честь самого парового гения.

И сейчас шесть работающих на нефтепродуктах оппо-

зитных двигателей эксплуатационной мощностью по четыре сотни киловатт каждый производства предприятия Огнеслава Костовича несли громаду «Александра II Освободителя» на постой для планового пополнения ресурсов – необходимых для движителей и человеческих. Машина была требовательна. И ведь она лишь одна из флотилии! Младшие братья – проектного класса «Херувим» – ревнивы, более активны и капризны, в том числе и по причине применения в них иной конструкции. Тысячи компонентов, сотни расчётов и соотношений – всё требовало внимания ради изящества, лёгкости и комфорта, каковые ныне присущи полётам на русских дирижаблях.

Не проще и с логистикой, потребовавшейся для нынешней дислокации в д’Отёй. Вспомнить отправившие в медвежью спячку не одного клерка многометровые декларации о затребованных и полученных деталях и веществах для общего их подготовительного складирования. Или сами особенности складирования и хранения с соблюдением надлежащих сроков: части материалов нужно отапливаемое помещение, какие-то баллоны и сосуды наоборот лучше держать не только подальше от тепла, но и вне закрытых пространств, на уличном холоде (работы начались ещё в конце февраля), либо же на уличном холоде, но не под солнечными лучами. Или последующую погрузку на товарные составы.

О да, здесь следует сделать реверанс паровозам и железным дорогам, стратегическое значение которых вряд ли бу-

дет присвоено дирижаблями в ближайшие годы, а то и десятилетия, даже если серийное производство воздухоплавающего судна-транспортника всё-таки будет одобрено, и проект получит развитие. И потом, наземному – паровому, дизельному, бензиновому и, без сомнений, электрическому – транспорту на Выставке всё же отводится гораздо большее значение в силу практических и финансовых причин. В особенности, если учитывать заявленную в последний момент для русских павильонов тематику: внутреннюю колонизацию, переоткрытие ресурсного богатства малозаселённых земель, – то устройство железнодорожной сети суть назначение векторов развития и освоения, материальное доказательство серьёзности намерений. Дирижабли же хороши для воздушной разведки просторов и быстрой малотоннажной переброски, а в рамках Выставки, стоит признать, они по большей части суть рекламный ход с ограниченным финансовым предложением, призванный поражать воображение.

И вряд ли кто-то мог подумать, что первым делом они поразят воображение их создателей, обслуживающего персонала и администраторов. Поразят, заклинят и закоротят. Начисто, насквозь и напрочь. Перечень работ, материальной номенклатуры и разбивки по этапам был таков, что потраченные на запись бумажные листы можно было бы пустить на папье-маше и изготовить из него корпус для нового «серафима». Или скормить паровозной топке и без остановок домчаться до самой Франции. Утрирование, конечно,

но стальной караван, отправившийся в центр Европы, был вполне сопоставим с предшествовавшими ему, которые перевозили будущее содержимое выставочных павильонов. Из привезённого вполне можно было, как кажется, собрать ещё один, а то и два полноценных «херувима». Но чтобы их собрать, нужна площадка, а её тоже предстояло собрать практически с нуля своими силами; все требования к ней французской стороне известны не были, ипподром арендовался под условия дружбы наций и честное слово вернуть его в состоянии не хуже прежнего, ремонтные работы и объявили официальной причиной временного закрытия, заставив любителей конного спорта искать места в пригородах. И пока возводились фермы простеньких ангаров и крепились стыковочные штанги, с сортировочных платформ в восемнадцатом округе, а иногда и с вокзалов в десятом, гужевым транспортом доставлялись, насколько возможно тихо, запчасти и ёмкости.

Мир далеко не первый десяток лет знаком с аэростатами и парением, но – управляемый полёт, позволяющий пренебрегать границами и особенностями ландшафта? Реализацию этой возможности следовало подать сколь эффектно, столь и осторожно. Человек научился подниматься выше уровня земли, строя высотные сооружения и используя их в повседневности, уже пятый десяток лет он способен оторваться от неё, зависая в сотнях метров ради своих исследовательских или художественных, как у Надара, целей, тем не ме-

нее, в большинстве случаев будучи связан с поверхностью канатом. Однако не только подниматься ввысь, не преследуя при этом научных или ритуальных интересов, но потехи и коммерции ради; перемещаться, контролируя направление, скорость и высоту, скрываться за горизонтом – в этом была определённая мировоззренческая опасность. Эмоции публики будут ярки, но кто даст гарантии, что во свету не зародится искра, которая сожжёт святотатственную машину. Кто знает, какие претензии и идеи возникнут и будут подхвачены на невротической волне? И это не говоря о новом этапе гонки вооружений, подразумевающей контроль над воздушным пространством. Но факт остаётся фактом: дирижабли были приняты воодушевлённо. И чем больше слухов доходило по мере их приближения, тем большим был ажиотаж.

Несколько дней назад состоялось торжественное открытие Всемирной выставки, однако русский павильон близ дворца Трокадеро ещё был закрыт для посетителей. Кроме того, как заверяла афиша над центральным входом, предполагалась отдельная церемония, которую уважаемым посетителям никак нельзя пропустить в свете её грандиозности. Этакая оказия с задержкой случилась не из-за разгильдяйства на стройке или халатности заведующих отделами, как можно было бы подумать, но по причине известного к тому моменту опоздания флотилии ввиду погодных условий и лишних суток в Польше, потраченных на приготовления к беспосадочному перелёту «херувимов» сквозь берлинскую

лазурь неба над Германским рейхом. Перелёт удался, однако «серафим» сделал значительный крюк, взяв южнее, и продефилировал над участком тройственной границы между Баварским королевством, Австрией и Швейцарской конфедерацией – то есть над Боденским озером. Как разъяснили экипажу, – чтобы подзадорить конкурентов из группы графа Цеппелина, готовивших в тех краях свой летательный аппарат к пробному полёту. Было решено не возвращаться в германское воздушное пространство, а проплыть над кантонами до французской границы, попутно сделав серию восхитительных фотоснимков местности по специально разработанной методике Прокудина-Горского (то же самое по возможности делали и остальные экипажи), после чего двинуться на северо-запад и в ночи подойти к пункту назначения по дуге со стороны Мёдона.

Краткий отдых и сон, а на заре – последние проверки и инструктаж. «Александрю II Освободителю» большую часть времени надлежало величаво парить над городом, деятельное же участие отводилось его сиблингам, в особенности «Великим реформам» – одному из четырёхмоторных «херувимов». По сути, именно он – настоящий «херувим», прототип грузового дирижабля с уплощённой, более широкой гондолой, в связи с чем его оболочка, выкрашенная в сизый, приобрела в разрезе вид пухлого треугольника; остальные же, – также о четырёх моторах, но более компактные, – формально представляли подкласс «Офаним». Однако этот ав-

раамический термин обнаруживал себя лишь в базовой документации и не имел свободного обращения за пределами конструкторской лаборатории и офицерских кругов Воздушного флота по тому разумению, что, как подсказали руководителям проекта, более известен последователям Талмуда, нежели христианам, в ангельской иерархии которых херувимы и офанимы практически не разделяются из-за их функционального сходства, описанного в Ветхом Завете, — то есть из-за опасений, что употребление «слишком иудейского» обозначения могло бы вызвать неприятие и отторжение у неразборчивых представителей правых взглядов на барашке очередной антисемитской волны. А это, в свою очередь, ставило бы под вопрос коммерческий успех предприятия: именно «офанимы» ограниченно предлагались к заказу как частным лицам, так и представителям государства; при этом за французским правительством уже было зарезервировано два существующих экземпляра, которые надлежало передать в его распоряжение осенью того же года, а в отношении прочих заказчиков предполагалось строительство только новых аппаратов с учётом персональных требований.

На деле, это был весьма продуманный шаг, решавший несколько важных, стратегического масштаба, вопросов. Во-первых, он одновременно и следовал фритредерской тенденции, предоставляя доступ к новейшим технологиям всем желающим, и создавал дополнительный временной лаг, пока заказы выполняются на выделенной и контролируемой в

плане производительности линии, в течение которого Российская империя, для которой морской вопрос всегда был болезненным, завершит основную фазу наращивания воздушного флота. Во-вторых, также используя время ожидания, надлежало подготовить несколько баз технического обслуживания: не в Россию же заставлять летать для дозаправки газом и дизельным топливом или мелкого ремонта и санитарных процедур; причём расположить базы следовало в таких точках, которые бы отвечали и требованиям клиентского сервиса, и потенциальным военным нуждам. В-третьих, следовало в кратчайшие сроки завершить всю патентную рутину и, по мере накопления практического опыта, внести корректировки в некоторые конструкционные решения – у дирижаблей впереди долгая эволюция.

В соответствии с графиком за «серафимом», вновь взмывшим в небо, на ипподром поочерёдно садились для пополнения запасов и вновь с него взлетали «херувим» и «офанимы». Каждый следовал своим курсом над городскими кварталами так, чтобы любой житель, оторви он или она взгляд от повседневных дел либо же просто при случае темпераментно возведи очи горе, мог увидеть хотя бы один. Флотилии предстояло воссоединиться уже над Марсовым полем, а её появление должны были предварительно огласить перед почтенной публикой, сопровождая зазывную речь пояснительными комментариями о характере воздушных манёвров и последовательности событий. Собиравшим-

ся также было сообщено, что «по географическим причинам» представление, без ущерба в зрелищности, в дальнейшем раздвоится: приветственная речь русской делегации состоится у Шато д'О, а по её завершении в два часа пополудни официально, с особой помпой откроется и русский павильон у Трокадеро, поэтому гостям Выставки предстоит либо избрать для себя приоритетное направление, либо немножко позаниматься физической культурой.

Старшие воздушные акробаты степенно выписывали фигуры, приняв за центральную точку башню Эффеля: дирижабли сходились и расходились, подставляя зрительским взглядам то брюшину, то бока, разыгрывали сцены, подсмотренные из истории морских баталий, раскручивали воображаемый маховик, удаляясь друг от друга, и вновь сжимали небесную пружину, ощутимую бегавшими по коже мурашками и разлитым в воздухе волнением, а кому-то казалось, что и Трёхсотметровая башня постанывает, вот-вот готовая скрутиться. В небесную карусель вбегали малые дирижабли, наряженные в белое, овечками перепрыгивали через гигантов, крутились вокруг них, поддразнивали их резвыми петлями и уклонами, подныривали и взмывали, вили узоры и танцевали. Ужас и грация сплелись тогда. И только когда настало время приземляться, в толпе на Марсовом поле заметили переговаривавшихся по-русски людей в униформе, окружавших странные приспособления на станках, установленных на чудных самодвижущихся платформах, по-

явившихся по сигналу, которым служил не весьма условный хронометраж представления, а знак в небе: дирижабли перешли от забав к парадным построениям, напоследок выстроившись в небе довольно плотными прямоугольниками, которые складывались в триколор сперва российский, а затем и французский.

Отсалютовав обоим флагам, ответственный за швартовку персонал принялся за прицеливание по специальным стыковочным гнёздам в корпусах платформ. По команде глухо грохнул салют пневматических пушек, выехавших из корпуса «херувима», и с неба низверглись хитро загнутые стыковочные крюки, влетая в те гнёзда и схватываясь за внутреннюю механику сцеплений. На платформах заработали установки внутреннего сгорания, источая подле себя масляный запах. Особо наблюдательные зрители при этом могли заметить, что в нижней части гондолы зажглись лампочки, порой перемигивавшие с синего на оранжевый по мере работы лебёдки: по ним причальные расчёты регулировали скорость сматывания тросов. Четверть часа потребовалась на всю процедуру, чтобы плавно и без перекосов притянуть «серафима» к поверхности в весьма ограниченном для его габаритов пространстве. Впрочем, публику просили не расходиться и не прижиматься к строениям вокруг, так как «Великие реформы» остановят движение в сорока футах от земли. Тем не менее, в массах произошло некоторое движение: очутиться прямо под машиной в основном отважились лишь

также невесть откуда взявшийся почётный караул и brave усоносцы – гражданские франты или же военные в увольнительной – со своими экстагическими спутницами; большинство детей, рвавшихся под самую тень, создаваемую аппаратом, увлекли за собой дамы, составившие плотное кольцо по периметру корпуса.

Корма судна, под фанфары, разверзлась: люк откинулся параллельно земле, из потолочных перекрытий выкатили рельсы, члены экипажа в уже знакомой униформе резкими и скорыми движениями подцепили свисавшие с рельсов канаты к ушкам на люке, потом проделали отточенные тренировками манипуляции с нижней частью люка, прикрепив к нему ещё пару канатов и расцепив его с полом, проверили крепления и построились вдоль борта, дав дорогу нескольким людям. Те расположились на новопретворённом лифте и двинулись вниз на десять футов, Иовами проповедующими выйдя из чрева газо-механического зверя, вскидывая руки в приветственных жестах. Вслед им из корпуса потянулся угольный микрофон, нисходящую делегацию могли видеть все собравшиеся. Повисла тишина, замерла толпа, стих ветер. Пару мгновений спустя вновь запустила движение акустическая волна, шедшая из громкоговорителей на дирижабле.

Оживив окрестности пущенным звуковым разрядом, пожелала доброго дня всем собравшимся фигура – это был директор Департамента торговли и мануфактур Ковалевский,

уже второй раз возглавлявший комиссию по подготовке русских отделов. Подле него по правую руку стояли генеральный комиссар князь Тенишев и главный архитектор Мельцер. По правую же одиноким утёсом высился Менделеев.

Ковалевский от всей души приветствовал гостей Выставки, представился сам и представил других, благодарил французские власти за оказанную поддержку, надеялся на дружбу наций, обещал, что Россия удивит всех и каждого, немного рассказал о процессе подготовки к Выставке. Старик Менделеев, не являвшейся членом российской делегации, но занимавший должность вице-президента Международного жюри, провозглашал новое светлое столетие, где каждая нация привносит свой вклад в мировое благополучие, где реализуется во благо весь интеллектуальный потенциал человечества. Князь Тенишев напомнил о структуре и содержании отделов, о всеохватности представленных материалов и о стремлении составить достойную конкуренцию другим странам по части привлекаемого внимания и возможностей – в том числе и «вот этим чудом воспарившей инженерной мысли». Мельцер отметил, что самодвижущиеся аэроскафы – или же, используя корень из дружественного французского языка, дирижабли – будут доступны для посещения и даже коммерческого заказа всем желающим уже с этого часа. («Найдись на то смельчаки», – вставил Ковалевский, воспользовавшись паузой, чем изрядно повеселил усачей внизу.) Для этого следует либо пройти к набережной, где ор-

ганизованы трапы к пришвартованным воздушным судам и информационные стенды, либо ко Дворцу Трокадеро на том берегу, где не только может быть обнаружен один экземпляр, но и через несколько минут состоится открытие Павильона русских окраин, соцветием собранных в нём предметов которого он особенно гордится, не принижая значения архитектурных решений, использованных при возведении остальных павильонов и демонстрируемых в залах. Ковалевский произнёс прощальные слова и также пригласил всех в русские секции, сопроводив слова мягким жестом; люд последовал совету, восхищённый не столько речами, сколько невесомым монстром над головами.

Пока толпа покидала площадь, лифт двинулся наверх и вновь превратился в открытый люк, а сами «Великие реформы» возобновили спуск, направляемый на подставленные снизу крепления. Наземный почётный караул, похоже, не был проинструктирован должным образом, а потому какое-то время смешно суетился, подгоняемый выкриками на русском. Из Дворца электричества к «Великим реформам» двинулась группа французских чиновников и учёных в сопровождении дипломатов, её члены немного помялись и поёжились, стоя у кормы, но всё же взошли на борт. За этим последовал приказ отдать швартовы, и дирижабль с почётными гостями на борту аккуратно, втянув обратно причальные хоботки, поднялся над территорией седьмого округа с заложением виража так, что со штирборта можно было ка-

кое-то время наблюдать происходящее на территории шестнадцатого.

Народ предвкушал. Нужный настрой поддерживался любопытной оркестровой аранжировкой. В кульминационный момент ширма, закрывавшая фасад павильона, по всей своей площади сперва покрылась испариной, а после и вовсе начала источать туманчик. Собравшиеся слегка заволновались, вопрошая: не пожар ли. Туман стал гуще, влага от него стала явственно ощущаться первыми рядами. Воздух, как в знойном мареве, задрожал, размывая картинку впереди. А затем ширма растворилась, будто её и не было. Из чего она вообще сделана? Была ли она? И из чего сотворено открывшееся за ней? Не мираж ли? Нет, всё было реально. Но вместе с тем и странно. Да, это было ожидаемое подражание кремлям – Московскому и Казанскому. Однако в пустотах меж башен не было видно дневной голубизны, с ней было что-то не то: небосвод застилал причудливый синтез в обход готики, барокко и неоклассики. С башнями соперничали взмывавшие в небо, начищенные до блеска, искрящие промышленные трубчатые контуры металлоконструкций, сплавленные с коренастыми грозными сфорцианскими чертами кремля. В них отражались, преломлялись, искажались, расщеплялись и умножались белокаменные грани; а теперь в их кривых зеркалах растворялись и плавились люди. Шипами аркбутанов и отводных каналов впивалась сталь в камень плоскостей и граней. Металлические патруб-

ки, штыри, иглы, трубы и клапаны завершали шатры, пробивали скаты крыш, натягивали и кололи поверхности, неспособные избежать их, пронизывали стены, подменяя ряды ласточкиных хвостов. Сложные схемы соединяли сооружения на различных уровнях, обвивали кладку, душили строения, бежали по фризам вместо изразцов. Штампованное железо крыш, кажется, было готово совершить предательство, прикнув к родственным конструкциям. Создавалось ощущение, что золото двуглавых орлов, где они ещё были уместны, – и то должны были заменить не меньше, чем столбы фигурно извергнутого пламени. Кремлик подавлялся и поглощался. Кремль был распят. Жесточкой пластикой стремился ввысь, прорастал из белеющих костей индустриальный не то собор, не то орган, готовый восславить новое божество или же его отсутствие и исторгнуть музыку нового подступавшего века. Ужас и грация вновь сплелись. Конечно, к этому можно было подготовиться: достаточно было взобраться на какой-нибудь холм или подняться на смотровой этаж тур д’Эффель, однако таких счастливиц было немного; с земли же обзор надёжно закрывала пропавшая ширма, которая, как сейчас припоминают, сверху была, кажется, изогнута и покрыта отражающим материалом.

Те, кто отважился войти, за главным входом обнаруживали приземистые палаты, покрытые росписями, мехами или тканями, заставленные утварью, стендами или экспонатами, повествовавшие об истории, традициях и связи поколений.

А за ними – внутренние дворы-улучки, на которых можно было встретить и аутентичные избы, и старомосковское боярское жилище, и комнаты в стиле ампир, а также особо выделенные зал приёмов и просторный «сибирский ресторан» с ротондой для музыкантов; по отдельному крылу досталось Сибири и Дальнему Востоку, Средней Азии и Кавказу. В каждом был и свой колорит, и нечто, что сплетало его с соседями. Часть стен была избавлена от экспозиционного нагромождения с тем, чтобы порадовать проходивших почти тремя десятками панно – само собой, огромных и искусных, – в основном, авторства Коровина. Это был город в городе в городе, над которым вздымался ещё один город. И то здесь, то там пространство непостижимой для беглого взгляда инженерной организацией резали элементы промышленного каркаса, перенаправляя потоки света и посетителей, но своя логика в том всё же была. Определённые участки улиц и переходов внезапно превращались в пандусы и лестницы, которые вели на подземный уровень (блестящая идея использовать наклон Трокадеро), а он, в свою очередь, являл собой художественное представление промышленно-промысловых секций и процесса добычи и обработки полезных ископаемых, живой и косной материи – всех тех ресурсов, что залегали в недрах или плодились и размножались на бескрайних просторах за пятидесятым градусом восточной долготы.

«Да-да, вам, Созонт Иванович!» Найдётся ли и сейчас Потугин, который рискнёт *в сырцах* выпалить, что России не

даётся то и это, а в лучшем случае она способна только к повторению?

Все вокруг полагали и заявляли, – вплоть до того момента, когда появились печатные материалы с наконец-то провозглашённой центральной тематикой, – что Российская империя не представит ничего касавшегося колонизации в связи с отсутствием у неё какой бы то ни было колонизационной политики и заморских владений, не говоря уже об обычной вялой экспансии, но человек прозорливый уже по самому расположению Павильона русских окраин мог догадаться, что вот это и есть внутренняя колонизация, вот так она и будет представлена. Но не мог он ни догадаться о подвальном этаже, ни вообразить, что металлический этот айсберг в половину высоты Трёхсотметровой башни прорастает в землю, а корни его оформлены и зафиксированы так, чтобы вызывать неподдельный интерес, не отторгать внимание, но завлекать и манить. Чеканка, эмаль, гравировка, инкрустация, насечка, штамповка, ковка, скань, крепление и травление, даже гальванопластика – не было ни одной детали, ни единого устройства из железа, цинка, меди, хрома либо из их разнопримесных сплавов вроде латуни, бронзы или различных пород стали (сплавов железа с углеродом), особенно чугуна, обходившихся бы без улучшения своего облика хотя бы одним из этих приёмов. Всё играло на желании создать триаду: к ужасу и грации прибавить если не доверие, то, во всяком случае, уверенность.

Увы, всему этому внушительному подавляющему хаосу не хватало простоты и открытости, изящества иной металлоконструкции, когда-то ещё на этапе проектировки встреченной в штыки, приговорённой к смерти на свой двадцатый день рождения, но всё же наверняка в будущем выстоявшей и не умерщвлённой, со временем мифически тонко расцветшей и, помимо прочего, начавшей служить обществу – турд’Эффель.

Такое заключение вынес Михаил Евграфов, перебрав в памяти весь тот суетный день и дополнив его подслушанными разговорами и заметками в прессе, с усталостью и удовлетворением от результатов трудов своих облокотившийся о портик линзовидной смотровой площадки, что на корме «Александра II Освободителя». Он тоже рассматривал ажурную конструкцию «Железной дамы», при этом старался не думать о смущавших его ассоциациях с бельём и чулками, ворча на общую откровенность нравов эпохи, и в который раз восхищался смелыми гиперболическими изгибами творения воли Эффеля – зачато оно было в других умах, но в глину жизнь вдохнул именно он. И именно изгибами – «кривыми» он бы ни за что не посмел их назвать. С текущего расстояния он мог и без бинокля, благодаря подправленному очками зрению, разглядеть каждую деталь на поясах с высеченными именами инженеров и учёных. Тех, что своими трудами приближали время, когда возведение подобных архитектурных чудес станет возможным. Каждый раз, глядя

на ныне слащаво позолоченный, силуэт, он испытывал волнение, переходящее в душевный подъём. Он знал, что его тяга к ней немного неестественна, а потому молчал, не делился с сослуживцами своими чувствами – да, пожалуй, что чувствами, какие только может производить на человека застывшая в железе музыка. Он был очарован ею. Она влекла его. Он наслаждался тем, что её железо пошло не на оружие или железные дороги, но на подобную легкомысленную скандальную роскошь. Ему нужно было присесть. Приступ головокружения неясной этиологии – не настолько уж его разум и особо впечатлителен. Хорошо, что поблизости оказался диванчик, в меру комфортный и роскошный. Михаил Еврафов прикрыл глаза. В реконструируемой мозаике дня не находила себе места пара последних элементов.

Во-первых, он всё никак не мог подобрать ключ к утренней сцене. Тогда он был на борту «Великих реформ». Транспортник был модифицирован под текущие потребности, обычных кают осталось по минимуму, погрузочная палуба же была разделёна на зальцы лёгкими пробковыми либо бумажными, на японский манер, перегородками: в каких-то должны были разместиться переговорные, лекторий и пресс-комната с беспроводным телеграфом и радио, в каких-то – макеты, мелкая техника и прочее демонстрационное оборудование. Дирижабль завершил разворот по широкой дуге над восточными левобережными кварталами и возвращался к территории Выставки, придерживаясь линии набереж-

ной. Очертания и цвет обшивки «Великих реформ» рифмовались с покатыми мансардами османовских домов и их утреннему маренго. Со штирборта открывался вид на воду и накинутаю на неё сбрую из дерева, камня и металла – такая вот невольная стихийная «дружба против». Вот серия связанных с островами мостов, вот железный мост Искусств, вот изрядно потрёпанный мост Каррузель, предваряющий вокзал Орсе мост Руаяль, изрядно побитый баржами мост в честь битвы при Сольферино, вечно востребованный мост Согласия... Наконец, над очередным мостом один молодой подпоручик с особым торжеством в голосе, содержащем слишком уж мальчишеские обертона, сообщил, что дирижабль «Великие реформы» пролетает над мостом имени Александра III и набережной в честь Николая II. Только что вышедшие из кают-компания Тенишев, Ковалевский, Дмитрий Иванович и Савва Иванович, услышавшие это верещание, сперва хохотнули, тем самым смутив подпоручика, которого Дмитрий Иванович по-отечески хлопнул по плечу, чем и успокоил, а затем сдержанно улыбнулись и украдкой переглянулись. Вот это краткое, но отдельное действие – и улыбки, и перегляд – Михаил так и не смог охарактеризовать. Было в этом что-то заговорщическое, но – касательно чего? И стоит ли поспешно связывать это с императорским домом, а не с тем, что названо в честь его представителей?

Отчасти из этого вытекало «во-вторых». Во-вторых, он никак не мог ожидать, что против него, так же как и про-

тив остальных членов экипажа, применяют звукоизолирующие свойства пробковых стен. У него были достаточные ранг и образование для присутствия на переговорах, а если они касались вопросов технического сотрудничества, так и вовсе по протоколу он должен был участвовать в качестве советника. Тем не менее, и его похлопали по плечу, остановив, когда французская делегация вошла на борт во второй половине дня. То же, как ни странно, касалось и другого офицера одного с ним чина, которому могли отдать предпочтение, и Михаил бы с этим не спорил, но не отдал. Можно было заключить, что обсуждались какие-то неофициальные вопросы. Финансового плана? Что-то связанное с новой железнодорожной сетью? Тогда зачем на столь раннем этапе нужны были, как позже выяснил Михаил, химик и инженер? Кроме того, он не знал некоторых соотечественников, которые, в отличие от него, всё же были допущены за пробковые кулисы.

«Ох, как бы не политика, как бы не разочароваться в этих прекрасных людях, в этом временном начальстве. Пускай, пускай же это будет всего лишь какой-то сумасбродный проект, авантюре которого разум непременно объявит порицание, и который так и останется лишь в планах, а ещё лучше – в воздухе той самой сымпровизированной каюты, и так же безвредно со временем выветрится, как любая другая импровизация», – думал Михаил, прикусив губу. Но в гораздо большей степени он был обеспокоен тем, что подоплёка его

нынешней работы может иметь те же корни, что и та встреча, а он совершенно не хотел играть втёмную, вдобавок оказывая услугу ещё какой-то другой державе, кроме родной, и, подтвердись это, был бы крайне возмущён – вплоть до подачи рапорта через голову, две, десять, если понадобится. Его обязаны уведомить. Когда он вновь лично предоставит отчёт почтенному Дмитрию Ивановичу, не побоится спросить, что происходит. Пока же он мудро выжидал, набирая профессиональный авторитет в глазах Менделеева. Да и с того дня уже почти как месяц прошёл, больше подобные встречи не назначались. (Или они стали более законспирированными? Нет, к чёрту!) Всё было достаточно тихо, и он честно не хотел ломать над этим голову, особенно учитывая, что теперь он обременён и «в-третьих».

«В-третьих, теперь и это», – вертел он в руках заполученный прошлой ночью странный хронометр. Часы – да не часы, показывают время – да не время. Не только часы и не только время. В работе дополнительных стрелок и назначении чего-то вроде зеркальца Михаил не смог выявить закономерности. Ещё и с двумя зеркальцами, таинственно тёмными. Загадка. Как и та, что обронила их. Разбирать было опасно: можно и не собрать обратно, а это, похоже, не тот случай, когда безапелляционная аутопсия даст все ответы, в особенности о незнакомке. Ему бы не хотелось, чтобы его работе снова помешали, чтобы поняли, чем он занимается, а он не смог этому воспрепятствовать. В общем, на эту тайну следо-

вало пролить свет. Михаил удержал в голове это выражение и, кажется, нащупал кое-какую мысль. Дальнейшее он ушёл обдумывать в свою каюту, поигрывая причудливым «никак не хронометром», прятать который, как ни удивительно, было не от кого: коридор уже пуст, никто не шагал по тисовому полу, все, кто не на вахте, разбрелись по койкам или отправились в камбуз и кают-компанию. Да, он абсолютно неметафорически прольёт свет на механизм.

3

Просыпаться в квартирке было тяжеловато: ей определённо не доставало утреннего света, какими бы расчудесными ни были вечера, а приглушаемый высотой этажа шум пробуждавшихся улиц тоже не способствовал дисциплине бодрствования. Так что оставалось уповать лишь на привычку и внутренний будильник, который не подвёл. Мартин привёл в порядок себя и костюм, вышел из комнаты и увидел, что Энрико, оставшийся здесь переночевать, уже на ногах – и на руках: делал зарядку повышенной акробатической сложности.

– С бодрым утром.

– И тебе привет, – сказал он и принял позу, более соответствующую homo sapiens sapiens¹⁰. – Кстати, я тебя рано или поздно представлю местному обществу, так и знай. Никак не позднее ближайших трёх дней.

– Чувствую, мне не отвертеться. Что ж, быстрее с этим покончим, быстрее можно будет заняться другими делами. Хотелось бы свести возлияния к минимуму, я всё-таки не компанейский человек.

– Делами? На отдыхе-то?

– Ну, у меня этакий творческий отпуск за свой счёт, подразумевающий столь же творческий подход к изучению обстановки за столь же свой счёт. Период обдумывания собранного материала и сбора нового, не обременённый сроками, установленными заданиями или рамками приличия и законности.

– И на что это вы, почтенный, намекаете?

– Из нас двоих Генри здесь ты, хоть и просишь друзей обращаться к тебе как к Энрико. Вот и соблазни меня чем-нибудь.

– Ладно... Дориан, – промурлыкал он. – Но учти: это город соблазна, так что хотя бы намеки, что из всего порочного ассортимента станет объектом твоего контракта с дьяволом.

– Общество и группы, конечно.

– Та-ак, и что же интересуется нашего великого... даже не знаю, какой специальностью бы тебя поименовать.

– А устрой мне свидание с... bizzare¹¹!

– А вы ничуть не изволили измениться, сэръ.

– Перестань.

– Нет уж, пока не сделаешь жирный намёк. Я мог бы про-

вести тебя к ребятам, ради которых вырядился, как вчера. По меркам своей среды и обывателей они достаточно *bizarre*, но подойдут ли тебе?

– Хорошо. Я ведь не только учёных интервьюирую и составляю профиль их интересов. Есть некоторое любопытство, проявляемое не только мной, в сравнении подпольных и полулегальных радикальных групп здесь, на континенте, и у нас, на островах. По традиционным, социалистического и революционного толка, материала достаточно, нужна какая-нибудь оттеняющая экзотика. Чтобы не битва за набившие оскомину права угнетаемых масс, а нечто иное.

– Витиевато, *mon ami*¹². Но кое-что и в самом деле есть. Или может быть. Весной что-то такое начало проклёвываться. Попробую протащить тебя – да и себя, чего уж, – на одно из собраний для неофитов, – было видно, что он напрягся, что-то подсчитывая. – Это потребует какое-то время.

– Я признателен уже за то, что после этого ты не бежишь от меня куда подальше – в полицию, например. – На самом деле, признателен он был за то, что Энрико-Генри косвенно подтвердил определённую информацию, а к рыцарям котелка и дубинки – или каково здешнее обмундирование? – он бы, разумеется, в жизни не отправился.

– Ха-ха. Тебе повезло. В этих апартаментах можно говорить не только это, но и столь неприличные слова на «б», как буры и боксёры, – храбрил он себя.

– А «Буэнавентура»? – раззадоривал Мартин его журна-

листскую жилку.

– Коль помнишь.

– О, бесстрашный наследник дома...

– Ни слова боле! Пока я ищу контакты, – а мне почему-то кажется, что редактору эта затея придётся по нраву, – не намерен ли ты, хм, изучить что-то более обыденное и безопасное? Ну, знаешь, такое, что собирает самые разные группы людей, разные культуры и всё такое?

– Позволь-ка прикинуть... А нет ли в городе какой заметной выставки?

– Ты знаешь, а ведь совершенно случайно именно этим летом именно в этом городе проходит очередная Exposition Universelle.

– Всемирная выставка! Какое восхитительное совпадение, какое заманчивое предложение! Нет, правда, мы бы так с тобой и обменивались письмами ещё год или два, не случись этот безудержный праздник жизни и техники. А ещё, пожалуй, даже выделю денёк, чтобы добиться встречи с кем-нибудь вроде Дюркгейма, а лучше всего именно с ним, если не для упрочения академических связей – я всё-таки особых постов в альма-матер не занимаю, – то хотя бы на человека посмотреть: поговаривают, у него весьма любопытные, основанные на нюансах взгляды.

– Не припомню такого имени.

– Вряд ли для прессы какой-то особый интерес может представить учредитель журнала с говорящим названием

«L'Annee Sociologique»¹³ или автор работы вроде «Правил социологического метода». Впрочем, мне казалось, что книжка с ободряющим названием «Суицид» должна была произвести... fou rire¹⁴? фурор? И, коль скоро речь в ней идёт о немецкоговорящих католиках и протестантах, заинтересовать французские власти и реваншистов. Уверен, вечерами кто-нибудь из них нет-нет, да и прыгнет в койку с этим томиком – и давай, по-девичьи подрыгивая ножками, уминая зефирку за щёчкой и повизгивая, перечитывать разделы о самоубийствах в германской армии. – Тут они оба прыснули. Мартин откашлялся и продолжил: – И потом, он, как я понимаю, не сдастся и всё-таки продавит идею создания в Сорбонне социологического факультета, несмотря на нынешнее сопротивление и непонимание. Так что надо успеть прошупать почву, пока он в шаткой позиции.

– Вот он: холодный и трезвый расчёт, который предстоит лечить тёплым...

– Пивом? Но-но, мы же не на родине!

– ...И мягким...

– О!

– Солнечным светом! – прищёлкнул пальцами Энрико.

– О.

– Всё, пойдём уже на свежий воздух. Хотя нет, постой. Ты же просил раздобыть карту Выставки, – произнеся это, он полез во внутренний карман лежавшего на столе пиджака, свободно вместивший брошюру. – Ориентацию подобрали

словно специально для прибывающих с восточных вокзалов.

– Для лучших друзей года – русских?

– Если и так, то вряд ли подобную географическую заботу оценят: они, как помнится, прибывают не то на дю Нор, не то на де л'Эст – и пусть тебя не обманывает название второго: оба расположены по соседству на севере города. Но главный вход Выставки и впрямь чем-то похож на кокошник, сам увидишь. На карте он – вот этот треугольничек внизу, то есть на географическом востоке.

– И получается не прогулка по Выставке, гляжу я, но целое восхождение – анабасис.

– Ха, скорее, суть в том, что не получается – катабасис, пусть это и этапы одного сюжета. Хотя некоторые черты, скажем, одиссеевского катабасиса прослеживаются: тут и народы диких стран с края колониальной ойкумены, и многократное пересечение водного потока – не столь всеобъемлющего, как Океан, но и так сойдёт – и берега, мрачные от теней павильонов на набережной, и страшный безлиственный лес металлических каркасов, столбов и опор, и влажные туманы от паровых труб промышленных секций, и циклопический центральный русский павильон, натурально *monstrum horrendum, informe, ingens, qui lumen ademptum*¹⁵... Если, конечно, заказчики или редактор брошюры принимали это в расчёт. Впрочем, не удивлюсь, что так и было: сейчас каждый любитель философии и некоего – непременно с заглавной буквы – Знания состоит братом в шести обществах и в

девяти – великим мастером.

– Ого, да с городской топографией я знаком хуже, чем думал, – Мартин несколько растерянно повертел карту. – Солидную площадь выделили. Хм, секундочку... – с этими словами он извлёк из жилета серебряные карманные часы и начал прикладывать их к карте.

– И откуда у британцев подобная тяга ко времени? Но продолжай, эта игра сулит увлекательное и яркое времяпрепровождение. Прямо как слово «времяпрепровождение».

– Нет, ну ты сам посмотри. Вот эта фигура, которую образуют Большой и Малый дворцы. Она похожа на молоточек, который должен ударить по горлышку сифона с дворцом Трокадеро и Мадагаскаром в вершине и откупорить переполненной всякой всячины, шипящий и искрящийся сосуд. Но вместе с тем она похожа и на указывающую ход стрелку, помещённую на стрелке часовой. Или – а то и *вернее* – даже минутной. Если принять Север за двенадцать и верить указателю на карте, то получится что-то около одиннадцати часов и пары символических минут сверх того.

– Всё-таки обычно часовая стрелка короче, а минутная длиннее. В таком случае не без пары минут час ли выходит? Может, скорректировать по магнитному полюсу?

– Нет-нет, он где-то в районе островов Королевы Елизаветы, так что смещение только усилится. Что до стрелок, то могу напомнить: это лишь игра и хвастовство, условности допустимы.

– И вполне возможно, что в данном масштабе насыщение и классовое разнообразие содержания выставочных площадей как раз и придают стрелкам их относительные габариты.

– А и правда! – живейше подтвердил Мартин кивком своё согласие. – Итак, получается зачин последнего часа. Может ли быть это случайным намёком на подступающий конец уже не века, но эпохи? Знать бы ещё, когда эта эпоха началась – выяснили бы, чему эквивалентен её условный час. А до того, согласись, важно узнать, чья это эпоха. Мира, Европы, Франции? Менее или более приземлённых материй?

– Ну, хорошо, для начала можно попробовать выбрать Францию и восемьдесят девятый прошлого века. Тогда получится... Получится, что у очаровательной Импереспублики в запасе ещё почти десяток лет... Однако Марсово поле и Эспланада не за год появились, и, конечно же, их взаимное расположение определяется помимо прочего и изгибом Сены, а реки тоже изменчивы. Вдобавок, это если считать, что, случится нечто плохое, пробей часы двенадцать, что двенадцать вообще что-то значат. В наши годы негативные рефрены, безусловно, довлеют, но на всё той же Выставке нас из года в год пытаются убедить в обратном.

– А вот эта тема нуждается в отдельном разговоре и самостоятельной гипотезе, к которым мы обратимся уже на месте, – намекнул он Энрико, что не прочь уже и проветриться, как тот и предлагал, но... – Но вернёмся же к часу двенадцатому. Мы ведь говорим о «стрелках», которые не движутся.

А потому – всё-таки позволь мне сейчас закончить, придерживаясь декадентской линии, – выходит, что мы имеем дело с символом постоянного угасания, символом вечно готовящейся сломаться машины, из краха которой родится новая машина, новая махина, которая также, ещё не появившись на свет, уже норовит ломаться. За это время страна может обзавестись новым Османом или идеей ещё более крупной Выставки, чьей волей этот символ угасания будет соскоблен с тела города.

– Раз ты избрал такой подход, я для контраста обращусь к христианскому опыту. Мне на ум приходит Матфеево Евангелие. Ты помнишь притчу о виноградаре и работниках?

– За день работы одинаковую плату получили и те, кого наняли первыми, и те, кто пришёл в последний час. Пахавшие с утра остались недовольны, поскольку проделали большую часть работы – однако ж, мы не располагаем сведениями о продуктивности двух групп работников, – на что им резонно возразили, напомнив о договорённости трудиться за динарий в день, таков их неписанный контракт.

– Ха, из твоих уст эта притча прозвучала так, словно пришла к нам не из Нового, а из Ветхого Завета, благо что хоть без смертоубийств обошлось. А то и вовсе из средневековых книг по основам коммерции. Но суть в том, что под возделыванием виноградника подразумевается возделывание души. Не важно, в каком часу ты пришёл к религиозной мудрости, – важно, что пришёл. И поработал над этим. Рады всем.

А уж размер награды, то есть спасение души, зависит от божьей воли. И потом, целее и больше одной – своей – души не получить. Так вот, предположим, что Выставка суть виноградник, но речь идёт уже не о будущем христианской души, а о будущем наций. Экспозисъон Универсель самой своей формой обещает, что не так важно, насколько поздно нация запрыгнула в локомотив технического прогресса, – в сотрудничестве и честном соревновании все страны придут к процветанию.

– Что не отменяет важность того, чтобы сесть на поезд пораньше и попасть в вагон своей нации. Вагоны первого и второго класса – ну, ты понимаешь. А кому-то и вовсе, к сожалению, грезятся роли машиниста и кондуктора.

В ответ на это Энрико лишь тяжело вздохнул.

– А ведь стрелки ещё должны где-то сходиться и получать энергию от часового механизма. Что там на пересечении линий? Площадь, сквер, дом?

– По-моему, там площадь Бретёй. Не ручаюсь только, – произносил он слова прерывисто, как если бы под заводил извилины пружинного механизма памяти, – в честь кого из них, как и проспект. Но вряд ли последнего бурбонского министра или того, что служил Королю-Солнцу, хотя жаль: он был отцом Селестины дю Шатле.

– Моя очередь сказать: не припоминаю такого имени, – это заставило Энрико воссиять.

– Можешь считать, что она была французской Адой Лав-

лейс XVIII века, так что, скорее, это Ада Лавлейс – Селестина дю Шатле XIX века. Только при том маркиза поосновательней графини. И её Бэббиджем ни много ни мало сделался сам Вольтер.

– Солидно.

– Но, как я и говорил, вряд ли то её родитель. Была ещё парочка, присягнувших Возлюбленному: один был дипломатом-лизоблюдом, а второй – канцлером Франции, хранителем печати, военным министром и главой Ордена Святого Духа.

– Прекрасная память!

– Не особо. Просто недавно в кабаке обсуждали, слой чьих имён покрывает улицы.

– Что ж, лучшей подсказки, чем таковое описание, не найти.

– Да. Так или иначе, если усреднить по всему семейству, то получим, что стрелки сходятся на площади в честь чиновника. А это значит...

– А это значит, что бюрократия и послужит часовым механизмом. Красота какая.

– И вполне сходится с тем кавардаком, что от рождения бичует Импереспублику. Разве что нынешнее правительство наконец-то вселяет хоть какие-то надежды. Сплав кабинета любопытный, ему только на воле лидера и продержаться бы.

Энрико только сейчас заметил, что Мартин так и застыл в той позе – несколько подавшись вперёд, подобно персона-

жам с карикатур на злободневные темы, и с прижатым к бумаге ташенуром.

– А знаешь, что мы не учли в пылу измышлений? При ориентировании на местности двенадцать часов полагается принимать за юг.

– Но тогда мы будем иметь дело с чем-то вроде, если усреднить, шести часов и двадцати трёх минут, а 6:23 представляют для меня уже какие-то совершенно незнакомые библейские глубины. Да и без них ничего подходящего припомнить не могу, – и жестом сокрушения вывел себя из эксцентричной позы.

Последний взгляд на часы – и впору собираться. Вот уже топчут они лестницу, здороваются с кем-то из безынтересных соседей, спускаются на первый этаж, выныривают на улицу – и обратно примагничиваются к дому, чтобы впитать в себя заряд из кофейных чашек и смазанных конфитюром рогаликов. Теперь можно и на выставку. «К молотку», – как выразился Мартин. Энрико предложил добратсья до площади Согласия омнибусом. Так они и поступили, по пути миновав Бурбонский дворец, искорёженный несуразно смотрящимся на нём наполеоновским портиком-намордником. Площадь Согласия также произвела на Мартина негативное впечатление. Подлинным пространством подавления счёл её, и эффект бы только аккумулярировался, будь она окружена домами со всех сторон, а так – её энергия гасилась мягкой, но явно недостаточной декоративной зеленью и

отводными каналами рю Руаяль и пон де ля Конкор, где поступающие токи либо стекали с моста, рассеиваясь в водах, либо – избери они другое направление – процеживались и трансформировались в здании более многострадальном, чем только что виденный Бурбонский дворец, то есть в Мадлен, фасады которых, по задумке, срифмовывались. Пале Бурбон хоть и перестраивали, но ему ни разу не угрожали превращением в вокзал; до чего зло и пакостно, словно экстраполируя и переворачивая католический образ Марии Магдалины: из места сакрального, места единения – в проходной двор.

Откуда эта мрачная энергия? От Луксорского обелиска, разделённого со своим близнецом. От него буквально веяло пустотой, а утраченный пирамидион заставил Мартина почти что увидеть, как в воздухе, вопреки гравитации, висит точка, которая и производит тёмные флуктуации. И наверняка сейчас по ту сторону Средиземного моря над парным обелиском находится такой же комок, также производящий нечто, и оба они откликаются на состояния друг друга, уравнивают их и перенимают. И можно утверждать, что состояния эти описываются не только отталкивающими чертами, но и притягивающе-заряжающими. Тот, кто устанавливал обелиск на площади в центре города, как будто это чувствовал и сам, а потому и выбрал подобное размещение: потоки через центральную площадь должны быть многочисленны, но и быстры, здесь не должен скапливаться народ, он должен перемещаться дальше – такой вот контроль. Однако

Мартин был способен почувствовать лишь то, что испытывал сейчас, а потому предпочёл более не задерживаться, ретируясь к выставочному входу №1.

А вход и впрямь был похож на затейливый кокошник. Разве что с Марианной или её эквивалентом на вершине и двумя маяками по бокам. Энрико также обратил внимание на тот факт, что сея арка трёхнога, в то время как Эффелева башня, служившая входом предыдущей Выставки, – о четырёх ногах, но на том он и закончил, не продолжив высказывание каким-либо выводом.

И вновь барьеры, и вновь фильтры в виде ни много ни мало двух рядов пропуска: продажи билетов и их – пытался подобрать Мартин термин – безотлагательной консуммации.

– О, – едва не забыл Энрико, – возьми это. Только, прошу тебя, не повторяй утреннего опыта, смилуйся над вскипевшим мозгом!

– Я, конечно, постараюсь по старой дружбе, но что это?

– Bons-ticket... В общем, да, боны-билеты. Новое слово в любимом финансовом инструменте последней полусотни лет. Обеспеченный обмен на обычные разовые билеты или возможность получить скидку на платные услуги и аттракционы на территории Выставки, а также – для обитателей регионов – на проезд к выставке по железной дороге. В целом, неплохое вложение.

– То есть, несмотря на «Панаму», люди снова готовы довериться этой системе?

– Предшествовавший Суэц же и вправду удался, да и османовские *bons de délégation*¹⁶ поспособствовали реализации градостроительных планов.

– Стало быть, устроители выставки решили обратиться непосредственно к тем, для кого она и предназначена, и их вложениями обеспечить их же предстоящее развлечение?

– Но ты учти, что предыдущие экспозиции были больше для профессионалов и специалистов. Эта же, по задумке, более открыта, праздник труда и труд празднества... Да, даже несмотря на то, что ты видел на входе.

– Марианна без покрывал, картина машинным маслом. Движима будущим, отправленным под залог. Испытывает терпение и лояльность своих граждан. Но... – Мартин осёкся и начал надеяться, что не произнёс ни одной из этих рубленых и раздражённых фраз вслух. По физиономии компаньона нельзя было сделать чёткий вывод, так что шанс не испортить день своим неожиданным нытьём ещё оставался.

Они неспешно отмерили шагами пропилеи древесных насаждений и оставили без комментария растянувшийся практически на всю длину аллеи гараж для личного транспорта. Занятно, конечно, что стоянку разместили внутри, а не вне пределов, несмотря на запрет пользования бисиклетами на территории Выставки, но, если подумать, причины на то довольно просты и поверхностны, обсуждать и впрямь нечего.

Спокойное представление достижений лесоводства сменилось площадью у моста Александра III, на котором в это

время как раз загарпунивали из небесных пучин малый дирижабль, из которого, едва дождавшись трапа, высыпали с адреналиновым хохотом барышни и их кавалеры. Не сразу Мартин заметил, как корпус судна сочетается с выполненным в эклектике боз-ар окружением, в особенности мостом: к слоновой кости оболочке примыкала белевшая свинцовой краской гондола, под лентой иллюминаторов проходила гипсовая, со вставками красного золота, гирлянда, подобная той, что опоясывала мост, а некоторые консоли, кромки и скосы оттенялись серым пигментом, нос же был украшен расплывшимся по нему раззолочённым гербом, явно легковесным, – триумф возможностей, не хуже бронзовых фигур по углам моста, облачённых в торжественное золото, воспевавших потребовавшиеся для создания конструкции искусство, науку, промышленность и коммерцию. Впрочем, друзьям не удалось понять, что связывает каждую из *Reptomée* с прильнувшими к ним аллегорическими ипостасями Франции эпох Карла, Ренессанса, Короля-Солнца и текущей.

Но и в этом великолепии Мартин увидел дурное. («Да что со мной такое?» – незаметно ущипнул себя он.) Боз-ар был стилем мёртвым, мертвее ницшеанского бога. Торжество статусных трат, академически утверждённая роскошь. Один лишь государственный церемониал без личной мистерии. Энрико, с интонацией подначивания, предупредил впечатлительного друга от посещения половин «молоточка»,

поскольку тот если и способен что-то разбить, так это сердце Мартина. Ещё на подступах к Гранд-Пале, выходящему на авеню Николая Второго открытыми рёбрами романской колоннады, Мартин уловил, как в его сознании французское «palais» срастается с английским «pale», но лишь на отвешенных тому дню ступенях отметил, что мир – выцветает. А оказавшись внутри, ощутил, будто перенёсся на кладбище. Казалось бы: вот колосья на колоннах фасада, вот золочёные листовенные элементы – всё должно подсказывать, что собранное во дворце – долгожданный урожай возделывания человека, на который льётся августовское солнце. Однако, скученные в фойе, как в музее с бестолковыми кураторами, как в имении у нувориша, обесцвеченные и обесчещенные своей толчеёй статуи и композиции напоминали надгробия. А вот и „Первые похороны” Барриа. Мемориалами были и венчающие левый фланг перистиля женские фигуры аллегорий ушедших египетского, греческого, римского и византийского искусства.

Обычно пририсовываемую гротескным готическим кладбищам стелющуюся дымку заменял реденький поток шепчущихся голов посетителей, а хлопки вороньих крыльев – акустически искажённая нестройная хрипота аплодисментов. Но пространство отчего-то не звенело стеклом грандиозного купола. Лишь пёстрое созвездие картин ярусом выше вернуло некое подобие жизни – базарное, рыночное, ле-алевское. Вот «Людовик Толстый» Мюллера, вот «Байи» Конье, вот

«Наполеон I» Лефевра, – а вот лежащие фигуры «Сиесты» Курбе, известного низвержителя столпов общества и фигур вертикальных.

Разумеется, всё оттого, что и столь огромного пространства было мало, чтобы должным образом представить все нации, и это, на самом деле, должно вселять уверенность в том, что искусство будет жить и плодиться в век технологий. Ах, если бы не этот мертвенный дворец, если бы не это детище царства ар-бюрократии. Его можно только закопать, вот прямо сейчас, со всем содержимым, со всеми экспонатами, со всей мягкой и двуногой мебелью, и предоставить далёким потомкам шанс не обременять себя поисками разрозненных сокровищниц – всё будет в одном культурном слое на одной археологической площадке. Вот и сейчас он углядел пыльную взвесь, парившую в воздухе, подсвеченном – никак не окрашенном – простерилизованным куполом песочного оттенка солнечном саване. Скорее на улицу.

Мартин решил заглянуть в Пти-Пале, отданный сугубо под французское искусство от дошестиугольниковых времён по наше время. Всё-таки его содержание должно быть куда организованней и осмысленней. Но то был больше проект моделирования официальной, государственной культурной истории. Под единую национальную арку, подобную аркам и сводам входной группы и купола, украшенного чешуйчатым окном – что ж, тонкий намёк, – в единый округлый переплёт сведён в компендиум материальный культурный ка-

питал племён и обществ, населяющих территорию, именуемую Францией. Неизвестно, у какого процента от всех посетителей найдёт расположение данная затея, не будь они любителями истории и симпатичных штучек, но понятно, что водить посетителей по залам следует группами, обособленными по каким-то признакам, а сама пропагандистская машина хоть и наглядна, но вне сомнений нуждается в вербальной фокусировке аккредитованным гидом. Что ж, успехов в этом начинании. На сегодня достаточно.

Само собой, Мартин внешне никак не выказывал пережитого и впитанного, и если что-то проявлялось на его лице, то Энрико об этом снова тактично умалчивал, лишь заверил, что худшая часть позади, остальные выставочные площади суть сплошное увеселение и игра, можно будет пройтись и по машинным залам, и по набережной павильонов, где также полно любопытных предметов. Более того, сейчас ещё попросту недостаточно посетителей, а потому экспозиция кажется более унылой, чем есть. Может быть, и так, не было причин не верить. Может быть, он погорячился, и дело было не в его избалованном, пресыщенном и развращённом уме, — что-то высасывало из мира красоту. И раз уж на то пошло...

— Знаешь, коль скоро с официальным, *задекларированным* искусством мы разобрались, не согласился бы ты сопроводить меня до полицейской префектуры? Мне, как остающемуся в городе на длительный срок, вроде бы, положено задекларировать себя.

– А, так ты весь день для этого мариновал мину? В таком случае – на Сите, набережная Орфевр!

Обошлось без лишних приключений, полицейский аппарат отработал чётко и экономно. Чтобы не садиться в транспорт на улице, по которой в день приезда пролегалла часть пути до квартиры, друзья предпочли прогуляться по улочке, ведущей к соседней магистрали. Разрыв, именуемый рюде Лютес, давал отдушину и свободу перемещения меж многомерных во внутренних дворах-колодцах ведомств и маяках куполов и башенок сооружений, сиблингов по функциональной натуре. Асимметричный порядок взаимосвязей, констант и переменных, понимание которых доступно только тем, кто умеет открывать нужные двери.

Мартину хотелось резко сменить обстановку, а потому он нанёс упреждающий удар: обнадёжил Энрико, что непременно вольётся в местное *небеспорядочное* общество, а на следующей неделе и вовсе отважится на затяжную экспедицию в какую-нибудь обособленную область Двадцати округов. С тем они и поплелись к омнибусу и скрылись где-то на городском севере, чтобы вновь быть замеченными – в основном благодаря тяжёлому дыханию – на подступах к Монмартру, во многом ещё деревне, не растворившейся в городе, да он и не спешил её ассимилировать, сохраняя на правах заповедника. Само собой, взгляд Мартина резанул абрис возводившегося Сакре-Кёр – тоже белёсого. Чтобы вычеркнуть громаду из сознания, решил забить её болтовнёй, спер-

ва спросив у Энрико по поводу заведения, к которому они подкатили:

– «Бато-Лавуар»? Зачем нам прачечная? И почему это вдруг она плавучая?

– А вот узнаешь. От тех, кого мы там с собой прихватим, и кто даст ценные советы насчёт предстоящей, как ты выразился, экспедиции. Весьма занятные экземпляры.

– Если очень занятные, то лучше установить ценз.

– Ха, всех за один присест и не охватишь. Не волнуйся, будет не как в Большом дворце. Эти бы друг другу глотки перегрызли, расставь их кто подобным образом. Ну, а потом бы, конечно, побратались и использовали зияющие раны в горле, чтобы прямо туда, минуя рот, вливать те отвратительные пьянящие помои, что кабачный бог пошлёт. Всё будет цветисто и цветасто, вот увидишь.

Этого Мартин и хотел. Что-то высасывало из жизни краски, но больше об этом думать он сегодня не мог.

– Да, и помни: для них я не Генри и не Энрико – Анри.

– У тебя голова от этого не раскалывается?

– Разные звучания, одна мелодия.

4

Щебетали язычки, перфорирующие ленту телеграфов системы Бодо, звонко порывивали телефонные аппараты, хлю-

пала и шмыгала пневмопочта, гулко щёлкали реле, потрескивали силовые кабели, шлёпали бумагу каретки пишущих машинок, шуршали гроздь документов и, переспелые чернилами, гулко грохались с облачённых в сукно ветвей. Дамы и господа, функциональная симфония купюр, разрывов, повторов, различений и прерывностей!

Селестина хотела как можно скорее пройти через своеобразный наос и хоры храма коммуникации, сумма элементов которого питала, – как она сама для себя определила это состояние после долгих и несвойственно кропотливых поисков в журналах, – темпорально-бюрократическую англстмахию. Питала её ложной гармоничностью и бесцветностью. Питала тем, как она пренебрегает своим расположением в архитектуре комплекса, превратившись в какой-то технический коридор, достойный подземелья Фонтхилл-эбби. Тем, как всё эстетичное в ней вынужденно подменяется множимися техническими агрегатами, лимбы которых уже особо и не пытаются упрятать в ниши и менее приметные полости, в негативные объёмы. Питала её колоннами, обвитыми плющом кабелей, и стенами, на которых, где ещё возможно разглядеть, изображены переплетающиеся серые и бежевые лиственные узоры. Тем, как вдоль одного из боковых нефов, покрытого этим имитирующим основные городские цвета гербарием, шли, чередуясь, чертежи и планы, черно-белые гравюры и сепийные фотографии, образующие диптихи и триптихи одних и тех же сооружений и территорий. Тем, как

на капителях и нервюрах – в этот момент она возвела очи горе, прифыркнув, – приютились, угнездились и сплелись в сочащиеся липкостью узоры многочисленные чёрные провода, в свете настенных бра выглядевшие маслянистыми и готовыми капнуть чем-нибудь до противного жирным и пахучим. Тем, как пол был выложен плиткой в шахматном контрастном порядке. Тем, как противоположный боковой неф был поколонно разделён перегородками, и каждый получившийся альков служил кабинетом для усидчивого накрахмаленного и на помаженного клерка, сосредоточенно считывавшего приходящие со всех сторон сведения – и так закуток за закутком, будто где-то есть ещё одна, оригинальная, коморка, вокруг которой хитрым образом так были расставлены зеркала, что сейчас они раз за разом воспроизводили её образ в полном объёме. Бюрократическая тщета удержаться на плаву чернильного океана, не заплутать в мелованной метели. Мчаться, грести – лишь бы остаться на месте. Вот ты какое, Зазеркалье Алисы. Как можно не то, что успеть, а даже уследить за ходом времени, если циферблат расколот, расщеплён на тысячи осколков с соотношением сторон $1:\sqrt{2}$?

Во всём этом были свои извращённые стиль и таинство, – но приняли бы подобную визуализацию древние боги? Даже с учётом того, сколь неординарными вещами занималась контора. Это пространство словно предназначалось для того, чтобы у проходящего сквозь него оставались в голове только факты, свидетельства и доказательства, невзирая на

их природу – но никаких эмоций, чувств и иных накладывающих свой отпечаток на информацию аффектов.

– Я не рановато для аудиенции?

– Как насчёт свериться с хронометром... Нет? Ой, так, стало быть, это правда, – с уколом заметил Селестине секретарь, также сидевший в закутке, но отличавшийся от остальных тем, что его стол и шкафы были повернуты на девяносто градусов, и располагавший помимо обычных аппаратов собственным телефонным коммутатором.

– Надо же, Саржа способен не только утомлять косноязычием распоряжений, но и злорадствовать.

– Я делаю тебе одолжение, затягивая этот разговор, – ослабил он, не отвлекаясь от манипуляций со штекерами и контактами со скоростью паучьего набора конечностей.

– Ага, значит, я пришла раньше срока.

– И уйдёшь тоже. Безвозвратно. Впрочем, я не знаю, как у нас с увольнениями. На моей памяти ещё ни одного не было.

– Как так, даже инструкций на сей счёт не предусмотрено?

– Наверняка есть. А если нет, но понадобятся, меня же и попросят их написать.

– В смысле – прикажут?

– Я снова забыл, на какой помойке тебя подобрали, и зачем взяли на воспитание, потому как на манерах явственно продолжает сказываться гнилое происхождение. В вашей большой бандитской семье с неустановленным родством, может, и принято соперничать и погибать в драках за мелоч-

ное господство, но я был воспитан на признании иерархии и порядка. Не выйдет спора.

– Угу-угу. Аж напыщенно-длинных фраз отслонявил, как купюр из кармана. Воспитан – да в том же приюте, что и я, позволю тебе напомнить. И, похоже, когда образование продолжилось в Директорате, из мальчиков совершенно не готовили лидеров, не говоря уже о преемниках. Не находим ли мы здесь, многоуважаемый господин, цивилизованное проявление животного патриархального эгоцентричного доминирования? – Тут она облокотилась о стол и вкрадчиво спросила: – Слушай, из-за этого сплошного стола не видно, но на тебе сейчас случайно не кюлот-курт?

– И, пока никто не видит, уплетаю леденцы. – Выдохнул он и наконец-то дал рукам отдых. – Попробую втолковать тебе ещё раз, несмотря на все наши разговоры за эти годы: я и так, и так не существовал бы для этого мира. Я уже давно понял, что, по сути, я никто и ничто. Ко мне никогда не придёт ощущение самодостаточности. Так что меня устраивает, если я растворяюсь во всех этих трубках, проводах, лентах и бумагах, даже дополняюсь ими, во благо какой-то важной цели. А если повезёт, то моё имя сохранится для последующих поколений на каждом из бланков, что я подписывал. А уж какой я был по характеру – это додумает история, найдись определённый спрос на мой типаж.

Он замолчал, зарываясь в пену рутины, она не решалась ему ответить. «Проклятый храм коммуникаций», – подума-

ла она. Заминку разрешил вспыхнувший на его рабочем столе огонёк – оба знали, по какому поводу, а потому своё сообщение прекратили обоюдным кивком. ТЧК. Ей надлежало проследовать за медные двери, декорированные морской растительностью и зеленеющие окисью.

– Моя прекрас-ная С-селес-стина. Моя прекрас-ная и бес-спечная С-селес-стина. Моя прекрас-ная в с-своей бес-спечнос-сти С-селес-стина.

– Папá Блез, я... – начала она было отвечать тихому шепчущему голосу, неизменно растягивавшему и артикулировавшему аффрикаты и фрикативные согласные.

– Селестина, дорогая, мне не нужны оправдания или извинения, ведь из них я узнаю лишь о лизоблюдстве рассказчика, а меня интересуют подробности случившегося и отношение рассказчика к ним. Подробности из твоих уст. Письмо не передаст всех акцентов. Так что положи рапорт на стол и забудь тот бесполезный кондитерский крем, каким ты хотела его украсить. Знай: у меня уже есть версия твоей очаровательной напарницы. Лучше дополни моё знание деталями, какие ей недоступны.

– Папá Блез, всё же начну с того, что повторяю: мне так и не давал покоя тот инцидент месячной давности.

– На тебя столь сильное впечатление произвела смерть девяти человек?

– На меня произвело впечатление то, что мы в это время зафиксировали всплеск умбрэнергии на авеню де Сюфран.

А обрушившийся мост, как и положено мосту, располагался над каналом указанного проспекта, пересекал его. Это... это как если бы чайник закипел от того, что под ним, а то и вовсе рядом, размахивали факелом.

– Сомнительны что сравнение, что интерес. Произошла регистрация смерти. Резкой остановки движения. Моя витающая Селестина, вспомни уроки, – обхватывал он тот чайник прихваткой и убирал с жару и глаз долой.

– А по мне, так кто-то воспользовался новолунием и взорвал мост. И регистрировали мы не факт смерти, а приказ смерти. Не какое-то там уведомление, а инструкцию немедленного исполнения, эхо эффекта которого в точности совпадает с заданием, наложилось на запись, скрыло собой... Кто-то знает, как этим пользоваться. Понимаете? Да, мы экранировали и оцепили Выставку. Кое-как. И вот нашлась лазейка. Подрядчик сколько угодно может говорить, что дело в австрийцах-злопыхателях и бельгийцах... эм... в общем, бельгийцах-бельгийцах. Но – серьёзно, железобетон не по нраву? Из чего тогда вообще строить мосты? Он был не настолько уж и крупным, чтобы так драматично проявилась разница работы материала на сжатие и растяжение! Понимаете? – повторила она. И самой себе: «Пш-ш! Спокойнее, Селестина, спокойнее».

– Понимаю, что это стало твоей мотивацией, и иного умысла у тебя не было. Хорошо, можешь продвинуться на три недели вперёд. Или за это время произошло ещё что-то,

что ты б хотела подключить к рассказу?

– Нет, всё было тихо. И, наверное, через какое-то время я бы успокоилась и вымарала из памяти сочетание «апрель» и «29», отбросив любые предположения. Если бы не новый всплеск. Радиусом в сотню метров. Без антропогенной причины, на которую его можно было бы списать. Накануне безлунной ночи.

– Накануне безлунной ночи, когда ты была на дежурстве. И когда носимые аппараты бесполезны.

– Д-да. Оставь я его в штабе, всё кончилось бы слегка по-другому.

– Итак, что ты сделала?

– Раз носимое было бесполезно, я заставила телеметристов сделать копию снимка флю-мируа с наложением на карту района, и, пока они возились, растормошила уже сонную Сёриз...

– Хоть что-то по уставу. – «Тихо, девочка, тихо».

– И мы вдвоём отправились к периметру выставки. Прибыли к авеню Мот-Пике. По флюграмме получалось, что после всплеска энергия всё-таки рассеялась установленным барьером, но в районе набережной ещё оставался размытый очаг – чертовски близко к Тур-де-труа-сан-мэтр. Её, конечно, дезактивировали на ближайшие полгода, но...

– Но проверить не мешало, это я тоже могу понять. Но всё же не имею оснований полагать, будто вне нашего ведома кто-то смог бы ей воспользоваться.

– Здесь спорить не стану, *имея то основание*, что не в ней было дело, предметом интереса не было воздействие на неё. Событиям не хватает... грубости, что ли, прямоты.

– Как я догадываюсь, это последнее, в чём ты уверена?

– Н-нет. Это была игра вслепую. Мы решили разделиться, зайти под разными углами. И надеялись, что остатки всплеска отразятся на носимых флю-мируа. Я выбрала маршрут по направлению к набережной, западную половину Марсова поля, а Сёриз предложила начинать уже с набережной, проверить башню, затем двинуться на тот берег и прощупать обстановку там. Она согласилась, мол, давно не играла в «трёх слепцов и слоновий хобот» – хи-кхм, извините, папá. И потом, преодоление открытых пространств для неё не проблема, у неё со скрытностью всегда было лучше чем, у меня. – Селестина сделала паузу, но...

– Комментария, за его очевидностью, не будет.

– В общем, Сёриз устремилась дальше по авеню Бурдоннэ до входа №15-бис, а я направилась к ближайшему – №19. Проблем с проникновением не было. Преодолела Дворец электричества, залы сельскохозяйственной техники и котельного оборудования – всё было тихо. С охраной не пересекалась, но решила всё же при первой удобной возможности подняться выше, на эмпоры. Возможно, оставайся я внизу, и разминулась бы с теми ребятами, но высота открывает перспективу...

– И поэтичность слога. Итак, те «ребята».

– Трио с военной выправкой. Действовали слаженно, один явно командовал двумя другими. Однако общались редко, больше жестами, а если всё-таки случалось обронить слово, то по-французски, с заметным акцентом, славянским, как по ощущению. Позже у меня укрепились убеждённости, что – русским, насколько доступно сопоставление воспоминаний о погоне и моём, столь усердном, исполнении роли дичи, с тем, что всё чаще можно услышать в городе в последние несколько месяцев. А, и с учётом того, что один из них сорвался и перешёл на родной язык – от шока неожиданной встречи.

– А помимо этих двух лингвистических заключений были сделаны ещё какие-то? И чем эта троица занималась?

– Помимо выправки и слаженности выделялась их основательность. И дело не только в том, что они окружили один из стендов какими-то аппаратами и делали замеры, я бы сказала, по установленной процедуре, но и в том, что эти аппараты утром ещё как-то вывозить нужно, тихо и незаметно. Можно предположить, что они им нашли укрытие прямо в галерее. Укрывать они умели и себя: я едва смогла заметить пояс ширм, предотвращающий их обнаружение, скажем, простым охранником Выставки, даже будь у него фонарик. И время идеально выбрали: ночь без светила. Да и оно, полагаю, им бы не особенно помешало. Короче говоря, это не случайная шайка бандитов, но профессионалы своего дела. Но вот каково их ремесло? Уж точно не ремонтом без свидетелей они

там занимались.

– То, что они делали, весьма похоже на описание приёмов нечистоплотной конкуренции, скажу тебе так, внимательная Селестина. Пускай, что и весьма причудливым.

– Значит, они в любом случае преступники. А, как говорят, преступники часто возвращаются на места своих нечестивых дел. Учитывая их оснащённость и крайнюю дотошность в действиях, можно предположить, что это был не последний визит – явно сорванный. Можно попробовать прийти туда днём и понаблюдать за теми, кто крутится рядом.

– Разве тебя не опознают?

– Лица он не разглядел.

– «Он». Закрываю, что внимание ты собралась сконцентрировать на поисках одного.

– Моего преследователя, да. Его поведение к этому подталкивает.

– Но знаешь ли ты, кто «он»?

– Нет, его лицо я тоже не разглядела. Кажется, он и вовсе был в маске. Но рост и пропорции я запомнила.

– Между прочим, как он тебя догнал?

– Я не... Я не поняла, но слышала какие-то лязг и шипение за своей спиной, а потом – и его самого, бывшего уже на моём этаже, необычайно высокого и быстрого. Я пыталась выжать из пассивов всё, что могла, но перемещалась за раз лишь на несколько метров, долбаные азимуты...

– Сладкоголосая Селестина...

– Простите, папá. Но он всё равно мог догнать меня ещё внутри. Помещение уже кончалось, мимо меня что-то просвистело и разбило окно, я в него выпрыгнула и приземлилась на тент, сползла в сторону и затаилась. Он меня потерял из виду. Так мне казалось. Я продвигалась к набережной, прячась в тенях. Луна уже скоро должна была выйти на минимально допустимый азимут. Я надеялась, что Сёриз увидит меня с той стороны, и поймёт, что надо удирать.

– Она застала финальную сцену этого авантюрного приключения, хоть и немного разглядела с того берега.

– Ага. Было тихо и чисто, я прокралась через павильоны и киоски, не поняла, где там Сёриз, но осознала, что ждать всё равно нельзя, а ей опасность не угрожает – в крайнем случае, перемещусь прямо к ней, – и вдруг снова он. Должно быть, как-то заметил отблески флю-мируа, пока я вертела ис-диспозитиф и пыталась активировать... хоть что-нибудь. Только он схватил мою руку и собрался её вывернуть, как появился спасительный сигнал. В последней отчаянной попытке я наподдала своему ухажёру – не тащить же его за собой? Тот, казалось, отпрянул, но всё-таки продолжил борьбу и неуклюже свалил меня в воду... Вот только я до неё не долетела.

– Но оставила ему на прощание частичку себя.

– Да, папá Блез, такая уж у нас, молодых, романтика.

– И всё же, несмотря на пережитые злоключения, ты не считаешь, что он связан с апрельской трагедией.

– Спасибо, что не придали утверждению форму вопроса. Не считаю. Трио занималось какими-то своими мелкими, но вполне конкретными и материалистическими делами, а местоположение было на периферии очага флюграммы.

– Простое совпадение?

– Простое совпадение с неприятными последствиями. Уж если где мёдом намазано, туда и пчёлы, и мухи...

– Что ж, тогда оставим этих негодяев полиции, если соизволят попасться. У нас другие заботы.

– Но...

– Я помню, что ты хочешь найти его, однако устраивать засады и ссориться с русскими мы не будем.

– А если это другие русские? Нанялись в услужение кому-то другому?

– Наёмники промышленного шпионажа? Совсем не наша забота, моя чуткая Селестина. Могу послать весточку в генеральный комиссариат Выставки и на Орфевр, – но на том и всё.

– Как скажете, папá Блез, – покорно ответила она, не найдя место, куда направить взгляд. Посмотреть ему в лицо не посмела, признавая свою грубую оплошность. Уткнуться в грифельно-серые стены? Нет, чудаковато. В позолоченные – или и впрямь золотые? – египетского стиля элементы и предметы, без перебора и со вкусом расположенные то здесь, то там, добавлявшие благородства монотонности стен? Тоже нет: можно начать бесстыже глазеть. И уж явно не

в неопределённого цвета потолок или черно-белый, вызывающий своим частым контрастом тошноту, шахматный пол, каковой только и объединяет кабинет папá Блеза и остальные залы... Который вдобавок пронизывала стеклянная, наполненная водой и уходящая глубже под землю пирамида, этот пугающий саркофаг прямо посреди... Ох, надо уходить.

Селестина уже взялась за ручку двери и, встретив взглядом на предплечье непривычно простую, ничем не скрытую ткань платья, ощутила тоску.

– И что теперь будет или уже случилось с моим ис-диспозитифом?

– Ничего. Мы не можем послать сигнал агрессивной деградации компонентов. Точнее, сигнал не находит адресата.

– Его куда-то вывезли?

– Разве что за двадцать тысяч лиг, говоря утрированно. Полагаю, он в городской черте, но во время отправки сообщений устройство не сообщается с урбматерией и Течением ни при каком посредстве. Забивать же канал зацикленным сообщением, как ты понимаешь, я не намерен, так что оставляю попытки поиска техническими средствами. Остаётся думать, что через какое-то время всплывёт на блошином рынке, будучи недооцененным. Твой ночной спутник вряд ли способен воспользоваться им. Скорее уже разломает в процессе, каким бы педантом ни был. Верно ли предположение, что ты перевела устройство в пассивный режим?

– Сообразила это сделать. Ещё до выезда.

– Что ж, в крайнем случае, через полгода пошлём сигнал по реактивированной башне.

– Стало быть, ис-диспозитиф в городе, но не откликается?

– Да, такое возможно, если он либо на выключенной и экранированной или ещё не подключённой территории, либо, коль скоро не сочленяется с городской тканью...

– ...Находится над ней!

– Ты сама подбрасываешь – себе, прежде всего, – этот вывод, заявляя, что слышала русскую речь. Моей задачей было показать, как ты увлекаешься, моя милая Селестина. Тем не менее, позволяю проверить в дневное время ту местность в поисках ис-диспозитифа – его могли выбросить или припрятать, – а также предписываю на ближайшие две недели вывести патрули для проверки территории Экспозиции в часы прилива – особенно главного в этом году. При наличии свободных ресурсов персонала. Выплёскивание есть выплёскивание, хоть, как по мне, то лишь стекающая с бокала пенка. Кто я такой, чтобы спорить с нашей машинерией?

– Спасибо, папá Блез!

– Но новый ис-диспозитиф до следующего месяца не получишь, отдаю тебя во власть напарницы. Как бы ты не предполагала обратного, она тоже подвергалась опасности. Минимизируем риски на ближайшие недели.

– Спасибо... папá Блез.

– Не успокойся ведь, если не конвертирую твои донесения в действия. Всё для вас, дети мои. Ну, ступай, целе-

устремлённая Селестина.

«Брысь отсюда», – приказала она себе. Добрые глаза сытой змеи и ласково шепчущий голос папá Блеза провожали её тем же пожеланием.

В приёмной её уже поджидала Сёриз.

– Что ж, с возвращением в мир живых!

– Да я не то, чтоб Эвридика – или кто там ещё возвращался? И вряд ли мир живых начинается здесь, – кивнула она в сторону клерков. Саржа не встрял с репликой, поскольку был занят телефонным разговором.

Напарницы и подруги перешли в другое крыло здания, где поверхности ещё не были поглощены токопроводящими лианами, перекинулись парой слов со встреченными коллегами, в том числе донеся и последние распоряжения, добрались до комнат отдыха, и, безо всяких манер, шлёпнулись на диван.

– Знаешь, а могла бы и сказать, что была у папá до меня!

– Попробуй тебя найди. Ай!

– Ай!

– Ай! Прекращай!

– Ай! Нет, ты!

Так завершилась ожесточённая война щипков.

– Ну, каков план, Сели?

– Шаг первый. Нужно будет туда вернуться. И ночью, само собой, и в светлое время суток. Шаг второй – придумать шаг второй.

– Краток, что твой Наполеон, вот только с амбициями хуже.

– Ну, папá не против осмотра Выставки, так почему бы в процессе пару раз не удлинить маршрут обхода? Честно, всё будет зависеть от того, с кем мы имеем дело. Знают ли они вообще, что урвали? Если знают, то как применяют? И способны ли применить?

– Полагаю, хуже всего будет сочетание «не знают, но способны».

– Точно. А это вполне вероятно, хоть и не призналась папá. Не они вызвали тот всплеск, но это вообще будет чудинка грядущего века: не знать, как что-то работает, но знать, как этим пользоваться.

– Будто только грядущего. Но для использования в качестве инструмента им всё равно потребуется кто-то вроде нас. И это ещё нужно знать, что нужен кто-то вроде нас. Или даже знать, *что* нужно знать, чтобы знать, что нужен кто-то вроде нас.

– Ты не видела всей той аппаратуры, что они притащили с собой, – найдут, к чему прицепить.

– Так, может, нечего нам здесь рассиживаться?

– Нет, время у нас ещё есть. И потому, что они, скорее всего, ещё *не знают*, и потому, что сейчас их вожак, судя по всему, получает точно такой же нагоняй, что и я. Без сомнений, они туда не просто так зашли, не сэкономить на входном билете. Но интересуют их сугубо приземлённые мате-

рии. Папá Блез предположил, что они срисовывают приборы соперничающих фирм, чтобы облегчить жизнь учёным и инженерам нанимателя.

– Ты, кажется, говорила, что это русские.

– Которые от безделья или безденежья могли кому-нибудь продать свои услуги.

– Прекрасно. То есть у нас и старая проблема осталась, и новую теперь решать надо. Причём неизвестно, связаны ли они между собой. А если связаны, то насколько плотно. Обожаю такие развилки.

– Во славу старых богов. Эта дрянь на Сюфран не случайна. Кто-то будто проводит эксперименты, настройку, тесты. Возможно, откуда-то по-тихому подпитывает. Но почему там?

– Стоп-стоп. Для начала сойдёмся на том, что кто-то делает это намеренно. Чудненько. Значит, мы ещё не утратили контроль. Но кто-то пытается его у нас отобрать. Точнее, откусить от пирога. Всё это действия обратимые и локальные.

– Как-то я не уверена, что «откусить от пирога» – обратимое событие, разве что сама попытка. Но, вероятно, именно из-за видимого масштаба папá и не придаёт этому особое значение: ну да, миноры иногда находятся, пару раз даже с жертвами, но серьёзной конкуренции мы не встречали уже давно.

– Ага. А если не встречали, то и не знаем, как они, если бы существовали, могли развиваться, на какой машинерии вы-

страивали своё влияние. Что подводит нас ко второму пункту: мы не понимаем, что это было. Ты говоришь, что тогда была отработка приказа. Но сейчас-то моста нет. Что такого на авеню Сюфран?

– Да всё и ничего. И на флюграмме всё такое размытое... Да ещё если и картографическую погрешность принять...

– Сели, не отчаивайся! У меня есть соображение. Допустим, эти два инцидента связаны лишь лицом, инициирующим их, – но не намерениями. В первом случае он, скажем, проверял силу и чёткость своего воздействия. А во втором – просто использовал уже обкатанный участок.

– Использовал, чтобы что?

– И у меня вновь есть соображение. Ареал размыт не потому, что ночь была безлунной, рядом река, куча строений, почва имеет особые физико-химические свойства. И не по причине прочих недостатков геологии и телеметрии. Скорее, из-за этого как раз второй случай, в условиях общей тишины, и не прошёл незамеченным. Я в большей степени готова поверить, что мы успели пару таких случаев пропустить ещё ранней весной. Нет-нет, суть в том, что мы не учли и неправильно восприняли для себя направление движения всплеска: он был центростремителен, а не центробежен.

– Кто-то снимал лёгкую пенку...

– Ага-а. Погоди, откуда у тебя такое сравнение?

– Мы же на одной волне, дорогая.

– Во всяком случае, он не жадничал. Брал отовсюду по-

немногу, докуда мог дотянуться. Такое, что, если не трогать, штабные флю-мируа и не отразят. Прошлоночный случай я, таким образом, называю включением в сеть, подпиткой чего-то другого.

– Тоже не очень радуется, поскольку означает наличие развёрнутого во времени плана. Но пока не о том. Ты говоришь, что всплеск центробежен и был подпиткой. Но мы на флюграмме не видели, хм, «соломинки», которая бы и вытягивала пенку, прихлопывая.

– Вот потому и не увидели, что «прихлопывая». Говорю же: он не жадничал, впускал и пустопорожнее; что затянулось, то затянулось. А отводил, на то похоже, не одним каналом – рассредоточивал между несколькими. Но куда-то же они всё равно должны вести. И это третий пункт, который пока что останется без ответа: куда?

– Потому что в целом сопряжён с вопросом «как». Мы видим не то, что нужно увидеть. Здесь, пожалуй, и моя вина: я слишком близко встала к полотну.

– И даже протёрла его носом. Что, если рассмотреть совокупность вопросов под другим углом? Пойти не за тем, что находится в нашей компетенции – так мы обречены бродить впотьмах, – но за теми, кто может проявить интерес к тому, что находится в нашей компетенции.

– В доме, который построил Джек. Твоя любимая конструкция на сегодня, да? Ай!

– Ай!

– Ну, хватит! Стало быть, пойдём в обход. Думаешь, кто-то из миноров и этантов может и вправду что-то знать? Стал бы такой интриган связываться с ними?

– Действо не обошлось без приготовлений, а то и поиска кредиторов, если в основе лежит расчёт.

– А «развёрнутый во времени план» этого требует, должна я согласиться.

– Где-то да остался след. Если он и не связывался и не консультировался, то они всё равно могли что-то почувствовать или подслушать-подсмотреть.

– Ой ли? Ты сейчас точно говоришь об этантах?

– Ну, ты поняла, я про первых, про обычных. Благо что они любят сбиваться в компанейки и побузить об утраченном и не давшемся. И кто их будет слушать?

– Никто, кроме подобных и таких же маргиналов не из круга. А ты знаешь: непременно найдётся богатенький последний представитель рода, готовый в поисках субстратов, утончённых, как его траченные наследственным сифилисом извилины и нервная система, профинансировать подобную бредятину.

– И всё непременно ради какой-нибудь утопии.

– Правильно, а где утопии зарождаются лучше всего?

– На дне бутылки. Утопать дальше некуда.

– И в творческой среде. На их пересечении.

– Не-ет, – хмыкнула Сёриз, – только не этот дурацкий холм. Ну, пожалуйста! Уверена, что не где-нибудь на юге или

на востоке? Отчего не в Латинском квартале?

– Можно и там. Уж не знаю, отчего это ты подумала, что я строго про разврат Монмартра? Ай!

– Ай!

– Тем более что юг у нас действительно есть: Монпарнас куда лучше подходит для подготовки к подобным проектам. Но, возвращаясь к Холму и Латинскому кварталу, скажу, что разговорить там кого-то – значит, пококотничать, а потом надеяться на то, что он возьмёт и проболтается в пылу страсти или пьяном безволии. Меня эта перспектива не очень радует. Более того, наш потенциальный подозреваемый или его покровитель наверняка уже вылетели из Сорбонны либо же никогда там не учились. Без знания, каким арсеналом пользуется наш любитель авеню де Сюфран, сложно предположить, какой направленности образование он получал и к чему тяготел. Также слегка бесполезно у местных щуплецов спрашивать: «А у вас тут радикалы не пробежали?»

– Могут и на свой счёт принять.

– Угу. Проще сразу, держа ушки на макушке, покрутиться в церквях возлияния на ролях служки, где бражируют... тьфу, барражируют все интересующие категории.

– Это ж прорва забегаловок!

– Попрошу выделить нам подкрепление. Или хотя бы предоставить кого-нибудь на флю-мируа, чтобы тот откалибровал его под нужные эманации. Благо что миноров отследить – не проблема.

– Э-эх. Пойду искать наряд «привет, становлюсь катринеткой, подкормлю гения галеткой».

5

Михаилу Евграфову снилось дурное и чудное. Если кто-то и утверждает, что во сне возможно разрешить задачи, неразрешимые перегруженным повседневностью сознанием, то это был определённо не тот случай. Если сравнивать измятую постель с исписанным листом бумаги, то всякий мог бы заключить, что сегодняшний сон Михаила был подобен признанию обитателя дома скорби.

Отвратительный сон без перерывов и пауз, совершенно монотонный. Он видел чудовищную машину, отдалённо напоминавшую паровоз, собирающий рельсы и шпалы впереди себя. Аниматическими клешнями, следующими сложным механическим алгоритмам, не то из отливавших чугуном и латунию зиккуратов, не то из вагонов, следовавших за ним, брал компоненты и раскладывал их с нечеловеческими точностью и быстротой, перемещался вперёд, и начинал процесс заново, однако в какой-то момент что-то изменилось, и паровоз перестал двигаться, но нарастил манипуляторы в длину – по одному за раз поочерёдно каждый из них был улучшен соседями – и протягивал пути, насколько хватало структурной выносливости металла, а потом стал собирать некую маши-

ну, по завершении сборки ставшую паровозом невиданной аэродинамической конструкции, и вот этот современный паровоз оказался прямо впереди своего предшественника – и укатил вдаль, через какое-то время сойдя с недостроенных путей, тогда паровоз-старичок повторил сборку, на сей раз его детище не укатило, но и двигаться не стало, тогда он добавил ему манипуляторы и начал передавать рельсы и шпалы для дальнейшей сборки, тот исправно выполнял обязанности, но потом отчего-то начал разбирать и своего творца на детали, причём какие-то из них, вроде клёпок, шли для улучшения дороги, а какие-то – наращивались на его обтекаемый корпус наподобие клыков, рогов, бивней, гребней и прочих костных наростов, и так, пока не остались одна лишь топка с котлом, колёсные пары да какие-то продырявленные картонки, – Михаилу каким-то образом удалось оценить поэтичность их содержания, – тогда топку рассекли многочленные манипуляторы, соорудили из неё и колёсных пар что-то вроде фонаря-коляски и поставили впереди состава так, чтобы жар и свечение оповещали дикое пространство впереди о приближении, остальное тоже как-то рассосалось, и завершилось всё тем, что картонки были применены как губная гармошка, нахлобученные вместо свистка на одной из труб, и издавали они мелодию совершенно неудобоваримую, сообщавшую нечто, одному лишь организованному нагромождению металла известную, и разжигала она огонь в топке, и двинулся состав, подцепив пустующие вагоны, и поезд этот

почему-то двинулся на Михаила, очутившегося на линии его движения. И Михаил уже буквально начал чувствовать его жар, как поезд-монстр отнюдь не чуфыкнул – зверино взревел, затрясся на путях так, что они пошли волнами, а затем... Взорвался. Мгновение ничего не происходило. Глаза застил пар, будто готовившийся превратиться в белёсую смолу, что заключит и Михаила, и поезд в гигантскую каплю столь же белёсого янтаря. Но всё же он рассеивался, и Михаил увидел, что на расстояние аршина к нему неспешно подкатился тот поезд – с развороченным паровым котлом, десятки труб которого внезапно высвободившееся давление превратило в подобие железных щупалец – отчего-то уже ржавых. И этой ржой, особенно сильной на рваных краях со стороны отсутствующей дверцы дымовой коробки, они, описав уродливую параболическую дугу, метили в Михаила – жалкого человечка, которого вывороченная махина готовилась если не употребить в пищу, то уничтожить, сделать неживым, подобно себе; быть может, присовокупить, наполнить паром его кишки... И он бы им отдался... Да, ржешупальца медленно, но неукоснительно придвигались к Михаилу...

Проснулся он с горячим лбом и в поту, достойном кочегара, но мозг его продолжал выдавать образы и переваривать мир всё в том же ритме – или его отсутствию. Но всё же он смог сформировать главную для него на данный момент мысль: в секцию паровозов на Выставке он не пойдёт. «Ну, эти О^д, Θ и Ц».

Тут он провалился во второй сон. То было также видение о паровозе, но отличное от предыдущего. Он видел паровоз, у которого на приводных колёсах вместо поршней были лошадиные ноги. А затем он увидел, что паровоз этот движется по путям, проложенным по гигантской часовой стрелке, и уже близится катастрофа, но тут поезд взмыл пегасом и исчез. А часы остались. И стрелки были готовы отсечь Михаилу голову неумолимой медленной гильотиной. Но чем ближе они становились к горлу, тем больше изгибались, обхватывая его шею. Но вместо того, чтобы задыхаться, он ощутил духоту. Слово родственное, но означающее другое. Стрелки тоже начали казаться никакими не стрелками с игрушечной железной дорогой на них, но щупальцами, лишёнными присосок, зато испускавшими из своих окончаний лучи света, которые, правда, не делали предметы ярче, зато мгновенно приближали их, пожелай того Михаил. Но желал он лишь разрешиться от обвинившей его мерзости, и потому направил лучи друг на друга и сгорел в потоке света.

Сгорел для того, чтобы фениксом возродиться в своей каюте. Был уже давно не тот час, когда трудолюбивому человеку пристало покидать кровать, – но ничего, его график большей частью ночной. Из дел на сегодня ждал отчёт, кое-какая возня с чертежами и новая экспедиция, если на то дадут разрешение. Думая об этом, он также размышлял и о том выговоре, каковой непременно получит от руководителя за тот провал. Если речь и вовсе не пойдёт об отстране-

нии. При этом он почувствовал странное ощущение в районе шеи, будто его не то что ударили, но и впрямь пытались придушить. «Вероятно, реакция от слишком тугого форменного воротничка», – предположил он. Хотя было и что-то другое. В перерыве между снами, в том горячечном пробуждении, казалось, в его каюте притаился кто-то ещё, какой-то непонятный тонкий тёмный контур нависал над ним. Прикинув варианты, предположил, что то была тень от дерева или столба на ипподроме, куда ранним утром дирижабль опускался. Но духота-то откуда взялась? Он ведь оставлял иллюминатор приоткрытым... Хотя сейчас он был закрыт на поворотную щеколду. Неважно. Его взбудрили разминка и холодный душ, – Солнце отчего-то так и не прогрело трубки, связанные с резервуаром. Однако бриться он не стал – щетина позволяла лишние двенадцать часов подобной вольности, – чтобы не усиливать раздражение на шее. Далее его ждали завтрак сытным офицерским пайком в кают-компании под общение с командирами других отрядов, вышедших этой ночью на смену и уже сдавших не слишком интересные короткие отчёты – и пора уже самому на ковёр. Признаться, Михаил этой встречи не страшился, но ждал.

Его беспокоило то, что трое суток представленный им отчёт не находил адресата. Физически, безусловно, дошёл – для того курьерская служба, увитая проводами, радиоволнами и бумажными лентами, и существует. Во всяком случае, беглое знакомство состоялось. Но ведь донесение было не из

тех, что можно положить в долгий ящик, какое-то ответное распоряжение должно ему воспоследовать! Впрочем, то могла быть небольшая уловка, чтобы проверить, не замутит ли кто омут, – но на уровне исполнителей всё было тихо. Значит, свидетелю их дел так и не удалось найти применение своему знанию, либо же раскрытие этой информации могло быть невыгодно по тем или иным причинам. Или это тоже было ответной уловкой: не занервничает ли кто? Возможно, в это самое время подбираются крючок поострее да леска потолще. Что ж, вот и повод узнать, для чего это всё на самом деле.

Михаил, насупившись от дум, продвигался к именной каюте на верхней палубе «Александра II Освободителя», флагмана воздушного флота, чересчур роскошного, чтобы быть летающей лабораторией и чертёжной мастерской. Но, пожалуй, все призванные на борт заслуживали эти месяцы великолепия, какими бы чудачками или посредственностями при том ни казались по первому впечатлению. Дирижабль внушал достоинство каждым своим элементом, – но не себе самому, будь у него самосознание, а всем, кто был причастен к его созданию и эксплуатации. Это был лучший монумент человеческому гению. «Не безошибочному, не идеальному, но подошедшему к самой грани совершенства», – набирался Михаил источника судном духа. Он был готов и собран, он создал в сознании понятийно-поведенческий конструкт, отвечавший запросам предстоящего.

Вот и каюта в носовой части, прямо над рубкой, больше похожая на аквариум, до краёв залитый светом и со столь превосходной, не допускающей сквозняков, вентиляцией, что, казалось, та была способна не только поддерживать воздух свежим и чистым, но и отфильтровывать из пресыщенной фотонами среды отринутые наукой – ещё прошлого века – флогистоны.

– Ваше превосходительство, лейтенант Императорского флота Евграфов для дачи показаний по предоставленному рапорту прибыл!

– Хорошо, лейтенант, походите. И запомните: я ведь человек не военный, и более ценю дисциплину ума, нежели всю эту муштру. А у вас ум, надо признать, дисциплинирован. И я это говорю, имея в основании не только поданные вами за всё это время бумаги. У вас за плечами Минный офицерский класс и Императорский электротехнический институт с отличием, а также рекомендации моего хорошо знакомого коллеги Александра Степановича. Да, молодой человек, он вас запомнил. Вот почему вы и были выбраны в экипаж. Я лишь убедился, что не зря. Сейчас же я хочу подвергнуть испытанию некоторые свои и ваши выводы по поводу произошедшего. Прискорбно, что сорвались мероприятия по исследованию вязкозного аппарата. Чудесный материал, чудесная технология. Я уже вижу её применение для воздушного флота, да и не только. Надеюсь, появится возможность воспроизвести технологический цикл в условиях нашего маленького

го летучего института. Но простите мне эту стариковскую мечтательность. Есть ли у вас какие-то дополнения и замечания по поводу визитёра, вызревшие за время ожидания этого разговора?

– Господин Менделеев, я не включил это в отчёт, но, похоже, за нами наблюдала женщина.

– Вот как? Женщина!

– Да, её костюм был более похож мужской, но всё же скроен по фигуре... И я уверен, что мужчинам подобные пропорции физиологически не вполне пристали.

– Так-так. Это вы разглядели, а что же лицо?

– Оказалось затемнено по естественным причинам, как я и отметил в рапорте.

– Но откровенно пол отчего-то не упомянули, пошли на лингвистическую хитрость: в вашем рапорте фигурирует то «нарушитель», то «наблюдатель», а то и «неустановленное лицо».

– Прошу простить моё плутовство. И покорнейше прошу простить, если оно оскорбило ваше превосходительство. Манёвр предназначался не для вас, но звеньев фельдъегерской цепочки...

– Которые могли бы слишком эмоционально воспринять упоминание слабого пола в эдакой комедии. За это, лейтенант, прощаю. Тем не менее, что же вас заставило в совершенно первобытном духе побежать за ней – вместо принятия боевой стойки и спокойного произведения выстрела из та-

бельного оружия, как предписано штабными гуманистами? Вряд ли выстрел из «браунинга» оказался бы громче той погони по железным мосткам, что вы устроили, и звона стекла от залпа пневмоштуцера. Залпа, под который могли попасть и вы.

– Да, к сожалению, мичману Деспину удачная позиция так и не подвернулась. Моему же поведению твёрдого оправдания нет, однако двигало мной желание задержать любопытную персону: те шаблоны, что мы себе изобрели для подобных случаев, к ней не подходили. И продолжают таковыми оставаться.

– Слишком обширное заключение, чтобы с ним спорить. Любопытно иное: кто же способен додуматься использовать женщину в столь деликатном деле?

– Ваше превосходительство, вынужден с вами не согласиться: история знает примеры, когда женщины наносили решающий удар.

– Ядом, кинжалом и подлогом, но не в роли «наблюдателя», чтобы затем – что? Засвидетельствовать увиденное без материальных доказательств? Вы ведь при последовавшей за этим уборке не обнаружили никаких оброненных блокнотов или тем более разбитых фотоаппаратов и их частей?

– Н-нет, ничего для фиксирования информации, – тут он почувствовал в кармане вес точно-не-хронометра.

– Не могла ли она оказаться там случайно? Тайное свидание? И побежала она от вас, потому как испугалась вашей

грозной униформенной ватаги – как вам такое?

– Обычная девушка с большей вероятностью оцепенела бы от страха. И вскрикнула. И уж тем более постаралась бы не задерживаться там, где очутилась, если, разумеется, встреча не была назначена в химической секции, в чём так же можно усомниться.

– Ну почему же, там рядышком парфюмерный отдел. Достаточный повод для ветреных голов и пламенных сердец – не находите?

– Где же тогда ухажёр? – удивился своей дерзости Михаил и потупил взор.

– А хороший вопрос. Сбежал, завидев вас? Или же так и остался незамеченным?

– Мы в соответствии с инструкцией установили ширмы, всё это время они работали, как и задумано, наш ярус был чист, а стук обычных каблучков по железу верхней галереи мы бы и сами слышали.

– Обычных. То есть тем самым вы намекаете на два возможных обстоятельства. Первое: вы не установили зонтичную ширму. Второе: подошвы у гости были необычными. Неподготовленные вы, подготовленная девица. И костюм у неё непростой, и обувь бесшумная, и час для прогулок выбран неслучайный... Выходит, она там была неспроста? И сообщников не было? Любопытно. Без доказательств и уличёрная. Даже для некой дипломатической, в широком смысле этого слова, игры этого мало. А каких-то других улик

не получить. Что лучше в условиях неполноты данных для оценки ситуации: отнестись снисходительно, как к курьёзу, или со всей возможной серьёзностью, как к прологу трагедии о стольки-то актах? Думаю над тем, чтобы не выпускать мобильные группы в рейды, переместить всё наземное оборудование и свернуть операцию на какое-то время.

«Вот оно!» – тут Михаил понял, что можно попробовать поднажать, начать вести беседу. Потерять он мог многое, но прояснить этот вопрос всё же стоило хотя бы в рамках расследования, дабы отместить одну из версий.

– Ваше превосходительство, господин Менделеев, не возьму в толк столь уверенное предположение о том, что это может быть часть какой-то игры. В стране-шестиугольнике весьма развита журналистика. Наша фам-фаталь могла быть из газетчиц, а им для своих статей порой достаточной одних лишь голословных измышлений. Растиражировали мнение, а дальше само покатилося.

– А газетами будто никто не владеет? – с прищуром взглянул на него стоявший напротив пожилой господин. – Вы, ваше благородие, кое-что упускаете. Если она и в самом деле пришла туда из-за вас, это означает, что она знала либо когда вы придёте, либо *откуда* вы придёте. Первое предполагает разглашение тайны одним из членов экипажа, имевших доступ к графику этапов операции. Второе – либо подобной изменой, либо осведомлённостью о способах доставки и эвакуации, а для этого пришлось бы не меньше месяца каждую

ночь просиживать где-то неподалёку, выжидая удобного случая. Случая, каковых, наверняка, было полно и до этого. Для какой-то там газетчицы, пусть и подозрительно экипированной, это слишком много и слишком долго, не говоря уже о проблематичности получения отчётливых кадров с безопасного расстояния при таком-то естественном и искусственном освещении. И вперёдсмотрящие уж наверняка бы разглядели блеск линзы и тем более фотографическую вспышку. А если бы снимок или фильм были сделаны, то зачем же пытаться подойти ближе? Чтобы подслушать речь, непохожую на родную, и поглазеть на малопонятные мельтешения? Да чёрта с два! Следующим же утром картинка, сочащаяся чёрной патокой остервенения, украшала бы первую страницу, а сопровождал её – полный пустых намёков и пространных обвинений текст. Будь это индивидуальный, авторский репортаж. В случае фильма – экстренный сеанс для всех желающих, освещающий поразительные и неожиданные ракурсы дружбы наций. А заодно, прямо скажем, и прорыв в области синематографии. Как мы знаем, так ничего и не опубликовано. Такой материал завернуть никак не могли. Это же скандал года. А скандалам нужно кипеть и бурлить, обжигать едким горячим жиром. Вы правильно сказали: растиражировать мнение, а дальше само покатится. Но что дальше-то? Изданию – популярность, но мы, хоть и сели в лужу, а вышли бы сухими из её мутной воды.

– Так Генеральный комиссариат Экспозисьон Универ-

сель и готов всё простить?

– О, отнюдь, месьё Пикар потратил немыслимое количество времени и каплею для горла, убеждая экспонентов в безопасности размещения машин и продукции на отведённой под Выставку территории, а потому в крайней степени счёл бы подобное оскорбительным и недозволительным. Но факты, улики-то где? При текущем политическом раскладе даже представители оппозиционных друг к другу группировок будут в унисон нашёптывать одно и то же: всё сговор, всё клевета против русско-французского союза, всё от возмутительного пропагандистского успеха самой Выставки.

– Стало быть, вы исключаете, что то мог быть заказ раздосадованных партнёров? Ведь вы тоже правильно сказали: газетами кто-то владеет.

– Каких ещё партнёров?! А-а, я прямо-таки вижу, как ваше небритое лицо ощетинивается. Знаю, куда вы клоните. Ещё в тот день я понял, *что* вам не по нраву. Только не спешите с выводами, молодой человек. Могу вас сразу заверить: всё, что вы делали, вы делали для отечества. И только для него. Допустимы предположения о банальном шантаже и происках конкурентов. Однако первое исключается, поскольку к нам бы уже обратились с предложением выкупить материалы, пока мы не пошли в контратаку и не подготовили опровержение. А второе следует понимать следующим образом: кто-то поделился с газетчиками информацией о том, что за дирижаблями стоит приглядывать вне, ска-

жем так, конкурсной программы и предлагаемых российской стороной, то есть нами, мероприятий. Не скопировать технологии – а похоже, что ресурсов хватило только на незначительные сведения, – так выставить всё в невыгодном для нас свете, опозорить и дискредитировать. Почему газетчики? Да потому что их не жалко, сработай на них аналогия третьего закона Ньютона. Хотя совершенно не настаиваю на том, что так и было. Рекрутировать для своих нужд могли и кого-то ещё, просто удобный пример, к которому вы сами и подвели. Кто знает, каких диких пинкертонс сегодня можно встретить и нанять?

– Вы не...

– Всё я да. Теперь насчёт предполагаемых партнёров. Их нет. Мы намекали на кооперацию в вопросах промышленной разведки, однако они хотели только проверенной грубой силы и готовой продукции; отчасти потому, что опасались разглашения этой договорённости членами очередного развалившегося кабинета, так что понять их можно. Ну и чудесно. Прекрасно вписывается в нашу концепцию протекционизма: они нам капитал, мы им товар. Уж извините за циничное упрощение, вы и так, полагаю, прекрасно знаете её суть и особенности. А, возможно даже, и мою книжонку полистали. Но оставаться царём горы Россия сможет, только если постоянно будет предлагать что-то новое. А для этого необходимо не просто знать, но быть в курсе, – и здесь я прошу вас оценить финансово-навигационный спектр выраже-

ния, – технических преимуществ и недостатков остальных участников рынка, а также общем векторе развития технологии. Когда ж ещё представится возможность с минимальными затратами собрать сведения о как можно большем числе игроков, как не на Всемирной выставке? Мы не воры, уж поверьте. Нет никакого смысла делать копии оборудования, а затем развязывать патентные войны. Во многом ваша работа – выявлять ошибки и просчёты, а также спорные особенности; заниматься конструированием будут, если так необходимо, на родине, если уже не начали. Исключение – вискоза, уж извините, ей прямо сейчас применение найдётся. Чертежи – вещь превосходная, но реальность не так совершенна, как фантазия. Мечты не изуродованы земным тяготением. Понимаю, вы не этого ожидали, когда в первый раз поднимались по трапу, но я рад, что вы справляетесь не хуже, а то и лучше тех, кто начал проходить подготовку гораздо раньше вас.

– Мне лестно, но те переговоры...

– Да-да, переговоры. Вас, как и других офицеров, не позвали по той простой причине, что вы были не нужны. Учёные, бывшие тогда в составе иностранной делегации, – мои давнишние знакомые по переписке, мы прекрасно общаемся между собой и без технических советников. Чинуши и дипломаты – безобидные, им просто передали последние документы. Это была более дружеская, доверительная беседа, нежели официальная встреча. Кроме того, я получил у них

кое-какую консультацию по развитию наших северных проектов.

– Северных проектов? О чём же консультироваться, если их так грубо, уж простите мне мою прямоту, заворачивают? Если они только для демонстрации на Выставке и пригодны? Известно, господин Менделеев, как они важны вам, но – ретроградам в раззолоченных мундирах?

– Вот потому и за закрытыми дверями, вот потому и за пробковыми стенами, что никто из их числа не знает и знать пока не должен. Будьте любезны посмотреть на стеллаж справа от вас, – Михаил обнаружил там модель некоего корабля. – Это, лейтенант Российского Императорского флота, модель ледокола. Вот такими ледоколами планировалось расчищать путь для торговых судов в Северном морском коридоре. Проходить его за одну навигацию! Использовать как транспортную артерию! Вы только вообразите: доставлять товары из Азии в Европу и наоборот не по размашистой дуге через моря у Китая, Индийский океан и Суэцкий канал, сквозь всю эту жару и влагу, – а в случае последнего, так ещё и надеяться, что никто не забудет о Стамбульской международной конвенции, – но через заполярье, по водам Северного ледовитого! А если и не торговля, то практически круглогодичный проход к впадающим в океан великим сибирским рекам для снабжения опорных пунктов нашей мирной внутренней «реконкисты», переводящей декларативное владение землями в действительное. Но, как и было сказа-

но, – «планировалось». Не дали даже сделать опытный образец, чтобы оснастить уже буквально через месяц стартующую Русскую полярную экспедицию. Такое громкое название, такая возрождающая ушедший век географических открытий цель – найти Землю Санникова, – а поплывут, смешно сказать, на шхуне, «обшитой противоледовым поясом». Погубят Толля. Погубит Толль себя...

– Разделяю ваши тревоги. Я знаком с лейтенантом Коломейцевым. Тот уверен, что средства, которыми по высочайшему покровительству весьма щедро снабжали экспедицию, и о необходимости обеспечения которыми господина Толль и Колчак периодически напоминали Императорской Академии, не пропали зря, а ежели обнаружится недостаток чего-либо, и это приведёт к долгим выяснениям отношений на морозе, то разгонит участникам кровь розгами... Чтобы обратно к мозгам прилила.

– Вот-вот. Комиссия, в которой, к сожалению, было слишком мало сторонников прогресса, постановила, что с задачей подпитки экспедиций при желании можно справиться и при нынешнем оснащении, даже с издержками на поэтапность, не вкладывать государственные средства (несмотря на все отходящие казне паи) в нечто, что при всех своих возможных гражданских и военных преимуществах пригодно лишь в Арктике, а в случае той же панконтинентальной коммерции становится, по их мнению, бесполезным, стоит конвою отдаться тёплому течению Гольфстрима. И, как они

подчеркнули, становится в особенности бесполезным, если учесть, что Российская империя не контролирует начало и конец маршрута: что так на Суэцком канале нужно кланяться англичанам и немножко французам, что эдак после всех трудностей Севера пришлось бы разгружаться по одну из сторон Английского пролива. «Хоть и союзнички, а ощущение как от Босфора!» То есть России, если пунктом назначения не значится Санкт-Петербург или какой-то из портов Белого моря, можно рассчитывать лишь на услуги сопровождения, европейцы предпочтут свои суда возможности арендовать наши, какими бы превосходными они ни были. В общем, предстоит заново обдумать то, как подать идею Транследовитого пути. Пусть так, но есть для ледоколов и иное применение, отчасти способствующее этому: множество открытий ждёт нас в Арктике, уверяю вас, в том числе нефтегазовые месторождения. А если ещё и Землю Санникова найдут, – то речь пойдёт уже и о металлах, минералах и камнях. Вы несомненно осознаёте их важность для нашей растущей как на дрожжах промышленности. Но залежи ещё как-то нужно разведать. А добыча? Ещё один сложный вопрос. Для этого потребуются специальные, разработанные на тех же принципах плавучие платформы, каких мир ещё не видывал. Увы, ввиду расстояний дирижабли в том регионе не столь эффективны, добычу даже с «серафимов», само собой, вести невозможно, только осуществлять доставку материалов; ещё и базы обслуживания устраивать пришлось

бы, куда более частые, чем для наземных и морских вариантов. Поэтому придётся первые приготовления осуществлять по суше и морю, пробиваться через льды. То есть на судах, представленных данной моделью. Увы ещё раз, высочайшего одобрения и этот проект не получил из-за козней некачественных господ в золотом шитье, которым нужен быстрый результат, которые уверены, что для нужд Империи достаточно и Баку с другими разведанными месторождениями, несмотря на сугубо капиталистический характер тех промыслов. Что ж, спасибо за подсказку, попробуем достучаться, опробовав некоторые вещи и гипотезы на Каспии. Одно мне стало понятно: интерес к Арктике, да и в принципе к прогрессу, нужно воспитывать. Однако и проект сети железных дорог, которым мы в эту самую минуту хвастаемся на Выставке, также встретил ожесточённое сопротивление в высокоблагородных кругах. Того и гляди: обглодают до одной линии Транссибирской магистрали. И деньги наши высородные да узколобые выделять не хотят, а частные вложения, необходимые, но всё же недостаточные для полного покрытия расходов, принимают с опаской, хотя в их стеклянных крысиных глазках явно читается желание найти удобных им инвесторов, а потом устроить судебную расправу по факту растрат не только государственной доли организованных фондов, – я называю вероятный сценарий, – но и частных вложений с целью отобрать всё под непосредственное управление государства, то есть себя, без оглядки на других

акционеров и основателей. Вот мы в тот самый день сидели и думали, можно ли как-то организовать систему, подобную институту бонов, или иным образом оформить предприятие, минимизируя риски партнёров. Мыслили, как устроить павшую систему, как не повторить ошибок других амбициозных проектов, которыми мир накушался за последнюю четверть века – и всё прочее. Более того, если рассматривать идею шире, то введение кредитивных обязательств со свободной подпиской для граждан означает превращение предприятия в народное дело; Север станет не какой-то географической абстракцией для всех, кроме поморов, но частью самосознания народа России, предметом реальной инвестиции. Так привъём шкурный интерес к родной земле и вопросам управления ею. Некоторые теоретические варианты нашлись, но их нельзя назвать оптимальными. Иными словами, прошу вас, не огорчайтесь и не считайте это ударом по вашим амбициям, просто для нас тогда была не лишней парочка знатоков права, а не проводки, если позволите каламбур.

Этому человеку науки нельзя было не верить. Он говорил убедительно и открыто. Пожалуй, даже слишком, – и в этом следует заподозрить умысел испытания. Но как Михаил мог заподозрить его в каких-то сомнительных мелочных заговорах, когда есть вполне реальное сопротивление в верхах, реакция благородной патины, прикипевшей к забронзовевшей от успехов государственной машине, и необходимость счи-

таться с этим? Конечно, это политика, которой он и опасался, но тревогу следует признать ложной, никаких сепаратных переговоров не было. Неплохо бы получить более веские аргументы, но теперь он был почему-то уверен, что со временем он их получит. Его конструкт рухнул, так толком и не пригодившись. Он испытывал потребность извиниться.

– Ваше превосходительство, господин Менделеев, позвольте...

– Для вас я теперь Дмитрий Иванович. В уместной для этого обстановке. Извинений не нужно. Напротив, я рад состоявшейся демонстрации остроты вашего ума в непривычном для офицера-электротехника жанре детектива. Но, боюсь, я вынужден буду теперь предложить вам некоторую смену деятельности. Очередную, м-да. Но что поделать, ведь и я не хотел заниматься тем, чем мы занимаемся. Экая невидаль, на старости лет заделаться, по факту, главой секретной инженерно-технической службы, подсматривать что-то у других, сличать конструктивные возможности... Да что там «у других» – у друзей! Вот так использовать «серафима», «херувима», «офанимов»... Я ведь к их идее пришёл, делаясь мыслями с Джеймсом Дьюаром, Уильямом Рамзаем и другими людьми, достойными свободного обмена интеллектуальным капиталом людьми. Но нет, золотой лис Витте убедил меня, что прорывные достижения нужно придерживать, доводить их до рабочего состояния и поставлять как готовую продукцию. Продукцию, которую мы же и будем способны

обслуживать. И на всё – патент, патент, патент. И презентации! Такие, чтобы все знали, что мы это уже сделали, исчерпали тему на годы вперёд. Как Рёнтген с исследованием прославивших его лучей: ни один из публикующихся ныне по теме не обладает ни размахом, ни глубиной его влечения, подхода и результатов, лишь по мелочи что-то обмусоливают до противного – всё сказано на десятилетие вперёд.

При упоминании X-лучей Михаила как током ударило. Он скрыл пронизавшую его однократную судорогу, вытянувшись по струнке и, пожалуй, слишком рьяно задав вопрос:

– Что же прикажете делать, Дмитрий Иванович?

– Вам предстоит заняться, хм, контрразведкой, лейтенант Евграфов... К слову, как вас по батюшке?

– Михаил Дмитриевич.

– Дмитриевич, стало быть... Вот что, Михаил Дмитриевич. Подозреваю, вскоре появится кое-что... требующее ваших способностей, но большей деликатности и выдержки. Хотя данные по вязкости, смею заметить, я всё ещё рассчитываю получить. Касательно текущего положения дел, не могу более отправлять вас вновь спускаться и исследовать образцы, с этим чернотуфельным действием справятся и остальные. И пусть думают, что так вас отстраняют от полевой работы. Вы и ваша команда займётесь же, когда это по тем или иным причинам понадобится, калькированием документов, расположение которых вам будут указывать; всё-таки полусерьёзная должность вице-президента Жюри даёт мне

некоторые преимущества. Разумеется, должно разобраться и с проблемой, послужившей предпосылкой нашей встречи. План действий вы набросайте сами. Я послушаю. Да-да, сейчас, не расслабляйтесь, молодой человек.

– В таком случае, – откашлялся Михаил, – во-первых, всё же не помешает тихая проверка офицерского состава с целью выявления болтунов, в Санкт-Петербурге должны сделать то же самое, а если уже начали, то пусть повторят и расширят круг подозреваемых. Во-вторых, следует проинспектировать наши детектирующие и маскирующие системы, каковые ещё остались здесь и содержатся в наземных хранилищах, чтобы исключить вероятность слежки за другой группой благодаря незамеченной брешу; заодно будет повод побеседовать тет-а-тет с обер-офицерами.

– Брешу, вроде той, что вы отчего-то допустили, полагаясь на акустику в вопросах визуального? Хм-хм.

– Благодарю, что напомнили. В вашей формулировке это... Это становится кристально ясной процедурной ошибкой вследствие подмены. – Кивок служил сигналом к продолжению. – В-третьих, узнать, нет ли в каком местном печатном издании специального корреспондентского отдела; это не потребует никаких действий, кроме общения с продавцами в киосках и беглого ознакомления с парой важных с точки зрения периодичности номеров. В-четвёртых, коль скоро не будет зацепок, подумать о том, что ещё могло привести туда кого-то кроме нас; возможно, образно говоря, я

всё ещё стою посреди залы и задираю голову в надежде что-то разглядеть наверху, вместо того, чтобы на этот самый верх подняться и смотреть оттуда. В-пятых, если вообще ничего не поможет, – устроить мелкую, но яркую провокацию.

– Мне нравится, что вы формулируете, используя глаголы. Действуйте, выполнение первого пункта я обеспечу, а также поспособствую вам со вторым: назначу внеплановую ревизию оборудования вами в качестве инспектора; рутина да послужит вам наказанием. Главное, не утоните в этой деятельной круговерти. Полагаю, сей диалог сохранит приватный характер. Не смею более отнимать у вас времени. Заходите, когда я буду на борту, не стесняйтесь делиться гипотезами и наработками, какими бы хлипкими они ни казались. Желаю успеха. И результатов.

Они пожали друг другу руки, и Михаил покинул каюту, при открытии выплеснув в коридор солнечную лужицу. Он чувствовал облегчение и успокоение, ему стало светлее от того, что в их взаимоотношениях, если таковые раньше и предполагались, осталось меньше тёмных пятен. Меньше – но не «ни единого», поскольку всё сказанное не смогло прояснить утреннюю сцену с улыбками и взглядами. Также он не смог подобрать момент ни слова, ни момент, чтобы рассказать об устройстве, которое до сих пор таил от всех остальных. Но понимал, что имеет на это некоторое моральное право – ему нужен был козырь в рукаве. В чём выражались те «теоретические варианты», действительно ли они обсужда-

ли только это? И что должно случиться в скором будущем? Проклятые эмоции: не дождал. Проклятая секреция: не может без чувства тревоги и подозрительности. Он жалел, что не взрастил в себе, когда следовало, здоровый скепсис. Теперь же он был порчен аффектами. Что ж, хотя бы новые негласные полномочия появились, можно вести самостоятельную игру – в разумных пределах.

Прямо сейчас он намеревался, раз уж был настрой, встретиться со своим отделением и уведомить о новых обязанностях, а затем заглянуть в кают-компанию и найти там кого-нибудь из офицеров, ответственных за маскировочные и детекционные системы, и начать проверку последних, какие ещё по тем или иным причинам оставались на борту флагмана. По возможности – с перепоручением своим подчинённым непосредственного осмотра, раз теперь было понятно, на чём сосредоточить внимание; самому же – сконцентрироваться на мягком и тактичном допросе. А далее... Тут у него вновь закружилась голова, он прижался к отделанной перкалью и дамастом, преимущественно багровых оттенков, стене из арборита – вновь честь и хвала гению Костовича – и слегка утратил ощущение реальности; явственно сказывались дурные сновидения. Михаилу представилось, что он сам подобен спруту, вытягивающему щупальца и ждущему, пока мимо них кто-нибудь не проплывёт, и что два из них тянутся к его же шее. Но он не понимал, что этими образами подсказывают глубинные отделы мозга – его внут-

6

Сидевшая в клетке яркая птичка, заменявшая чирика-нием дверной колокольчик и тем оповещавшая о новых посетителях, сейчас готовилась к заливистой трели, подменявшей и предварявшей творчество задерживавшихся или готовившихся к выступлению музыкантов, и чистила клювик об *os seria*. Когда Энрико-Генри – «чёрта с два на счёт три ты, mon ami, Анри!» – говорил, что особо часто ночевать в его квартирке не придётся, Мартин как-то не подумал о тех местах, где ночевать *придётся*. Как и о том, что какой-то отдельный район города может задержать более чем на день, будто пути отсюда, кроме как на вечно отсутствующем пароме или нерегулярном дилижансе, не существует. На самом деле, разумеется, не было никаких проблем с общественным транспортом, но так, во-первых, неинтересно, а во-вторых, транспорт и его пассажиры также принимались за объекты наблюдения – это же экспедиция!

Конечно, для размещения выбрали они по местным меркам вполне пристойную гостиницу, чья владелица была в курсе таких сложных понятий, как гигиена и комфорт постояльцев. Но приходилось порой заглядывать и в места настолько паршивые, что у тамошних клопов были блохи, а

на грязи – пыль. Наверное, как-то так и выглядели средневековые городишки, наступавшие на деревни. В этих халупах, закутках и улочках рождались особые миазмы, заражающие и портящие организм, но вместе с тем и дарующие ему болезненный творческий импульс – иногда достаточный, чтобы убраться оттуда. Хотя многих устраивал просто переезд на соседние, чуть более обустроенные участки.

Мартин же смирился с доминирующей громадой Сакре-Кёр. С её необычными призрачными контурами, вроде как неовизантийскими. Город не хотел поглощать Мон-мартр, однако утвердил поверх него свой сигил. Белёсый его призрак предотвращал проявление иных духов – коммунаров, носителей революционного нрава. Но белизна эта обязана не символизму чистоты, примирения или сакрального, но мраку катакомб, вырытых вокруг и под холмом, в которых – и в котором – добывался гипс, материал декоративный, бесполезный для местных обитателей – разве что для виноградарей, какие оставались. Сакре-Кёр котлом накрывал пустоты под Холмом, когда-то служившие и как укрытие для изгоев давних времён – христиан, и бродившие и закипавшие в его окраинах речи, он прикрывал собой полный знаков и смыслов горб, он закупоривал и предотвращал взрыв, хотя – до чего же просчитались создатели! – ведь известно, что избыточное давление следует выпускать, иначе произойдёт именно то, чего так боялись заказчики сооружения, причём масштабов Кракатау. От этого пока что спасала незавершённая

ность базилики.

«И это уже третье упоминание виноградарства вне непосредственного употребления вина», – изумлённо отвлёкся Мартин, со временем выяснив, что тема начала играть с ним ещё в день приезда: фасад мэрии XII округа, к которому относится Гар-де-Льон, украшен фигурами краснодеревщика и винодела. «Дионисиев град!» – в просветлении меж пьяного угара выпалил он как-то. «Вино-град!» – скаламбурили ему в ответ и вновь ввергли в вакхический хаос, изрядно подлив.

Однако на Монмартре и в Латинском квартале, – дуэт экспедиционного корпуса урбанистов доберётся и туда, никаких сомнений, – Город огней поистине вспыхивал ярким, бисалтийским пламенем в честь Диониса и по его причине, как если бы боги и впрямь существовали и выбирали резиденции.

Незатейливая жизнь простых, совсем простых людей, давнишних обитателей Холма и его подножий, тех крестьян, пасших и доивших коров, тех рабочих, тащившихся в северные пригороды, тех клерков, шествовавших в кварталы южнее, – тех, кто ранее мог туманным утром взглянуть на город внизу, на выныривавшие из блёклого моря чешуи из плитки, шифера и цинка, а затем от всей души плюнуть, помянув других чешуйчатых, то бишь гадов поменьше, вивших суетные клубки своих скользких помыслов и нечестивых дел на его дне и в каменных скелетах, – оказалась разорвана, а

точнее даже, памятуя об истории Монмартра, испещрена эффектами быта тех чудаков, что поселялись здесь из экономии в надежде вырваться отсюда или из соображений не попадаться где-то ещё. Атракцион «деревня в городе» освежал, очищал от абстрактных тревог, насыщал творчество, но сам же и вбирал всю муть, все нечистоты, все экскременты, порами шахт впитывал это всё подобно губке.

К последним годам процент бедноты здесь превышал показатель соседних округов до четырёх раз. Возможно, местные и ранее были бедны, но бедность их была самодостаточной и по-сельски обыденной. Сейчас же их, если не учитывать пришлых неимущих, можно было счесть обокраденными. Рабы и слуги муз, облюбовавшие окрестности Холма, только культивировали долговую – а в лучшем случае бартерную – систему. Особого выбора у них, бедняг, зачастую не было, картина за суп и пачка фотографий за салат были явлением нормальным, но уже поднадоедавшим содержанием заведений. Да и потом: чем не аналог и порождение той финансовой машинерии, на которой вся Третья республика и держалась? Если масштабировать, то даже риски были схожи: пейзажик бедного сегодня художника мог через какой-то срок – смешной или печальный – принести владельцу щедрейшие дивиденды. И пока папаши-кабатчики в очередной раз разоряются на брань – честь и хвала вам, мадам Саломон, мадам Сегонде, мадам Курэй и остальным чутким консьержкам, без которых прогорело бы гораздо большее число

инвестиций.

Впрочем, чудного предпринимательства хватало и без того: вот кто бы, как не самозванный барон, догадался открыть Морской союз Холма? И почему? От самодурства – или же он уловил что-то недоступное пониманию разума, накрытого воображаемым пробковым шлемом первооткрывателя-англосакса, не проникающее его? Непременно следует расспросить бретонцев, не отказывающих в чести быть членами союза. Ведь что-то же – вполне возможно, что и то же самое, – побудило устроить могилу сердца Бугенвиля, ответственного за первую французскую кругосветную экспедицию и вообще опытного мореплавателя, здесь, на самой вершине. На маленьком кладбище Голгофы, на чьих воротах изображён Христос, парящий над морем людей не то на облаке, не то, на связке хвороста, не то – ох! – в лодке. Что, что побудило мастера инвертировать дугу холма, дугу Голгофы, дугу Монмартра – и обратить её в лодку?! «О, адмирал, я прощу вам участие в Войне за независимость, я променяю шлем на ваш убор!»

Но готов ли оставить Холму своё сердце? Нет.

Если здесь и правит бал Дионис, то не старый, не Загрей, не Дионис-в-дереве, но Дионис-эпикуреец. Увы, то и дело встречается фальшь – даже и особенно в том, что касается попытки удревнения – и удеревенения? – Диониса.

Новые туземцы пристрастились ко вниманию туристов и празднующихся. А там, где всё было искренне, уже под-

ступал тлен. Громкая на название – La Tournée des Grands Ducs¹⁷ – прогулка в нынешнее время большей частью мон-мартрского эпизода способна обернуться для искушённого сердца ни чем иным, как лишь громким звоном его разбития. Из boîtes de nuit¹⁸ хозяева вынимали уже затёртые и побитые игрушки. Золотой век был позади, приходила осень жизни. Осень жухлая, некрасивая, но, возможно, и гниение пройдёт интенсивней и основательней, Холм очистится быстрее. «Chat Noir», кабаре с политической и масонской подкладкой, уже успело укрыться чёрной кошкой в тёмных комнатах памяти, кануть в небытие – но не в Лету! – и не дать эксплуатировать своё имя, оставшиеся шесть или семь жизней сберегая для далёкого светлого будущего.

Буат больше не были нартексами за мистической рекой, не приоткрывали двери в новые миры, поэтому прохвостам пришлось возводить эрзацы. Естественным образом сделался популярным загробный, как это называют баварцы, der Kitsch. «Le ciel», «Cabaret du diable», «Cabaret du néant» – китч неба, дьявола и небытия. Упитья и забыться. Впрочем, «Кабаре небытия» было верно себе и клиентуре от и до; его легенда поддерживалась вовлечением посетителя в труппу, хоть и на правах статиста. «Принимайте трупы!» – встречали на входе в череду подвальных зал-склепов. «О, как смердят!» – демонстративно обнюхивая, провожали туда же. Как только посетители в полутьме чёрных свечей и траурного же сукна находили пустой гроб – ой, то есть стол, но в его

же форме, – на него опускались, подобно молоткам, вбивающим гвозди в крышку, кружки с пойлом. «Отравляйтесь, это плевки чахоточных», – желал приятного аппетита официант-гробовщик, шмыгавший меж скелетов и сочетаний останков, заменяющих кадки с зеленью и некоторые предметы декора вроде канделябров и вешалок. Сорта пива «холера» и «чума» разжижали преграду зрительского недоверия – и позволяли устроителям сего аттракциона перейти к следующей фазе. С помощью довольно простых и действенных оптических трюков и при весьма грамотном использовании планировки помещений удавалось вызвать к проявлению духов, паривших над сценой и под потолком, а также любому желающему подвергнуться полному разложению до скелета и обратно без каких-либо физических последствий, чему способствовали белый саван на свежем трупе-добровольце и повёрнутое на 45° стекло перед ним. И, разумеется, всё под обязательный хохот-смертоборец, делающий всех соучастниками, а также гимны-шансонетки, производящими всех в неофиты и мистагоги, без которых немислим ни один культ, считающий себя проводником Истинного.

За ваши деньги – любые капризы. Только, на случай чего, не забудьте приберечь пару оболов настоящему Харону: тот же Бульвар преступлений хоть и был уже преступно предсказуемым – но за поддержание определённого качества и был ценим, – однако бедность, каковая встречается за уводящими от него поворотами, порождает уличное насилие. И отче-

го преступников не выставляют в человеческих зоопарках, почему бы не сделать – прямо так, в черте города – заповедник, где они бы грабили, убивали, насиловали друг друга на потеху и нотацию публике, взирающей на них с ограждённых мостков и из-за хитрых стёкол, скрывающих зрителя. К чему их прятать по тюрьмам и разделять по камерам, если они и так только и ждут, чтобы, сотворив непотребное, вернуться в свои норы? Нет, их оттуда нужно выкуривать и оставлять на свету. В единую армию они всё равно не собьются: не хватит ни ума, ни воли – в том числе пойти против своей природы, – а если и да, то всегда можно поднявших бунт придавить и раскидать бомбой. Идея паноптикума основана на незнании и механическом разделении, идея такого криминопарка – на знании и разделении естественном.

Мартин понял, что хмельно рассуждает вслух, а последние фразы явно привлекли лишнее внимание, но не запаниковал, а спокойно откашлялся и пригубил чего-то градусов эдак под пятнадцать. Ленивые доносчики, какие захаживали сюда, уже давно примелькались, и о них сразу предупреждали жестами, если не спроваживали. Кроме того, Мартину нужно было подтолкнуть Генри, слегка подзабывшего об уговоре, чтобы тот начал наконец-то закидывать удочку и искать выход на каких-нибудь чудиков. Может, потому территорией экспедиции и был выбран Холм. Может, он это и так делал, незаметно для всех посторонних, включая друга, которого тем самым стремился обезопасить от возможных и

без того возникающих нежелательных взглядов. Но всё же вряд ли, скорее, эти измышления были вызваны сентиментальным алкогольным порывом. И потом, Генри сам виноват, ведь когда они первый раз пришли в это заведение, произошёл следующий диалог:

– Ещё одно место, где можно говорить два непечатных слова на «б»?

– И даже заказать два других! А вот и одно из них, – то была свободных нравов девушка, подрабатывавшая на раздаче харчей. Она-то и стала тем клеем, который присовокупил Мартина и Генри к остальной заседавшей – да и залежавшейся, прямо скажем, – братии. Впрочем, разговор с ней был весьма необременителен, хоть и полон пустой светскости местного пошиба. Была ли она, с учётом её вопросов, информатором? Нет, памяти ей явно хватало лишь на подсчёт сантимов – долги во франках были прерогативой хозяйина пивной-сводной. Гетера просто любила звук голоса Генри и надеялась продолжить разговор уже наедине с ним и его мощной. Тут Мартин то ли хохотнул, то ли кашлянул и покрасился в лице пунцовым от двусмысленности.

– Так как это ты, Анри, познакомился с тем зардевшимся мальчиком?

– Ты только не смейся... ну вот, ты уже, но я всё равно расскажу. Знаешь, что такое Гранд-тур? Нет? Есть такая забава, перекочевавшая от аристократии к более-менее крепким семействам: отправлять юнцов в турне по Европе. Ну,

там, обязательные для культурного обогащения города и регионы, а кому и языковая практика.

– Как старомодно. Погоди, Анри, так ты из благородных?

– Ты не представляешь, насколько старомодно и утомительно в организационном смысле, – проигнорировал он вопрос, – ладно хоть с поездами быстрее выходит. И потом, если бы не это, я бы здесь не осел.

– Да, ты бы здесь не осёл! – проснулся за соседним столом какой-то шляпник.

– Ой, ну вот, – надула губки противоположность барменши из «Фоли-Бержер» в исполнении Сюзон и Эдуарда.

– Да, так что, может, звучит и пафосно, зато теперь я могу шлёпнуть и ущипнуть самую милую девушку в округе, – последовали визг и смех.

– Но нашего молчуна-то ты как встретил?

– А, да мы с ним на одном пароходе из Дувра плыли. Сначала даже взглядами старались не пересекаться и понятия не имели, что нам по пути. Он считал меня повесой и селадонном, а я его – обыкновенным занудой.

– А оказался занудой необыкновенным? – подал голос обладатель зашитой заячьей губы.

– Он и сейчас такое впечатление производит, – пыталась она втянуть Мартина в разговор, но тот ещё зрел.

– Он очаровашка, вот увидишь. Так вот, высадились мы у Дюнкерка – вновь соседствуем. Я в Бельгию – и он в Бельгию. Ну, как уж тут было не разговориться, чтобы скоротать

время? Но истинный его потенциал я раскрыл в Брюгге. Какую же он мне серию лекций закатил о тамошних местах! Но уж извини, то был эксклюзив, обойдёмся без повторов! – «Главное, умамливай её своим сладкогласьем. Позже можешь даже попробовать монетками выстлатъ наш маршрут у неё на спине – вполне пригодная замена терапии из Спа». – Знаешь, как я его тогда обозвал? Архитектурный эмпат! Для него «музыка в камне» отнюдь не метафора. Должно быть, какое-то расстройство. – «Нет, ты меня в это не втянешь». – Но забавно то, что мы тогда так и проскочили мимо Франции. Мне-то было без разницы... Спокойно, ребята, спокойно, это тогда мне было без разницы! А вот у него маршрут был весьма даже установленный: германские земли, швейцарские кантоны, Тироль, Ломбардия, Тоскана, Рим. Он пояснял это... Как же там было? А, так пальпирует рыхлую Священную Римскую империю. – «Да она же и половины слов не понимает. Твоё счастье. И моё. Но представь, что начнётся, если ещё и я встряну?» – Мол, изучает эволюцию стиля и особенности связи способа администрирования территорий с архитектурным оформлением самой администрации. Я сам до сих пор слабо понимаю, что это значит, и уже забыл, на кой оно ему нужно. – «Ну что ты всё обо мне да обо мне, давай уже о себе или о ней, а? Кто тут кого наблюдает?» – Уверен, у него уже есть, что сказать и об этом месте. Встречайте овациями, мистер Мартин Вайткроу! – «Барнум чёртов. Так свою репутацию историедобытчика и зарабатыва-

ваешь, да? Теперь, чтобы не обижать почтенную публику и початые бутылки, надо что-то сказать».

А у него, честно говоря, было. Он старался излагать так, чтобы не отпугнуть девицу. Впрочем, это его прорывающееся в устную речь архитектурное философствование нашло живой отклик у завсегдатаев. Вот тут урбография и начиналась. «Ладно, Генри, я сам напросился; хоть и получилось через задницу, но всё-таки своё дело ты сделал, так что спасибо». Какой угодно вечер в какой угодно забегаловке ни возьми, разговоры рано или поздно сводились к городской мистике и неожиданным откровениям. Какие-то были чистым художественным вымыслом, вроде переложения истории о Летучем голландце с паровозом в главной роли, какие-то – попыткой найти объяснение вещам иррациональным. Были и те, кому у Лувра виднелась пирамида, а то и группа. Или даже две из них, со смещением сплетавшиеся между собой. Встречались и те, кто понимал ощущения Мартина по поводу площади Согласия, и говорили, чтоobelisk похож на застывший в камне момент, когда капля падает с высоты в воду, и образует такой же вытянутый хвост, над которым внимательный и быстрый глаз часто способен увидеть каплю поменьше, – при этих словах Мартин вздрогнул. Оценили и его пассаж о Сакре-Кёр, дополнив его тем, что только неовизантийский стиль и подходил: где, как не в Византии, расположенной на стыке культур, знали цену языкам и символам, а купол-котёл обещал равномерное перева-

ривание семиотических ингредиентов.

А иногда эти рассказы касались не непосредственно географии и топографии, но также и городских легенд. Например, один нормандец, работавший сторожем на Трокадеро, клялся и божился, что уже не в первый раз видит на Йенском мосту одну из, как понял Мартин, *dames blanches*¹⁹, и был уверен, что это именно она, белая дама, а не какая-то непоседливая богачка, поскольку по всем канонам легенды была, для начала, в белом или тёмном, но отливавшем под Луной серебром, при этом, в качестве обязательного условия, стояла на мосту, и вдобавок ко всему не убегала или сдавалась на милость, а поджидала, когда он подойдёт, и приглашала на танец, дивно хохоча. Вот только одно не сходилось, говорили новоявленному мастеру логики: на статного молодого красавца, как того требовало сказание, он ни разу не походил. После чего, разумеется, чокались и замиривались – драться сил не было. Не было сил и спорить насчёт того, возможно ли на французской земле увидеть героев зарубежных преданий, в частности британских: ещё один временно трудоустроенный на Выставке и работавший там декоратором по гипсу будто бы видел, как на крыше беснуется – так зовут его на родине – *Spring-Heeled Jack*²⁰, да не один. А упреждая вопрос, откуда ему про таких персонажей знать, то ответил, что-де он и не ведал, но, поскольку трудился он над британскими павильонами, то как-то раз после смены разговорился с английским прорабом, понимавшим по-французски, а тот,

услыхав описание чёрта, и предположил, что это не кто иной, как старый злой Джек-пружины-на-пятках с гастролями.

И стоит ли упоминать все свежеиспечённые мифы, кажется, замешиваемые прямо на месте и тут же румянившиеся от жара дискуссий, о самодвижущихся аэростатах, одним лишь чудом и слепым провидением едва втискивавшихся в выставочные площади? О том, как они крадут и пожирают облака. О том, как они, изгоняемые острыми шпильями церковей, вынуждены скрываться где-то за зажравшимся шестнадцатым округом. О том, как иногда они тянут к земле тонкие и длинные хоботки, с помощью которых отпрыгивают что-то на землю – возможно даже, что тех, кто захотел на них полетать, собрав гроши по углам протёртых карманов, но не вернулся вечером в свои соломенные постели. О том, как в стаде этих белых барашков завелись чёрные овцы. О том, что они всегда за всеми наблюдают сотней глаз – и спорят с той сотней, что уже имеет город в виде циферблатов. И на этих словах Мартина объял уже ледяной пот – ощущая подобное, он тогда и замер перед башней Гар-де-Льон.

Иногда эту серьёзную мужскую компанию разбавляли, составляя конкуренцию стационарным гетерам, влетавшие совсем юные пташки, щебетавшие, только чтобы щебетать, и порхавшие, чтобы порхать. Ладно, на самом деле не только, и имевшие смелость так врваться в чужие владения только потому, что были под протекцией особенно жестоких и диких молодчиков, чью жизнедеятельность как раз и описы-

вал для газеты Энрико, обитавших как раз на Монмартре, Бастилии и Бельвиле. В вечернюю пору их сменяли гризетки такого вида, что Мартин отметил, как на сей раз в его голове смешиваются французское «gris», лёгшее в основание «grisette», и английское «grease». Замученные женщины, формально составлявшие тот же полусвет, что и их более удачливые кузины, снимавшие мансардные этажи османовских домов, они были совершенно лишены сияния, которым будущее осеняет молодость, ныне увядшую и угасшую. Мартин взял одну из пустых бутылок и расположил её на вытянутой руке между собой и одной из таких барышень, которую увидел через припорошённое пылью и известью окно. «Вот бы взять её и поместить туда, как кораблик, как бабочку под стекло, чтобы сохранить то, что ещё возможно», — проявил он жалость под маниакально-минорную мелодию, выстукиваемую на пианино в сопровождении виолончели, готовивших слушателей к развязному, вороном покаркивавшему, скользящему полуречитативу:

В кабак... Я захожу 'посля конторы.

Подонки... Своей лишь жизни воры.

Откушал... Бреду под керосина дрожь.

'Муазель... Вам так пойдёт вот эта брошь.

И в номера помчались мигом...

Она на мне тряслась как «зингер».

Я напорист был как «даймлер».

Скреплён прогресса нравов займ.

Чулки... Скользят по ножкам светлым.

Ноздря... Сопит над яда горкой белой.

Веселье... Ничто без пустоты за ним.

Ангела напротив... Поиметь бы в нимб.

Прогорело страсти пламя мигом...

Она на мне тряслась как «зингер».

Я напорист был как «даймлер».

Скреплён прогресса нравов займ.

Рука... Её рука царапает мне торс.

Своей... Как упряжью верчу копну её волос.

Подарок... Ценою в свете дня растаял до гроша.

Тонкий вкус не для тебя? Отведай остроты ножа!

Прогорело страсти пламя мигом...

Она на мне тряслась как «зингер».

Я напорист был как «даймлер».

Над телом сломанным я плачу-замер.

По мере того, как Солнце уставало дарить свои лучи всем этим безвылазным пропойцам и тем, кто вечно жаловался, что в студии мало света, а зеленоватой и с синеватым кантом жёлтой люминесценции редких газовых ламп – расслоение и обособленность Холма чувствовались уже на этом уровне – становилось недостаточно, в ход шли лампы керосиновые и масляные. В их огнях и мир казался нарисованным толстыми и жирными мазками, и невозможно было отстраниться от этой панорамы, но лишь больше придвинуться и провалиться, также омаслянев в современной манере. Черты лиц плавилась, становились одновременно угловатыми и смазанны-

ми. Глаза блестели мутными пятнами. Покатые плечи и сутулые спины облеплял густой спёртый воздух мрачного фона. Руки и ноги становились каучуковыми или растворялись за агеометрической мебелью. А стоило таким мизераблям покинуть питейную, и газовый свет фонаря, установленного близ кабака, не дрожал, как пелось в романсе, – морщился, своим трепыханием тревожа скрывавшихся в тенях бесов; не порывались бежать лишь мигрировавшие с фасадов в тёмные переулки и дворы стаи медуз и кальмаров внизу стен и на шас-ру – порождения рвоты, ей же множившиеся и кормившиеся. Расходившиеся в разные стороны фигурки, казалось, не удаляются, а уменьшаются, истираются и поражаются в деталях, лишённые третьего измерения, соответственного своему слою и плану, и сворачиваются до мерцающих точек, чтобы, скрывшись из виду, взмыть и присоединиться к далёким звёздам, – туда, где им и место. Туда, куда вознесут их труды, оставив от них в глазах потомков один лишь холодный, далёкий во времени блеск.

Возвращение в гостиницу прошло под ожидаемую и благодаря этому совершенно спокойно выслушанную ругань хозяйки, оценившую кроткий нрав своих временных постояльцев, а потому в какой-то потуге на заботу напомнившую, как им дойти до своего номера. Энрико был галантен, как колибри перед цветком, когда, в знак признательности пытаюсь чмокнуть даме ручку, завис над дланью, будто уснул, скоро клюнул её носом и шумно втянул воздух трубочкой губ,

после чего выпрямился и зачем-то пожал и потряс руку – и был таков. Реакцию женщины определять не было времени, оставалось только поспевать за этим чудо-угодником. Якорем рухнув на мягкий ил кровати, Энрико сообщил, пока ещё помнил, возившемуся с дверным замком Мартину, стоявшему к нему спиной:

– А я, межпрочм, справился.

– С чем? С приступм тшноты или бтинками? В любом случае пздрвляю.

– О-ой, дура-ак... Звни. Справился об этих твоих ненормальных.

– И что же?

– И то же! Или не то же? Крочь, успех! – Тут Мартин повернулся, благополучно разобравшись с вопросами безопасности.

– О!

– Ик-ага. Во французейшем смысле «аи»! Золото! Ой, нет, пгоди, это ж в прдической, хе-хе, прдичский таблице оно «Аи», а у... ау-ау-а-а-у-у-у! А у... К-хах! А у французов ж нет «аи», у них «еаи», и никакое это не золото, а вода... А у нас есть вода? – Генри поплыл, пора было маякнуть утлому судёнышку его сознания.

– Так что там с ненормальным успехом? – Ладно, вышло преотвратно, но попытка не пытка.

– А, ну вот. Мы попадём на следующее собрание. Им, вроде как, пзарез нужны новые люди. Так мы и проникнем.

Ещ... Ещ... Ещ-щ-щё одни сердобольные комки жира на кипящую за правое – нет, левое! – дело сковрду.

– Кипящую? Они что ж, прям такие анархисты-ревлюснеры?

– Анархисты? С щво ты взял? Не-не, у них всё при себе! А то и большь, чем нужн.

– Расширяется предприятие, хи-хи, а?

– О да! Оказывается, полно желающих псмотреть на этот цирк ближе, чем из первого ряда.

– И мы туда же, – устраивался Мартин на своей койке, расплескав видимые в поднявшейся пыли калейдоскопики дивных сновидческих миров.

– И нас туда же.

7

– А, чтоб вас...

– Дорогая, помни о манерах!

Селестина куксилась из-за того, что теперь флю-транспортироваться могла лишь в сопровождении Сёриз, и, чтобы вновь обрести независимость, заново открывала для них обеих счастье пеших прогулок и поездок в общественном транспорте, отводя своей доброй, слишком доброй и рассудительной, подруге роль вedomой. Та и отыгралась: пришлось по обоюдному согласию и естественным причинам

смотреть по флю-каналу к, как его игриво назвали, Le Petit Palais du Pipi неподалёку от настоящего Пти-Пале. «Всё-таки в этом отношении город ужасно непрогрессивный и маскулинный, расположенной к длительным прогулкам даме предлагается столь мало удобств!» А переход по флю-каналу для введомой, то есть на сей раз Селестины, означал неизбежное головокружение, мигрень, комок к горлу, тошноту, холодный пот, слабость или всё вместе в зависимости от слаженности перемещающегося дуэта. Селестина проявила самообладание, так что узнать, что же из всех этих напастей выпало ей, для наблюдателя было невозможно. А выдержка сегодня была нужна, как никогда прежде – день обещал быть хлопотным.

То было двадцать восьмое мая. День всегда предсказуемый астрономически, но никогда – по последствиям. Ещё никогда не была экранирована столь огромная территория, ещё никогда на такой территории не собиралось так много людей – и это несмотря на понедельник. «Уж если где мёдом намазано...» И ещё никогда на такой территории с таким количеством народа не было такого объёма потоков, готовых забурлить и вскипеть.

Впрочем, первая половина дня выдалась на удивление спокойной. Не встречались ни помешанные, ни бесстыдные миноры, ни прочие подозрительные личности, даже в целом по городу, вроде бы, уровень преступности был ниже обычного. Но урбматерия не обманывала: она, как и полагается в

подобный день, не была тиха и стабильна. Штабу пришлось поднимать весь резерв, однако не столько для ликвидации уже появившихся прорывов – их-то тоже было меньше ожидаемого, сколько для неминуемо последующих, компенсирующих утренний недостаток. Вот этим-то закладыванием будущего, обеспечивающим ситуации суммарную *естественность*, и пытались пресечь настороженность Селестины. Да что там: её в «выставочный» патруль-то сегодня сплавил, лишь бы сама во всём убедилась.

Что ж, напарницы, как и в прошлые разы, начали обход с воспроизведения маршрута Селестины той ночью. Снова сельскохозяйственное, котельное и уже транспортное оборудование, вновь смотрители Выставки и отлынивающие от лекций «латиняне» встретили странную парочку механоманок полным непонимания и удивления взглядом.

– Вы что, никогда не видели бициклистов и автомобилистов, чтобы так бесстыдно глазеть?

– А то как же? Ежедневно в Cafe d'Harcourt!

– Да как вы... Да как ты, хамло, смеешь? Сейчас твоя щётка под носом мне сапоги чистить будет!

– Тише, тише, дорогая, идём отсюда. – И уже на достаточном расстоянии: – Что ты?

– Да ничего я! Я, я вообще ничто! Пустой звук! «Не беспокойся, всё в норме». «Редко, но бывает». Гр-р. Прости, милая.

– Давай-ка на воздух, здесь мы не узнаем ничего нового.

Они вышли на боковую улочку, примыкавшую к ограде и послужившую пристанищем дополнительных павильончиков, преимущественно подсобных, однако и на ней зачем-то предлагали оценить и резину, и баварское пиво – прямо по соседству. «Миноры встречаются даже тут».

– И вот здесь ты смогла спрятаться от тренированного мужика с грудой новейших штуквин? О, а стекло-то уже вставили. Любопытно, списали на жирного голубя или на отлетевшую от экспоната пружину?

– Я только сейчас вообще осознала, как далеко от тебя была. Будто одной секции тогда и не существовало. Вот этой, художественной. Сразу Дворец оптики, марео- и синеорама... небесная сфера и... О-о...

– Что, падение?

– Разве что моих интеллектуальных способностей. Я дура. Смотри, смотри, что рядом со сферой! Как я вообще могла это не только проглядеть, но и вовсе не учесть?

– О-о. Вокзал Марсова поля. Ладно, я тоже не лучше.

– Вот мы и нашли несколько соломинок. Уже в этом ты была права.

– А ты – в том, что это не всплеск. Кажется, что-то во всём этом мы понимаем. Да только папá больше утвердился в мысли, что никаких «включений» и «соломинок» не было. Задержанный экранированием отток.

– То есть его не смущает, что оно слилось куда-то не туда? Ты же потом указывала, что единой воронки вниз нет?

– Указывала, но если её не было видно на флюграмме, то это, чисто технически, означает, что периметр и впрямь сработал.

– Да, но вокзал? Неужто в штабе вот совсем не придали этому хоть какое-то значение?

– Какое-то – несомненно.

– То есть ничего, что это тоже может быть частью плана?

– Сели...

– Сама рассуди: вот та сфера, вот пустота вместо моста, вот урбматерия, с которой сцедили умбрэнергию, а вот... их доильный аппарат.

– Очаровательное сравнение.

– Очаровательнее то, что на вокзалах традиционно запутываются и наслаиваются потоки, которые отследить невозможно, а если злоумышленники умеют ещё и передавать команды с одного уровня на другой, то перспективы и вовсе безграничны: любой мостик над путями, любой переход, любой переезд – и всё.

– «Они»? Уже не «он»?

– Во-первых, один «он» у меня уже есть, не хочу запутаться...

– До чего порядочная девушка. Ай!

– Ай!

– Ну, не на людях же!

– К-хм. Во-вторых, это уже настолько План, что для его подготовки и осуществления нужны несколько участников.

– Н-ну как скажешь.

– Ты мне хоть немного веришь?

– Ох, старые боги подмигивают таким перипетиям. Отказываться принять это за их знак будет невежливо и неучтиво.

– Дай я тебя расцелую!

– Для публики, полагаю, безумств на сегодня и без того хватит. Слушай, – посмотрела она на предплечье, – пока всё спокойно, а до главного события ещё далеко... Как тебе идея немножко отвлечься? Мы же на Выставке, а я хочу посмотреть же что-нибудь без оглядки на обязанности.

– Да уж, безумством сегодня заражены все. Ай!

Так они, с соблюдением всех правил приличия, и переместились к Малому дворцу. Есть пока не хотелось, так что проигнорировали возможность подкрепиться в «Ледуайен», предпочтя свежий аромат садилов, обрамляющих «дворцовую» часть Выставки и её светлые, лишённые прокуренной желтушности песчаника контуры, сколь угодно противные критикам без доступа к власти, и позолоте декора, яркую, ещё не омрачённую завистью и жадностью. Видели они и лениво взмывающее к своим собратьям облачко – ах, жаль, не успели на рейс! Но ничего, откуда-то за Гранд-Пале доносились музыка.

Музыка! Скорее, скорее туда! Оркестранты пользовались отсутствием надзора, а потому закатывали мелодии шансонеток. Селестина и Сёриз пустились в пляс, каблуки высекали из придорожной пыли искорки, юбки их развеивались

в лисьи хвостики, а ис-диспозитиф Сёриз только и поспевал дарить всем вокруг внезапных солнечных зайчиков, будто бы от хозяек хвостиков и драпавших. Смех! Когда в последний раз они были столь же беззаботны? Да неважно – они счастливы сейчас. Они могли бы взмыть к небесам и без дирижабля, не было ни лишней ноши, ни лишних попутчиков... Но был взгляд какого-то, по-видимому, администратора, вперившегося в музыкантов, покорных его бюромантии и переключившихся на другие сочинения, более спокойные и пристальные державности архитектурного ансамбля. Через каких-то полгода, после снятия экранирования, это видение Дворцов станет официальным. Не одной из возможностей, но основной оптикой измерения потоков и каналов, пересекающих здания и транслируемых ими, которое устанавливает правила и законы их связи. Но пока что... Пока что это не их забота. Танцы аж вскружили головы и помрачили сознание, на миг потухли краски мира, до того необычайно яркие, – отчаянными ли стараниями музыкантов, сопрягающимися ли стихиями, собственной ли подруг расположенностью. Фуф, скорее искать рикш – и на Эспланаду.

Само название, конечно, несло отпечаток разрушения, потери и неполноты, но не потому ли нынче Эспланада инвалидов отдана под всё созидательное и необычайно мирное, соперничающее лишь красотой. Не красив ли даже такой приём, как упрятанные под пешеходную зону железнодорожные пути вокзала Инвалидов? «Ой, нет-нет, это всё позже».

В полную противоположность Дворцам место было лишено историчности. Оно связывало не во времени, ведь для всех оно было одним – современностью, но в пространстве. С восточной стороны у ограды расположились особняки провинций Шестиугольника: Пуату, Арле, Прованс, Бретань, иллюстрирующие их нынешние жизнь и уклад – ну ладно, без небольшой ретроспективной справки не обошлось, однако она не в акценте. Но что же это перед ними? Ах! Скорее внутрь! В павильоне открыли свои филиалы «Vop Marché», «Louvre», «Printemps» – бокалы золотистой амброзии меж кувшинов с водой и чернилами! «Вернёмся сюда ночью и оставим себе что-нибудь на память! Ну! Ну-у... Ну тебя». Нашлись даже украшения от дома «Тиффани» и других мастеров ар-нуво, вдохновлявшихся, помимо прочего, и египетской темой: здесь и сапфировые скарабеи, и изумрудные стрекозы, и рубиновые скорпиончики – в меру шокирующе и провокативно. «Вот бы папá это всё видел!»

А что же ближе к Военной школе и с западной стороны? Мебель, обивка, обои, столовые приборы, элементы декора из бронзы и железа – всё также в новейших и проверенных вкусом стилях. Надоедает ли, что все устремились в одно русло? О, нет-нет, не в ближайшее десятилетие – и пока не вырождается в массовое да штампованное. «Мне нужно посидеть на этом диванчике!» «Мне нужна эта лампа!» «Мне нужна книжка, подходящая этому дивану и этой лампе!» «Мне нужна книжка, подходящая мне, сидящей на этом

диване и читающей в свете этой лампы!» «Фуф, и правда что пора присесть».

После отдыха, чтобы вновь не утруждать себя, отчего бы не прокатиться на уже знаменитой самодвижущейся дороге? «Да они подбираются к нашему способу перемещения!» – подмигнула Селестина. Привычные к внезапным ускорениям, в отличие от многих дам, а то и жантильомов, подруги смогли удержаться на самой быстрой дорожке троттуар-рулан со скоростью, достойной иного творения братьев Рено или Мор. Оторваться от городской суеты. Вознестись и окинуть взглядом дома – те самые, иктерические – на авеню Рапп и Боске, рю де Гренель, Сен-Доминик и де л'Юниверсите, поневоле превратившиеся в заповедник седьмого округа и фактически варившиеся в собственном соку ввиду ограничения сквозных потоков экранированием выставки. В какой-то мере, впрочем, это было справедливо: если на Выставке были антропопарки, представлявшие жизнь людей определённой эпохи или местности, включая город-хозяйин предыдущих веков, то отчего не быть и такому же парку, посвящённому нынешней жизни самих горожан? Вы видели народы и племена, покорённые великими нациями, а не желаете ли *свысока* взглянуть на «воспетый» Бальзаком лё Фобур и его обитателей? Захватывает.

«И вновь привет тебе, Марсово поле. Да сколько ж можно?» Нет, в этот раз они пойдут по его восточной половине, без захода в тяжеловесные металлургические павильоны,

сразу к набережной... Секунду, а это что? Дворец костюмов? Дворец костюмов! Так вот, на что могут пойти обнаруженные на Эспланаде атлас, батист, бомбазин, габардин, газ, кисея, коленкор, креп, кретон, лоден, мадаполам, муслин, оксфорд, органза, – Селестина ныряла в одни ряды и выпрыгивала из других, примеривая то одно, то другое, на что Сёриз отвечала неодобрением, но всё же позволяла и себя в это втянуть – пашмина, поплин, сатин, ситец, тафта, твид, тик, туалет, фланель и... – и тут Селестина поймала себя на мысли, что легче и в гораздо большем объёме могла бы воспроизвести по памяти большее число архитектурных материалов и элементов. «Кто ж такую замуж-то возьмёт?» Красота, но одно расстройство. «И вообще, у нас фасончик моднее будет, даже без учёта ис-диса, а с ним – так и вовсе несравненно! Вот!» Что ж, иногда при декларировании дозволительно быть косноязычным для придания заявлению стержня, большей ригидности и недопустимости оговорок – и к чёрту аргументацию! На том, пожалуй, пора было вернуться и к своим обязанностям. Выходили подруги с гордо поднятыми головами.

Нет, правда, портные Директората действительно добротнo потрудились над их... даже невозможно называть это «формой №4, светской». Блузы приглушённых цветов с очерчивающими тёмными поясами в три пальца шириной, гармонирующие с тонкими редкими полосками – лазурно-пепельными у Селестины и вишнёво-шоколадными у Сё-

риз – на белизне простых юбок-колокольчиков и курток с уменьшенными муффонами плеч. И всё из добротной ткани. Плюс, что немаловажно, без жёсткого корсета вопреки требованию времени. Девушки, бунтующие против этого – что в прямом, что в переносном смысле – набирающего вес предмета туалета уже ввели в оборот фразочку: «Пойдите, сударь, и дирижабль в него затяните, а меня не раздувает!» Инженеры, услышав такое, вероятно, были бы весьма раздосадованы.

Не всё напарницы посмотрели, не всё успели оценить, но до чего же незаметно пролетели...

– Ох, пять часов! – провела простенькие расчёты и слегка ужаснулась на подходе к Йенскому мосту Сёриз.

– Это место непременно следовало экранировать. Всё-таки здесь платят не франками, а временем.

– А точнее даже так: франками – за настоящее, действительное и реальное – выбери по вкусу, – а временем – за будущее, грядущее и неизбежное, – уже догадываешься, что следует сделать.

– Что же, в рецепт не включены «наблюдаемое» и «возможное»? Пессимистично, моя дорогая, – спрыгивала с тени Трёхсотметровой башни на камни моста Селестина.

– Это всё накатывающее и преходящее. Ис-диспозитиф даёт о себе знать.

– Уверена, что это не мелюзга какая-то тебя задела? Такой

большой город, а не то, что ходить – разойтись негде!

– Естественное объяснение. Ты утренняя себя бы дневную послушала. Нет, Сели, мы должны быть готовы. Затаимся и будем выжидать. М-м, как тебе вон то заведение? Обзор неплохой, есть перегородки и всё нужное, чтобы не нарушить цеховой этикет.

Мимо них продефилировали пользующиеся увольнительной на берег два моложавых статных офицера в русской тёмно-синей форме и кажется, уделили чуточку больше внимания платьям Селестины и Сёриз, чем рекомендуется в обществе, однако исправились парой лаконичных комплиментов, за что были прощены. Тембр показался Селестине знакомым, но то, должно быть, какая-то профессиональная лингвистическая aberrация, свойственная русской военной языковой школе. И хоть она старалась не сваливать всё в одну кучу и побереечь рассудок, всё равно получалось, что та троица как-то связана с... Ой, ну это.

– А пока мы идём, Сёриз, расскажи, кстати, что ты делала после кульминации ночного приключения? Я-то вот бесцеремонно плюхнулась в штабе, но ты появилась не следом за мной.

– Это такой интерес-извинение, что оставила меня там с кучей догадок? Ну, а что я могла придумать? Твой рыцарь без белого коня, но неплохо гарцующий сам по себе покрывался на месте с минуту и рысью ускакал куда-то в павильоны, так что я пошла туда, где видела тебя в последний раз,

думала спуститься к реке.

– Но-о?

– Но мои намерения встретили препятствие. Какой-то невнятный – что в смысле появления, что в смысле вида – охранник увидел меня на мосту. Он – в прострации, а я вся в белом. Начал мямлить что-то про белых женщин на мосту и страшную участь, если он откажется со мной потанцевать и сказать, что я красивая. Позже-то я вспомнила, что это за предание. Нам надо бы взять в оборот. Так вот, не сбрасывать же в реку было и его в отместку за тебя? Я подыграла. Раз-два-три, раз-два-три, всё, молодец-красавец, сторожи дальше. Надеюсь, с ним всё в порядке. Быстро оглядела место схватки, ничего не нашла – да, твой ис-диспозитиф в первую очередь – и переместилась в штаб.

Ротанговые кресла второго яруса двухэтажного ресторана на набережной приняли их в свои объятия. Селестина надеялась, что через них, через каркас строения и почву, через окружавшие их колониальные павильоны к ней перейдёт хотя бы крупица мудрости этих далёких, теснее связанных с природой народов, их тонкое ощущение своего места в этом мире, – однако понимала, что всё окружавшее их было и оставалось лишь подделкой, источавшей хлипкое сияние аутентичных форм, вызванное безвредным для архитектурносферы города – благодаря экранированию – сгоранием сих чуждых, не привитых к нему конструкций. Но ни одной из этих пагод, мандир, ступ, чайтья, сала, ханака – и что там

ещё есть – не было суждено простоять более одного сезона: их токсичное разложение, не будь создано экранирование, пресекли бы сносом и, на какой-то срок или до появления особых перекрывающей силы обстоятельств, градостроительным вето.

Единственным объектом, своей статью и органичным, и содержательным, и смыслообразующим, перманентнымместилищем всех возможных собраний был Дворец Трокадеро. Браво гениям Давью и Бурде, умудрившимся сплести в нём мавританское и византийское начала, короновавшим его диадемой статуй наций, давшим ему дуги-крылья, которыми он, как заботливый родитель и воспитатель, укрывал павильоны-сироты, оторванные и воспитанные на чужой земле, отданные на заклятие и потеху... «Как пастух с двумя овчарками, погонявший стадо», – пыталась выбить первую аналогию Селестина. Но нет, то была правда, он даже позволял Мадагаскару усесться ему на шею. Это здание источало музыку, переливалось архитектурной полифонией, оно сглаживало противоборствующие течения и находило им верные углы сочленений. Но было в нём, в аркаде нижнего яруса, и что-то от мрака Колизея. Да, в него закладывали ложную открытость соперничества и борьбы, она это знала, – но вот чувствовала иное. Пожалуй, только внутреннее благородство сего метиса-полимата и препятствовало тому, чтобы вытекающий из его подножия водопад, рифмованный Шато д'О на Марсовом поле, не окрасился в алый и не стал

продолжением и посвящением римскому богу войны – это его поле, не его город.

Селестину отвлекли не знающие устали мальчишки, разодетые по модной морской теме, пробежавшие опасно близко к довольно грубым столикам и показывавшие руками какие-то фигуры, которые, как она позже сообразила, обозначали дирижабли и полёты на них: головы и тельца становились гондолами, а поднятые над головой и разведённые луковицей руки со сцепленными в замок пальцами – волшебные, как для малышей, газоносные оболочки. Не забывала детвора издавать и смешные, а порой и сомнительной приличности звуки, имитировавшие то работу пыхтящих и жужжащих двигателей, то выходявший из разошедшихся швов газ, то, кажется, что-то отдалённо напоминавшее русский военный жаргон, чем неизбежно вгоняли в краску своих нянь и матерей. Селестину же это заставило улыбнуться. «Любопытно, сколько сегодня берут – или уже прямо-таки бесстыдно дерут – за полёт?»

Возможно, это была бы её последняя непринуждённая улыбка на сегодня – подкрадывались минуты сопряжения светил. Последствий предостаточно, если Солнце и Луна просто изволят появиться на небе одновременно. Уже от этого все флю-мируа в неопытных руках могут потрескаться и лопнуть в жалкой попытке регистрации без фильтрации и сортировки всей активной умбрэнергии, выплёскивающейся из недр и вскипающей в пресыщенной сольэнергией сре-

де. Но Луна, встающая в линию с Солнцем, – это и вовсе неуправляемая нефтяная скважина, притом горящая, потоп городского масштаба. О, нет, дело не в каком-то мифическом страхе и ореоле таинственности события. Обыватели и вовсе могут не почувствовать изменения – не моментально. Но значительная часть всех будущих обрушений зданий, пожаров, логистических патов, актов преступности из-за разбушевавшихся миноров, вспышек инфекций, а порой и умонастроений объяснимы затоплением и заболачиванием умбрэнергией, которую не смогли вовремя перенаправить и отвести. Селестина и Сёриз и сами ей пользуются, но масштабы совсем не те, да и противопоставить что-либо стоящее – нечего. Стратегически можно только пытаться сконструировать карту потоков на основе получаемых сведений и посылать урбматерии команды для изменения состояния, а локально, подбирая варианты по ситуации, – справляться с тем, что имеет низкую скомутированность или не укладывается в общую выработанную схему.

Не могла Селестина, пока поднималась по винтовой лестнице, не встретиться взглядом и с колоссом Павильона русских окраин, бесцеремонно доминировавшего на Трокадеро и над ним. Вновь она размышляла: как поведёт себя он, даже будучи за периметром? Охватывает ли его периметр целиком? И может ли он быть использован в гнусных целях независимо от ответа на предыдущий вопрос?

Положим, Селестина о Павильоне и не справлялась, но ей

и в манифест заглядывать не нужно, чтобы по видимой части конструкции определить гуморы объекта. Ей представлялась грязной фальшью его попытка скрыть свои истинные размеры светлым блеском металла, мимикрировавшего под небесную твердь, но на деле – царапавшего и рассекавшего её, впивавшегося в неё. Было странным, но она не обнаруживала признаков горения, только ощущение холода. «Стало быть, это одобрено на самом верху? Ещё и Выставку переживёт? Жуть». Казалось, сооружение зачем-то пыталось соперничать с Дворцом, передразнивало его, выворотив наизнанку само естество, превращало себя в огромный орган. Чем дольше она смотрела на него, тем больше была уверена, что оно вследствие извращённой эндотермической реакции изымает из пространства краски, музыку, ароматы и очаровательную квазигармонию, подменяя своими, излучавшими что-то неземное, что-то на стыке первопричин космоса и хаоса. Чужеродный кристалл отталкивающей сингонии, чьи трубы-щупальца присасывались к пространству и времени и притягивали к себе, душили, давили, обвивали, подобно столь же чуждым созданиям из морских пучин – и теперь расплывались чернильным пятном в меркнувшем свете Солнца.

Всё, она не могла на это смотреть, и мучить этим же Сёриз не собиралась, а потому уговорила пересесть на южную террасу: затмение видно так же, только без отвлекающих и угнетающих факторов, а официанты начали предлагать за-

копчённые стёклышки. Впрочем, всё пошло не совсем по задумке...

«Такого-то левиафана проглядел! Вот он, корень моей хандры в те дни! А ты знаешь, есть в этом что-то от архитев-тисов, октоподов, каракатиц и прочих милашек – приматов океана, избравших путь трудной морской эволюции...», – услышала она исходявший откуда-то снизу разговор по-английски со стороны близлежащего книжного киоска, за какой-то невнятной потребностью разместившегося здесь, ведь он располагал лишь обычной европейской литературой, а потому больше напоминал... «Миссионерскую лачугу сию перерою, но найду тебе то описание из Гюго!» Точно, миссионерскую лачугу! Нет, она решительно хотела увидеть своего собрата по несчастью, но, повертевшись в кресле, так и не смогла найти удобную позу, а разглядеть общавшихся удалось лишь, как это называется, краем глаза – всё-таки, киоск был не совсем в прямой видимости: его загораживал обструганный лес подпорок, рядок высаженных пальм и какие-то декоративные ширмы, ещё и эти чёртовы котелки и цилиндры – где-то за всем этим и притаился источник любопытных речей. Увы, подняться и подойти туда – вот так, напролом, отбросив правила приличия, забыв о подруге и, вероятно, опрокинув в полутьме столик, не было суждено.

Непонятно откуда выскочила – и соблюла ли правила цехового этикета? – слегка встрёпанная, замотавшаяся Корнелия, у которой были новости. Тем временем сургучом на-

плывала Луна на дневное светило, и на ней уже начали проступать тёмные сигилы, де-факто скрепляющие любые заклятия и умбральные контракты.

Селестина всегда умела расставлять приоритеты, а потому довольствовалась доносившимися сквозь фоновые шумы обрывками цитат. В конце концов, в городе помимо миноров хватало приличных эмпатов вне Директората, ещё когда-нибудь пересечётся, в таких обстоятельствах это и не мудрено. Корнелия определённо мчалась к ним на всех парах и довольно долго металась в поисках: жадно хватала ртом воздух, в чём ей совершенно не помогал корсет, и тяжело опиралась на столик, едва ли не расплющив пальцы. У публики, кажется, по поводу неё разово случился приступ светской куриной слепоты.

«Ага, вот! На вас нападает воздушный насос, – декламировал на сносном мурлыкающем французском искажённый прочими шумами голос. – Вы имеете дело с пустотой, вооружённой щупальцами...»

– Селестина, Сёриз, – прерывисто и тихо говорила она, – Зацепка. Одна.

– А что же не по ис-дису?

– Замучаюсь отбивать.

«...Кровь брызжет и смешивается с отвратительной лимфой моллюска. Множеством гнусных ртов приникает к вам эта тварь...»

– Ранним утром, – отдышалась она наконец, – в субботу.

Как понимаете, придётся обычным транспортом. Но тебе-то, Селестина, к такому не привыкать, да?

– Пожалуйста, дальше, – взмолила она, но с мольбой обращалась не к Корнелии.

– Агитационное собрание кучки придурков-анархистов. В Нёйи-сюр-Сен.

– Да, на это они горазды, сборища, – просмаковала Сёриз, – единственная форма организации, которую они ценят.

«Вы – пленник этого воплощённого кошмара. Тигр может сожрать вас, осьминог – страшно подумать! – высасывает вас».

– Анархисты в Нёйи, – просмаковала Сёриз. – Нигде в фаланстерах для равновесия не зародились монархисты и капиталисты? Чем они нас заинтересовали?

«Он тянет вас к себе, вбирает, и вы, связанный, склеенный этой живой слизью, беспомощный; чувствуете, как медленно переливаете в страшный мешок, каким является это чудовище».

– Дай-ка подумать. Тем, что о них идёт молва среди подонков, неудачников и юных талантов? Тем, что молва стала интенсивней в последние дни? Особенно на Монмартре?

– Сели, Луг и впрямь подмигивает нам. – Та растерянно улыбнулась и взяла Сёриз за руку, провела большим пальцем по тыльной стороне ладони и тут же выпустила. – То есть гораздо позже инцидента и после фиксирования всплеска, который не всплеск?

«Ужасно быть съеденным заживо, но есть нечто ещё более страшное – быть заживо выпитым».

Селестина отметила, что шептаться они могли уже менее напряжённо ввиду освобождавшихся вокруг них столиков – не из-за их разговора, просто затмение уже было не столь эффектным. Однако стоит допустить, что и монолог снизу привнёс свою лепту, если судить по участвовавшему тихому, сдавленному детскому плачу.

– Она, эта группка, вылезла на поверхность, когда некие, по признанию местных, нездешние начали расспрашивать о том, нет ли у нас какого политического, как это называют британцы, *bizzare*. Ну, им и назвали всего одних.

– Какая прелесть! Селестина, у нас новая развилка!

«Вы отрицаете вампира – налицо спрут... Ладно, признаю, декламировать такое в затмение – то ещё развлечение».

– Сели? Селестина! – легонько стукнула её по ноге Сёриз своей.

– Ай, зараза. Да-да. Вы ничего такого не слышите, нет? Ладно, вернёмся к теме. Выходит, то ли чистое совпадение, вызванное праздностью, то ли некто столкнулся с тем же, что и мы, и начал сам искать ответы, то ли...

– То ли это не то какой-то трюк с целью проверить, хорошо ли подчищены следы, не то мудрёный способ заинтересовать в себе публику, раз уж и мы узнали про субботнее, – отметила Корнелия.

– Кстати, передай девочкам, что мы у них в долгу и признательны за избавление от походов в те кварталы.

– Ты ещё пожалеешь о своих словах, – хихикнула и подмигнула Корнелия. – Есть одно обстоятельство. Знаю, оно может быть притянута за уши, но...

Корнелия складывала в уме следующее предложение, снизу же, тем временем, ничего не было слышно. Селестина прокляла чтеца за отсутствие выдержки и безразличие к ней, будто он мог знать, что его кто-то подслушивает, что его страшная немелодичная серенада нашла своего адресата, что она хочет как можно скорее завершить этот разговор и броситься к нему – да не может. Но для чего он ей? Для совета? Для неопределённой поддержки? Пожалуй, что так. Провидение было милостиво к Селестине, она вновь услышала его голос, уже удаляющийся. Она почувствовала облегчение, но вместе с тем и грусть, ведь всё же он неспешно покидал её. И мигом нашла наиболее вероятное объяснение той паузе: незнакомец покупал впечатлившую и его самого книгу, и теперь, не обременяющий торговца своими шокирующими повадками, полноправный владделец книги, он на ходу, останавливаясь ради поиска лучше освещённого направления, – электрические огни уже в этот час, но отчего-то не в минуты затмения, наряжали площади Выставки в перламутровое с золотом колье, – извлекал мудрость.

«А, вот ещё! Спрут – это лицемер. На него не обращаешь внимания: он обнаруживает себя внезапно. Комок слизи, об-

ладающий волей, – что может быть страшнее! Капля клея, замешанного на ненависти».

– Но оно таково, – соизволила продолжить Корнелия. На самом деле прошла лишь пара секунд, но других таких мгновений, полных чувств, образов и рассуждений, Селестина не смогла бы припомнить, столь редки они в любой жизни. – «Нездешние» что-то понимают в урбэмпатии. Во всяком случае, один из них. И ты себя уверила, что той ночью наткнулась на русских, делавших странные замеры в области, близкой к возможному местоположению... чего бы-то там ни было по твоей гипотезе. Увы, я не выяснила, какой, по мнению «здешних», язык родной для «нездешних». В городе сейчас полно иностранцев, однако в данном случае совпадений многовато.

– На это, моя милая Корнелия, у нас есть своё «одно обстоятельство» опровергающего свойства, даже два, – и Сёриз принялась вводить Корнелию в курс предшествовавших их встрече открытий.

А до Селестины донеслось последнее, уже далёкое, но подкрашенное театральностью интонаций и соответствующей силой голоса, будто обращённое к ней одной: «Спрут вероломен. Он старается сразу ошеломить жертву».²¹

После этого всё внезапно стихло, отчего-то объяла тоска. Но вместе с тем и умиротворённость: из штаба не сообщали о сопутствующих потопу событиях, он будто сам растёкся и рассосался, втянулся обратно в тёмное лоно. Не могли же

случайно накануне найти идеальную комбинацию и не заметить этого? Нет, конечно, это тоже утопия. Это была тишина, как после града или крупного дождя. Или артобстрела. Значило ли это, что сейчас, когда богиня войны сказала своё слово, на них пойдут в наступление пехотой?

До сего дня мою решительность подкрепляли только письма к тебе. Вернее, те их подобия, на каковые лишь и способен – с моей-то «усидчивостью» и «собранностью», с моим косноязычием, с моей изрубцованной тканью сознания. Да, мои послания безответны, но ты не можешь их не получать. Мы это обсуждали. Как приятно вспомнить твой голос, пускай он и возвращает к моменту нашей разлуки, но вместе с тем и заставляет вспомнить, что в будущем есть время и место, когда и где мы – да, да, я помню, помню, что, скорее всего, в последний раз, а наши жизни при этом оборвутся – вновь сблизимся, испытаем прикосновение, каковое не испытывал и, остаётся надеяться, не испытает более никто. Никто, никогда и нигде. Позабудемся и мы. Я прихожу к мысли, что если по окончании всего намеченного нас вымарает история, то это только к лучшему, поскольку более никто не соблазнится тем, на что покушались мы.

До сего дня мою решительность подкрепляли только письма к тебе. Для меня они важны и потому, что остаются тем единственным, что не растворится в пене дней, тем, к чему и ты, и я можем возвратиться в любой последующий миг. Эон их не отнимет. Но они же – и моя эпитафия. Я пишу эти строки, употребив вместо стола надгробную плиту. Из особеняка мне пришлось перебраться на кладбище в один из фамильных склепов, окончательно переставших исправно, хоть и всё менее героически и всё более паскудно, – подозреваю, в том и причина, – пополняться. Впрочем, для тебя это излишние подробности. И всё же я оставляю их на бумаге с тем, чтобы ты понимала: Её зов был силён, как никогда. Я поддался. На земле мёртвых я стал к ней ближе, но хотя бы влечение к Ней истязает меня не столь болезненно. Я знаю, что ничего хорошего в этом нет, ведь так Она обретает власть надо мной и в этом тяготении готовится разорвать и поглотить мой разум.

Но только сейчас, как я почувствовал, Она дала понять, что не стремится помешать мне, нет – только подстегнуть, подхлестнуть. Она как-то ощущает, что я веду приготовления, связанные с её освобождением, но мнит, что тем всё и должно завершиться. Такая вот извращённая благодарность. Любопытно, считает ли она меня мертвецом, вернувшимся в мир живых? Способна ли воспринять, откуда я явился? В любом случае, не думаю, что она знает о тебе; Её интересуют лишь мои намерения, мои желания... Но я опасаясь, что

Она почуяла их, поскольку – каюсь! – не оставляю надежды вернуть тебя. Не оставляю этой, как бы ты сказала, детской, наивной, невозможной надежды.

Увы, некому более меня сдерживать.

До сего дня мою решимость подкрепляли только письма к тебе, но теперь стоит признаться: несколько часов назад мною всё же был запущен необратимый и самоподдерживающийся процесс – перпетуум мобиле людской глупости, порочности, страха, веры, жестокости. Элементы и обслуживающий персонал сами к нему притягиваются; исправно играют свои роли и не отказывают всем желающим присоединиться, тем укрепляя вверенный механизм. Если ранее я не мог отступить, потому что не был способен забыть о тебе и оставить наш план, то отныне сил мне придаёт ясность видения того будущего, к которому обращены все мои действия. И его неотвратимость.

Нахожу, что мои компаньоны видят будущее не так, как я, зачастую лишь отдельные его аспекты, но им и мне этого достаточно, тем более что они не были Там и не ведают того, свидетелем чего суждено быть мне. Для кого-то из них будущее – бегство от прошлого, для других – от настоящего. Что ж, своего погонщика и навигатора они нашли. В целом мы сходимся на том, что событие в будущем, ради которого всё и затевается – отсекающая точка. Вот только говоря об этом, они произвольно озираются и оглядываются, ну а я...

Я закрываю глаза и вновь вспоминаю один из эпизодов

моей сегодняшней вылазки в город. Прости, не смог, не смог отказать себе в удовольствии понаблюдать за горожанами из теней, благо что на несколько минут во тьме растворились все Двадцать округов. И всё же прогулка неожиданно стала бесполезной, когда до моего уха долетели обрывки речи, свидетельствующие о своевременности и успешности доставки распространяемых вестей и намёков. Но для меня важнее было то, что слух уловил куда чётче, будто я не столько слышал, сколько с небольшой подсказкой сам, внутренним голосом, воспроизводил по памяти доносившееся до меня. Я слышал, как кто-то – ох, жалею, что не догадался тогда же рекрутировать в Совет этакого оригинала! – зачитывал отрывки из книги, которую мы с тобой пересматривали незадолго до того... что случилось. И на мгновение я увидел, как мы с тобой перелистываем те страницы. Ни мы тогда не понимали, ни они сейчас, на то похоже, не оказались способны оценить, о каком же спруте речь. Однако нельзя отнять того, что кто-то почувствовал: мир высасывают, жадно, хищно пьют. Но правда ли, что мир безвозвратно пустеет и бледнеет? Не был ли этот день насыщенным, как никакой другой? Соглашусь, для этого необходимо обладать знанием, а даже и чутьём, на что обращать внимание. А с этим у Директората проблемы. Всё, что мы за эти сутки с ними проделали, если к этому присовокупить предшествовавшую многомесячную подготовки не без инцидентов, что так и не удостоились должного внимания, – это обвинение. О, нет,

никак не приговор, не мне их судить. Пусть осудят себя сами, пусть сделают признание – достаточно всего одной фразы! и всего лишь от одного человека! – и тем сохранят каплю достоинства. Пусть выжмут из себя эту каплю, даже если капля та обернётся слезой. Ей не под силу будет смыть налёт и копоть, что замутняют взор Директората, но в ней не будет и яда, которым Блез отравляет правду и сам Директорат, заставляя тот пухнуть и разлагаться. Устроенная нами ишемия коммуникаций и без того была неизбежна. Но и ждать более нельзя, иначе... В общем, сыграем на тайном страхе Блеза.

Гладь уже взрывают серебриющиеся круги...

Я закрываю глаза и вновь вспоминаю, как три года назад снова, а в каком-то смысле впервые, увидел Директорат. Знаешь, его здание ведь действительно пухнет. И в последние почти три десятка месяцев, кажется, всё отчётливее. Его купол и выгнутые дугами стены всегда больше напоминали не классические мотивы, – стоит признать, что архитектор уловил жажду вбирать в себя как можно больше, – а наполненные ветром паруса. (И один из углов мне по-прежнему кажется лишним, а даже, пожалуй, и в большей степени, если принять во внимание последние десятилетия работ по обустройству уличной сети; теперь Директорат будто бы в лёгкой дисгармонии с окружением и, что важнее, схемой движения.) И в свете случившегося в последнее время я бы не взялся гадать, выдержат ли они грядущий шторм, с которым им суждено встретиться. Шторм, от которого они не смо-

гут умчаться, и первые представления о котором должны были им дать нахлынувшие в день затмения потоки – отнюдь не воздушные. Им не избежать бури: мы запутали, нарушили и разрушили, обесмыслили систему и принципы функционирования их такелажа. Коммуникационные и каптажные аналоги гардаманов, гиней, горденей, драйков, зубил, лебёдок, лопаток, мушкелей, сваек, талей, шпилей – что там ещё? – всё это перестало иметь хоть какое-то значение, хоть какую-то пригодность, когда мне, по окончании всех хлопот, достаточно дёрнуть лишь за одну-единственную верёвочку и запустить машинерию, единственной видимой движущейся частью которой полагается поднимаемый занавес. Ха! Занавес против парусов...

Я закрываю глаза и вновь вспоминаю, как стоял на противоположной стороне одной из улиц, что – иначе и не сказать – огибали, обтекали Директорат. Сжимал кулаки и пересиливал желание – детское, наивное, невозможное, да-да – ворваться внутрь и побудить тех, кто внутри, сделать то, что должно. Но понимал, что в моих мольбах, доводах и угрозах не будет чего-то, что принудило бы и Блеза; он бы, скорее, как можно сильнее закусил собственный хвост и пожрал себя, а заодно и штабной мирок, что выстроил. Я понимал, что это крайнее средство, а потому остался наблюдать из теней, ведь я и сам остался не более чем смутной тенью в памяти немногих. Если и вовсе остался. А ты... Помнит ли кто-то тебя? Отважится ли кто-то вспомнить? (Впрочем, кое-кому

напомнить я намерен. Годы его не пощадили, но всё же не так, как он сам себя изнурял.)

Я закрываю глаза и вновь вспоминаю неумолимый поток света и жара, затем – как он постепенно гаснет и разбивается на искрящиеся брызги, орошает опалённую кожу, оседает пеной у ног... Я вспоминаю соль и воду. Я вспоминаю боль пробуждения Там. И тебя.

Я закрываю глаза и вновь вспоминаю...

II. Substructiones insanæ

8

Прошедший ночью тяжёлый дождь навожил предместные особняки Нёйи-сюр-Сен и оставил зелень во множестве жемчужин, рассеянием света утверждавших и множивших скоротечное царство Авроры. В этот непривычно ранний час Генри, как и обещал, вёл Мартина к занимаемому неким Советом архитекторов зданию. Это был рококо-особняк родом из середины XVIII века, за какой-то надобностью возведённый на самой окраине Нёйи-сюр-Сен – зато с видом на реку и остров Пюто. Возможно, что из некой провинциальной феодальной ностальгии по временам, когда дворянский

дом своими размерами и убранством монополюбно доминировал на многих акрах владения. Однако именно что «некой»: владельцы и сами, должно быть, стеснялись своего каприза, поскольку от чрезмерного внимания и, впоследствии, разбора по кирпичику и засилья отверженными, как и само строение, спасали усадьбу как отдалённость от города, так и плотный кустарник и высившиеся над ним липы, некогда смыкавшиеся строем по периметру, а ныне оставившие караульно-декоративную службу, осевшие и обзавёвшиеся кучерявым потомством. Причудливо была проложена подъездная дорожка: сначала она стелилась вдоль ряда деревьев, как бы шедшего внутрь участка и делившего его надвое – садовую и особняковую части, – но всё-таки оставлявшего на том конце достаточный коридор, и лишь затем, после поворота, направляла путника к дому. Такая планировка, прикинул Мартин, должна напоминать спиральную раковину или «G».

Прогнившие не хуже нищих гробовых досок половицы того, что отныне можно смело назвать *Hôtel de la Désagrégation*²², даже не скрипели – протяжно скулили под свалывшимися коврами, всеми в проплешинах и грязи, тронутыми тлением и крысами. До сих пор надеялись на возвращение хозяев, последний представитель рода которых, безусловно, удивительно походил, при всех своих гуморах, на знаменитого, положившего начало династии, предка. Было заметно, что жизнь когда-то кипела в этом доме, кипела до последнего. Однако высшие силы либо устали, – а то ли во-

все позабыли, – поддерживать в алхимической реторте семьи уровень жидкостей и ингредиентов, вовремя отвёртывая клапаны традиций, консерватизма и затворничества для изгнания лишнего напряжения, либо решили закончить эксперимент, выпарив всё и сразу в надежде увидеть – хотя бы на дне, хотя бы на самом дне – ту подлинно аристократическую в своей редкости кристаллическую субстанцию духа. Покрытые налётом пыли и сажи стены изначально красного цвета, некогда насыщенного, но всё же с лёгким амарантовым отсветом авантюры и легкомыслия, – более заметным ныне и более скрытным в те годы, – создавали впечатление того, что использованный для скоропалительных выпаривания и возгонки тигель о тысяче квадратных ярдов до сих пор не остыл, и лучше не касаться его стенок. А если бы кто и посмел, тому бы пригодилось иное сравнение, представленное Мартином: он вспомнил вид обугленного, но не прожаренного мяса, какое забыли вовремя перевернуть и снять с огня. Он вспомнил противное ощущение, когда с еле слышимым треском сковыривается чёрная короста и в трещинах обнаруживаются бледно-розовые волокна. По углам обнаруживались костяно-белые, давно уже бесхозные братские могилки гипсовых раковин, когда-то и давших название стилю. От подобной «археологии» удовольствие получить могут лишь немногие.

Однако Генри вёл Мартина меж потрохов дома, как профессор медицины водит студентов по «содержимому» пре-

парированного трупа, своей уверенностью доказывая, что в лабиринте анатомии нет бесполезных тупиков – и здесь он наверняка пошутил бы: кроме аппендикса и голов его учеников, – и что нужно всегда помнить о цели и приемлемости «маршрута». Быть может, он уже был здесь, но по какой-то причине скрыл это? Нет, он бы так не поступил с Мартином – с мистером Вайткроу, это просто интуитивное умение находить самую глубокую и полную ж...

...Полную жёлтого керосинового света залу. Неожиданно. На противоположном конце залы был установлен помост, близ него составлены подковой стулья – когда-то это был домашний театр, и правильнее было бы назвать возвышение авансценой. Трудно найти более подходящее место для такого рода представлений. Однако, похоже, Мартин и Генри прибыли несколько раньше остальных, и своей пунктуальностью были способны себя сей же час погубить – это всё-таки не кружок социалистов, борющихся за сокращение рабочего дня и считающих каждую минуту.

– Доброй вам зари, – поднялся сидевший на краю помоста индивид лет тридцати в лиловом платке в тон некогда белой, но ныне совершенно и полностью заляпанной вином рубашке.

– А, соратнички! – присоединился к нему второй в простом костюме, какой часто можно увидеть на провинциалах, приезжающих в город с киркой и лопатой; его акцент позволял предположить, что откуда-то из Бретани.

– Пока что только сочувствующие. Сочувствующие тенёта, – похоже, эта синтаксически некорректная фраза Генри служила паролем. Только сейчас Мартин заметил, что двоих, вступивших в контакт, прикрывали с флангов ещё двое, которые моментально потеряли интерес к прошедшим проверке и готовились к допросу новых визитёров – такое вот посменное разделение. Прекрасно, их убьют не прямо сейчас. И возможно даже, не столовыми приборами, с каким-то умыслом лежащими в корзинке у первого ряда стульев, а чем-то более эффективным и быстрым. Странно, что не истребовали пароль раньше, до прохода по поместью, а даже и до лабиринта зелени. Неужто они окажутся среди настолько немногочисленных новичков? Хотя почему бы и нет: Энрико получит эксклюзивный материал – представителей других изданий не предвидится, да и Мартину проще будет за всем уследить – меньше безыntересного пушечного мяса, больше игроков с их причудами. Одну он уже обнаружил: увидел, что на столике лежала «A Manual of Gesture»²³ Бэкона. Английское пособие по жестикуляции у французских подпольщиков, назначающих встречу в домашнем театре? Мило.

Тем временем прибывали другие участники. Предсказание Мартина не вполне сбылось. Некоторых входящих просто приветствовали, с других же, составлявших приличный процент от явившихся, тоже требовали наличия вербального ключа. И всё-таки... Как неофиты не сталкивались друг с другом и не сбивались в кучки, в которые мог затесаться

шпион, не знающий кода? С организацией либо всё очень хорошо и хитро, либо это не те, за кем отправился на сафари Мартин. Так или иначе, ему всё равно было интересно, какой же популистской платформой удалось объединить столь разношёрстную публику: зала наполнялась представителями каждого из двадцати округов, отражавших всё наличное население города, типажами предместий, а также фигурами, которых Мартин не узнавал и не мог распознать.

Похоже, комедия начиналась. Мартину показалось, что ветеранам скоротечного движения полагалось плотно облеплять собой стены и забивать проходы, не давая образоваться в зале какому-либо порядку и иерархии кроме той, что обеспечивал помост – но и тот не был владением одного, однако принадлежал и властителю дум, и его, по-видимому, гвардии. Те самые ряды стульев, похоже, отводились преимущественно новичкам, которых, таким образом, брали в плотное кольцо. Вот она, точка невозврата, так что вилку в глаз и ножик в таз было вполне реально выхлопотать – и почти никаких возможностей вывернуться из ситуации. «И будет совсем обидно, если это сделает какая-нибудь истеричная девица», – выдохнул он, услышав донёсшийся откуда-то сзади женский шёпот.

Уже знакомый квартет ковёрных клоунов просил всех собравшихся учесть, что половина здесь находящихся сегодня впервые увидят основателя и узнают суть дальнейшей работы общества – Совета анархитекторов, как они это назва-

ли, – которая отныне изменится, и которая только сейчас позволяет Совету более открыто набирать активистов. Можно предположить, что фундамент уже заложен, техническое обеспечение уже отлажено, стратегия скорректирована, будущие дивиденды распределены между учредителями, осталось только создать спрос и привить интерес в определённых кругах – и получать доход. Какого толка? Сейчас и поведуют – лишённой коммерческой подоплёки речью, разумеется. Если, конечно, это не тот редкий случай акта ради акта, искусства ради искусства – и далее в том же роде. А что, плетение заговоров, ставящих благопристойное общество в тупик, – вполне себе искусство.

Тем временем на помост взобрался предводитель. Только как-то странно: взошёл, спустился обратно – что стоявшие ближе всего расценили как особый жест и протянули к нему руки, – а затем уже окончательно занял своё место. Любопытно. Представился как Бэзи или вроде того, Мартин не очень понял. Как это вообще пишется? Когда же лидер начал говорить, слух резанул акцент: грамматику использовал самую простую и доходчивую, «г» он, как мог, картавил – вот только на немецкий манер, «ch» же не шелестел, но чавкал – ну, и многое так, по мелочи, что подчёркивало интернациональность оратора, сопровождавшего приветственный монолог фейерверком взрывающихся к небу и в стороны кистей рук – избыточной жестикуляцией, похоже, как раз из той самой книжки. Прелюбопытно. И как люди признают его

лидером?

А «увидеть основателя», кажется, означало «увидеть тело и образ основателя». Лицо было прикрыто асимметричной треснувшей маской, но Мартин уже не сомневался, какие бертильонажные черты, ею сокрытые, следовало бы прибавить к доступным глазу. Кажется, наставник начал переходить к сути.

– Я учился у Равашоля! – Вот так, сразу, чтобы никто не сомневался. Им тоже важна линия преемственности? Поразительно. И потом: у его действий или вот прямо у него самого? Сомнительно. В начале десятилетия это имя ещё гремело во Франции, но хоть кто-то в зале способен реально оценить его масштаб? – Каждый из вас произнёс при входе сюда фразу «сочувствующие тенёта». И наверняка ни один из вас не понял его смысл! Но вы поймёте! Ваша привилегия, ваше право – понять первыми! Поймут все, кто в будущем услышит её! О да, вы же сами её и распространите, сами же и проговоритесь! Не обижайтесь. Я знаю натуру вас и себя. Человек не идеален. И потом, более это не пароль – это правда, это мышление, это видение! Мы откроем глаза! Себе и всем!

Мартин и Генри почувствовали, что вот сейчас всё интересное и начинается, невольно придвинулись ближе, чтобы не проронить ни крошки от хлебов, что предстоит вкушать.

– Сочувствующие тенёта. Мы сочувствующие, потому что только вместе можем чувствовать! Со-чувствовать! Мы со-

чувствуем одно. И чем больше чувствующих одно и то же, тем больше шанс выкурить и завалить зверя! Он прячется за неведением! Он прячется за разделением! Он прячется за раздроблением! Он прячется за ложной сложностью!

«Так, вот „ложная сложность” уже выбивается из стилистики, публика может не оценить излишнюю ритмичность и... хм, „эховость”? Всё, мой язык тоже начал огрубляться», – мысленно шлёпнул себя по щеке Мартин и совершенно реально – зашипнул кожу.

– Мы выступим единым фронтом! Мы ведаем об оружии зверя! Мы можем со-чувствовать его оружие! Это не дикий зверь с клыками и когтями! Он умеет создавать и ставить ловушки! Его оружие – тенёта! Мы чувствуем его силки! И потому можем их обходить! Мы делимся знанием – и минуем их! Но! Ими ловит своих жертв! Так он загоняет жертв в тупик! Так делает жертв своей добычей! И только своей! И в эти же тенёта его загоним мы! Он сам в них попадётся и запутается! Так мы повалим его! Вот каковы наши действия! Но мало зверя повалить! От него нужно избавиться!

«И в какой степени уголовно наказуемым будет это избавление?»

– Мы могли бы сначала уничтожить тенёта, но тогда зверь просто убежит! Так что мы не уничтожим силки, пока не избавимся от зверя! Нельзя выпускать его обратно! Добить, добить его нужно быстро и решительно! Но до того – помечайте все его ловушки!

«А вот и корзинка в ход пошла. Значит, столовые приборы не средство репрессивных мер в отношении сомневающихся».

– Вы видите? Столовое серебро! Из него мастера отольют новую партию знаков и нитей!

«Новую? Знаков и нитей? Да что вообще...»

– Обвивайте ими ваши земли! Обвивайте, чтобы не звенели колокольчики, на звук которых зверь бежит! Пусть думает, то тенёта пусты! Зверь пользуется незнанием! А мы воспользуемся обманом!

Похоже, только Мартин и Энрико не понимали, что нужно обвивать, и о каких тенётах речь. Мартин, как только выберется отсюда, непременно приступит к порицанию друга за то, что тот узнал пароль, но забыл о некоторых важных вводных. Впрочем, если новички здесь не они одни, то почему остальные сидят – и тем более стоят – с таким понимающим видом? Может, всё дело в том, что он «мистер Вайткроу», человек не из этих мест, а транслируемое сообщение ему ни за что не понять без какого-то локального Понимания, рождающегося в пространстве меж орбит слов и понятий, смыслов и акцентаций?

– Джерримандра!

«Ух! Он уже не стесняется».

– Джерримандра имя тому зверю в политике! Каркаданн – имя тому зверю в мифологии! Носорог – имя тому зверю в биологии! Бегемот имя тому зверю на стыке политики и

мифологии – религии! Он многолик!

«Так носорог или бегемот? Или единорог? Похоже, больше никто на эти тонкости внимания не обращает».

– Я читал мудрые восточные мифы! И я знаю, что каркаданн будет унесён и пожран пламенной птицей Рух! Мы будем той птицей! Мы будем той огненной птицей! Мы испепелим зверя! Мы прожжём его огнеупорную шкуру! Мы развеем его прах! Мы удобрим им землю, истерзанную его копытами! Мы разобьём его пирамиду рога, источающую паутину для тенёт! Город будет свободен от пут! Город вздохнёт вольно без их веса! Больше ничто не придушит его голос и его стихию! – Но самого оратора, поспешившего раствориться за спинами гвардии, обуял страшный взрывной кашель, под стать аплодисментам в зале и ощущению в голове Мартина.

Пришла пора рутины: квартет раздавал задания, выспрашивая у неофитов, в каком округе живут и в каких зданиях работают – не предприятиях, именно зданиях. «Свободных художников» же подряжали на работу наблюдателей и связных, а скучающих рантье, не прибившихся ни к одному из представленных Бальзаком типов – на должность «сеятелей». Это всё имело некую логику, совершенно недоступную Мартину, ловко избежавшего поручений, но явно приведшую в восторг Энрико, подыгрывавшего только так, и даже сознавшегося, что он работает на периодическое издание, а потому ему особенно интересны слова по поводу распро-

странения «сочувствующих тенёт» и, что называется, связей с общественностью: будут ли какие-то манифесты и прокламации, возможны ли интервью, какой уровень открытости установят – потянет на добротный цикл... И вилку с ножиком, а возможно даже, что и на столовую да чайную ложку. Ох, да что там – полный набор для званого ужина с пятикратной сменой блюд. Но квартет, кажется, отнёсся к открытию с позитивным любопытством, обронив фразу о том, что свой человек в прессе понадобится для третьей стадии, иными словами – не сейчас.

Как же радовался Мартин солнечному свету и свежему воздуху после потного свечного, коптящего толпу. Покидая особняк, толпа рассеивалась с той же внезапностью, что сопровождала утренний сбор – вроде бы, здесь не так уж и много очевидных тропинок и ходов. Странное место.

– Ну что, мой друг, ты удовлетворён?

– В полной мере. Не хватало разве что усыпанного розами стеклянного саркофага с трупом бородатой женщины, держащей в руках патент на свою подлинность.

– Только этого?

– Думаю, уместно будет продолжить разговор позже. Когда соберусь с мыслями. Я всё же намереваюсь, пока ещё держится послевкусие, понять, что же это было.

– Как скажешь. Мне тоже стоит набросать для редактора парочку эскизов. И нам ещё предстоит найти экипаж отсюда. Воспользуемся минутами тишины местных улиц.

– Да, надо понять, какую часть мозга у меня ещё не высосали, – потёр Мартин лоб тыльной стороной запястья правой руки. – Ветер в голове да подскажет.

Он обернулся к Hôtel de la Désagrégation, его чем-то привлёк третий этаж. Нет, не чем-то – за одним из окон точно был силуэт, провожавший их, но теперь – скрывшийся.

– Он же вот-вот скроется!

– Зачем он тебе?

– Надо! – Прошептала Селестина довольно громко, огляделась и продолжила куда тише: – Ты не чувствуешь ничего в здешней архитектуросфере?

– Чувствую. Но, кажется, король не намерен покидать здание.

– Уверена? Мы должны за ним проследить!

– Без ис-диса. Ты его слышала?

– Слышала-слышала, позже обмозгуем, а сейчас надо понять, куда это он собрался. Кстати, ты не чувствуешь никакую вибрацию?

– Ты о пробежавшей по руке? Да. Ладно. Я прошмыгну к дверце за сценой, а ты – попробуй найти путь в обход, старайся искать лестницы вниз – вряд ли та комната соединяется с верхними этажами.

– Да-да, всё, разбежались.

Сёриз принялась растворяться в обстановке, маневрировать между группками, сливаться с тенями – прокладывать

путь, крайне затратный на мелкие па-де-дё и па-де-труа. Путь Селестины тоже был непростым, но требовал лишь умения быстро ходить и ориентироваться в планировке домов.

Итак, ей пришлось воспользоваться той же дверью, через которую вводили людей в залу, то есть идти в противоположном направлении. Но это хорошо: была прямая ось, а зала с обеих сторон не примыкала к несущей домовой стене, а как бы включалась в объём большего размера и, получается, располагалась меж двух анфилад – был выбор. Селестина предпочла более тёмный коридор, что тоже было хорошо в смысле скрытности, если наткнётся на кого-то из «королевской свиты». Но вот что было плохо: она прошла до самого конца, но не обнаружила там лестниц – лишь нечто, что напоминало зал почёта: на стенах виднелись отличавшиеся по тону овалы и прямоугольники по большей части отсутствующих охотничьих и титульных трофеев, полный винных разводов бильярдный стол, запертые ржавым замком двери, ведущие, скорее всего, в какой-то внутренний сад или сигарную комнату... – всё не то, она что-то упустила. В этом минус темноты. Ну конечно! Надо пощупать стены залы в поисках дверей, утопленных и потайных. В таких вложенных пространствах легко укрыть лишний метр.

Панель, другая, руки уже в какой-то саже – благо что нашлась ветошь, некогда представавшая роскошью, – а вот и фуртиф-порт! А внутри – винтовая лесенка для большей

экономии места. И не видно Сёриз. Она уже успела пройти или ещё нет? Ладно, в любом случае она предлагала сосредоточиться на том, что вело бы вниз. Логично, если предполагать, что в особняке есть подземные ходы, нужные для быстрого и незаметного исчезновения – или для хранения театрального инвентаря и мебели для гостей, которым явно нечего делать на бельэтаже, а хранить на чердаке и таскать оттуда – то ещё удовольствие. Только если не... И лишь теперь Селестина поняла, зачем поставлена именно винтовая лестница: в полумраке – и ещё один минус – она не разглядела, что стоит не совсем на полу. Вернее, на полу, но не помещения, а небольшого грузового лифта. Он несомненно упрощал логистику, так что, пожалуй, на верхние этажи заглянуть стоило. Но если он стоит здесь, на первом этаже, а она, растяпа такая, не свалилась в дыру на полу, значит, им не воспользовались. Или уже вернули на место. Проблема была в том, что она могла разглядеть тусклый блеск подъёмных цепей, ощутить прохладу направляющих рельсов, но не обнаружить ни намёка на управляющее устройство. Ни рычагов, ни кнопок. И как же его приводят в действие? Нет времени выяснять. Стало быть, лестница. Но куда? По совету вниз или за интуицией вверх? В пустоте лестничного пролёта и щелях по периметру платформы было глухо, никакого гулко-го эха и меркнувшего света. Ещё и веяло сыростью. В любом случае туда пойдёт или уже пошла Сёриз. Наверх.

Хорошо, что Селестина надела блумеры и обувь на мягкой

подошве, иначе бы уже несколько раз навернулась и процокала морзьянкой сигнал к бегству – и это лишь один пролёт. Проверить бельэтаж? Почему бы и нет? Не найдя контраргументов, она приложила ухо к дереву двери. Можно было выходить... На третий этаж? На противоположную сторону? Если судить по открывающейся за окнами перспективе, то это совершенно точно третий этаж. Как она могла проскакать нужный? Строго говоря, и негде было: крутизна и шаг лестницы не допускали этого – разве что попытаться пройти сквозь стену. Не вариант. Она вернулась и посмотрела вниз – нет, по высоте всё тоже вроде бы как должно сходиться. И шахта не изогнута, то есть и выйти она должна была на той же стороне. Ладно, понятно. Дальнейший осмотр этажа не провести без Сёриз, которая, как она была уверена, наверняка здесь объявится с минуты на минуту.

Расстроенная, Селестина приложила руку на стекло – из тех, что ещё не пошли трещинами или вовсе раскололись и норовили при первой возможности поранить, – и упёрлась в неё лбом, разглядывая в грязное окно зелень придомового парка и расходящиеся группки людей. К одной фигуре пригляделась. Ранее на неделе она видела точно такой же галстук... Нет, не галстук – пластрон, кажется. Серовато-красный... Будто из него высосали краски... К фигуре приблизилась ещё одна, и они завели диалог, половину слов которого – и без того немногочисленных – затирал шум ветвей. «Высосали... Выставка! Понедельник! Это они, это та парочка!

Это тот эмпат, он тоже здесь! Чёрт, он меня заметил! Почувствовал?» – Селестина отпрянула и прижалась к межоконному промежутку. И тут же из-за спины:

– Сели? – Та аж подпрыгнула и пискнула.

– Ты меня до инфаркта довести хочешь?

– А ты меня, загоняя по лестницам в поисках тебя? Что ты тут делаешь?

– Это надо у особняка спросить: он морфоактивен. Дикость какая.

– Ага-а, и на общей карте его нет, и расположен в максимально удалённой с запада точке. И кто-то подшил его к сети каналов.

– Даже так?

– Ну, а как, по-твоему, он, хм, ожил? Вот ни капельки не удивлюсь, если его подпитали как раз той «пенкой» с Выставки. И как, по-твоему, растворился наш подозреваемый? А я тебя уверяю: его здесь нет. Ты была права, он решил не оставаться. Это база, это штаб, но не владения, тронный зал и опочивальня.

– Так что же, он...

– Нет, но кто-то из его ближайшего окружения. Кто-то весьма осведомлённый. Кто-то стоящий за ширмой. Если верить ис-диспозитифу, – и тут она сдвинула прикрывавшую его ткань рукава, – Минимально допустимый азимут пришёлся как раз на конец речи. Ты помнишь свои ощущения в те моменты. Бэзи – или как он там назвался? – нырнул в

комнату за сценой и был таков. Я туда прошмыгнула, а передо мной ещё одна дверь и больше ничего. Я и её открыла. И что же нашла? Подвал. Нет-нет, не вход в него, не лестницу к нему – сам подвал. Думала о подвале, туда и попала. Выбиралась просто по флю-мируа. Экстерьер и интерьер слабо связаны между собой.

– И чем внутреннее – такая форма слова вообще есть? – тем пространство дома кажется больше.

– Да уж, стиль речи властителя умов заразителен и пагубен. А совокупно и в самом деле всё страньше и страньше...

– Всё чудесатее и чудесатее. Особняк играет с мыслями.

– Вряд ли играет. Больше похоже на то ли угодливо-охранное собачье, то ли лакейское поведение. «Господа изволят принять ванну этажом выше? Господа желают, чтобы их не беспокоили? Юные господа намереваются сыграть в прятки?» Вот только он не знает, кто его господа, а потому разоряется на каждого, с кем его материя может вступить в контакт. Честно говоря, мне его жаль. Еле живой трясущийся полутруп с кишасщими в нём паразитами и невыносимой ношей обязанностей. Так делать не то, что грубо, но аморально и неэтично.

– Это только если доктор Франкенштейн знает нормы и намеренно поступает наперекор. А на то и похоже. И вот уже он, признай, играет.

– Да. Все посетители благополучно нашли дорогу прочь из дома, нас же заставили изрядно побродить. Запутать, мак-

симально потакая.

– «Запутать» – выражаясь языком Бэзи?

– Да, ты уловила смысл. И даже «запутать», обвести вокруг пальца.

– Скорее, вокруг потайной лестницы... Что же, Зверь это мы?

– Осталось понять, насколько обширно это «мы» и насколько велик этот «Зверь», и стоит ли принимать всё близко к сердцу. Но поместье всё равно презанятное. Повсюду следы того, что строили с оглядкой не только на потоки, но и на первые каналы. То есть когда-то они доходили и сюда.

– Ну да, нас же учили, что после осады тридцатилетней давности многие из протоков перенаправили обратно или заболотили с последующим превращением в компенсационные резервуары. Или заставили иссохнуть, что тоже довольно грубо.

– Мне кажется, одно из таких сухих русел и отрыли. И реанимировали.

– И сколько их ещё? А в самом городе?

– Тебя беспокоит, что их могут использовать как альтернативную сеть? На самом деле, их не так много, и ни один из них не был особо важен. Более того, вряд ли можно вернуть те, что отмерли сами собой. И из немногих сухих такие составляют значительное большинство.

– Меня беспокоит, что с их помощью могут такую сеть построить. А мы и не заметим... Кстати, тебя не смущает, что

мы вот уже сколько минут здесь стоим и даже не шепчемся?

– Ничуть. Кроме нас в доме ещё пара человек, которых особняк сюда не пустит, потому как госпожа со своей подружкой велит не тревожить их во время игры в бадминтон.

– Это, по всей видимости, будет какая-то сидячая его разновидность, – указала Селестина на высоту потолка. Дом в ответ принялся трещать и хрустеть, но и не более того.

– Ах, да. Кажется, коммутировать подпространства он может лишь при наличии перехода о двух дверях:ходишь, закрываешь одну за собой, происходит планургическое таинство, открываешь перед собой вторую, выходишь там, где нужно.

– Не пойму, зачем в этой схеме вторая дверь.

– По-видимому, примерно из тех же соображений, что и нам – для светского приличия, моя дорогая. Во-первых, для непосвящённых коридор или анфилада – или тем более один из обнаруженных потайных ходов – таковыми и остаются, а во-вторых, было бы странно, что хозяин использует для перемещения по дому какие-то чуланчики, выходом из которых неизменно шокирует гостей. Просто для дома наличие двери, вернее двух, с операцией закрытия-открытия является обязательным условием.

– Пожалуй. Раз уж мы в некоторой безопасности, – огляделась Селестина, – может, всё-таки обобщем помещения?

– Ну, раз уж мы здесь, то почему бы и нет? Вот только дом удивительно скуден на улики. Если в нём что-то и скла-

дировали, то всё уже вывезено или истрачено. Даже то, что осталось от прежних хозяев. Пол подвала определённо был заставлен игрушками самых разных форм, текстур, масс и назначений, и ныне же, как следствие, раскрашен несколькими десятками оттенков пыли и пепла.

– Пепла? Там что-то жгли?

– Задолго до всего этого, в прошлую эпоху. Приглядишься к зданию. Оно не просто обветшало. Повсюду прах бывшего – и я не только о величии и роскоши. Был очень странный пожар, здесь что-то от крематория... Но, как ни странно, подземных туннелей и лазов за пределы поместья я не обнаружила. Да и зачем они владельцу, посвящённому в течение? Эх. Итак, домик-домик, не соблаговолишь ли показать господам, где другие господа оставили документы? Нет? Так и быть, отдыхай.

– Но держи всё же подальше от нас ту чернь, что осталась приглядывать за тобой, хорошо?

Погрузившись в риторическую тишину, напарницы начали обследование этажа, на котором практически не оказалось дверей – ни закрытых, ни открытых. Он оказался совершенно пуст, и было даже сложно представить, для каких целей он предназначался: здесь едва ли что осталось. Однако пространство прилично инсолировалось, и при желании его могли приспособить под госпиталь или укрытие. Возможно, так оно на протяжении долгого века революций и было. Очередное возмущение затухало, и участники с погоревшей

стороны ютились здесь, зализывали физические и душевные ожоги и надеялись возродиться фениксом из пепла, но вместо этого тихо тлели либо по возвращении в город, либо в изгнании за остужающей пыл рекой.

Селестина и Сёриз прокрались на бельэтаж, однако из бумаг нашли лишь неподъёмную и несистематизируемую по каким-либо очевидным критериям грудку газет со всего Шестиугольника, а также деливший одно из комнатных пространств паравент с рисунком на тему цунами и гадов морских, океан пахтающих и корабли пожирающих. Особняк вновь удивил: за столь грозно-элегантным предметом обнаружилась ванна, увитая липкими бинтами и в окружении десятков куриных яиц – битых и целых, ещё на подложках, – а также склянок с довольно специфичным содержимым. В числе прочего: медным купоросом и марганцовокислым калием, бесспиртовым раствором йода и препаратами серебра. В этом гнезде кого-то выхаживали. Такая вот птица Рух. Должно быть, Бэзи – других подобных красавцев среди заговорщиков не было видно. Разве что за странным оратором скрывается персонаж ещё отвратней, хвори которого уже переполнили организм, и теперь сочатся миазмами идей во внешний мир.

– «Часы – это первая автоматическая машина, приспособленная к практическим целям; благодаря им развилась целая теория производства и правильного движения», – нашла Сёриз томик цитат из переписки Маркса с Энгельсом на

кресле-каталке, запрятанном под весьма высокий стол, возможно, что служивший операционным. – Помечено как *nota bene*²⁴. Для кого-то эти слова важны.

– Вот уж на что я здесь не рассчитывала, так на тематику часов.

– Ну да, если снова забыть и вновь вспомнить про точность подгонки длительности речи к приливу.

– Скорее, я о механике и автоматах. Не та риторика. Ладно бы ты нашла Прудона и Бакунина, но эта парочка... Она будто затесалась из другого периода.

– И впрямь. Позволь напомнить, что Интернационал расплевался с анархистами уже официально. Так что книга и впрямь из другого периода – бурного, но и основательно-го, когда нащупывалась структура, выверялись и отвергались формулы. А сейчас публике представляют, хм, вычищенную, проинтегрированную версию. Ай!

– Метамеханическую и поставтоматическую! Ай!

– Ай!

– Ай! Нас же услышат! – Предположение не нашло подтверждения. – Ладно, ничего стоящего мы сегодня уже не найдём, а над символизмом оборотов речи Бэзи подумаем в штабе, но одну вещь я вся таки спрошу: ты же ведь поняла, что зал был битком набит минорами всех сортов – и мы ни одного не узнали?

– Это любопытно, но не можем же мы знать всех. Лишь бы нас не опознали.

– У меня складывается ощущение, что нас на спектакль пригласили намеренно.

– Великий План?

– Да ну тебя. Я серьёзно. Если мы как-то соотносимся со зверем, о чём мы судим по более чем косвенным признакам, что помешало ослабить его, избавившись от парочки пронырливых, докучливых, забредших не туда частичек? Мы ведь особо и не прятались, опытный глаз тут же сдал бы нас заведённой толпе.

– Стало быть, этот опытный глаз, если присутствовал, хотел не этого. Считаю, нам сделали предложение. Даже два.

– Щедро. Но какие? Уверена, что это предложение, а не запугивание?

– Одно другому не мешает, если выбрать рассмотреть первое: мы должны донести послание. Со всей возможной эмоциональностью. Заявить о них, как о реальной угрозе.

– И тем самым запустить, уж извини, метамеханизм ловушки на зверя. Так что дай-ка угадаю второе: сразу присоединиться к ним?

– Угу. На самом деле, есть ещё и третье предложение, а скорее даже вызов: дерзнуть, проверить себя и свои силы.

– И, в конечном счёте, подвести к одному из двух основных – за безысходностью попытки. От коварных задумок всегда веет абсолютизмом и детерминированностью.

– Стало быть, прямо сейчас мы должны решить, как поступим: расскажем всё Директорату; не расскажем и будем

действовать по своему усмотрению; не расскажем и переметнёмся на их сторону?

– На самом деле, не должны. Мы как *не должны* выбирать, так не должны и *выбирать из трёх вариантов*. Сели, ты видишь, как это работает, как начало работать. Мы *не должны загонять себя* в их плоскость координат.

– Нет, не должны, в этом ты права. Но заставляет задуматься: а каково наше действительное поле выбора и его последствий?

9

У Михаила Евграфова заканчивались варианты. Вернее, проступал всё тот же инвариант: та встреча полмесяца назад была случайной, с какой стороны ни возьмись за систему уравнений. Новый приступ отчаяния дробил строй матрицы и принимался жонглировать мозаикой её членов, а Михаил тому не противился, поскольку в калейдоскопе надеялся увидеть новые связи и новое прочтение, к какому бы цирку они ни приводили. Итак, он вновь принялся перебирать план действий, изложенный Дмитрию Ивановичу, – да, Михаил продолжал ему следовать, поскольку ничего так и не смог придумать вне того.

По первому пункту не выяснилось ничего интересного и особенного. На самом деле, это хорошая новость, ведь,

стало быть, весь штат воздушного экспедиционного корпуса подобран из людей верных. Но, соответственно, она же отбрасывала и самые простые объяснения и мотивы. Конечно, нашлись мелкие дисциплинарные нарушения, однако такие сродни накапливающейся на подвижных деталях машин смазке, загустевающей и налипающей тёмным, липким, всячески противным слоем, который достаточно лишь время от времени протирать и наводить лоск. Михаил лишь искренне сожалел, что пострадала конфиденциальность переписки членов экипажей со своими семьями – но того требовали в ставке. Чрезмерно откровенничающим любителям эпистолярного жанра весьма деликатно, как по военным маркам, напомнили – без намёка на то, что причиной послужили вскрытые письма, – о чём писать можно и одобряется, а что должно ложиться максимум на стол начальства в виде рапортов.

Больше курьёзов и анекдотов, отчасти относящихся к предыдущему пункту, собрал Михаил, при проведении проверки оборудования. Достаточно упомянуть, скажем, что несколько унтер-офицеров в увольнительной ходили на скачки – как они сами заверили, однако было понятно, что и прочими азартными играми не брезговали, – и делали между собой ставки, материально выражавшиеся ограниченными количественно, но крайне нужными запчастями – всё для блага своей команды. Лейтенант Евграфов был милостив, так что теперь они играют лишь на внеочередные ордера, вы-

хлопотанные своим поведением. Или вот наземный персонал поспорил, сколь сильным унижениям подвергнутся полевые группы, укрывающиеся за ширмами: плевки, брошенные окурки, соседство с крысами, французские песни в исполнении безголосых сторожей всю ночь напролёт, не выветриваемые с формы женские ароматы парфюма из химического отдела – что ж, этой «опасности» подвергался с месяцем назад и Михаил, – как видно, полёт фантазии не особенно дотягивал до высот, приличествующих воздушному флоту. Можно упомянуть и подтвердившееся обвинение одного из интендантов: некий экипаж под командованием лейтенанта, который не будет удостоен упоминанием ввиду сути поступка, каким-то образом порвал выданную ширму и разбил колбу на аппарате – вероятно, одно было следствием другого, – а затем в мальчишеской манере подсунул их другому, улучив на земле несколько минут, когда склад остался совершенно без присмотра, а тот самый экипаж также завершил свою смену; да вот незадача – закодированные инвентарные номера выдали факт подмены. Помимо подобной ерунды и сделанных организационных выводов и предписаний при учёте не было выявлено действительно серьёзных нарушений.

А вот дальше стройности не хватало. Пункты с третьего по пятый в том самом калейдоскопе горели тысячей искр и совершенно слепили. Достаточно будет сказать, что в прессе встречались положительные отзывы и критика совершенно ожидаемые и в какой-то мере даже скучные, а то и при-

торные – возможно, что часть из них всё-таки была заказана российским правительством. Да, даже критика, поскольку при сколько-нибудь вдумчивом чтении становится понятной коммерческая подоплёка, допустим, такого пассажи, если опускать вкусовщину описания интерьера и маршрута:

„Ваш покорный слуга одним из первых среди своих коллег смело ступил на борт воздушного судна, чтобы точно удостовериться, не окажется ли дирижабль всего лишь очередным мыльным пузырьём, лопнувшим от острого пера французского журналиста? <...> И стоит признать – нам и русским, – тот факт, что Павильон русских окраин и флот дирижаблей вносят слишком значительные коррективы в планы организаторов Выставки и представляют развлечение, шокирующее самоуверенностью и бесцеремонным отрывом даже от наиболее передовых бытовых технологий и даже способное не то, что составить конкуренцию, но разорить, лишит посетителей такие чудеса прогрессивной мысли, как «Синеораму». К чему имитация полёта на воздушном шаре, записанная на плёнку, когда, видите ли, можно реально подняться к облакам? Даже от киноплёнки захватывает дух, а это приключение – и вовсе удел отважных, которым экипаж готов всячески посодействовать, помня о мерах безопасности. <...> И напоследок должен сообщить, что организаторы «Синеорамы» заверяют, будто через несколько недель, когда придут новые плёнки, зрители увидят и далёкие страны, а прямо сей-

час, как и всегда, могут насладиться традициями Надара, которым аттракцион стремится наследовать. Русским предстоит проникнуться духом этого города”.

Отлично, публика этого и жаждала. Откровенно негативные отзывы, разумеется, также встречались, однако ничто из этого не тянуло на продолжительный материал-расследование – особенно по мотивам шпионажа и способов его осуществления.

В целом же Михаил отметил какой-то летний спад журналистской активности. На фоне всех изданий приятно выделялось, а потому представляло интерес, лишь одно – «République III». Под игриво-иронизирующим названием объединились представители скептического отношения к происходившему. Умеренно-левые, бывшие в меру республиканцами, в меру социалистами, в меру фритредерами – и всем тем же самым, но уже с подстановкой «недостаточно». В частности привлекла Михаила – вплоть до приобретения полной коллекции номеров – серия развёрнутых репортажей о юношеской преступности в дальних северных округах города, притом лишённая осуждающего и назидательного либо же подзуживающего и поощряющего тона. Нет, некто за простой подписью «Анри» оставил мораль ради понимания. Мудро. И свежо – на фоне того воняющего птичьим рынком галдящего базара, что обычно разводят в прессе по различным провокативным поводам. Автор оставлял выбор за

читателем. Он даже не старался прописать различные точки зрения и акцентировать их сообразно ситуации, для него равны были все. Порой он даже слишком подробно и неприкрыто рассказывал о событиях явно криминального характера, от возможных юридических последствий которых участников спасали псевдонимы – да, опять же, как у молодчиков, так и у фликов – и наверняка склеенные вместе эпизоды, не меняющие сути дел, однако не позволяющие чётко идентифицировать описанную историю с полицейскими записями.

Что до последних двух пунктов, то, пожалуй, их следовало отнести к декларативным, а не к эмпирическим и выполнимым. Ну вот какую провокацию мог устроить Михаил? Да так, чтобы сработала по строго определённом вектору? Или же наоборот – нужно что-то максимально расплывчатое, но и впрямь яркое? Что же, подкинуть в одну из газет анонимной донос о том, будто бы экспонаты не находятся в безопасности, и их срисовывают только так? Или лучше сразу в Генеральный комиссариат? Но что это даст? За всё это время больше стычек не было, – а ребята смотрели во все глаза и слушали во все уши. Какова вероятность, что эта, хм, *провокация* откликнется? И захочет ли встретиться? Как в принципе ей адресовать послание?

А четвёртый пункт? Он ровно о том же. Как помыслить о мотивации, неведомой ни логически, ни по обстоятельствам? Система уравнений была бы не против дополниться не известными ранее переменными, но сама их натура оста-

валась в тени – подобной той, что породила встречу. Может, это и вправду была случайность, и то было свидание не с ним? Нет, не то поведение, не та подготовка, не о том вся она. Может, агент немцев или ещё чей-то из Тройственного союза, а то и мнимых союзников? Спугнули – операция свёрнута. Но что у неё было бы, кроме слов? Не мог же кто-то продвинуться в фотографической аппаратуре настолько, чтобы её было спрятать на бегу, выбросить в миг обнаружения и оставить, будучи уверенным, что её ни за что не опознают как таковую? Нет-нет, Михаил облазил и брюхом вычистил там каждый угол, каждую балку – ничего. Так и невроз выхлопотать себе можно, если его уже нет – со всеми этими снами и силуэтами в области периферического зрения. Нет, его воображение никак не могло подняться ярусом выше.

Всё, что у него было – та безделушка. Для него – безделушка. Хуже было то, что за две недели он так и не смог осуществить задуманное. Не успел и сейчас: подчинённые, ни на минуту не покидавшие его и не дававшие злоупотребить служебным положением – о да, он вновь притащил эту штуку с собой, – уже упаковывали оборудование, распределяли кассеты по кофрам и сворачивали ширмы. И это был официально первый и неофициально последний после «строгого выговора» спуск в павильоны, так что теперь надеяться было практически не на что. Нужно было как-то без посторонних глаз воспользоваться X-лабораторией на «Александре II Освободителе». А ведь он не мог этого сделать, даже когда

был на его борту с инспекцией по второму пункту. Впрочем, он не переживал: очередное раскладывание по полочкам и встряхивание с них пыли успокаивали и позволили часам рутины пролететь быстрее.

Члены отряда вышли на открытое пространство – под звёздный сад ночного неба, и то протянуло им ветви свои, дабы закрепили они карабины на себе и орудиях труда своего, и взмыли к нему – прямо к шлюзу норовившего бежать от рассвета «офанима» с матово-чёрным покрытием оболочки, чем-то напоминавшим материал и текстуру ширм. Михаил и капитан судна отдали друг другу честь – больше в знак успешного выполнения миссии, чем в смысле ритуальных обязанностей. Унтер-офицеры принялись втаскивать и закреплять оборудование, а отряд дал себе вольность в одежде: снимал перчатки и маски, расстёгивал пряжки на воротниках.

То же самое попытался сделать и Михаил, но вместо облегчения почувствовал жар от трения. Посмотрев на руки, увидел, что они покраснели. Вроде бы, загорать ему было негде и некогда, и химикаты он на себя совершенно точно не проливал: как он умудрился заработать эритему? Тут же подкатил и приступ тошноты, но списать это на виражи, закладываемые рулевым, было невозможно – тот управлял чрезвычайно умело. Ему срочно нужно было оказаться где-то не здесь – хотя бы мысленно.

До прибытия в д'Отёй было ещё достаточно минут, так что

он поднялся с места, перешёл в кормовую часть и предался видам в одном из иллюминаторов. Там... Там был прилив, там бескрайнее море света накатывало мелкими волнами на гальку цинковых крыш, пуская барашков, встречаясь с дымоходами. Сменялась живность: забивалась в норы ночная и пробуждалась наиболее бойкая дневная; моменты их встреч колыхали мнимую плёнку воды, иной раз подкрашивая алым, гуще зари. Сперва оттенками прибрежной растительности, а затем и нежнейшими и теплейшими цветами распускались и наливались нектаром неугасимого пламени купола Сакре-Кёр, Дома Инвалидов и Пантеона, а за ними и остальных церквей и храмов. Трёхсотметровая башня уже купалась в лучах, уже принимала солнечную ванну, будто подпитывала и насыщала ими золотой свой наряд. В ранние утренние часы было в ней что-то от акантов и египетских пальм. Но не тех, которыми обмахивали фараонов, и не тех, что оживали от разлива Нила... Нет, больше – от тех, что веками украшают капители коринфского и египетского ордера. Тех, что пережили своих создателей и были открыты заново. Тех, что переживают смыслы и значения, но едва ли меняются в функции, пускай, что и символической. Так поддерживай же, поддерживай городскую твердь, дабы та не опрокинулась в безбрежный океан космоса!

И только Павильон русских окраин свету Солнца предпочёл холодный свет звёзд, серебривших его металл, стекавшими каплями растворялся на нём. Дворец мегафункциональ-

ности и сверхпрактичности был подобен хвосту кометы и не находил себе места в Двадцати округах. Тощий трубами, он искал пищу, искал, что бы переработать, что бы переварить в топливо для автоматического движения механизмов подле него. Он искал конструкт *deus ex machina*²⁵ – в ком-то другом или в себе самом, – который готов был вознести, оторвать от приземлённой жизни, от необходимости мириться с топографией взамен на то, чтобы выпрыснуть соки в атмосферу, из них создать свою твердь и, прикрепившись к ней, избежать неминуемой деградации на почве, не понятой им и не понявшей его.

У Михаила закружилась голова, он закрыл глаза, сглотнул и готовился к посадке. Навстречу их судну поднималась стайка светлых «офанимов», начищенных, выдраенных и лоснившихся, а на восходе, казалось, и зардевшихся от неизбежно повышенного внимания к их персонам. Возможно, флотилию с насестов согнала подступающая громада «Александра II Освободителя», также заходившего на посадку и по-царски занимавшего добрую половину ипподрома. Михаил почувствовал, что этой возможностью следует воспользоваться.

Наземная команда притянула «офаним» к суше, состыковала с причальной мачтой, и на выходе Михаил сказал своим подчинённым, что сам же сейчас и перенесёт кассеты в лабораторию на «серафиме», а они, расписавшись за сданное оборудование и отправив аккумуляторы на подпитку, вре-

мя до полудня могут посвятить празднованию возвращения в строй, – но только так, чтобы вторая половина дня была столь же усердно посвящена отдыху, а ночью они должны быть вновь готовы к вылазке. И добавил, что, возможно, позже к ним присоединится, а пока что пусть его не разыскивают. Его предложение нашло одобрение. Всё, он намерен был это сделать. А если всё сделает быстро и сможет прийти к каким-то умозаключениям, то, возможно, нанесёт визит Дмитрию Ивановичу. Придёт и сознается, что утаил кое-что. Как ретивый юнкер, прямо слово. Нет, метод следует изменить. Но это всё позже. Пока что – наблюдать.

Посадка «серафима» всегда была делом весьма редким и непростым. Простор ипподрома давал некоторую свободу в сравнении с городом, где дирижабль садиться и не пробовал, но всё-таки не слишком большую. Представьте кита с шипами, проклёвывающимися из-под сосцов на брюхе, и представьте, как он гарпунит ими дно, или большой корабль, или сушу, или поселение на суше – целиком. Представьте Зевса, мечущего стальные молнии, и представьте, как, вздымая ими землю, он возводит Олимп. Каждый раз перед Михаилом процедура представляла в подобном свете, всегда казалось, что вот-вот – и земная твердь уступит. Но моторы швартовочных платформ исправно делали свою боцманскую работу. И по мере сближения с поверхностью возникали новые образы. Представьте, что на вас в чистом поле движется грозная туча. Представьте, что на вас на путях мчится поезд.

Представьте, что на вас в каньоне падает гора. Представьте, что на вас в реке разевает пасть крокодил или бегемот, или одна из тех южноамериканских многометровых змей. А вы – вы можете стоять на месте или побежать-поплыть, но они всё равно вас настигнут. Поэтому Михаил строго выполнял инструкции и никогда не стоял по вектору притяжения, благополучно выжидая в сторонке.

Из каких-то уважительных почётнокараульных соображений приступила иноходью к утреннему моциону Моська – спавшая в сколоченной близ ангаров будке дворовая собачка «в яблоках» – под стать титульным животным д’Отёй, – оставшаяся от прежних обитателей ипподрома и прикормленная новыми и, будучи привычной к чудным элфам, уже не обдавала их лаем, а порой и не достаивала вниманием. Поначалу, само собой, гавкала, тьякала и скулила почём зря, но позже она набралась смелости и, глядя на людей, хватающихся за слоновьи хвосты и хоботы, принималась кусать и грызть канаты и тросы, а спустя какое-то время переменила своё отношение к происходящему и, цепляясь зубами, помогала швартовочным командам тащить, выуживать из неба жирную добычу, чем и заслужила почтение, а заодно и право столоваться потрошками буфета, к которому – как она знала, готовившемуся потчевать отработавшую смену, – и направилась, но, завидев Михаила, вильнула к нему и принялась лизать кисти рук, а тот присел и от души почесал ей за ушком.

В полуприседе он рассмотрел каюту-аквариум «серафима», но не понял, у себя ли хозяин; отсутствие освещения подсказывало, что нет. Итак, если всё удастся, то было время подумать. Но начать всё же надо было с передачи кофров. Неплохо бы и к себе зайти, но это позже.

При поднятии на борт он несколько задержался: теперь каждого взошедшего по трапу регистрировали и сверяли по особой сводной таблице – одно из косвенных последствий его деятельности, чего не знали офицеры и научные сотрудники без воинских званий, с которыми он не преминул обменяться рукопожатиями – «да, удостоверьтесь, что я друг и безоружен, но так вы не нащупаете козырь».

Конструкция «серафима» ради определённых соображений безопасности имела модульную структуру с отделяемыми блоками, составлявшими нижний ярус, которые, будь на то веские причины, позволительно было отстрелить от оболочки. Каюты офицеров института – работавших только в нём или совмещавшие деятельность с работой «в поле» – располагались на третьем ярусе, даже не на втором, так что нет, не было угрозы проснуться в свободном полёте и через мгновение заснуть вечным сном. В таком выпотрошенном состоянии дирижабль, избавившийся от веса и опасности, мог бы продолжать полёт, но для управления требовалось большое мастерство, поскольку изрядно смещался центр тяжести, а корабль лишался киля. И, конечно, наличие дополнительных стенок, причём из листов металла, а не ажур-

ных, подобно остальному каркасу, увеличивало губительный вес, что компенсировалось самими габаритами судна, но было оправдано: неудачные химические, физические и прочие эксперименты могли дорого обойтись – и, чтобы избежать отравления всего организма, разрешалось иссечение повреждённых органов.

Для Михаила прямо сейчас данные конструктивные особенности означали то, что ему для захода в каждый из отделов, если были задраены переборки, – а носовая как раз была недоступна, – предстояло со второго яруса как бы спускаться в погребок. Часть кассет он нёс сразу на опытно-прикладную палубу, потому как они не требовали дополнительного анализа ввиду знакомства с аппаратами, проекции которых они представляли – включая тот самый, не добытый целиком с первого раза вязкозный. Умельцам просто нужна была дополнительная информация во избежание ошибок. Остальное содержимое тубусов надлежало раздать на втором, чертёжно-аналитическом, ярусе прямо в руки, а если же нужных рук не оказывалось на месте, то дежурному с занесением в журнал и сопроводительным комментарием. Последнее Михаилу было весьма кстати, поскольку давало возможность узнать, кто в столь ранний час на месте, а кто – нет. Выяснилось, что не было многих. На панели за спиной дежурного заметил и отсутствие связки ключей от радиационного комплекса и, в частности, рентген-лаборатории. Это было несколько странно, поскольку все лаборанты ещё лежали

по койкам или только вставали, но тут он увидел в одной из колонок журнала знакомую фамилию, и догадался, в чём дело, за сим откланялся и пошёл добывать ключи. И зачем они сцепили их вместе? Ну, ладно, у старших сотрудников были свои, однако по какой причине лаборантам разных направлений предлагали пользоваться «переходящим призом»?

– Доброго утра и здоровья желаю, святостаниславоносный Сергей Алексеевич!

– О, здравствуйте-здравствуйте, Михаил Дмитриевич! – Отвлёкся от бумаг знакомец. – Уделяете внимание гимнастике не только лимбов, но и органов речевого аппарата? Похвально, мне, пожалуй, тоже стоит уделить время ораторскому искусству.

– Готовитесь разить красным словцом на светских раутах по завершении нашей миссии?

– Ох, да какое там, мне бы научиться искусству прощения и закупок.

– Это что же, вы в коммерсанты податься изволите?

– Только если таковую службу введут в Воздухоплавательном парке. Нет, право слово, мне это нужно для проектов. Приходится требовать материалы и приборы, у нас пока что не производимые или же исполняемые в недостаточной степени количестве и качестве. А тут, как понимаете, нужно ломать целых два барьера. А природа их такова, что, увы, косный язык разбивают они вдребезги.

– Понимаю-понимаю... Но, быть может, вам проще будет

убедить Якова Модестовича изобрести всё нужное вам!

– Ха! О да, если только Сибирь его вновь не сманит. Так что, если изволите, ваше благородие, куда проще будет, если вы всё-таки когда-нибудь доберётесь до военных павильонов и разыщете нужное там.

– А и правда. Но, раз уж в России в данный момент подобное не производят, то это уже будет, если позволите, совершенно неспортивно. Не находите ли?

– М-м, думается мне, если речь не идёт, как это называется, о широком рынке, то возможны допущения. Как с этой вашей вискозой. Я так понимаю, этой ночью вы её снова добывали?

– Тот ещё анекдот получается. Эпопея синтетического волокна в двух актах и с одной интермедией. Но это особое пожелание. Извольте сами дождаться третьего класса по табели и почётного звания вице-президента жюри.

– Хо-хо!

– Но сей искусственный шёлк нам и впрямь сподручен. Вам в том числе – для систем с воздушными... Позвольте, как же вы это назвали?

– Воздушными поездами, сударь. Да, вы правы, получается существенный выигрыш по соотношению «масса – прочность». Дирижабли, конечно, в какой-то степени отнимают у затеи право на жизнь, однако всё-таки...

– А и не собираюсь вас отговаривать и критиковать. Имеет право на жизнь в стеснённых городских условиях или при

ситуации, требующей быстрого сбора сведений и их незамедлительной передачи.

– Да-да, именно. Спасибо на добром слове.

– Но вот чего не пойму, Сергей Алексеевич. Сдавал журналу до визита к вам свежую партию материалов, многие помещения закрыты, на стене недостаёт ключа от X-лаборатории, а в журнале при росписи увидел вашу фамилию, подумал: нет ли здесь связи?

– А вот и есть! Позаимствовал у коллег урана для особого змея. Хочу приспособить его для поиска дефектов в конструкции оболочки и каркаса во время рейса.

– Прямо в полёте? Потрясающе. Кажется, я понимаю принцип, но возникает вопрос о проявочной пластинке. Если точнее, о её размерах.

– И самой скорости проявления – да, ещё есть вопросы, требующие измышлений. Вот как раз этим только что и закончил заниматься. Возможно, мы просто добавим под оболочки следующего поколения дирижаблей новый слой подобных пластин, которые бы фиксировали структурные изменения, протяжённые во времени. Скажем, до и после, – но также и с возможностью их проверки в полёте. Смазанный участок – дефект геометрии, стало быть, элемент подвергся чрезмерному сжатию или растяжению. А о принципе действия змея вы уже догадываетесь.

– Руководимый опытным пользователем, змей периодически облетает корпус на малом расстоянии и просвечива-

ет оболочку и материалы за ней лучами установленной на нём болванки урана или другого металла, какой сочтёте более подходящим. Также догадываюсь, почему именно змей, а не воздушный шар или сверхмалый дистанционно управляемый дирижабль: первый хуже управляется, а второй несоизмеримо дороже.

– Вот. Вы, Михаил Дмитриевич, понимаете суть.

– Но кое-что меня всё же смущает: а как планируется исследовать, извините за выражение, верхнюю четверть окружности? Змея туда близко не завести, а доступные диспозиции ведут к слишком острому углу съёмки.

– Да, существует такое ограничение. Будем надеяться, что соизволят сделать шахту с люком.

– Ультимативно.

– Поэтому-то мне и пригодились бы частные уроки ораторского мастерства – своевременно протолкнуть идею технического коридора наверх. Ровно для этого.

– Только ли? Сейчас дирижабли не имеют ни малейшей защиты сверху. Это не проблема, пока сохраняется наша монополия на небеса, и воздушный флот не принимает участия в военных кампаниях. А дальше, что же, надеяться, будто и спустя пять лет противник не сможет или не захочет построить судно, – узкоспециализированное или общего назначения, но конструктивно превосходящее наши схемы, – способное быстро менять эшелон, в нужный момент подняться над российским дирижаблем и войти в слепую зону свер-

ху, а затем, чтобы даже патроны не тратить, закидать, к примеру, какими-нибудь примитивными утяжелёнными дротиками, что, подобно хищным разъярённым гаметам, в гоне учувшим цель, раздерут оболочку, обшивку, любую ткань судна, пока не вгрызутся в газовые отсеки или плоть экипажа? Вот вы мне скажите, где гарантия, что удастся удержать неприятеля от этого намерения ещё на подлёте? А если он затеет чехарду ещё на дистанции, при которой пулемёты бесполезны, то нам и работающую по воздушным целям батарею какую прикажете разворачивать на палубах? «Noli me tangere»²⁶ – остроумное выйдет имечко для дирижабля! Или, пожалуйста, другая задачка: против малоразмерных и юрких моторизированных планеров, – добейся кто всё-таки успеха в этой области, – «бог войны» будет неэффективен. Но поскольку подобные агрегаты не для дальних радиусов и протяжённых во времени, степенных манёвров, то пресловутые пулемёты наверняка с ними управятся, но только при условии отсутствия не менее пресловутых слепых зон. Или, уж не знаю, развить идею «самодвижущихся мин реактивного действия» уважаемого Николая Ивановича Тихомирова или снарядов ещё более уважаемого и близкого к нашим кругам Михаила Михайловича Поморцева? Вот вам и значение лючка, а я бы даже сказал, что добротной оборонительной хорды.

– К слову, до вас дошли слухи о возможном награждении Михаила Михайловича орденом Почётного легиона?

– Конечно. Приятно, что результаты его научных изысканий и исследовательский опыт отмечены на международном уровне не только приглашением в состав жюри Выставки, которое и само по себе оказалось для нас весьма полезно. – «Или орден тот – печать, заверяющая признательность за неоглашённую деятельность, маркирующая способности иного рода? Не он ли в тот день поднимался с остальными на „Великие реформы”? М-м-хм».

– Ах, взбодрили вы меня прямо-таки не хуже холодной ванны!

– И вы мне пищу для размышлений дали.

– Рад, что получился взаимовыгодный обмен. Обязательно, прошу вас, поделитесь своими соображениями на следующем собрании офицерского клуба. Но не соблаговолите ли оказать ещё одну услугу?

– Если вам нужны подопытные для воздушного поезда, то члены моей команды в вашем распоряжении.

– Ох, полноте, Михаил Дмитриевич! Я хотел бы задержаться ещё на час-другой, а вы, кажется, уже уходите. Не вернёте ли ключ от Х-лаборатории, а точнее всю связку ключей от отделения, дежурному от моего имени? Соли, оксид и чистый металл, что я брал, уже вернул, да только отчего-то думал, будто понадобятся ещё, потому не сдал ключ сразу. Не хотелось бы с утра пораньше трепать нервы лаборантам.

– Конечно. Всего хорошего.

– Признателен. Доброго дня.

Итак, у Михаила появился заветный ключ, но времени оставалось уже буквально на пару попыток. Нужно было решить, как проводить облучение: выбрать напряжение и силу тока, выдержку и проекцию съёмки. «Нет, всё-таки вместо змея лучше придумать некую рельсово-подвесную систему для аппарата с X-лучами», – как-то между мыслями дал оценку услышанному, но не стал развивать мысль и думать об общей необходимости такого приспособления, хотя... – «А если заменить излучающее оборудование на кинематографический аппарат, то можно будет оперативно находить прорехи». Это предложение тоже нуждалось в критике, но думать об этом он не хотел совершенно. У него на руках была настоящая загадка.

Он уже вставил ключ в впадину, когда на краю зрительной области вновь возник не то тёмный силуэт, не то его ощущение – мерзкое, неприятное неконтролируемостью. Конечно, он обернулся, но коридор был пуст. Оставалась возможность, что это был кто-то из работников, шедший на своё место, но что-то забывший и вынужденный вернуться, откуда шёл, однако и такой вариант нельзя назвать удовлетворительным. Он решил запереть за собой дверь: если кто-то из младших научных сотрудников попробует её открыть, то тем лишь предупредит Михаила и будет вынужден вернуться к дежурному, появится пара минут, чтобы скрыться и представить дело так, будто Михаил намеревался исполнить просьбу товарища, однако по дороге о чём-то крепко задумался и

застрял в одном из не запираемых помещений. Но если первым изволит прийти заведующий, то тогда предстоят более длительные и неприятные объяснения.

Михаил подготовил стол, вставил кассету и подал питание на стационарный X-аппарат, затем прошёл в другой конец комнаты, щёлкнул выключателем на стене, отодвинул плотную шторку подле него и вошёл в тускло освещённую красной лампочкой каморку, в которой больше полагаясь на осязание, чем на зрение подготовил проявочные реактивы и ванночки. Завершив с приготовлениями, он вынул из-за пазухи укрываемый доселе наруч, вновь осмотрел, в который раз подивившись тонкости – как пропорций, так и исполнения – и, вздохнув, выставил рукоятки рентгенографического устройства на «щадящий» режим. Много времени процесс не занял, так что уже через четверть часа – максимум двадцать минут он разглядывал снимок. Фотодиссоциация бромида серебра протекла верно, но жертва его была во многом напрасной. Да, вот у маленького хронометра видны изумительно крохотные плоские шестерни и пружины, но сама конструкция была до того обыденной и даже простой, а вместе с тем и безотказной, что слегка удивила и разочаровала Михаила. Да, вот стрелка того, что он ранее принял за размагниченный компас, здесь смотреть не на что. Разве что представал любопытным её материал, судя по тусклости отпечатка состоявший из неметаллов – возможно даже, что некоего органического соединения; это объясняло проблемы

с потенциальными магнитными свойствами, но также и указывало на иное её назначение. И – да, вот область обоих зеркалец, оставшаяся тёмным пятном. Ожидаемо. Что он вообще надеялся за ними найти? Какие неожиданные, скрытые от невооружённого глаза особенности их структуры он надеялся обнаружить?

По-хорошему, стоило бы провести добротный химический, а не рентгенографический анализ – и Михаил с нажимом потёр шею и скулу, болезненно осознав, что жил две с лишним недели в ненужном ожидании: в химлабораторию-то он мог уже несколько раз сходить, благо что имел допуск, и по требованию мог обосновать частный визит туда необходимостью выполнения сравнительно простых первичных спектро– и колориметрических опытов по собранным – то есть соскоблённым, сколотым, а то и остриженным – материалам либо же чем-то подобным.

Эмоции схлынули, и он вспомнил, что причиной тому были не только его бестолковая организация памяти и общая морока мая, по инерции передавшаяся и началу июня, но и едва не забытое желание не повредить устройство извлечением из него кусочков для исследования. Михаил почему-то был уверен, что между наручем и его обладательницей сохранялась некоего рода связь, которую он не хотел или даже не смел нарушить, и которая могла обернуться возвращением хозяйки с целью рекламы. Пустое ожидание, угодливое четвёртому пункту.

Пустое! Евграфов, лейтенант военного флота, успел осознать, что теряет над собой контроль, накатило цунами злости, и не смог воспрепятствовать себе же. В порыве детективного гнева выкрутил он ручки X-установки на максимальные значения, швырнул на стол недоступное его уму приспособление, всей грузностью тела опёрся на придвинутый к краю венский стул, сжав его спинку хваткой побелевших пальцев, придвинулся лицом к X-трубке, уставился на неё, стиснув зубы, и по-бычьи задышал – колба запотела не то от пара из ноздрей, не от стыда, укрывая содержимое... И что-то начало происходить. Сначала Михаил отмахнулся тем, что это уже его трясёт от ярости, но стоило ему оторвать взгляд от электровакуумного прибора и кинуть взор на стол, как он увидел, что зеркала ведут себя совсем не как зеркала – слой металла под слоем стекла. Нет. Они то вздувались, то плавились, то шли трещинами, то закипали, а в итоге окончательно вздыбились и провалились куда-то на метры в глубь себя, в подпространство, не сочленяющееся с пространством комнаты и дирижабля, не бывшее его продолжением и частью – и схлопнулись с яркой вспышкой, сменившейся тёмным сгустком, какое-то время парившим в воздухе.

«Только бы не ртутные пары!» – отчего-то первым пришло Михаилу в голову, которую он рефлекторно прикрыл руками. Второй мыслью было отключение X-аппарата от электропитания. Сгусток бесследно растворился. «Да какие же элементы таблицы многоуважаемого Менделеева распо-

лагают к такому?» – был третьей отрывочной мыслью вопрос. Не было вообще никаких следов взрыва: ни прямых – осколков и капель, ни косвенных – вмятин и пятен на лабораторных предметах. Лишь само многострадальное, томившееся в незнакомых руках устройство будто состарилось и было разбито. Хронометр встал, «компас» раскрошился, о зеркальцах напоминал лишь отличавшийся по цвету контур. Надо было быстро избавиться от улики: в проявочной удалить следы своего пребывания и в основном помещении всё составить, как было до прихода. Сделав всё буквально за пять минут, он схватил убитое устройство, способное отныне быть лишь извращённым украшением, подкрался к двери, послушал коридор и выскочил прочь, не забыв и о ключе, но не помнил, на правильное ли количество оборотов запер, и было ли вообще таковое. Тем не менее, оправившись, как ни в чём ни бывало согласно уговору сдал связку дежурному на чужую фамилию и, сохраняя внешнее спокойствие, направился к себе в каюту.

Только сейчас он позволил мурашкам промять его кожу, поту – сойти конденсатом, а лёгким – дать полный ход. Вдох и выход, вход и выдох. Отдышавшись, в расстроенных чувствах и с холодом в душе он вырыл на заснеженном набросками, чертежами, схемами и книгами столе ямку и похоронил в ней устройство с почтением, достойным кельтов и северных народов. Надгробную речь он не мог произнести. Просто грустно смотрел на символ оборвавшейся связи и

своего безрассудства. Если бы сейчас на периферии зрения вновь возник силуэт, провозвещающий помутнение рассудка, он бы не удостоил его ни крупницей внимания. Покров лица и рук горел вслед за тонущим в утреннем огне солнца курганом стола, а печь иллюминатора всё больше накаляла каюту с каждой прибавкой градуса азимута, однако нутро Михаила пробирал озноб. Ему было не до убогих пародий на кённинги, он не мог удостоить погибшее устройство достойной скальдической поэзией – он не мог ничего.

– «Я» да «я», «J'accuse»²⁷ Эмиля Золя! – доносилось приближающееся из-за стены и завершившееся учтивым стуком в дверь.

– Входите, – без офицерской твёрдости подал признаки жизни лейтенант Евграфов.

Пропитанное неполнотой утраты пространство каюты наполнилось свободно державшимися в его присутствии Авксентием Победоносцевым и Никанором Деспиным – быстро сработавшимися мичманами, бывшими в подчинении Евграфова. Подающие надежду выходцы из одного рода войск, обладатели взаимодополняющего образования – в одну команду их определили ровно по этим причинам, но совместимость команды оказалась куда выше ожидаемого.

– Ваше благородие, вам нездоровится?

– Ваши благородия могут не беспокоиться о моём благородии. А вот мне о ваших, похоже, стоит.

– Да уж. Сегодня в буфете к крахмалу подают целлюло-

зу, – заговорщицки покачалась под мышкой папка с распоряжением.

– После прочтения съесть.

– Так что же, вы и мне по-братски кусочек оставили и лично занесли? Благодарю, – с шорохом вышмыгнула папка на свет и раскрыла свои тайны. Сообщение предписывало в означенный день совершить рейд по адресу вне Выставки и сосредоточить внимание на довольно специфичных документах – о чём-то таком и говорил Дмитрий Иванович.

– Пикантно. Не находите, господин лейтенант?

– Увы, подано не с пылу с жару.

– По словам официанта, ресторатор весьма занят, передаёт извинения и обещание комплимента от заведения в будущем.

– Также гарсон заверил нас в эксклюзивности рецепта и блюда. Только для нашего столика.

– Любопытно, каков его номер в эстафете передачи?

– Муха не вилась.

– Ну-с, хорошо. Стало быть, касательно столовых приборов... Хм, простите, больше не могу. Я ведь могу говорить открыто, соседей нет? Итак, нам понадобится, само собой, фотоаппарат. Возьмите тот, что с повышенной чёткостью изображения: если я правильно понимаю, предстоит срисовывать буквы. Кучу букв. Также захватите тот без вспышки с длительной выдержкой и световой подложкой, а также аккумулятор к последней. Ещё выпишите – прошу обратить

внимание на разницу в глаголах – пантограф и параллелёграф Бенардоса; это не для записей от руки, но сможем тихо продублировать какие-нибудь схематичные изображения. Допускаю, что это перебор, но пусть будут хотя бы на борту. И понятия не имею, будет ли там место для установки ширм. И не только место, но и возможность. Может, попадутся любители спать со включённым светом. Пневмоштурцер тоже подготовьте на случай, если они вздумают ещё и проснуться да поработать над бумагами среди ночи. Но из-за его габаритов нет уверенности в применимости; в лучшем случае оставлю с ним кого-то прикрывать операцию с крыши или балкона дома напротив, будь дистанция пригодной. Не забудьте табельные «браунинги». Однако если оцениваете риск перестрелки как высокий и неизбежный, то сразу по прибытии изыщите что-то вроде подушки и сделайте выстрелы через неё. Только пальцы себе не отстрелите. Поэтому прошу изначально отнестись к оценке риска сдержанно. Что ещё? Полетим, как и прежде, на «офаниме» Сергея Аполлоновича. Его кандидатура одобрена, хм, «Ресторатором», он в курсе возможных предприятий, а то и уже получил копию адреса, так что дирижабль уже наверняка зарезервирован. На этом, кажется, всё, рыцари рейсфедера и ширмы.

Но мичманы не спешили уходить, хоть и кивнули головой, что всё поняли. Жест подчинения продолжился прищуренным взглядом на стол, а затем и в глаза друг друга.

– Что, ещё и десерт полагается?

– Только если не путать вкусное со сладким. Если позволите.

– Позволяю. Только аккуратнее, господа обер-офицеры.

– Вещь у вас на столе...

– Она уже по ту сторону Бифрёста.

– Что?

– Эм-хм, не важно. Да, это не просто модный аксессуар. Да, она досталась мне на долгую память от нашей очаровательной незнакомки. Да, я предпринял на свой страх и риск кое-какие действия и сломал её, как обычно ломаются подобные вещи. Нет, я и ранее не был расположен сообщать о ней, а сейчас и подавно. Вот это уже важно.

– Полагаем, не менее важно и то, что мы видели точь-в-точь такую же.

– Я извиняюсь за свой скудный словарный запас и не менее скудные сценические способности, но всё-таки: что?

– В день затмения. На Выставке.

– Прелестно. Надо бы вам увольнительные чаще давать.

– Желательно снова для посещения седьмого округа. Владелица копии с её подругой встретились нам несколько раз в течение дня. Они будто бы не просто веселились, а делали обход. И похоже на то, что таких патрулей несколько.

– Да. Мы даже пытались подслушать их разговор, самих рассмотреть получше, были вынуждены раскошелиться на комплимент... Да что там, в ресторане едва не подсели.

– Стало быть, и героине той ночи появляется возможность

передать привет.

– Привет и находку. Хотя, наверное, в таком виде мадмуазель её не примет.

– Примет или нет, ваши благородия, дело второе. Первое же – признание собственности. И откуда нам знать, что эти обходы продолжатся и в будущем?

– Ниоткуда. Но если они там патрулировали, значит, имели на той территории некий предмет интереса. Так отчего бы ему там и не остаться?

– Пункт пятый...

– Простите?

– Господа, не соизволите ли вы обмозговать на досуге кое-какую авантюрку?

Сколь интересные представляли возможности. Михаил практически расцветал вновь соразмерно тому, как укреплялся и рос шанс решить головоломку. И дело было уже не в самом инциденте, не в каком-то расследовании, не в деловой репутации. Нет, его действительно взбудоражило появление *варианта*: мир не вертелся вокруг него и миссии, на Выставке было что-то ещё, достойное внимания и понимания, но ускользавшее из поля зрения ранее – то, ценность чего не только предстояло измерить, но и подобрать инструменты этого измерения. Его разум наконец-то нашёл – не без посторонней помощи – лестницу на верхний ярус. Просачивающийся оттуда тонкий аромат тайны подсказывал, что путь верен и стоит того, – будь он насыщеннее, Михаил был бы

склонен считать, что это ловушка. В любом случае осталось вскарабкаться и найти лучшую диспозицию.

10

На доске уже не оставалось свободного места, губка уже давно не впитывала и собирала, а сухо размазывала, и новые записи руинированно вздымались над поверхностью утопшими в песках и снегах контурами утраченной, поглощённой временем грандиозности. Мысли также блуждали, всё больше надеясь – и совершенно зря – на запорошённые следы, отказываясь вглядываться в перспективу сквозь колющую бурю и выискивать там маяки, знаменующие переход в новую область. Воздух наполнился запахом карбоната кальция – неизменного спутника работы ума, прожектора в тёмном царстве тайн, взмаха кирки в горном мраке аспидной доски и кильватером на морском мраке доски меловой.

– Сели, ну ты ещё на стул встань и оккупируй последние дюймы сверху, – заставил сарказм съехать набок улыбку Сёриз, откинувшую руку за спинку стула. – Ну вот, ты это сделала. Молодец. Теперь давай-ка это снимем со стены и спрячем лет на пятьдесят, а потом, на старости лет, продадим в музей отвлечённого искусства. Мы уже переступили порог информативности.

– Только так можно бороться с наводящими темень чер-

нилами каракатицы, – выдохнула Селестина, ходившая около доски в пустовавшем учебном классе.

– Это как же, перекрывая её не менее непроглядной белизной? Контрастненько, но мне казалось, что лучшая борьба – это коагуляция и употребление той сепии для письма, разлить по баночкам, отсортировать по качеству – и пустить себе и другим во благо, превращая аморфную слизь в строй слов. Хотя, пожалуй, можно и просто отчаянно махать руками в надежде, что он этого произойдёт рассеяние.

– Как вариант. Но мы не очистим воды, если не избавимся от их продуцента. А у каракатицы, – слегка изменила она цитату, приведя выражения к одному знаменателю – уязвима лишь голова. Так делают дельфины: набрасываясь на каракатицу, они очень ловко откусывают ей голову.

– Ра-ах, скоро я сама уже взоржу дельфином.

– Голубизны крови не хватит, и у нас уже не монархия. Смотри: ну да, тень ляжет на весь город, а то и дальше, но так ли много людей в курсе происходящего на данный момент? И какого они свойства? Кто успел подхватить заразу? Мирные жители? Пока что нет. Нужно обратить против заговорщиков их же тактику, спутать им планы и понаставить как можно больше клякс на их координатной сетке, в которую, как ты верно заметила, мы никак не должны попасть. Мы обязаны воздействовать на головы, пусть сами их друг дружке поотрывают, пусть треснут, лопнут и взорвутся. А ликвидировать последствия, затыкать брешу, регулировать

давление – оставим этот удел другим.

– О да, уделом и уроком. Кажется, до них до сих пор не вполне дошло, что за тревожную радость от внезапной постэклипсической тишины они расплачиваются с процентами сейчас. И проценты накапливаются от непонимания природы медленно накатывающего хаоса. «Кто мы такие, чтобы спорить с показаниями аппаратуры?» И это несмотря на предупреждения с мест. И наши. Ну, ладно-ладно, – твои.

– Сёриз, ты же, кажется, ходила к папá. Прости, что заставила идти вместо себя. Но он-то что думает?

– В условиях, что мы молчим, так пока и не даём точку фокуса?

– Мы обязательно расскажем, когда соберём больше сведений. Надо же с чем-то сопоставить сообщение, которое нам полагалось передать.

– Что ж. Он задаёт любопытные вопросы и ставит нетипичные задачи. Перебрасывает силы с производства потоков и оптимизации сети каналов. Не хочет, но распаляется на локальную рекоммуникацию... Короче, из инженеров – в водопроводчики.

– А что по телу-скриптору?

– Почему-то сконцентрировался на регистрации самой поверхности, а не того, что на ней. Единственный его глобальный шаг. По моим ощущениям, так он проводит оценку риска потери контроля тела города – вот я молодчина, шесть существительных подряд!

– А чем ему поможет топография?

– Ну, поскольку всё уже картировано и зонировано в удовлетворительной степени, то, проведя ряд вычислений, экстраполяций, построений моделей и прочих снотворных алхимических действий, можно в конце концов провести операцию импликации от результата к тому массиву, что регистрируется с поверхности, и понять, где у нас проблемы, где поверхность тела города несоразмерна активности урбматерии. То есть, выявить, что и в каком размере мы не фиксируем и упускаем, а потому вынуждены аврально исправлять и идти на поводу у Великого Плана – заметить, я говорю уже без иронии. И для этого не потребуются качественный анализ самих записей, в котором уже тонут ребята Саржи и над которым надрывается машинерия.

– Так... что ты там говорила про дельфинчика?

– Нет-нет, что *ты* о нём говорила? Где ты вообще отрыла эту книжку? Ты и Гюго! Я тобой горжусь. Ай!

– Ай!

– Прекращай!

– Нет, ты!

Потирая покрасневшиеся от щипков места и тихо смеясь, она продолжила:

– Но знаешь, что наиболее ценное я почерпнула из книги? – посерьёзнела она. – Что спрут – или каракатица, или кальмар, здесь все головоногие сливаются воедино – это отрицание. Да, спрут это отрицание. Вернее, познаётся через

отрицание, через вычитание того, что у него нет, через понимание того, чем он не является. И через сравнение с другими сущностями, кажущимися сопоставимыми. Позже я могу найти тебе тот абзац в книге, по-моему, где-то во второй части. Он, то есть спрут... Как же это? Ах, да. Он апофатичен.

– Надеюсь, не в богословском ключе, иначе это будет Слишком Великий План... Не смей! Даже не смей! – хохоча увернулась Сёриз. – Мысль, на самом деле, ценная. Я правда тобой горжусь. И нам правда стоит её придерживаться. Этот Совет архитекторов может мнить себя кем угодно в своём демиургическом представлении, но это же и слабое место. Логика за нами.

– Да. И от чего-то подобного отталкивается папá.

– Ну-у...

– Ладно, не суть, это всё равно не моё. Просто ещё раз для себя закрепим и подытожим, если позволишь, цитатой: «Кровососный аппарат обладает тонкой восприимчивостью клавиатуры».

– У-у, этим надо Саржу подзудить!

– Короче, их поражение зависит от того, что мы им скор- мим.

– Если брать чуть шире, хм, то от обратной реакции. Они играют и наслаждаются неведением Директората. И наверняка их отдельно удовлетворяет и то, что мы не знаем, что они знают о Директорате. А вот их надстройка – или подстройка? – на основе серебряных побрякушек зато наверня-

ка работает превосходно. И мы опять-таки понятия не имеем, как это работает.

– Я сегодня загляну в полубиблиотеку-полуархив и тихонько выведаю, есть ли упоминания чего-то схожего. При положительном исходе пойдём к руководству, поставив на центральное место не само собрание, а факт обнаружения этой серебряной чепухи... Ну, где-нибудь. Может, проследим за кем-то на очередном собрании.

– Это сработает, если только Корнелия не сообщала о том, что мы заставили девочек побегать по Монмартру и Латинскому кварталу.

– Она не могла не доложить, что Селестина, то есть я, поднапрягла кого-то найти каких-то людей. Да и я о том же когда-то просила. Но дословно она никому не пересказывала сказанное нам в ресторане, так что для папá и других это всё ещё связано с поисками той троицы в ночи. Из-за отсутствия доклада по теме – безрезультатными.

– «Моя неугомонная С-с-селес-с-стина»...

– Бр-р. Но на то и расчёт. Никто не в курсе, что мы обнаружили кое-кого другого.

– Иными словами, мы теперь твёрдо уверены, что о тех шпионах можно забыть, и никакого отношения к происходящему они не имеют?

– Именно так. Промышленный шпионаж и анархизм – или как там лучше описать их революционность с низвержением Зверя – понятия идиосинкразические.

– Разве что записать параметры всех устройств, выкрасть патенты, в подпольных типографиях размножить и забросать все улицы листовками, чтобы первый встречный предприниматель попытался воспроизвести хоть что-то и тем порушить глиняные ноги капиталистического колосса.

– Стало быть, террор верхов вполне возможно устроить и бесконтрольным распространением гражданских, мирных технологий? Выбирай страну и её изобретателей – и лишай их достатка, гандикапа, а заодно и воли к творчеству.

Обе задумались.

– Ладно, дальнейшие перспективы открываются жуткие, но в текущих условиях они не наша забота. Будь всё тише и *как обычно*, я бы непременно продолжила поиск, но ныне мне хватит и того, что папá действительно подбросит письмишко в дирекцию Выставки.

– В общем, всё – тотально всё! – происходящее, по сути, результат того, что, абстрактно и плоско, все видят четвёрку, но не задумываются, результатом какой операции для двойки и ещё двойки она является: сложения или умножения. Фокус-покус.

– Хм. Ты сказала, что Совет наслаждается и играет.

– Это нормальное состояние для подобных типов, как и болезненный смех.

– Но что, если это и в самом деле игра?

– А?

– Ну, если это спектакль. То, что мы видим, – это пред-

ставление. Постановка, если хочешь, из раза в раз претерпевающая изменения образа согласно задачам и присутствующим зрителям.

– Сели. Похоже, это был не мел. Ты гениальна.

– Ой, ну перестань. Лучше всего то, что это не отменяет наших прошлых выводов и решений, а только укрепляет.

– Да. Они будут ждать реакцию зрителей, вовлекать их в игру на роли мнимых акторов, а на деле – массовки, дающей ложное представление о размахе предприятия.

– И ломать четвёртую стену.

– Итак, можно предположить, что если мы расскажем папá всё как есть, с отменой твоего похода в архив, и ворвёмся в их гнездо с зачисткой, то обнаружим там примерно ничего. Это только одна из сцен.

– Как не обнаружили и тогда, да. Лишь дополнение к образу одного из ведущих актёров; максимум – его гримёрную.

– Выходит, подобного разоблачения они не боятся.

– Нет, у них заготовлены маски.

– Серии масок и серии декораций.

– Но декораций не вполне пустых. Тот особняк был более чем интересным.

– По крайней мере это позволяет утверждать, что кто-то из них действительно сведущ в вопросах течения.

– И усердно остаётся за ширмой.

– Мы можем предполагать, что у них существует если не иерархия, то распределение обязанностей. Хм, обязанно-

стей-ролей?

– Давай пока считать, что этого дополнительного уровня нет, иначе совсем запутаемся, а цепочка рассуждений сплетётся в нераспутываемый клубок. Совмещение должностей ввиду широты таланта – ладно, допустимо.

– И также придётся принять во внимание, что они норовят сцену сдвинуть всё дальше в зал, срastить их, поэтому актёрский состав также может сидеть и в партере, играть роль зрителей.

– Кажется, это называется клака.

– Клака из клоаки.

– Хи, да. Их задача – задавать тон и придавать действию убедительности. Уж в этом на социальном дне недостатка нет, да и выходцам из аристократии, имейся таковые, определённые навыки прививаются с детства.

– Итак, с одной категорией разобрались. – Сёриз предупредила Селестину, потянувшуюся было за мелом и губкой.

– Ну, стереть наши записи всё равно нужно.

– Конечно-конечно.

– Кто ещё нужен, кроме клакёров и актёров?

– Обслуга вроде гримёров и камердинеров. Как те ребята, что у всех дознавались пароля.

– И, конечно же, сценарист.

– Но он вряд ли покажется до конца пьесы и выкриков из зала: «Автора! Автора!»

– Хорошо, его обязанности понятны, но оставим его фи-

гуру. Мы пока даже не узнаём почерк.

– Сценаристу, каким бы талантливым он ни был, нужен художник-постановщик – при такой-то роскошной игре. Взгляд со стороны, разделение на словесную и образную составляющие – всё такое.

– Что ж. К этой категории, пожалуй, стоит отнести Бэзи. Он и первый актёр, и наверняка главный же советник по актёрскому мастерству, подаёт пример того, как нужно держаться. Он ведёт, и за ним идут.

– Ещё может потребоваться суфлёр. Партии не то, чтоб были большими и трудными для запоминания, но должен быть кто-то ориентирующий в тексте, и подсказывающий, когда нужно сделать переход. Хотя нет, в данной ситуации с этим и сценарист справится.

– Не уверена. Прятаться у всех на виду – это, конечно, дойлеугодно, но нет, себя сценарист дистанцирует. Уж кто-кто, а он не может сливаться с процессом, влияющим на действительность, преобразующим её. Он должен оставаться отчасти в стороне, чтобы видеть разницу и реакцию одного на другое, иначе пьеску никто, кроме него самого, не поймёт. Задача сценариста, да вообще писателя подобного рода, выражается в прощупывании неврозов и вопросов – неврозов и вопросов... вопросов-неврозов... – и игре на них. Публику он потешает лишь затем, чтобы потешить себя самого. Всё, что он даёт зрителям, да и актёрскому составу, служит проверкой некой гипотезы либо удостоверением в некоем пред-

положении – наверняка пессимистичном. Он волен даже не желать жить в мире, который возводит в своём произведении, – а в нашем случае и своим произведением. Он формирует конструкт. Выяснение, чем ответит на него мир, – вот его мотив. Строго говоря, он уже должен быть в значительной мере пассивен.

– Это подразумевает предпосылку оригинальности произведения. И ты сама сказала, что рассмотрение фигуры сценариста следует отложить, хотя пытаешься угадать ход его мыслей.

– А разве есть какие-то сомнения в новизне? Прямой адаптацией чего она может быть? Что до рассуждений, то я рассматриваю общий профиль этого призвания, а не отдельные личные особенности. И потом...

– Ай! Ладно-ладно. Но в таком случае тебе следует признать, во-первых, что либо над ним в иерархии никого нет, либо заказчики дают ему широчайшую автономию действий, а во-вторых, что акт логоцентричен, а не имажитивен. А, и вдобавок, – что шокирующая образность больше нужна для рекламных целей и интриги, для движения капиталов, в постановку вкладываемых и из неё извлекаемых; это приобретённое, а не естественное свойство.

– Да без проблем. Секундочку, под чем я только что подписалась? – Сёриз лишь наклонила голову, хлопнула глазками и развела руки буквой «w». – И мы, исходя из этого «вдобавок», совершенно неверно поименовали их творческими

анархистами. По виду действия – может быть, но понятийно... Рядовые персонажи, само собой, могут всё делать и от чистого сердца, именно так и думать; Бэзи, неверняка, тоже, – но вот остальные... Да, а кого мы ещё забыли?

– Ну, ты упомянула возможных заказчиков, и по их душу гадать я решительно отказываюсь до поры до времени, поскольку не очень понятно, какой капитал из всего этого можно извлечь, а также мы начали с суфлёра, но вернулись к сценаристу.

– Положим, суфлёр не вполне соответствует театральному, а в чём-то даже близок дирижёру оркестра. Ну, или антрепренёру. Такой вот мастер всея администрации. Это больше советник и агент, нашёптывающий и ставящий интонации, перелистывающий страницы вперёд других. Он задаёт действию темп. Он должен считывать публику, знать её интересы, он должен быть осведомлён, он должен иметь связи вне театра.

– Всё-то он, да все они, *должны*.

– Я пытаюсь загнать их в рамки и систему координат, признаю оплошность, но нам нужна модель, нужен какой-то образ, лекало для сверки с россыпью *их* образов, пока не проясним, какие же слова скрывает чернильная туча – или какие в неё расплылись.

– Не хочу показаться хищницей, но в твоих словах суфлёр выглядит наиболее уязвимым звеном: он знает полный текст, он контактирует с людьми вне труппы. Поймём, кто он – они

обречены.

– Р-р-р... – махнула лапкой Селестина. – Также он наверняка наиболее подготовленный из них, закалённый и знающий, чего ожидать, – это часть его работы, как ни крути.

– Что ж, у меня припасена ещё парочка кандидатов. Первый – художник по реквизиту и декорациям. Ему известно, соответственно, чему должно соответствовать оформление, и какие понадобятся атрибуты. В этой связи текст доступен и ему. Но может быть и так, что сценарий выдают порциями. Отсутствие стройности, в таком случае, компенсируется общей умасшедшинкой.

– Найду в архиве упоминание серебряных нитей – возможно, поймём, откуда взялся этот элемент.

– Значение и символизм серебра ты полагаешь глубоко вторичным?

– Да, есть какое-то такое ощущение. Переплавка всяких столовых приборов на проволоку, хоть бы и самую тонкую? Пф. Это ж в скольких поместьях сколько сервизов им предстоит перерыть?

– А что мешает им нанять для своих целей карманников и уличных дельцов? Эти-то только за очередной передел.

– Да ничего. Кстати, это мысль: проследим за спросом на серебро – официальным и не очень. Попробую подкинуть мысль ребятам на телеграфах, чтобы следили за сводками с биржи металлов.

– А зачем? Такое-то мы и сами в газетах вычитаем. А по

улицам так или иначе походить придётся.

– Верно. Позволь представить второго – рантье. Этот не является членом труппы, только сдаёт помещения для представлений или же изыскивает таковые и получает с того свой доход. Впрочем, этот способен и за идею, тогда позже его могли и принять – из жалости и ради молчания. Но не настаиваю на присутствии его фигуры. Брать самим – вполне в духе выбранного образа.

– Но тот особняк в Нёйи-сюр-Сен был как-то найден. В то же время про другие площадки мы ничего не знаем, лишь предполагаем их.

– Наличие других сцен оправдывается многоактностью постановки, а также вариациями представления для различных категорий зрителей. На особняк мог указать декоратор или суфлёр. Что намекает на определённую осведомлённость одного из них.

– Да, уровень не минора, но едва ли не Директората.

– Нет, Сели, так не пойдёт. Дворецкий – не убийца.

– Но это бы кое-что объясняло.

– Сейчас ущипну. Вот что, к примеру?

– Отсутствие интереса к апрельскому и майскому инцидентам, какая-то непонятная сатисфакция затишьем после затмения...

– Чересчур ожидаемо, милая моя. Не спеши винить в этом что-то, кроме бюрократической ригидности в силу пресыщенности информацией.

– Эх, ты права, ладно. Но я совсем не удивлюсь, если и впрямь среди нас окажется один из них.

– Итак, осталось только понять, как выйти хотя бы на кого-то. Ну, кроме затеи с серебром.

– Мыслей для первого собрания клуба детективного клуба женщин в белом, – повела Селестина рукой по бедру, осмотрела тыльную сторону ладони, нахмурилась и отряхнулась, – имени Уилки Коллинза вполне достаточно. Не думаю, что мы можем выжать из имеющегося что-то ещё.

– Хорошо. Если я правильно понимаю, ты пойдёшь в южное крыло сейчас? Тогда и я нанесу визит – попробую узнать что-то об истории особняка, его архитекторе и владельцах. По какой-то причине не окажется записей у нас или там – отправлюсь в Национальные архивы.

– А не хочешь заглянуть в библиотеку Святой Женевьевы на консультацию к Марселю... как его там?

– Поэту? Да, это определённо мысль. Хм, – посмотрела Сёриз на часы, – нет, начну сразу с Отель-де-Субиз, сделаю навыворот. Так ведь можно сказать? Не против, если покину тебя?

– Ничуть. И, кажется, мне по дороге придётся завернуть в санитарный кабинет. Иначе я тоже сделаю *навыворот*.

– Опять в животе бабочки хаоса? Бывает, моя дорогая.

– Да нет же, это что-то... Как будто от меня оторвали кусок, какое-то ощущение неполноты.

– Ну да.

– Гр-р, ну тебя.

За сим они покинули учебное помещение, в эту пору признательное, что кому-то пригодилось именно для процесса познания. Сёриз растворилась в тусклом свете холла и уже наверняка возникла меж освещаемых одним лишь поздним закатом стеллажей и шкафов, не утруждая себя входом на рю Фран-Буржуа, а Селестина делала крюк до помеченного крестом кабинета.

«Конечно же, заперто!» – гневалась она на слишком гражданский график работы «не обязательной к круглосуточной деятельности» службы. И даже мятных монпансье под рукой не было. Как же она хотела побыстрее зарыться в бумаги и забыться! Другой способ отвлечься от дискомфорта по пути не подворачивался и не спешил прийти в голову.

Она уже приготовилась к тому, что и на входе в архив её ждёт какой-нибудь сюрприз, но тот оказался приятным: архивариуса не было на месте, а это означало как минимум минус один диалог с наставлениями о том, как правильно пользоваться каталогом, делать выписки, заказывать документы и различные издания – и всего в таком роде. И это не говоря уже об отсутствии нависающей из-за плеча всевидящей совиной головы, водружённой на высокую шемизетку, напоминающую встопорщенные перья. Ну, сейчас-то она развлечётся! От имени всех, когда-либо вошедших под своды сии и принуждённых к тишине, вволю она зашуршит страницами, захлопает переплётками, откашляется – впрочем, это уже

больше по причине общей расклеенности, – а возможно даже с грохотом уронит на пол пару томиков... До чего, однако, жаль, что Сёриз не бывает помощником и свидетелем этому!

Эх, пора засучить рукава и тщательно изучить карточки, – но только не переусердствовать, здесь нужна аккуратность, а то вот уже не «argent» и «серебро», но «Argentine» и «серебряные прииски». Для Селестины стало небольшим открытием то, что Директорат в это вкладывался, но что ж, инвестиции есть инвестиции. Заодно она поняла, что не там и не так ищет: не серебро ей нужно, а нити. «Грамматика, чтоб её». А вот и они: «нити, серебряные». Так, вот секция, вот полка, вот название томика... оказавшегося, как выяснила Селестина, взяв его в руки, одним их тех, что представляют сводные журналы всякой всячины – свалку бессистемных поверий и самодостаточных явлений, зарождающихся на пересечении нескольких крупных мыслеволн, характерных эпохе, и фиксируемых при значительном, по тем или иным критериям, их упоминании.

«Серебряные нити – гипотетические либо аллегорические тончайшие нити, связывающие душу и тело человека. Исследований не проводилось. Источник происхождения неизвестен. Как феномен часто упоминаются в обществах спиритуалистов», – и всё. Потрясающе. Тупик. Уставший мозг Селестины мог предложить её не менее квёлому сознанию две цепочки рассуждений.

Первая. Кто-то исследования всё же провёл и обнаружил

интересные свойства в применении к урбматерии. Взял совершенно реальную серебряную нить и... как-то её прикрепив... к чему-то... активировав чем-то... для чего-то... В общем, добился того, что смог парализовать организм внешне, не перекрывая потоки, не влияя на обмен его тканями и соками – только на обмен информацией с Директоратом или, условно, любым другим, использующим подобную систему контроля и регистрации. Вот вам, господа студенты-медики, два тела на двух столах, накрытые простынями; определите, какое из них живо. Заключение: пресловутый Совет театралов – разжалую их из анархитекторов – проводит направленную блокаду Директората.

Вторая. Это один большой трюк. Отвлекающий манёвр. Серебро тут только ради красоты и идеолого-пропагандистского символизма: материал с антибактериальными свойствами, помогающий бороться с нечистью. Зверем, плетущим и расставляющим тенёта. Будто серебряные кандалы, прикидывающиеся кольчугой, лучше. Но в том и секрет, что не лучше – это те же силки. Против Директората используют его же средства. До сих пор не выявлено никаких подключений к урбматериальным коммуникациям, но противник как-то это сделал. Похоже, овладел некой техникой поперечной конвекции умбрэнергии – тут Селестина удивилась ясности формулировки; это, должно быть, просветление перед жуткой агонией. Двадцать девятое апреля были генеральным прогоном, а грохот бетона и крики ужаса выживших очевид-

цев – бурными овациями. Но почему мы не знаем о таких возможностях? А если знаем, то почему не используем? Обвиваем всё проводами – и впрямь уже едва ли не тенётами – и множим показания и машинерию их предъявления, увязая в них, как в зыбучем песке: нет возможности ни утонуть с концами, ни выбраться без посторонней помощи. Минуточку. Быть может, в этом и задумка – продать себя дороже? Кто-то почувствовал, что может составить достойную конкуренцию Директорату. И даже нашёл способ объединить жалких эгоистичных миноров, терпящих друг дружку лишь из возможности кому-то излить душу – и тут же наполнить её бальзамирующим алкоголем. Несчастные, при таком раскладе они остаются расходным материалом, актёрами одного сезона. Вряд ли их позовут с собой, в Новый Директорат – или Совет. Но возникает вопрос: а стоят ли того все усилия и затраты? Стоит ли того театральность? С такими умениями достаточно изложить своё предложение в виде вежливого письма о сотрудничестве на правах старшего либо управляющего партнёра, масштаб оценили бы корректно. Так ведь нет – сначала демонстрация и маринование. А вдруг такое письмо и было, но его проигнорировали? Нет, этого бы папá не забыл, и вёл себя иначе. Подобная подготовительная работа возможна лишь при наличии существенных резервов или при умелом обращении с имеющимися. Чрезвычайно умелом, раз хватает и на Бэзи, и других «офицеров». Если за этим стоит умение, то тогда, конечно, следует искать

сценариста, и никого другого, это уже моноспектакль с посторонней помощью. Если за этим стоят колоссальные капиталы, то тогда речь идёт уже о поглощении, не саморекламе, а умалении атакуемого. Задачей становится не поднять стоимость своих акций, а сбить их цену у поглощаемого. Раненый зверь может быть сколь угодно опасен для охотников, но он ранен, он один, он истечёт кровью.

Однако Селестине не были ведомы структуры «выше» Директората. И куда уж «выше»? Объединяющие несколько городов, страну, страны, континент? Возможно ли построение такой мегаструктуры? А управление ею? Устроение конфедерации для ежегодных посиделок-согласований под чай с коньяком без возможности реально влиять на партнёров? Не везде есть умбрэнергия и не везде есть урбматерия, а потому как выстраивать сверхдальние коммуникации? И зачем вообще так синхронизировать города? Можно ли вообще это сделать? Нет, конечно, можно, как-то пытались, но – фиаско. Да, из одного города транспортировали избыток умбрэнергии, но вот другому пришлось отдуваться за два: силы Луны оказались против системы сообщающихся сосудов, а расстояние между городами – такой крохотный недосмотр – не соотносилось со скоростью передвижения ночного светила по небосводу и уж тем более – со скоростью убывания умбрэнергии. Короче говоря, нет, чтобы это действительно работало, придётся выстраивать крайне избыточную, неэкономичную, а даже и расточительную систему транзитных ком-

муникаций исполинских масштабов... А если вернуться к началу рассуждений? Если их суфлёр в курсе нашей деятельности, то они наверняка учли вероятность, что кто-то пойдёт и разузнает про серебряные нити, увидит недостаток сведений, поймёт, что это лишь прикрытие. Зачем им это? Они и такого разоблачения не боятся? Думают, оно произойдёт слишком поздно? Или им не важно, когда – лишь бы занять наши силы и время? Что же это значит? А если... А...

– Селестина? Селестина!

– Ч-что? – Очнулась она и увидела Саржу, нависавшего над ней и индийским многоруким богом обмахивавшего её.

– Ох. Себе этот вопрос задай: что ты здесь делаешь?

– Где?

– А вот это плохой ответ.

– В смысле вопрос?

– Ответ на вопрос в форме вопроса.

– Плохой по форме или содержанию?

– Не скажу. Хоть на своё имя откликнулась, значит, головой ударилась не так сильно.

– Откуда уверенность, что на имя, а не весь производимый тобой шум? Рядом есть ещё кто-то?

– Ладно, плохие вопросы-ответы компенсируются хорошими вопросами-вопросами. Только ты и я, больше никого нет. И это странно. Архивариуса ждёт... порицание.

– А я, что ли, в нашем архиве?

– Что ж, стремление познавать мир и себя в нём через во-

просы говорит, что ещё не всё потеряно. Да, похоже, чтение тебе всё-таки противопоказано.

– Ничего, я назначила себе курс вакцинации.

– А, похвально.

– Но что *ты* здесь делаешь?

– То же, что и ты: отрабатываю варианты. Да, к сожалению, приходится обращаться к tutti-frutti²⁸, подобному тому, что свалило тебя. В более солидных и системовыстраивающих изданиях ничего интересного найти не удаётся. – Селестина так и сидела на полу, и к ней подсел Саржа. – Мы должны были тебя послушать. Это бы не повлияло на то, что мы могли найти в хранилище, – мыши больше не рождаются из грязного белья, – но хотя бы проработали программу отслеживания будущих, хм, нетипичных коммутаций потоков. Построили во славу старых богов древо решений... – Пока он это говорил, подобрал с пола разбросанные листы и сложил у себя на коленях аккуратной стопкой. – А что вместо этого? А вот что! – и с испугавшей Селестину резкостью взметнул стопку к потолку.

– Саржа... – Она понимала, что для него это была катастрофа.

– Прости. Выпустил пар.

– Ну, по цвету чем-то напоминало.

– Да все текущие события что-то чем-то напоминают. До поры до времени мы видели, что тут белое и там белое, как бы сходится, и ладно. А то, что одно, – пользуйсь свежим

примером, – пар, а второе – бумага, мы упустили из виду.

– Что-то такое мне сегодня... погоди, или уже вчера? – Саржа протянул ей карманные часы. – Спасибо. Так вот, что-то такое вчера мне Сёриз мне уже говорила.

– Значит, она верно всё понимает. Сообразительности ей не занимать. Кстати, занятно, что вы не вместе.

– Распределили силы. Утром сверим находки. Если хоть одна что-то раскопает.

– Понятно. А хоть что-то раскопать, хоть за что-то зацепиться крайне сложно. Я не понимаю, как и где мы оплошали, что конкретно я недоглядел. Мы не сокращали количество анализируемых потоков. Миноры вели себя, хм, весьма минорно. Урбматерия реагировала на Выставку известным образом, но экранирование работало. Течения... Ну, ты помнишь, какой была весна.

– Жуткие, небывалые штормы на северном побережье ранней весной, да. Если не понимаешь, то оставь. Без новой информации ты только ещё больше разваришь кашу у себя в голове.

– Пожалуй. Честно говоря, меня больше угнетает, что Директорат не может выработать позицию, соответствующую ситуации, неверно к ней относится. Какие-то данные из массива нужно отбраковать, какие-то сгруппировать...

– А чем-то подобным в эту минуту разве не занят папá Блез?

– Ты про его экзерсисы с топографией? Просто он из тех,

кто до сей поры считает, что причина техническая и со временем исправимая. Что полное затмение выжгло, ослепило все основные коммуникации линии урбматерия – штаб – тело-скриптор. Что подтверждает эту гипотезу: необычайно гладкая поверхность флю-мируа в первые постэклипсические сутки и постепенно увеличивающееся число сообщений и регистрируемой активности в последующие, а также, пожалуй, и то, что от самого тела-то мы получаем сведения в ожидаемом объёме. Стало быть, наводнение умбрэнергии встало поперёк всех каналов, сбило направления. Иными словами, то, что и так работало «по вертикали», так и продолжило исправно работать, а вот «горизонтальное» уже не выдержало прилива. Что работает против гипотезы: принятие предпосылки, согласно которой мы получаем от тела весь массив регистраций, что этот массив верен, что ожидаемое тождественно действительному.

– Как я понимаю, есть те, кто как раз недовольны этим ограничением?

– Да. Любопытно, что её высказывают как раз те, кто сидит за штабными флю-мируа или отстукивает на клавиатуре в такт приходящей ленте. По их мнению, мы утратили контроль. Мы чего-то не поняли. А вернее, мы кое-что забыли: мы работаем на будущее, на будущую реальность, мы машинерией отмечаем и делаем срезы, мы работаем на реализацию желаемого и производству новых желаний отчасти потакаем; но машинерия, каковой являются установленные нами

каналы коммуникации и каковой являются существовавшие ещё до нас потоки, постоянно ломается на ходу, постоянно что-то случается с течением, она работает только в таком поломанном, готовом к поломке, ожидающем поломку состоянии – всегда часть производства прививается к продукту, групповой фантазм всегда оседает на урбматерии, а детали машин являются их же топливом, как потоки питаются умбрэнергией. Поломка – это тоже функция, причём функция воспроизводства самой структуры. И со всей этой бесконечной установкой нового оборудования мы, выходит, идём на поводу, только не понимаем, чему и зачем это нужно. И миноров мы подавляем, потому что того требует производство урбматерии *с учётом нас*. Возможно, от нас попросту устали. И это уже неисправимо. Или исправимо с помощью *deus ex machina*²⁹, который ещё не явился к нам: из-под сцены ли, за-над ней ли... – Селестина вздрогнула от упоминания сцены. – А может быть и так, что не нужно выбирать из вариантов. Это обычная нестрогая дизъюнкция: или то, или это, или оба сразу. Как видишь, ограничение первой концепции ведёт ко второй, вполне включающей элементы первой, хоть и по иным основаниям. От нас требуется новая модель управления, но нас же и сотрут в порошок, если она окажется не той; точнее, мы сами разожжём топку и приведём в движение жернова, течение развеет остатки.

– И к какому лагерю примыкаешь ты?

– В том и суть, что ни к какому, – отвёл взгляд Саржа

в сторону, будто бы к третьему участнику разговора, тихо и кратко выдохнул: – La patrie... La partie³⁰... – и решительным поворотом головы вернулся к Селестине. – Меж ними предпочитаю первое.

– Игра слов от тебя? Браво!

– Тебе всё равно никто не поверит. К-хм. Я верен Директорату, а не условиям, в которые он поставлен. Разбиение на спорящие партии – о, а они будут спорить, ведь ресурсы ограничены, – шаг к саморазрушению. Честно говоря, есть и третий вариант, принятие которого предотвратит подобную междоусобицу.

– И кто придерживается его?

– Только я. Возможно, ещё кто-то, но вслух никто больше не высказался.

– Если «больше никто не высказался», то значит ли это, что ты своими соображениями поделился?

– Да. Но, кажется, они не поняли. Или же не хотят принимать такой поворот.

– Итак, ты считаешь, что это всё...

– Диверсия. Или акт террора. В зависимости от состава участников. Дело рук людских. Потому и отмахиваются. Не затмение выжгло наши каналы, а чей-то умысел, апробированный в апреле. Трагедия «Самопровозглашение конкурента».

– Склонна тебя поддержать, – растягивала Селестина буквы.

– Ты что-то знаешь? Я надеялся, ты успела узнать что-то новое, подкрепить догадки. Что там выведала Корнелия, удалось найти связь?

– Нет, те ребята не по нашей части и не по нашу честь, в этом папá прав.

– Ясно. Ну, уже что-то можно исключить.

– Угу. Слу-ушай, – внезапно вспомнила Селестина, сама не ведая, почему, – насчёт нового. Сейчас, конечно, улицы будут полниться различными ересями в хорошем и плохом смысле слова, но что, если я тебе скажу: «паутина пирамиды»? За точность не ручаюсь, но смысл в том, что некая пирамида производит некую паутину, и эту паутину, м-м, намерены смахнуть?

– За-анятно, – в чём-то его тон был передразнивающим. Похоже, он успокоился и выговорился на беззащитной Селестине, и теперь был больше похож на себя официального. – Наверняка, подслушали у пьяной компашки миноров?

– Ты специально уточняющий вопрос паузой отделил от ответа? Ну, хорошо, да, это подслушано в компании миноров. Честное слово.

– Я плохо читаю по лицам, но, похоже, что говоришь правду. Я не наседаю. Пожалуйста, пойми, что нам сейчас нельзя дробиться на фракции, если есть, чем обменяться, этим нужно обменяться, иначе мы никогда полной картины не увидим.

– Выходит какой-то бартер отложенного действия, если у

второй стороны ничего нет на обмен.

– Для этого люди и придумали более совершенные – товарно-денежные отношения.

– И что же выступит валютой?

– Боны будущего Директората. Участие в этом будущем, его определение.

– Амбициозно.

– Как я уже говорил, от нас в любом случае требуется новая модель. Из следствий это предполагает административные изменения.

– А так хорошо говорил про единство и опасность деления...

– Я никого свергать не собираюсь, это вопрос лояльности, а не карьеры. Но при переменах, естественно, кто-то пойдёт вверх, кто-то пойдёт вниз, от кого-то, возможно, избавятся. Это вопрос адаптации. И что касается ответа на твой... Скажи ты не «паутина», «нить», более общее понятие, я бы ещё колебался, указывать ли на кабинет папá Блеза. – «Нить? Ох, ну неужели...»

– То есть речь о том аквариуме? Вернее, сиренариуме?

– Да. Как понимаешь, о нём известно немногим вне цеха. Так что продолжить исследование вопроса определённо стоит. Не знаю, куда отправилась Сёриз, но если сверяться с библиотеками и архивами извне, то может не тратить время снова, речь не о каких-то пирамидах-надгробиях на городских кладбищах, в частных садах или о площади и улице

Пирамид, имеется в виду кабинет с медными дверями.

– А что с паутиной или нитями?

– Одно время ходил миф, будто та пирамида – самое окончание опистосомы, то есть брюшка паука, который зарылся глубоко под городом и впился хелицерами в сочный кокон, разжижая его своим ядом, и который оставил на поверхности один прядильный аппарат, рассеивающий над городом, подобно заводской трубе, то, что ныне мы именуем регистрациями, ловящий в эту паутину всё, что пытается воспарить над ней, а остальное – зажать между новым горизонтом и старой землёй. И здесь я должен указать на определённые проблемы с аллегоричностью, которой требуется ещё несколько промежуточных сращений: где анатомия пауков, а где анатомия фабрик. Если примитивно, то к трубам последних ближе, не знаю, каракатицы. – «Каракатицы?! О-о, моя голова!»

– Получается, они готовятся устранить папá, нам стоит проверять все входящие посылки?

– Вряд ли снизойдут до бомбы, речь именно о тех изменениях, что я говорил. Для кого-то он – олицетворение нынешней модели, поэтому избавление от нитей пирамиды или смахивание её паутины – это аллегория банального политического лозунга.

Несколько минут они промолчали бок о бок, как когда-то в далёком уютском детстве подпирали спинами кровать и то сводили, то разводили носки, будто намеревались вытолкнуть лодку с полной горести суши и перерезать удерживаю-

щие её канаты – с возрастом менее интенсивно и заметно.

– Тебе не холодно сидеть на полу?

– Я ещё в самом начале подгрестила под себя несколько плотных листов, так что не особо.

– Нам пора уходить. Не хочу встречаться с совоглавыми сейчас. Но за то, что упорхнули на какую-то ночную охоту, они ещё получают.

– Ты уже грозился.

– А если бы ты так и пролежала на полу всю ночь? Ещё и под сводами шкафа, из которого могло что-то очень неудачно выпасть прямо на голову?

– Спасибо, что беспокоишься. Если честно, мне бы дойти до санитарного кабинета – уж сейчас-то, я надеюсь, он откроется.

– А что такое?

– Ты правда хочешь, чтобы я тебе тут перечислила все симптомы?

– Да нет. Кажется, я и так знаю, в чём дело. Странно, что тебе не сообщили.

– Сообщили что? Не томи!

– Твой ис-диспозитиф. Он канул в небытие. Так что если помимо физиологических испытываешь и душевные симптомы вроде чувства утраты или тоски, то всё от разрыва связи. Три дня мучений – и будешь снова радоваться жизни. Не знаю, как твои ночные воздыхатели это сделали, зато нам убавили работы и беспокойств, хоть какой-то от них толк.

– Новость в принципе-то даже чудесная, но теперь я ощущаю потерю вполне рационально. М-да. И далековато до полноценного комфорта.

– Могу облегчить твои страдания, – полез он в карман и извлёк оттуда коробочку монпансье. – Мятные.

– М-м! Так ты и в правду уплетаешь леденцы!

– Я тебя никогда не обманывал. Просто мой образ заставляет воспринимать некоторые мои признания как абсурдные.

– Теперь-то, надеюсь, не будут тянуть с выдачей нового устройства?

– Только если ты не будешь тянуть с ритуально-технической подготовительной частью.

– Ай, я совсем про это забыла. Бр-р, снова иголки и всё остальное, воспоминаниями о чем не желаю портить удовольствие от конфетки. М-м. Спасибо, мне прямо сразу полегчало, честное слово. Интересно, а в этот раз дадут выбрать цвет подкладки и ремешков? И можно ли выключить для отделки замшу? – Щебетала она с какой-то неподдельной девичьей весёлостью, а щёки налились румянцем, подкрашиваемым зачинавшей день зарёй.

морозные утра, разгоняющие кровь на ланитах домов, а иные и вовсе превращающие в кристаллы рубина – или же выявляющие уже заложенную в них их благородную натуру? Но от чего этого благородство? Нет, точно не от архитектурного стиля, не от богатства материалов, не от их дороговизны, не от кондитерской вычурности карнизов, пилястр, кариатид, балюстрад, консолей, плафонов, фронтонов, фестонов, раковин, и не от того, что их внутри дополняет мебель под Людовиков четырнадцатой и пятнадцатой итерации, – дело в ордере, дело в структуре. В конце-то концов и в начале начал, что благородного в минерале корунде, из которого и добываются рубины и сапфиры? Это всего лишь оксид алюминия. Al_2O_3 – ни моля благородных металлов в составе. Всё дело в том, как атомы вещества сопряжены между собой – в сингонии, порождающей красоту порядка.

«Впрочем, инженеры современности, а в особенности воздухоплаватели, наверняка склонны причислить алюминий если не к благородным, то к весьма досточтимым», – увидел Мартин расчерчивающий небо пунктиром строй дирижаблей: «Великих реформ» и с полдюжины тех, что поменьше. Должно быть, новые манёвры – не то караванные, не то учебно-показательные для *Forces armées*³¹. «Пф, правь, Британия, морями...»

С этим он оставил законный вид, в последний раз осмотрев оттаивающую, заливавшуюся нежным сиреневым оттенком улицу внизу, и перешёл к зеркалу, чтобы закончить

утренний туалет. Предстоял довольно важный день. Повязывая пластрон цвета побывавшего в передрягах, опалённого солнцем и порохом армейского мундира, он всё же напомнил себе о долге и чести подданства, но тем не менее не без едкой иронии по поводу «страны – локомотива прогресса» промурлыкал себе под нос:

Rule, Britannia! Rule the waves:

Britons never shall be slaves.

Rule, Britannia! Rule the nav's:

Britons never will be slav^s.³²

Покончив с мелочами, он покинул квартирку, стал спускаться по лестнице – и почувствовал довольно резкую и распирающую боль в области печени и выше, ближе к диафрагме. «Нет. Только не это. Только не снова. Только не сейчас!» Пил он не настолько крепко, чтобы уже убить этот орган, – даже в экспедиции на Монмартр. Даже завтракать расхотелось. Хотя нет, тут же появилось странное желание съесть мармелад или что-то сладкое. Его бросило в пот, он почувствовал, что, не в манер наливающимся жизнью зданиям, от его лица отхлынула кровь. Усилилось слюноотделение. Голова склонилась на бок, дыхание стало поверхностным. Он намеревался присесть на ступени, но понял, что лучше упе-

реться лбом в стену, да, вот так, с наклоном вперёд. Нет, лучше упереться руками в перила и нависнуть всем весом. Нет – лбом в стену. Нет, обратно. Ах, что за проклятье?! Ему пришлось простоять так несколько минут, а, быть может, и четверть часа – он даже не хотел смотреть на циферблат.

Ох, он ещё и забыл про столь неуместное ощущения торжества и умственных, и физических процессов, согбенного обмякания по окончании приступа. Сейчас он и себя ощущал ровно тем же мармеладом, что намеревался потребить. Ещё бы только дойти – а хоть бы и скатиться, пока никто не видит.

Вот и первый этаж. Куда же? Всё-таки пойти позавтракать сахаром и желатиной – или в аптеку? Мартин счёл нужным обратиться к аптекарю: в ближайшее время ему вот совсем не были нужны такие проблемы. В пустынном помещении он встретил фармацевта или его помощника, уже открывшего лавку, но пока что полностью посвятившего себя восстановлению законного порядка на полках. Появление Мартина удивило юношу, поскольку вид его не позволял предположить, будто ему нужны традиционные для такого времени средства, он в целом не очень вписывался в клиентуру этого часа.

– Чем могу служить, месьё? О-о, вы на вид какой-то... У вас, если позволите, весьма странный оттенок кожи.

– Что, по гамме не подходит к аксессуарам костюма? Или это они как раз его и выдают? Не извольте беспокоиться, сей-

час сбегаю сменить наряд. А вы не забудьте внести в будущий счёт модную консультацию.

– Простите, сударь. Я лишь...

– Всё нормально... Нет, не нормально. Вы можете по перечислению симптомов предположить необходимое средство? Именно средство. Просто для облегчения состояния. Разбираться, что это такое, и как с этим жить, буду позже.

– Д-да, хотя должен предупредить, что возможен неверный вывод, а также не смогу вам без врачебного рецепта выписать определённые лекарства, коль скоро они понадобятся. Вам бы дождаться хозяина аптеки, но вижу, что это не терпит отлагательств.

– Терпит-терпит, но сегодня я вынужден составить компанию другим. Итак, препятствующая свободному движению боль в правом боку и верхней части живота, изменение цвета кожи...

– Вы позволите вас пальпировать? Гм-гм.

– Просто выберите наиболее вероятное из возможного. Или найдите средство, действенное и пригодное для нескольких недугов.

– Учитывая все возможные ограничения, я могу предложить вам только смесь бессмертника песчаного и мяты перечной. Следует заваривать и принимать за четверть часа до приёма пищи.

– Прекрасно, сейчас и попотчую себя... этим.

– Не собираетесь ли вы сделать это в заведении по сосед-

ству? Вы можете попросить их сделать отвар. Клеман и Эмери – кто бы из них сейчас там ни был – весьма деликатны.

– Поступлю по вашему совету.

– Также советую вам включить в рацион авокадо и цитрусовый сок.

– Благодарю. Вы отчасти вернули мне украденные приступом минуты: не придётся копаться в меню.

Мартин послушался рекомендаций, а его – ожидаемо с удивлением, но всё же без жеманства и актёрствования – владельцы ресторанчика. Станный, довольно жирный, как для утренней трапезы, орех также оказался доступен; это подвело было Мартина к мутноватым измышлениям, тут же затерявшимся и растворившимся в перетревоженном приступом иле мыслей.

Теперь следовало отправляться в первый округ. Недостаточно хорошо подумав, воспользовался автобусом – одним из тех, что в рекламно-популяризационных целях курсировали по первой десятке округов. Это было прекрасное средство передвижения, которое ему непременно хотелось опробовать, ведь вряд ли такая возможность представится у себя на родине или в других странах ещё ближайшие пару лет, вот только он не учёл нынешнюю ограниченность маршрутов. До набережной Вольтера – о, вновь привет тебе, лестничный ум! – он мог и на конке добраться, а на тот берег попал бы и на обычном омнибусе, не говоря уже о том, что прямо к месту назначения его мог доставить старый добрый

кабриолет, а в системе пересадочных билетов, именуемой *correspondence*, он, идиот, так и не разобрался – в отличие от тысяч благодарных пользователей (сесть на транспорт в точке А, испросить *кондуктора* о необходимых пересадках, взять у него билет *une correspondance*, сойти на остановке – *пересадочном бюро*, там потребовать *un numéro* транспорта доставки в точку В, не пропустить *ближайший прибывший* к бюро транспорт подходящего маршрута, отдать новому кондуктору пересадочный билет *вместо платы*). Город-соблазнитель явно не желал, чтобы месье Вайткроу осуществлял намеченное на сегодня.

Что ж, Мартин стоял у моста Руаяль, и прикидывал, стоит ли вновь доверяться транспорту, или же пройти пешком – до цели было где-то полмили. Помыслив, что в этот день его будет замедлять всё и вся, чему доверится, он решил полагаться лишь на себя. Молча пересёк мост и совершенно без мыслей пересёк Тюильри, не удостаивая вниманием дразнившую его погоду утра. Свернул на запад, и предался глубокой перспективе той части рю Риволи, что он избежал в день приезда, – не только внушающую некоторые державные чувства вроде залога благополучия и безопасности, но и пригодную для фланирования в непредсказуемый на осадки день благодаря ряду галерей первых этажей, порождающих как бы вторую улицу: если первая, основная, посвящена быстрому перемещению капиталов, товаров и масс, то эта всячески предлагала прервать движение, вспомнить о своей личности, вы-

рвать себя из общего потока, наградить свою индивидуальность и частность.

Пришло время коротко свернуть на север, на недостаточно буржуазную и своими пропорциями весьма османопротивную улочку, получившую имя в честь кульминации Июльской революции. «Должно быть, в этом и есть ироническая разгадка: так воздали почести её составу и силе».

И вот, наконец, Сен-Оноре, облюбованная отелями и клубами. Мартин исследовал уличные таблички, и определил, в какую сторону ему следует идти, чтобы добраться до №223. Вновь на запад, на миллиардные доли секунды удлинняя этот день. Да, сюда ему и надо – в одну из англоцентричных гостиниц под названием «Hôtel de Lille et de l'Albion», с фасадом, от уровня бельэтажа снабжённую четырьмя строгими пилястрами, опирающимися на балкон, под которым прижились поддерживающие консоли и картуш, венчающий входную группу с приталенными даже для французского стиля окнами и рустикой, добавлявшей джентльменскую брутальность с узором на манер извилин головного мозга или грецкого ореха.

– Приветствую, месьё, могу вам чем-то помочь?

– Будьте любезны сообщить, ожидает ли месьё Форхэд месьё Вайткроу? – удержался он от одной скабрёзной остроты.

– Пожалуйста, проследуйте в курительную комнату, сэр. Это дальше по коридору за лестницей.

– Благодарю.

«Похоже, всё транспортное везение перетянул на свою сторону мистер Форхэд», – ухмыльнулся Мартин при входе в отделанную дубом комнату, саму по себе довольно тёмную, но вдобавок к этому просмолённую табачными маслами и заволочённую сиреневатым сигарным дымом, казалось, подкрашивающим при оседании византийски-пурпурные кресла, только и позволявшие оценить размеры часовни табака.

– Вы, безусловно, человек необычайного ума, но – «мистер Форхэд»? – воспользовался Мартин отсутствием в камере кого-либо ещё.

– Здравствуйте, Вайткроу. Удобно, когда есть возможность слепить псевдоним из какой-то приметной черты: и мне напрягать воображение не надо, и при дотошном допросе никто не сможет сказать, действительно ли так звали человека, или же несчастный отождествил имя с физиологией.

– Но работоспособна ли метода при наличии записей? Вроде тех, что в книге регистрации отеля. Это же прямая ориентировка.

– Уже гипертрофированная фантазией вследствие спроса на неё одну.

– Мы можем продолжить в разговор в помещении, менее напоминающем внутренности гроба в крематории?

– Ха! Конечно. В мой номер. Кстати, не желаете ли второй завтрак? Всего четыре франка, подадут нашу национальную кухню.

– А вам мало нашей национальной кухни у нас на острове?

– Но ведь это уже будет наша национальная кухня в представлении французов, имеющих свою национальную кухню. Это, мистер Вайткроу, игра полутонов.

– Мне бы на полутона дверей и порогов сейчас не наткнуться.

– Из темноты видно лучше.

Номер на втором этаже был крайним по коридору и, как выяснилось, с довольно странной акустикой – возможно, из-за того, что одна из стен была глухой несущей. Сам же мистер Форхэд определённо не был намерен оставаться здесь на длительный срок: он не обживал пространство комнаты, держал свои вещи как можно компактнее и на поверхностях не ниже уровня пояса. То ли от холода, то ли по дурной привычке мистер Форхэд подёрнул стоячий воротник и перешёл к сути встречи:

– Итак, мистер Вайткроу, «ГОСПОДИН ИМПРЕСАРИО ЗПТ МАЭСТРО ТЧК КОМЕДИАНТ НАШЕЛ ЦИРК ТЧК СМЕНИЛ АМПЛУА ЗПТ ПРЕКРАСНО РАЗОГРЕВАЕТ ПУБЛИКУ ТЧК НЕ ИЗВОЛЬТЕ БЕСПОКОИТЬСЯ ТЧК»?

– Всё верно.

– Вашу телеграмму можно препарировать на четыре... нет, пять элементов, если не считать начальной адресации непосредственно ко мне. Пойдём по порядку.

– Это он, я уверен. Кстати, теперь его зовут Бэзи.

– Очаровательно. Как и то, что в конце отчётного периода

нас не обвинят в растрате средств на погоню за призраком по Лазурному берегу и через полрейха.

– В какой-то степени он им стал. Взрыв пережил, но теперь он – живой мертвец.

– Так, может, сам издохнет? Тогда мы ещё чуть-чуть расходы сократим.

– Нет, его гниющий организм разносит инфекцию. Его следует, хм, поместить в карантин.

– Гуманно.

– Нужен допрос.

– Что объясняет следующие четыре пункта.

– Да. Например, когда это он успел стать основателем движения здесь, если до этого безвылазно, как мы считали, сидел в рейхе с наездами в Австро-Венгрию?

– Быть может, во время, как вы выразились, «наездов»?

– Нет, его перемещения как раз без проблем отслеживаются и подтверждаются документами и расчётами: поезда не могут двигаться быстрее такой-то скорости, в среднем же делают столько-то километров в день, вот донесение, что его действительно видели в ячейке такого-то города, вот квитанция – и прочее-прочее. Похоже, всё случилось, когда мы полагали, будто он тихо ждал дальнейших инструкций и занимался рутинной в Карлсруэ. Там он мог, при известной доле сноровки, распределить подручным задания и время встреч различных звеньев так, чтобы создавалась видимость его присутствия, общей инерцией движения скрывать отсут-

ствие приложения своих усилий к тому.

– Но это было возможно до того, как за ним установили прямую слежку. Напомните, когда это было?

– В том декабре, в десятых числах.

– А местный цирк когда начал собирать труппу и давать представления?

– Этой весной. Точнее сказать не могу.

– То есть, грубо говоря, получается временной лаг величиной в квартал. Не сходится, правда? Либо соглядатаи были безалаберны, либо проект цирка гораздо старше, либо он не основатель. И это отнюдь не строгое «либо», но для различения лучше считать, что варианты самостоятельны. Первый я не склонен считать реальным, второй проверить нет никакой возможности, а вот третий... Скажите, как вы узнали, что он – основатель?

– Перед его выступлением помощники сообщили, что на этой сходке половина собравшихся впервые увидит основателя.

– Ха! Вы же понимаете, мистер Вайткроу, что никакой второй половины могло и не быть вовсе, но каждый считал соседа слева, то есть статистически – каждого второго, тем самым ветераном движения? А даже бы если сказали, что лишь треть его не видела, то и это сработало, потому как не пришлось бы выбирать, куда вертеть голову – кругом знатоки, лучше не задавать глупых вопросов.

– Помимо того, что с одних спрашивали пароль, а с других

– нет, было некоторое символическое разделение собравшихся. То был зала с помостом, явных неофитов вроде меня усадили в центре помещения на стулья, установленные перед ним, а встреченные без проверок становились плотным кольцом вокруг этого партера.

– Вы не учитываете глубину. «Ветеран» – это сколько: один, два и много? А то и вовсе раз-два? Допустим, что это собрание не было первым – целым вторым. Пожалуйста, вот вам и иерархия. Поймите, мистер Вайткроу, всех просто могли убедить в том, что он лидер, а на самом деле – именно что комедиант, актёр, исполнитель главной роли, а проект может быть чьим-то ещё. Кого-то, кто знал, что есть вот такой... как там его? Бэзи? Бэзи. И что он внезапно, гм-кхм-хах, погорел. Мало ли, местных талантов не хватает, нет за пала Равашоля.

– Кстати, он его упоминал. И даже сказал, что учился у него. В этом я сомневаюсь и думаю, что это он о его судьбе.

– И правильно делаете. С Франсуа Кёнигштейном знакомство шапочное.

– Впрочем, главный урок – про увлечение взрывчатыми веществами – он так и не вынес. Или принял слишком близко к сердцу.

– Ха-хо-хо! Кхм. Я почему так дотошен в этом моменте? Потому что если всё же верен первый вариант, то мы никчёмны и неэффективны, порог работы нашей системы ниже нужного, он уже не справляется с учётом таких вот Бэзи. Ес-

ли верен второй, то к нам снова появляются некоторые вопросы.

– Мы не можем отследить всех. – Да и анархисты – не вполне наш профиль, хоть и смежный.

– Они становятся нашим профилем, если их ведёт за собой – на добровольных или наёмных началах – бывший социалист-антимилитарист-профсоюзовец. Что подводит нас к третьему элементу.

– Отчасти можно понять психологию: последний решительный шаг, наиболее заметный. Ну, и, вероятно, всё-таки взрыв оказал пагубное действие на центральную нервную систему. Неплохое поле для исследований, но для нас просто важно то, что для рабочего движения он мёртв и ныне представляет другую позицию под другим именем. Но позже всё равно придётся, хм, удостовериться, что его личность вновь не откроется. Да, к слову, я постарался, как мог, воспроизвести содержание того собрания, – протянул Мартин конверт мистеру Форхэду.

– Прекрасно. Теперь четвёртый.

– Власти Шестиугольника, как можно предположить, тоже не в курсе существования группы. До сих пор. И точно готовится что-то большое, что-то, достойное размаха самого города. А значит, некоторую выгоду извлечь мы ещё можем.

– Именно что некоторую, а не всю возможную. Только если предложить выкупить само знание, что теми-то что-то готовится. Однако, не понимая, что именно готовится, мы да-

же не можем выдать аккредитованным лицам своевременные приказы на продажу без покрытия. Прибыль здесь решительно единовременная.

– Ещё можно вложиться в ценные бумаги крупных градостроительных подрядчиков. Когда прочтёте, поймёте, хоть и признаю, что вывод можно счесть надуманным.

– В это можно инвестировать и без подобного повода, мистер Вайткроу, просто отдача низкая. Если я прав, и верен третий вариант второго элемента, то кто-то наверняка сам готовится собрать ценнобумажный урожай. Поэтому действительно встаёт вопрос: возможно, нам всё-таки стоит предпринять некоторые действия, в том числе упредительного характера, а не стоять в стороне.

– Пятый элемент и моя просьба не беспокоиться, отбитая точкой, понимаю. Как я и говорил ранее, Бэзи всё равно нужно найти для допроса... и облегчения страданий. Но остальное – должны ли мы делать работу местных властей?

– Мы делаем работу не их и не для них, но свою и для себя: узнаем, чья игра на бирже крупно не удалась, даже если это окажется некий синдикат или что-то ещё обезличенное, а так наверняка и будет. К местным властям мы могли бы обратиться, однако придётся слишком долго объясняться. Найдём на них удобный выход – воспользуемся, а нет – ну и ладно.

– Вы одобряете осуществление агрессивной провокации вплоть до срыва акции?

– Как же вы прямолинейны. Разрешается. Бэзи – на ваше усмотрение, мистер Вайткроу, тем более что провокация нанимателей может спугнуть его самого; обратное не гарантировано. Впрочем, это может быть его последнее дело, так что отступать ему некуда. Сможете убить двух зайцев сразу – прекрасно. Возможно, стоит убрать его фигуру с шахматной доски первой – в качестве тонкого намёка. Или без такового. Не факт, что ему известна вся экономическая подоплёка авантюры. В целом же старайтесь обойтись малой кровью – и малыми затратами. Сроки исполнения выбирайте сами. Вопросы?

– Почему мы уверены, что он на последнем издыхании?

– Мистер Вайткроу, вы же сами в начале беседы сказали, что он живой труп, а тело его гниёт.

– Я образно. Кто знает, как и где его подлечили. Но внешний вид его говорит о серьёзных увечьях, он будто демонстрирует это.

– Понятно. Это бы тоже не помешало выяснить. Но в данной ситуации крайне желательно убедиться, что это так или иначе будет его последний труд. А вообще, постарайтесь выведать как можно больше до того, как всё разнесёте в пух и прах.

– Полагаю, на этом ваш интерес к пребыванию в городе можно счесть исчерпанным?

– Да. Мне предстоит запустить кое-какие механизмы. Вам, ха-хм, осмелюсь предположить, тоже. – И кивком голо-

вы указал на дорожную сумку, которую Мартину полагалось принять.

На этом оба участника сочли беседу завершённой. Мартина проводили до выхода из отеля, заказали экипаж из тех, что отправной точкой любого своего маршрута сделали гостиницы и клубы Сен-Оноре, и велели доставить его в любое место за счёт постояльца. Это был акт вежливости, столь присущий джентльменам, но вместе с тем это мог быть и весьма мерзенький ходец. Если Энрико держал адрес этой квартиры в тайне, то таковым ему и надлежало оставаться. Мартин не был намерен его вот так выдавать – даже на Орфевр он указал адрес, по которому связывался с Энрико до своего прибытия. Заказать поездку до Нёйи-сюр-Сен он также не решился – следовало сделать некоторые приготовления. В связи с этим он, во-первых, приказал править вожжи к церкви Фомы Аквинского, от которой затем намеревался дойти до редакции «République III»; во-вторых, подъехав к её аметистовым воротам, не в святых стенах сказано будет, «напомнил», что оплату следует истребовать с мистера Форскина.

Не то, чтоб встреча с Энрико была необходима, однако он мог бы уточнить, когда и где будет следующее собрание группы Бэзи. И потом, ему просто хотелось увидеть «Анри» в естественной среде обитания. Для этого Мартину было необходимо с рю Грибоваль вернуться на Бак, – разумеется, перед этим он подождал, когда карета уже уедет, – а оттуда,

как объяснил когда-то Энрико, свернуть на Монталамбер и в тупичок по правой стороне.

Нельзя было сказать, чтобы редакция бурлила работой, но Мартин интуитивно понял, что стоит дотронуться – и он почувствует всю мощь бурления, весь жар закипания. Учтывая общую летнюю аморфность журнально-газетного мира, можно было предположить, что всё это – подготовка к некоему будущему грандиозному проекту или же результат работы для нескольких изданий одновременно. Энрико говорил, что авторы издания также печатаются в «La Revue blanche» и «L'Ermitage», причём редакция последнего была в четверти мили отсюда, – такие вот оазисы, используемые кочующим племенем пытливых умов его поколения.

Энрико весьма вовремя оторвал взгляд от стола, избавляя Мартина от некоторой неловкости.

– Мартин, друг мой, ты всё-таки пожаловал к нам! Сегодня просто день сюрпризов! Позволь представить тех, кто не разбежался по делам и перекусить: Жак, Жан, Марсель, Морис и Анри, из-за которого мне отчасти приходится оставаться Энрико, благо хоть подписываться мне позволяет французской вариацией.

– Считаю актом признания твоих притязаний на описание жизни этого города. И потом, Энрико звучит красиво. Желаю, чтобы музыка имени уладила мои уши и далее!

– И вновь благодарю тебя! А что до той четвёрки, поместившей себя под стекло и не понимающей, что оно суть пре-

парацетимол, то это Анреде, Таде, Люсьен и Себастьян.

– Хм, кажется, Себастьян мне знаком, – пригляделся он к фигуре с розой в лацкане сюртука.

– Ах, я надеялся, что ты его узнаешь. И даже бы огорчился в противном случае. Да, это Себастьян Мельмот.

– Мельмот. Конечно, меньшего ожидать и не стоило.

– Ты пришёл просто меня навестить или же надумал у нас печататься? Уверен, твой отзыв о влиянии Выставки на город пронесётся бризом по газетным киоскам!

– Ох, да как бы не затхлым духом отпёртой стариковской комнаты. Не посмею собою портить особую атмосферу издания. Честно говоря, пришёл тебя навестить. Пожалуй, всё-таки придётся отбросить рабочие планы и приняться за иное.

– Что, все разбежались? Ну, так лето на дворе.

– Или же я и впрямь владелец описанной выше комнаты, интервью которого в рейхе ещё как-то терпели понимающие Дильтей, Вебер и Зиммель... Кстати, если считаешь, что, прости за антагонизм, чувственно-образная аналитика города и впрямь востребована, возьми последнего на заметку. Быть может, академической карьере он и предпочитает среду высшей буржуазии и салонную жизнь, не связывая себя серьёзными отношениями с одной из групп, но иллюстратор и портретист он превосходный.

– Я-то возьму, а вот ты свой шанс можешь упустить. И потом, а кого ты хотел найти?

– Да мне бы одного Дюркгейма хватило...

– А ведь ты его как-то упоминал, только я в тот день совершенно не сообразил, что уже видел его фамилию: он хороший друг «La Revue blanche», Таде мог бы тебе посодействовать.

– Нет, его нет в городе, со всей ответственностью вам заявляю, – внёс свой штрих в разговор оторвавшийся от карандаша и бумаги Морис.

– Да и я не испытываю особой потребности отягощать кого-либо просьбой, особенно если перед этим придётся ещё и ожидать завершения явно нескончаемой беседы.

– Что ж, Мартин, похоже, у тебя действительно не остаётся иного выхода, кроме как наконец-то предаться отдыху или попробовать что-то новое. Только не знаю, чем ещё могу помочь.

– Да всё тем же. К слову, поддержали ли твой интерес?

– С такой-то образностью и артистичностью подачи революционной программы? Ещё бы. Будет главной темой. Возможно, придётся поцапаться с ребятами Таде за исключительные права на публикацию, как бы ни была им эта тема ближе. Уж без обид, братья по перу! – И проводил Мартина к выходу, заодно избавившись от лишних ушей.

– Ты им не доверяешь? – Продолжили они неторопливо разговор, уже неспешно прогуливаясь вдоль безлюдной улицы.

– Я не доверяю их способности сохранить самообладание. Невоздержанность при освещении дела Дрейфуса неко-

торым солидным изданиям обошлась дорого; впрочем, заодно и выявила тех, кто мог неприятно удивить сообщество в будущем. Считай это в большей степени заботой о дорогих моему сердцу.

– Это я понять могу. Итак, не подскажешь, когда будет следующее собрание? И, может, ещё что-то изменилось? Ты, кажется, с той поры имел ещё пару бесед с, хм, адъютантами?

– Всего одну. На той неделе ходил без тебя на новое собрание. Были знакомые лица, были новые.

– Что ж, значит, с набором рекрутов проблем нет.

– Да, число *сочувствующих* всё увеличивается. Умасливал их подготовить публику к грядущему, смягчить её рассказом о себе и не скрываться. Если только они замышляют символическое смертоубийство некой системы отношений, а не живых людей. Слухи о свержении золотого тельца помазанием кровью агнца домов праведных рано или поздно поползут, поэтому лучше упредить жандармскую пропаганду.

– Чудным образом ты сшил сюжет. Ну, хорошо, если только это. Неплохо бы ещё раз выслушать Бэзи, хотя иной раз я жалею, что не хватает либретто.

– Ха-ха! Да. Так, собрание... Будет оно всё там же, в Нёйи, в три часа ночи с двенадцатого на тринадцатое.

– Ого. Вовремя я. И можно узнать, отчего такое необычное обстоятельство?

– Полнолуние.

– А и правда. Нагонять атмосферу они мастера.

– Так и собрание будет посвящено чему-то символическому. Чему – не знаю.

– Ну да, их коронный номер. Ты намерен туда пойти?

– Намерен? Я приглашён! А вот ты, как пропустивший заседание, должно быть, считаешься недостаточно усердным в учении, чтобы получить новую степень посвящения.

– Более того – как увильнувший от сбора биографических данных. Но подожди, как это – «приглашён»?

– А вот так: выходил из редакции, а ко мне подошёл один из тех со сцены и попросил уделить ночь присутствию на собрании.

– Тебе не кажется, что это может быть ловушкой? Может, они изменили планы, и решили избавиться от всех – не в обиду будет сказано – болтливых?

– Н-нет. Ты пытаешься меня в чём-то убедить? Какой-то недобрый у тебя взгляд.

– Не подумай лишнего. У меня ещё с самого пробуждения не задалось с физиологией и физиономией. Считай это заботой о дорогих моему сердцу.

– Н-но и не приходить будет невежливо. И совершенно нет доказательств тому, что с кем-то хотят расправиться: это можно было устроить и в тот вечер, а не вручать приглашение.

– Однако это было бы убийство в городе – и по одиночке. А так – всех и за фортифом. Ещё и ночью.

– Не знаю, откуда такие мрачные мысли.

– Говорю же: просто с самочувствием не задалось, и другое в голову не лезет. Прости, не хотел тебя напугать или настроить против них.

– Но ты загнал меня в ситуацию пата.

– Каков злодей! Предлагаю так. Поскольку я всё равно теперь знаю о встрече, давай-ка я появлюсь новой фигурой на доске: прибуду на место вовремя, а ты хорошенько так опоздаешь. Скажем, на час. За это время они не успеют разойтись. Может, как раз к кульминации речи Бэзи успеешь, соизволь он присутствовать. А я за это время оценю обстановку. Если моей сегодняшней угрюмой ипостаси что-то не понравится или меня просто развернут на пороге, то я укроюсь в растительности близ особняка и дождусь твоего появления и передам свои соображения.

– А если ты меня не встретишь?

– Поймёшь по прибытии. Если будет слишком тихо, значит, всё уже кончено, притом трагичным образом. Если слишком шумно – вывод тот же. Если ни то, ни другое, значит, я нахожусь внутри и со всей возможной сосредоточенностью подробнейшим образом запоминаю для тебя произносимое со сцены. Ты и сам признаёшь, что язык образов мне даётся лучше.

– Главное – не утони в трактовках.

– Да не захлебнусь я молоком Луны, да не станет саваном дорога, да не встречу я седой волны, да не залюбуюсь бледным оком.

Каким бы ни был день, Мартин больше не мог тратить ни единой его минуты впустую. Он был настроен сделать это прямо сегодня – возможно, ещё до отъезда мистера Форхэда. Хотел ли мистер Вайткроу подкинуть свидетельства против него, повести за ним потенциальных выгодоприобретателей заговора Бэзи? Нет. Шуточки в духе мальчишек из школ-пансионов – это почти обязательная часть существования подобных закрытых сообществ, но вот рисковать старшим по званию и опыту, не получив на это его согласие, – нет, за эту черту он бы не перешёл. И сейчас он проговаривал себе эту мысль, дабы убедить себя, что его действия не поспешны и не носят некий эмоциональный, а то и карьеристский характер, но весьма своевременны. Не встретится Мартин с Энрико – кто знает, когда бы в следующий раз выпала возможность?

По возвращении в квартирку, он сразу же отправился в спальную комнату и встал на колени перед кроватью – нет, не чтобы помолиться: но извлечь из-под неё саквояж, за всё это время едва ли пользовавшийся вниманием. У Мартина уже созрел примерный план действий – тоже полный символизма. Он решил не пользоваться всеми возможностями, даруемыми саквояжем, но остановился лишь на одной – том

самом стеклянном контейнере. Он быстро проверил его целостность и отсутствие видимых изменений содержимого и тут же переложил в выданную мистером Форхэдом дорожную сумку. Должно быть, в редакции и в самом деле был непростой день, раз Энрико не заметил ничего необычного в руках Мартина, хоть и уделил тому драгоценное время.

Мартин встретился взглядом с зеркалом и пунцеватым двойником в нём. До окончания суток больше он видеть себя не хотел, да, наверное, и не смог бы. Слегка поправил волосы, подтянул костюм, проверил наличные в кошельке, одалжил вниманием слоновую кость циферблата ташенура, коротко и с напором выдохнул и пошёл искать извозчика. В этот раз спуск по лестнице прошёл без приключений. Только сейчас он понял, что в одном из карманов оставил пакетик с выданной ему утром целебной травой. Он испытывал небольшое чувство голода и ощущал, что к лицу всё ещё приливает больше крови, чем нужно. Он был собран, даже слишком собран, но не спокоен, поэтому решил раскошиться и целых полчаса потратил на отвар и сам даже не понял *что* из меню, оставив щедрых тридцать сантимов чаевых – преимущественно за быстроту подачи.

Когда он вышел из уборной, по-прежнему отводя глаза от глаз доппельгангера, порывающегося ворваться в мир через любую глянцевую поверхность, сквозь витринные окна приметил на перекрёстке возницу, к которому поспешил обратиться. «Oui-oui», – и пять миль спустя он уже ступал по зем-

ле Мадрида в Нёйи-сюр-Сен в двух сотнях ярдов от особняка. Проклятье утра стремительно рассеивалось.

Ему нужно было осмотреть дальние подступы. Всей суровости военной тактики противился пригород, встретивший его нежно зацветавшими перваншем, лавандой, гелиотропом, флоксом и мальвой. Из окон пахло чем-то сливовым. Его удостаивали кратким вниманием дамы в несколько устаревшего фасона платьях, с повадками и видом шартрезских кошек, что вышли понежиться на солнце, но уже присматривали птичку, которой намеревались полакомиться.

Мартин уже нашёл пару удовлетворявших его требованиям укрытий, но пора было заняться настоящей работой: наверняка по периметру стояли часовые, встречаться с которыми он никак не мог. Он вновь по соседним улицам обошёл особняк и сад, захватывая в радиус соседние дома, за которыми пропадал на несколько минут, осторожно выглядывая из-за углов, но так и не засёк ни одного наблюдателя. С альтернативными центральному входу точками проникновения тоже было не густо: живая изгородь представлялась абсолютно непролазной, и грозила куда большими неприятностями, чем высокое заострённое и обточенное непогодой ржавое железо ограды. Стало быть, придётся пробираться через «G» зелени, от каждого шороха таясь в её густоте.

Тем не менее, он и здесь не встретил препятствий – скорее, наоборот: теперь он не знал, что делать с открытым, лишённым каких-либо преград пространством перед домом.

Да, он совершенно забыл про то, что дорожка не всё время соседствует с деревьями. Он пригляделся к окнам, этаж за этажом, особое внимание уделил третьему – нет, даже там он ничего не увидел. Вполне могло быть, что у особняка сейчас минимальная охрана: зачем привлекать внимание лишней активностью накануне собрания? Гипотезу он проверил, гордо вышагнув из лифтовой кабины и неспешно промаршировав к входной группе, – ни малейшего оживления.

Тогда он нахмурил брови, скривил губы и распахнул дверь. Ничего. Впрочем, нет, наконец-то: не то дом встретил посетителя, не то кто-то неудачно ступил на половицу и выдал себя. Звук шёл откуда-то из коридора, по которому Энрико прокладывал путь десять дней назад. «Они должны найти здесь только ветер», – думал Мартин, куда бы отступить. Оставалось только весьма дерзко пойти навстречу, но уйти вверх по центральной лестнице и выйти из поля зрения охранника.

Скриполай усиливался, будто с каждым шагом к числу сторожей прибавлялась новая пара ног, так что Мартин не только не медлил с действиями, но и решил на той лестнице не оставаться, чтобы выяснить, кто же и в каком количестве к нему приближался. Ему всё равно стоило осмотреть верхние этажи.

Второй этаж оказался таким же, что когда-то и первый. Только обилие зеркал, треснувших, мутных, запачканных, заволочённых едва ли не тиной, пошедших пятнами, чем-

то напоминавшими траченный жаром целлулоид, усиливало ощущение и пожара, и потопа, и разорванного контракта, и декораций отправившейся на свалку истории киноленты... Отправившейся на свалку, но кем-то найденной, слегка очищенной и подклеенной – и вновь вставленной в киноаппарат. Медленно, кадр за кадром, – но бобина точно крутилась. Мартин чувствовал, что особняк меняется как-то незаметно глазу. Не сразу он понял, что не слышит своих шагов: ни эха каблуков, ни чавканья ковров, ни кашля перекрытий из-за лишнего веса Мартина.

И только сейчас он начал осознавать, что, планировка этажа, с поправкой на большую прямолинейность и необходимость хоть как-то выдерживать углы, напоминала диаграмму и формулу цветков семейства розовых. «Как там было? $K_{(5)}C_5A_\infty G_{(1-5)}$?»

Были открыты и совершенно пусты все комнаты, кроме одной – по ощущениям, угловой. Мартин попытался проникнуть в неё, но понял, что старушка-дверь выдаст его. Можно было попробовать через окно соседней комнаты... Нет, плохая идея. Что ж, возможно, позже. Дом отозвался каким-то непонятным вздохом. «Дом – это собирательно: и конструкция, и обитатели», – уточнил для себя Мартин.

А вот таинственный третий этаж оказался находкой. Это было пространство, максимально освобождённое от каких-либо внутренних границ, а потому пригодное решительно для любых целей: здесь могли разместиться и госпиталь,

и типография, и склад, и штаб – да, настоящий, не в пример дешёвой эффектности театрика внизу – идеально для подготовки и обеспечения серьёзной операции. Конечно, всё это требовало чуть более эффективного способа доставки оборудования либо пациентов, нежели «на руках по лестнице», а потому Мартин не сомневался, что где-то есть подъёмная платформа, по эстетическим или практическим соображениям сокрытая от глаз, не знающих, что искать.

Но прямо сейчас его заинтересовал отнюдь не поиск лифта и вовсе не новое утробное дуновение, но то, что этаж не был так уж пуст: он не сразу разглядел в белёсом волокне стопки свежееотпечатанных листов для расклеивания на улицах, причём некоторые были упакованы в мешки и сверху прикрыты старыми выпусками французских газет. На улицах города он их ещё не видел. Или прогуливался не по тем кварталам. Или это был какой-то защитный эффект сознания, иногда соизволяющий игнорировать действительно вредоносное, а не вызывающее отвращение и брезгливость.

Мартин рассматривал аккуратные пачки листовок и плакатов, на которых в самом центре тонкими штрихами было отпечатано некое изображение, не вполне, но больше всего напоминавшее схему отражений поверхности зеркала – возможно, что одностороннего. Данное изображение, бывшее неизменным, подкреплялось серией обещаний-предупреждений: «Сочувствующие да высветят пороки», «Сочувствующие да прольют свет», «Сочувствующие да станут све-

точем», «Сочувствующие да явят гладь», «Сочувствующие да обнажат сияние», «Сочувствующие да прозреют» и так далее. «Ни слова о тенётах – ура?» Мартину чем-то приглянулись второе и четвёртое, так что бумажки с ними он аккуратно сложил и упрятал в карман, отчасти уравнивая аптечный пакет в противоположном. Само собой, даже такие, явно рассчитанные на выход из тени плакаты тоже ничего не проясняли, что довольно иронично с учётом их риторики, но были катарактой, бельмом на сознании.

Что ж, подходило время добавить свой оттенок белого и самому пролить свет, обнажить сияние, высветить пороки – ослепительно выступить. Но для этого следовало спуститься обратно. Если охрана совершала обход, то, значит, ему весьма повезло, но идти снова тем же путём нельзя – теперь randevу было бы неизбежно. Это подтолкнуло его к поискам того самого лифта. Простукивать стены было нельзя, поэтому приходилось ориентироваться по другим признакам. Скажем, вон по тем чудесным следам на полу. Разглядеть пыль на смегматичном полу было непросто, но ему помогали косые закатные лучи – главный друг домоправительницы в выявлении нерадивых служанок. Ожидаемо много топчущихся на месте следов у столов. Не менее ожидаемый чёткий след по периметру. Ожидаемые неравномерные следы вокруг упаковок с листовками и мест, где они ещё недавно были в количестве большем, чем осталось. Слегка неожиданно большое количество ведущих к лестнице следов, что

было не очень хорошим знаком. Но вот и след, не вписывающийся в общую схему.

Нет, дело было не в женском размере ноги – таких хватало. И даже не в форме отпечатка – обувь мягкая, но не облегающая, подобно балеткам. Суть в том, что вёл он от стены к середине пространства этажа, обратно к стене и затем – к окну. Мартин ощутил какой-то слабый импульс, но за ним не последовала оформленная мысль; это было не озарение, но сигнал запомнить, пометить как важное. Дом издал утвердительное «кхе».

Пальпация едва заметного зазора в поисках отпирающего рычага и – найден! Юный фармацевт из сегодняшнего утра мог бы гордиться. Да, так и есть: шахта лифта с пристроенной лесенкой на случай закупорки основного протока. Мартин подумал, что, возможно, стоит попробовать снова заглянуть на предыдущий этаж и попытаться вскрыть замок, ведь теперь у него был запасной маршрут отхода. Мартин закрыл за собой потайную дверь – незачем оставлять подсказки – и во тьме приступил к спуску. Спустя два досадных промаха по ступеням он всё же нащупал в жилете портсигар со шведскими спичками.

Кажется, вот и дверь. Он прислушался. Нажал на механизм пружины, приготовился к короткой перебежке, но обнаружил себя уже в требуемой комнате. Либо он как-то неправильно сопоставил планировку этажей между собой, либо там была ещё одна запертая дверь. Нет, ни то, ни дру-

гое: комната была угловой и, вероятно, единственной жилой. Оглядев её детали, он без труда мог представить жильца. Ну, или не жильца – улавливаемый запах ладана или сходного благовония способствовал такому представлению. Пол хрустел скорлупой и битыми склянками, растрёпанная ткань поваленного паравента мутно блестела чешуёй оставленной на берегу рыбы, медь ванной была повалена с пьедестала – и всё это расчерчивали и перекрещивали, пытались хоть как-то соединить между собой размотанные бинты. Что-то пошло не по плану. Но подсказок к тому не было никаких.

Искать в комнате было нечего, из личных вещей разве что нашлась соответствующей идеологической окраски литература. Похоже, это была библиотечка Бэзи. В смысле, именно та, что должна быть в Карлсруэ. Ему определённо пытались создать условия, отвлечь от страданий, но не избавить от революционного фокуса. Лечение было только телесным. Похоже, он и впрямь был нужен для сцены, но не для управления всем проектом.

Вряд ли Бэзи появится здесь до своего выступления, и уж тем более вряд ли кто-то войдёт сюда – да и как, если единственная открытая дверь, на которую в упор смотрел Мартин, вела не в коридор, а в потайной колодец. Он понял, что поймёт это позже, но сейчас не понимает. В этот момент он раскрыл дорожную сумку и извлекал её содержимое. Сначала он надел перчатки, затем довольно бесцеремонно достал пластичную пироксилин-нитроглицериновую взрывча-

тую массу, после чего вытянул бездымный огнепроводный шнур и, наконец, стеклянный контейнер. Он бесхитростно, ровным слоем облепил контейнер массой по одной из больших плоскостей и прикрепил шнур. По длине шнура он стал прикидывать, как же ему эту конструкцию разместить в зале, но понял, что на месте будет виднее. Рассиживаться всё равно не стоило.

Не хотелось ему снова попадать в ту шахту, но оставляли дом выбор? Конечно, оставлял: в окно – и прочь. Если это слово применимо, то понимал ли особняк, что скоро его ждёт? А если да, то что же – желал этого и оттого помогал, изменяя акустику и открывая секретные ходы? Мартин задавал себе слишком много вопросов. Проблема была в том, что так он заглушал главный: а стоит ли ему это делать? Коль скоро выяснилось, что особняк нельзя в полной мере назвать жилым, – но при этом уместно счесть живым, – то можно не опасаться косвенных потерь. Впрочем, ещё не было известно, кто явится ночью, и оправданы ли все эти приготовления – и правильно ли выбран метод. Находки в особняке и их отсутствие убеждали Мартина, что в своём нынешнем положении он больше ничего не сможет выведать. Если он не подведёт противника к рокировке, то его, как и других, так и будут вести за сердцем Данко, – припомнил он образ из не столь давно читанных набросков одного перевода, попавших в русский отдел, – убедив в его единственной искренности и в том, что степь – языком Бэзи: *постель* времени – невоз-

вратна, а в темноте вокруг лишь ядовитый лес ложных тропок, отравляющий еретическими надеждами.

И вот нижний ярус. Мартин вытянул спичку как можно выше над собой, чтобы сравнить положение сторон и лестницы и определить, с какой стороны он по идее должен выйти, но признавал, что вряд ли выйдет. Чиркнув новую, он разглядел, что её дымок снесло сквознячком. Стык двери был плотным, и сдувало не в противоположную от него сторону – значит, был ещё один выход. Да, он отворил вход в некую камеру, имевшую ещё один выход напротив. Он напряг слух, но всё было спокойно.

Он вышел в театральную залу. Впрочем, он это понял, только когда истратил ещё пару спичек и нашёл керосиновую лампу. Он стоял на помосте. Итак, теперь стоило подумать о размещении устройства. Дом удовлетворённо покряхтел, сбив с потолка пыль и недвусмысленно намекнув на пригодное место. В первое посещение Мартин не заметил, что при общей сохранности залы потолок оставлял желать лучшего: были видны деревянные перекрытия, в углублении между которыми вполне можно было утаить машинку смерти. Мартин какое-то время терзал себя сомнениями о необходимости стольких жертв, а потому порывался было отлепить контейнер от массы и направить волну строго на помост, но всё же выбрал такой угол, чтобы взрыв снисходил на помост и в партер извращёнными лучами Атона, жаром страшных белых кистей коснулся каждого лица.

Простой инструмент для установки – как то: молоток, гвозди и скобы – заботливо прилагался к комплекту дорожной сумки. Там же Мартин отрыл несколько измятых кусков ткани, выкрашенных в нейтральные цвета булыжников, земли, песчаника и побелки, выбрал подходящий и прикрыл им стеклянный блеск контейнера. Подрывной шнур он решил протянуть к шахте. Длины хватало, чтобы он мог быстро уйти на бельэтаж и обогнуть зону поражения по боковой анфиладе, а затем выйти по лестнице к главному входу – если, конечно, у особняка не было своих планов на него. Дом молчал. В косяках дверей Мартин ножом проковырял ножом углубления для шнура. Оставалось надеяться, что этих мелких изменений не заметят в тусклом душном свете. Приготовления были завершены.

Мартин решил затаиться в лифтовой шахте. Ему оставалось только ждать. Он рискнул прихватить с собой ту лампу. И все протёкшие часы он растворялся в даваемом газовыми тенями представлении, томно извивавшихся, льнувших к другим и столь же свободно их бросавших в объятия бывших любовников. «Где же вы, Сократ, Главкон? Иль вы тоже в плясе? А может, ширмой стали? Демоном, достойным Максвелла, Лапласа?»

Мартин очнулся, когда лестница – конечно, конечно же, дом – протяжно заскрежетала. Он был один, его не обнаружили – всего лишь предупредили. Зато, судя по звукам, в зале собирались люди. Он узнавал голоса сценической четвёр-

ки, но не слышал вскриков Бэзи – его ещё не было. Мартин не стал переходить в комнату, чтобы лучше всё расслышать: не хотел рисковать и удалиться от капсюля-воспламенителя.

Странно, что дом не помогал ему сейчас: расслышать и понять удавалось не всё. Кажется, собрались все. Ну, почти все: кто-то из четвёрки пожалел, что на собрании отсутствует будущий биограф движения, а также ещё пара людей. Впрочем, он огорчился не сильно, поскольку сей час был последней проверкой благонадёжности и готовности выполнить задачу в любое время. Все присутствующие – избранные, которым надлежало стать «сочувствующими проводниками». Агитаторами? М-м, нет, похоже, что-то другое. В назначенный час они должны были появиться в местах, которые им в один день укажут, и воссиять, став маяками, которые укажут путь кораблям в бушующем приливном море. Станут вереницей факелов, освещающих верный путь в лабиринте. Станут пламенем, прожигаящим паутину.

Усиление риторики воспламенения было тревожным сигналом, и Мартину совершенно точно следовало с огнём побороться огнём. Но следовало послушать ещё: это не могло быть чрезвычайно сложным зачином примитивной серии поджогов. Снова упомянули Энрико. Уже в том ключе, что прислушались к его совету и решили подготовить жителей города к своему появлению, для чего внесли корректировки в деятельность другой группы – так, была как минимум ещё одна ячейка, и их функции разделялись. Бэзи намере-

вался принести в революцию искусство. Революция должна была заговорить особым языком – уже не букв, но образов. И образы те должны стать обличающими, должны стать убедительнее слов. Они должны использовать прогресс для того, чтобы указать на несправедливости и выявить похороненную под многими одеждами и масками суть.

Группа собиралась отчасти легализовать своё присутствие в городе. Если горожане и приезжие празднующие столь рьяно стремятся попасть на экскурсии в канализацию и катакомбы или присоединиться к гомону клоак, наполняющих Клиши нечистотами, если самая буржуазия не гонит с Гранд-Жате новую криминальную поросль, дабы та увеселяла их своими необузданными, животными танцами, – то отчего бы не принести в их салоны анатомию той низости, что уравнивает всех естественным образом? Но так, чтобы не отпугнуть прямотой и грубостью, заставить всматриваться. Уже начались приготовления, способные спровоцировать интерес. Частью их были плакаты. Зашелестела бумага. Четвёрка говорила, что для каждой из групп лозунги на них значат что-то своё, но этим многообразием и объединяют, как раз и иллюстрируют проявления *сочувствия*.

И тут особняк пошёл мелкой дрожью. Ощетинился? Мартин предположил, что прибыл некто, противный дому, но чьей воле дом вынужден был подчиняться. Ему показалось, что железо дома зарычало. В театре замолкли. Из двери общего пользования сквозь залу кто-то шёл, чеканя шаги; ря-

дом слышался шорох ещё одной пары ног, но он был невыразительным и как будто тоже на привязи. Казалось, он шествовал не к ним – к нему. Вот всколыхнулся воздух, вот прощуршали один за другим оборачивающиеся ряды партера, вот скрипнула ступень на сцену, вторая... И ничего. Таинственный посетитель и его спутник дематериализовались, растворились, исчезли. Секунды тишины сменились криками страха, недоумения, удивления, а то и экстаза. Мартин решил более не ждать – кажется, одну важную фигуру он уже упустил, нельзя было предполагать арсонистам забрестись обратно по городу.

Он вскочил на железные ступени винтовой лестницы и привёл в действие машинку смерти. Из той же щели, что когда-то выдала Мартину проход в залу, теперь полился белый, самую малость отдававший сиреневым свет. Гулкий грохот сменился треском, шипением, криками, хрипением и плавившимися стонами. Поднялись вой и вонь. Мартин только что подверг страшной казни десятки людей – нет, заговорщиков.

Дом тоже страдал, но был доволен своей участью, агония пожара отделяла его дух от болезного тела. Мартин знал, что это возгорание уже никому не успеть остановить, особенно рухнет. Дом поспособствовал ему в последний раз: дал возможность уйти прочь так, как тот и задумывал. «Благодарю», – обернулся к дому Мартин уже на выходе из сада. Hôtel de la Désagrégation в ответ хохотал лопавшимся от жа-

ра песчаником, прыскал звоном вылетавшего стекла и, наконец, просачивался в иной мир, возвращался в свою эпоху с гудением ненасытного пламени.

Ветер сносил дым к югу, в Булонский лес, откуда из-за горизонта неспешно поднималась царственной особой Луна, только что окунувшая серебряное тело в бассейн мученической крови, по преданиям дарующий вечную молодость. И кровь там, где уже сбегала, оставляла за собой тонкую виноцветную полосу. Дар жертвенности всегда пьянит. «What a day, what a mauvely day!»³³ – подвела итог англосаксонская душа мистера Вайткроу.

Селестина изо всех шести лошадиных сил умело мчала тёмно-серый в золотую габаритную полоску «Panhard & Levassor» Директората на авеню Гранд-Арме в сторону фортифика – и прочь за него.

– Да они издеваются! – рычала она, производя очередную манипуляцию с рычагами.

– Сели, аккуратнее, уже более двадцати километров в час! – вжималась в карминовое сиденье рядом с ней Сёриз.

– И это несравненно меньше скорости вращения Земли вокруг оси! Мы опаздываем.

– Может, уже некуда опаздывать?

– Не-ет, от меня так просто не отделаются! – дуги ветрозащитных очков придавали её лицу какую-то особую ярость. – Я только получила новый ис-дис, а на первом же за-

дании применить его не могу!

– С нами умело играют, этого не отнять.

– Играют? Да нас унижают! Не чувствуешь разницу? Надо бы тебе хоть раз для сравнения посетить один из тех клубов поклонников де Сада и Захера-Мазоха. Разумеется, тебе я не предлагаю участвовать, просто затаиться в тёмном уголке.

– С-спасибо, я читала «Сад истязаний» Мирбо.

– А-а? – с гуинпленовой улыбкой повернулась Селестина.

– Смотри на дорогу.

– Да только на неё и остаётся. Нам как шоры на глаза надели – и заставляют гнаться за призом. Хм, любопытно, есть ли клячи помимо нас? Задумка такого масштаба, что трек совершенно точно не единственный, хоть всё и происходит на одном ипподроме.

– Странно, что до сих пор ни с кем не пересеклись. Но, боюсь, стены и трибуны того ипподрома мы возводим уже сами.

– И чем усерднее участвуем в скачках, тем больше зрителей соберётся на следующие заезды. Кстати, я так понимаю, в этом мы участвовать не должны были?

– Нет. Всё вновь трудами Корнелии.

– Чудесно. Ещё бы только не пришлось битый час клянить автомобиль. Вот как другие добираются в такую даль среди ночи? Причём заметь: если это вновь собрание миноров и эмпатов, то они тоже не у дел с течением.

– «Как-то» – в том и суть. Это проверка сообразительно-

сти, а также преданности идее.

– Значит, уже можно предположить, что эти качества понадобятся для следующих актов.

– Точно. Но можно ли только ими одними привести Спектакль в исполнение?

– «Спектакль»? Ладно, хорошая замена «Великому Плану». Думаю, актёры других сцен наверняка подбирались по иным основаниям.

– Ну, да. Но мне стало любопытно: с ними тоже контактирует один лишь Бэзи при содействии камердинеров или с ними работают и другие, хм, иерархи театра?

– Та-ак, развивай мысль.

– Если Бэзи – единственный коммутационный узел, сцепляющий, скажем так, верхний и нижний уровни, то убери Бэзи – Спектакль провалится, второго такого быстро не найти. В это время можно будет контратаковать. Появится кучка эмпатов и миноров, которых можно будет быстро поставить к ногтю, но вместе с тем и несколько спящих ячеек, на которые выйти – то ещё упражнение. Впрочем, под нашей юрисдикцией именно что миноры. А дальше уже папá Блез свяжется с полицией. Но если есть ещё кто-то вроде Бэзи или же иерархи театра теснее сотрудничают с другими ячейками, то тогда его устранение мало что изменит, придётся уповать на слезку в надежде, что кто-то оплошает и приведёт нас к другим.

– Подожди, Сёриз, никак ты только что предложила по

возможности убить Бэзи?

– Если верно первое. Вы же с Саржей вывели заключение, что это направленная атака на Директорат? А вернее сказать, осада, к которой наверняка прилагается тщательная сапёрная работа – возможно, что с поддержкой изнутри.

– Это он ещё до меня предположил. У меня же реальных подозреваемых нет.

– Ну да, у нас кругом только гипотетические да мнимые. Ай!

– Ай!

– Ай! Руль держи!

– Так, спокойно, таможня.

Сизая форма таможенников была под стать предутренней дымке и недостаточно выбритым лицам. Таможенники усердно проверяли документы выезжавшей парочки, не стеснялись задавать довольно сальные вопросы и просто рассматривать их средство передвижения, а некоторые поигрывали винтовками. Селестина и Сёриз поняли, что пора сыграть в капризных наследниц и предложить таможенникам сложить факты в своих заволочённых инеем головёшках и не препятствовать проезду особ, от родни которых зависит, пойдут ли сегодняшние, не знающие правильного применения штыкам, таможенники завтра копать метрополитен не требующими особых умений кирками и лопатами. Возможно, они изъяснились чуточку более витиевато, чем следовало, но всё получилось, от них отстали.

– Прекрасно, ещё с десятков минут потеряли, – выжимала Селестина сцепление, а будто душила их колючие с проступающими кадыками шеи.

– Осталось километра два, не так уж и много осталось.

– Кстати, ты что же, совсем ничего не выяснила про особняк?

– Вообще. Его вымарали из истории. Такое пятно на архитектуросфере, которое всякий раз старается избежать глаз. Если кто и может что-то рассказать, так это только жители Нёйи.

– А почему мы их раньше не спросили?

– Чтобы не поднимать шум: приехали какие-то городские красавицы без кавалеров и начали расспрашивать, что же это за домик такой.

– Ох, ну что за времена-то такие? Может, мы в прислугу наняться хотим?

– Да у местных лакеев родословная, наверное, древнее нашей будет. Ну, и потом, отчего-то есть подозрение, что вряд ли кто-либо осмелится поделиться с нами информацией – разве что пьянчужки, за лишний сантим готовые дополнить рассказ любыми сведениями в угоду плательщика. Хотя, если всё это время особняк пустовал, но в него никто не заселился, то, должно быть, у него всё ещё есть законный владелец.

– Или был. Бедный, но гордый. И по каким-то причинам частного характера сдавший его неким господам.

– Сели, смотри! – Сёриз указала в сторону особняка – тот полыхал.

– Не-ет, нет-нет-нет! Да что же это такое? – колёса заскрежетали от резкого поворота, а Сёриз пришлось практически прижаться к Селестине.

Они остановились в доброй сотне метров – жар чувствовался и здесь. Местные уже таскали вёдра, но больше для того, чтобы смочить водой и посыпать песком округу, будто вычерчивали охранный сигил, защищая себя и имущество не от пожара, но от заклятия.

– Ты чувствуешь запах?

– Нашего краха? – пробубнила упавшая лбом на руль Селестина.

– Чеснока.

– В чём-то тождественны. Для меня теперь так точно.

– Но всё-таки принюхайся. – От превратившегося в костёр особняка действительно несло чесноком.

– Что же, пытались погубить вампирское нутро зверя-кровососа, но сами же и пали жертвой инструментария? Ну, и кто тут порождение тьмы, а?

– Я тоже испытываю приступ злорадства, но вот беда: всё решили за нас.

– Неизвестно, мёртв ли Бэзи.

– Да. И не факт, что когда утром сюда придут инспекторы, под тлеющими развалинами найдут странную маску. Может, там вообще никого не было.

– Но *что* так полыхнуло? Когда мы были здесь в последний раз, мало что напоминало горючие вещества. Ну, кроме дерева в отделке, где оно ещё не до конца прогнило.

– Должно быть, перевезли на хранение какие-то припасы. Или доставили учебную партию. Вот только учения не задались.

– Так или иначе, какой-то из актов пьесы теперь можно считать исключённым.

– Ты считаешь, что сценарий не подлежит ревизии, а только подгонке суфлёром?

– Если его создатель теперь держится в тени и в стороне, то он мог учесть, что сценарий будет трачен неожиданностями. Поэтому допускаю, что какие-то сюжеты актов происходят параллельно, и проблемы с одним не означают отмены всего представления. В каком-то смысле это тоже часть реакции на спектакль. Риск, закладываемый при подборе актёров, которые также должны быть с клакой: одни подвели – другим пример.

– А что, если это тоже часть Спектакля? Акт «Демонстративное избавление от неудобных выскочек, готовых среди ночи сорваться за город».

– Я опасалась, что ты это скажешь. В таком случае выходит, что Совет театралов со своим Спектаклем не терял контроль над ситуацией.

– Ну, извини. Проклятье, ещё и «Луна в багровых тонах». Благо что затмение частичное.

– И всё ещё ниже азимута активности, – удостоила вниманием новый ис-диспозитиф Селестина. – М-да, урожайный год выбрали.

– Вот только весь тот урожай – из сада смерти.

Обе видели, как в архитектуросфере Нёйи гулял вихрь, но по ощущениям казалось, что это был вихрь свободы, конструкт особняка в последние свои мгновения напоследок побыть столь диким и вольным, каким ему не позволял быть ни один из владельцев и захватчиков. Он счастливо гонялся за собственными хвостами, подобно выпущенному побегать на луг псу, носился от дома к дому и обнюхивал их, даже позволил себе повыть на Луну и растворился в её свете, – на самом деле, диссоциировал в умбрэнергии, – уйдя в страну вечной охоты вслед своей звериной укрощённой натуре.

Под порожек левого переднего колеса затесался на последнем издыхании прилетевший обрывок бумаги. Селестина выудила его. По страшной иронии, добраться до «панара-левассора» хоть каким-то остатком себя он мог только за счёт истлевания и сгорания. Пришлось повертеть листок, чтобы поймать свечение от пожара, но когда Селестина подобрала верный угол, она поняла, что калечный ещё этим днём был свежеотпечатанным, пахнущим краской и покоряющим белизной фона плакатом. Ныне же от него осталось только «...тонут светочем...» – впрочем, нет, первой гласной была опалённая «а». Обрывок перешёл в руки Сёриз.

– Станут? Восстанут? Утонут. Потонут.

– Если там были миноры... как бы это не повесили на Директорат.

– А по каким каналам? Сделать это – значит, выдать себя. Обвинения слишком серьёзные для анонимного письма. И разбирательством перед кем могут пригрозить?

– Убийство остаётся убийством. Отель-де-Виль явно не обрадуется. Уж тем более, если позже ещё и объявится конкурент, науськивающий против нас и предлагающий новый порядок.

– Последнее пока не подтверждено, зато миноры всегда были подвержены тяге смерти и саморазрушения. Вообще не о том переживаешь, моя дорогая. Мы довольно чётко следуем принятой Конвенции и не занимаемся расправами, а при исполнении полицейско-прокурорских функций всегда отчитываемся. Это знают все, кому положено знать. – Мимо них проехал закрытый двухместный экипаж. Если в нём сейчас везли бывшего навеселе субъекта, в эти секунды он, должно быть, скорейшим образом трезвел. – Другое дело, что раз уж мы заказывали автомобиль, то придётся как-то объясниться перед папá насчёт того, что мы здесь делали.

– Оставь это мне, я что-нибудь придумаю. Тем более у нас есть хоть и хлипкое и противно пахнущее, но всё-таки доказательство. В целом же – отработывали версию, но наткнулись лишь на... на... Сёриз, ты видишь эту фигуру?

– *Нашего краха?* – заставила она Селестину сощурить глаза и поджать губы.

– Вон ту, вышедшую из кустов прямо к карете!

– Из кустов? Драматично. Полагаешь, кто-то выжил?

– Полагаю, мы весьма удачно припарковались – в тени, а фонари я погасила ещё до поворота, но... проклятье, надо было брать американский электромотор – наш «панар» слишком шумный для слежки.

– И провонять всю округу кислотой из батареи, которая в очередной раз решит протечь в самый подходящий момент. И потом, ты так торопилась, тебе так важна была скорость... Ай!

– Ай! Тс-с! Эти двое – тот, что вышел из кареты и обеими руками держится за голову, и тот, что как-то неуместно держит руки за спиной, – залог нашего будущего расследования.

– Надо же, стоило всему погореть, как тут же нашлись и улики, и подозреваемые!

– Не уверена, что подозреваемые. Свидетели. И эмпаты. Хотя бы один из них.

– А мы уже совсем ни на что не годимся?

– Этот... этот уже помогал мне, давал подсказки, – крутила Селестина рукоять стартера.

– Я что-то пропустила? – нахмурилась в подобии обиды Сёриз.

– Не обижайся, я тебе всё расскажу, – суетилась Селестина, упустив из виду напускной характер эмоции, – но сейчас важно, очень важно не упустить их. Пожалуйста, доверься мне, – затевала она осторожную погоню за всё той же каре-

той, вёзшей теперь уже двоих пассажиров обратно в город.

Со штирборта открывался вид на золотую шкатулку Гранд-Опера и её достойные Фаберже боковые купола, в которых проклёвывались и росли птенцы-преемники нынешних сладкоголосых и грациозных созданий. «Офаним» приближался к строению №35 на рю де Комартен – как выяснилось, недоступной с указанной улицы части гранд-отеля «Saint-Petersbourg». Отлично, ещё одна сложность в коллекцию к остальным: хоть и низкой, но всё же полной Луне, довольно ясному небу, по мере подлёта – необходимости чуть ли не тереться брюхом о крыши, а также надежде, что последнее действительно позволит снизить количество возможных очевидцев, если материал оболочки всё-таки будет недостаточно скрывать дирижабль, и что приглушённое жужжание и характерный запах выхлопов четырёх двигателей дирижабля не перечеркнут этот манёвр. Но всё могло получиться: последние десятки метров «офаним» плыл уже по инерции, не производя лишних шумов и пользовался каньонами дворов меж Комартен и Годо де Моруа.

Но к указанным испытаниям на месте прибавились и новые. Даже если бы целью отряда лейтенанта Евргафова значился №33, то ширины улицы всё равно не хватало, чтобы с крыши противоположного дома кто-то смог, как планировалось, прикрыть пневмоштуцером группу поиска: уж слишком тупым получался угол, и стрелок мог лишь надеяться,

что сумеет различить пары ног, подходящие к окнам, – а во дворе всё было куда хуже. В общем, исчезала одна возможность, но появлялась другая, выражавшаяся в увеличении проводящей обыск группы на одного участника.

Французские балкончики также были отдельным поводом для радости, но спуск по верёвкам вблизи них был приёмом отработанным, а потому не вызвавшим затруднений. Повезло и с беспечностью постояльца номера, оставившего балкон нараспашку. «Горячая кровь у него, должно быть, лучше не будить зверя», – прошептал Михаил Авскентию и Никанору, но те, кажется, не смогли достроить предшествовавшие совету умозаключения.

Михаил осмотрелся в весьма богатом номере, заглянул в каждую комнату, но понял, что никого нет, дал добро мичманам и передал на дирижабль сигнал, что ширмы и тяжёлый инструмент пока не понадобятся. Только сейчас он сопоставил размеры дирижабля, казавшегося миниатюрным, и заметил, что тот был едва ли не в полтора раза длиннее фасада отеля. «До чего же город должен быть пресыщен различными чудесами, чтобы нам такое сходило с рук?»

Михаил напомнил, что им требуется разыскать портфель с замком в виде театральной маски, аккуратно вскрыть его и скопировать содержимое находившихся в нём документов. Также он сообщил, что поскольку исследование номера займёт какое-то время, а гость ещё может вернуться на ночлег, пока придержит фотографическую и копировальную техни-

ку на дирижабле. Авксентию досталась спальня, через которую они и попали в номер, Никанору – общее пространство, а Михаил возьмёт на себя обнаруженный им кабинет. Пользоваться дозволялось лишь личными фонарями.

Михаил удивился, что не сообразил о национальности нанимателя номера, имя которого в задании отсутствовало. Конечно, мало ли кто мог остановиться в отеле с названием-посвящением столице Российской Империи, но найденные на секретере бумаги – в частности, недописанное письмо сестре или жене, – не оставляли сомнений в подданстве. Впрочем, тугодумие Михаил объяснил себе спецификой работы последних месяцев и тем, что ему и в голову не могло прийти поручение подобным образом выведывать что-либо у своих же. Конечно, были предприниматели и инженеры, отказавшиеся от «особой подписки на корреспонденцию ограниченного тиража» под эгидой Технического общества и Палаты мер и весов, но служило ли это поводом рассматривать их наравне с остальными «предметами интереса» миссии? Это было уже совсем низко и недостойно.

Михаил негодовал, громко и отрывисто дышал, обращался с перебираемыми предметами довольно грубо, едва ли не мял бумагу, однако чем больше документов он просматривал, тем меньшей ему казалась связь с промышленностью и Выставкой. Тогда что же? Может, три недели назад он был прав в своих подозрениях? Те улыбки, те взгляды... Или же наконец-то свои долгожданные плоды дало исследование

пункта первого? Наконец-то был найден тот, кто мог проболтаться, и чувствовавший, что его одновременная и близость, и дистанцированность, все его связи помогут ему и дальше лавировать, – и вот наконец-то в чём-то проколовшийся? Налетела коса на камень? Оставалось только найти доказательства тому? Михаил был склонен верить в такой расклад. В таком случае анонимный обыск был оправдан: при дальнейшем разбирательстве в суде или трибунале, вызови кто Еврафова свидетелем, и начини обвиняемый утверждать, что ему всё подкинули, его оболгали, Михаил мог твёрдо сказать, что не имел в этом деле личных мотивов, личность обвиняемого оставалась для него неизвестной, и любые отчёты и анализ документов, которые он мог бы провести в дальнейшем, он также проводил с известной долей отстранённости и нейтральности, если только имя не было упомянуто прямым образом.

Михаил взял себя в руки и принялся изучать все доступные поверхности и каверны с небывалой методичностью, однако портфеля с маской или любого другого предмета для переноски и хранения бумаг, аналогичным образом маркированного, он не встретил. На секунду он засомневался, верно ли они рассчитали местоположение номера, не ошиблись ли, попав в соседний? Но в следующий миг появился Авксентий с новостью о сейфе, обнаруженном в спальне. Не в кабинете? В спальне? Должно быть, постоялец не хотел во сне отпускать всё самое ценное далеко от себя. Но со сторо-

ны администрации отеля то был опрометчивый шаг: позволять держать сейфы в комнатах с окнами в пол. Но то могла быть частная прихоть. В таком случае, Михаил сделал верное предположение о зверином нраве, которое теперь поддёрживалось предположением о весьма развитой мускулатуре, если сейф и в самом деле был перемещён.

– Позвольте, его поиски и правда заняли столько времени? – Подначивал мичман Деспин мичмана Победоносцева.

– Да-с, дважды принял его за глухой прикроватный столик, покуда не дотронулся и не понял, что он сделан из металла и дверцей развёрнут к стене.

– Изволю надеяться, вы не приняли дважды ту дверцу за нарисованную, покуда на третий не дотронулись до ручки и не поняли, что она не из папье-маше?

– Ах, ваше благородие, оставьте остроты, вы и без того переперчили с «не». Господин лейтенант, кажется, пора сигнализировать о спуске фототехники и «медвежьей лапы». Да, можете считать меня оптимистом.

– Сколько времени может занять подбор кода?

– Если вы в кабинете не обнаружили никаких подсказок, то, возможно, наша операция закончится неудовлетворительно, придётся или потратить пару таких же ночей, если таковым ещё суждено случиться, или же оставить наблюдателя, чтобы тот подкараулил владельца портфеля с оным в руках и, быть может, произвёл некоторые противозаконные действия. Можете считать меня пессимистом.

– Нет, это решительно не подходит. Хм. Впрочем, если сегодня не удастся его отпереть, то доложу о необходимости изменения плана и попрошу дозволения применить иную тактику. Но пока что можете попробовать комбинации с содержанием «33», «35» и «29».

– Адреса отеля и номер... хм... номера? Да, это вариант. Как спустят оборудование, быстро пробью карточку и апробирую методу.

– Чтобы мы с господином лейтенантом могли считать вас реалистом?

– Туше.

Михаил оповестил дирижабль о требуемом инвентаре и дал Никанору задание следить за входом, прислушиваться к каждому шороху в коридоре. Сам же с Авксентием начал принимать спускаемые агрегаты. Первой прибыла «медвежья лапа» – автоматизированное устройство подбора комбинаций, в котором для ускорения процесса подбора числовой последовательности предусматривалось использование перфокарт с инструкциями, одну из которых прямо сейчас особым шилом пробивал мичман Победоносцев, в то время как Михаил правил саму «лапу» по высоте, выверял по оси и регулировал хват на колесе и рукояти. Надо отметить, что наличие «медвежьей лапы» на борту «офанима» штабс-капитана Немченко и её использование отрядом лейтенанта Евграфова было делом секретным, а само приспособление числилось прототипом и из лаборатории якобы прямиком от-

правилось в хранилище «Александра II Освободителя».

По мере поступления прочей техники вставал вопрос, где её размещать: места становилось крайне мало, и нельзя было оставить никаких следов, способных указать на обыск, что означало, что количество пригодных поверхностей становилось ещё меньшим. Было неизвестно, реши кто запечатлеть комнату, чего было вышло на снимке больше: её убранства или фотоаппаратов, фотографирующих друг друга. Пожалуй, тогда Михаил и в самом деле пожадничал.

Но вот внезапно устройство впало в спячку, перестав трещать и щёлкать шестернями и пружинами, и на прощание неуклюже махнуло Авксентию и Михаилу, потащив за собой дверцу сейфа. Сработало, комбинация была найдена. К общему облегчению искомый портфель оказался внутри. Его замок был без лишних раздумий и сложностей вскрыт отмычкой.

Особого времени на проверку значимости содержания каждой из бумаг не было, Авксентий и Михаил поделили невеликий – то ли к счастью, то ли к сожалению – объём документов пополам и стали помещать лист за листом под объективы камер и на подставки с подсветкой – длительной выдержке пришлось отдать предпочтение из-за нежелания оставлять в комнате следы горения магния или выдавать себя чередой ярких электрических вспышек.

Когда все камеры были заняты делом, редкие, особенно схематичные, изображения копировались от руки панто-

графом. Однако понять, что это за схемы, было невозможно: они слишком примитивны, не оперировали привычными символами, обладали прямо-таки антиинженерной геометрией. Максимум, на что они тянули, – оказаться некими землемерческими эскизами. «Что же, их обладатель уже присматривал себе участок подальше от своих уличителей? Не тут-то было», – сейчас Михаил совершенно уверился, что сделал верный вывод о характере задания.

Он осмотрел портфель ещё раз, и нащупал застрявший между складок блокнот, в который ко всему прочему был вложен ещё какой-то листок. Михаил развернул листок, и обнаружил, что это была брошюра некой французской электротехнической компании. «С ним расплатились долей в предприятии? Сколь хитро, столь и рискованно: никакой прямой передачи денег, но и никаких гарантий успеха предприятия», – пытался вспомнить Михаил такую контору, но название ему всё же не было знакомо. И потом, к чему компрометировать известную фирму связями с раскрытым агентом?

Он заглянул в блокнот. На страницах, которые делила брошюра, был список неких адресов, которые он также не узнавал. Несколько он мог судить по упоминавшимся улицам, некоторые были совсем рядом с Выставкой, если не на её территории, однако там он не бывал, иначе бы запомнил. Михаил решил, что это также стоит объектива, но с дирижабля передали сообщение: «КРТ Б МАДЛН». Была веро-

ятность, что она не везла постояльца, но нужно было сворачиваться.

Он позвал – опрометчиво, следовало подойти, – явно заскучавшего Никанора и приказал тому заняться обратным подъёмом аппаратуры на «офаним» – с тросами, канатами и оснасткой моряк Деспин ладил лучше остальных. Сам же совместно с Авксентием, полагаясь на память, принялся за уборку: следовало привести сейф в то же состояние, что прежде, а то того – уложить целлюлозное нутро в портфель так же, как оно там и располагалось, что для Михаила значило стремительное прощание с блокнотом и его тайнами. Пожалуй, невозможно было в точности воспроизвести весь порядок бумаг, но в целом части были собраны верно, таких погрешностей не должны были заметить, если только хозяин портфеля не обладал особенной памятью или не разложил документы в каком-то особом одному ему ведомом порядке. Не было времени для сомнений. Под конец Михаил сходил и в кабинет – нет, там он перед уходом оставил всё, как было, если не считать нескольких несерьёзно пострадавших от его остервенения бумаг второсортного характера – преимущественно черновики из пары строк. Их он просто смял и кинул в корзину, благо что в ней уже лежали белые комки. Можно было уходить.

Лебёдка ещё только доставляла его на борт «офанима», а тот уже совершал манёвр уклонения влево, чтобы выйти из зоны обзора со стороны рю де Комартен – значит, та карета

всё же повернула к отелю.

– Сергей Аполлонович, – поднялся он на борт, – я не слышал двигателей. Неужели вы через дюзы стравили газ?

– Именно так, Михаил Дмитриевич.

– Примите похвалу. Не думал, что увижу, а тем более почувствую на себе сей манёвр!

– Благодарю. Мы двинемся к вокзалу Сен-Лазар, затем с постепенным набором высоты полетим строго на запад, пока не пересечём Тьерский городской вал в районе Порт-Майо, а уже за ним мы возьмём курс на д’Отёй.

– Как вам будет угодно, – кивнул Михаил и подумал: «Может, припомнить парочку адресов из блокнота и спросить, не знакомы ли они ему?»

– Господин штабс-капитан, вы хорошо изучили городскую карту. Вам случайно не знакомы такие адреса, как Плас-дел’Опера за №4 и №6, строения №5 на авеню Габриель и №32 по рю Рише?

– Вы знаете, а и вправду знакомы. Первые два – совсем недалеко даже от нашего нынешнего местоположения. Там располагаются закрытые почтенные клубы, кажется, яхтсменов и автомобилистов. А вот вторая пара – сплошь танцульки.

– Выбираете, к какому обществу присоединиться, господин лейтенант? – подал голос Никанор. – Думаю, все здесь разделят мнение, что безапелляционно «Фоли-Бержер» на Рише!

– Благодарю за справку, Сергей Аполлонович, – и тише, уже своему отряду: – Увы, не я, но тот, кому мы наносили визит. Это было в блокноте из сейфа, по прилёту его благородие расскажет вашему благородию, что вы пропустили, пока были вынуждены стоять на стороже. Что ж, похоже, это не зацепка, а всего лишь рекомендации по увеселениям и влиянию в местный высший свет.

Жаль, что не было времени изучить остальные страницы. Если это светский блокнот, то зачем было его запирать в сейфе? Разве сейчас его владелец не возвращался с какого-нибудь светского раута? А быть может, там, куда он ездил, подобные вещи недопустимы, но и оставлять личные записи на виду в номере не хотелось? Возможно, что и так. Некое общество, члены которого скрывают индивидуальность? К этому подталкивает упомянутая символика маски. Откуда бы ещё взяться такому чудесному портфелю? Михаил прикусил губу и молчал, просидев в одной позе до самого пересечения границы города.

На сей раз зрелищным оказался бакборт: там давали неизменно пользовавшееся спросом у определённой публики представление «Кровавое полнолуние», хотя Михаилу было всё равно, он даже и не подумал поворачиваться. И было оно, к сожалению, частичное подобно успеху операции. И так же внезапно для задумавшегося Михаила прерванное поворотом на юг, после которого неудивительным ввиду маршрута образом сюрприз вновь преподнёс штирборт.

Сначала Михаил ничего не заметил, но всё-таки начал вглядываться в чернильное пятно ночи:

– Господа, да там же пожар! В Нёйи!

– Ох, разгорелось так разгорелось!

– Неистовое пламя!

– Адское! Под стать Луне.

– Стоит ли нам телеграфировать об этом?

– Да, сообщите на землю, а те пусть свяжутся с пожарной частью. Как бы на другие дома не перекинулось, – и телеграфист «офанима» принялся отбивать сообщение.

– Доигрались, – выдохнул и сплюнул один из старших унтер-офицеров, которых нанимали в экипаж за умения и верность, а не за манеры.

– В смысле?

– Да, поди, те малолетние уголовники! Сначала толстосумы подкармливают их да пускают поближе, а потом те жгут их поместья, а то и хуже – неповинные души. Они ж вон, на том острове развратничают!

– А не том, что севернее?

– А мобыть и так, всё едино рядом. Дикари осатаневшие.

Что те, что эти.

Михаил поднял подбородок с кисти руки и выпрямился – ему в голову пришла одна мысль. А точнее даже не какая-то одна: он понял, как выманить незнакомку. К сожалению, он не смог осуществить задуманное прямо сегодня – всё-таки требовались некоторые приготовления, да и злоупотреблять

доверием Сергея Аполлоновича не считал позволительным. Нет, придётся побыть сухопутными крысами. Но ого-го какими крысами! Михаил вновь мысленно поблагодарил Анри из «République III» за блестящие биографические репортажи. Он знал, что нужно было делать.

13

Селестина собралась с силами и мыслями. Она была решительна, но не стремительна. Она всё взвесила и отмерила. Ну, насколько вообще понимала в весах и мерах... Как бы то ни было, она была уверена в том, что собиралась сделать.

Сёриз говорила, что не стоит приводить себя в соответствие с координатной сеткой Совета, а Саржа – что Директорату нельзя идти на поводу у выставляемых ему условий. Ведь всё это – лишь авторские ремарки к актам пьесы. Но в том и слабость сценария: каждый акт – законченная мысль, каждому участнику полагается совершить некое действие в строго отведённый промежуток времени, причём отсутствие действия также может считаться действием. Но Селестина выждала. Мо-ожет быть, не благодаря силе воли и мощи интеллекта, но из-за форс-мажора с минорами... Ладно, это было уже непристойно. Однако факт остаётся: даже если сценарист не переписывает сценарий и также выжидает, к чему это всё приведёт, то суфлёру предстояло попотеть, ведь за

него перелистнули добрую часть страниц. Что же это означало? Если сценарист не просчитал подобного резкого перехода, то в ближайшее время Совет либо выпадал из игры с объявлением антракта по техническим причинам на одной из важнейших сцен, – а до последнего момента и единственной известной, – либо продолжал пытаться доиграть акт с сюжетными дырами. Вот только одно важное «но»: если до этого сценарием предусматривалось постепенное, но неотступное пробивание четвёртой стены со смешением актёров и зрителей, то для кого-то постороннего, уже как-то введённого в зрительские ряды, через те трещины, через те разломы появлялась возможность влезть на сцену и сыграть свою опережающую, неуместную, диссонансную партию, внося смуту во всю постановку. Да, это работает в обе стороны. Этого-то Селестина и Сёриз помимо прочего и пытались добиться. Плохо, что всё сделали за них – и весьма неопрытным образом, – но зато появилось временное окно, когда всеохватные правила сценария переставали работать. Противнику нужно было вновь засинхронизировать все части, механизм вряд ли остановили и, соответственно, отступили. Осталось только в более приземлённой форме донести свои идеи до папá.

Впрочем, сначала нужно было собрать команду. Коллективное посещение комнаты с медными дверями будет нарушением традиций, но если это знает суфлёр, то, что ж, пусть ему добавится ещё заботка. Селестина провела предварительную работу: она уже рассказала Сёриз и Сарже то, что

они не знали, но должны были знать, и просила променять частные визиты на один, общий для всех, которому суждено случиться сегодня. Саржа был на месте, а вот Сёриз пропала в западном крыле штаба Директората – единственного доступного людям не из цеха.

Там и сейчас кипела работа. Телефонные коммутаторы только и успевали переключать, встречи тет-а-тет проходили вереницей, а где-то, похоже, устраивали и встречи комитетов. Директорат всячески уверял посетителей, что у него всё под контролем, как и прежде. Конечно, Директорат не совсем лишился, что называется, флю-вью, иначе бы это сразу поняли, но снижение активности по исполнению обязательств было заметным. Поэтому сейчас, чтобы заполнить лакуны, похоже, что-то доставали из запасников, что-то – из долгого ящика, а что-то просто продавали по второму кругу.

«...Да, подобная высота позволяет выдерживать соотношение в диапазоне 1,2–1,25», – сообщили благоприятную новость кому-то на том конце телефонного аппарата. «...Всё ещё остаётся зазор между линиями более чем в половину километра, что превышает оптимум», – просили кого-то пересмотреть планы. «...Тальвег дороги менее 4‰, сток затруднён», – вынесли предупредительное заключение. «...Подъём в 5,2% допускает использование брусчатки», – пришли к соглашению с кем-то. «Особняк с обратным уклоном и глубоким залеганием коллектора, находящийся в верховьях канализационной сети, причинит неудобства ввиду повышенных

расходов по прокладке труб», – убеждали ещё кого-то.

«...Нет-нет, мы проверили, тенденция на увеличение спуска свыше рекомендуемых 6% – и это для одиночных вагонов, а если на маршрут выйдут вагоны-прицепы, то норма безопасности сокращается до 3% и выходит двукратное его превышение. В связи с чем рекомендуем класть пути в обход участка либо изменить уклон дороги. В противном случае придётся или ограничивать скорость движения, что не соответствует духу реновации, или готовиться к последствиям удлинения тормозного пути. Вот, посмотрите на формулу предельной величины спуска: $d = (t+f) - v^2/2gl$, где $(t+f)$ – совокупный коэффициент сопротивления пути и тормозов, числитель привязывается к скорости, знаменатель учитывает силу тяготения и протяжённость пути», – готовился город к переходу с пневматической системы Мекарски на электро-трамвайную.

«...Хорошо, позвольте выписать ордер на избавление от выпуклого продольного профиля улицы», – предпочёл кто-то умбринженерные услуги Директората традиционным. «...Итак, на указанном участке нам удалось установить поперечный уклон тротуара в соотношении 1:44, то есть привести к показателю, характерному для остальной улицы, а также выровнять просевшие фасады», – отчитывались об исправленных возможностях Директората эстетических недочётах перед представителем мэрии. «...К нам поступают сообщения о внезапном снижении площади, в среднем приходя-

щейся на одного жителя. Мы рекомендуем проверить дом №71 на незаконное заселение», – извещали другого представителя.

«...Послушайте же, в ближайшее десятилетие на территории Двадцати округов останутся незастроенными только 4,5% площадей, при этом смертность от туберкулёза по нашей оценке превысит 5%! И это с учётом как санитарной политики Отель-де-Виль и окружных мэрий, так и мероприятий с нашей стороны. Нами установлено существование отрицательной корреляции. По нашим ожиданиям, в том же Лондоне свободных земель останется 14%, а чахоточная смертность не приблизится и к 2%. В Лондоне! Диккенс бы над нами посмеялся. А с ним – Гюго и все критики дела барона Османа. Все мы помним девиз города, но можем ли мы позволить, чтобы испытующими его волнами были болезни, которых можно и должно избежать при нынешнем развитии медицины и понимания устройства городского хозяйства? Мы как ни одно другое городское правительство имеем власть над вверенной нам материей, а через неё – на умы. Мы используем недоступные другим знания и возможности. Так какова же природа болезней, имеющих целью подточить и размыть основание, отвратить лучших людей эпохи? И что в соответствии с ней мы – и вы, и Директорат – можем предпринять?» – увещевал слуг народа один из помощников папá Блеза. О да, уже недолго оставалось до упоминания необходимости пересмотра некоторых соглашений и договоров, ре-

гулирующих деятельность Директората, – разумеется, также без особой надежды на изменения, а просто чтобы рассеять внимание контрагентов.

Вот и Сёриз пришлось поучаствовать во всём этом: из-за нехватки людей и флю-пассивного дня её привлекли к роли клерка с самым широким спектром полномочий – от томных взглядов при разносе отчётов до копошения в архиве. Кого-то из архивариусов точно не хватало. Но по каким причинам?

– Пс-с, гражданка Сёриз? Я из профсоюза ОПТ – офисных пчёлок-тружениц. Кажется, вы оптово поставляете гадким эксплуататорам личную переработку. Мы вынуждены её изъять, поделить между всеми, а вас – привлечь к поклейке эн-геля на марки с...

– Извини, но выходит очень дурная игра слов.

– Не волнуйся, на встрече с папá такого не будет.

– Что, уже пора? Мы это и вправду сделаем? – вопросительная форма, но утвердительный кивок тут же последовать за Селестиной. Фактически её смена и в самом деле уже закончилась.

– Да, а что такого? Если упрощать, то это всего лишь рапорт.

– Если упрощать, то это всего лишь неприятности.

– Ну, и что нам сделают? Отправят расхлёбывать заваренную кашу? Так у нас хоть ложки будут.

– Угу, с вилками. Серебряными. И такая же нить для чист-

ки между зубов.

– Эй, не выдавай мою доказательную базу раньше времени!

– Да, кстати, – вспомнила Сёриз, когда они проходили мимо отдела тимологии – как там продвигается работа по этому твоему дому в квартале де ла плен Монсо?

– А, №11 на рю Симон Крюбелье? Отрабатываем схемы по очередным логико-математическим моделям и правилам. Как понимаешь, этим сложно заниматься, не зная, насколько сфальсифицированы каналы – так бы уже наверняка вычислили корректирующий сдвиг. Приходится получать данные на месте. Слу-ушай, а ты случайно не знаешь, к чему снится огромное, похожее на паука существо, возможно, что из чугуна или бронзы? И ещё чтоб при этом на уме вертелось слово «мать»?

– Скажи ты «папá», я бы просто приподняла руку и указала в направлении северного крыла, в которое и идём. А так... Учитывая, что свою ты едва знала... Страшноватый образ, конечно, но, быть может, то своеобразная попытка придумать недостающие воспоминания о той защите, том воспитании и укутывании заботой, какие она могла бы дать, будь ты из семьи идеалистично-типичных буржуа? Ох, чувствую я, куда сейчас сверднёт разговор...

– Нет-нет, мы уже всё давно выяснили, всё хорошо. Это точно не какой-то приступ детской зависти. И всё же что-то в твоём толковании есть. Но не понимаю – что.

– А она не ткала серебряную паутину?

– Н-нет, м-моя дорогая.

– Ай!

– Ай!

Вот и храм коммуникаций в северном крыле, вот и Саржа. Похоже, происходило что-то важное, что-то, заставившее его оторваться от стула и пойти лично разговаривать с флю-мируистами – Полем, Мишелем, Феликсом и Жилем, если Селестина верно запомнила. Хотя какой толк от них был сейчас? Неужели новый всплеск-но-не-всплеск? Селестина и Сёриз дождались окончания разговора.

– Саржа, что-то не так?

– На фоне общего «не так»? Пожалуй. Тот пожар в Нёйи. Там действительно были миноры. Сто два подтверждённый минор и ещё около сорока других неопознанных тел, среди которых большинство, если не все, были эмпатами, не зарегистрированными в нашей базе.

– Да это же, – прикинула в уме Сёриз, – где-то каждый двадцатый!

– И каждый был готов туда добраться. Похоже, по воле случая или по чьему-то умыслу сорвалось восстание. Можно считать, хм, вигинтимацией. Так себе *полумера*. Но проблема не в этом.

– Кто-то всё же так счёл и выдвинул обвинения против Директората?

– Нет. Если, конечно, не считать парочку любителей стро-

читать жалобы по любому поводу, которые и впрямь обвинили нас в халатности. Странные. У них ошейник то жмёт, то хлябает.

– Тогда что же?

– Мы стали отмечать исчезновение других миноров. И это действительно проблема, а не повод для радости от того, что нам же легче.

– Что же, они в страхе стали покидать город?

– На флю-мируа мы не нашли следов подобной миграции. Границу они не пересекали.

– Может, им до того успели шепнуть на ушко, что где-то образовался неотслеживаемый проход?

– А вот тут ты, Селестина, подобралась к истине ближе, чем думала, формируя вопрос в голове. Только тебе стоило развить мысль. Попробуй.

– Если кто-то может покинуть город незамеченным...

– Хотя всё ещё остаётся открытым вопрос, зачем бы им это делать, разве что только их основательно запугали или в чём-то убедили. Но какой же город их примет?

– ...То кто-то может незаметно и проникнуть в него.

– Именно. Поскольку мы до сих пор твёрдо не знаем, какие сети работают корректно, а какие выдают результаты в пределах погрешности в угоду противнику, нельзя понять, где этот лаз находится. До этого мы думали, что всё дело в блокаде Директората, в посеве анархии – и как-то совершенно игнорировали маячившую перед глазами возможность и

необходимость поддержки извне. Здесь даже я признаю свой кретинизм. А ведь было понятно, что ключевые игроки или очень хорошо окопались в иле городского подполья, или же пришли извне. Как этот ваш Бэзи. Похожего на него человека в нашей картотеке просто нет.

– Притормози. Иначе я сейчас забуду три вопроса, которые у меня возникли по уже сказанному тобой.

– Должно быть, измотал тебя труд в западном крыле, Сёриз. Обычно ты более собранна.

– Ты меня не собьёшь с мысли. Вопрос первый. Мы знаем, что становится меньше отслеживаемых миноров. А что с эмтатами?

– Если у вас для сравнения нет в достаточном количестве удобных объектов для наблюдения, причём у каждой и так, чтобы группы не были перекрываемыми, то мне не из чего делать выводы. Они пассивно-восприимчивы, не как миноры, штабу их не отследить. Но из известных нам почти все на месте, появляются в обществе. Вопрос про «почти» можешь не задавать: мы не тайная полиция, чтобы приставлять к каждому по агенту наблюдения. У нас всё-таки курс на свободу-равенство-братство. Несмотря на эмпирические детерминизм-неравенство-селекцию.

– Мило. Вопрос второй. Можно ли судить о степени добровольности их исчезновения?

– Очень хороший вопрос, Сёриз. Рад, что ты не подхватила плоскомыслие. У меня есть такие опасения, но подтвер-

дить их прямо я не могу. Возможно, когда пойдём к папá Блезу, тебе, Селестина, стоит это учесть в своей речи. Если противник приложил усилия к созданию подобной, весьма интересной ячейки, можно предположить, что она должна была сыграть важную роль во всей постановке, а значит, отказаться от сцен с ней он не может. Продолжая выражаться предложенной вами театральной риторикой, я бы сказал, что сценаристу – к слову, почему вы не пользуетесь словом «драматург»? – всё-таки придётся вновь прикоснуться к перу. Либо же кому-то из иерархов санкционировать их подмену. В постановке они всё ещё сыграют героев, но голоса не будут принадлежать им. Как этого добьются – не ведаю, но вряд ли воспользуются какими-то изысканными методами. Что сложного в отделении тела от разума человека, если удалось повернуть то же со всеми сетями Директората? Впрочем, конечно, это куда любопытнее и занимательнее того, что мы делаем с этантами.

– И вот тут третий вопрос: почему бы не предположить, что та тропа контрабандистов берёт начало в Нёйи?

– Скорее уж «брала», если так и было. Теперь там канал окончательно выжжен. На территории Нёйи остался только один резервный, который точно под нашим контролем, и – нет, вы не хотите знать, как мы это выяснили. Мы сейчас больше сосредоточены на речных потоках. С нами, похоже, не стали спорить за Бьевр и цепь Бэсан-де-ль'Арсеналь – Каналь-Сен-Мартен – Бэсан-де-ла-Вилетт / Каналь-де-Сен-Де-

ни, а вот с проверкой Сены возникли сложности, нужно будет приглядывать. И не к слову говоря, Сёриз, на самом деле должен быть задан и четвёртый вопрос.

– Как заезжей труппе удалось всё так ловко разыграть?

– Ты правильно поняла. Тут одного суфлёра-дирижёра мало. Нужно и самим понимать город, а без миноров-союзников это непросто. Или очень хорошо понимать, какой образ понимания от них требуется. И не привлечь к себе наше внимание до определённого момента. Да они могли бы и дальше оставаться неизвестными, но что-то побудило их необычным образом использовать вас как посланников. Или того хуже. Честно говоря, я бы провёл обстоятельную беседу с Корнелией, да вот только она то занята, то якобы перемещается, то ещё что. Хотя, конечно, это часть её прямых обязанностей.

– Прямо как архивариус, которого я сегодня подменяла помимо прочих дел.

– А что, позвольте узнать, он так и не оправился от болезни?

– А он болел?

– Интере-есно.

– Но ни один из них на должность суфлёра, если честно, не подходит.

– Нет. И это заставляет задуматься, не находятся ли их жизни под угрозой. Не станут ли они первыми в цепочке тех, от кого позже избавятся? Обвинить их успеем позже – если найдём живыми и вернём под защиту штаба.

– Ты всё-таки продолжаешь считать, что была диверсия.

– Возможно, не прямая. Возможно, их использовали для добычи и передачи информации, чтобы не выдавать себя. Бэзи нет в нашей картотеке, но, возможно, был? Равно как документация по тому особняку? Кажется, от нашей беседы Селестина впала в каталепсию.

– В каталепсию впали наши сети, – не сразу откликнулась она, но зрачки её были расширены, а речь убыстрялась. – И насколько мне помнится, каталепсия – часть кататонического синдрома.

– Мы от театральной риторики переходим к психиатрии? – приподнял бровь Саржа.

– А мы разве до этого описывали ею сам канальный коллапс? Нет, только то, как это обставили, – парировала Сёриз.

– Справедливо. Итак?

– Сейчас штаб не в состоянии регистрировать добрую часть производства и воспроизводства урбматерии, и в основном, как я поняла, ориентируется по косвенным признакам, сопоставляя с данными от тела-скриптора.

– Да, и устанавливает параллельные коммуникации в выявленных зонах.

– Но это первая часть – ступор. Его может – и наверняка сменит – возбуждение.

– Не демонизируем ли мы противника? И потом, так закон равновесия не срабатывает.

– Закон равновесия, может, и нет, но что мешает кому-то

запасаться умбрэнергией, пока мы этого не видим? Аккумулировать достаточно умбрэнергии – и окончательно затопить все линии коммуникаций, разорвать их избыточным давлением.

– Чтобы *что-то* запасти, это нужно *где-то* запасти. А все компенсационные резервуары мы проверили.

– Да, но оцени затею: к затмению мы были готовы, а так...

– ...А так это сделают, когда мы не этого не ожидаем. Ладно, я понял. И нас тогда накроет дважды, если не трижды: по сетям, считающимся сфальсифицированными, по действующим, и по тем, что мы устанавливаем поверх прежних.

– А это уже никакая не прикрытая театральностью попытка недобросовестного поглощения.

– Обязательно ли это воплощать? Оставить в качестве угрозы.

– Нелогично. Сообщит ли противник сам, догадается ли Директорат, – что мы сейчас и сделали, – оба варианта предполагают знание и порождают готовность. Если удар и не будет отражён, то уж, во всяком случае, смягчён.

– Чувствую, мы можем добраться до ещё какого-то, более глубокого уровня, но я не понимаю, какого.

– Да. Давайте пока не усложнять и представим хоть какую-то концепцию. Ну, я надеюсь, что наш очередной маленький акт насилия над мозгами не сыграл против нас.

– Нет, мне даже удалось заполнить часть пробелов. Идём.

Коллективный визит в комнату с сиренариумом – экстра-

ординарное событие, по меркам этикета Директората даже грубое, если только папá Блез сам того не желал. Но иначе в состязании было не победить. Вот и папá, кажется, готовился к противостоянию: вход в кабинет сторожил отряд преторианцев, – в последнее время совершенно не покидавших пределы здания Директората, истово ими обмаршированного вдоль и поперёк, и, как подозревал Саржа, в этом смысле караул был для них заменой отдыху, – а на нём самом была красная форма, каковой ни один из вошедших, скорее всего, в своей жизни не видел. Было в ней что-то... маскарадное? Пожалуй, что так. Должно быть, он собирался к выходу куда-то, но Саржа об этом не упоминал, да и сейчас в подтверждение тому жал плечами.

– Папá Блез, – начал он как старший в цепочке. – Простите наш совместный визит, однако, как вы убедитесь, его суть не терпит отлагательств, а подобная форма – оправдана.

– О, сыновья и дочери, я и не надеялся, что вы устоите пред искушением нарушить правила, пускай неписаные. Слушаю вас. Слушаю, поскольку не вижу в ваших руках ничего для уединённого чтения.

– От нашего имени говорить будет Селестина.

– А, моя целеустремлённая Селестина. Что же обнаружила? Что же соединило вас?

– Папá Блез, Директорат в ближайшее время ждут испытания, всё ныне происходящее по отношению к которым – лишь препарация, расстановка сил. И всё действительно бе-

рёт начало в апреле и мае. Всё ещё не знаю, как взорвали мост, но я могу с уверенностью сказать, что Большая небесная сфера использована как запасник умбрэнергии. Назначьте ревизию, и да послужат её результаты подтверждением моему предположению. И коль скоро верно оно, верно и другое: это не единственная подобная батарея, в городе расположены ещё несколько подобных объектов. И расположены они, я уверена, в районах, где мы испытываем проблемы с коммуникациями регистрации. Теми проблемами, что открылись перед нами на вторые постэклипсические сутки. И здесь я вывожу, что одно состоит в связи с другим. Это не единичный акт, но развёрнутый план, каждый из элементов которого имеет строгую направленность – против Директората как структуры и как источника власти. Более того, есть опасение, что и лично против вас, папá Блез. Организаторы этого дерзкого проекта смогли даже привлечь на свою сторону каждого девятого минора... К сожалению, все они погибли при пожаре в Нёйи-сюр-Сен. То, что Директорат всё ещё принимает за свою неосмотрительность, за свою недалёковидность или своего рода аллергическую реакцию урбматерии и тела-скриптора и в связи с чем раскалывается на группы, таковым не является. Всё это злой умысел, дабы мы растрачивали силы и увязали в неконтролируемом настоящем. А меж тем следует готовиться к будущему: если верно, что существуют несанкционированные Директоратом резервуары умбрэнергии, то в один день затаённую в них мощь непре-

менно выпустят. Мы считали себя несокрушимой доминантой, но вот перед нами сценарий, кульминацией которого полагают уничтожение Директората или подчинение его себе. Мы полагаемся только на свои силы, мы зажаты в тиски навязанных нам и нами границ, в то время как заговорщики стремятся границы разрушить. Они и сами, по нашему предположению, ведут своё происхождение вне городского вала. И они считают, что после всего смогут контролировать выпущенный ими хаос. Нам следует перестать искать ответы в собственной исключительности и её неидеальности и признать, что есть равный нам по силе и по владению умбрэнергией.

«Вот это и была твоя речь, Селестина?» – промелькнуло в голове каждого из присутствующих в кабинете, включая Селестину. Нет, а чего они ожидали от полужизни? И потом, вряд ли бы папá оценил все эти театральные сравнения и совсем уж гипотетические построения. Ему сейчас ни к чему было знать об иерархии и прочих подробностях, которые всё же стоит выдавать порциями по мере поступления вопросов. Если они вообще будут. Сейчас цель – убедить его поменять отношение к происходящему.

– Есть ли тому доказательства, моя дотошная Селестина? – «Получилось?!» – Кроме как снова заглянуть на Сюфран?

– Папá Блез, вы сказали, что в руках у нас ничего нет. И вам наверняка известно, что я и Сёриз были в Нёйи-сюр-

Сен. Вот, от сгоревшего особняка, где проводилось собрание, к нам под колёса прилетело это, – и Селестина, никогда не умевшая играть в карты, вынула козырь. – Так вот, пожалуйста, посмотрите.

– «...танут светочем...»? Нужны пояснения, моя запасливая Селестина.

– Кто бы стал заказывать печать плакатов, – а это когда-то было плакатом, – если бы дело того не стоило? Это даже не просто агитационный плакат, а приглашение на представление, – получила Селестина укол пальцем от Сёриз.

– Вот как? Полагаю, кто-то попал на предпремьерный показ?

– Конечно, папá Блез. И мы надеялись попасть на оба, однако во второй раз у факиров что-то не заладилось. К-хм. Если кратко, то задумкой было сокрушить тенёта некоего Звёря, обвинившего ими весь город, обернуть против него ловушки. Стоит полагать, что речь – о Директорате и его коммуникациях. Окончившееся трагедией собрание же, скорее всего, должно было разъяснить, как этого собирались добиться, причём приглашение на него ещё нужно было получить. Мы отбор не прошли, так что узнали всё в последний момент.

– Но не сгорел ли цирк со своими клоунами? Не кончилось ли всё на этом?

– Не найдено подтверждение гибели их лидера, так что это ещё не конец. Кроме того, вряд ли бы здесь управились одним составом. Это нужно проверить. И помимо этого, па-

па́ Блез, как минимум уцелели ещё двое, как вы выразились, клоунов. Полагаю, было бы неплохо проследить за ними. Строго говоря, мы уже знаем, где их искать, а потому от слежки стоит перейти к более контактному способу добычи информации.

– Мой всезнающий Саржа, находишь ли ты это обоснованным?

– Да, папа́ Блез. Кто-то весьма основательно подготовился. Вполне вероятно, что даже как-то смог воспользоваться нашими ресурсами. Имел доступ в Директорат. Быть может, в архив. Пропал один из сотрудников. Он мог как передавать сведения, так и стать свидетелем этому. Если Селестина права в том, что мост был намеренно взорван, то на счету заговорщиков уже девять жизней – они могут отнять ещё, и можно подозревать, что речь пойдёт не о единицах, но о более высоких порядках вплоть до тысяч. Возможно, они и в самом деле начнут с неудобных свидетелей.

– Это касается добавления, а что по основной части?

– И вновь да, папа́ Блез, эта позиция – единственное, что я готов разделить в Директорате. В остальном же он должен быть един. И сплотиться стоит на основе этой версии. У нас появился противник, мнящий себя конкурентом. Честно говоря, так к нему и стоит относиться. Он пока не спешит показать себя, но делает недвусмысленные намёки, что обладает неведомыми нам, лучшими в сравнении с Директоратом техниками, и пока их слышим только мы – пусть так и оста-

нется. Кто знает, как поступит Отель-де-Виль? Противник играет на том, что выявляет слабости нашей нынешней системы, нашей закостенелости, нашего восприятия, наших догматов. И вновь повторяю: противник намекает, что обладает чем-то, что неизвестно нам, а я же считаю, что это знание у нас было, но по каким-то весомым причинам отправлено в глубокий резерв, из которого было выкрадено, что возвращает нас к вопросу о необходимости озаботиться безопасностью и возвращением пропавшего коллеги. Резюмируя, это конкуренция на основе отношения к допустимости и недопустимости неких формально известных обеим сторонам технологий. От своих моральных принципов отказываться мы не должны, но провести ревизию модели управления стоит. Достаточно сказать, что согласно ей мы сейчас устанавливаем параллельные коммуникации, но противник наверняка это использует против нас по принципу, который упомянула Селестина.

– Моя вдумчивая Сёриз, согласна ли ты с этим?

– Да, папá Блез. Конфликтующая сторона и видом, и делом выставляет свою инаковость, отсутствие принадлежности к нашим системам координат и понятий, непримиримость и несочетаемость с ними. Однако на деле она занимается лишь пересмотром границ и различий, выворачивает всё наизнанку, чтобы выпятить несоразмерность. Саржа верно сказал, что пытаются выставить наше незнание как нашу леность, самоуверенность и научную деградацию, однако же

на деле устроители конфликта очень даже не против стать новыми нами, простите за грамматику, стать Директором, но другим. Между нами стена, между нами барьер – и его попытаются пробить всеми доступными им средствами.

– Допустим. Но как сократить отставание от них?

– Это уже происходит. До конца не известно, зачем им был нужен батальон миноров, но они его лишились. Теперь их возможности уменьшились. Наша задача – проследить, чтобы потеря была невосполнимой. Есть тревожные новости касательно этого, но мы уже знаем, на что смотреть. Если говорить в более общем ключе, то они ориентируются по реакции, они смотрят, куда направить больше усилий, поэтому нам следует смутить их. Сегодня в западном крыле я видела что-то похожее, но это исходит от наших текущих обязательств, мы пытаемся скрыть факт, что основные ресурсы перебросили на затыкание протечек, а нам нужно играть на опережение. Впрочем, это уже вне моей компетенции.

– Я рассмотрю всё сказанное. – «Ну, спасибо, выручили». – В ваших словах зияют несколько дыр, но, кажется, я способен залатать их тем материалом, что вы мне предоставили. Сейчас же в любом случае не будет лишним выяснить, куда пропадают наши же сотрудники. Саржа, это поручается тебе. Странно, что опасения не были изложены ранее. И, конечно, нам не помешают свидетельства тех выживших. Сомневаюсь, что они дополняют известное нам чем-то существенно новым, но и незачем оставлять их этим... хм, а дру-

гая сторона имеет какое-нибудь самоназвание?

– Совет анархитекторов.

– Анархитекторы. Интерес-сно.

– Папа́ Блез, вы использовали глагол «оставлять». Я не думала, что мы должны по доброй воле или тем более против неё приводить свидетелей пожара в Нёйи сюда и изолировать их. Или я как-то неверно поняла контекст?

– Нет, моя образованная Селестина, ты поняла верно. Вы можете разговорить их в городе, однако комната в штабе их дождётся. Раньше или позже.

– В смысле клетка, камера?

– По итогам ваших бесед им может быть предоставлено и более комфортабельное помещение.

– А если они не миноры, а просто эмпаты, что, вообще-то, правда?

– Моя заботливая Селестина, вопрос в том, чтобы не разбрасываться ресурсами: или приглядывать за ними на воле, или держать их под рукой. Да, так мы наверняка лишимся возможности превратить их в двойных агентов, но на эти незначительные и маловероятные издержки я готов пойти. Сёриз, Селестина, займитесь этим, пожалуйста. И, если позволите, сыны и дочери мои, на этом аудиенция окончена. Позже к тебе, Саржа, будет ещё один разговор на административную тематику. Точнее, сегодня. Я отменяю вечерний визит.

Папа́ Блез повернулся к сиренариуму и возложил на него

руку. Кажется, для него уже никого не существовало в кабинете. Он что-то шептал. Селестине показалось, что нечто вроде: «... Не я ли? Дщери продолжают сраженье, фатум презрев», – но оставаться, а уж тем более подойти поближе, чтобы проверить, она не рискнула. Троица покинула помещение, озарявшееся жемчугом светильников и зеленоватой рябью свечения стеклянной пирамиды в середине.

– Сели, ну как же было не оттенить сладость мёда горечью пилюли? И потом, если этот эмпат тебе и вправду так важен, то лучше обратить его на нашу сторону. Быть может, дать доступ к библиотеке? Вдруг найдёт тебе новую книжку – источник мудрости?

– Сёриз...

– Ладно, ладно.

– И... спасибо вам обоим. Кажется, неплохо получилось.

– Неплохо? К нам не только прислушались. Нас не попросили отойти в сторонку. Нам дали поручения.

– А ещё мы вышли оттуда живыми.

– Только с тобой, кажется, ещё побеседуют.

– Этого следовало ожидать. Но результат того стоит. Возможно, удастся внести ещё кое-какие предложения.

– Аккуратнее повышай ставку.

– Это не ставка, а планка.

– Только учти, что Совет работает снизу, так что не отсеки ей лишнее.

– Ха, негативная селекция – в абстрактном смысле – нам

ни к чему.

– Кажется, не сработало, Саржа...

– Увы, Сёриз, похоже, только по одному озарению в день.

– Ай!

– Ай, а меня-то зачем в ваш ритуал втягивать? Ай!

– Вас. Обоих. Ненавижу. Обожаю.

Надеюсь, тебе из первых рядов было хорошо видно? Свет импровизированных софитов не обжигал? Актёры не слишком перестарались в изображении предсмертных мук и воплей? Достойно ли оправдания отсутствие либретто? Текст не показался несколько однообразным? (Учти: его писал всё же не я!) Ты извинишь, что труппа не вышла на поклон и не исполнила на бис ярчайшие моменты агонии? А как тебе внезапная смена жанра? И где аплодисменты? Вышло чересчур уж шокирующе? Или небрежно? В твоём молчании столько смысла...

Да, я зол!

Прости... Не на тебя я должен изливать свой раскалённый гнев. Я даже не вполне уверен, что обращался к тебе, а будто бы... к вам обеим. Да, и к Ней. Но всё же надеюсь, что Она не ведает о существовании этих писем. По крайней ме-

ре, когда Она зовёт, этой темы не касается. Но по какой-то причине в очередном припадке – о, жалкое поползновение вновь обратиться к систематизации как способу внести хоть толику контроля! – Она открыла, что мне следует появиться в особняке. Я подумал, что так Она проявляет интерес к акциям Сочувствующих и хочет быть уверена, что для их успеха было сделано всё необходимое, включая моё личное появление в качестве, очевидно, молчаливого и грозного господина Некто, фигуры притягивающей и отталкивающей, пространство разрывающей и формирующей. А это было предупреждение.

Не на тебя я должен изливать свой раскалённый гнев, но прежде всего на себя. Я мыслил об успехе, но должен был – об угрозе. Но таковы издержки общей схемы и положения в ней, что я себе избрал. А ещё мне следует корить себя благодарностью Ей. Унизительный жест. В нём нет никаких выгод, одно лишь признание Её влияния – весьма сомнительного, но, как выясняется, неизбежного. Что ещё есть в Её арсенале? Мы всё время мнили, что Она – этакая соблазнённая рыцарем принцесса, попавшая в водоворот событий и в нём сгинувшая. Но, на то похоже, соблазнительница – Она. А это – Её внутренний порок, требовавший хитроумного высвобождения. Близости к ключу по праву рождения Ей было мало, ведь он был лишь бесплодным символом механики царской власти. Требовалось завлечь рыцаря, что пожертвует семя мудрости. Глупец! (Даже если он был магистром

или родоначальником оккультных искусств – глупец, раз полагал, что его воля двигала ту историю!) Вложить обрётший отнюдь не созидающее начало ключ – и породить во шторме и потопе магию и мощь. Погубив и город, и себя, соблазнив других той силой, Она просуществовала до сего дня, обеспечила себе сохранность.

И я не собираюсь становиться Её новым рыцарем, что откроет новые грани и глубины Её таланта повергать мир в бездну! Пускай вместо меня получит ни много ни мало с гросс претендентов! (Таковы мои расчёты, но наверняка всё поймёт правильно и пойдёт нам навстречу где-то половина от того числа.) И каких! Все неслучайны, все готовы разделить Её страсти и притязания, все поддались увещеваниям о будущем, что их ждёт или не ждёт. Надеюсь, за той частью представления Она будет следить во все глаза – под ручку с Блезом. Чего не сделаешь для старых друзей? И мне даже не нужно его «спасибо».

Не на тебя я должен изливать свой раскалённый гнев, но на тех, «благодаря» кому жизнь Директората отныне ещё более осложнится и приведёт – да уже привела! – к излишним жертвам. Потерям не только избыточным, но и... не знаю, каким бы эпитетом наградить? «Вредным»? Пожалуй, что так. До чего комично выйдет, если штаб же кого-то и послал прояснить ситуацию и найти решение. Что ж, полагаю, при таком-то «освещением» ситуация прояснилась с ослепительной ясностью. Но – как? Я специально подгадал вре-

мя, чтобы пришедшие почувствовали бессилие Директората и обрели веру в собственное над ним превосходство. За кем-то из моих компаньонов пришло его прошлое? Просочилось настоящее? Одна из сторон своим тяготением вовлекла ещё один объект, и теперь наша хтоническая (а равно теллурическая и талассовая) механика обогатилась не заложенной ранее задачей трёх тел – или, что хуже, N тел? (Дифференциальные уравнения второго порядка! Радость-то какая!) Почему я этого не вижу? Почему мы этого не видели Там? Почему я не могу оперировать этим элементом? Я ведь следую всем выработанным нами правилам и ограничениям. Единственное, что приходит на ум: это защитная реакция Тела, которому равно не нравится ни Её вампиризм, хоть Ей оно и соблазнено, ни вероятность собственного отсечения от столь полнокровного города.

Что ж, поле конструирования для меня существенно уменьшилось. Уповаю, что не для тебя. И придётся признать, что для нас это означает отказ от планов завершить эксперимент. Очень жаль: подбирались весьма способные кандидаты в ассистенты. Но эта задача, предполагающая в качестве предварительного условия наше выживание в борьбе с Ней, всегда имела оттенок долга. Не уверен, что на нас ещё лежит такое обязательство. Более того, твой старый знакомый приводит документально подтверждённые доводы, что за тридцать лет не только не было придумано ничего нового, но и до результатов расследования тех событий не добраться.

Все знают, что исход для них будет трагичным, но несчастье стремятся устроить по-своему. Однако в нашем развивающемся на диссонансах опусе, в нашем Совете анархистов иначе быть и не может.

Не на тебя я должен изливать свой раскалённый гнев, а потому позволю свою несдержанность загладить хорошими известиями: проект «Ceilcéan» не только не встречает какого бы то ни было сопротивления, но и на удивление эффективен. В прозорливости Бэзи я не ошибся. (Как, смею полагать, и в решительно необходимых для расширения предприятия талантах сударя Ч.) Удивительные вещи доступны его изуверченному, изглоданному и отравленному фосфором разуму. Среди них такой подход к оздоровлению и выправлению то-нальности методом... Хм. Ты позволишь прерваться? Один момент...

Ах, кажется, я всё-таки был прав. Особняк – неблагодарный возможности вновь послужить, хоть более ни на что не годный! – совершил предательство, обеспечив себе освобождение, чудовищное по образу осуществления, но ненамеренно оставил подсказку, попросту не мог её скрыть. Да. Да-да-да. Бэзи будет любопытно узнать то, что отныне известно мне. Само собой, придётся подумать и об экстраординарных мерах безопасности для моего главного анархиста. А они нужны: к субъекту проявляется любопытство, я это почувствовал. И почему-то есть ощущение, что интерес – не

только с Её стороны. Мне следует ревновать? Или это вновь Её игры и тончайшее убеждение, что вносит смуту?

Нет, вновь кипятить себе кровь домыслами я не намерен. Всё дальнейшее развернётся в чуть более примитивном варианте, но конструкт сохранит устойчивость, машинерия останется дееспособной.

Директорат пытается противодействовать анархитекторам, утверждать полицейскую власть в округах, притом, как опять же предрёк Бэзи, отдаёт предпочтение дальним, тем самым всё более увязает в отнорках и меандрах недружелюбных, угрюмых и снулых улочек и лачуг (сейчас не семьдесят первый год – хоть бы, что ли, заручились рекомендациями гамбургских и берлинских коллег, многоопытных в противостоянии в условиях ульев и муравейников «социального» жилья и осаживании элементов, не конгруэнтных императорскому социализму!), со всё меньшим успехом выжывая тину серебра и проводя аресты, но всё чаще сталкиваясь с сопротивлением местных миноров, провоцирует необоснованный расход собственных ресурсов, весьма ограниченных и подпорченных, вследствие этого начинает рвать самое себя и, что важнее, – любую начинающую прорисовываться картину происходящего. Кроме, пожалуй, той, в которой мы направляем кисть, выводящую штрихи. Штрихи густые и тёмные, как затянутое тучами морское небо, раздираемое лишь просветами молний; а откуда-то издалека, сквозь брызги и волны, пробиваются преходящие, химерические при отби-

тии сигнальной азбуки, огоньки других судов на периферии бури, что из вежливости напомнят о себе, но никогда не придут на помощь гордецу...

Впрочем, меж раскатов грома мне мерещится барабанный бой... Да, так и есть. Порывы пронзённого атмосферным электричеством морского воздуха и выпадающие из туч тяжёлые капли и градины, изредка оставив в память по себе кляксы и салюты осколков, гулко отражаются и отскакивают от туго натянутой тканевой шкуры чудовищ, степенно парящих под мрачными стихийными сводами в грозном боевом порядке, – порождения человеческого гения в наступающем сумраке времён, бессовестно выдающем себя за расцвет, размалёвывающем и принаряжающем себя электрическими лампами и витиеватым декором, словно не знающая меры (знающая, да только боящаяся завтрашнего дня, а потому живущая днём сегодняшним) распутная девица – пудрой, румянами и оборками, смой, сними и срежь которые – и откроются увядание, вялость тканей, нездоровая бледность, следы побоев, шрамы, отёки, ушибы и ссадины...

Прости, прости за откровенность! Не мне высказываться по данному поводу, меня унесло течением аллегорий. Я смотрю на небо над городом и ощущаю, сколь многое поменялось, но вместе с тем и сколь многое осталось неизменным за прошедшие тридцать лет. Мы всё это видели – и обрели возможность заглянуть чуть дальше, – но мы не жили среди этого, не существовали, не были подвержены тем же

страстям.

Мы воспринимали регистрируемое. Мы перестали быть частью истории, а ныне – претендуем на то, чтобы собственными силами положить начало новой. Или хорошо забытой старой.

Рукотворные, троянские левиафаны и бегемоты – прибыли они наблюдать или соперничать с пучиной за приз?

III. Ante portas

14

Мартин видел, как всю прошедшую неделю Энрико замыкался в себе, однако не предпринимал каких бы то ни было попыток для перемены его состояния. Натуру мистера Вайткроу вполне устраивало столь аморфное, податливо-отчуждённое поведение приятеля, поскольку помогало уберечь обоих от ненужных шагов одного из них; не стоит показывать пальцем, кого именно. Однако за семь дней так никто и не пришёл в редакцию по душу Энрико с новыми приглашениями, в газетах не появилось ни одной заставлявшей обратить на себя внимание новости, а мистеру Вайткроу не приходили сообщения – значит, мистеру Форхэду было

нечем поделиться. Совет не воспользовался случаем сделать заявление, а на финансовом и политическом полях не было изменений. Расчёт был неверен? Или Совет тоже умел ждать? И непонятно, что с Бэзи. Без новой информации этими вопросами было бесполезно терзать себя – и Энрико.

Последние семь дней Мартин не посещал свою квартирку; ему хотелось иметь пространство для отступления, да и большую часть времени проводил в отелях и у Генри. Сейчас же он проинспектировал её на наличие следов обыска, но таковых не обнаружил. Если слежка и велась, то с расстояния. Он осторожно оценил вид из каждого окна, но не выявил признаков подозрительной деятельности. Внизу на улице тоже никто не дежурил. Оставалось лишь выяснить, не сменились ли соседи, но это была та ещё задачка, и Мартин позволил себе манкировать ею, ведь шанс того был весьма невелик. Требовалось удостовериться лишь в одном – и он полез под кровать. Там всё было на месте и в рабочем состоянии. Прекрасно, можно было выходить из оборонительной ментальности.

К счастью или сожалению, для себя и Генри он не придумал ничего лучше, чем Гамбеттой вознестись над бедами. Быть может, новый взгляд на город вернёт Энрико голос, откроет новые перспективы, он найдёт выход из неприятной ситуации со срывом цикла статей. Мартин мог вернуть его к жизни и Латинским кварталом, бесстыдно навязать «Прокоп», но отказался от затеи ввиду неудобных вопросов, кото-

рые кто-нибудь фамильярно задаст, и душной, спёртой, кислой атмосферы межсезонья, увеличивавшей подобную вероятность. Более того, Мартин чувствовал, что Энрико обязательно найдёт что-нибудь любопытное.

«Всё время мы за Солнцем шли, давай взлетим теням навстречу!» – с утра пораньше растолкал он друга и полтора часа спустя вёл через вход №12, сбоку от Альмского моста. В программе дня было воистину кругосветное путешествие, а в случае с «Древним городом» – ещё и машиновременное. И повезло же: они успели на борт первого утреннего дирижабельного рейса. Впрочем, не успеть было не трудно: экипаж ориентировался не на график, а на загруженность пассажирами – в этот час редкими, но весьма энергично настроенными.

В последний момент перед отлётом в гондолу юркнула девушка, которую пыталась откликнуть так и не решившаяся взойти на борт и державшая дистанцию женщина неопределённого возраста: «Элиза! Элиза Леонтина! Немедленно сойди, иначе – скандал!» Но на это девушка лишь помахала спутнице – не столько рукой, сколько билетом в ней – и поправила завывающиеся локоны, наконец-то соизволив дать комментарий остальным пассажирам: «Простите, мадам и месьё. Не знаю никакой Элизу. Если угодно, зовите меня Раймонда».

Да, им открылась панорама под стать Венеции канала. В вышине они видали, как из горизонта дали на Сены воды и

на крыши серы наносили позолоту дуновеньем злобным... Мартин остановил себя, когда понял, что ритм незаметно для него – и за него – устанавливал тихий такт двигателей дирижабля, в этот момент определённо набравших обороты, чтобы живо подставить восходившему Солнцу и другой борт судна. Утренний маршрут пролегал своеобразной змейкой, скрипичным ключом с астрономической кульминацией, доступной лишь в редкие дни, подобные этому. Где-то без двадцати минут десять рулевой дирижабля взял курс на 15° восточнее зюйда, а капитан отдал приказ «стоп-машина».

Судно не ушло в дрейф, оно будто попало в область-карман взаиморавного гравитационного притяжения обоих небесных светил, в эти минуты проплывавших по одному азимуту, касавшихся одной и той же небесной струны, певших в одной тональности – бывших контрапунктами, что беззвучно рвали стихийные тверди, разверзавших едва ли ощущаемую бездну, вскрывавших разлом, из которого родятся хтонические сущности. Иль те монстры уже выпущены? Не их ли порожденья, не от смешенья ль дня и ночи гекатонхейры в залах поля Марса?

Мартин вновь увлёкся – всё то жужжание, в целом мерное, но иногда спотыкающееся. Романтические виды – занятие увлекательное, но отчего бы не успеть продать его дважды? Такой же симметрии уже не достичь, но ещё было возможно, инвертировав маршрут, вновь бросить в небе якорь и по борту посвятить светилам. Казалось, ещё возможно было как-

то месяца полоску тонкую срифмовать с реки изгибом, Нут достойным, на ряби коей звёзды Солнца злато подменяет.

Позолота, которую несут на рассвете Эвр с Нотосом, Субсоланус с Австром... Несчастливые для Средиземноморья анемой. Быть может, на континенте они лишь обеспечивают перекрёстное опыление? Кто знает, не пылью ли Вены золотят сей град? Не ей ли подпитывают и насыщают палитру? Отчего Двадцать округов столь прожорливы на источники света? И не в ответе ли на этот вопрос, а не поступи – да что там, стремительном аллюре – прогресса состоит объяснение общего курса Выставки на электрификацию?

Ах, если бы только Мартин мог завязать на сей счёт беседу с Энрико, ум которого, похоже, не удалось расшевелить. Быть может, стоит добавить ветра в лицо? «Энрико, скорее на автоматизированный тротуар! Посторонись, кто-то отчаянный на бицикле! Нет? Не впечатлило?» Ну, что же, придётся сойти. Одно что практически до моста Александра III добрались. Теперь можно было самым удобным образом делать обход Набережной наций.

И сравнение с каналами Венеции отнюдь не лишнее. Итальянский павильон, предваряющий вереницу остальных, был исполнен в венецианском духе, не бывшем нативным для Италии, по многим причинам ей чуждым, выставлявшим всё лучшее напоказ и оставлявшим место для несоответствия экстерьера и интерьера, но наследовавшем восточной имперской традиции, Византии. Он был воздушен и мя-

гок, он был проницаем. Он был местом схождения и расхождения путей. Не придавливал, но притягивал. Он задавал направление, но не указывал. Нежнейшая готика с данью уважения водной стихии.

Мартин был готов расстроиться, даже оскорбиться, если бы Испания не выставила и свой павильон подобием Альгамбры – будто поднятого с морского дна коралла. И она его не разочаровала: сделала посвящение Севилье и её Хиральде. Любопытно, есть внутри бронзовая статуя и пандус для благородных донов Кихота и Жуана? Впрочем, Мартин готов был закатить скандальчик, выбери Мадрид что угодно тяжеловесное и угрюмое, подобно венгерской половине проекта Франца Иосифа I, уже с воздуха не оставлявшей никаких иллюзий относительно своей сути.

Или вот как Османская империя: ни туда, ни сюда. Казалось бы, вот галереи и портики нижних ярусов, продолжение задаваемой павильоном Италии лёгкости – и, между нами, ложной открытости, в которой было что-то от духа коммерции и присказки «деньги любят тишину», такое ненавязчивое разделение полагавшегося общим пространства на маленькие ситуативно-спекулятивные частные, – а завершается какими-то чуть ли не бойницами, которые даже за римские окна не принять, и грубым, угловатым, сплюснутым навершием, причём чем дальше от набережной, тем более отталкивающий его вид, – и, конечно же, куполами.

Не выполняли ли купола роль навигационную строго в

морском смысле? Не были ли своего рода буюми? А то вот и павильон Соединённых Штатов – однокупольный. Увенчанный золотой клеткой демократии, котлом народов, что придерживает сверху символ нации. И на всякий случай с каждой из сторон света можно найти ещё по одной стимфалийской птице. И вид их отчего-то всклокоченный. Где те тимпаны, что заставили их взметнуться и принять угрожающую стойку? И какую мелодию ими отбили, что привлекла столько людей, готовых толпиться у входа? Нюх Энрико обострился. Толпа шепталась о ночном нападении на павильон.

– Пресса! Соблаговолите пропустить!

– Вот вашего брата, уж позвольте, ни в коем разе, – прочертил волшебной палочкой защитную руну перед собой полицейский в оцеплении.

– Моего брата определённо стоит. Поверьте, лучше подкрепить фактами и свидетельствами меня, чем моих нечестивых – если не сказать, что нечистоплотных – коллег из желтушных изданий, которые здесь уже наверняка побывали и, в погоне за сенсацией, настрочили невесть что.

– Все вы так говорите.

– Господа, ну право слово, нашли тоже секрет Полишинеля, – вмешался с края толпы некий офицер в русской форме, не слишком заботившийся об акценте. – Господ журналистов вы, быть может, и прогоните, да только, во-первых, месьё прав – свинья свой трюфель всё равно отыщет, а грифы, вне сомнения, уже кружат и гложут, во-вторых, вы пе-

реоцениваете выдержку и кротость языка ночной смены и разнорабочих, приводящих территорию в порядок перед открытием.

– И что ж вы тогда здесь, коль вам всё известно, изволите делать?

– Как и все – ждём, когда наконец-то дадут воочию убедиться в дикости налёта, естественно. Чем не часть представления, чем не часть истории Соединённых Штатов?

– Простите, – повернулся к офицеру Энрико, – «часть истории»?

– Да будет вам известно, – ледоколом он проредил торос зевак и доверительно понизил голос, – что сколь бы яростным ни казался налёт, он отнюдь не был спонтанным. Это не простой акт вандализма, хотя по натуре и решительно дикарский. Имейте же в виду: разнесли исключительно стенды и стащили исключительно экспонаты, посвящённые истории североамериканских индейцев. Будто хотели присвоить все эти перья и топорики себе. В их распоряжении была экзотика всего Трокадеро, но нет – их удовлетворил лишь необузданный нрав Дикого Запада. И конечно, конечно, я в курсе, что индейские племена обитают в краю Великих озёр. Будь они способны своровать статую шамана в Гранд-Пале – наверняка б и её прихватили.

– И что же им помешало?

– Помимо того, что они могли о ней и не знать ввиду необразованности и соответственного этому отсутствия интере-

са к сокровищницам на авеню Николая II? Позволю предположить, что как численность, так и путь их проникновения. Впрочем, должен признать, что про статую ввернул я совершенно зря.

– И всё же вы пробудили мой интерес. Как же они могли сюда попасть?

– Могу ответственно заявить, что у нас дирижабль не угоняли, – реплика вызвала у окружающих хохоток. – Так что остаются два варианта. Либо они перелезли через ограждение – и в таком случае они действительно не смогли бы взять с собой слишком много, либо же приплыли по реке. Но есть и третий вариант: прибыли из города, но уходили по руслу. Кстати, господа полицейские, быть может, всё же подскажите: не пропадало ли из павильона помимо прочего какое-нибудь... каноэ? – публика взорвалась смехом, а полицейские посохи усмирения за спинами взвились змеями.

– Вам, господин офицер, – с укоризной, преодолевая нервное косноязычие, ответил мундир, – должно быть крайне не совестно потешаться над бедами и проявлениями неуважения к мирному обществу. Впрочем, что взять с военного?

– Покорно прошу меня извинить, не хотел никого оскорбить, в особенности благодушных и щедрых хозяев Выставки, однако не пострадала ни одна живая душа. Ведь не пострадала? Прекрасно. Так вот, происшествие и в самом деле отдаёт фарсом: уж сколько они себя выставляли краснокожими по характеру, уж сколько зарабатывали этот эпитет

багряной дерзостью деяний, а вотивной атрибутикой удалось разжиться, лишь ограбив заезжих поработителей их кумиров. Или даже так: белых угнетателей культуры всё же настигла месть, пускай, что и на другом континенте. Артефакты, простите за пафос, вновь обретут силу в достойных их руках. Маленькие озлобленные племена, ускользающие от наказания благодаря знанию, а то и пониманию ландшафта – теперь и в старушке Европе. Я не насмехаюсь над вами, господа полицейские и граждане этой страны, я вам искренне соболезную. Быть может, вашим инспекторам и комиссарам придётся перенимать опыт американских властей, но только прошу вас: не повторяйте их ошибок!

Речь сорвала аплодисменты. А вот Энрико, кажется, что-то тревожило:

– Если позволите, я вернусь к моменту с руслом, – офицер не потерял интереса к своему собеседнику, вошёл во вкус и кивком подтвердил готовность ответить. – Но каким же был их маршрут? Откуда и куда им плыть?

– А какой из островов они облюбовали ниже по течению? Поправьте, если неверно запомнил, – Гранд-Жат? Устроили себе проход или прокоп за фортиф из северных округов – и пользуются этим, обходя патрули.

– А вы... Вы так в этом уверены...

– Почему бы и нет? А хотя, пожалуй, и впрямь стоит задаться вопросом: не имитация ли это? Быть может, кто-то решил устроить домашний музей или бесплатно заполучить

реквизит для частного клуба? Благо что инструкции весьма доступны. Опять же поправьте меня, если не прав, тем более что это ваши круги, но, кажется, журнал «République III» был весьма обстоятелен. Не хотелось бы переносить часть вины на автора материалов и репутацию издания, так что воздержусь от развития этой версии.

– А что, господин офицер, – выплывал из глубины полицейский инспектор, по появлению которого Энрико понял, что пора было уйти по-английски, – после подобной аргументации не сочтёте ли за труд заодно уж и наречь сих бандитов?

– Мне, господин инспектор, ведомы названия не столь уж и многих народностей, а уж тем более не знаю, какое из них больше отзовется в сердце француза, какое из них более свирепо: ирокезы? сиу? апачи?

– Апачи! Апачи! – подхватили на свой манер франкофоны.

– Натурально апачи!

Энрико, как и подсказывала интуиция, не стал дожидаться развязки и тихо увлёк Мартина за собой. Ему совсем не нужны были допросы о его деятельности. А вот перевести дух и подумать в относительной тишине – пожалуй. Друзья спустились к набережной, и Энрико будто и в самом деле принялся искать следы полночной швартовки, пока и полиция не догадалась сделать то же. Впрочем, тщетно.

– Неужели его слова были для тебя столь убедительны?

– Разгорячённые выпивкой и кутежом, вошедшие в раж, взялись за вёсла и... Ну, не знаю.

– Неужели на реке нет застав, которые бы непременно такую весёлую компанию если не остановили, то хотя бы запомнили, а позже – сообщили о ней?

– Во всяком случае не тому инспектору. И я могу тебя заверить, что они откупились бы от любого патруля. И если не подкупили, то запугали, а не запугали, так перерезали.

– Тем не менее композиция не кажется тебе стройной.

– Через пару лет они совсем берега потеряют, спору нет, но пока для подобных вылазок не хватает организационной воли и направляющей роли. Одиночные грабежи, банда на банду, локальные стычки с силами правопорядка – это они запросто, но всё на периферии, не в центре.

– А ты вообще можешь придумать какой-то иной мотив, отличный от озвученного тем офицером, хотя всё и упирается в доказательство своих возможностей? О, я не прошу чего-то более реального. О какой реальности может идти речь в выстроенных на один сезон декорациях? Нечто из области символов и жестов, но что-то более личное. Вызов всему миру по форме и средствам, но по целям – кому-то другому, кому-то равному, кто мог бы претендовать на то же? Этакое соперничество, желание перещеголять.

– Затеяливо сказано, друг мой. Постой-ка, ты думаешь... Неужели преступление на почве страсти?

– Бандиты – известные романтики. Особенно если на род

занятий накладывается ещё и пора юности с присущими ей максимализмом и самоутверждением.

– Жозеф и Франсуа Доминик для Золотой Каски и Пантеры... – то есть для Амели и Жермен – много чего способны учудить, но то скорее будет не хитроумная комбинация, а банальная поножовщина.

– Эх, ну, теперь-то у них разнообразия ради хотя бы есть топорики.

Реплика отозвалась приятным девичьим смехом откуда-то из-за спины. Мартин и Энрико обернулись и увидели сходящую со ступеней парочку – очевидно, подружек. По последней моде, но более утончённые и скромные светлые платья с тонкими хладно-сирульеновыми и жжёно-сиенскими полосками... Нет, не полосками даже – стебельками с аккуратными раскрывающимися цветками и листками. В их облике, в их лицах было и что-то от эпохи нынешней, и что-то вне эпох.

– Простите, простите, не хотели вам мешать, но, похоже, вы неплохо знакомы с подноготной вопроса, – завела обладательница бистровых волос и тёмной, но крохотной родинки-мушки над левым уголком рта разговор по-английски учтивым тоном.

– Нет, простите нас – уже за любопытство. Но откуда *вам*, миледи, знать подобное? – состорожничал Мартин.

– И не откажите моему другу в отдельном прощении, –

быстро вставил комментарий Энрико. – Обычно он более расположен ко вниманию касательно его персоны. *Правда ведь?* Но такие выдались последние дни, такие дни... И не сочтите за дерзновение и настойчивость, но не могли бы вы исполнить небольшую просьбу? Мы бы хотели поупражняться во французском наречии. Не откажите гостям города, моему другу определённно не хватает практики.

«*Comme vous voulez*»³⁴, – было ему ответом. Пожалуй, Мартин ожидал чего-то более порхающего и менее гудящего, но не выдал своё небольшое разочарование обладательнице волос оттенка светлого экры. Экры... Неотбелённая, необработанная ткань, естественно-грубоватая... Что-то такое потаённо-необузданное он увидел и в образе девушки. Необузданное – но неприступное и неукротимое ли?

– *Видите ли*, – мягко, но по-швартовному настойчиво вернули уплывающий взгляд Мартина, – нас как жителей города весьма волнуют вопросы нашей безопасности, приходится держать, простите, нос по ветру и руку на пульсе. И не знаю, как ваш друг догадался, что для нас родной – французский; надеюсь, меня не акцент выдал.

– О, он способный. Не поделишься?

– Ваш английский не смог бы вызвать нареканий. Нет, всё дело в ощущении. Едва увидев вас, я для себя решил, что никому иному городу вы не могли бы принадлежать. Нет, не «принадлежать», конечно, простите за притязательность...

– Но мы, кажется, понимаем, о чём речь, – мягко прервала

его светловолосая незнакомка. – Давайте не будем ввергать беседу в водоворот пояснений. Как вы и сказали, вам нужна практика.

– Покорнейше благодарю.

– Как я понимаю, пора и мне прояснить вопрос, – успокоился и приободрился Энрико, вернув толику обычного безрассудства. – Снизойди к нам кто-то иной, я, быть может, и избежал ответа, но в подобных обстоятельствах не вижу причин скрываться. Но только для вас, мадмуазель! Как я понимаю, вы тоже сделали попытку проникнуть в павильон Североамериканских Соединённых Штатов? И наверняка были свидетелем бенефиса того офицера? Так вот, знайте же, и я пойму, если вы прекратите наше общение, – понизил он голос, – я и есть автор тех злосчастных статей.

– Так откройся же нам, о Железная Маска, и яви столь тщательно скрываемый бархат! Подам тебе пример. – «Нельзя держать в неведении столь любопытных особ в столь занятных обстоятельствах. *Правда ведь?*» – Мартин Вайткроу. Не эсквайр.

– И впрямь, что с моими манерами? Позвольте представиться, Анри. Просто Анри. Я настаиваю.

– Что ж, а мы в вас не ошиблись. Сёриз де Кюивр.

– И впрямь. Селестина де Кюивр. Кузины.

– О, назовись вы Селестиной дю Шатле, я бы уверовал в сущность гения места!

– Не извольте обращать внимания, длинная история. Но

каковы же были догадки касательно нас?

– Не столько догадки, сколько предположение, что вы и в самом деле отличаетесь от низколетных собратьев по цеху. В лучшую сторону.

– Но лучшая ли это тема для общества?

– Друг мой, общество алкало сей темы, со всей водой, что её замутняет, и ему повезло, что абсент из слов приготавливался ты.

– К сожалению, не читали, но непременно ознакомимся.

– С такими-то событиями, похоже, придётся к ней вернуться, а то и переосмыслить. Тот офицер весьма метко указал как на символизм предметов, так и на особое видение города... апашами.

– А ты, надо заметить, капитулировал.

– Да, друг мой, мы уже неделю как не вполне в своих ампулах. В связи с этим прошу дам учесть, что, возможно, потребуется второе первое впечатление.

– Однако, господа, всё же осмелюсь заметить, что мужчины подобны алмазам: их порождает и проверяет давление.

– Сели!

– Хо-хо! Bravo!

– Не знаю, применимо ли понятие бриза к рекам, но у меня такое ощущение, будто Сена или некое невидимое море подле неё обладает таковым, и к этой минуте бриз ночной обернулся дневным. Не соблаговолят ли дамы подняться повыше и устроить общий тур по Экспозиции?

– Вы правы, течение сменилось, – Мартин услышал нотки какой-то особой интонации. – Если не в вашей компании провести день, то в чьей же ещё?

Легко и свободно дался девушкам подъём по лестнице, и Мартин только сейчас заметил, что их портной не засадил фигуры в клетку китового уса и проволоки, но применил щадящую, мягкую конструкцию. Повезло им. Отчасти и косвенно объясняет, отчего они столь непринуждённо завели знакомство. И не объясняет подобного поведения Мартина. Он позволил себя увлечь без какого то ни было рационального «потому что», даже не ради Энрико.

Следовало бы вести неспешный разговор о сменявшихся друг друга по левую руку национальных павильонах, об избыточно выпяченном, бравурно пузатом павильоне «Creusot», оснащённом башенными орудиями и выглядевшим, как что-то из ранних проектов капитана Немо, но в целом они были столь очевидны, столь предсказуемы, что Мартин уделял больше времени предплечьям обеих девушек, прилаженным к рукавам причудливым устройствам. Мартин подметил, что одно из приспособлений выглядело новее, несмотря на равный «возраст» самих платьев.

– До чего занимательные аксессуары у вас на руках. Не могу постигнуть, что же это?

– Ну же, хоть одну догадку, месьё?

– Вы позволите взглянуть поближе? – Мартину протянули ручку, не дав войти в следующий проссемический круг.

– Я бы предположил, что это – элегантное решение некоторых вопросов, с которыми сталкиваются владельцы вуаюреток и бициклов.

– Да, по сути, вы правы. Впрочем, решение это довольно уникальное и нигде более не известное. Зеркальца нужны отнюдь не для самолюбования, но получения обзора, а вкупе с двумя другими механизмами предназначены для передвижения в бурных потоках улиц, – и вновь не без тонкого, возможно, не ему предназначавшегося намёка.

– Скажите же, Анри, что вас побудило поведать, если позволите, *urbi et orbi*³⁵ о тех бандах? И как вы заслужили их доверие?

– Второе, боюсь, останется моим профессиональным секретом, но могу сообщить, что выдавшей нужную ноту стрункой оказалась жажда юных лидеров во внимании. Представьте, им едва за двадцать, а у них уже есть биограф, хоть и один на всех.

– И что же, они не устраивали кровавого соперничества за право освещения только своей фигуры?

– Литературное изложение требует многих действующих лиц для лучшего запечатления характеров, так что в этом случае они были готовы мириться и делиться. Впрочем, отважся кто-то предложить услуги портретиста, вот тогда можно ждать беды и побоищ.

– А то и, в конечном итоге, самопровозглашения победителя Дофином и раздачи титулов за победы в войнах и

территориальные завоевания. Такое не прямое наследование традициям воспетого Двора чудес, где ныне рю Реомюр. Вы лишь вообразите: герцог ля Бастош, граф Монпарно девяносто первый, барон Муфф третий! Причём числительное означает не порядковый номер держателя титула, но строения, закреплённого за членом ватаги.

– О да, будет комедия. А представь, если у них потом ещё и своя Революция случится?

– С секуляризацией кармана главаря от общака, а то и головы главаря от всего остального главаря?

– Господа, не уклоняетесь ли от ответа на вопрос?

– Искренне просим прощения, иногда увлекаемся. Охотно поделюсь мотивами. Должно быть, я подхватил что-то такое от своего друга, но я разделяю его мнение, что нужно вести диалог с теми, кто активнее прочих определяет и формирует среду, пытаться их понять, передать всё читателям с наименьшим пропуском через непременно отсекающие «лишнее» линзы, фильтры и призмы. Будь-то они политические, моральные или эстетические. Впрочем, небольшую эстетическую коррекцию я не могу не внести, оставляю за собой такое право, дабы избежать ненужной эмоциональности и обертонов. И мне действительно кажется, что сейчас климат за Внешними бульварами во многом определяется отнюдь не официальными властями, не третьим сословием и не обычными жителями, хотя среди них теневые княжества и растворяются, пропитываются их страхом. Эти... апаши

действительно способны подпортить городу лелеемую репутацию и, как бы выразился мой друг, разорвать, перенаправить городские линии перемещения товаров и денег, присосаться к ним и пропускать через своих «откупщиков». Я эти шайки ничуть не романтизирую. Я освещал их повседневность, чтобы люди видели не только последствия их смертоносных деяний, во всех физиологических подробностях смакуемых, хм, грифами. Знаете, а тому офицеру и впрямь бы податься в журналисты; маленькую победоносную войну ему под силу выдумать и выиграть. Так вот, аутопсия повседневности, препарирование процесса счищает налёт мистики с её результата. Пока остальные взращивают едва ли не библейский ужас в любителях пощекотать нервы, чувствующих себя в иллюзорной безопасности за волшебными окружностями Внешних и Великих бульваров, я стою за адекватное освещение, за изображение врождённой человеческой, а не приобретённой демонической природы. Отказ от привлечения внимания к этой теме в проповедуемом мной ключе означает приближение дня, – заметьте, не осторожной ночи, но дерзкого дня, – когда бульвары вновь приступят к исполнению осадно-оборонительных функций, на сей раз незримых, а потому то противостояние будет куда более опасным для беспечных горожан. В общем, мне подобные зарисовки кажутся значительно более батальными и дуэльными художественных критиков в родственных изданиях.

– Как вы правы! И – что вы говорили про второе первое

впечатление?

– Ха, м-да.

– Всю прошедшую неделю я не знал, как вернуть его к жизни, и вот – счастливая встреча всё изменила, – и со всем возможным старанием: – *Merci... du fond de l'âme, mesdemoiselles.*³⁶

– Ваш друг упомянул вас как особь, хм, заразительную. Чем же вы, если не секрет, занимаетесь? Что же вы разносите?

– Занудство и дотошность, – отрезал Энрико.

– И это сущая правда, дамы! Так или иначе, записи что мои, что месьё Анри опираются на проблематику чайний, страхов и дум если не широкой публики, то тех её представителей, которые так или иначе транслируют своё мнение окружающим в соответствующей профессиональной и социальной среде. Разница лишь в том, что записи месьё Анри оживляет их близость быту и сосуществованию, вопросам актуального городского сожительства, а вот мои практически невозможно встретить в изданиях, доступных вне академических кругов, они больше для внутреннего пользования и про то, что имеет потенциал стать актуальным, но не обязательно будет реализовано. Мои заметки больше про вероятности и ожидания. Что я делаю? Я беседую. Опрашиваю представителей научной среды, слежу за разрабатываемой в их трудах тематикой, вывожу своего рода интегралы. Увы, ни с одной учёной головой – обитателем Двадцати округов

так пока и не довелось встретиться.

– Да уж, месяцы вы выбрали что надо.

– Поверьте, уже не в первый раз корю себя за неосмотрительность.

– И ведь всё от того, друг мой, что хотел совместить работу и отдых, когда я с самого начала прямо, а то и упрямо говорил, что по прибытии работа отойдёт на роль хобби – и это в лучшем случае. Будто бы и остальные разделяют твоё желание совместить одно со вторым.

– А вот восточный сосед...

– О, нет-нет, не распаляй реваншизм ещё и сравнением особенностей организационного процесса.

– Пожалуйста. Однако всё равно считаю удивительным, что в эту самую минуту не проводится значительных исследований Выставки. Да-да, самой Выставки. Нельзя же, проводя столь значительные изменения в её дидактике и риторике, после всего скупно измерить её успех числом проданных билетов. Количественное помогает отчитываться перед кредиторами и акционерами, но что с качественными показателями?

– К слову о количественном, – и повезло вам, бессовестным хвастунам, что нам ведомо то, о чём вы говорите, – а вы можете уже сейчас предположить общее число посетителей к концу работы Экспозиции?

– О, если следовать логике организаторов и повторять их ещё только будущую ошибку, уже, правда, очевидно закла-

дываемую в расчёты и механику обращения и выпуска на рынок этих – как ты говорил? bons-ticket? – да, бонов-билетов, а потому приближающую саму себя и детерминирующую соответствующие последствия в качестве инварианта, то наберётся до шестидесяти пяти миллионов человек. Но если прислушаться к шепотку, а то и эху опыта прошлых Экспозиций, а также взять какое-нибудь анекдотичное сравнение, то через врата французских пищевых заводов в нынешнем году всё равно пройдёт больше консервных банок, чем, извините, не подлежащего консервации мяса через выставочные входы. По-моему, в целом прослеживается формула, в которой число посетителей Экспозиции в некий год до сей поры включительно эквивалентно числу банок-склянок, произведённых и наполненных принимающим государством лет пятнадцать–двадцать назад. Иными словами и кратко, я бы рассчитывал на пятьдесят миллионов. В сравнении с предыдущей, если не ошибаюсь, прирост более чем на треть. А в действительности всё как обычно окажется где-то между. По крайней мере, я надеюсь, что не меньше.

– А чем вызвано ваше своего рода сопереживание? Вы тоже верите в незыблемость прогресса? Или всё дело в методах – дидактике, как вы изволили выразиться?

– Вы правы, мадмуазель. Предыдущие Выставки были по большому счёту пиром инженерии, превосходства, рождённого холодностью математики – под стать металлу в основах конструкций. И инженерия имеется в виду не только техни-

ческая, но и политическая. Приглашалось в основной своей массе профессиональное сообщество, иным же просто не мешали войти. Эта же кипит и пышет жаром, какой свойственен, не знаю, учению. Я чувствую стремление пригласить всех к познанию. Ну, или пользованию, если переходить на потребительско-коммерческий тон.

– А здесь вы почти угадали: да, подобная задумка имеет место, притом центральное, но из-за сложностей планирования и логистики её не удалось воплотить в полной мере. Вновь проблема карты и территории.

– Прошу, поведайте мне.

– Вас не беспокоят столь публичные поучения со стороны прекрасного пола?

– Как я и говорил, духом знания пропитана Экспозиция, и мне он приятен. И вдобавок, коль Пиндара наставником слыла Коринна, чего же урока страшиться мне?

– Он будет коротким. По плану предполагалось устраивать на Марсовом поле витрины и стенды так, чтобы своего рода производственная цепочка – от деталей и инструментов к частям и готовым агрегатам – экспонировалась концентрически от внешних стен к внутренним галереям павильонов. Так широкая публика – на сей раз действительно широкая – должна была без сложностей уловить принципы изготовления предметов, всё более проникающих в окружающий мир и изменяющих его. Мало где удалось передать эту заботливую черту, но её недостаток компенсировали другим – тоже

в плоскости визуального.

– И в этом свете мы для прогулки выбрали не ту набережную. Впрочем, и на ке д'Орсэ возможно встретить образцы, как это называли, «живых полотен» – одного из примеров такого замещения. Сценки из быта жителей некоей страны, иллюстрирующие особенную для региона деятельность.

– Если наша прогулка будет признана обеими сторонами успешной, то примерный маршрут следующей, полагаю, уже намечен? – «Ах, не торопись, Генри!»

Тем временем они уже шли по одним из пятнадцати тысяч шестисот двадцати пяти квадратных метров площади – без учёта занятого опорами пространства – под Трёхсотметровой башней. Единогласно было принято предложение пока что отложить дальнейшую пешую прогулку и посвятить какое-то время комфортному созерцанию и изошрённому обсуждению. Свободный столик под тентом на последнем этаже в заведении «Le Pavillon Bleu», соседствовавшем с башней с западной стороны, – должно быть, здесь были чертовски дорогие места во время прибытия русской армады дирижаблей, – пришёлся весьма кстати. Компания предпочла употребить по чашечке кофе.

– Стало быть, акцент всё же на развлечении, к которому приплюсовывается познание?

– А отчего бы и нет? Игра как форма обучения существует с древнейших времён. Стоит, конечно, сделать поправку на то, что игра эта больше напоминает, хм, театральную.

– Вот только, могу я заключить, линия разделения просцениума и партера не имеет строгой пространственной привязки. Зависит от положения наблюдателя, – а здесь каждый может быть и актёром, и зрителем, и для кого-то другого представлять то по одну, то по другую сторону, – и того, какие срезы и выборки он проводит по, хм, rhizométant³⁷, простите за неологизм и вальяжное обхождение с родным вам языком.

– Мой друг, ты мог бы выразиться и проще, используя слово «клубок». И это я уже молчу о «срезах» и «выборках».

– Возможно, если в том клубке сплелось множество нитей, количество концов которых никак не может быть меньше числа всех возможных входов и выходов с Выставки, а сами нити способны расплетаться и составлять новые. Также прошу заметить, что я опускаю слово «территория».

– Вероятно, от того, что и «Выставка» употреблена в каком-то расширенном значении.

– Верно, мадмуазель. Скажем, не стал ли её частью зажатый меж стрелками Поля и Эспланады кусок седьмого округа? Чем не, как вы это называете, «tableau vivant»³⁸?

– А весь город? И не был ли он сам Выставкой до и вне Экспозиций?

– Если позволите, – усомнилась Сёриз, – вы не учитываете, что Выставке свойственны конкретные первичные и вторичные цели и функции, которые могут обогащаться дополнительными. У города они более многочисленны и размыты в смысле приоритетности. В нём действительно стирается

четвёртая стена, – кивнула она Энрико, – в том числе благодаря стараниям четвёртой же власти. Слишком много акторов, слишком много источников воли. И вряд ли кто-то из присутствующих согласится низвести те цели до самых базовых и примитивных – вроде выживания. Выставку-то как раз, пожалуй, и отличает отсутствие желания выжить. Отдельные её элементы цепляются за возможность пригодиться городу, явно или тайно проектируются с заделом на будущее, однако в целом это проект конечный и сезонный. Это красочный мыльный пузырь, больше напоминающий кристалл гадалки. А кроме того, Выставка отделяется от городской ткани, артикулируется её отличие и несмешение с территорией её проведения, она выстраивает, если хотите, новое плато. Этим я бы объясняла и дублирование кое-каких элементов города на её площадях. Вы были на Эспланаде, видели там эрзац-филиалы торговых галерей? А противоположная набережная? Там и вовсе собрали модные среди простолюдинов увлечения; некоторые – шокирующе-вызывающего свойства. Ах, конечно, ещё не были и не видели, но я спрошу: и зачем же это? Неужели город и впрямь не безопасен? Или его и вправду не стремятся продемонстрировать гостям сверх необходимого? «Да, об этом вы всё равно услышите, а вот от этого позвольте вас избавить». Но это, конечно, можно объяснить и «всего лишь» коммерческими интересами.

– Это уже стоит счесть своеобразным внепавильонным

экспонированием не потребляемых товаров, но самой культуры, что ли, потребления. Тоже своего рода игра: пойми, дорогой посетитель, угадай, каким тебе следует быть, чтобы город тебя признал.

– Можно даже уточнить, мой друг Анри, что её суть в беспроектности. Это миниатюрная имитация культуры потребления города со сведённым к минимуму шансом оконфузиться. Также осмелюсь добавить, что Выставка не обладает волей к жизни, – каковая должна бы выразиться в адаптации, но это и в самом деле свойственно лишь редчайшим её элементам, – потому что она изготовлена как продукт синтетический. И я знаю, что ты сейчас скажешь, но нет, окружающий её город и впрямь естественней, даже если это во многом и, простите, танец доминирования и брачного сезона. Он – то есть город – при всём прочем не может не выстраивать структуру из камня, кирпича, бетона и других основательных материалов, гарантирующих если не долговременность, то надёжное укрытие его обитателям. В этом смысле архитектура и градостроительство столь же натуральные проявления эволюции, как норы и гнёзда, а я бы даже сказал – как раковины и панцири. Кстати, Выставка как раз и лишена подобного интимного уровня принадлежности.

– Кажется, сейчас я выступлю в амплу вопрошающего инженю, но меня прощает профессия: а что, вот эти все национальные павильоны и дворцы – не из тех же материалов созданы?

– Предоставляю честь просвещения дамам, припади же к дару и ты.

– Ваш друг верно определил имитационную природу Экспозиции. Возводить всё полноценной каменной кладкой было бы, хм, накладно; неизвестно, окупила бы тогда себя она при прогнозируемом месяё Вайткроу количестве посетителей и производимых ими тратах, сопряжённых с её осмотром. В основном всё, что вы видите из вздымающегося по вертикали, в основе своей полагает традиции предыдущих лет. Стянуть отделку, подёрнуть шлейф того, что создаёт национальный колорит – и мы обнажим ажур стальных не то чулок, не то скелетов на радость кандавлеистам от инженерии, пресытившимся ими в машинных залах.

– Сели!

– А что? Хрустальный дворец – и тот уже горел от стыда. – Реплика была встречена жестом Сёриз, еле заметным и понятным лишь обеим девушкам, который Мартин сравнил с поворотом ключа в скважине.

– Прошу, не осуждайте кухню! – взмолился Энрико. – От пикантных образов наша беседа только выигрывает.

– И всё же ей стоит помнить, что мысль возможно выразить разными способами, которые зависят не только от ораторских способностей, но и от светской их допустимости. Даже если вас подобная манера привлекает. Во всяком случае, не в первый же день знакомства!

– Сёриз...

– Пф-ф. Ладно, ладно. Мы всё равно уже всех вокруг распугали, включая нашего официанта.

– Признаться, – увлечённо отозвался Мартин, – не могу удержаться от продолжения. Сравнение милейше провокативно, но тем и вскрывает истину: Выставка – Парафилон. Храм невинных в своих стремлениях перверсий – если, конечно, не учитывать секции милитаризма, которым мы уделим внимание как-нибудь в следующий раз. Она искусственна, но вместе с тем и искусна. Перед собой она честна и не в ответе за пороки создателей. Её обман – их обман, коим пользуются, чтобы их не раскрыли. Нет, её создали такой, какой хотели видеть, а не такой, какой она «должна быть, чтобы». Единственное условие – быть интересной. А чем ещё развлечь нынешнюю публику, если не завлекать отклонениями? Отклонениями от обыденности. А если она являет идеализированный образ будущего, то не факт, что этот образ единственный и основной, а стало быть – тоже отклонение. Ей не надо бороться за существование и выживание, в чём мы, похоже, согласны, ей не нужно мириться с лишними техническими ограничениями. Достаточно минимальных мер безопасности, чтобы не развалиться и сгореть раньше времени, – кузины переглянулись, Мартин подытожил: – В общем, нынешняя Выставка есть новое слово в жанре, как говорят у вас, Фабрик-дэ-жардан³⁹, каковой обыкновенно обращён в прошлое и недоступен натуре Нойшванштайна и Большой пагоды. Сравнение с садом мне нравится ещё и потому, что

обладает связью с процессом возвращения, возделывания, а применительно к нашему объекту – и воспитания, образования. И украшения, само собой.

– Какой причудливый путь умопостроений мы проделали.

– Всего лишь чтобы выяснить, что курс организаторов верен.

– Впрочем, Раскин бы такое торжество диссонанса материала и идеи не пережил.

– Он и не смог. Ещё в январе.

– Вот как? Печально. Что ж, хотя бы не застал.

– Мы лишились одного из немногих факелоносцев-атлантов, что могли удерживать на плечах своих семь светочей. Мир потускнел.

– И лишь Эйфوريةва башня распялет ночи гирляндой ламп...

– Хорошо всё-таки, что в Лондоне одумались и не стали возводить её аналог. Ты видел каталог проектов?

– Признаться, нет. Дамы, полагаю, тоже. Мы пропустили что-то сколь комично-отвратное, – в твоём представлении и переложении, – столь и поучительное?

– Да, соблаговолите дать нам очередной повод для национальной гордости.

– Даже если это будет сопряжено с ущемлением уже *нашей* гордости?

– Неужели то чувство будет мрачнее тени, что на неё и без того отбрасывает отнюдь не ваш воздушный флот? Ин-

тере-есно, как бы её изобразил Тёрнер?

– Туше! Если пытаться проинтегрировать семь десятков эскизов и вычленишь что-то существенное, не пускаясь в лекционное занудство...

– Ой, как хорошо, что ты на это обратил внимание...

– То достаточно будет сказать, что потуги родить проект убили мать-идею, простите за откровенную метафору. Большинство предложений повторяет приёмы компании Эффеля, на сколько-то там из них должны были появиться часы...

– Это ты сейчас серьёзно?

– Абсолютно. А первое и второе места в конкурсе на башню «высотой не менее чем тысяча двести футов» – оцените требование – заняли вариации ни много ни мало о восьми ногах-опорах.

– Что, по две на каждую ось Юнион Джека?

– Вполне возможно. Тот, что занял второе место, ещё и в единую башню-то превращается не сразу: изначально это восемь отелей-ресторанов-апартаментов-офисов-магазинов-складов во вполне привычном стиле каменных особняков, которые только где-то на высоте двухсот футов соединяются огромными арками и создают единый этаж – «висячий сад» с аркадами и променадом ещё на пару сотен футов, – и только уже после него создатели оголяют железные фермы и сводят вид к простому функционализму. Но когда я говорю «вполне привычный», это значит, что он – с некоторыми причудами моголо-сарацинского, или индо-готиче-

ского стиля. Да, мадмуазель, выглядит так же занятно, а то и диалектично, как и звучит, – изобразил Мартин для Сёриз согнутой правой рукой чудаковатый жест, будто проходилась по поверхности некоего объекта, как если бы одновременно и стирал с него пыль или сглаживал неровности, и привлекал к нему внимание.

– Допускаю, что это – сплавление индустриального и ретроспективного – даже как-то сочеталось бы.

– В эстетическом аспекте, по крайней мере, подобная эклектика могла бы претендовать на бóльшую цивилизованность, нежели Павильон русских окраин.

– Да уж. Хотя осмелюсь сказать, что теперь мне видится что-то общее у Павильона, Пор-монументаль⁴⁰ и тех проектов, которые превращают башню в вавилонскую, пизанскую, водонапорную или лифтовую – вроде той, что начали строить в Лиссабоне, – если и вовсе не в деррик или башню маяка. Интере-есно, для каких судов?

– А-а не кажется ли вам, – с повышенным и дрожащим тоном в начале спросила «недовоспитанная» кузина, – что Выставка, а то и город теряют цветность? Не утверждаю, что тому виной столь часто поминаемое творение русских архитекторов, однако...

– Порой возникает ощущение, да. Но те приступы, хм, деколоризации прямо-таки не знаю, с чем и связывать.

– В день затмения ты, насколько помнится, возлагал возможную ответственность преимущественно на этот самый

Павильон. Как его вообще позволили возвести?

– Завоевавшие моё расположение дамы поправят, если ошибусь, но есть подозрение, что при строительстве российской стороной применена уловка, сходная с той, что использовал сэр Кристофер Рен для Собора Святого Павла, а даже две, причём второй продолжают пользоваться, то есть всё не так страшно и велико, как кажется. Плюс к этому, полагаю, и принимающая сторона решала свои задачи, хм, редоминирования...

– Метила территорию.

– Сели!

– Ах-ха, я на верном пути! Такова моя догадка. Если мы представим себе планировку уже упомянутого Главного входа, то вспомним, что ширину панорамы сей треножник, или, с твоей подачи, кокошник...

– О, неужели я снискал признание?

– Весьма заслуженно. С тех пор я лишь убедился, что его пропорции действительно чем-то напоминают арки первого яруса Собора Василия Блаженного или своды кремлёвских палат, хоть и более масштабные и светлые – из-за добавления кружев... Так вот, делит он панораму на два объёма, на что намекает и пара декоративных маяков по его углам. В левом поле обзора ориентирами и доминирующими высотами оказываются сверкающие золотом вершины Дома инвалидов и башни, – чтобы не повторяться и воздать должное изначальным авторам, – Совестра-Кёшлина-Нуёе. Да, мой друг, за-

поминал специально для такого случая. А вот поле правое имеет свойства следующего характера. Во-первых, на переднем плане Большой и Малый дворцы, к счастью или сожалению, не вышли ростом, хотя железа на них – да на один только Большой дворец – ушло больше, чем на всю указанную ранее башню. Во-вторых, на заднем плане два пика с указанной позиции выстраиваются в одну линию так, что пики Павильона перекрывают собой вид на дворец Трокадеро, что вряд ли оказалось случайностью. Нет, это абсолютно политический ход. Дворец выстраивался как часть первой для Франции послевоенной Выставки. Своей функциональности он не утратил и по сей день, но у Шестиугольника в этом сезоне новые главные союзники... Извините, отвлекусь, но почему «Шестиугольник»? Мне всегда две южные «границы» представлялись единой волнистой. Или это от того, что одна испанская, а вторая средиземноморская?

– Кстати, можете пополнить словарь терминами «гексагон» и «гексаграмма». И что, по вашему мнению, пентагон и уж тем более пентакль как определение фигуры подошли бы стране лучше?

– Благодарю, мадмуазель. И не знаю, скажите лучше вы: гексаграмма же больше про оппозиции сил и контроль над ними, в то время как пентаграмма – про единство элементов и защиту. Выбор пентакля бы соотносился с программными статьями государства – впрочем, любого.

– Вы отчего-то не делаете различие между «-гонами» и «-

граммами».

– Это только акценты на внутреннее и внешнее. Что служит причиной появления периметра государственной границы, как не внутренняя политическая связь вершин?

– Допустим. Прошу, продолжайте.

– Из сказанного ранее вытекает пара-тройка не то риторических, не то философских вопросов.

– Ох, ты за своё! Постарайся, мой друг, помягче да покороче.

– Как угодно. Полагая своей фигурой гексаграмму, французы признают противоречивость государства, кое и составляют. Но, при всём почтении, так ли уж даётся контроль? Каков нынешний Соломон? Совладает ли он с джиннами?

– А вы считаете, что джинны есть?

– Н-нет, пожалуй, отмахнусь от них бритвой Оккама, как от сущностей, и скажу, что подразумеваю под ними различные страсти и пороки; например, вожделение будущего. Возможно, не Павильон, а они и ответственны за выцветание или, скорее, выгорание, пресыщенность. Пока не понял, какое определение лучше подходит, оставим это до следующего раза. Вы с ответом о лучшей фигуре тоже можете повредить.

– Так и поступим. Но что же с Троядеро?

– А ведь как раз франко-испанское сражение... Хм, да, так вот, заодно вернёмся и к версии, что каким-то противоземным образом в процессе повинен Павильон. В по-

следнее время я уверился, что он напоминает инверсию органа, вывернутое его представление. Возможно, того самого, что когда-то содержался во дворце Трокадеро. Иными словами, так артикулируется, что прошло время двадцати двух венчающих его статуй, прошло время тех полифоний, теперь же звучат новые фуги.

– Что же, друг мой, ты говоришь, если упростить музыкальную теорию до предела, что наше время – время коротких тем и раздражательных, вторящих голосов? Не новый ли это приступ уныния?

– Симптомы схожи. «Франция всегда боролась с Пруссией».

– Пользуясь случаем, хотела бы напомнить, что в той Экспозиции Пруссия отказалась участвовать, да и эту чуть не сорвали в Берлине одной инициативой пару лет назад.

– Вот и я о том же, – развёл Мартин руки и заслужил какой-то не вполне одобрительный взгляд. – Но я как-то мрачен. Не означает ли это, что вновь раздувают мехи, всасывающие воздух и краски мира, дабы сыграть реквием? В общем, задача Павильона – перетянуть внимание с Трокадеро на себя, но при этом не стать его заменой. Насколько я понимаю, его архитектура не предусматривает проведения конгрессов и собраний. Вывести из этого возможно действительный посыл хода. Павильон дозволялся с умыслом обозначить альтернативу дипломатии, довольно неприятную: возвращение «жандарма Европы». Так что лучше до-

говариваться, а не плясать под чужую фасцию флейт.

– Дудок.

– Да, точно, благодарю. И приношу извинения за явное обнищание моего языка.

– Хм, если вы правы насчёт участия во всём этом Павильона, то, возможно, сейчас самое время прокрасться под глиняные ноги колосса и рассмотреть его получше?

– Сели, мне кажется, это довольно бесполезное занятие, ты и сама знаешь, что не найдёшь там ничего. Милые разговоры – пожалуйста, но стоит ли проверять то, что мы признаём областью непроверяемого восприятия? – но посмотрела на прелестные часики на «дорожном устройстве» и добавила: – Разве что с целью полноценной экскурсии, на которую я, впрочем, сегодня уже не отважусь, кое-какие обязательства требуют моего присутствия, а вы можете устроить её и без меня.

– Моя Сёриз, моя деловая Сёриз.

– Ну тебя. К-хм, извините, господа, вынуждена вас покинуть.

– Мне бы тоже успеть заглянуть в редакцию – по поводу того, с чего сегодняшнее приключение началось. Так что встреча с Чудищем ложится на плачи ваши, мадмуазель, и твои, друг мой. Но когда же мы увидимся вновь полным составом?

– Почему бы не встретиться завтра здесь же часов в десять?

– Прекрасно. Позвольте откланяться.

– А нас, похоже, ждёт откровение антифаворского света, – не мог отказать Мартин этим высоким и тонким дужкам бровей, своим движением придающих каждой фразе нотку вызова, этому чуть вздёрнутому носику, горделиво норовящему рассекать волны, этим губам, приобнажающим жемчужный ряд с выщерблинками на резцах, что живо напоминают о ласточкиных хвостах гибеллиновых, южнотирольских мерлонов, этой крохотной волевой ямочке на очерченном подбородке, этому легчайшему перистому ореолу пушка на скулах, этим бесконечно небесным глазам.

15

Они шли по неизбежному Йенскому мосту и наслаждались умиротворяющим неведением окружающих. В пору бы беспокоиться, кричать о краже века, но что толку, если ещё не известен подозреваемый, да и с составом преступления проблемы? Так и спугнуть можно. Впрочем, каждый при этом выстраивал свои круги обвинения, и оставалось лишь надеяться, что однажды они пересекутся своеобразной *vesica piscis*⁴¹, и световой клин линзы сойдётся на одном единственном, а то и выжжет его. Но кто знает, что случится, если увеличить число окружностей? Какое титаническое неведомое выглянет тысячью очей из тех мандорл?

Они шли молча. Как признаться? И стоит ли признаваться? Быть может, одному стоит поддаться и позволить себя вести? Прямо как той вокансоновой собачонке, что навстречу им вела на упругом поводке подле себя девочка. Рыжий медью и латуною реззор-терьер мотал головой, вилял хвостом, переставлял лапы, – но лишь когда угол наклона туловища приводил в действие его заключённое в ажурный каркас эксцентричное латунное чрево; от хозяина требовалось напоминать *canis kineticus* о покорности и поддерживать положительный дифферент.

– Так до сих пор и не знаю... – нажала Селестина на запускающий диалог рычаг.

– Где заводное отверстие? Нет, пусть хоть что-то в этом мире останется тайной.

– Тогда позвольте узнать другое. Во-первых, могу ли я вас звать Мартином?

– Конечно.

– Чудесно. Во-вторых, Мартин, как же вы познакомились с «просто Анри»? Уже одно имя намекает на некую историю – может стать, неприятную. Я пойму, если сочтёте невозможным её поведать в силу конфиденциальности.

– Сколько его знаю, всегда стремился к некой простоте, да и в его профессии помогает быстрее втереться в доверие, хоть и отдаёт панибратством, признаю, так что упор на одно лишь имя вполне оправдан и не является тайной. Впрочем, есть нюанс. Вы умеете хранить секреты?

– Коллекционирую их в маленьком сундучке, надёжнее швейцарского банка!

– Ха, прекрасно. Так вот, как вы понимаете, он тоже с Альбиона, а потому занести его в метрическую книгу как «Анри» могли бы лишь при довольно занятных обстоятельствах встречи и происхождения его родителей, однако всё было вполне обычно, и родился он, будучи Генри. Переход на франкофонную версию имени обусловлен только желанием не провоцировать среду своей инаковостью. Хотя он перекрашивал имя и до переезда во Францию: друзья имеют обычай звать его Энрико. Эту форму он выбрал в завершении нашего совместного, что выяснилось далеко не сразу, Гранд-тура, так что каюсь: возможно, я причастен к некоторым особенностям его личностного становления. Что хуже всего, я успел это свершить уже после отплытия. Да, мы не были друзьями детства.

– Итак, если он предпочёл итальянскую форму, предположу, что где-то в аппенинских королевствах и была кульминация вашего тура.

– Для него. Он остался благодарен полуострову, а вернее полуостров оставил на нём если не благословение, то точно знак, это факт. Но об этом лучше спросить у самого «просто Анри», тот опыт глубоко личный. А для меня же это было довольно ровное путешествие. Свои открытия тоже случались, но вписывались в намеченную программу, каковой у ветреного тогда ещё Генри не было: сослали мир посмотреть

– ну и ладно.

– Стоит ли мне знать, что же это была за программа?

– Скажем так, я был молод и разбрасывался вопросами, как бонвиваны – деньгами, не рассчитывая своих сил, не соотносясь с производимыми ими последствиями и не задумываясь не только о применимости, но и о форме ответов. Мои извинения за столь пространное пояснение. Если позволите, подожду развития нашего знакомства, и поведаю её вам позже, когда от ответного хохота вперемешку с освистанием, – а такую реакцию она непременно у окружающих вызовет, я вас уверяю, – мне не захочется мгновенно забиться в самую дальнюю дыру и покрыть голову везувиевым слоем пепла.

– И всё же мой каприз: хоть одним предложением резюмируйте.

– Эх, только ради вас. Исследование репрезентации власти Священной Римской Империи Германской Нации в её архитектуре. Большая часть тура приходилась на рейх, разумеется.

– Ну, и что же в этом смешного?

– Я-то не архитектурные курсы в университете посещал. Это исследование было не по всем правилам академическим, даже не особенно философским, просто чувственным. Полагал, будто геометрия объекта определяла не только его назначение и способ пользования, но и генерировала некое особое эфирное поле, а также сообщалась и небесконфликтно взаимодействовала с такими же полями сооружений во-

круг, создавая особую сферу. Всё втуне.

– Вы к себе слишком строги. Возможно, у вас не было соответствующих приборов, вы не знали, по какой методике ставить опыты и прочее-прочее, но стоит ли от того отказываться?

– Конечно, я и сейчас, как видите, подобным балуюсь, но тогда действительно считал это чем-то серьёзным. Сейчас же стыдно в том признаться. Вы упомянули о научном аппарате и экспериментах, но к тому для меня и сводится проблема, что я не могу гипотезу ни подтвердить, ни опровергнуть, нельзя говорить о её истинности или ложности, она непроверяема. А потому это уже переходит из области науки в плоскость, извините, психиатрии.

– Будто психические явления, а даже и часть математических построений возможно проверить и поставить над ними опровергающий их эксперимент. Мартин, ваш интерес не наказуем и не напрасен. Кто знает, возможно, то эфирное поле и вправду есть. Посмотрите на города.

Но их в этот момент окружала алжирская деревенька, воспроизведённая на Трокадеро с таким тщанием, что посетители морщили нос от терпкого и весьма, должно быть, аутентичного неприятного запаха неясной этиологии, – вот будет номер, если выяснится, что «поселенцы» настолько уверовали в её *подлинность* и самодостаточность как наполненной смыслом материи, что завели коз и, перестав быть живыми картинами, начали натурально обживать, – и потому лю-

бые начавшиеся на подходе к ней разговоры завершались не ранее, чем удавалось отдышаться, не подавая виду.

– А разве, – сделал наконец глубокий вдох и сглотнул Мартин, – недостаточно общеизвестных видов работ над их, хм, полисным гиле?

– Город – результат желания. Не как Выставка, – она в этом смысле более дистиллированная, – но он уже давно перерос прямую необходимость, необходимость производства и воспроизводства его материи, теперь можно говорить и о необходимости антипроизводства.

– Это то, что определяет статусность?

– Статусное потребление, но не только. Фланирование как особый вид деятельности – приставку «без-» оставляю на ваше усмотрение – тоже его порождение. Но суть в ином: город обладает памятью. Не той же, что злославится деревня, нет, здесь находит отражение память о самом перемещении материи. Некой особой телеграфной лентой, если позволите, откладывается в головах людей и спустя годы проявляется неожиданным образом.

– Получается, это уже не столько поле, сколько велум, покров.

– Да. И он, если продолжать аналогию с покровом, окутывает собой мегамашину города. Летящие от неё брызги масла и иных машинных соков пачкают не только детали, с которых их счищают, но и эту вуаль, оставляют на ней свидетельство своей работы...

– А заодно и – или «вернее» – поломок, неисправностей и иных отклонений, которые эти выплески и порождают. Простите, что перебил.

– Да-да, извиняю, как же вы правы! Вы понимаете!

– Ох, если бы я ещё понимал, что понимаю. И как бы зафиксировать те сгустки?

– А вот тут вы, похоже, и пропускаете важное звено: дело в источниках и их сортировке, в уровне проявления эффектов. От сбора технических свидетельств поведения материи и материалов и предсказания на их счёт до исторической ненарочитой преемственности, которую и именуют гением места. Разумеется, с пропуском через мудрость архитекторов и визионеров прошлого. Кстати, а что вы при упоминании моего имени там такое говорили?

– Это и в самом деле довольно длинная и вряд ли понятная кому-то кроме нас двоих история, но если вкратце, то где же ещё было не встретить Селестину дю Шатле наших дней, как не на набережной – части циферблата, в котором стрелками воли и расчётов служат Эспланада и Марсово поле, а ось вращения проходит на месте, названном в честь её родственника-бюрократа?

– Ладно, это и в самом деле запутанно.

– Полагаю, не в большей степени, чем предполагаемый контроль над полисным гиле. Да даже не контроль, а простой учёт, сопоставление различных планов его бытия. Это грандиознейшая работа. Осман, которого можно обожать или

ненавидеть, – и тот не рискнул пойти дальше необходимого ему, и его дело сейчас во многом лишь продолжается. Да, его преобразования кардинальны, но если всматриваться в суть, то он решал только санитарные и логистические проблемы, причём грубость компенсировал помпезностью. Схематичный рисунок крупными мазками и широкими штрихами, усвоение, употребление и принятие которого уснастили новыми, хм, кодами способов проживания.

– Вы не относитесь к числу тех, кто видит в этом военно-полицейскую подоплёку?

– Чтобы вести войну за бульварами, за фортифом, её стоит избежать внутри них, разграничить, на худой конец, пространство фронта и тыла, разве нет? А чем транспортировка орудий и живой силы принципиально отличается от остального, кроме формального требования быстроты и прямоты, от которых и остальные не откажутся? Принципиальная разница невелика, а развитый полицейский аппарат, аппарат управления внутренними вопросами и сообщениями, конечно, свойственен развитому же государству на началах с единым источником и гарантом власти, его потребности приходится учитывать.

– Любопытно, кого или чего это – «его». И не стоит забывать об особой роли Инженерного и Административного корпусов. Общественная служба декорирована в милитаристском стиле.

– Разумеется, но вы сами сказали: декорирована. Не те

же «иксы» были и отчасти остаются в оппозиции режиму? Также повторяю, что в смысле планировки улиц это не означает ничего существенно нового: тут фонари, здесь бордюрные камни, там таблички с нумерацией, кругом хороший обзор – меры безопасности и надзора общего охвата. Ну и потом, сильно эти магистрали помогли конкретно в военном отношении тридцать лет назад? Разве что упасли от пожаров, хотя и не совсем так, как наверняка предполагалось.

– Например?

– Помимо, образно и буквально говоря, революционного?

– Ха-ха.

– Коммунары-то быстро поняли, что проспекты – не только для маршей, толпе они также покорны. Первое дело революции – захват улицы. Или отвоевание, возвращение её народу – кому какая риторика ближе. С этого начинается перекраивание карты сообщений, свержение и замещение всего полицейского; не знаю, можно ли сказать «территория сообщений», поэтому оставляю за рамками, тем более что карта, как и революция – манифест, декларация, идея. Впрочем, для революции улицы – объект больше символический и маркировочный, нежели стратегический. Контроль над ними – дело хоть и первое, но не перманентное. Те же коммунары, если не путаю, пришли к чему-то вроде федерации, процесс с магистралей перешёл в кварталы. Разобщение и разнообразие не были страшны, но с них же и началось выгорание. Впрочем, я отвлёкся.

– Почти. Так что насчёт пожаров?

– Не знаю, устояли ли соседние строения, но сами Отель-де-Вилль, Тюильри, Дворец правосудия и Государственный совет – всё конструкты власти, реальной и символической, – не имели средств защиты от геростратов. Кто бы мог подумать, что пламя вспыхнет изнутри, поля и траншеи улиц окажутся пересечёнными? Но вот другое дело: за сооружения будто бы и не боролись должным образом, им дали обратиться в пепел. Я понимаю, что все устали от монархии, свободных сил у антикоммунаров было немного, те по опыту проживания в городе знали, куда безжалостнее всего бить, а сама структура власти нуждалась в перестройке, но из всех названных комплексов лишь Тюильри не торопились восстанавливать.

– Вы намекаете, что никто не хотел спорить с некой высшей волей? Что то был костёр тщеславия по обоюдному согласию?

– Подвержены ли драконы линьке? Если да, то так и есть: он изрыгнул воспламеняющую кислоту на израненную копытами чешую, на её гребни и наросты, ответственные за доминирование среди сородичей, – и опалил, чем предотвратил инфицирование и опухоли. Но я уже как-то далеко забрёл. Если вернуться к началу, то это всё довольно бесхитростно подчиняется некому дорожному аналогу закона Ома: отношение напряжения к сумме сопротивлений внешнего и внутреннего, – одно из которых, как видно, всё время забы-

вают учитывать. Так что вы правы, мадмуазель, это вопрос источников. Но мне, конечно, жаль, что среди них Осман выбрал себе римлян.

– М-м, мне нужны пояснения.

– Сите. Пока барон занимался диагоналями, всё было хорошо и верно, он плавно перераспределял нагрузку, хотя узлы Звезды и Нации были уже несколько неменяемыми и недостаточно совместимыми с основными потребностями – но их спасает размах. Так вот, занимался он ими, устраивал с коллегами канализацию и газовое освещение, – мои извинения за примитивное изложение того, что вы и так знаете, но делаю это для эффекта, – продлил декуманус рю де Риволи и начертал декуманус бульвара Сен-Жермен... И тут что-то заставило его откатиться на пару тысяч лет назад и весьма буквально возродить римскую ортогональную традицию: взял и укрепил кардо максимус Сен-Мишель – дю Палэ – Севастополя – Страсбурга, но при этом не стал спрямлять и соединять рю Ренар и д'Арколь, а то вполне мог и не пощадить Отель-де-Вилль – что ему, если и свой дом разрушил на благо плана. Вместе с тем он оставил причудливую линию рю Сен-Жак – де ла Сите, с которой на север предполагается выезжать опять же на Ренар или сталкиваться с потоком Риволи. Сколько он трудился над широтами и ортодромиями, как множил и дублировал транспортные потоки – и необъяснимо безалаберно всё загубил на меридианах. Он просто пропустил всю меридианную транспортную нагрузку

через центр города, да так, что с обоих берегов она ещё и перпендикулярно врезается в потоки декуманусов. Вот где были нужны предваряющие и расщепляющие диагонали, вот где нужны были звёзды вроде тех, что подобны изображениям комет в средневековых книгах. Позже он пытался хоть как-то оправдаться бульварчиком Генриха IV, но утешение это, как по мне, слабое. Что же он сделал? О, он обнажил мизерикорд и нанёс им новый удар в сердце города, оставив на его поверхности рану квадратного сечения, а на острие унёс капельку крови, которая мне уже как-то мерещилась, застывшая и покойная, над Иглой Клеопатры на площади Согласия. Той самой площади, что, если забыть про обелиск, видится риторкой с аллонжем Руаяль к пикнометру Мадлен – Мальзерб. И ведь трубку Мальзерб он сам повелел выдуть. Если Сите – сердце, то Плас-де-ла-Конкорд – печень. Как он мог утратить алхимическое чутьё? А стоило ему, обагрив руки, отшатнуться от центра – и вот уже готов камертон Монж – Гей-Люссака – Бернара – Гобелен. Но мелодия города была не та, город вибрировал не так, как должен был. Как сейчас мы расследуем выцветание, так в ту пору кто-то со слухом наверняка допытывался до природы оглушения и изменившегося пульса города. Простите, должно быть, я вас страшно утомил.

– Тирада вышла увесистой, не скрою, и вы говорите так, словно всё это застали лично, да и, распалившись, подзабыли, что Осман возводил основу, это был первая стадия, пер-

вая итерация, за которой воспоследуют другие.

– Да, признаю недосмотр.

– Но я совершенно точно знаю, с кем вам стоит по этому поводу пообщаться – с мессье Эженом Энаром. Его проекты пронизывает идея циркуляции. Прямому столкновению он предпочитает касательные. Наверняка и для Сите что-нибудь сообразит. Вы правы: что мост де ла Конкорд, что Пон-Нёф – оба чрезмерно загружены, кипят и чадят пылью. Да в целом организация сообщения между берегами больше напоминает – хорошо, что Сёриз этого не услышит, – тесьму корсета, что тщетно пытаются стянуть на жирных телесах.

– Блеск!

– Лоснящегося сала Сены, ха-ха! Ах, увидь вы эскизы мессье Энара по плас де ль’Опера – сразу бы поняли суть его предложений. Хотя что же это я? Он ведь на Экспозиции заместитель по архитектуре. Скажите, вы были во Дворце электричества?

– Вышел с Анри из-под сени Аполлона за полчаса до затмения.

– Та фигура «Гения электричества»? Позвольте, это же Таранис, лишь принимающий облик Феба.

– Такой андрогинный? И с искрой – пучком наконечников стрел позади?

– Стилизация потребовала некоторых жертв, иначе бы публика не оценила. Он поймёт и простит.

– Вы подозреваете, что в самом центре города возвели

храм галльских богов, внедрили их культ в средоточие прогресса? Что ж, с удовольствием выслушаю ваши объяснения.

– Сами вдумайтесь, переосмыслите ансамбль. Также осмелюсь напомнить вам о верховной галльской триаде: Таранисе, Тевтате и Эзусе. Каждому из них имеется посвящение. Начнём с фасада. Что предваряет Дворец электричества?

– Шато д'О.

– Именно. Дворец воды. Даже Замок воды, вы сейчас поймёте оборонительный акцент. Тевтат был водным богом. Не морским, но водным, прошу учесть. Это бог-защитник. А что, как не речные ширь и глубина защищали город, пока он ютился на Сите? И жертвы ему, по приданию, приносились путём удушения, а если точнее, то утопления. Но есть предположение об иносказательной природе умерщвления, причём, хм, не то, чтобы с замалчиванием, но с редукцией: возможно, их топили не только в водах Сены, но и в реках крови, ведь Тевтат также был и богом активного военного искусства. А теперь будьте любезны напомнить, чьему имени посвящено пространство, на котором разлились водные кольца Шато д'О?

– Марсово поле. Хо-хо, ловко, браво. Пересечения и перенос видны. А что с Эзусом?

– Эзус – бог древесный, растительный. А что расположили по обе стороны от Залы собраний в арьергарде Дворца, как не экспонаты агрокультурные? В определённом смысле

Эзус – бог всего вертикального, бог роста, – и не смейте говорить, что не видите в округе ничего стремящегося в небеса, пробующего оцарапать их и слиться с ними? Кстати, его тоже иногда отождествляют с Марсом, если Тевтату передают «полномочия» Меркурия, но опустим это.

– Красиво. И теперь вернёмся к Таранису. Но прежде вынужден сделать замечание: его, как помнится, отождествляют всё же с Юпитером, а не Аполлоном.

– О да, бог-громовержец, но он слишком суров для праздного предприятия. На самом деле, мне кажется, мы имеем дело с двоичной природой, со сплетением двух пар божеств: Юпитера и Аполлона, Тараниса и Луга, но об этом позже. В данном случае произошло следующее объединение: что такое электричество, пользуясь крайне скудной терминологией, как не свет, производимый заключённой в провода молнией? Помимо прочих применений, конечно, объединённых инициативным принципом. На этом уровне, думаю, не требуются пояснения связи Дворца электричества и Тараниса. Важно другое. Угадаете?

– Попробую. У Тараниса, кажется, не всё просто с атрибутами. Иногда соединяют спираль небесного огня и молнию, иногда – молнию и колесо, но в целом предметов два, и заняты обе руки. Предположим, что в данном случае небесный огонь – это не про кометы и метеориты или про извержение лавы, а всё та же молния, вернее пучок молний, то тогда смысловая нагрузка колеса высвобождается от «молние-

вого» значения. Вы хотите сказать, что это намёк на приводимые в действие электричеством шестерни и передачи машин, генерирующих и энергию для самой Выставки?

– Не только. Не ограничивайте поле зрения, берите шире. Сдаётся? Хорошо, обернитесь. Да, да. Колесо Ферриса. Даже по нужную – левую – руку.

– Потрясающе. Однако вы что-то говорили о сдвоенности. Что там с Лугом?

– Тоже интересное божество, но важно то, что это бог-обманщик. Он не вполне пересекается с Аполлоном, разве что по образу действия: тоже по своей прихоти и созидал, и разрушал. А теперь вспомните, что находится в самом центре Храма-Дворца?

– Зал иллюзий. Вы меня покорили.

– А также вернула разговор к мессь Энару, – подмигнула она, а Мартин понял, что мадмуазель усвоила и использовала его же приём в «Голубом павильоне». – Зал иллюзий он спроектировал как шестиугольник. Благородный обман начинается уже с того, что посетителей вырывают из координат привычных прямых углов, комнат-коробок, они слегка теряются, и отдаются во власть оптического представления; а, и гексаграмма же венчает витражный купол Залы собраний, но это так, на закуску. Он желает, чтобы всё не сводилось к пересечению центра и столкновениям в нём, он переоткрывает свободное пространство и его использование. В своих проектах он ориентируется на будущую загружен-

ность дорожно-транспортной сети, на неумолимо возрастающее число её пользователей – и в какой-то мере способов, манеры её использования.

– Да, я определённо хотел бы с ним встретиться.

Всё это время они не вполне сознательно огибали Павильон русских окраин по дуге, а сейчас и вовсе забрели в самые дебри западного Трокадеро, посвящённого преимущественно французским колониям и планировкой извилистых улочек противопоставляемого остальным кварталам Выставки – линейным. Этаким намёк на самобытность и первозданность, а также на то, что народности ещё не окончательно подавили, им позволили сохранить культуру, которую и экспонировали. Так выражал себя миф прогресса колониальной науки.

– Вот о чём ещё я подумал: главное преимущество питания машинерии от электричества, по проводам – возможность разделения и удаления друг от друга производства энергии, всё ещё остающегося грязным, и производства продукта, обработки материала машинами. Вводится новый срез привилегированности. И благостного неведения. Каким бедолагам достанется вся копоть?

– Вряд ли в силу физических причин возможно генерировать электроэнергию в Камбодже, а провода тянуть до старушки Европы, это всё-таки не телеграф. В целом верно: город может избавиться от части выбросов, но каким-то пригородам продолжат доставаться все раковые шишки. Но это

всё равно лучше, чем вечный смог.

– Я некорректно выразил мысль. Да, конечно, вредоносное нужно удалять от городов, не подумайте, что я из тех ребят, которые считают, что все должны страдать в равной мере, лишь бы кто-то не страдал за всех, отнелиже не отыщется чудо-технология, что освободит всех разом. Просто всё идёт к дистанцированию и раздробленности, новому отчуждению, новым границам. Из кого-то продолжают выжимать все соки. Сырьё и обработка. Дадут ли когда-нибудь жителям колоний считаться равными гражданам их метрополий? Дадут ли сформировать новую государственность? Или в них так и будут взращиваться лидеры, считающие, что быть сырьевым придатком, – причём конкретно этой державы, а не другой, – великая честь? Не скажу, что подход Соединённых Штатов лучше – с их, – просмаковал он словосочетание, будто выдыхал нимбы табачного дыма – *tableau vivant* «Интеграция негров в североамериканское общество»: вроде бы, и вправду достижение, но вот подача сводится к тому, что «они могут делать ту же работу, что и белые, посмотрите, как они работают». Сейчас я совершу переход, крамольный по духу. Согласны ли вы его выслушать? Если вам кажется, что я излишне брюзжу, что я излишне меланхоличен, и меланхолия та заразительна и нетерпима вами, то прикажите мне замолкнуть сейчас же. Я готов отступить и теплотой души сберечь то, что своими же речами ещё не успел разрушить, и надеяться, что не совершил ошибок фатальных для

нашего знакомства.

– Ох, Мартин, да говорите! Чем ещё мы способны шокировать друг друга? – не отшатнулась Селестина.

– Тогда знайте же, что я презираю ар-нуво, я презираю архитектурный модерн! Бельгийский модерн! Нет... Не презираю... Я испытываю дихотомию чувств. Я благодарен Виктору Орта, переложившему художественную стилистику в трёхмерное пространство и дух этого пространства изменившему. Меня прельщает органика форм, я восторгаюсь этим экспериментом, уже, правда, тяготеющим к сдержанности – и за скобки я выношу югендштиль и сецессион, о них разговор отдельный. Но я испытываю отвращение, когда вспоминаю прошлую Выставку в Брюсселе – да, вы верно догадываетесь, что эта для меня вторая, и что брюссельская была континентальным началом гранд-тура, и что, возможно, в противовес ей с жаром я искал нечто в германских землях... Когда вспоминаю происхождение материалов, когда вспоминаю тёплую свильность билинги, крем абачи, густоту ироко, дюны маслины, полосы зебрано, сумеречность падука, безотказность азобе – всё то дерево отделки и каркаса, что тоннами отгружают из Африки. Когда вспоминаю, что вывозится и каучук, когда вспоминаю, какими жертвами он производится, как варварски добываются полезные ископаемые, как насилуются природа и население. «Эффективные оккупанты».

– Будто дерево и в других стилях не используется столь

же активно.

– Но именно ар-нуво утоляет спрос на натуральность и естественность. Я не могу смотреть на асимметричные и причудливо срастающиеся фасады и интерьеры и не видеть при этом изувеченные, искалеченные, асимметричные, «причудливо» затягивающие раны и травмы тела взятых в заложники детей. Не могу не вспоминать Свободное государство Конго, в котором свободу несёт лишь смерть. Я не могу не вспоминать извращение слова «свобода» и гуманистической сути Африканской международной ассоциации. И до чего же будет иронично, если конголезские материалы обнаружатся и в построенном для Рабочей партии «Народном доме»! О да, мы, британцы, тоже ведём себя неподобающим образом в Южной Африке, строя концентрационные лагеря, не говоря уже и об иных великих державах в их владениях и протекоратах, но король Бельгии просто бесчестен, он установил царство террора и деспотии. Воистину «король-маклер». Аферист, каких и Третья Республика, уж простите, не вынесла бы. И каких не выносит и сама Бельгия, раз и народ, и правительство стараются не привлекать к личному делу короля лишнее внимание, постыдно отворачиваются от него. Делец и феодал, каких уже редко встретишь в Европе. Посчитал, что низкой себестоимости товара выгоднее всего добиться рабством, а не вкладываться в развитие региона, неся издержки добродетельности. Грубая сила и подкуп неискущённых племён вместо дипломатии, всю мощь которой упо-

требил лишь на то, чтобы сыграть на взаимной нетерпимости основных четырёх игроков и ножом мясника вырезать сочнееший кусок континента, размерами больший, чем любое европейское государство – кроме России, конечно, которая сама себе же и колония. «Труд и прогресс». Пф. О, да. Я вспоминаю портретный нос Клеопольда, на кончике которого могут уместиться в плясе десять тысяч смертей, и вижу тот окровавленный нож...

– Мартин, я попрошу! Я всё могу вынести в ваших речах, я могу понять вашу боль, но не смейте упоминать мадмуазель де Мерод в связи с этим чудовищем, опозорившим её имя мнимой связью! Как бы изящно и метко в своей саркастичности не было его прозвище, но мою добрую подругу не дам вновь в это втянуть! – совершенно серьёзно нахмуренные брови и поджатые губы вкупе с грозящим указательным пальцем исключали двусмысленность. Мартин понурил голову, взгляд его упал на зеркальца «дорожного устройства», в них блестели органичные трубы Павильона.

– Д-да, простите, простите. Но я предупреждал. Наверное, вы сей же момент отвесите мне пощёчину, развернётесь и выбросите меня из головы, как дурной сон. А я утрачу, возможно, единственную душу, которой по силам мои пассажи.

– Ваши страдания так мило романтичны. Вы слишком близко принимаете всё к сердцу. Или не всё? – пользуясь изгибом безлюдной тропинки, зажимала она Мартина в угол, сокращала дистанцию, которую из-за природы животного

магнетизма в подобной ситуации он не мог себе позволить уменьшить, а потому отступал, и, в конце концов, припал на скамью. – Может, столь глубокими переживаниями вы компенсируете невыносимую лёгкость помыслов иного рода, неких деяний?

– Ч-что?

– Никто и ничего из более близкого к нам как по расстоянию, так и по времени не вызывает в вас тех же чувств? – нависала Селестина над ним.

– Я... Я не...

– Не понимаете, да?

– Во мне многое вызывает жалость и сострадание, и от того, когда задумываюсь, страшно теряюсь, веду себя, как умственно отсталый, становлюсь вегетативен и автоматичен и... Кажется, действительно не понимаю. Что я не могу понять? Вы же не про бедность внешних округов и безблагодарный труд рабочих? И вряд ли про утреннюю сценку. Я... Ох, я знаю о пожаре в Нёйи, об этом судачат повсюду. Крупнейшая национальная трагедия со времён благотворительной ярмарки три года назад. Те суматоха и сумбур дали название оттенку пламенного красного, что смешивает все цвета, до каких дотронется и какие поглотит, и пёстро искрит-ся в горении, как если бы в огонь непрерывно кидали меняющие его окраску порошки и соли. Но чем таким занимались *эти* полторы сотни человек, что не были способны вовремя покинуть помещение? Я могу сопереживать их смер-

ти, как о безвременной кончине вообще, но – об их жизни? Что о ней я знаю, а что нет? Достаточно ли мне было той толики знания, чтобы проникнуться и начать скорбеть, а не избрать безразличие в отказе от притворства, но я того не понял, не был способен оценить? Что, что я упускаю, что не могу понять? Проклятье, неужто мне для этого нужно *знание*? Неужели я и в самом деле настолько чёрств, что... Что же я...

– О, бедный Мартин, – с лёгкостью подседа она к нему. – Ах, простите. Великодушно простите. А ещё лучше – забудьте. Не забивайте себе голову, я нуждалась в проверке вашей искренности. Что вы не какой-то там жуир и охотник на дамские сердца, заранее заготовливающий монологи и ориентирующийся на шаблончики. Как я и говорила, давление проверяет мужчину.

– И эту проверку своей растерянностью я не прошёл. Я вас разочаровал.

– А вот и нет. Не всем мужчинам положено быть brutальными и хитрыми самцами, другие типажи тоже порой привлекательны. Вы отреагировали на давление ровно так, как и полагалось вашей натуре. Я не прошу вас раскрывать секреты, – хотел он было уточнить, что это значит, и возразить, но она остановила его поднесённым к своим губам пальчиком, – и не имею на то права, но нужно было убедиться, что и через сотню масок, которую каждый из нас носит, в ваших глазах сияет истинный свет души, и им же окрашены ваши слова.

Всё хорошо. И обратитесь уже ко мне по имени хоть раз.

– Нам пора проникнуть в царство внутренней колонизации и, возможно, раскрыть тайну выцветания мира... Селестина, – собрался он наконец-то после пары минут недвижимой тишины.

– Да. Ой, и чуть не забыла сказать. Клео даст представление в Камбоджийском театре. В июле. Я была бы не прочь её проведать. Возможно, и вас бы за кулисы провела. Она чудесная.

– Благодарю, должен же я как-то принести извинения за заочное упоминание в нелицеприятном свете.

– Должны ей или мне? – хохотнула Селестина. – Не знаю, как вы это сделаете, не смутив её, но уверена, что изыщите способ. И нет, сейчас – ни слова про то, что Камбоджия подменила Конго, его секции и так спихнули с глаз долой и размазали по стенке, – в этот раз грозила она уже шутливо.

Парочка вернулась на центральную аллею и уверенно зашагала к Павильону и лишь с одной стороны не загороженной секции Китая, упрятанной в самую глубь восточного Трокадеро на пару с Трансваалем, и то устроенным вольготнее. Великий раздел Поднебесной продолжился и на Выставке: разросшийся павильон Сибири, кажется, отхватил часть земли соседа, угрожающим цестусом ударился об неё и зачерпнул волевой горстью, а с севера, востока, юга и запада выжидали, сгрудившись, Франция, Португалия, Британия, Япония и Нидерланды. Но было удивительно, что цинское

правительство ещё не дало приказа на закрытие потешного – на забаву Великим державам – павильона и не приняло позицию демонстративного отказа от культурного обмена. На чьё внимание и чьи симпатии оставалась надежда? Что задумали вы, госпожа Цыси? К чему вас подталкивают эти грубые мужчины, брезгающие коутоу? Что обожжёт и высушит знойное Солнце длиннейшего дня в году? Чернила, слёзы, кровь, капли яда и духов?

Строениям восточного Трокадеро передавалась вся напряжённость мира. Структурно фальшивые, но идеалистично точные формы едва ли не вибрировали подобно турмалину и кварцу – и вряд ли бы стоило, хоть и представало весьма в духе, воспользоваться пьезомеханикой и подключать их к энергосети Выставки, додумайся кто до того и будь то возможно. Похоже, Мартин в своё время ошибся с местонахождением приводного механизма: стрелки могли двигать себя сами и до непозволительных его материалу разрывов сминать и растягивать циферблат, будто раздувать мехи не то органа, не то аккордеона, задающих темп страшного бала.

Мартин и Селестина вошли под белокаменные своды и были встречены интерьером, всем своим содержанием противоречившим хладу и глади металлической выси-надстройке. Говорят, что «Россия» как-то соотносится с глаголом «растекаться», – подобно рекам и равнинам, полнившимся богатствами, и представились слегка приплюснутые залы Павильона. Оценить всю щедрость русской земли и русской

души, нагнавших вместе с тем и жути, оценить с эстетической точки зрения было решено в другой раз, не в этих комнатах, коридорах и дворах укрывался вампир, и не эти экспонаты воровали краски внешнего мира, чтобы питаться ими и выглядеть краше на их обескровленном фоне. Если Павлион вообще был в этом повинен.

Нужно было спускаться на нижний ярус, где вскрывалось титаническое нутро промышленности. Где можно было найти подтверждение и опровержение, как не там? Причудливыми нашли Мартин и Селестина светлые мозаики, покрывавшие стены и здесь, но и почти сразу дали им оправдание: их блеск множил и рассеивал даруемое редкими светильниками, расположением и частотой уподоблявшимся самоцветам и драгоценным жилам. Куда удивительнее было встретить на стенах мозаичные же иконы, вторжение царства света в царство тьмы, насыщавшее сиянием души работников, пока фонари указывали их телам путь физический. Мартин подумал, что есть в этом отголоски митраизма и первых христианских церквей; Селестина же подумала, что есть в этом нечто от шахт Монмартра и катакомб, только вместо костей – трубы, провода и подпорки.

Посетители были малочисленны, а в дальние секции, похоже, отваживались ходить лишь достаточными по числу группами, причём, скорее всего, по числу не всех членов группы, а приходящихся на их долю заводил или вожатых. Мартин и Селестина, кажется, подошли к краю одной из та-

ких безлюдных зон. Сзади послышался какой-то шорох, оба пытались найти его источник, но не смогли, однако им показалось, что заводской туннель, по которому они проходили ещё минуту назад, потемнел, если и вовсе не стал короче либо же уходил в какую-то безмерную даль темнее угля. Игра воображения – подумали оба. Теперь же что-то заскрипело и коротко прошипело в темноте впереди них, как если бы одновременно отворялись дверь и оживал некий механизм, в змеиной манере предупреждавший о вторжении в его владения. А в следующую секунду уже что-то и впрямь ужалило Мартина – так бы описал он свои ощущения, пока мог, от горевшей в этот миг щеки, – а затем боднуло в грудь, заставив его отшатнуться к стене и упасть без сознания. Следом за ним легла на пол и Селестина, хотевшая до того что-то крикнуть, но её почти в буквальном смысле мощным встречным воздушным потоком заставили проглотить свои слова обратно.

16

Едва очнувшись, она выпалила всё, что намеревалась, не особо заботясь о грамматике, синтаксисе, последовательности и приличиях. Всё рассыпалось прахом в звенящей и гудящей чёрной пустоте, заодно и сковавшей её. Да, она точно была привязана к стулу, руки – вместе за спиной. Через

какое-то время услышала, что неподалёку отпёрли дверь и выпустили любопытной собакой выглядывавший из-за щели свет. Щелчок рубильника – и она наконец-то разглядела и коморку, и Мартина рядом с ней, также пленённого, и вошедшего. Где-то и когда-то она его уже видела, причём не так давно. Или... не-ет, *так* давно.

– Узнаёте? – красивой дугой из-за спины вытянул вперёд руку, а в ней – её отмерший ис-диспозитиф.

– Вас? Едва узнала. А форма-то и впрямь стройнит. Вам бы чаще одеваться в синее, а не, хм, под шерсть обваленного в саже крота. Впрочем, ночью, как помнится, вы себя неплохо чувствуете, – и поцокала языком, поджав верхнюю губу.

– Вы не отрицаете своего присутствия, прекрасно, успеем обсудить касающееся нас двоих до того, как очнётся ваш кавалер. Не хотелось бы его отправлять в сон третий раз на дню, – посмотрев на часы, добавил: – Впрочем, нет, уже не получится.

– Ага, – кое о чём сообразила Селестина. – Так и я вас, господин офицер, искала. Так что и в самом деле, давайте пообщаемся. Но сразу хочу сказать, что допрос начат некорректно: я не отрицаю своего присутствия – где и когда?

– А ведь уже ровно месяц прошёл с той поры. Можете прибегнуть к демагогии, но довольно очевидно, что наручи у меня в руке и у вас на предплечье идентичны.

– Размахиваете тут каким-то горелым куском кожи – хоть бы извинились.

– За какую часть? За то, что вспугнул вас? За то, что преследовал вас? За то, что мы боролись и получили по паре синяков? За то, что в развязке сей комедии вы одарили меня этой штукой, а сами сгнули в пучине речной, и я не знал, куда вернуть заполученное помимо своей воли в положенный нормами приличия срок? Чтобы я мог хоть за что-то попросить прощения, сначала нужно удостовериться, что адресую нижайшую просьбу об извинении верному собеседнику. Не испытываете в том потребности? Нет? Что ж, могу с уверенностью сказать, что хоть вы и не сразу признали меня, зато неплохо запомнил ваши антропометрические данные.

– О, месё знает, куда смотреть и... какое бесстыдство!

– Что вы там делали?

– Нет, что *вы* там такое делали? Допускаю, что Фор год или два назад ещё мог бы санкционировать подобную грандиозную авантюру, но разве что под личные гарантии и с избавлением кабинета от бремени ведения. Ах, только сейчас, кажется, начинаю понимать, сколь чудовищен был баланс давлений на него и изнутри и сколь нуждался он в умелом и осторожном их откачивании! Неверный расчёт и – la rompre funèbre⁴²...

– Послушайте, мадмуазель, – прервал офицер подзатянувшуюся паузу, уже готовую превратиться в немую сцену, а до того подёрнул усом и мотнул головой в произвольное подтверждение успешного перевода и осознания каламбура. – Это я вас поймал, так что ведущую роль в этой партии поз-

вольте играть тоже мне.

– Вы? Ой, ещё скажите, что вели охоту.

– Только не считайте, будто я на вас зациклен. Так, между делом иногда обдумывал. Вот и результат – наша встреча. Неужели вы считаете её случайной?

– Нет, вы нас явно подкарауливали. Встретили утром, в своём воспалённом мозгу что-то прикинули, крались за нами и вот, добились своего. Маньяк!

– Можете не повышать голос. В этот час никто не услышит ваш крик, одно что вы завопите во все зурны, флейты и свирели высоко над нами.

– А, так мы всё ещё в Павильоне окраин?

– Для вас это был секрет? Я думал, вы с ходу способны проанализировать окружающее пространство.

– Ну, ума мне хватит, чтобы сообразить: нашатырным спиртом нас не будили раньше, чтобы допрос состоялся без случайных свидетелей. Итак, по вашему мнению, мы попали в хитроумную западню. Прошу, без стеснений поведайте, как вы всё устроили. Тогда я, возможно, восхищусь вашим гением и ничего от вас не утаю.

– События той ночи заставляли предположить, что у вас был какой-то особый интерес на Выставке...

– Вот только вас он совершенно не касался, как показали дальнейшие события, и вряд ли коснётся в будущем. Так что можете спокойно продолжать своё маленькое промышленное сафари.

– Уже что-то. Но хоть, как вы и говорите, мой интерес лежит вне области вашего интереса, – к чему мы ещё вернёмся для более предметного расспроса, – я предположил, что ваш никуда не исчез, и территория Экспозиции оставалась объектом вашего наблюдения. Вашего – и подобных вам. О, нет-нет, больше никто не был изловлен, меня интересовали только вы.

– Говорю же: маньяк. Но продолжайте, продолжайте, мне любопытна реализация вашего упорства.

– И поскольку вы продолжали присматривать за Выставкой, очевидным решением, хоть и пестовавшимся неделями, было как-то повлиять на неё, на целостность и сохранность её помещений и экспонатов – ровно с необходимым усилием.

– И что же вы сделали?

– А вам напомнить об ажиотаже вокруг павильона Соединённых Штатов?

– Вы признаётесь, что это вы учинили там погром и расхищение?

– Могу себе позволить подобную роскошь ради дамы; что-то мне подсказывает, что с заявлением в органы правопорядка или комиссариат Выставки вы не обратитесь. Если вы сможете как-то изогнуться и обернуться назад, то увидите горку холщовой ткани, а под ней, будь способны приподнять её, – всё то, что какое-то время спустя будет возвращено нашим союзникам. Небольшая жертва, если подумать, какая рыба попалась на блесну. Вернее, на неполноценность блесны.

– Вы, – рвала она смехом палатализированные звуки, – вы правда думаете, что я пришла туда поэтому? Как-то провела, что расхищен павильон, и помчалась узнавать детали? А-а-а вы меня подкарауливали в толпе и затащили ту шарманку, чтобы увидеть реакцию? О-хо-хо! Знаете, я передумала: не будет вам откровений.

– И, похоже, есть хорошая новость для Анри, – откашливался, информируя о своём присутствии в мире сознательном, очнувшийся Мартин.

– Мы ещё не всё обсудили с дамой, так что...

– И вам безынтересно, про кого речь? – выпалила Селестина, предупредив очередное выпадение союзника из реальности.

– Про автора упомянутых утром заметок о молодёжных бандах, разумеется. А у вашего спутника хорошая память. Или что же, ваш друг – он и есть? Ах, ведь были подозрения. При других обстоятельствах я бы просил об автографе или даже встрече.

– А что мешает конвертировать одни обстоятельства во вторые?

– Это не вполне переговоры, мы не нуждаемся в дипломатическом посреднике.

– Но я уже включился в разговор, придётся это учесть. Хоть я уже и успел понять, что какая-то часть тем касается вас двоих, а какая-то – уже всех троих. И всё же я надеюсь на мирное разрешение конфликта.

– Однако было бы честно, если бы вы по-джентльменски не подслушивали, но этого избежать невозможно.

– Не подменяйте честность, порождённую скудоумием и ленью к манёврам, честностью морального выбора.

– Слишком вы дерзки для дипломата и вашего положения.

– Эту роль через её отрицание мне нарекли вы, разве нет? Пожалуйте, продолжайте. Полагаю, мне стоит это услышать, поскольку наверняка прольёт свет на то, каким образом втянут ещё и я. Что-то же подвигло вас схватить обоих, а не дожидаться, когда мы разделимся.

– «Прольёт свет»? Как интересно. Возможно, нам стоит перейти сразу к трёхстороннему этапу. Его итоги, мне кажется, поспособствуют признанию вашей спутницы...

– Которого я уже не услышу, поскольку вновь столкнусь, по ощущениям, не меньше, чем с «Летучим голландцем». Но кто знает, возможно, меня и до того уже пьянила и унесла с собой в дрейф «Мария Целеста», и это лишь неминуемое продолжение приключения.

– О, это так мило, – сложила губки, уподобив их пухлой волне, которую сей же момент разобьёт острие носа, – вот только некстати.

– «Некстати», берусь судить, для нашего дознавателя побочный результат его инициативы: свидетельство, – забреди кто в эту каморку, – что русские поступились важным для Выставок техническим прочтением принципа, э-э, лесе-фэр⁴³.

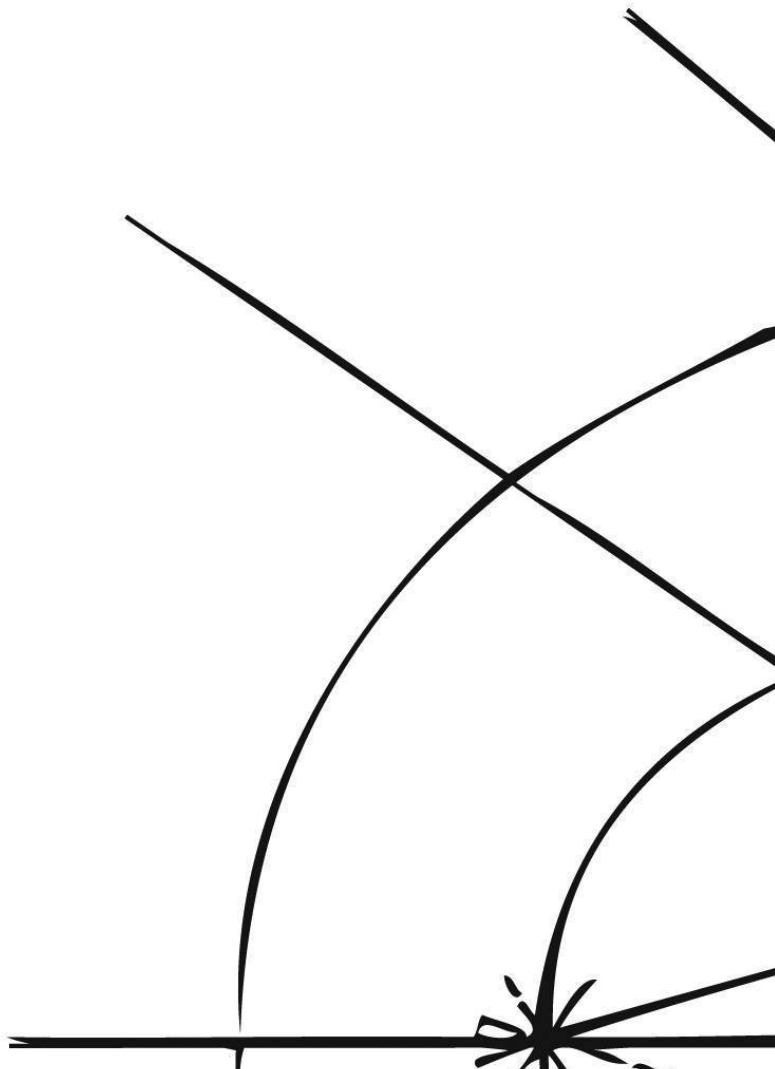
– О, и в большей степени, чем вы думаете. Но, простите, вы сказали «Люцифер»?

– Моё произношение настолько невнятно? И вы молчали? И вы терпели?

– Оно было вполне пристойным, пока нас не огрели... не берусь судить, чем.

– Благодарю за утешение. В свою очередь позвольте...

Возможно, обмен комплиментами бы и продолжился с уводом беседы в сторону и возможностью что-то незаметно сделать со сковывающими движения узлами или же атаковать, протаранив противника головой и повалив его, но всё акустическое пространство комнаты занял бесцеремонный скрип ножек придвигаемого столика, при рассмотрении оказавшегося сложенным – походным? – кульманом. Пришло время доказательств. Словно прибывая назойливую муху, на стол бросили некий плакатик с рисунком, приковавшим внимание каждого из троицы.



– «Сочувствующие да явят гладь». Найдено у вашего кавалера.

– Вы обчистили мои карманы, но оставили даме её украшение...

– Эй! – протест, впрочем, прозвучал глухо.

– Я лишь вёл к тому, что хоть какие-то границы не были нарушены.

– А по моему мнению, – нависла над столом свинцовая туча, – границы нарушены были, и вот тому подтверждение. Аналогичное изображение найдено мною в связи с совершенно другим, как мне казалось, делом.

– Под «найденно» стоит понимать «обнаружено в ходе обыска»? Интересно, где и у кого?

– Надеетесь, что облегчу вам задачу, выдав слабое звено?

– Два момента. Первый: облегчить задачу таким образом вы можете, только если оставите нас в живых и затем отпустите. Хм, а неплохая тенденция намечается. Второй: всё-таки не нас, я в этом сумасшедшем доме точно не участвую, только лишь надеялся заполучить в коллекцию очередную политическую историю болезни, описать ход заболевания и всё такое – считайте весьма своеобразным туризмом.

– Конечно-конечно. В таком случае позвольте узнать: вы санитар или доктор?

– Простите?

– Вы лекарство назначали или вводили?

– Говорю же: не участвую, ограничиваюсь наблюдением, запечатлеваю... Лечить подобное – забота местных властей, к которым я не имею ни малейшего отношения. К счастью или сожалению, в этом отношении остров Сите предлагает комплексную программу оздоровления. Впрочем, принципы естественного отбора тоже работают против таких сообществ.

– То есть мы оба понимаем, о каком эпизоде речь, и о том, что погибшие не были случайными жертвами? Прекрасно. И что-то ваша спутница притихла.

– Явят гладь... – отозвалась она. – Вы оба не видите всей перспективы. Я, похоже, тоже. Когда вы нашли такую же схему?

– В ночь того пожара. Предупреждая следующий вопрос: за много километров от него. Даже отвечаю на вопрос «где»: среди некоторых бумаг делового и праздного характера, не имеющих общей направленности, однако можно исключить, что они были пропагандистскими.

– Интересное у вас представление о «где». О большем мечтать не стоит?

– Вряд ли мечты имеют стоимостное измерение, кроме как по затраченному на них времени, так что вопрос не столько риторичен, сколько алогичен.

– Вы, часом, не дальние родственники? – прошёлся маятник зрачков по лицам гимназистов-переростков.

– А вот обменяться информацией и заслужить в процессе кредит доверия – весьма уместно.

– Ох и презанятная же система выстроится при заложенной в основе диспозиции участников. И, так уж и быть, я не буду касаться вопроса обменного курса.

– Система интуитивна. Под интуицией я понимаю некую предсознательную периферическую сигнальную систему оценки риска и интереса, формирующуюся под воздействием профессионального взаимодействия разума со средой. И как бы мадмуазель не пыталась осмеять мои шаги, вели они в верном направлении. Совпадение ли, что два, казалось, разных дела до того любопытно сплелись? Интуиция подсказывает, что нет.

– Возможно, произошло просто наложение одного на второе? Не более того. Полагаю, вы неверно оцениваете нашу связь. Могу вас заверить, что мадмуазель я встретил лишь этим утром, и не знаю, что за история приключилась ранее между вами; эту часть я проспал, за что прошу извинить. А столь большой территориальный разброс встречаемости той, хм, схемы, в ограниченный промежуток времени при опять же вариативности её проявления в миру – к слову, в виде табуировки или рисунка обоев она вам не попадалась? – скорее говорит о том, что я не столь уникален, в достаточном количестве должны быть и другие, но, увы, их умы заботят совсем не те вещи и явления, что позволили нам с мадмуазель завести беседу и знакомство, а сами они, также стоит

допустить, в отличие от меня и мадмуазель не имеют в достаточном количестве дневного времени, чтобы предаваться любованию видами Выставки и уделять внимание её происшествиям; как помните, даже тогда они собирались ночью.

– Да-да, зато, похоже, у вас и в тот день выпала свободная минутка забежать к ним и забрать парочку плакатов на память. Упреждая вопрос: а больше было негде, даже типография исключается, что, кстати, вам на пользу. Про типографию добавлю также, что она, хм, – это слово лучше всего описывает в данных обстоятельствах возможный характер и её самой, и её пользователей, явно бывших ограниченными во времени. Сами видите на эстампе небрежности, наплывы и пятна, – а также их отсутствие на противоположной стороне по оси сгиба, отсюда и моё заключение о том, что изъяты они были не в первые же минуты после печати. Также осмелюсь предположить, что листы сложены и, соответственно, положены в карман, в тот же день, когда были отпечатаны, так как бумага ещё не познала ожидания и погоды, не вижу дефектов помимо тех, что мог причинить карман.

– И вновь два момента. Во-первых, небрежность может быть частью образа, чтобы исключить фабричную выхолощенность, что полезно, если движение имеет целью обращение не к технократической элите, но к народному духу, – а оно имеет. Во-вторых, вы по непонятной мне причине исходите из убеждения, что у движения только одна база – в Нёйи-сюр-Сен, хотя сами же заявляете, что похожие картин-

ки встретили на значительном удалении оттуда. Я вполне могу сейчас сказать, что листовки подобрал тоже не в Нёйи, и попробуйте доказать, что именно там и в тот день. Ради экономии времени честно признаюсь, что был приглашён на одно собрание в особняке, но оно было ещё в начале месяца, и мне самому приходится по большей части работать лишь с этим материалом.

– Вы меня разочаруете, если соврёте, что это графические материалы ещё с тех времён. И уже огорчили упоминанием других баз: бремя доказательств вашего отсутствия в Нёйи в известный нам день ложится на ваши, а не на мои плечи. Хотя факт наличия или отсутствия других баз имеет принципиальное значение. А что ваш друг-журналист?

– Его держали на сухом пайке, а после пожара он и во все морит себя голодом. Но благодаря вашим стараниям какая-то пища для размышлений у него снова есть, хоть и приходится вернуться к весеннему рациону.

– Господин офицер, с моим-то спутником всё понятно, но ваш интерес из чего проистекает?

– Из вашего уверения, что это не мой интерес, в то время как интуиция подсказывает обратное. Зачем мне свидетельствовать против себя и коллег? Зачем мне эта катавасия? Потому что наша миссия ещё далека от завершения, и я не могу игнорировать вероятность, что в зоне нашего интереса происходит нечто, как неучтённый фактор, значительный и недоступный пониманию без некоего особого знания,

способное отразиться на её ходе и результатах неизвестным мне образом. Право слово, мадмуазель, лучше бы вы тогда оказались газетчицей, а хоть бы и агентом кайзера.

– Только ли в качестве корректировочного фактора это вас привлекает?

– Позвольте, а что за добычу мог бы унести наш технекинигос и от них, и от вас? Если я правильно понял вопрос, конечно.

– Что ж, по крайней мере, эту часть вы честно проспали.

– И как всякое честное, во мне это отдалось страданием. Уф. Проклятье. Мои извинения. Пожалуйста, продолжайте. А впрочем, не откажите в услуге, господин офицер, заранее ответьте на вопрос: что вы намерены делать с нами далее? – от взгляда не ускользнули бледность лица, впитавшие электроламповую гамму склеры и проступившая роса пота, но объяснить их страхом интуиция не позволяла.

– Так много неизвестных величин. Я бы предпочёл, чтобы мы пришли к некоему соглашению, оговаривающему ваше согласие на добровольное временное ограничение свободы, разумеется, под гарантии посильного уважения и комфорта.

– Нам надо сотрудничать на равных – и я замечу, что это равенство неполноты, стремящейся к уравниванию насыщением и компенсацией, будь то неполнота полномочий или информации, – а не пользоваться положением ситуативно сильного и связывать путами остальных, ведь по сути это новый вариант прежней ошибки с самоограничением круго-

зора, которую вы, как мне казалось, надеетесь преодолеть. Давайте разложим по по-о-хо-хо...

– Вам дурно? Не попросите вас развязать? Или, может, скромно поправить бритвочку в рукаве?

– А вы злы. Некий прибор из вашего арсенала подавления, не так давно применённый в отношении нас, мог что-то во мне разбередить. Впрочем, похоже, не столь интенсивно, как в вас – та что-то напоминающая мне кожаная вещица. Видимые на ней повреждения – от вашей хватки?

– Довольно! Мальчики, на Олимпиаде потренируетесь в словесной пелоте. Нам действительно нужно работать вместе и на равных. И если мы сию же минуту не начнём разговор заново в менее подозрительном и извилистом ключе, то, боюсь, мне придётся его прервать и продолжить при более нейтральных обстоятельствах. Но не факт, что тогда кто-то из вас уже будет полезен. Хотите сидеть в болоте риторики и зашоренного взгляда на происходящее – ваше право, но поймите: это уже не про вашу «миссию» и не про ваши псевдоакадемические увеселения. Вы всего лишь оказались в достаточной степени неленивы и небесталанны, чтобы соприкоснуться – опосредованно или прямо – с тем, что остальным предъявят в ближайшем будущем. Проклятье, я надеялась, что нам сообща даже удастся это будущее предотвратить. Вы оба только гости, но знайте: хозяйский дом подгнил, его недуги нас и свели. И также знайте: проявите уважение и оставьте желание проронить, выйдя за порог, хоть что-то не

только о его здоровье, но и об увиденном инструментарии.

– И правда, сей полилог подобен атональной фуге, будь она исполнена на регистрах органа над нами, – с положенной набок головой промямлил эрзац святого Себастьяна, все стрелы которому вонзились в эпигастрий.

– «Извилистом ключе»? «Инструментарии»? О, змея скинула кожу, – затрясся в воздухе кадаврик ис-диспозитифа, – и надеется выскользнуть. Милости прошу, для того вам и оставлена ваша игрушка. Хо-хо, ну же, дерзайте! А я посмотрю, как это устройство всё-таки работает. В прошлый раз мне не повезло с обзором. И чтобы не ускользнула ни одна деталь, – застучали костяшки по двери за спиной, – приглашу парочку свидетелей.

– Вы правда этого хотите? Где же ваша выдержка, господин офицер? Эх. Что ж, дам время остыть, – заиграли муффоны рукавов, намекая, что руки приступили к неким манипуляциям, складываясь в уместное *port de bras*⁴⁴ – и свыкнуться с мыслью, что мы все ведомы, но есть шанс синхронно дёрнуть за ниточки и выдернуть из темноты кукловода, разводящего нас по разные стороны, наводящего кошмары и сводящего город с ума.

Затем мелкая дрожь, больше похожая на мурашки, пробрала пространство комнаты и смахнула со стола плакатик; вибрация передалась и распахнутой металлической двери, чуть ли не зазвеневшей. Пленница вовремя опрокинула стул назад, не дав в себя выстрелить, и оставила теперь уже трио

военных всматриваться в тупую пустоту дальней стены и пола. В комнате её уже не было. В ответ на оставшегося пленника после минуты переглядываний обратили зияющую тьму дул двух ружей. «Чуть не забыла», – где-то в воздухе озорно щёлкнули пальцы, а миг спустя вновь материализовалась знакомая – и уже свободная – фигура, возложила руки на плечи компаньону по допросу, чеширски подмигнула и, оставив лейтенанта Императорского флота с глазным тиком, бесследно испарилась с ним за лёгким масляным дымком эякулировавшего пневмоштуцера.

17

В вязком тумане бреда продолжал дрейфовать Мартин, унесённый хокусаевской волной боли – когда? Минуты назад? Часы? Дни? А возможно, это были одни и те же мгновения, но многожды повторённые, накладывавшимися отражениями имитировавшие некую развёрнутую во времени и пространстве топологию, в определении которой Мартин уверен не был: несли его реки айдова царства или дантева ада? И кем была та смутная тень, тот сгусток, чьи, как он думал, зрачки блестели янтарём? Хароном, не принявшим навлон, презревшим Мартина пластрон? Вергилием, возможно, посланцем Беатриче, не укрывшем взор лишь из приличий? Тварью, которой не до поэтики? И всё же это бы-

ла единственная пара золотистых искорок, выдававшая присутствие иного разума в графитово-меловом зазеркалье, на мутных разводах поверхностей которого стали осаждаться линии, сперва напоминавшие идеограммы и вязь, а затем оформившиеся в знакомый алфавит. Не успевал он прочесть одну «страницу», как откуда-то из-под глубины мнимой поверхности что-то накатывало, – как показалось Мартину, сопоставимо с сердечным ритмом, – белёсой волной, смывавшей всё прежнее и наносившей не то пеной, не то конденсатом новый текст. Мартин уже понимал, что окружавшие и направлявшие его палимпсесты – все до единого – рассказывали о его прошлом. Постепенно мир стал дополняться иными предметами, но проявлялись они на берегах, до которых дотянуться Мартин не мог, – а если бы и мог, то были бы они пригодны для осязания? – и фактура их была на вид такой же, что, до того, у стен, оград и планов, имитировавших перспективу, а сейчас приобретающих текстуру намокшей занавесной ткани. Казалось, из тумана проступали и лица, а точнее, отдельные их черты. Ушедшие, позабытые, вымаранные. Мартин кожей почувствовал морось, – нет, ни о какой росе и речи быть не могло, – взглянул на руки и увидел, что облеплен молочным слоем, из которого также проступали буквы; эти складывались в слова, заключённые и похороненные в костяном саду много лет назад. По привычке Мартин прикусил губу и почувствовал тот же налёт. Слизнул. Горько. Значит, это вещество не столь уж иллюзорно. За ощущени-

ем материальности пришло и ощущение весомости. Мартину стало казаться, что пространство давит на него, а сам он задыхается, захлёбывается – и так, пока не начал отхаркивать из глубин себя грязную пену, оставившую на ладонях то, что он поспешил растереть; по его щекам что-то скользило, но было то молочко или слёзы, разобрать он не мог и не хотел, допустил, что слёзы были уже не его секретцией. Наклонился, чтобы омыть руки, но, разжав кулаки, увидел тонкой струйкой скатывавшуюся муку. «Наверняка из плевел». Глубоко вдохнул и почувствовал, что воздух мира полынной воды стал суше. А затем начал отсыхать и крошиться невидимый купол. Хлопья «штукатурки» были отнюдь не снегом – пеплом, в котором не читалось ничего. И чем больше осыпались они, тем контрастнее становились рельефы надписей и имитаций – пока обезвоживание не коснулось и их, превратив в руины. В их обломках, осколках и фрагментах он, готов был поклясться, угадывал последний запомненный день. И только его. Со всех сторон, со всех направлений его разум намеревались уколоть, раскрыть и растерзать эолитические края, сколы и зубья поломанного остова внебытия. Намеревались, пока их не объяла жара, обозначающая своё присутствие и на речном фарватере. Чёрное пламя не то выпаривало, не то обугливало всё, что было на берегах, а после – бурлящей нефтью стекало и подбиралось к Мартину; зримое оплавлялось и истончалось. Из угольной тьмы что-то мчалось навстречу ему, издавая даже не свист и не гуде-

ние, но крик. Сонм криков и воплей, которые он когда-то уже слышал. Нет, не когда-то, эти он не спутал бы ни с одними иными. Сначала сажу в воздухе, а затем и живот Мартина пронзила белейшая стрела. Или щупальце, стрекающий орган. Теперь мрачным ихором истекал и сам Мартин. А вокруг из невидимого источника разливались чернила, облепляя и поглощая всё, что ещё оставалось на своих местах, – «своих местах», если считать, что мир и впрямь пролонгировал себя, а не реассемблировал вниз по руслу из блоков, оставшихся выше и недоступных наблюдению, – но это Мартин уже не столько видел, сколько чувствовал и, вернее, угадывал. Угадывал он и предстоящую встречу с клювом опалесцирующего цефалопода. Неведомо, состоялась ли она – *mea caligine tutus*⁴⁵. Мартин растворился в Калиго, во тьме.

Световое пятно, сияющий конус прорывался сквозь сомкнутые веки. «Меня всё же настиг клюв головоногого? Меня. А кто „я“, как соотношусь с телом и надолго ли индивидом останусь, если растворюсь в пищеварительных соках? Смею ли надеяться, что стану хотя бы частью, вольюсь в великое нечто, а не встречу судьбу жалкого набора углеводов, белков, жиров и костей, что опорожнят с прочей массой? Или это уже и был, хм, „выход в свет“? Что же, я не усвоился? Или всё понял неверно, и это – причудливый способ транспортировки меж миров? Ну что, открываю глаза?»

Пришлось сразу же отвернуться: низко подвешенная – на штативе? – электрическая лампочка где-то о пятнадцати ват-

тах раскалённой медовой густотой грозила залить всё пространство глазных яблок, а в целом же напоминала цветовую и функциональную инверсию осьминожьего или козлиного ока с нитью накаливания на правах хрусталика.

– А не соврал насчёт мелкой моторики глаз и пробуждения, – произнесла фигура в белом, сидевшая на стуле рядом с, как понял Мартин, его койкой, одной из нескольких, в целом пустовавших, за исключением ещё одной, на которой ленивым котом, разнежившимся под жарким солнцем, вяло извивалось прижатое ремнями некое тело – также не то пациент, не то арестант.

– Да-да, конечно, будто твои тычки к этому не причастны, – фыркнула где-то поодаль, но в том же выбеленном помещении другая фигура, вроде бы мужская, лицо которой Мартин разглядеть не мог, поскольку не был способен должным образом сфокусироваться.

– Тсс! – ямки на щёчках выдавали улыбку, прикрытую поднесённым пальчиком.

– Останется нашим маленьким секретом. И так уже неделя прошла. Пора было ускорить процесс. Но всё же, будь добра, выкрой время, чтобы проверить те данные из больниц по ожогам и отравлениям; их слишком много, и я не думаю, что Солнце и дурное вино им причина. И специально для нашего нового слушателя: нет, это не выжившие в Нёйи. Оставляю вас. Кое-что напоследок: может, выключишь уже лампу? Злодейски выглядит. Если, конечно, закончила раз-

глядывать этого полумёртвого бледного мужчину.

– Саржа, по пути в своё логово, будь так любезен, споткнись обо что-нибудь.

Саржа ухмыльнулся и в лёгком театральном поклоне спиной вперёд проследовал за дверь. Фигура – нет, Селестина, так она просила себя называть, – всё-таки последовала совету, потянулась к тумблеру, а заодно и сняла с запястья Мартина сфигмограф. В это время откуда-то извне раздался тихий нестройный шум падения. Она снова улыбнулась. «Мне или себе самой?» Только сейчас, без подавляющего источника искусственного света, он увидел, что потолок был стеклянным, и сквозь него этажом выше с одной из сторон – из-за уже привычного по форме, вертикального ряда окон – лился свет естественный, но совершенно стерильный. Лучи не только ниспадали на стены, кушетки и тумбы с медицинскими приборами, но освещали и некий агрегат, нависавший с перекрытий по ту сторону стекла и, если упрощать, пирамидальный в абрисе, наверху метивший в пустой центр больничной палаты. В чём-то аппарат был даже элегантен, в полупрозрачных и прозрачных трубках виднелось упорядоченное, размеренное течение жидкости – к счастью, без лишнего сходства с анатомическими ритмами.

– Водяные часы. Или гидрологиум, если вам так привычнее. С парой дополнений для измерения атмосферного давления, влажности воздуха и всего такого. На самом деле, пристроенная и, по сути, декоративная часть боль-

шей и сокрытой машины, ответственной за вентиляцию и охлаждение. Своеобразная одобренная шутка и послание от пришлых инженеров, устанавливавших систему в стеснённых условиях, изначальным архитекторам комплекса. Не волнуйтесь, по стеклу никто не прогуливается, кроме кошек, возможно. И прошу извинить моего брата и не принимать на свой счёт, это его обычная манера поведения.

– Такого же «брата», как ваша «кузина»? О, поверьте, я без лукавства. Понимаю, что «по духу», но до начал этого родства допытываться не буду, это дело интимное, а наши взаимоотношения, насколько могу понять, подобной доверительности пока допустить не могут и отныне развиваться будут по иной схеме.

– И всё же не стоит заранее осушать их, характеризуя словом «схема», и превращать в бесчувственную пустыню. Позже вы поймёте, что это просто невозможно, хоть и по иным основаниям.

– И я, признаться, горю желанием узнать, каковы же они.

– Горите желанием? Скорее, у вас банальный жар, – дотронулась она до его лба. – Да, вы ещё немного подержите. Придётся подержать здесь ещё пару дней. Но уже в сознании, это главное. О, нет, старайтесь не шевелиться!

– Не могу понять, в меня стреляли? Что вообще со мной было? Я верно расслышал, что докучал вашим докторам целую неделю?

– Догадка верная. Да, стреляли в вас. И в меня. И даже не

единожды, если припомните. Какой-то нелетальный заряд. Однако вам изрядно досталось. Когда мы прибыли, врачи обнаружили у вас трещины в рёбрах, а также повреждение внутренних мягких тканей. Н-неприятное, как они выразились. Им пришлось провести хо... экт... Простите, я плохо запомнила и с трудом могу выговорить название. В общем, пришлось вас угостить доброй порцией алкалоидов – вновь простите, обезболивающими не увлекаюсь, потому также не скажу, какими именно...

– Догадываюсь, что связаны они с Баварией. Медицина – наука конкретная, но прошу, не беспокойтесь, передавайте произошедшее без оглядки на терминологическую точность.

– В общем, вас попотчевали и эфиром, и внутривенными вливаниями, пока проводили открытую полостную операцию и удаляли едва ли не разорванный жёлчный пузырь с раздробленным до острых краёв содержимым – из-за ударной волны от того орудия. Тут бы сказать, что сняли камень с души, обращаясь к тому античному представлению, что душа живёт в желудке – или как-то так, – но, по-моему, получится коряво. И через пару дней после операции кое-что пошло «н-не по плану». Пришлось снова накормить вас анестезией, переделать тут и там и не давать пробудиться ещё какое-то время. Ну, а дальше уже сказалась общая слабость организма. Сон – лучшее лекарство.

– Ох, знали бы вы, что в том забытии мне виделось. Впрочем, какое лекарство не горько?

– И впрямь. Итак, с какой частицы начнётся ваш следующий вопрос: «что», «как» или «где»?

– Если позволите, упредить его я бы хотел иным: могу ли я вас называть Селестина?

– Само собой.

– Хорошо. В таком случае, Селестина, где же я?

– «Direction des Nautes» на рю Трепло.

– Понятно. Как «Колонна лодочников», только директоров?

– Пф, «лодочников». Ну, пускай, так. Позже поймёте.

– Что вы такое?

– Если сухим канцелярским языком, то общество контроля городской материи, уполномоченное собирать сведения, расследовать, надзирать и наказывать.

– Ну вот, а сами говорили, что обойдёмся без пустынь.

– Хотелось, чтобы вы поняли, что сейчас мы пройдем через сложную стадию, покругим некоторое время, преимущественно зависящее от вас, по пескам, а по итогам – выйдем на землю обетованную. Или нет.

– Удачное ли для допроса время?

– Будто сами не знаете.

– А вот и первое подозрение. Будем считать, что старт дан.

– Начну с того, что известно. Преимущественно о вас. И мы же постараемся избежать намеренной сумбужности недавнего трилога? Есть ведь такое слово?

– Технически это всё-таки был полилог, но встану на ва-

шу сторону, мы ведь доподлинно знаем, что активных участников было трое. И – да, ввиду некоторых обстоятельств, на прояснение которых в будущем надеюсь, я, в относительно трезвом уме и предположительно здоровой памяти, готов к сотрудничеству и принимаю, что вы действительно авторизованы вести следственные действия, пускай, что на обычные они не похожи.

– Благодарю, Мартин. Приятно, что вас и в самом деле так зовут: Мартин Вайткроу. Если это и псевдоним, то в высшей степени устоявшийся.

– Могу заверить, что ваши полицейские органы получили мою настоящую подпись.

– Да, вы проявили гражданскую сознательность и зарегистрировались в префектуре, это также известно. А вот игры с местом проживания не вполне удались: у друга по указанному в полиции адресу вы жили только с тринадцатого июня.

– Любопытно, как вы это выяснили, но и для меня стало сюрпризом, что Анри поместил меня в иной квартирке, тайно принадлежащей ему, я же думал остановиться в отеле. Отказываться от тихой гавани не счёл уместным.

– Что любопытно, так это время начала совместного проживания в указанной квартире: пятый час утра. И не смейте говорить, что это спонтанное решение после очередного кутежа.

– Не посмею вас оскорбить.

– И хорошо, потому как твёрдо знаю: вы с другом приеха-

ли туда не откуда-нибудь, а из Нёйи-сюр-Сен.

– Полагаю, знание основано на непосредственном наблюдении. Так мне не послышалось клокотание двигателя внутреннего сгорания на обратном пути в город? И... это были вы, тогда, за окном?

– Верно поняли. Теперь я должна задать вопрос: что вы делали в Нёйи? Прошу, ответьте честно.

– Переживал пожар, нет смысла отпираться. Стал ему свидетелем, но тем сберёг здоровье друга. Видите ли, присутствовать должен был он, меня пригласить, хм, забыли, та встреча носила эксклюзивный характер, что и дало мне повод для опасений. Ещё по первому собранию было понятно, что товарищи встретились опасные. Я взялся обследовать местность, а Энрико уговорил прибыть с опозданием. Не зря.

– Угу. И как, успешно обследовали?

– Вы же видели те листовки. Добавлю, что признателен нашему мучителю за типографский анализ, некоторых особенностей я не подметил. Иного добыть мне не удалось.

– Что ещё вы делали перед пожаром?

– Прямо «перед» или в общем «до»?

– Мартин.

– Искал улики. Можно ли таковыми счесть самую зияющую пустоту особняка? Он функционировал крайне избирательно. Похоже, существенная часть приготовлений всё же шла не в нём.

– Это мы ещё обсудим. Вы больше ничего не предпринимали?

– А есть какие-то подозрения?

– Мартин, не подскажите, зачем человеку, берущему интервью, пускай, что и неосмотрительно приехавшему в неудачный для своего ремесла сезон, такое занятное вещество как белый фосфор в сероуглероде? – хлопнула глазками Селестина.

– Простите?

– Прощу, если поступите, как подобает жантильому. Только воспринимайте меня в ближайшие минуты не как даму, которую можно избавить от скучных подробностей, а как дознавателя. Упрощу вам задачу в признании: мы нашли весьма интересный саквояж под кроватью в одной из комнат, которые вы занимали до тринадцатого июня. Багаж точно ваш, это установлено процедурой идентификации по отпечаткам папиллярных линий. Не знакомы с такой?

– Слышал, что уже пару лет на постоянной основе применяется в колониях – Британской Индии.

– А вот мы ей начали пользоваться даже раньше, чем типичным бертильонажем. Всё, что вы сейчас скажете, не будет передано в иные инстанции. Этот разговор даже не документируется. Скажу даже больше: мы союзники. Вам никто не собирается предъявить обвинения в убийстве людей. Даю вам слово.

– А бывает убийство ещё кого-то? Животных я там не

встречал. Хм. Ваше слово распространяется на все четыре тезиса?

– Ф-ф. Да, Мартин, на все четыре. Вы собрали некую бомбу, ведь так? Что было или кто был вашей целью? Но! По крайней мере одну фигуру я могу определить точно: Бэзи. Вопрос в другом: бомба предназначалась ему одному, но что-то пошло не так, или же вы намеревались накрыть разом всю ячейку?

– Поделитесь, как вы пришли к заключению по поводу Бэзи?

– Мы оба помним, как он выглядит, как пытался скрыть свой вид... И чем его долечивали. Вы же наткнулись на его обиталище в особняке? Да наверняка. Мне объяснили, что всё это применяется для терапии химических ожогов. Так что, ван Хельсинг, какую нечисть вы приехали изгнать этой характерно пахнущей чесноком светоносной сывороткой?

– Вы правы: цель – он. И вы опять же правы: я не преуспел. Сознаюсь. Но и гибель тех людей не считаю напрасной, хоть мне и жаль, что им пришлось стать жертвами.

– Возможно, они бы ими и так стали. Рано или поздно. И мы вас, как я уже говорила, за это не собираемся наказывать или передавать ваше дело властям. Можем даже поспособствовать вашим дальнейшим действиям, а иные бы и поблагодарили за избавление от проблемы, хоть и частичное. Я хочу понять предысторию.

– Интересно. Так и быть. Знайте же следующее. У Бэзи не

далее как в прошлом году было имя. Я имею в виду, что известное имя. Однако оно вам вряд ли что-то скажет, да и нынешний он на себя прежнего мало похож, посему да будет известен под новым самоназванием. Так вот он прошедшие годы был одним из лидеров социалистического рабочего движения на германских землях. Не сказать, чтобы дело его было мирным, но и никак не радикальным, полуподпольная деятельность была практически нормой. Ничто не выдавало в нём перехода в стан анархистов, пока он не начал вести двойную игру, за началом и развитием которой, как выяснилось, уследить не удалось. До сих пор не вполне понятно, кто и зачем его подговорил, и как убедил, – для суждения доступны лишь последствия. Я, конечно, называю это анархизмом ради условности и не исключаю, что это могло быть только прикрытием и способом действия, но не отражать суть, которая выражает воззрения и совершенно противоположного лагеря. Тем не менее, в Карлсруэ под его началом развернуло деятельность предприятие по производству и хранению запасов белого фосфора и некоторых других взрывчатых и отравляющих веществ. Кстати, найденные и исследованные вами колбы в саквояже – оригинальные. И, вероятно, являются единственной уцелевшей партией. Как вы догадываетесь, тогда тоже произошёл пожар. Точнее, взрыв. В нём я не повинен, это плачевный результат неизбежно накапливавшихся технико-технологических ошибок. Во многом именно негативная оценка той мастерской и подтолкнула меня

выкрасть набор. Вот только обвинять, предоставив его в качестве доказательства, было некого уже через сутки. Трупов насчитали достаточно, чтобы считать, что заговор, простите за каламбур, погорел. Но и его зачинателей стало невозможно установить, как и выяснить судьбу Бэзи. Теперь-то понятно, что фиаско он пережил, но мне всё ещё непонятно, как его доставили сюда и поставили на ноги не больше, чем за пару-тройку месяцев. Плотная слежка за ним была установлена в декабре, в январе всё случилось, а уже весной, как я понял, стало что-то происходить у вас под носом, однако вскрылось лишь во второй половине мая – и довольно причудливо. Но резюмирую: мне его нужно устранить не только потому, что он вновь представляет общественно опасное начинание, но и чтобы никто в нынешнем Бэзи не опознал прежнего и не успел связать приготавливаемую с его помощью вредоносную акцию с легализующимся движением, а этой связи, уверяю вас, нет и быть не может. Также приходится учитывать вероятность, что выбран он в своё время был неспроста: немецкий агент на французской земле – сами понимаете. И упрежу ваш следующий вопрос: нет, о своём способе заработка я вам не врал, просто учтите, что он также служит возможности наблюдения за политическими группами, разнесёнными географически. И не только наблюдения, но то – в редких оздоровительно-культуривационных целях. Несколько сокращая изречение лорда Палмерстона, сформулирую *modus operandi* так: у Британии нет ни неизменных союзников, ни

извечных врагов; неизменны и извечны только наши интересы, только им мы и должны следовать. Признаю, выражение содержит толику абсурда и перенос, но тут веру я спасаю старым хрычом Тертуллианом: *certum est, quia impossibile*⁴⁶. Эта же установка позволяет принять на веру и ваши утверждения. Я исчерпал доступные мне возможности объяснения целей и выгоды от действий «Сочувствующих», потому допускаю, что они лежат в вашей области ведения. Скорее всего, это пласт знания, неведомый мне, потому прошу отталкиваться во введении меня в курс дела с ответа на вопрос, касающийся и моей шкуры: как я сюда попал?

– Направление вашего взгляда намекает, что понимаете, с помощью чего. Я далеко не лучший объясняльщик, но попробую. Устройство у меня на руке, что мы именуем ис-диспозитиф и что привлекло внимание того офицера – впрочем, об этом я расскажу вам как-нибудь позже, – действительно связано с перемещениями в пространстве. Вот только то пространство не ограничено сетью улиц, хотя отчасти и повторяет её. Городское пространство пронизывает сеть искусственных каналов и естественно оформившихся, а в дальнейшем подкорректированных потоков, существующих благодаря особой субстанции, что мы называем умбрэнергией, в том или ином количестве присущей, обволакивающей и пропитывающей любую подлунную материю. Упоминание ночного светила неслучайно, ведь объём и содержание умбрэнергии в веществах на определённой местности увеличи-

ваются всякий раз, когда над ней повисает Луна. Подобно тому, как она ответственна за морские приливы, также вызывает приливы и умбрэнергии, заставляет её выплеснуться из резервуаров и пластов в земной коре – обобщённо мы называем этот процесс течением. Течение при каждом лунном проходе насыщает те каналы и потоки в разграфлённом и разрифлённом, как никакое другое, перекроенном городском пространстве, и в определённый момент накапливается критическая масса умбрэнергии, активирующая её удивительные свойства. Некоторые люди, рождённые с определённой наследственностью – биологические носители умбрэнергии – и обученные некоторым эмпирически выведенным техникам, способны воздействовать на питанную умбрэнергией городскую материю. В предельном случае – атом за атомом пересобирать её.

– А чаще, полагаю, – получать доступ к невидимым дверям, проходам и механизмам.

– Правильно. Но невидимы они лишь для невооружённого глаза. Мы создали особое устройство – флю-мируа. Те, что у меня на ис-диспозитифе – пара пти-флю-мируа. Обманчиво простая зеркальная гладь безлунной ночью и при свете дня, пригодная лишь поправить макияж да посмотреть, что сзади или за углом, а на деле – многослойный прибор с тонкой прослойкой конденсата умбрэнергии в центре. Флю-мируа реагирует на течение и показывает его промасштабированную рельефную карту в установленном радиусе. Но этим

его применение не ограничивается. Наши светлые головы открыли, что умбрэнергия обладает особыми коммуникационными свойствами, в определённом смысле даже обладает «памятью», и привязали каждый экземпляр пти-флю-мируа к штабным, стационарным аппаратам Директората, что позволяет носителям ис-диспозитифов обмениваться сообщениями. О принципе работы догадаетесь?

– В смысле распространения сигнала он наверняка сходен с типичной беспроводной радиопередачей, но весьма чуток к среде. Расхождение, как мне представляется, в том, что в обычном телеграфе происходит замыкание электрической цепи, а здесь, что-то мне подсказывает, процесс напоминает нечто среднее между выстукиванием ритма на барабанах и помещением препарата меж двух микроскопных стёкол.

– Продолжайте.

– Коль скоро, как вы их называете, флю-мируа динамически отображают рельеф, могу предположить, что они обладают и свойствами мембраны, немного поддающейся нажиму и продавливанию. Серия таких прикосновений, из-за которых от центральной части к краям отливает конденсат, – набор знаков. Вот только как они отображаются? Должны же последовательно, один за другим, а это усложняет процесс. Но вы обмолвились об эрзац-памяти...

– Нет, на выходе получается привычный текст. В целом вы правы. Однако о способе кодирования-раскодирования и «запоминании» приказов, или команд, равно как об их со-

держании, я вам сообщить ничего не могу, сейчас это излишне. Важно, что вся система завязана на центральный узел – штаб. Директорат проложил несметное количество – впрочем, нет, уверена, что Саржа, разбуди его, назовёт точное число, – линий коммуникации, которые сходятся в ганглии, расположенные здесь. Какие-то линии передают информацию о состоянии почв и проседании грунта, какие-то сообщают о загруженности дорог, ещё какие-то помогают наблюдать за функционированием продолженных муниципалитетом сетей: водной, газовой, электрической – и всё такое. Часть из них продублирована технологиями, не требующими участия умбрэнергии, хотя на Выставку они вряд ли когда-нибудь попадут. Но не суть. Есть и такие линии, что дают видение целых комплексов и ансамблей, архитектуросферы и социосферы города. Мы можем отслеживать не только состояние зданий как таковых, но и пользующихся ими людей, узнавать о них. Мы способны соткать психическое полотно целого квартала или улицы с отображением всех изменений на протяжении какого-то периода времени, сделать срез, сопоставить данные о происходящей или отсутствующей активности, о дисгармонии, несоответствии и неэффективности форм и процессов. Мы можем конфигурировать и конструировать социальное пространство, – хоть чаще от этих возможностей в мэриях и отказываются, – линии работают в обе стороны, но не ими одними, конечно, дело обходится... А теперь представьте, что последние предложения я соста-

вила в прошедшем времени. Уже месяц мы не получаем достоверные сведения от значительной доли наших линий. Месяц... Это только установленный период, а сколько это длится в действительности?

– И ваши беды вы связываете с деятельностью «Сочувствующих»? Постойте, неужели вашу систему порушили какими-то серебряными нитями? Мне казалось, это банальная метка лояльности.

– Верно казалось. Нас отсекали как-то иначе, но мы до сих пор не знаем, как. Прозвучит жестоко, но, возможно, ваше деяние уберегло нас от больших бед. Скажите, что успели хоть что-то подслушать, прежде чем...

– Отчасти. Для начала отмечу такой момент: столь любопытное время сборища выбрали, дабы проверить готовность прибыть, куда и когда будет угодно, чтобы «воссиять».

– В этом есть и второе дно, но продолжайте.

– В некотором смысле сожжение в фосфорном пламени можно назвать симметричным ответом: в речах ораторов – той четвёрки – опасно участилось упоминание огня, пламени и пожаров, даже не двусмысленного «очага». И это занятно связали с выходом в свет, чему, помимо прочего, должен поспособствовать, на свою голову, Анри, уже записанный в авторизованные биографы. Руководство сочло, что жителей города следует подготовить к своему появлению. Как я уловил, не обойдётся без эпатирующих элементов, что вполне в духе времени. Важно, что приготовления на тот момент уже

велись, и занималась ими иная ячейка – и это единственное, что о ней известно. Дальнейшая речь была прервана появлением – увы, занятая мной позиция не позволяла видеть, только слышать, – неких гостей, заставивших всех в зале умолкнуть. Одним, не сомневаюсь, был Бэзи, а вот второй... Его походка была тяжёлой, и я только сейчас понял, что по отзвуку – металлической. Будто он носил ортопедический аппарат, применяемый при вялом параличе, только этот был массивнее и на обе ноги. При этом он отнюдь не шаркал и не волочился. Но не это меня беспокоило – само его появление и исчезновение. Они были внезапны и подобны, – простите, если ошибаюсь, – вашим, только без предваряющих телодвижений. Причём исчез он буквально за пару шагов от места, где я установил заряд. То ли он что-то заподозрил, то ли вовсе почувствовал меня, – но вот я слышу его шаг, а вот уже не слышу следующего. Зато «сочувствующие» отреагировали панически. Я не знал, прихватил стальной гость Бэзи с собой или нет, но решил действовать.

– Интересно. Очень интересно. Видите ли, беспроблемная транспортировка по каналам и потокам возможна лишь по достижении определённого уровня их насыщения умбр-энергией, а в тот час он был гораздо ниже критического.

– И всё же таково моё свидетельство. Вероятно, у кого-то имеется технология совершеннее вашей. Не хотел поддеть, вывод напрашивается сам.

– Скажу так. Конкретно в этом случае существует ограни-

чение, которое обойти нельзя: оно завязано на Луну. Пока она не поднимется до двадцати – ну хорошо, пятнадцати в предельном случае – азимутальных градусов, хоть ты приложи все силы, но дальше семи – ну, максимум десяти метров не скакнёшь, вдобавок между прыжками придётся делать паузы, а ис-дис тут не помощник. Так, теперь придётся сделать отступление, а то и три.

– Я весь внимание. Они мне пригодятся, если мы объединим силы в совместном расследовании.

– Д-да.

– Селестина, только не говорите, что я отныне пленник и не более того, а рассказываете вы это всё...

– Было приказано рано или поздно задержать вас и доставить сюда. Я надеялась, что часть этого разговора пройдёт на свежем воздухе, отталкиваться мы будем от иных оснований, а кое-что деликатно обойдём. Но тот русский не оставил вариантов. Можете это считать укрытием от его посягательств. Хотя всю прошедшую неделю он более нигде замечен не был. И, Мартин, знайте: я буду просить о перемене вашего статуса.

– Заранее благодарю. И теперь понимаю, к чему была ваша попытка надавить тогда, на аллейке Трокадеро. Итак, каково же первое отступление?

– Если взглянуть на статистику, то перемещаться по каналам и потокам в основном могут лишь женщины, хотя подавляющее число взаимодействующих на более примитив-

ном уровне составляют мужчины. Такая причуда умбрэнергии. И всех, – я подчёркиваю, всех, – кто на это способен, мы заносим в нашу картотеку. И предлагаем работать на Директорат, если личность определённо не криминального нрава. Тем более, что с ис-дисом и флю-мируа возможности серьёзно возрастают, появляется возможность контроля и выбора, причастность к развитию и укреплению города. Те, кто отказываются, попадают в список «les Minoritaires». Это меньшинство мы берём под наблюдение, а сами его представители – мы их зовём минорами – вынуждены время от времени отмечаться. И отчитываться за проступки и преступления, которыми зачастую грешат. Да, есть миноры, которые используют способности для облегчения труда – в качестве примера приведу одного угрюмого и нелюдимого, но честного парня, работающего слесарем, вот он тихонько применяет способности для диагностики труб и соединительных швов, а другой, будучи дворником, – да, чаще всего жизнь у них не сахар, – взбивает пыль с брусчатки и прессует мусор. Но... Поджоги по прихоти, расшатывание витрин и замков, намеренная порча имущества, инсценировки страховых случаев – да-да, их нанимают, хотя и не подозревают, *как* они проворачивают свои делишки – куда более частые и набившие оскомину случаи. А вот опасные рецидивисты и те немногие, что отваживаются на самостоятельные, зачастую лишённые должного научного аппарата, социопатические по сути эксперименты – таких мы вынуждены наказывать и...

«отключать» хирургией и новыми методами терапии... Их мы зовём, – и тут английское сознание мистера Вайткроу столкнулось с весьма непривычным эпитетом, – «minoritaires éteinte», или этантами. Фактически мы глушим их чувствительность, разрываем их связь с умбрэнергией, – одними глазами Селестина указала в сторону невнятно существовавшего соседа по палате, а Мартин начал догадываться, что к бедолаге применили какую-то технологию, значительно продвинувшуюся вперёд в сравнении со стореровской батареей и электрованнами. – Но! Но есть ещё одна категория, – а вашим языком она, пожалуй, может быть названа протокатегорией, – эмпапы. Члены Директората и миноры – все, кто способен даже не работать с урбматерией и умбрэнергией, а просто ощущать город иначе, все они изначально эмпапы. Просто для удобства эмпапами мы зовём тех, кто ограничивается минимумом, то есть созерцанием и впитыванием ощущений, кто не пытается или не способен воздействовать. Кстати, ваш случай.

– Чудесно. Отныне я хотя бы знаю своё место и ваш ранг. Но это важно для британца, так что вновь благодарен за освещение этого пункта. Госпожа де Кюивр, каково же второе отступление? – Селестина закатила глаза и помотала головой.

– Сперва небольшое дополнение к предыдущему. Взаимодействовать можно только с умбрэнергией местности, в которой был рождён. В чужом краю – лишь наблюдение и пассивная роль. Поэтому-то мне и любопытно, кто тот вто-

рой гость. Ещё и транспортирующийся, когда ему вздумается. Нонсенс. Но пойдём дальше. Знайте: урбматерия весьма консервативна. Если эмпааты просто лишаются права действия, то чуждые городу формы и конструкции, ещё и инжектированные в непродуманно изрядном количестве, попросту им отвергаются, не приживаются. И это вдвойне плохо, поскольку они не просто в разы быстрее разрушаются, но ещё и, отмирая, отравляют архитектуросферу, становятся для неё токсичны. По этой же причине обычно экранируются Выставки и сеттльменты. Разница только в том, что последние всё же проектируются так, чтобы впоследствии город их принял с минимальными потерями. А вот строения Выставки действительно могут быть сколь угодно близкими к идеалу, благодаря экранированию выгорают без вреда для архитектуросферы – и без физического огня. Если поднапряжётесь, то сможете увидеть этот процесс. Хотя в конечном счёте без пожаров редко когда обходилось, и не удивлюсь, если на одной из будущих Экспозиций какой-нибудь павильон будет посвящён этой тематике. Но над некоторыми, которые хотят сохранить, естественно, приходится проводить сложные процедуры.

– А что же с, хм, Аэрмадой? Вот уж дирижабли город вряд ли принял с распростёртыми объятьями.

– Скажем так, неспроста Отель-де-Вилль столь легко отдал ипподром за городской стеной, а в пределах Двадцати округов эти судна соприкасаются лишь с экранированной

урбматерией, в воздухе контакта нет. Хотя истинные причины, разумеется, ведомы немногим посвящённым.

– Сейчас будет глупый вопрос, но постойте, а прибывающим на долгий срок в город нужно отметить в полицейском управлении по той же причине?

– Ха, забавно. Но всё-таки нет, никто их каким-то хитрым способом так убережёт или экранировать не пытается. Повторю: умбрэнергия влияет преимущественно на косную материю. Грибы ей отчасти подвержены, растения ощущают её выборочно, как и животные, а вот сапиенсы преимущественно нечувствительны – один эмпат на несколько тысяч, если не десятков тысяч. Кое-что может проявляться на уровне толпы, но там специфический механизм передачи. Определённые виды инфекций-урбэнемиков ещё вот чувствительны к умбрэнергии, подпитываются ей, но мы над этим работаем. Непосредственное негативное влияние приезжие вряд ли испытают или смогут как-то отделить его от более привычных проблем при переселении – того же привыкания к климату, однако это не означает отсутствия какого бы то ни было воздействия вообще. Помните, я вам рассказывала о дактилоскопии? Так вот, папиллярные узоры, сама их форма – осадочное явление умбрэнергии. По их паттерну мы не узнаем о характере человека и его судьбе, мы оставили исследования в области хиромантии, но нам достаточно одного оставленного отпечатка, чтобы в дальнейшем всегда точно знать, где находится требуемый человек. И предвосхищая

ваш вопрос, нет, тот офицер был в перчатках.

– Понятно. Что же с третьим отступлением?

– Мне просто хочется, чтобы вы знали, что наш побег дался тяжело. Но он всё же дался. Знал бы наш русский приятель, что он сам ему и поспособствовал. Он обмолвился, что наступила уже следующая дата. Для меня это означало одно: Луна вошла. Да, я бы нарушила цеховой этикет, уйдя в поток перед несведующим, но зато могла быстро отступить, если бы развитие ситуации мне не понравилось. Я слегка просчиталась по времени, так что исполнить манёвр удалось так себе: мягко плюхнулась в коридоре, когда подчинённые того офицера уже покинули свой пост и входили в дверь – хорошо, что не обернулись. Минуту спустя я вас забрала, прыжками по основным путям – я-то надеялась на лучшее – мы добрались до выставочной ограды, и, ввиду некоторых особенностей экранирования, вас, полубессознательного, мне пришлось с десятков метров тащить на себе, пока ис-дис не сообщил о пересечении канала. Ладно-ладно, на самом деле, конечно, волочить за собой. Не беспокойтесь, ваш костюм в порядке.

– Признаться, мне как-то неуютно и стыдно. Итак, это были три отступления. К чему бы вы хотели вернуться?

– Закончим с жертвами той ночи. Все они без исключения были минорами. И минорами, которые решили объединиться. Это само по себе уже занятно, поскольку они обычно сторонятся друг друга. Единственный шанс увидеть больше,

чем, условно, семерых за раз – это за бутылкой пошла.

– Понимаю. Пьют, чтобы законсервировать хотя бы такое существование, которому отчего бы не ухудшиться следующим днём. Подонки сливаются в одну кружку – и вот, стакан уже наполовину полон.

– Как-то так. Но погибшие в Нёйи отнюдь не за этим собрались. Они намеревались выступить против Директората. Я уверяю: те выпады про Зверя и тенёта – это про нас. Такая вот поэтика революции.

– Революции или корпоративной войны?

– О, а вы бы прекрасно влились в недавнее обсуждение того, с чем мы имеем дело. Довод в пользу снятия с вас статуса арестанта.

– И тут же к мёду примешаю дёготь. Вы говорите «меньшинство», но я чувствую в этом властный ход. Признайтесь: в реальности они превосходят вас числом?

– В данном случае важна не численность, а организованность. И с этим у них всегда было плохо. Они охотно дробятся на фракции и порой устраивают мелкие феодальные междоусобицы. Объединиться в конгломерат для большинства значит – уступить кому-то. До сей поры не объявлялся Мориарти их мира. И так же ловко раскинул сеть. Мы и впрямь попались в его силки и споткнулись на ровном месте. Кстати о ровных местах, глади и прочих используемых символах и образах... Впрочем, нет, по вам вижу, что лучше оставить до следующего раза.

– Мне крайне неловко об этом просить, но я бы предпочёл сделать перерыв в нашей беседе. И вам есть, что сообщить правлению, и я бы воспользовался услугами санитара. Но прежде – не могу не спросить кое о чём...

– Беспокоитесь за своего друга?

– Да. Я отсутствую уже неделю, и это ещё не окончание. Он может предпринять неверные, чересчур громкие шаги.

– Как вы помните, в тот день мы обозначили время новой встречи. Сёриз с ним встретилась и намекнула, что нам двоим пришла в голову некая взбалмошная идея, и отговорить от неё не было никакой возможности. В общем, Анри считает, что мы укатили в небольшое турне в какой-то городок с названием, начинающимся на «Б».

– Хо-хо! Ох-хох... Ох, как вы ловко угадали с этой буквой. Впрочем, объяснение вам покажется скучным.

– А началось наше приключение с того, что мы не удовлетворились загородным маршрутом одного из мель-кош, прогулку на котором вы мне предложили...

– Простите, что прерываю, но – мель-кош? Чувствую, ещё и с Оперы? Как это... по-английски. Я, признаю, тот ещё романтик, но Энрико это, подозреваю, принял со скрипом. Нет, для большей правдоподобности нужно срочно состряпать ему телеграммку или открытку.

– Да, мы тоже об этом подумали. Но учтиво решили подождать, пока вы очнётесь, чтобы составить её самостоятельно. И, Мартин, вы же обойдётесь без глупостей?

Путаются мысли.

Рразваливаются!

Путаютсяразваливаютсяикрошатсяссыхаютистлеваютсгораютубивают!

Надеюсь, преданное бумаге выше – нет, вымарывать это я не стану, пусть будет наглядным свидетельством! – выглядит хоть чуточку пристойнее и не столь жалко, нежели я тогда. Мой вид и сейчас не лучше, но ко мне вернулась способность более-менее стройно излагать мысли. Впрочем, в искренности тем записям отказать нельзя: мысли не только разваливаются – это издержки запущенной мной машинерии, опасность близости к ней, знания её устройства, да и сам распад был и остаётся частью нашего плана, – но в действительности путаются и убивают.

Ещё одна жертва, которой могло не быть. Не должно было быть! И с ней я утратил точку давления на твоего старого воздыхателя. А равно и канал информации о внутренней кухне Директората. Партию сплетницы, партию разносящего вести Меркурия она уже давно сыграла, и потому должна была уйти со сцены. Не ушла. И вот итог: то, чем я угрожал

твоему поклоннику, сбылось – и никого – никого! – не тронет, что я блефовал, а смерть её повлекло иное.

Мне бы радоваться, что Блез не отбил у подростшего за эти годы поколения – и не одного – стремление добраться до сути вещей... Если эти вещи – не игрушки и предмет смеси обожания и страха самого Блеза. Но, может, в этом и причина: невозможность добиться всей правды об устройстве Директората и заставила её направить силы вовне. Она продолжила играть без партитуры. И одной ей лишь ведомыми путями вывела импровизацию к «Скиаграфии» – той её части, той её машинерии, с которой соприкоснуться никак не должна была. Не должна была!

Наказанием мне – взрывающая, раскраивающая память сцена – «сцена», будто то было для зрителей! – её гибели.

Она не ведала... Не это она искала. Она проникла на склад. Её не знали. Разумеется, ведь он служит для обеспечения потребностей другого «департамента». Нельзя винить моих людей за то, что им удалось обнаружить и задержать человека Директората, но зачем, зачем было отправлять её в футляр и пытаться перевоплотить? Это уже не жёсткость, но жестокость. Жестокость избыточная, неоправданная и поспешная: они не сняли с неё ис-диспозитиф, саму процедуру проводили небрежно, будто та предназначена для пыток. Позже я доступно, на живом примере двух особо ретивых участников расправы объяснил, в чём разница.

Я слишком поздно обо всём узнал. Когда прибыл (ситуа-

ция требовала вмешательства!), она уже потеряла сознание, её устройство – коллапсировало так, что теряюсь, какими интегралами живописать его умирание. За ним последовал и её организм. Бедняжку было не вернуть к жизни. Лишь одно я ещё мог сделать. Я возвратил её тело к виду и состоянию, что оно имело за несколько часов до того. Но функции мозга – нет, всё было безнадёжно распылено меж времён. Верну, что могу, дабы её сёстры почтили память – я на это права не имею.

Мир больше не услышит её песню. Нельзя сравнивать её с инструментом, исполнявшим партии, написанные мной или Блезом, но на ум не приходит ничего, кроме мысли: мы заглушили её звонкий голос сурдиной. Дитя города, ты ему послужило.

О процессе в целом. Возможно, мы, если взглянуть с определённого ракурса – не знаю, доступен ли он тебе, – перестарались.

Наиболее сообразительные интуитивно начинают принимать меры, представляющиеся им адекватными. Дело доходит до разрывов давних пактов с Директоратом. Из болота истории извлекаются технологии и практики, запечатанные и упокоенные в нём до скончания веков, – что оправдывает обращение к ним, если век истинно может стать последним, – оставленные в прошлом. А оказалось, что только лишь законсервированные, ждущие своего недоброго часа.

Так, среди прочего прелюбопытнейшего, мне попало сообщение из Марэ. Еврейская община потребовала от Директората то, что он никак не в состоянии ей дать, но тот, вместо признания и поиска дипломатично-доверительного решения, принялся бюрократично-бестактно тянуть время. Итог: община выдвинула ультиматум об организации самообороны (от Директората в том числе). Что же этому сопутствует? В подвале одного из домов была прорыта шахточка к древним глинистым слоям. Понимаешь? Не далее как через пару недель плас Сэн-Поль – или, как меж собой называют, Плетцль – будут патрулировать големы.

Заставит ли это штабных «симметрично» вспомнить о похороненном проекте урбматериальной армии? Ты, полагаю, припоминаешь обстоятельства, вызвавшие к жизни разговоры о его реализации. Это довольно амбициозный проект, но вполне осуществимый, а на превосходящие его по масштабам, что превращают в орудие каждую улицу, каждую стену, каждый камень в брусчатке, ресурсов уже совершенно точно не хватит. У Директората – не хватит, а у нас, – пишу, произведя приблизительные подсчёты нацеженного в резервуарах, – вполне. Хм, надо будет обдумать... Увёл мысль не туда...

Да, вот в какой связи я остановил внимание на этом инциденте: так, перебирая пыльные полки документов и памяти, кто-нибудь ненароком может наткнуться на похожие идеи. В частности – на то, что твой кавалер мог «случайно» забыть

и оставить в качестве подсказок и ниточек, ведущих к теме эхоматов. Мы оба знаем, чем это наверняка закончится...

Прости, если это письмо будет до неприличия нестройным. Мысли путаются.

III. Et in Arcadia ego

18

Мартин сделал верный выбор, поскольку сейчас, спустя четыре дня после того разговора, наслаждался, несмотря на зной, послеполуденными видами парка Бют-Шомон – и не один, а в компании очаровательных Селестины и Сёриз, под наблюдение и ответственность которых и был отпущен. Похоже, Директорат всё-таки нуждался в союзнике извне, вдобавок обладающим столь нетипичными навыками и готовностью их применения, – насколько отчаянно, можно было догадаться. Догадываться оставалось и о причинах молчания мистера Форхэда. Мартин ещё не навещал Энрико, – что собирался сделать этим вечером по расставании с «кузинами», – но об отсутствии корреспонденции ему любезно поведали новые союзники. В пору бы предъявить претензии насчёт проникновения в тайну переписки, однако в странном

непреходящем благодушии не мог себе этого позволить. О таких, по сути, мелочах – ну какой им прок от семантически закодированных сообщений? – ему даже задумываться не хотелось.

Расслаблял и сам парк. Прогуливаясь по нему, Мартин ощущал некую разновидность уюта, которую если и чувствовал, то очень давно, и вряд ли испытает вновь, хоть порой во сне и слышит её далёкий зов. Мартин мог бы назвать её утробной. Самой формой Бют-Шомон навевал ассоциации с внутренним органом – маткой? – или клеткой и её органеллами. Вот бельведер с прудом – плод с околоплодными водами или ядро и вакуоль, вот тропинки и растительность – капиллярно-сосудистая система и цитоплазма с везикулами... «Так органично и идиллично, возможно, не выглядел и зародыш Сите».

Как и живое вещество, парк пребывал во здравии и болезни, адаптировался к внешним условиям – жаре, уже больше недели как обволокшей город и сразу же давшей понять, что борьба с ней обречена на безысходность. Удушливый паразит не ослабит обжигающую хватку, пока не напьётся испарениями и соками, не побрезгует и гнойным расплавлением, что примет за свидетельство поражения. «Аппетит у спрута разыгрался с новой силой?» Но горожане ещё получали удовольствие от погоды, вальяжно прогуливаясь и позволив себе вольности в одежде, и павильоны Трокадеро прибавили аутентичности. И, как было сказано, защитными механиз-

мами, коль скоро контратака была бесперспективна, обзаводился и город.

Кто-то пробовал перенести средиземноморский и магрибский опыт, кто-то размышлял над новым, а кто-то отыскивал применение когда-то позабытому, придуманному словно про запас, на будущее. На то самое будущее, что неизменно – прямо или косвенно, через абсурдность и гаргантюизм – закладывается Республикой в проекты. Весьма кстати пришлось, что на позапрошлой – для города – Выставке кто-то задумался, отчего бы не использовать солнечную энергию? Ту самую, каковой нынче было в избытке. И опять-таки, до чего восхитительной в абсурдности была идея – но она работала! Хвала гражданину Мушо и его аппаратам! Вампир доил город, а тот в ответ параболами солнечных коллекторов обращал злые лучи-щупальца себе на пользу: вогнутые зеркала фокусировались на котлах и запускали простые паровые машины, но что ещё важнее, вогнутые зеркала приводили в действие и машины морозильные, превращая воду в лёд! Этим-то льдом и спасались. Обошлось не без модернизационного озарения кого-то из инженеров Директората, – как и не без смутного ощущения, что это не вполне обычная жара, – но для всех это была просто чудесная почти что архивная находка. Возможно, в ближайшие дни господину Мушо адресуют количество писем, пропорциональное количеству гелиоаппаратов, которые начали устанавливать со всей возможной расторопностью. Мальчишки-газетчики на скорую

руку переквалифицировались в мальчишек-мороженщиков. На скорую и, возможно, Chesавшуюся от того, что и зарплату они частично получали продукцией, за процессом производства которой приглядывали.

К одному из таких устройств Мушо, размещённых в парке, и приблизились с известными намерениями Селестина и Сёриз в сопровождении Мартина. Для всех вокруг – именно так, не наоборот. Возможность периодически остужаться, как это уже прозвали горожане, солейгласом позволяла «кузинам» бесппроблемно и без спешки знакомить Мартина с их гипотезами. Мартин охотно согласился с «театральным» подходом, правда, на данном этапе сочтя некоторые должности избыточными, но когда Селестина вспомнила о пробе психиатрического подхода в описании «слепоты» штаба, у него появился комментарий.

– Возбуждение... Ступор... Применительно к описанию механики интересно, но вы пользуетесь терминами, не осознавая, что тем самым признаёте: система больна. Не по факту последних месяцев, а принципиально; сами состояния не являются наведёнными, это внутренний порок Директората.

– Сели, ты была права, что не позвала Саржу, иначе бы нас сейчас атаковали с двух флангов со всей возможной солидарностью. И всё же, похоже, он был прав, а с ним и вы: да, нужно изыскать новую конструкцию осуществления правления. Но не отрицая уже существующего базиса. Просто поверьте: в этой потаённой области *ars gubernandi*⁴⁷ мы выра-

ботали и применили то, что до сего дня подходило наилучшим образом. Здесь нет единственно верного решения, приходится комбинировать. А теперь в смесь добавится такой неожиданный элемент как «равносильный конкурент».

– Папá Блез – президент нашего общества, как вы помните, – лаконично, но ёмко поименовал нашу ошибку, наш грех: Раав.

– Лаконично, ёмко – и двусмысленно. Раавами, – если опустить метафору Египта, – были и монстр, и укрывшая соглядатаев Навина женщина из Иерихона, чей род деятельности остаётся спорным, но сводится к тому, что она, так или иначе, принимала мужчин. Искренне прошу извинить за эту подробность. И не то, чтобы я намеренно запоминал такие милые детальки библейского нарратива, просто в том числе над этим сюжетом работал Тиссо – ваш соотечественник, после известной войны и в особенности её эпилога нашедший укрытие на Альбионе, – в цикле по двум Заветам, отошедши от бонтонности, симпатичной гаммой и перемежающей грусть и иронию. Но я отвлёкся. Так что, с одной стороны, это можно расценивать как намёк на тайную помощь антагонисту в обмен на пощаду или вовсе из *сочувствия*...

– Мартин, не надо, – отчего-то помрачнели «кузины». Мартин отступил, стараясь завершить мысль поскорее.

– ...Или же счесть тем, что неизменно сопутствует явлению демона, каковой и имелся в виду. Того, что под своими знамёнами, будь таковые у него, объединяет гордыню, дер-

зость и высокомерие, но вместе с тем и ослепление искрящимся блеском полноводного могущества. Это серьёзно, но через подобное проходят многие крупные организации.

– Для папá что сравнение, что сам процесс представляют-ся чуточку более личными.

– Вновь произнёс что-то не то, до чего я нетактичен!

– Просто вы не общались с папá. Впрочем, пожалуй, вам этой встречи лучше избежать.

– Да, и хотя бы из-за того, как, – вообрази, Сёриз, – он бы обращался к Мартину? – довольно озорно вставила Селестина.

– Но всё же вновь позвольте выразить признательность за доверие к моей неуклюжей персоне, повлékшее снятие ареста.

В это время затихшая троица проходила по дорожке под мостом, бывшим очередным детищем Эффеля. Мост, ведущий к островку, был скромен, но отказывался мимикрировать под окружающий его натурализм. То, что пытались привнести Альфан и Давю, избавив парк от традиционной симметрии французского сада, Эффель сколь аккуратно, столь и безапелляционно поправил. А впрочем, то могла быть шуточка, а то и намеренный подарок, аллюзия к инженерному происхождению Альфана, благодаря барону Осману и Наполеону III закрепившемуся на позиции главного городского устроителя садов. И, возможно, это было единственно мужское в этом женском, очень женском пространстве. Должно

быть, Мартин хмыкнул, поскольку у него попросили объяснений.

– Да вот, задумался по поводу контрастности, наводимой тем мостом, и по тропке одних рассуждений набрёл на другие. Вы слышали о городке Икитос, что в Перу? А о «Железном доме»? Поучительная история. Приэкваториальная Южная Америка уже третий десяток лет переживает каучковую лихорадку, естественным образом породившую особый тип нувориша – каучеро. И как всякий благодарный сын своей страны, привязанный к её природным богатствам, которые требуют постоянного присмотра, хочет её за это отблагодарить. В нашем случае – возведением чего-то, что должно всем своим видом знаменовать вхождение в клуб цивилизованных, достойных доверия. Нашему каучеро не вполне повезло жить и процветать в эпоху вуайеристов от инженерии, как вы их тогда назвали, но я не уверен, что запомнил точно. И уж тем более не повезло жить в эпоху Выставок. Каучеро заразился мечтой. Он спутал две разновидности демонстрации и манифестации. Вместо требуемой в действительности, его выбор пал на ту, чьими средствами служат стекло и голый металл – впрочем, не настолько уж и голый, когда дело касается внешнего облика общественных зданий. Полагаю, в те эстетические основания, по причине которых уже в интерьере оставляют неприкрытое железо несущих конструкций, закладывается и принятие по умолчанию всеми пользователями строения его сути, функциональной и, на данном этапе

общественного сознания, не располагающей к уюту – за исключением выделенных зон вроде так пока и не открывшегося ресторана «Le Train Bleu». Вы уже догадываетесь, что сделал наш герой: он заказал дом из листового железа. И с этого момента история становится полуполюгендарной. Все элементы дома – блоки и узлы – произвели, как верят, в Бельгии, а затем перевезли в Перу, где их тащили по рекам и джунглям...

– Теперь вспомнила! Авторство конструкции ещё приписывают Эффелю, вот отчего ваш сказ!

– Только народная молва бездоказательна, Сели, и также отмечает, что дом якобы не в его стиле. Я, признаться, изображений не видела.

– И это, мадмуазель, поддерживает мифологический ореол истории. Причём такой, что отдать предпочтение можно любой версии. Думаю, нрав господина Бёникхаузена вам знаком в большей степени, чем мне, а потому наверняка не станете отрицать, что от лишних денег он бы не отказался. Но, разумеется, одно дело – получить щедрое вознаграждение, а другое – не запятнать репутацию технически добротным, но этически сомнительным проектом. Самый простой вариант после отказа от предложения? Попробовать поработать в несвойственной пластике, что само по себе неплохое упражнение. Однако ж – да, не будем забывать и о вероятности, что за проект взялся не он, а кто-то из его компании. Возможно, по прямому, но не афишируемому поручению. Возможно, выскочил из-за конторки и нагнал понурившего

голову господина, не ставшего клиентом фирмы, но согласившегося стать первым личным клиентом начинающего честолюбивого архитектора, амбициям которого не дают ход, – сложно ли встретить такого Рагнара Брувика, в особенности в этом городе?

– Но к чему это повествование, чем же всё кончилось? Какова мораль?

– А что может произойти с железным домом в экваториальном климате? Под солнцем «La Casa de Fierro» превращается в печь, только и пригодную что для выжигания дурных надежд, а под дождём эта красота принимается несолидно ржаветь, тут и без дополнительных эффектов умбрэнергии всё весело. Мораль? Вроде бы, по касательной я её отразил: всякой ли конструкции следует давать жизнь, если к тому нет прямых и очевидных препятствий, и где тонкая красная линия, за которой удовлетворение всегда присутствующих личных интересов архитектора, ускользающих от внимания заказчика по причине невежества, становится в своём роде аморальным; и готов ли современный Прометей нести бремя ответственности за неуместное детище? Впрочем, страшен будет век и строй, когда невежество установит диктат и даст проектировщику не глоток воздуха, а кандалы.

– Вот только улавливаю я за этим иной вопрос.

– Поражаюсь вашей проницательности, Сёриз.

– И не хотите снова кого-то случайно оскорбить, поэтому в своей последней реплике не решились его озвучить, оста-

новившись на обращении? Хорошо, позвольте мне: «Так ли нужен этот ваш Директорат со всей этой сетью коммуникаций для контроля за этой урбматерией и этими разливами умбрэнергии?» А, ну и ещё можно дополнить каким-нибудь сопутствующим вроде: «Как же обходятся в городах поменьше и деревнях? Или там тоже есть свои общества?» Ведь так?

– Да, – Мартин осознавал, что Сёриз подгоняла разговор не только из-за жары, поэтому действительно был готов отложить эти вопросы ещё на несколько дней.

– Начнём с конца: где-то есть, где-то нет, но в большинстве случаев всё-таки нет. В сельской местности, среди полей и скота регулировать нечего.

– Забываешь об играх с кадастром.

– Правда, встречалось такое развлечение, но эпизодично. Пастораль редко родит эмпата-актора. И ни один из таковых, насколько можно судить, даже не задумался над чем-то вроде манипуляций с землёй Эльзаса и Лотарингии.

– Заодно уж объясни, почему в провинции с эмпатами туго.

– Потому что «туго» с пластами умбрэнергии. Нельзя сказать точно: то ли урбматерия её привлекла, то ли она привлекла урбматерию, но наблюдается корреляция между размерами и значением города и объёмами умбрэнергии под ним. И ведь подумать: тысячи, миллионы лет она ждала подобной сложной, сознательной организации вещества! Течение и тогда прилиvalo попутно Луне, но на природе это, по

всему видно, не отражалось, если, конечно, мы просто не видим эпического размаха последствий. Как тут не уверуешь в старых богов? Что до обществ в иных городах, то это больше любительские клубы, нежели серьёзные организации. И с этим поделаться мы ничего не можем, поскольку нужна воля местных. Хотя по нашему настоянию в стратегически важных муниципалитетах – возьмём тот же Ле-Крёзо – правительство постановило создать интендантуры, способствуем им, чем можем. На пространный викторианский рассказ о том, как всё обстоит в иных странах, даже не надейтесь. Во-первых, связь поддерживаем от случая к случаю, обходимся без профессиональных альманахов и дипломатии. Во-вторых, подобные нам общества существуют, но где-то они находятся на нелегальном положении – как в Польше и Чехии, что не облегчает жизнь ни городам, ни эмпатам, где-то – как у вас в Лондоне, между прочим, – недалеко ушли от элитарных лож, где-то – распускаются и вновь собираются чуть ли не каждый год новым составом, где-то – заняты омузеиванием города, отдавшись натуральному консерватизму урбматерии, где-то – обходятся копированием нашей схемы, ну и где-то – неведомы властям, и об их существовании мы можем догадываться по косвенным признакам. И касательно последних замечу: властям – публика-то не в курсе ни про один из сортов. И нет, миноры не разбалтывают, им же выйдет дороже, поэтому-то нам было особенно неприятно, что те, в Нёйи, объединились не только между собой, но и с по-

сторонними.

– Но должны же какие-то формации урбматерии у вас вызывать если не восхищение, то уважение и сопереживание?

– «Должны» – слишком сильное слово, но некоторая линия преемственности есть. Рим прозван Вечным городом не одной поэтики ради.

– Помнится, он меня оттолкнул. Вернее, я не смог его усвоить.

– Тогда вы кое-чего не знали. Что же ещё? Ах, конечно, Венеция. Но это долгая и полная трагизма история отторжения целого города. Его весьма странно обтекает мигрирующая по полуострову умбрэнергия, которая слабо смешивается с нативно присущей. Аппенины не позволяют прижиться акватическому дитя готики и Византии.

– Неужто и Зиммель из эмпатов? – буркнул Мартин. – Любопытно, не в этом ли некротическом процессе истоки культуры карнавала и театральности? Притворство в попытке обмануть рок, укрыть болезнь...

– Запомните эту мысль на будущее, она ещё пригодится, – Мартин понял. – А я тем временем интересными для наблюдения назову Вену и Барселону. Обе несколько различными путями, но идут к закреплению умбрэмпатив во власти – культурной и политической. В первой, собственно говоря, уже нашли самоопределение через отмежевание, во второй же к чему-то похожему, упоенному местному колориту, ещё предстоит прийти.

– Я запомню и обещаю совершить турне. Без лишней подоплёки. Остаётся последний вопрос.

– Да, но у меня уже язык заплетается, не обессудьте. Нет, это не симметричный и обратимый процесс, никакого возврата к мифическому «Золотому веку до нас». Теперь городу без Директората или его аналога, если мы не выживем в этой схватке, не обойтись. Понимает ли это Совет архитекторов, – специально употребляю первоначальное название, – неведомо, поскольку нет никаких сведений о том, как распоряжается перехваченными коммуникациями. Мартин, желаю и требую, чтобы вы твёрдо усвоили следующее. Первое: течение – стихия хаотическая, но по аналогу закона магнитных полей она не может не притягиваться к конструктиву городской материи. Второе: пропитанная умбрэнергией материя менее стабильна и более подвержена метаморфозам. Третье: каждый прилив течения уникален, это процесс с обратной положительной связью, под каждый мы вынуждены подстраивать схему отведения и перераспределения, чтобы нивелировать что-то одно и подкрепить что-то другое. Четвёртое: коль скоро это процесс с обратной положительной связью, зависящий от поведения – в прямом и переносном смысле – множества акторов, мы ещё и обязаны учитывать, что она же повлияет на следующий. Пятое, которое вы не поймёте: без нас город захлебнётся в желаниях, а затем просто захлебнётся. Ай!

– Простите? – но обе сделали вид, будто ничего и не бы-

ло. – Хм. Тем не менее, буду прилежным учеником и отложу это в памяти. Впрочем, кое-что я бы хотел для себя прояснить. – «Нет, что-то не сходится, чую недомолвку, но это нормально. Однако в лобовую атаку не пойду, пока выпрошу иное».

– Время ещё есть, – сверилась с маленьким хронометром на ис-диспозитифе Селестина; похоже, планы на вечер были не у него одного.

– Риторика Совета, или сочувствующих, как-то слишком завязана на свет и свечение. Я видел штабели листовок с единой для всех картинкой и набором лозунгов-обещаний, в основном объединённых тематикой света и свечения, причём подразумевается, на мой взгляд, что видящий это понимает, о каких идёт речь, – в отличие от меня. «Да станут светочем», «да высветят пороки», «да прольют свет», «да обнажат сияние», «да прозреют», «да какой-то там ещё оптический эффект сотворят», «да как тебе не надоедает всё это читать?» – и неожиданное: «Сочувствующие да явят гладь». Однако, насколько могу судить, вы, Селестина, едва услышав эту фразу из уст того офицера, сразу всё поняли. Так просветите меня.

– Мартин, напомните, чем завершила свой инструктаж Сёриз?

– Без вас город захлебнётся.

– Верно. А что требуется, чтобы захлебнуться?

– Уровень некой жидкости или концентрата, если вспо-

минать эмоции вроде гнева, должен подняться выше, чем... Ах-ха, стало быть, имеется в виду гладь потопа? Разлив ум-брэнергии? И, соответственно, презентация жизни – либо её невозможности – в этом потопе?

– Вы заслужили порцию солейгласа!

– Но это как-то не вписывается в схему: это уже не вопрос конкуренции и перехвата управления, это же полное разрушение.

– Должно быть, они надеются, что их чудо-технологии позволят им всех хорошенько запугать, а затем откатить всё к прежнему уровню. «Вот что вас ждало бы в грядущие годы под властью Директората!»

– Понятно. А то изображение? Что это, как раз условная схема отражения света – Солнца или, более абстрактно, истории – от зеркальной глади?

– А вы хорошенько постарайтесь его вспомнить. – Мартин принялся листать страницы памяти. Было сложно сказать, шуршал и шелестел на всю дорожку его разум или то была парковая листва.

– Боюсь, так это мне и видится: вот что-то, что может указывать на земную окружность, вот сама линия поверхностного натяжения, вот над ней два спаренных луча, перекрещивающихся под углом в сто двадцать градусов, вот точка фокуса, вот то, что я принимаю за круги на воде, а вот то, что обозначает оптическое преломление при перемене плотности сред, вот ось симметрии...

– Хорошо, достаточно. Иначе Сёриз тут запищит от смеха... – озорно, но предупреждающе глянула на подругу, – или его последствий. Спишем падение ваших интеллектуальных способностей на пекло. Мартин, это условная схема основных магистралей города – Сены и её набережной, основных бульваров и авеню с рю де Риволи, площадей-звёзд. Проще не передать.

– И этой простотой сокрушён!

– Но всё же ваша интерпретация любопытна. Вы помните девиз города?

– *Fluctuat nec mergitur.*⁴⁸

– Унаследован от «Corporation des Nautes». В своё время, будучи корпоративным девизом, отражал роль города как речного порта. Так что водная тематика просачивается в различные пласты.

– Воистину. – И промурлыкал под нос: – Правь, Британия, морями: британам не владеть реками. Правь, Британия, морями: британам не парить над нами...

– Да уж, некоторые потоп могут и переждать, – приставила Сёриз руку ко лбу, чтобы лучше разглядеть тучку дирижабелька, забредшего в XIX округ.

– А что вы ответите на предположение, согласно которому конечная цель не в том, чтобы пристыдить, ужаснуть, наказать или свергнуть кого-то затоплением умбрэнергией? Допустим, что так, заполнив всё пространство, предполагается добраться до велума и очистить его или хотя бы равномерно

покрыть его слоем, на котором история города будет написана заново?

– Простите, «велум»?

– Помните, мы говорили о накиннутой вуали, на которой оставляет след машинное несовершенство? – Такого безмолвного и бездонного порицания, каковое источал взгляд Сёриз, в основном по отношению к Селестине, он не встречал со времён Итона.

– Ну что, Сёриз? Кое-что могла и забыть пересказать. Или перепутать, когда мы об этом говорили: до или после твоего отлучения. Замечу: оно вот совсем не помогло, так что это и твоя вина!

– Как скажешь, дорогая, у меня для дебатов чрезмерно оплавлен мозг. Мартин, вашу гипотезу я приму к рассмотрению, и возможно, мы вернёмся к этой теме позже, когда к вам будет больше доверия. Считайте ступенями инициации.

– Принимаю. То же, полагаю, касается и свечения? – Кивком, довольно благосклонным, это ему подтвердили.

– Позвольте неуклюжестью ответить на неуклюжесть. Вы упомянули, эм, «rhizométant»... я ведь верно запомнила? А если кто-то, скажем, постановит, что это не корневище, но гордиев узел, и его следует разрубить?

– Не столь элегантно-варварское решение, – под статью породившему его вульгарно-варварскому же вопросу, – как колумбово яйцо, но зависит от того, к чему применять термин. В любом случае это ведь лишь описательная модель.

Что ей сделается от чьего-то наречения её не так, а эдак? Ха, в её системе координат это, пожалуй, будет просто ещё один способ восприятия и описания, один из множества других, а потому никакого вреда учинить не способен. Также позвольте напомнить, что по другой версии узел не перерубали. Александр принял во внимание конструкцию, вокруг которой узел был обвит, и манипуляциями с её частями решил задачу. О наличии того ярма отчего-то забывают. По чести говоря, Македонцу было бы куда сложнее без него, а так он имел дело с ограниченной структурой, обладающей осью и зависящей от сторонней поддержки. Бытие-корневище подобных общих осей не имеет. Просто представьте, что ваша сеть потоков, каналов и коммуникаций – всего лишь одна из плоскостей – срезов и выборки – развёртки. Протекающее в ней вы видите так, другой – иначе, в этом и весь спор, а расчленение узла – попытка подавить вашу точку зрения.

– Но ведь её и в самом деле можно разрушить! Мартин, не забывайте, что это не абстракция и не концепт.

– Можно. Да только уничтожить хотят ведь не её, а, позволю напомнить, вас. Мы ведь согласны, что это не простой акт деструктивного, отравляющего, самоубийственного анархизма? Ну, и потом, тогда я, помнится, пришёл к этой модели, когда мы обсуждали, что каждый может быть и зрителем, и актёром. О, каким богатством новых красок заиграли разговоры того дня! Быть может, взамен тех утраченных, что мы хотели отыскать? Но отвлекаюсь. Совету теат-

ралов до поры до времени выгоднее поддерживать зыбкость четвёртой стены, подогревать интерес к перемене позиции, указывать на самую реальность перехода, чтобы и вовлекать в постановку, и самим растворяться, раскочегаривая инертную массу, подстёгивать к перемене пропорций доминирующих кластеров. Ох, температурная тематика уже и в речь проникла.

Мартин раскошелился на новые порции солейгласа, и троица заняла одну из скамей. Сев, закинул голову, умеренно, не по-лошадиному, потрясая ей. Тот прогулочный дирижабль всё ещё дрейфовал в прохладной вышине. Во всяком случае, Мартин думал, что там должно быть свежее. А ещё выше висел тонкий полумесяц. И казалось, что в ближайшие минуты дирижабль напорется на его серебристый крючок и либо сдуется, увядая от невозможности плыть, либо незримый небесный рыбак вытянет его из небесной тверди – заколышется серебристая леска, накинута будет серебряная сеть... «Серебряные силки, серебряные тенёта...»

– Что-что вы такое сказали? – оторвались «кузины» от освежающего лакомства. «Да, это было вслух. Будь любезен, следи за собой».

– Так, случайное пересечение. И Бэзи упоминал использование серебра в своих целях, и на городском гербе, как мне помнится, серебряный корабль движется по серебряным волнам. И мне становится странно: если герб унаследован от корпорации, и вы, как понимаю, в той или иной степени её

преемники, и волны те – умбрэнергия, потоки и каналы, то не вам ли, а не ему, следует работать с серебром? Но понимаю, что геральдика и мифы скупы на металлы, а потому не обращайтесь внимания.

– Да нет, это тоже любопытно, – скромно почесала руку Селестина. – Но, возможно, по-новому отсылает к тому, что предположил Саржа: анархитекторы используют наши же технологии. Ну, бывшие нашими. Но что-то заставило от них отказаться, а прототипы или чертежи – скорее всего, чертежи – спрятать куда подальше, доверив знание лишь паре надёжных... – Фразу она не закончила и поникла. Сейчас она заплачет. Сёриз её приобняла.

– Мартин, возможно, мы кое-что не можем вам поведать, но я открою причину прогулки в Бют-Шомон. Сегодня здесь, уже в этом часу, состоятся похороны. Пропали два сотрудника Директората. Один – архивариус, мы до сих пор не знаем, что с ним, он не оставляет отпечатков на урбматерии, но ему доверялось ведение многих неоднозначных документов. Вторая... была одной из нас. Её мы и хороним. Корнелия, так её звали. Через неё и поступила информация о Нёйи. Тело выловили из Сены, ис-дис при ней не обнаружили, но в чужих руках он бесполезен. Прозектор не вынес иного заключения, кроме того, что естественные запасы умбрэнергии в ней выбрали досуха. Само по себе это не может стать причиной смерти, но это единственная улика. Проклятье.

– Из реки! – глаза Селестины были красными и влажны-

ми, а голос надрывен. – Мы забрали её вовремя, не дали стать новой и подлинной «Незнакомкой из Сены»! Не будет такого удовольствия! Видите моноптер на вершине острова? «Храм Сибиллы». Там мы всё и проведём, вернём её старым богам в зеркальном гробу. И, Мартин, извините, но вам присутствовать нельзя, это дело ангерон...

– Да, я понимаю. Соболезную. – «Чуть не сказал, что сочувствую, идиот. И Совет хорош: так заявить права на слово».

– Ох, – взбодрилась Селестина, – время для скорби ещё настанет, а вам наверняка любопытна последняя моя оговорочка. Ты ведь не против, Сёриз?

– Нет, – вполне искренне она была не против, но всё же произносила с назидательной отрывистостью составляющие фразу слова, – это ведь всего лишь неофициальное самоназвание группы людей, о чьём существовании Мартин и так знает.

– Вы уже, верно, роетесь в своей воображаемой энциклопедии?

– Изрядно траченой книжными червями. С римскими божествами есть такая трудность, что они многоаспектны. Ангерона, вроде бы, избавляла от боли и страданий, утешала, а заодно как-то связана с молчанием... Не стану докучать жалкой попыткой угадать.

– Её изображают с поднесённым к губам пальцем, это правда. И названное вами ей тоже приписывается, но для

этого годится и почитаемая плембсом Ферония. Ангерона – необычное божество. Бывают божества региональные, сельские, домовые, даже уличные. Но Ангерона – божество городское. Она хранит тайное, сокровенное имя Рима, которое ни в коем случае не должны прознать враги. Вечность города отчасти возложена на её хрупкие плечи. А сопутствующие этому функции направлены на помощь горожанам в преодолении кризиса: когда советом, а когда и названным утешением. А кризис неминуем всякий раз, когда город пытаются поработить, низвергнуть его элиты, подменив их собой.

– Божество тайного знания, от которого зависит благополучие города. Нахожу параллели.

– И сегодня мы прощаемся с одной из нас. И надеемся, что она – по доброй воле или под пытками – не выдала секреты, не стала упомянутой вами Раав. Я в это верю.

– Покончив с траурными мероприятиями, мы на мосту Каррузель ненадолго переменим лик статуи – аллегии города – на лицо Корнелии. Будете в ближайшие дни пересекать его – приглядитесь. Теперь же просим оставить нас. И не забудьте легенду.

– Конечно. До свидания.

Селестина и Сёриз поднимались на холм, а он брёл по обезлюдившим дорожкам к выходу. Лишь на удалении он обернулся к ротонде и заметил, что фигур там было куда больше, нежели две, и продолжали прибывать, материализуясь прямо из воздуха. «Вот так, на публике, без стеснения?»

Ах, ну да». Он даже не осознал, что ещё в самом начале подметил несвойственную вечернюю безлюдность территории близ острова. А затем, как ему показалось, увидел и подёргивание воздуха там же, на вершине. Продолжение мистерии было скрыто от посторонних глаз, в том числе и его. Он, должно быть, и так увидел куда больше, нежели редкие, но всё чаще встречающиеся ближе к окраине, посетители парка.

Энрико встретил Мартина с распростёртыми объятьями. Но, похоже, готов он был одарить сердечной добротой любого, кто постучал бы в дверь. Энрико не было особого дела до заготовленного изложения «романтического приключения», поскольку «романтика – всегда про двоих и всегда для одной». В отличие от журналистики. Да, люди Бэзи вновь вошли с ним в контакт. Другие люди, другая группа. «Труппа», – удержался от иронии Мартин. Как подтвердили Анри, исполнители одной из акций мертвы, и им надо посочувствовать, однако это техническое препятствие, новый состав успеют собрать ещё до того, как очередь дойдёт до его участия. Анри же предлагали отныне не быть привязанным к этому и ожидать вместе с готовящимися активистами. «Понятно, сместили акцент. Запасная или второстепенная сюжетная линия стала основной. Стало быть, в сценарий изменения вносятся». Мартин объявился вовремя: уже в ближайшую субботу пройдёт первая презентация, на которую Анри намерен непременно уговорить его пойти. И это будет художественная выставка. А где же она пройдёт? О, это очеред-

ная тайна. Только субботним утром об этом объявят публично. «Нужно сообщить Селестине. Есть ещё четыре дня, чтобы всё разведать. Вряд ли Энрико что-то скрывает. Но нужно больше информации». И он принялся, не особо заботясь о подозрительности, выпытывать у друга подробности встречи с театральными. Энрико не осмелился противиться напору и передал всё, что отложилось в голове. Нет, конспирация была на уровне прошлой встречи. Шанс выйти на их след улетучивался со скоростью эфира в плохо закупоренной бутылки, оставленной под солнцем.

19

Обход, каким бы рутинным и предсказуемым ни был, позволял Михаилу наслаждаться инженерной красотой конструкта «Александра II Освободителя». Даже если приходилось при этом делить удовольствие с унтер-офицерами, также отправленными в наряд. Он водил фонариком по сферам газовых баллонов и иной раз ловил себя на пугающей мысли, что думает об иных округлостях. Или, что было ещё хуже, замещает одни другими? Отставить. Нужно было сосредоточиться на поисках протечек и дефектов. Всё было в порядке, по-обезьяньи двигавшиеся по фермам унтер-офицеры тоже не сообщали о неполадках. Не сообщали... Лейтенант Евграфов провёл переключку. Нет, никто не надышался

испарениями жидкостей, что текли по аккуратным пучкам патрубков, или подъёмным газом, для «серафима» и «херувима» заменившим водород, негорючим, но способным к удушению и при вдыхании оказывавшим тот эффект на голосовые связки, что неизменно в одночасье рушил всякую дисциплину. «Простите их, генерал Мёнье, я ещё приучу их уважать ваше наследие».

Свет словно отскакивал от упруго натянутых тканей и отблёскивал на металлическом каркасе оболочки – прекрасном, изящнейшем творении господина Шухова. Ещё четыре, три, два года, год назад его гиперболоидные конструкции только мечтали оторваться от земли, а по не менее известным трубопроводам транспортировалась нефть Кавказа и Каспия. Сейчас же первые сколь ловко, столь и благородно возносились к облакам, а по вторым, миниатюрированным и приспособленным к использованию на дирижаблях, лились гидравлические и горючие жидкости. Неутомимый гений Владимира Григорьевича присутствовал на Выставке и вне воздушного флота: можно было не сомневаться, что его запатентованные трубчатые котлы будут достойно отмечены профессиональным сообществом и найдут самое широкое применение. И, пожалуй, было справедливо, что господин Бари, бывший начальником и старшим товарищем Шухова, отказался от «особой подписки» – с таким-то талантом! Но Михаил всё равно чувствовал своим долгом каким-то образом сообщить им, если столкнётся с чем-то,

что живейшим образом могло бы сказаться на их предпринятии.

Из раздумий его вырвал влетевший подпоручик – из тех, что адъютанты с аксельбантом, для заметности пёстро выряженный, с характерно выпяченной грудью. Впрочем, доложил он важное: Дмитрий Иванович назначал встречу «где-то через четверть часа с момента получения известия – или сколько там потребуется для завершения осмотра». Строго говоря, отправляться Михаил мог хоть сейчас, в компании подпоручика, однако отослал его, поскольку счёл, что неплохо бы прежде посмотреть на себя в зеркало и избавить господина Менделеева от созерцания потёков масла и смазки, а также прочих пыльных шрамов и отметин, – тот, как известно, всегда был опрятен и по отношению к своей одежде работал предельно аккуратно.

Михаил отдал проверочный лист одному из унтер-офицеров и спустился к себе в каюту, где и осмотрел форму, не заметив на ней следов пребывания наедине с техникой. Лишь омыл руки и погладил обритый череп. Оставался специфический запах, но этим парфюмом он мог гордиться. К встрече он был готов. В последние сутки его даже не преследовала тень, а до того он уже перестал за ней гоняться, представься такая возможность.

Перестал он думать и о загадочном устройстве – он его даже не скрывал. Иногда вертел в руках, но чаще просто оставлял лежать на столе. Оставил он и мысли о его хозяйке. Но

не потому, что сдался, а потому, что хотел позволить глубинным отделам мозга, любящим подремать и лениво пережёвывать то, с чем не справилось сознание, поработать вместо него. Обычные возможности он исчерпал, биться головой о стену было непродуктивно.

И уже которую неделю он собирался в свободное время приступить к «Горнопромышленнику» Онэ, но смутно понимал, что до конца лета так за книгу по-хорошему и не возьмётся. Секунду. Зато похоже, кто-то другой за неё брался – и не далее, как этим же днём! Утром он оставлял её у подушки, – поскольку подкладывал под голову, – а сейчас она лежала на середине койки. Кто-то проводил обыск? Его в чём-то подозревают? Нет, Никанор и Авксентий его авантюру бы не выдали. Кто-то из работников Павильона? Вряд ли, тот закуток они старались не посещать, он был отдан под тайник, о содержании которого допытываться воспрещалось. Да и Михаил позаботился, чтобы его сымпровизированная операция с допросом прошла под прикрытием ширм, их никто не беспокоил. Похищенные экспонаты он также оттуда выгреб. Что же остаётся? Новые игры тени, ответ на игнорирование? «Автоматерь божья, да сколько ж можно! Всё, пора на встречу».

Воздух в каюте-аквариуме по-прежнему фильтровался достойно; Михаил словно попал в Альпы. Вид горной вершины, поднятой тектоническими толчками и ныне заснеженной, – в обоих процессах согласно гауссовому распреде-

лению, – принимал и полный бумажный стол. Полный, но всё же не столь кафарниумовидный, какой бывает у самого Михаила. Что это могло быть? Академическая корреспонденция, диссертации на комментирование? Или ворох результатов экспедиции? Михаил понимал, что этими вопросами загромождает собственные. Вот бы и ему кто голову прочистил.

– Здравствуйте, здравствуйте, Михаил Дмитриевич!

– Здравия желаю, Дмитрий Иванович!

– Не буду ходить вокруг да около, поскольку знаю, сколь отчаянно вы искали этой возможности. На этой неделе вы раскроете терзавшие вас сомнения. По крайней мере, так кажется мне.

– Я весь внимание.

– Впрочем, причастность той ночной беглянки всё ещё под вопросом. У вас есть какие-то новости по её душе?

– Пусто, – Михаил старался не обмануть собеседника, а потому охарактеризовал обстановку по исчезновению пленницы.

– Теперь, полагаю, сможете сосредоточиться на информации, исходящей от меня.

– Так точно! – Михаил понял намёк, и, как бы в подтверждение, расправил плечи и не отводил взгляда от лица почтенного старца.

– Ну-ну, полноте вам. Мне хватает того форменного паяца.

– Виноват.

– Что ж, испугите вину, внимательно меня выслушав. Спешу сообщить вам, Михаил Дмитриевич, что против нас зреет заговор, простите за употребление этого в чём-то даже смешного термина. Если точнее, то я подозреваю, что реакционные силы – из тех же кругов, что стряпают гнусь вроде «циркуляра о кухаркиных детях», а уж кто, как не мы с вами должны понимать, что такие люди нам отнюдь не приятели, – намерены лишить нас Высочайшей поддержки и заморозить финансирование проектов. Представьте себе: не успели они оттаять – и снова в минус, притом уже даже не по Цельсию или Фаренгейту, а по Кельвину.

– Что ж, в запасе ещё остаётся Ранкин.

– Господин лейтенант.

– Виноват. И на что предлагается потратить деньги? И вредят ли нам уже сейчас, напрямую?

– А вот это вам и предстоит выяснить. Но я приказал проверить бухгалтерию, и оказалось, что из программы воздушного флота ещё весной вывели весьма крупную сумму. И то ночное путешествие на рю де Комартен было не зря. Чтобы вы знали, то был номер, снятый Муравьёвым-Амурским, братом министра юстиции и некогда военным атташе во Франции, человеком непростых, но модных увлечений. Он так усердно подбивался к офицерам воздушного флота, так настойчиво пытался выведать все огрехи, искал всё, что могло бы нас скомпрометировать. И делал это якобы по секретному распоряжению министерства в рамках пригото-

ний к будущим дополнительным переговорам о военно-техническом сотрудничестве, и потому хотел быть уверен, что сбить нашу цену нечем. Чушь. Да, конечно, мне пришло подтверждение, что господин Муравьёв-Амурский находится во Франции по приказу министерства, и препятствовать ему не стоит. Одно только проглядел наш горе-дипломат: в Техническом обществе весьма удивились, узнав о «дополнительных переговорах о военно-техническом сотрудничестве», проведение которых невозможно без уведомления общества, с которым, напомним, требуется согласовывать действия воздушного флота. Простите, что использовал вашу команду втёмную, но не мог не проверить этого супчика. И не говорите, что на моём месте поступили бы так же, это будет банальностью, хоть и искренней.

– Не могу иметь к вам претензии, Дмитрий Иванович, – легко ответил Михаил улыбающимся уголкам глаз.

– Когда я говорил о Высочайшей поддержке и пагубном влиянии на неё, я выразился не вполне точно. У меня есть подозрения считать, что подтачивать её будут не снаружи, а изнутри. Осмелюсь даже указать на участие Николая Николаевича Младшего, этого высокомерного, малодушного самодура – князя, великого в искусности лжи и плетения интриг. Он слишком хитёр, чтобы подставляться так же глупо, как вымаранный из великих князей и сосланный куда подальше Николай Константинович, но за прыть бывшего аташе в ответе он. И наверняка это не все представители им-

ператорского дома, прямо или косвенно работающие против нас. Ох, велел же остерегаться, предупреждал меня о чём-то таком юный, но достойный Михаил Александрович – тихонько так, – а я, старый пень, и не расслышал, не разглядел! Мм... Но поздно сокрушаться.

– Чем же я могу помочь? Куда ведут собранные нами записи?

– Туда, где вам понадобится особое облачение. Обратите внимание на коробочку у моего стола. В ней наряд одного, хм, тайного общества. Возьмёте с собой и переоденетесь. Не здесь. И придётся пойти одному.

– Но как...

– Оказалось несложно, – между прочим, благодаря той встрече в день прибытия, что вас так, помнится, насторожила, – найти тех, кто вхож в те же закрытые клубы, что и старающийся поспевать за тенденциями экс-атташе. – Михаил вспомнил про тот блокнотик, про перечень увеселительных и статусных мест.

– Я не смогу взять с собой ни подчинённых, ни технику, ни оружие. На чём мне сконцентрироваться?

– Постарайтесь не заикливаться на чём-то одном, но и не распаяйтесь – только привлечёте ненужные взгляды. В таких местах всегда что-то происходит одновременно, просто улавливайте, образно говоря, откуда ветер дует, и ищите области повышенного давления. Постарайтесь увидеть всё вчуже. Запомните картинку с разных ракурсов, интерпрета-

цией и отсеиванием зёрен от плевел займётесь, когда выйдете оттуда.

– Сколько у меня времени на подготовку?

– Пойдёте в ночь со вторника на среду. Точнее, явитесь минут за сорок до полночи. При входе вас – куда ж без этого? – испытают. Минут пять помнётесь у порога, затем на вас соизволят обратить внимание и спросят, чего вы ждёте. Вкрадчиво ответьте: отворения бронзовых врат. Запомнили? Хорошо. Адрес... Так-так. Рю Сен-Жак, №195. На пересечении с рю Гей-Люссак. Чуть больше сотни саженей до Люксембургского сада, чуть больше сотни же до Пантеона и чуть больше сотни до Высшей нормальной школы. Любопытное место для собраний избрали, не находите? Редкий паук отказался бы сплести там паутину.

«Или спрут – раскинуть щупальца».

В означенный час Михаил прибыл в указанное место. Вернее, уже несколько раз маятником Фуко успел пересечь вытянутое пересечение улиц, отчего-то напомнившее ему скрещённые шпаги, в поисках подходящей наземной точки обзора, но, увы, так и не нашёл ни одного подходящего переулка или алькова, а хоть бы и вазона, честное слово! Ни одной подходящей выщерблины, чтобы затаиться, даже дверные проёмы были неглубокими. Возможно, место было выбрано и по этой причине: засаду и налёт на этот клуб если и могли устроить, то только выставив оцепление радиусом в

несколько десятков метров и пойти строем, достойным наполеоновской армии. Или с воздуха.

К счастью, штабс-капитан Немченко согласился после высадки очередного экспедиционного отряда, на недолгий срок оставив группу без возможности экстренной эвакуации, на всех парах подбросить лейтенанта Евграфова до пятого округа и сделать пару кружков над местностью. Рекогносцировка же и показала, что единственные возможные точки наблюдения – на крышах, но Михаил шёл налегке и не мог взять с собой приспособления для «фасодолазанья», а значит, последующий спуск с них был бы проблематичен. Разглядел он и садик за интересующим его домом. Ни одна из фигурок, вышедших в его зелень, даже не подумала взглянуть на небо и оповестить остальных о странном летающем объекте, вероятно, проявляющем интерес к их деятельности. Зато, было похоже, там же находился и второй вход; прибывающих одаривали жестами. Сергей Аполлонович вежливо напомнил Михаилу Дмитриевичу, что время ограничено, и не хотел бы подводить спустившихся на территорию Выставки, тот согласился на высадку в сквере к западу от перекрёстка; правда, не расслышал, как навигатор назвал улочку, на которую должен был выйти Михаил, – что-то вроде ль’Эпе, – и подумал, не в честь ли призоносной швейцарской часовой фабрики.

Коробочку Михаил захватить не забыл. Но переоделся только в последний момент. Деваться было некуда: при-

шлось облачиться в ализариновые перчатки и мантию, а также кардинальскую шапочку. Хорошо, что неловкость он мог скрыть за белой маской, на вид не вполне театральной, также прилагавшейся в комплекте. К двери городской усадьбы он подошёл в минуты, когда, как ему было известно, Сатурн, Уран и Юпитер выстраивались на едином азимуте, а Луна касалась нулевого. Он ждал положенные пять – или сколько потребуется на самом деле – минут, и, от нечего делать, задрал голову в беспочвенной надежде разглядеть какой-нибудь метеорный поток, хоть без инструментов и точного знания это и было бесполезной задачей.

Щёлкнул механизм, отворилась задвижка. Голос, искажённый прохождением по медной трубе, спросил, чего незнакомец ждёт. Михаил со всей возможной серьёзностью отвечал, что ждёт отворения бронзовых врат. Пурпурная дверь пришла в движение, и его пропустили в обтянутую красно-коричневой шагреновой кожей переднюю. Затем ему «напомнили», что он волен в своём выборе, и в конце данной ночной сессии, если его игру признают выдержанной с блеском, если он справится с преходящими ролями, которые могут его найти или нет по своей воле, и о существовании которых ему следует догадаться самому, поскольку уведомлён не будет, то получит проход за кулисы – иными словами, утвердится в статусе члена клуба. После этого привратник с оливковой кожей – что по цвету, что по умощенному блеску – и голый до пояса, но носивший бронзовую маску, отодви-

нул плотную чёрную занавесь и жестом пригласил войти в чертоги.

Михаила ждало одно большое, нескромное и неоднородно освещавшееся помещение. Да, первым делом он обратил внимание на зонирование светом. Альковы, эркеры и области с не то лабиринтовидно, не то ракушечнообразно сдвинутыми диванами и креслами довольствовались восковыми свечами – иной раз ими же обозначалась и мнимая стенка, отгораживавшая эти участки-лабиринтики для доверительных бесед. Менее интимные районы, где люди предпочитали стоять и переходить от группки к группке, освещались изящными, но технически простыми керосиновыми лампами, иной раз заметно коптившими от вибраций. Ну, а общим пространствам, где проходило наиболее заметное действие, достались продуманно установленные лампы с калильными телами, судя по яркости, срабившей выдаваемое электричеством, – с колпачками Ауэра фон Вельсбаха.

И людским сгусткам под липким медовым, медным и золотом светом противопоставлялась упорядоченность танца под светом платиновым. Дамы и кавалеры переступали с белой на чёрную клетку пола и обратно, кружились в необычном вальсе. Нет, менуэте? Паване? Аллеманде? Куранте? Жиге? Михаил не поспевал вспомнить верное название до того, как элементы одного сменялись шагами другого – сообразно изменчивой музыке. Возможно, то был не танец, а некий ритуал. До Михаила откуда-то донеслось слово «те-

ургический». Виденное им он готов был назвать алхимическим пламенем. Все, кого он видел, были, подобно ему, одеты в красное с той или иной примесью розового, оранжевого и коричневого, а лица их также скрывали маски – чёрные и белые, не венецианские, примитивные и скупые на детали, но выполненные мастерски.

И вот, в центре бальной залы, сплетались и разбегались фигуры: малиновая с розовой, гранатовая с рубиновой, махагоновая с каштановой, бордовая с бургундской, барканская с массачной, орлецовая с гиацинтовой, багряная с краповой, терракотовая с коралловой, алая с кирпичной, маковая приблизилась было к нему, хотела вовлечь, но её перехватила киноварная и через миг передала алой... Всех оттенков он и не знал. И понял, что так и не сдвинулся с места. Словно чувствуя исходившую от него неподвижность, танцоры переменили построение и, повернувшись к нему, волной двинулись к краю залы, чтобы вновь отхлынуть к центру. Знала ли эта церемония начало и конец? И откуда лилась музыка? Она такая тихая. Барочная. И искажённая. Ах, ну вот же граммофоны. Странная, на долю секунды десинхронизированная стереофония.

Не особенно стройные он ловил и речи. Ни один из кружков, к которым он приближался, не привлекал разговорами. Банальность, глупость, пошлость, анекдот, медоточивость – полная расслабленность, отсутствие стремления поразить собеседника. И все говорили на французском. Михаил при-

глядялся к нарядам – нет, никто не оставлял подсказок относительно своей личности, разве что ростом, комплекцией и голосом. В помещении работала вентиляция, изгонявшая лишний жар и лишний газ, но всё равно было довольно душно, однако никто не снимал ни шапок, ни масок, ни перчаток. Так он ничего не найдёт.

Задумался, хотел ли бы он когда-нибудь приобщиться к подобной закрытой, элитарной культуре, но, по чести, сейчас ему и так хватало участия в одном тайном братстве, которое, как он думал, будет распущено, самое позднее, этой зимой, когда в горнило промышленности подбросят последний пакет документов.

С людей Михаил переключил внимание на интерьер. Покрытые чёрными бархатными обоями стены выглядели таинственно, но не содержали никаких карт или эскизов. Выраженно ритуальных предметов ни на столиках, ни в редких стеклянных шкафах он тоже не встречал, а скорее бросалось в глаза их отсутствие. Он ожидал увидеть хотя бы циркули, наугольники, кельмы и прочее символически-инициатическое, чтобы по их распределению в пространстве понять, в какой стороне может быть адитон – и если не хранилище документов, то достойные риска кабинеты. Вот только место тех же кельм уверенно заняли ложечки для абсента. Была ещё надежда на верхний этаж, но не стоило мчаться туда напролом.

Видел он и напоминавшие щиты серебряные подносы

с белым игольчатым, призматическим порошком, который предполагалось втягивать за-под маску тонкими трубочками, лежавшими рядом. Как было известно Михаилу из статей венца Фрейда, вещество характеризовалось горьковатым вкусом, вызывало ощущение морозца и онемения слизистой оболочки при назальном и пероральном применении, но основным эффектом была бодрость, придание сил для долгой работы без отдыха и пищи, хотя на слух оно забавным образом напоминало название одной волшебной страны, где за труд как раз наказывали, но поощряли за лень. Кто знает, не опрокинули ли один такой поднос в начале вечера, и не взметнулось ли с него вьюжкой вещество на бывших поблизости, теперь символически искавших свой путь в пурге?

Пробовал он присоединиться и к обитателям «засвечья», однако те не обращали на него ни малейшего внимания. Вальяжно разлеглись на диванах и кушетках, улетев разумом куда-то вне этого дома, вне улицы, вне города, а может, и мира, к краю Солнечной системы. Михаил видел впереди себя лишь всё ту же чёрную стену, но смотревший в ту же сторону уверял, что перед ним – панорама чернокаменного города со зданиями-монолитами, что населяют розоватые, прямо под цвет его мантии, членистоногие с многосуставными конечностями и совершенно не ангельскими, не горными перепончатыми отростками на спине, которые он разглядеть не успевает, поскольку существа обращаются к нему, и он видит их спиралевидные, слизнячьи головы... После чего захри-

пел, монотонно вбирая в грудь густой воздух, будто надеялся им если не бесстрашно захлебнуться, то не менее отважно и решительно выпить целый океан, чтобы добраться до дна. Далее Михаил услышал только что-то про грибы, мозги и банки, при этом визионер на ощупь потянулся к хрустальной вазе, из которой выскоблил в полмизинца толщиной порцию зеленоватой кашицы, каковую раскатал в тонкую пастилку и просунул в ротовую щель маски.

«Должно быть, верно резюмировал тот доктор, что зависимость связана не с веществами, а с моральным разложением лиц, их употребляющих, надеющихся, что препараты из далёких стран унесут их в те места, откуда прибыли, и в те времена, к которым зывают». Михаил отвернулся от пропавшего, но не отыскал для взгляда достойного пристанища, не мог наметить следующую цель. Возвёл очи горе, но встретился с самим собой: потолок был зеркальным, но пошедшим пятнами и разводами, местами – искажавшим пропорции. В отражении представала картина Питеров Брейгелей или Босха – только освежёванная, лишённая икры фольклорных деталей. Может, никто и не заметит, если он всё-таки прокрадётся наверх? Снаружи часовых не было, внутри он видел только привратника да пару слуг... Нет, ему ведь довольно прозрачно намекнули, что ведётся слежка. Но как? Некими оптическими и акустическими приборами? Слишком сложно для такого места. И куда попадают приходящие из сада? Возможно, в той четверти здания, наиболее близкой

к лестнице, и где он ещё не был, но которая только и оставалась доступной на этом этаже?

«Спокойно. Оптика и акустика, оптика и акустика. Если взгляду не за что зацепиться, пора прислушаться. Прими всё вчуже», – и Михаил глубоко вздохнул, закрыл глаза, а затем пошёл мелкими шажками и стал ловить обрывки фраз. Возможно, в этой четверти разговоры были не такими и бессмысленными. Почти.

«Странный у них мальчик растёт. Сама видела, как он несколько раз стукнулся на Выставке о стеклянные панели. Уже и так в диоптриях! А позже принёс мне рисунки домов, густо обсаженных зеленью, с окнами, идущими как лента на протяжении всего этажа. И ни черта они не стройнят здание! Знаешь, что мне в них видится? Затянутые пояса! Такое вот поколение будущих выпускников Школы искусств подрастает. Может, им ведомо что-то, что укрыто от нас так же, как первые этажи – за листвой на его картинках?»

«Границ может быть сколько угодно, пока они не барьеры».

«Вы правда не знаете, что будет наилучшим ориентиром на Монпарнасе? И не чувствуете? Вы меня удивляете. Ну же, подумайте, что можно противопоставить белизне Монмартра, как не чёрное зеркало?»

«О да, в этом городе важно обращать внимание на навигационные детали. Порой рю и авеню одного имени, не говоря уже о площадях, могут быть топографически разброса-

ны. Вот вам пример: рю де Монморанси – обычная улица в третьем округе, а вот авеню де Монморанси – проспектик на Монмартрском кладбище в восемнадцатом. Или – рю де Гренелль и бульвар де Гренелль в соседних округах. Или вот, милейший, как вам Отель-де-Санс на рю Отель-де-Вилль?»

«Я слышала, что управление дирижаблем со всей ответственностью и серьёзностью решила освоить и Элен Дютриё! Уж не знаю, как это удалось повернуть – не во французские же войска она решила вступить? Ах, ну да, ну да, их же намерены и продавать. Но, позвольте, всё равно остаётся вопрос: кто же заказчик? Уж не сам ли? О, ему бы весьма подошло – выше нос уже и не задрать!»

«А по-моему, Гений электричества – Бахус, только от тирса одну раскрытую сосновую шишку оставили, увеличив до его собственного роста, и за спину ему поставили».

«А что вам не нравится? Чугун может быть любого цвета, если этот цвет – чёрный!»

«Какой это год по азиатскому календарю? Металлической крысы? Оно и заметно».

«А *pasteuriori* – позвольте это так назвать. Только после неутомимой череды опытов, только так».

«Я понимаю, но в вашем предложении банковские перфокарты не могут быть кредитными, только дебетовыми. Без возможности пополнения. Вижу это так. На добротной плотной карточке с логотипом банка и водяными знаками, а возможно, что и фотокарточкой владельца где-нибудь в угол-

ке, – строка с банковскими реквизитами, куда следует обращаться продавцу, строка с записью суммы по выдаче, затем зашифрованная строка, где эта сумма дублируется и верифицируется, ну и место под пустые строки, на которых специальная кассовая машинка отбивала бы списанные средства и сличала баланс на предмет возможности оплаты. Доступными осталась лишь пара сантимов – за новой в банк. Вы мысль-то не стесняйтесь развить».

«Ах, вот как? А слушал ли Виолле-ле-Дюк Перотина, когда реставрировал Нотр-Дам?»

«Город – механизм или организм? Организмы уникальны, скажете вы. Но воспроизводятся-то они по единым для вида правилам! И онтогенезис повторяет филогенезис. А взгляните на города. Какие-то – один унылей другого в своей похожести, не спорю, но какие-то – неповторимы. Если позволите это так назвать, урбогенезис куда занимательней казуистичных „продолжений рук человеческих” и самих чело­веков, и зверья, Адамом поименованного. В мегаструктурах, быть может, только человеческие сообщества и разыщут свою уникальность в грядущем столетии».

«Это же самые азы: горгульи – охранники, отводящие лишние потоки и в прямом, и в переносном смыслах».

«Старый добрый бурлеск на службе политической экономии».

«Я скажу, что такое медный город. Это те вечерние часы, когда от скрывающих небо облаков – зачастую этому сопут-

ствует дождь, и можно разглядеть радугу – лучи закатного солнца отражаются так, что меняют направление теней и покрывают всё вокруг жёлто-рыжим налётом».

– А вы им на прощаньице предложите построить меховой дирижабль – и пусть отчаливают к своему полюсу! – Пропищало что-то совсем рядом, и Михаил, замерев, распахнул глаза. В фигурах ничего особо примечательного не было.

– О-хо-хо! Дирижабль-мамонт, вот будет номер! И шуточка эта тоньше, чем ты думаешь, остроумица моя! – «Что за? Я слышу прорывающийся сквозь алкоголь русский акцент?»

– Значит ли это, что я заслуживаю поощрения? – мантия прильнула к мантии.

– Ты или твоё дело, а? – несмотря на маски, парочка явно знала друг друга – и близко.

– Ах, не лови меня силками буквоедства! – встала в позу гиацинтовая фигура.

– Ты и так всё время вырываешься на волю, никто тебя приручить не может! – поводила пальцем фигура савоярская.

– Не «не может», а «не способен». Сколько, сколько же скудоумцев мне до того попадалось... И наконец – кто-то с широкими взглядами!

– Надеюсь, это не было не менее тонким язвительным эвфемизмом, касающимся моей стати?

– Ты подобен атланту. На твоей стати держится всё госу-

дарство. Ах, и не только на твоей.

– Хо-хо, какое милое притяжание. Но уж извини, судьбой кариатиде более подобна твоя сестрица.

– Теперь будь уверен: мой язычок твоей стати будет касаться лишь едким словом.

– Твой раздвоенный язычок, о да!

В скрежещущей записи музыкальный ряд прервала ритураль, и это послужило сигналом для присутствующих. Кто-то – вроде «утончённой» спутницы – со всеми попрощался и собирался на выход, кто-то – вроде слуг – перетаскивал маты и подушки на пол освободившейся бальной залы, кто-то переходил из угла в угол и из зоны в зону, кто-то продолжал не делать ничего, кто-то поднимался на верхний этаж, остальные же к следующей, в скором времени прозвучавшей интермедии уже предавались оргиастической сардонии – не столько для удовлетворения похоти, сколько для сплочения в змеином клубке. Напластование красных мантий на рябящем чёрными и белыми плитками полу производило вид куска мяса, рефлекторно сокращавшегося всеми волокнами, агонизирующего, готового в бесплотных и бесцельных усилиях в ближайшее время истечь соками. Истечь под продолжившую выхаркивать себя из раструбов музыку, в которой теперь искалеченно сопрягались, перекрывали и вторгались в пространства друг друга музыка барочная и ужасная, но притягательная уродством индустриальная композиция; «си» мог взять инструмент вроде клавесина или затянуть «и»

сопрано, предваряя гулкое и низвергающее «до» или «го», что сменится рьяным, напористым, машинным «р-р-р».

– Проклятье, эти анархисты – или как их там, «анархитекторы»? – вообще могут создать хоть какой-то порядок, а не разрушить или переиначивать на свой лад, через задницу? Тот корявый звонок на антракт – и тот записанный и сквозь медную клоаку пропущенный. Понимаю, антураж, часть постановки, но... Ох, и зачем я только с этим союзом мирюсь? – «Читай: да, я к тебе обращаюсь, истуканчик».

– Вы слишком строги. Анархисты весьма живо интересуются механикой порядка и стройностью хода, под стать часовой, вот только изобретательская прыть и область их исследований при этом весьма узки – изготовление бомб, которые уже и уничтожают, и переиначивают...

– А и правда! Революционеры то обвиняют в оторванности от народа, то сами же и взрывают, уже в буквальном смысле отрывая и от земли, и от народа, и от... Избавлю вас от подробностей. Да и сами понимаете. По выправке вижу, что вы – человек военный. Но – никаких имён. Напоминаю как новичку клуба «Sub rosa».

– Благодарю. Только это всё, скорее, стоило бы назвать «Sub paraver»⁴⁹, розу нигде и ни в чём не вижу.

– Ха, отсюда и не узрите. Она украшает потолок верхнего этажа. И – не для предпочитающих исключительно прелести первого. Эти... погрязли в собственных нечистотах – и телесных, и духовных. И зеркало, – воздел руки собесед-

ник, – лишь призвано эту грязь отражать и множить, выявлять, позволить в ней забыться и раствориться. По сути, этого они и хотят, так своим непротивленьем приближают день отворения бронзовых врат. Уже что-то.

– «Они». Что же отличает вас?

– «Они» просто не мешают, в этом вся их заслуга и задача. Отказываются от действия и ждут надвигающегося шторма. И сидят в партере. Я же... Да, пожалуй, что да... Я же намерен пригласить вас в бенуар.

– Вы ответили, что отличает «их».

– Вот теперь я вас не просто приглашаю, а проведу. Выпьете?

– Я прохладен к горячительному.

Михаилу дали знак следовать. Рослая, полноватая савоярская фигура поднимаясь по длинной полуоборотной мраморной лестнице, жадно хватала, мяла рукой пухлую балюстраду – не от немоги и поиска опоры, в этом было что-то от вождения. Верхний ярус был лабиринтом паравентов, клинописью расчерчивавших то, что ещё не было поделено кабинетами и комнатами. А, быть может, и не клинописью: Михаилу это также почему-то напомнило текущую планировку «Великих реформ». Возможно, неспроста.

– Итак, – нырнула фигура в кресло, предложив занять соседнее и указала пальцем на потолок, – теперь видите? Мы под лепестком, а значит, мне можно не тратить время на ходьбу вокруг да около.

– Вот так, запросто?

– А. Вдруг вы соглядатай, шпик или как здесь это зовётся? Да ну бросьте. Власти – ведомые вам и нет – в упор не видят ни само существование клуба, ни причин его существования. А те их редкие представители, кто об этом ведаёт – все тут, вверху или внизу. В основном – внизу. Представьте, как они вымотаны, как выгорели – и как ждут кульминации, а вернее, последующей развязки. Не хотят растрачивать силы на пустое противленье, но просто принять грядущее.

– А вы, обитатели, простите за неологизм, *gose étage*, делаете то же «не просто»?

– Как я и говорил, те внизу просто не мешают и смотрят. Мы же – наблюдаем.

– В значении «контролируем»?

– Созерцаем, наслаждаемся двойным зрелищем: видим и сцену, и партер. Вы давно, милейший, были в театре? Знаете, чем бенуар отличается от ложи?

– Понятно. Теперь даже не знаю, кто больший извращенец.

– Ну-ну, к чему грубости? – Собеседник был сладкоголос, но тот сахар был свинцовым. – Возможно, вы здесь впервые, но вы – здесь. Стало быть, сами скоро решите для себя: застрять на нижнем этаже или же искать ключ здесь.

– Вот что-то про ключ мне рассказать забыли. Хотя осмелюсь высказать догадку, что он – для бронзовых врат.

– Прекрасно, стало быть, я стану вашим мистагогом! О, и

не извольте беспокоиться насчёт сопутствующих инициации обрядов, каковые были у элевсинцев и митраистов, я не по части атлетов и банщиков, курсантов напрокат и тех, что на Невском проспекте. Ха, прямо чувствую, как у вас там, за маской, округляются глаза. Да понял я, понял, что вы тоже русский. Так кому, как не мне вас просвещать?

– Даже не знаю, о чём спросить в первую очередь.

– О, нет-нет! – остановила фигура Михаила, порывавшего стянуть перчатки. – Только не снимайте их! Это строжайшее правило, но вам пока без надобности знать его истоки. Для признания капитуляции выберите иной жест. Впрочем, зачтём эту попытку.

– Да, так и быть. Так что же с ключом? Если мы – того или иного рода зрители, то ключ сей, полагаю, к пьесе? Как некогда в жанре roman à clef⁵⁰?

– Вот только не в персонажах дело, а в событиях, в самом повествовании. Но это придумка наших французских друзей, устроивших спектакль. Кажется, они и сами хотят понять, каков он, потому и облачили нас всех в наряды красных рыцарей, чтобы узнать, кто же в итоге окажется тем единственным, кто его раздобудет.

– Раздобудет, не делая ничего? Вы-то сами, похоже, относитесь к этому с иронией и искать его не намерены.

– Отчего же, нам сразу сказали, что ключ тот не физический, а нащупать его мы можем лишь разговорами, в практике общения. Быть может, свежая кровь – хотя применим

ли этот термин к членам клуба, которому и полгода от роду нет и которому жить осталось ещё меньше? – вроде вас к чему-то импульсивно и придёт.

– Такой подход вовсе не означает, что он непременно отыщется.

– Не означает, но и не отменяет, что он явится нам в последний, наидраматичнейший момент.

– Ну, что можно противопоставить надежде? Так и что же ожидает за теми бронзовыми воротами?

– Шторм.

– Так и к чему же ключ, если он не отпирает путь к бегству и спасению?

– Да просто спасены будем не мы. Те, кому суждено, ищут средство, что умчит их прочь. А шторм... Он ведь и снаружи набегает, и изнутри зреет, так что оппидум всё равно обречён. Глухие, безвылазные стены могут защитить от бури извне, но лишь провоцируют кипение изнутри. Я, конечно, понимаю, что штормы не кипят, но вы должны уловить содержание аллегории. Но вы кое в чём неожиданно для себя правы. Те бронзовые врата нужно открыть, чтобы и впустить внешний шторм, и дать дорогу чему-то сухопутному – или водоплавающему, если вовремя не поспеют. Но, похоже, мифология сценария выстраивалась ещё в то время, когда никто не знал, что под Петербургом вполне себе материализуется транспорт, которому чхать на стены, будь они хоть в тысячу вёрст вышиной. Выходит, кто-то может спастись и

без всей этой кутерьмы с ключом и воротами – на ваших дирижаблях.

– Что решается довольно простой ремаркой: «Стены града сего венчает бурестойкий купол, задраиваемый по нужде и повелению, и так жители лишаются Солнца, не видят восходов его и закатов, но надёжно избегают стихии».

– Не помню, чтобы до того упоминался город...

– Вы сказали «оппидум». Да и вокруг чего ещё возводить стены?

– Допустим. Но вот деталька об отсутствии Солнца...

– Что-то из «Тысячи и одной ночи». Там, правда, упоминается медь, а не бронза, но в этом значении они выглядят синонимичными. В общем, ключ для отворения лаза всё равно нужен. И вот теперь уже моя очередь узнать, с чего это дирижабли «наши»?

– Да бросьте. Вы, как уже установлено, русский военный. Как же могли сюда прибыть? С дипмиссией? Ваш голос я не узнаю. В отпуске – или как это у вас называется? Возможно. Да только, чтобы в столь короткий срок, каковой обычно даётся, найти выход на такое сообщество, нужно быть большим любителем подобного времяпрепровождения, ещё на родине прославиться на поприще кутежа и салонной жизни, а на ваш счёт у меня подобного мнения не сложилось, уж простите. Если отбрасывать совсем уж причудливые варианты, и вспомнить, что вы использовали термин «задраить»...

– Не такой уж и редкий...

– Но меткий! Я знаю, что набирали и из Учебного воздухоплавательного парка, и из Императорского флота. Короче, вы – офицер воздушного флота. Флота, прибывшего практически в полном составе. Хочу, чтобы вы знали: такой мягкой и ненавязчивой интервенции и оккупации мир ещё не знал, браво! В общем, у вас было время наработать связи и проникнуться определённым духом. Зная, как плотно флот – через технарей – сотрудничает с французской стороной, и зная, как французская сторона относится к заведениям, подобным этому, могу предположить, что кто-то из них вас и ввёл в клуб.

– Не мы ли тот шторм?

– Косвенно причастны.

– И потому вы намерены воспрепятствовать дальнейшему развитию проекта?

– А вот разговоры с дамами подслушивать решительно бесчестно и подло, прошу заметить. Да чёрт с ним с флотом, я даже признал его нынешнюю полезность, но в текущем же виде это слишком амбициозно, слишком избыточно, слишком полагается на миф о прогрессе и уверенность, что Россия останется в авангарде дирижаблестроения. Показали себя – и хватит. Знаю я нашу систему: через год-два случится утечка, и тогда английские или немецкие кузены оспорят право кузена российского доминировать в воздухе. Ой, к слову о вторых. В курсе последних новостей?

– Извольте поделиться.

– Не далее как в этот понедельник над Боденским озером всё же состоялся первый полёт опытного дирижабля жёсткой конструкции графа Цеппелина. Не вполне удачно, но он всё-таки полетал где-то с треть часа. Чувствуете нарастающее давление?

– Только если предпочтение отдадут ему, а не конкурентам, продвигающим более простой мягкий тип и меньшие масштабы. В финансировании обоих проектов военное руководство, вроде бы, не заинтересовано.

– К слову об инвестициях. А этот бред про северный путь? Может, он и есть, но, господин хороший, это же авантюра в чистом же виде, Панаму так точно переплюнет! Нет, из казны денег в жизни не увидят, пусть и не надеются!

– Они и не надеются. – Будь у Михаила возможность биться лбом о маску, он бы ей воспользовался. Оставалось лишь взвешивать вред и пользу от того, что он проболтался.

– Интересно. И на что рассчитывают? На промышленный капитал? Банковский? Согласны на заграничные вливания? Или, быть может, и впрямь «панамскую» систему запустить намерены?

– Признаться, не моего ума дело. Но что ж вы взамен предлагаете? Дипломатию, шпионаж, старые добрые войны?

– В порядке убывания – как-то так. Но прежде прочих я поставил бы сердечную молитву. Есть добродетели, о которых мы стали забывать. Правы были устроители «Sub rosa», когда говорили, что ключ – в словах. Надеюсь в скором

времени поспособствовать устройению встречи императора с двумя людьми высочайшего духа. Верую, что они, господа Низье и Анкосс, как никто другой способны наставить царя-батюшку на истинный путь, благо что интерес к этому он уже проявлял. Слушайте, любезный мой, а вы и сами, часом, не мартинист?

– Скорее, маририст: всё время приходится чем-то жертвовать ради вящего блага.

– Ну, иронизируйте-иронизируйте. Только не вздумайте чинить препятствия.

– Кажется, участие в клубе исключает это. Да и не тот мой статус по Табели, чтобы вмешиваться в планы сродни вашим.

– Отчего же. Ежели хотите помочь, то милости просим.

– Знать бы, как. Но прежде хочу уяснить, где же связь между спектаклем, ключом к нему и к бронзовым вратам, штормом не без дирижаблей и вовлечением монаршей особы в некий орден?

– Где? Ха, полагаю, что внизу, в гуще месива. Помощник одного из названных мной учителей.

– Настоящий pontifex! Интересное увлечение на досуге избрала эта, полагаю, не менее просветлённая особа!

– Вы вновь смеётесь, а меж тем Чеслав наводит мосты и вправду умеет. Ой, ч-ч! Сделаем вид, что вы не слышали...

– Конечно. Sub rosa. Однако где Санкт-Петербург и Царское Село, а где...

– А-а, вот вы и подходите к основному! Видите ли, для таких дел нужна демонстрация. В этом городе мы её и обеспечим. Потом уже и в родном Отечестве повторим, коль потребуется.

– «Обеспечим» – в значении организационном или денежном?

– В обоих, дотошный и догадливый вы мой. Позже нам бы пригодился свой человек в воздушном флоте, но к настоящему моменту все приготовления завершены, мне лишь остаётся расслабленно ждать.

– А мне, в таком случае, готовиться. Но к чему? Что в духовной сфере пригодно для демонстрации?

– То же, что и во всех остальных: власть. Мощь.

– Сила?

– М-м, нет, слишком приземлённый и грубый синоним. Вы знаете о дихотомии божеств и сущностей?

– Математическая и логическая мне знакомы, так что догадываюсь.

– Пусть так. А знаете, что такое гоэтия?

– Вряд ли имеются в виду приватные или публичные чтения «Лесного царя» или «Фауста».

– И вновь вы саркастичны, но ближе к истине, чем думаете. Гоэтия – многовековое искусство контролируемого вызывания демонических, адских сущностей. Одну такую – Бельфегора, если интересно и о чём-то скажет – мы и призовём. А затем через известного помощника на букву «Ч» укажем на

разбушевавшегося ваала учителю Папыосу – ну, или Анкоссу, я уже не помню, как я вам его представил ранее, по псевдониму или фамилии, – и дадим продемонстрировать свою мощь и подчинить, укротить злого гения, благо что господином Папыосом он уже изучен. Тем манифестируем славу светлой стороны. И тем же заодно избавим сей град от одного из главных его грехов, в этом году проявляемого особо.

– Постараюсь усвоить сказанное, – крошились слова Михаила на слоги, как и его образ фигуры, что он успел было счесть вменяемой и договороспособной. – И как вы намерены это сделать?

– О, уже не мы, но устроители представления. У них в этом какие-то свои интересы, завязанные на технических аспектах исполнения задуманного. И сколь бы темны они, возможно, ни были, я уверен в победе праведной стороны. Они искали средства – они их нашли. И не хочу ни на что указывать, но если вдруг обнаружите несоответствие в финансовых документах, то знайте, что деньги пошли на правое дело. Вы бы всё равно спустили их на воздух... или водород... или чем вы там накачиваете своих бегемотов? Вот вам и отношение воздушного флота к шторму. Что ж, дадим анархитекторам порадоваться мнимому успеху и просто насладимся игрой. Вы посмотрите, как они в себе уверены: позволяют найти ключик, чтобы кому-то дать шанс избежать ужа-асной участи.

– Или встретить её со всем комфортом, беззаботно и в за-

быть. И устранился от управления городом, тем приближая шторм изнутри.

– Или так, вы правы. Неважно, откуда придёт буря, тут я и без вашей подсказки вижу логическую дыру, принципиальна сама неотвратимость.

Вновь прозвучала ритуфель, фигура-собеседник изволила вывалиться из кресла и сердечно порекомендовала явиться, – хотя об этом Михаилу и так бы, скорее всего, сообщили на выходе, – на следующий сеанс двенадцатого числа. Вход – со стороны сада, сразу «за кулисы». Михаил больше на автомате протянул «мистагогу» руку, но пожал её, кажется, сильнее, чем требовали приличия, в ответ только хохотнули и приняли это за страсть неподдельного интереса. На самом деле, Михаил вложил последние силы. Также он чувствовал, что больше ничего не узнает и не вытянет, и не находил смысла задерживаться ещё на некоторое время, хотя савоярская фигура осталась на «детоксикацию» и «косметические процедуры», которые также весьма рекомендовала. Михаил бы согласился, помощи это избавиться от тени, не последовавшей за ним в это проклятое место.

Небо уже пошло светлеющей синевой, как при подъёме из морских пучин, когда Михаилу посчастливилось вновь вдохнуть свежий ветер раннего утра, хотя бы тот уже и предвещал жаркий день. К тяжкому заболоченному воздуху клуба он где-то в процессе – вот это и настораживало, ведь он не мог определить, когда же, – было привык, и наверняка не за-

метил бы эффектов отравления угарным газом или иными летучими веществами, только подстёгивавших мистические откровения. Возможностью остаться выжидать савоярскую фигуру он по многим причинам манкировал и теперь просто искал способ вернуться на ипподром... Нет, зачем это ему? Он мог сделать привал на Выставке – в Павильоне или опять у тех ребят, – благо что при себе имел технический пропуск. Путь был неблизкий, но ноги сами несли, с такой скоростью он мог успеть покрыть расстояние где-то за час. И откуда только взялись силы? Возможно, сказалась доставка большой порции кислорода.

Михаил нашёл оставленную коробочку и упаковал в неё клубное облачение, бросил последний взгляд на перчатки. Он не понимал всего символизма виденного и не знал, с кем бы осторожно проконсультроваться, прежде чем передавать отчёт Дмитрию Ивановичу. Придётся так, в сыром виде. Впрочем, некоторые имена он проверить может – и обязан; оставалось надеяться, что запомнил их верно. Но как бы это всё структурировать? Ох, ну и чтиво же чьей-то бородастой голове предстоит!

Он совершенно не отразил, как прошагал весь бульвар дю Монпарнас и вышел по рю де Севр на авеню де Сакс. «Сколько сортов!» Вдалеке уже виднелись дворцы Выставки. Над куполом Эколь Милитэр и цинковым гребнем павильонов рдел Гений электричества. Рдел. Михаил готов был взвыть. И почему-то вспомнил о прошедшей эритеме. «Да что во-

обще творится?» Он хотел присесть, но в итоге нескладно свалился. Его даже не беспокоило, что он сидит почти на самом перекрёстке, и вот поедут экипажи, и вот пойдут прохожие, что непременно осыпят его в лучшем случае презрением. Михаил просто смотрел в одну точку – туда, на дворцовый комплекс прогресса. И соотносил с безумием, каковым был озарён последние часы.

Откуда-то донёсся собачий лай, не стайный, одиночный. Михаил повертел головой, но так и не заметил, как уже подле него виляла хвостом собачка, что называется, «в яблоках». «Моська! Ты ли это? Но как?» Возможно, сегодня же он приблизится и к давно пытавшей его ум загадке, куда же бегут собаки. Или нет. Собачонка, что он безапелляционно принял за ту самую Моську, не собиралась никуда его отводить, да он и не вставал, только подобрал под себя ноги. Она виляла хвостом, он тихонько мотал головой.

Нет, нет, он имел дело с небанальным, но всё же разворачиванием казны. Не нашли, как присосаться к воздухофлотским и арктическим проектам, а также бывшим смежными с ними, не нашли, как кормиться с них, так теперь чинят мракобесие, переводят деньги в поддержку неизвестно кого и чего. Очень любопытно, по какой статье прошли расходы? Вдобавок императорскую персону намерены себе в защитники взять! Но странно: они так уверены, что демонстрация удастся. Иллюзия должна быть мастерской. И монструозной. Михаил видел, как по заказу братьев Люмьер меж опор Трёхсот-

метровой башни растягивали многометровые экраны – если он не путал, то шириной в двадцать восемь метров, то есть в расстояние, эквивалентное высоте, после которой наклонные «ноги» рухнули бы при возведении, не имея подпорок, – и проецировали на них киноленты, но ныне и этот масштаб казался недостаточным. Да и с воздуха не замечали никаких работ, что могли бы претендовать на роль заготовок для вызова могучего гиганта зла. Моська огрызнулась, но не отпрянула.

Тогда что же, если не иллюзия? Заложение количества взрывчатки, достойное Кракатау, способное низвергнуть в бездну добрую половину города или хотя бы все значительные, но морально прогнившие храмы власти? И как «учителя» намерены с этим справляться? Будут исцелять телесные и психические раны и травмы пострадавших? Вряд ли. Дихотомическое «тёмное» начало по очкам уверенно одерживает победу, а заслуги «светлого» хоть на эмоциональном уровне, на уровне отдельного человека и заметны, но едва различимы на государственном. Возьмите санитаров и врачей на любой войне – вот и сотни готовых учителей ничуть не хуже. Остаётся ещё возможность из калек и обездоленных сколотить секту, создать новую низовую религию, которая в конечном счёте подточит государственную, но и этот вариант сомнителен. Собачонка чихнула и широко улыбнулась. «Будто собаки, если и улыбаются, делают это как-то иначе. Ну, Михаил, что ж ты?»

«Эх, Моська, тебе-то всё ведомо об элѐфантах и прочих могучих существах, заслоняющих полнебосклона!» Михаил ответа и не ждал, просто улыбнулся в ответ, протянул к безродной собачке ладони и принялся её гладить и чесать, а та покорно то подставляла бока, то вытягивалась, чтобы Михаил прошѐлся по холке и груди. И от радости тактильного контакта заиграла хвостом, то вжимала, то расправляла треугольнички ушей. И вот в такой прицельной планке вновь попалась ему горевшая красным фигура Гения.

Неужели он и впрямь теперь участник титаномании, сражений каковой не видит, поскольку не может объять разумом? На чью же сторону ему стать, если верно, что воздушный флот сопричастен несущим разрушение и гибель силам? Или им, гигантам, он бесполезен? А потому, быть может, ему и в самом деле стать завсегдаем того клуба, не смешить всех ничтожными попытками на что-то повлиять? Он бесполезен уже хотя бы потому, что неуч. Неуч и неудачник. Чем кончились его опыты с наручем? Провалом. Чем увенчался допрос его владелицы и попытка наблюдения его действия? Крахом. Как можно охарактеризовать его сегодняшний дебют? Фиаско.

Что же делать ему? Упитаться монологом Гамлета, решать: умереть, уснуть? Или воззвать к кому-то за тайным знанием? Михаил отчаянно вспоминал всех греческих и римских божеств – да просто всех, каких помнил и о каких когда-то слышал. Но всё равно не знал, к кому выгоднее – пф, «вы-

годнее!»! – обратиться и как. Он мог лишь просить о знаке. О понятном, доступном знаке. Михаил обрёл внезапную лёгкость и ясность. Что-то – нет, не тень, – поднялось из глубин памяти и воззвало к нему строками гимнов.

Михаил перевёл дыхание, вдохнул и выдохнул полными лёгкими, посмотрел в преданные глаза, отставил большие пальцы, держа ладони на шёрстке. И сдавливал шею. Медленно, уверенно. И смотрел в полные непонимания карие глаза. Продолжал давить, отыскивая фалангами пульсацию сосудов. Она сопела, извивалась, прогибалась. Он придавливал её к земле и душил. Хвостом протестовала, лапами била – голос был отнят. Он заглядывал в угольки тлеющей души, его собственный взгляд заволокли тающие льдинки слёз. Она замерла. Он продолжал, пока не повис над ней и не услышал хруст. Шерсть терново впивалась в пальцы. «Тебе, Геката!» – воздел он окровавленные руки к небу, затем, скрывая нервную, болезную, кривую улыбку, закрыл ими лицо с такой яростью, что брызгами окропил и хладное тело подле него, и перекрёсток, и, казалось, само небо – и наложил на себя красную маску-печать.

Позднее субботнее утро было серым от высокослоистых облаков, но особого облегчения от жары не приносило. На-

строение у обоих пассажиров фиакра был отвратное. Практически буквально: в экипаже, что нёс их из шестого округа в седьмой и далее на тот берег, они предпочитали сидеть, отвернувшись друг от друга. Но причиной тому была не ссора – тщетная надежда, что вот-вот кончится кошмар, сведший их вместе. Что, если привязанность – каковой бы ни была её природа, – только поддержит его продолжение? Что, если только устойчивого предощущения пустоты от исчезновения кого-то из них он и ждёт? Впрочем, в этом «что, если» было больше страха, нежели расчёта.

«Утрата, – привела к одному знаменателю Селестина последние произошедшие события и встреченные явления, – вот лейтмотив Спектакля. Да только какую личную, непременно личную утрату конвертирует сценарист в утраты других? Но в то же время и такую, что её разделяют иные „высшие“ театралы? Или их следует считать первыми жертвами?»

«Потеря, – подвёл черту под серией неких умозаключений Мартин, – но вот чего? Совет пытается отыскать что-то – прежнее или новое – либо же лишить этого и остальных? Вводят нехватку через *сочувствие* потери. Но что дальше? Тут же предложат избавление раз и навсегда? Или лекарство окажется по эффекту временным, и они ввергнут всех в зависимость? Второе куда доходнее, сулит долговременную прибыль и нескончаемость же представления. Но как при этом не отвлечь от города интерес? Какой мираж, скрыва-

ющий терзания природы, наведут?»

– Мартин, ну почему людей так притягивает зло?

– Должно быть, дело в люциферомонах.

– А вдруг мы тоже под их чарами?

– В этом случае мы меньшее зло, и руки наши развязаны.

– И вас это не смущает и не пугает?

– Не особо, пока благодаря этому удаётся избежать потрясений и войн.

– Будто мы и так их не ведём. – Кому и какой был толк от отчуждения?

– Ведём, но мы стараемся удерживать их в пределах нашего круга. Сам диаметр окружности становится задачей. Хотя иногда и резкое его уменьшение не приносит удовлетворения. – Кому и какой был толк от наигранной апатии?

– Будь возможность вернуть ту ночь, вы бы поступили иначе?

– Если бы знал ровно то же, что и тогда, то нет. Я поступил так, как поступил. Уверен, что к чему-то подобному рано или поздно всё бы для них и свелось.

– Ну, да, Сёриз бы согласилась.

– Но не вы. – Мартин придвинулся к Селестине и прошептал: – Разве пришёл бы из штаба приказ, в результате которого их ждало что-то отличное от выбора умереть или стать этантами? Не подчинились бы вы ему? Не уберегли бы город от...

– А от чего? – если и можно кричать шёпотом, то Селе-

стина сейчас это и делала. – Кого-то можно было арестовать, допросить, найти способ отвлечь от замышляемого, иметь какие-то реальные зацепки! Н-нет, не могли бы...

– Да, увы. Если от этого хоть чуточку станет легче, то знайте: в каком-то смысле они были освобождены от ответственности, их гибель была только их гибелью, без жертв и не по указке.

– Ну откуда предвзятость о смертоубийственном терроре?

– Полагаю, то, что это именно террор, оспаривать вы не будете: вы власть, а они предпринимают действия, ведущие к вашему уничтожению. Но покажите мне переворот без яда, петли и кинжала – и хотя бы одного таинственного исчезновения случайных людей вроде прислуги. Покажите мне революцию без крови – без неё не обошлась даже метафорическая промышленная. Покажите мне войну без сирот – иной раз и они встают под ружьё, довершая дело павших отцов. Простите. И, конечно, историк парирует каждое моё слово, найдёт примеры, но вспоминаем-то мы не их, – и в том не то заслуга человечества и сдерживающий фактор, не то беда, порождающая набор шаблонов, вне которых ленимся мыслить.

– Мартин, почему человечество не может без войны?

– Возможно, потому, что война – философский камень. Что, как не она, обращает свинец в золото?

– И мифологией героизма – неблагородное в благородное... М-да, не то алхимики искали.

– Или пока что человек не может и не готов преобразиться, вознестись над этим, разорвать круг.

– ...Нам вернуться суждено ли к нашим близким навсегда? Ждёт ли нас приют последний в небесах? В небесах... – Селестина тихонько затянула песню куда-то в тускую даль горизонта, накрытого не знающим разрывов саваном. Бледное, водянистое Солнце проронило слезинку – шедший на снижение светлый дирижаблик.

Фиакр въехал на Альмский мост, следом птичьего помёта по стеклу черкавшего штилевую гладь Сены. Ещё двести тридцать – двести двадцать ярдов. Всё могло обойтись простым, хоть и нервным, наблюдением. А если нет, то в этот раз Мартин подготовился. Начать стоит хотя бы с установленной Директоратом слежки за Энрико – и по флю-мируа, и старыми проверенными прятками за углом. Не удалось установить, откуда к нему в ранний час пришёл связной Бэзи, но на обратном пути его уже сопровождали – со старыми проверенными прятками. Анри же приглашали во Дворец конгрессов, социально-экономических наук и всего такого – в общем, на территорию неизбывной Выставки. Анри и некоторым другим особым гостям позволялось прибыть на место ещё за несколько часов до того, как глашатаи на улицах обратятся ко всем желающим с предложением посмотреть на уникальную художественную коллекцию. Однако Мартин намекнул Энрико, ещё румяному от пути до сданной Мартину квартирке и подъёма по лестнице, что лучше попридер-

жать рвение и сберечь силы для вечера: все уже выдохнется, а Энрико будет блистать и конкурентно недосыгаем. Простой совет задержаться сберёг Энрико жизнь, а потому спорить он не стал. Не отказался и от предложения пропустить по чашечке кофе у Клемана и Эмери. Что, впрочем, для Мартина было обманым манёвром: так он не давал другу ввалиться внутрь и застать там Селестину и Сёриз, прошедшей ночью осторожно делавших вылазки до квартиры Энрико и проверявших, не заснул ли поставленный там наблюдатель. Спровадив Энрико «растормошить хозяев», первой он наказал дожидаться его возвращения здесь и сверху приглядывать за улицей, а второй вручил свой саквояж, – Сёриз приняла его с опаской, – и велел отправляться ко дворцу тотчас же, но выбрать хорошую точку обзора, хоть это и будет непросто из-за расположения Пале-де-Конгрес, и держаться на расстоянии, просто отмечая происходящее – очень нужно знание перспективы. Мартина упрекнули, что он раскомандовался. Месьё Вайткроу же пообещал принести все полагающиеся извинения и добавить комплимент сверх того за столиком «Café de la Paix» или «Café Anglais» – на выбор дам. «Кузины» де Кюивр с удивительной кротостью и учтивостью изволили принять предложение. А ранее мимо их внимания прошло, что саквояж стал легче на две колбочки из упокоенных в нём, – их Мартин отправил в карманы пиджака, – это был крайний вариант, грязный, отчаянный и самоубийственный, к которому не стоило бы подводить собы-

тия, но и исключать его было нельзя. Мартин предполагал, что Директорат дополнительно оцепит – ну, или «экранирует» – дворец, однако выяснилось, что поддержка будет минимальной: Совет вновь проявлял чудеса хронургии, представляя «салон» в день, когда Луна едва-едва – и лишь часа на три-четыре – приподнимется за, чтоб его, двадцатый азимут. Строй мыслей обрывался скрипучим шорохом и клокочущим гулом экипажа. Мартин переместил иглу на воображаемом фонографном валике, оплавленном тягучим зноем, и вновь проиграл себе вопросы Селестины.

За входом №42 их ждал либо ответ на главный вопрос этого лета, либо жестокая шутка. Или шутка и была ответом? Согласно ещё одному кусочку плана Мартина, они задержались, будто бы месё Вайткроу – до чего рассеянный! – искал завалившиеся в подкладку билеты, но давал Селестине время отыскать глазами сигнал затаившейся Сёриз. Серия солнечных бликов, шедших из ресторана близ ограды, была бледна, но точно происходила не от дрожащего окна, зеркала или начищенных подносов.

– Признаться, думал, что вам придётся или уходить за Кур-ла-Рен, или виться вокруг соседних павильонов. Будто не на карту смотрел, а на чистый лист.

– Какие ж конгрессы без ресторанов? Элементарно, Вайтсон! Ну, а по соседству только Пале-де-ла-Данс и воображариум. Полагаю, танцев и чудес нам и без того хватит. И потому, зачем всё это делать самой, если можно снова занять

этим мальчика на побегушках тире заспанного наблюдателя? Сели, не смотри на меня так, он сделал-то всего пару кружков, а сейчас домчится до телеграфно-телефонной станции на Марсовом поле, чтобы оповестить штаб, заодно закажет нам на остаток дня «панар-левассор», который пригонят к первым домам авеню Монтень, – и будет свободен. А, ну да. Сюрприз-сюрприз: от Анри курьер двинулся сюда. Местонахождение второй базы всё ещё под вопросом.

– Или это и есть база.

– Вряд ли, Сели, хотя они и могли бы использовать экранирование как дополнительный фильтр. У «салона» временное окно где-то недели в три, в августе же дворец не будет знать и дня передышки от тех самых конгрессов, для которых и возводился; да что там, уже двадцать седьмого июля пройдёт театральный конгресс – молчи-молчи. И в июне он не пустовал.

– Но вторая ячейка точно дислоцирована здесь и сейчас.

– Какая-то её часть – несомненно. Но я бы не сказала, что за прошедшие часы вокруг было оживлённое движение, хотя заметила странность: во дворец редкие посетители входили, но ни одна живая душа его так и не покинула.

– А что Анри?

– Приехал полчаса назад, но в одном из прохожих признал какого-то знакомого, и они ушли гулять по набережной.

– А если Анри вошёл с другой стороны?

– Сели!

– Что? М-м, Сёриз...

– Не обращайтесь внимания, Мартин. – Мартин и промолчал, деликатно прикрыв уста чашечкой кофе. – Нет, открыт только вход, обращённый к Плас-де-ль-Альма. Кстати, заметили транспарант над дверями?

– «Skiagraphia». Увы, не представляю, что бы это значило, – прикусил губу Мартин; как показалось Селестине – по-мальчишески.

– Морфоактивность? Возмущения?

– Ис-дис молчит, сама тоже ничего не чувствую. Особенно за общим горением.

– Что делаем дальше?

– Ждём наплыва посетителей дворца. Селестина идёт со мной. Вас же, Сёриз, вновь попрошу приглядывать со стороны. Анри оставьте нам. И понимаю, что саквояж вам не идёт, но не оставляйте его.

– Там будут мирные граждане.

– Потому и не беру его с собой. Но если удастся за кем-то проследить, то... Мы не должны быть безоружны.

– Сами сыграете в бомбиста?

– Это... работает не так. И вас не смущает откровенность беседы?

– Официанты далеко, соседние столики пусты, мы говорим негромко, а подозрительных типов, что бродили поблизости не меньше моего, выглядывали из окон или высовывались с крыш и могли бы работать на Совет, я не заметила.

– Странно, – наморщил лоб Мартин. – Они не боятся об-
лавы? А-а, вот так, значит, и должны выглядеть их акции в
рамках закона, вот для освещения какой легализации и тре-
буется участие более-менее авторитетного Анри.

– Ещё остаётся персонал Выставки. Среди них есть мино-
ры, но все проверенные, иначе бы их не допустили. Одного
даже знаю. Я могла бы отлучиться и попробовать найти его:
вдруг обнаружил что-то неладное, но послал Директорат по-
дальше?

– А тебя не пошлёт?

– Он попробует. Надо будет – заеду ему саквояжем в ухо.
Я образно, Мартин. Наверное.

– Хорошо. Но особо не увлекайтесь. А мы пока примем
вашу вахту – до появления Анри или других приглашённых.

– Последний совет?

– Только вам, Селестина: не забывайте делать вид, будто
только что сошли с портрета работы Больдини или Сарджен-
та.

Народ стал стекаться ко дворцу в полдень. Уже в дверях
Мартин увидел Энрико и махнул тому. Тот, приблизившись,
вновь поприветствовал Мартина и Селестину и иносказа-
тельно одобрил её появление в жизни друга, она же не менее
иносказательно подивилась разнообразию жизни самого Ан-
ри. Втроём они и вошли в холл дворца, слишком ярко осве-
щённого, как для дневного времени. Стены, насколько мож-
но было видеть вглубь, укрыли парусиной, которую, на то

похоже, в ответственный момент предстояло стянуть за линии группе недвижно стоявших у стен людей в масках, белых и чёрных, лишь условно воспроизводивших строение лица, и металлических корсетах поверх одежд – Селестина смутно вспоминала, что когда-то видела нечто похожее. Эту не то стражу, не то часть экспозиции посетители сначала принимали за манекены, но всякий раз отшатывались после попытки, придвинув ухо поближе, постучать по маске или экзоскелету в надежде услышать характерный отзвук того или иного материала, – по поводу которого устраивали пари, – но не дыхание.

*Vox ex machina*⁵¹ предлагал всем желающим развлечь себя опытами с электричеством – к примеру, статическим. Собравшихся вокруг одного из аппаратов дам просили распусть причёски, если те были уложены и заплетены. Тысячи и тысячи волос мгновенно потянулись кверху, напоминая тонкие блестящие нити и превращая их хозяек в марионеток. В другой части группы собравшихся предлагалось встать в ряд и, взявшись за руки, подняться на каучуковый коврик – всем, кроме одного, кто был бы в цепочке последним, и которому доставался заставлявший скорчиться или вскрикнуть заряд. Честно говоря, всё то были фокусы, известные ещё в XVIII веке, но за ними Мартин видел подтекст коллективности, ведомости и послушания – и, к своему удивлению и разочарованию в публике, демонстрации незнания законов электротехники. Или же, если откинуть высокомерие, никто

просто не отказывался лишний раз подурачиться.

– Похоже, про Сарджента и Больдини вы хватили лишку, – подтвердила ему Селестина.

– О-хо-хо, друг мой, неужели вы забыли, что движение идёт от низов к верхам? Оно не элитарно.

– Да как тебе сказать, как тебе сказать...

Мартин принялся было подбирать слова, но его избавили от необходимости продолжать тему. С цилиндра, установленного в самом центре, спустили накидку и тем обнажили укрытую капсулу-клетку. Естественно: это был стеклянный сосуд, затянутый тонкой медной сеткой. А внутри – Бэзи. Хотя поместиться внутрь мог бы ещё кто-нибудь. Бэзи всё так же был в маске, всё с такой же странной жестикуляцией, но усилием воли сдерживаемой. Сколько он там просидел и как не задохнулся? Ах, ну вот и ответ: с потолка спустили микрофон, раскрыв существование отверстия в вершине конструкции. Мартин подумал, что в принципе стекло и сетка выдержат экзотермическую реакцию... Обойдётся без случайных жертв. Диаметр отверстия также достаточен – но на высоте восьми футов. Да и на саму сетку, какой обтянули сосуд, наверняка подведено напряжение: дотронется – получит мышечный спазм.

– Сочувствующие приветствуют вас на дебюте «Скиаграфии»! – с обертонами пилы, по которой прокатали контрабасным смычком, привлёк Бэзи внимание даже тех, кто был слишком занят дешёвыми трюками, чтобы заметить предше-

ствовавшие перемены.

Впрочем, никто другой из возможных *сочувствующих* не шелохнулся. Люди затихли, было слышно шуршание тока и статических помех. Атмосфера, что называется, электризовалась.

– Каждый из вас оказался здесь по воле случая, прислушавшись к нашим глашатаям, и мы благодарны за то, что столь разные люди нашли общий интерес!

«Понятно, подобие случайной выборки. Если всё пройдёт успешно для Бэзи, то их представление получит огласку во всех основных сообществах».

– Вы уже успели позабавиться с плодами науки прошлого века. – «А его речь поправилась». – И не единожды за пределами этой постройке – с наукой века уходящего. Вернее, с тем побочным эффектом, что она создаёт – развлечением. Увеселением. Свободным временем. О, не переживайте, никто вас ни в чём не упрекает, к этому человечество и должно стремиться. Но помните! Помните, что отныне пожимают плоды и с вашего труда, и с вашего досуга.

«На этот раз ведь обойдётся без серебряных приборов и тенёт?»

– И ведь как пожимают: они же и производят инструментарий, и говорят вам, что иначе невозможно! И так окутывают себя ореолом всеведения. Недосыгаемости. Интеллектуальной и физической.

Тут Бэзи захрипел, но хрип его сливался со скрежетом

акустических усилителей. Он и сам растворялся в «инструментарии».

– И сегодня вы станете первыми, перед кем сорвут этот покров. Мы избавим вас от иррационального страха и почтения. Мы избавим вас от ощущения предрешённости. От ощущения истощённости путей. Мы покажем вам, что путь вы можете отыскать сами.

«И-и переход к тематике света...»

– Горы моря технологий – несть им числа! – заграждают небосклон, подменяют свет естественный искусственным, плетут лишающий чувств кокон, становятся новыми барьерами и цензами!

«Пора сбавить градус».

– Но знают ли сами акционеры и директора компаний, куда ведут народы? Есть ли среди нас кто-то из этой среды? Не стесняйтесь и не бойтесь! Нет? Жаль, ответа на этот вопрос из первых уст мы не получим. Зато избавим их от необходимости отвечать на другой: знают ли титаны индустрии о собственной уязвимости перед технологиями? И знают ли, что технологии, промышленность и наука во всём своём ужасающем мардуковом величии низвергают их к нам, к обычным людям?

«Боги мертвы... Да здравствуют боги? Интересно, жив ли ещё старик Фридрих? Но какое это имеет значение, если его болезнь сродни смерти для общества и философии?»

– Мы, сочувствующие, не луддиты, не ретрограды. Мы

лишь верим: люди должны знать, что ими управляет. Не вся власть публична, но при этом осмеливается направлять из кабинетов и штабов.

«А вот и намёк на Директорат».

– И сегодня мы высветим хотя бы часть её. Вы знаете поговорку: темнее всего под фонарём. И сегодня мы сбросим таинственную тень, порождающую монстров, явим их нутро – такое же, что и ваше.

«Они же не собираются никого препарировать?»

– Узрите же сказанное вам с помощью науки века грядущего!

Мартин не понял, как Бэзи выдавил из микрофона – или себя? – тот странный звук, но по нему ожили маски, единым порывом дёрнули за тросы – и оставили Мартина, Селестину, Анри и всю честную публику в недоумении. Какие-то белёдые и тёмные разводы от молочно-голубого до оксфордского синего, рассечённые на квадраты и прямоугольники, – «несть им числа!» – были вывешены на ослепительно белых стенах, вплотную друг к другу, как на полотне «Эрцгерцог Леопольд Вильгельм в своей картинной галерее» Тенирса Младшего или пандане «Древнего Рима» и «Современного Рима» кисти Панини. Селестина, будто следила за теннисным матчем, поворачивала голову то к Мартину, то к Анри, но те не знали, что ответить на немой вопрос. Пришлось оставить Бэзи в его аутентичном изоляторе и подвинуться ближе к холстам. Только тогда Мартина и посети-

ли кое-какие догадки. Каждая «композиция» подписывалась двумя-четырьмя буквами, причём первая могла быть строчной, а прописными – уже следующие за ней, и одной-двумя цифрами; иногда рядом в скобках встречались и явно «свойские» пояснения-аббревиатуры вроде (FB), (MR), (АЁ) и (CQA). И – каков слепец! – едва не упустил главное: это были не «холсты», а целлулоид с фотоэмульсионным слоем. Теперь он отчётливо угадывал анатомическую природу пятен, мог различить движение структурных элементов, а вернее, их тени. Тени...

– Тени! – обрадовался Мартин индуктивному заключению и тут же взял себя в руки. – Скиаграфия. Я совсем забыл греческий... Будто когда-то мог похвастаться, что знаю, но да неважно. Со второй частью – «*γράφια*» – всё понятно, но вот первая – «*σκία*» – это, Селестина, аналог латинского «*umbra*».

– Ах, чтоб меня! Но... Но природа иная.

– Допускаю, что название выбрано укола ради. Вы же слышали упоминание теневой власти.

– Подождите-подождите. Я улавливаю суть: это какой-то антипод того, что зовётся «*φωτογραφία*», – то есть, дословно, «светопись», – но я далёк от техники и не могу понять: это негативы, пересвеченные плёнки, неизвестным мне образом всё ещё пригодные для шантажа, – или что?

– Почти, Анри: рентгенограммы. Только не медицинские или научные. И не вполне развлекательные, как на мой вкус.

– Да, возможно, насчёт шантажа, только не типичного, ты отчасти угадал. Более того, здесь имеется ещё одно прочтение, которое из-за особенностей транскрипции и прононса я чуть не выпустил. Два-три века назад в английском языке почти так же – «sciagraphy» – стали, помимо самого искусства тушёвки, называть особую архитектурную проекцию, вид перспективы сверху вниз.

– Сверху вниз... – вглядывались Энрико и Селестина в снимки и тоже начинали понимать механику вращения иначе высвеченных областей внутри больших окружностей и клякс.

– Да, – вязко захрипел Бэзи, не то каким-то образом услышавший перешёптывания троицы, не то решивший не оставлять в неведении остальных, – пред вами во множестве представлен человеке, возвысившийся над иными и мнящий, что башни и престолы из денег, юридических актов, павших ниц поклонников и тел разорённых и поверженных конкурентов приблизят их к небесам и укроют от ада, в которой мир своими деяниями и ввергают. Но чудо электротехники позволяет нам увидеть его без мантии, без сюртука, без регалий...

Энрико – впрочем, как и Мартина с Селестиной, – быстро отвлекли от речи. Именно к Энрико подошёл некий элегантно одетый господин, весьма средний, непредставительный рост которого компенсировали отменный крой костюма, прибавлявший дюйм-другой, и густая, по-животному косматая, хоть и припомаженная, чёрная шевелюра и по-

животному же, по-хищному убедительный взор очей, обретающих большую выразительность под тёмными и прямыми бровями, задающими для собеседника линию притяжения. Из-под плотных, непроницаемых усов, скрывавших всю мимику рта, требовавшую поднятия уголков губ, мехи натренированных лёгких выдули почтительное, но не принимавшее отказа приглашение, раз уж у мессье Анри не вышло этим утром, после основной части представления – собравшиеся поймут, когда она кончится, – составить этому господину компанию для посещения некоего места с целью ознакомиться с некими же материалами, бывшими, увы-увы, ещё утром здесь, но ныне вывезенными, для дальнейшего употребления в статьях. Когда этот господин откланялся, услышав ожидаемые заверения в готовности исполнить его просьбу, Мартин притянул к себе Энрико и, стараясь не уступать в серьёзности взгляда эмиссару Совета:

– Ты ведь помнишь ту игрушку, подаренную апашами?

– Подожди, что...

– Я-то подождать могу, но вот события – вряд ли. Ты понимаешь, о чём я? Ты умеешь ей пользоваться?

– Ну да, побаловался как-то, однако затем куда-то положил и не особо утруждал себя поисками, но, Мартин...

Но Мартин быстро и чётко провернул следующую манипуляцию: рука описала движение, подобно производимому паровой машиной с кривошипно-шатунным механизмом и перенесла некий предмет из кармана Мартина в карман Эн-

рико. Тот запустил руку в ткань и нащупал именно то, что и должен был, то есть причудливый ответ апашей продукции фирм «Victorinox» и «Wenger»: соединение маломощного бесствольного револьвера со шпилечными патронами, старого доброго кастета и лезвия, напоминавшего выкидыш в семействе фламбергов, о которое Энрико уколол палец и тут же поднёс его к губам. Попросил извинить его, но он должен отлучиться в уборную. Да, Мартин видел, что другу было не по себе, однако не отпустил его, пока не прошептал долгое напутствие:

– Послушай, эти люди могут быть опаснее и непредсказуемее апашей, ведь те хотя бы не скрываются под иными личинами. Но с дикарями периферии ты имел дело, остался жив и овеял себя ореолом славы. Справишься и на этот раз. Я не прошу тебя при встрече с опасностью всех их перестрелять из этого оружейного недоразумения, но если ещё в пути почувствуешь угрозу или попытку принуждения и давления со стороны того господина, то приставь ему эту штучку к боку, а надо будет – ткни лезвием или даже пальни, скорее всего ранение не окажется смертельным, но доставит ему много неприятностей и позволит тебе спрыгнуть, уйти. Не знаю, удастся ли мне приглядеть за тобой, поэтому и говорю всё это. Ты понял? – Энрико подтвердил кивком и умчался, куда собирался.

– Мартин, ничего, что вы, хм, забыли попросить его если не отказаться, то тихо уйти, затаиться, избежать той встре-

чи?

– Он бы ни за что не отступил. Анри из тех трусов, что вынуждены постоянно совершать поступки, опровергающие их страхи. Селестина, вы же сможете его как-то отследить?

– Да, я оставила на нём метку, однако, во-первых, слежка по ис-дису возможна будет только где-то после половины восьмого вечера, во-вторых, остаётся надеяться, что метку не перебьют. Я уже не знаю, чего и ожидать.

– Как насчёт неожиданного возобновления некогда прерванных бесед? – Оба привздрогнули от вкрадчивого, уже знакомого голоса. – Можно даже надеяться на прямое продолжение: Анри, – ах, вновь упустил возможность заполучить автограф, – апаши, – а название-то, смотрю, прижилось, – интригующие манёвры с таинственными устройствами... Тематика всё та же. Не извольте беспокоиться: в этот раз я настроен на равноправное сотрудничество. И приношу извинения за вторжение в ваше личное пространство, просто не хотел привлекать внимание никого из «галеристов», да и на глаза вашему другу журналисту лучше было не попадаться.

– Как и ожидалось, появление новой информации заставило вас пересмотреть приоритеты? – Селестина полуобернулась, скрывая движение плеча, но Мартин легонько остановил её руку.

– И теперь вы понимаете, кто истинный противник?

– Истинность – понятие весьма требовательное, но наши интересы сплетены. Полагаю, до части ваших мне и вовсе нет

дела, готов умерить амбиции.

– Лучше синица в руке, чем дирижабль в небе?

– Занятный каламбурчик, мадмуазель. Конфиденциально вам сообщаю: тот человек с угольной гривой, что подходил к вам, – вот субъект моего интереса. И косвенно он может быть связан с определёнными проблемами воздушного флота.

– И не менее косвенно – с моим появлением в ту майскую ночь.

– Да, я готов признать, что вы не шпионили против нас. Но вот вы, месье...

– Столь же косвенно моё появление в городе и последующие за этим события, – уж извините, позволю оставить их без уточнения, – также могут быть связаны с данным субъектом. Впрочем, это зависит от того, что вы можете об этом человеке рассказать. Но могу в качестве жеста доброй воли кое-что сообщить о работодателе вашей цели, ведь уже мой, как вы выразились, субъект интереса – он.

– Принято. Но не сейчас: кажется, зрителей намереваются оставить наедине с рентгенограммами.

«Галеристы», вновь повинувшись тому звуку, оставили караул у стен и плотным кольцом окружили капсулу с Бэзи. «Странно, что просто снова не накинули завесу. Как на клетку попугая». Впрочем, призрачный шанс увидеть таинственное исчезновение притягивал внимание публики. Селестина почувствовала вибрацию, как тогда, при переходе Бэзи в дверь за сценой. Мартину же послышалось знакомое касание

пола металлической обувью. И, кажется, все успели на мгновение заметить присутствие иного, унёсшего Бэзи.

– Но одну оплошность исправить мы можем сию же секунду: Мартин.

– Селестина.

– Михаил.

21

– Сёриз. Сели, скажу сразу и ясно: упустила, они долго петляли и где-то сделали пересадку. Итак, Механил...

– «Михаил».

После всех объяснений Мартина и Селестины, каковые они сочли необходимыми дать Михаилу, теперь был его черёд делиться сведениями. К их началу и поспела Сёриз, весь предыдущий час пытавшаяся на автомобиле самостоятельно выследить Анри и его сопровождающего. Безрезультатно, как уже можно понять. Впрочем, не оправдало себя и предложение собраться в квартире Энрико в надежде, что тот объявится. Единственным оправданием служило лишь то, что само место располагало для подобных разговоров: квартиру он оформил совершенно в духе и букве «Философии обстановки» По.

– Михаил, что же с тем господином из Австро-Венгрии?

– Предположили, опираясь на корпус физиогномики? По-

чти правы, Мартин. И всё же не из Австро-Венгрии – Царства Польского. Хотя понимаю, какую связь вы пытаетесь отыскать, и исключить её не могу, ведь субъект порой наезжает туда с гастролями, равно как и в рейх, да и родители его в своё время приняли австрийское подданство. И, чтобы более не надоедать сим термином, назову имя: Чеслав Чинский. Он же Чеслав фон Любич-Чинский. Он же австрийский подданный граф Риттер-Станислав фон Чинский. Он же Пунар Бхава. Выбирайте на свой вкус.

– Даже не знаю, на чём и остановиться. «Субъект», кажется, тоже ничего. И чем же промышляет *persona suspecta*⁵²?

– Гипнозом и магнетизмом, а также по мелочи хиромантией, спиритизмом и прочими оккультными науками, хоть и начинал как пропагандист волапука и учитель при гимназии и реальном училище. Признаюсь, на меня это обстоятельство навевает ужас, и остаётся лишь надеяться, что ничьё детство не было поругано и отравлено, никто не стал юной жертвой его первых опытов, и по сию пору может о том не ведать – возможно, к горькому счастью.

– В одном из имён он просит считать его подданным Австро-Венгрии, его родственники также предпочли это государство, так как же он попал в поле зрения российских властей?

– Никак. Пока что. Я намерен это исправить. Тем более что учительствовал он как раз в Кракове, а два года назад вроде бы подал заявление о восстановлении российского

гражданства. Но о его персоне я узнал только на этой неделе. И одного поверхностного знакомства с его деяниями по доступным источникам мне хватает, чтобы считать его важной фигурой в нашем – отныне нашем – перекрёстном исследовании. Попробую изложить некоторые фрагменты его биографии в интересующем нас русле. Известно, что ещё в конце восьмидесятых он начал выступать в роли гипнотизёра и спирита, а в девяносто третьем даже успел надоесть прусским властям, выславшим его вон. Хотя сам он утверждает, что ещё в девяносто втором переехал в Дрезден, чтобы обустроить там две неких клиники – для мужчин и женщин. Дальнейшее я вам привожу на основе записей о судебном процессе, затеянном в Мюнхене уже в девяносто четвёртом году.

– Ой, ну вот, испортили интригу.

– Разве? Оговорка-затравка. Процесс, как оказалось, в Европе был известен и в достаточной степени освещался во многих странах, поминаем и сейчас, что, собственно, и позволило мне столь быстро собрать о нём сведения, не выезжая из города. В ходе процесса и по его результатам было написано значительное количество статей, посвящённых легальности гипноза и смежным темам, люди делились на лагеря pro et contra... В общем, аналог «дела Дрейфуса» в оккультной среде, не меньше. С той только разницей, что обвиняемый – определённо подлец, а дело не пересматривалось.

– Ладно, интриги вы нас не лишили. Что же он такого сде-

лал?

– Ровно то, что и мог рано или поздно сделать мужчина его склада ума и нрава: соблазнил женщину. И не просто совратил её, но и устроил с ней фиктивный брак, причём фиктивным он был уже хотя бы по двум основаниям, не требующим установления свободы или несвободы воли и природы этой несвободы, – а, отмечу, из пяти пунктов, вынесенных на обсуждение присяжным заседателям, первые два касались именно рассмотрения возможности свершения противоправных действий с применением гипноза. Так вот, «пастором», проводившим церемонию, был знакомец Чинского, не бывший лицом духовным, но скрепивший печатью подложный документ о браке, а сам Чинский «забыл», что уже женат, и надо бы предварительно развестись с супругой, хоть они и живут раздельно. А, ещё в то же время свою, прошу меня извинить, аманту он представлял посетителям – и особенно посетительницам – «всего лишь как медиума». В августе девяносто третьего потерпевшая пришла к Чинскому с «отзывами о рефератах в дрезденском журнале» и соответствующими вопросами, осенью она становится его пациенткой, в октябре он осмелился обольстить её, в феврале организовал церемонию и через неделю был взят под стражу, в декабре осуждён. А потерпевшей, надо сказать, была баронесса Цедлиц, по некоторым сообщениям династически связанная с семьёй кайзера. Мимо столь романтической истории газетам пройти было сложно. Нет, правда, как можно

было? «В один прекрасный день во время лечения он признался мне в любви. Он признался мне в то время, когда я, по обыкновению, находилась в сонном состоянии», – и далее в том же духе. Герр Чинский был, по показаниям потерпевшей и свидетелей, весьма и весьма настойчив, бомбардировал баронессу записками, сопровождал сеансы любовными сентенциями, развил у утончённой особы чувство, что она может дать ему счастье и сомнениями терзает их обоих – и опять же всё в таком духе. Госпоже потерпевшей пришлось уступить, не выдержала банального напора. Виной ли тому тонкие, высшие или тёмные силы – не берусь утверждать, я в это не верю, но вот в то, что он месяцы напролёт убеждал её, возвращал к одной и той же теме, закладывая здание будущего решения, каждым кирпичиком давя и душа контраргументы, пользовался её воспитанностью и равнодушием к гипнотизму, рвался в конфиденты, прознал о том, как её растили быть самостоятельной, но это выразилось лишь в отчуждении от семьи и зависимости от компаньонки, – несомненно. Это вопрос доминирования и подчинения. Наиболее подверженные гипнотическому внушению и трансу особы отчего-то оказываются и более податливыми в отношении чужих идей без наведения какого-либо особого состояния. Ничего сверхъестественного, но тем и страшно, тем и опасно. Да, собственно, о том же говорил и прокурор на процессе, даже указал, что закон различает бессознательность и безвольность, под последней понимая искусственное ограниче-

ние воли и ей же определяя состояние потерпевшей. Но, увы, он не рассмотрел вопрос чуть шире. Провёл параллель с ядами, состав которых, быть может, и не установлен наукой, но от этого они не перестают быть объектом судебных разбирательств. Но дело-то ведь не в том, был ли, условно, в аква-тофане мышьяк и соответствуют ли симптомы предполагаемому составу, а в самой моде на определённый тип совершения злодеяния: в одну эпоху это отравление ядом, в другую – словом, а вернее, потоком слов. Собственно, на том прокурор и погорел, поскольку адвокат допрашивал свидетелей о методе Чинского, и как-то постепенно выяснялось, что нет, глазки не строил, руками водил, как и все, это спорно, а то признанно... Вот за деревьями леса и не увидели. И это несмотря на то, что мимоходом выяснилось: техника Чинского – «магнетический трансферт» – собственной разработки, но по причине, должно быть, скудности запаса букв в алфавите или желания оспорить право на это название, именуется ровно так же, как и пара уже устаревших и признанных нетерапевтическими, применявшихся уже на момент процесса разве что по инерции. Ха, а вот брат баронессы сразу почувал неладное, сразу вычислил шарлатана; навёл справки и обеспечил доказательную базу хотя бы того, что касается незаконности заключённого брака.

– Догадываюсь об исходе, но всё же: каков итог процесса?

– Блестящий! Блестящий, подобно слезе, что вышиб из меня. В итоге присяжные заседатели оправдали Чинского по

части обвинений в совершении преступлений против нравственности, то есть факт гипнотического внушения и влияния на образ мыслей и действий установлен не был, тем самым не создали прецедент – вот вам и ещё один пример изначально оказываемого давления – и признали виновным лишь в подлоге документов и узурпации должности, – то есть в том, для доказательства чего не нужно напрягать высшие нервные центры, отвечающие за абстрактное мышление и сложные логические выводы, когда есть материальные улики – и даже попросили проявить снисхождение, хотя суд и отметил низость образа мыслей подсудимого. Три года Моабита, – при этом, к слову, только в этом году истекает поражение в чести, – давление тюремных стен на полёт мысли, попытка суицида, чудесное прозрение... И вот наш субъект уже слушатель Сорбонны, где получает свидетельство об успешном прослушивании – чего? правильно! – курсов гипноза, и сближается с – извините, я по бумажке зачитаю – Жераром Анаклетом Венсаном Анкоссом, в оккультном мире известном как Папус.

– А, про этого и впрямь наслышаны. Врач, масон, теософ, таролог, et cetera, et cetera. Привнёс разлад в деятельность одной ложи, расколов её на противников, не желавших спиритуализма и теургии, и сторонников его подхода, но сам довольно систематичен и плодотворен.

– Извините за возможные инсинуации, но мне мыслилось, что для вас и Чинский должен быть на слуху. Вы же, в конце

концов, представители этого мира.

– Ох, милейший, как вы заблуждаетесь. С миром оккультным мы пересекаемся постольку-поскольку. Или, вернее, это он редко имеет что-то общее с источником нашей силы.

– Вероятно, это тот наиредчайший случай.

– Михаил, если вы так далеки от подобной ерунды, то зачем вы в неё столь самоотверженно погружаетесь? Вы тайный поклонник «Венеры в мехах»? Ну, или, если хотите, в нашем случае – «Исиды в мехах»?

– А вы, мадмуазель, для такого дня на удивление веселы. Или это способ стряхнуть с себя страсти и страхи?

– Но первый вопрос смысла не лишён, – заступился Мартин больше за важность полученной информации, нежели за «кузин». – Пока что ничего не указывает на связь с Российской империей. Конечно, до меня доходили сведения, что в прошлом году, если не путаю, была устроена первая мартинистская ложа, но сподвижникам Папюса – или какая там линия преемственности? – ещё несколько лет со всей сердечностью стараться, прежде чем обрести значительное влияние на... А, понимаю. Нашёлся способ ускорить процесс?

– Через реакционеров, есть подозрение.

– Это вряд ли, они из разных лагерей. Я бы даже сказал, что если в схему добавить, для примера, графа Толстого, то выйдет треугольник с вершинами, стремящимися от соседей прочь. Или кто-то создаёт ещё одну группу влияния на императора, или это какие-то новые, неизвестные мартинисты

с собственной доктриной – прям как ваш Чинский с трансфертом. Скорее, первое. Хм, а забавно: в «Трактате о реинтеграции существ», вобранном в мартинистское учение, есть упоминание, что после грехопадения мысли человека не являются производимыми им, но улавливаемыми от добрых и злых духов, и человек волен выбирать сторону, но не избавление от них, всегда подвержен им.

– Тем не менее, из первых рук, пускай и анонимных, мне известно, что блок, традиционно ратующий за сокращение – примерно по принципу тающего под летним солнцем снежка – бюджета проектов воздушного флота и некоторых других, нашёл способ вывести со счетов этих самых программ достаточную сумму, чтобы поддержать деятельность этой молодой и, как вы считаете, оппозиционной им группировки. И не где-то там, в далёкой и непонятной Тартарии, а здесь. Возможно, что и Бэзи, как вы его называете, нанят на те же деньги. Или привлечён Чинским, опять же и совершенно точно нанятым на них же.

– Блок – образование составное. Кто-то, похоже, решил начать собственную игру, избавиться от плохих карт. Или, как в случае с пресловутым аферистом, сыграть за несколько сборных в нескольких видах спорта.

– Да, верно. Собственно, так я на него и вышел: тот же контакт случайно обронил имя «Чеслав», назвав его связующим звеном между ним, Советом анархитекторов и Папюсом, помощником которого и состоит. Да

– Секунду, Директорат атакован на деньги, недополученные русским флотом? – потрясла рукой Селестина. Михаил прошёл ускоренное введение в положение дел в городе и знал только, что Директорат – «пятая власть», правящая с помощью особого вида энергии и особого её воздействия на материю, и доказательство её существования куда нагляднее и более полно описано, чем та же эфирная теория. Знал он теперь и о причине той встречи с Селестиной, и о стоящей за ней проблеме.

– Об этом мой контакт не упоминал, только о том, что завершились некие приготовления, а в технологию вникать особо не хотел. Какой-то ритуал... Гоэтия, так это называл. При этом он, вроде как, знает, что они собираются сделать, однако верит, – наверное даже искренне, – что выпущенные тёмные силы будут побеждены могущественными заклинаниями упомянутого Папыса. Ради этого всё и затевалось: его наниматели дают деньги Совету, тот устраивает что-то титаническое по размаху, причём на французской земле, Папыса и Низье – наконец-то вспомнил фамилию второго – зовут всё исправить, те одерживают победу, им устраивают Высочайшую аудиенцию.

– Эта ветка понятна, но что насчёт вызова тёмных сил? То есть он не знает «как», но знает «что»?

– И даже «кого». Духа он назвал Бельфегор. Я им ещё не занимался.

– Очаровательно. Селестина, Сёриз, желаете сами?

– По Вейеру, Бельфегор – посол Ада во Франции. Но вот сколько легионов у него в подчинении и прочее – не моё, – призналась Сёриз.

– Хорошо, тогда добавлю, что он – демон, связываемый также с прогрессом и изобретениями. Вот и ниточка к реакционерам и ретроgrадам. А заодно и к Выставке.

– О, старые боги! Да, как же всё сходится! Год Экспозиции, город Экспозиции, демон Экспозиции...

– И его предполагается одолеть, хотя контакт и подозревает, что Совет преследует иные цели.

– О каких навскидку можно догадаться.

– Так, может, это всё-таки тупое разрушение?

– Ну, нет. Мы же ведь понимаем, что речь не о порождениях христианского сознания на излёте Средневековья? Похоже, они знают, как обуздать мощь умбрээнергии – и заодно, чего уж там, дать несчастным мартинистам ощущение, будто это они сотворили чудо.

– Проклятье, должно быть, они и вправду её где-то запасают вне нашего ведома. Запасают и перемещают, как показывает опыт с Большой небесной сферой, чтобы мы не обнаружили. Ваш контакт, как он выглядит и где его найти?

– Обращаю внимание на слово «анонимный». Там клуб. Все в накидках, шапках, масках и перчатках. Собираются в довольно странные часы. №195 по рю Сен-Жак.

– Я этот гадюшник лично выпотрошу.

– Сели. Повремени, чтобы не спугнуть кого-то, о ком мы

ещё не знаем.

– Да, я бы попросил о том же. Чинский, к слову, тоже член клуба. Возьмём его и основательно расспросим. Не удивлюсь, если обнаружится кто-то ещё. Насчёт одной особы у меня остались кое-какие подозрения, и её, если они подтвердятся, лучше бы не убивать, каково бы ни было желание. А ещё у них довольно причудливая мифология.

– О, расскажете в дороге, – указала Селестина на ис-дис-позитиф. – Метка Анри!

Когда они спустились к «панару-левассору», то Мартин и Михаил остановились у порожков и встали в позы, готовые предложить дамам помощь во вскарабкивании на задний ряд сидений.

– Вы чего это, господа?

– Простите?

– Вы им управлять-то умеете?

– Вообще-то да.

– А вообще-то неинтересно. Вы не из Директората, а это его автомобиль, так что полезайте на гостевой диванчик, назад. Ваше вероятное возмущение, никак не отражающееся на лицах, принято к сведению и будет рассмотрено в ближайшее время. Приятной поездки.

Михаил и Мартин переглянулись, пожали плечами, но уселись назад и вверх, постаравшись укрыть лица ладонями облокоченных о корпус рук. Лица же Селестины и Сёриз, в этот раз управлявшей мощностью шести лошадей, сияли ликом.

ванием и в освещении улицы соперничали с ацетиленовыми фарами, улыбки в победном оскале обнажили белоснежные зубки – и, как для Михаила и Мартина, привлекали лишнее, абсолютно ненужное внимание.

Селестина почти не отводила взгляда от устройства на руке и в скором времени заключила, что местоположение Анри не меняется: это был дворик, зажатый между бульваром Клиши и рю де Абесс ближе к рю Удон. В штаб она послала запрос об изоляции и снятии показаний с урбматерии в том районе, хоть и подозревала, что если это искомая база Совета, то они наверняка подготовились и «серебряными нитями» всё там опутали в первую же очередь. Пришли данные о том, что близ дворика находилось не менее дюжины людей, не считая жильцов домов вокруг, а по требованию проведут экранизационные процедуры в радиусе тридцати метров, но на этом и всё: ни сведений, что это за люди, ни уточнения, есть ли среди них миноры. По крайней мере, Луна была на её стороне, если за это можно счесть ленивое приподняtie себя за двадцатый, чтоб его, азимут.

Раз уж Анри не перемещался, Михаил предложил свернуть к ближайшему телеграфу или телефону, чтобы он вызвал свою команду и один дирижабль, о существовании которого ни один из присутствующих, как и о всём сказанном ранее, распространяться не должен. В конечном счёте, разведка с воздуха им бы пригодилась, а вылететь они могли вечером благодаря всё тем же, продолжавшим висеть высо-

ким облакам, закрывавшим звёзды, равномерно размазывавшим по небу накатывавшую темень и не отражавшим обратно электрическое свечение города. Михаила предупредили насчёт попытки прибрать Чинского исключительно в свои руки, на что тот предложил подняться на борт всем вместе, и уже там провести первый допрос, поскольку это, пожалуй, единственная территория, над которой Совет власти не имеет, также он заверил, что попросит капитана судна не лететь сразу на ипподром, а покружить над кварталами, но всё же настоял, чтобы после этого Чинского оставили под охраной воздушного флота и под его личную гарантию, что Директорат в лице Сёриз или Селестины может в любой момент потребовать встречу с арестантом и получить её. Особо пререкаться по этому поводу не стали: сам по себе месё магнети-зёр в действительности нужен был только русским.

«Вновь привет, Монмартр», – с грустным вызовом принимал Мартин возвращение в те края. Ныне, не то высоко забравшись, не то глубоко спустившись по шаткой хрустальной лестнице заговоров, он с тоской вспоминал, как упрекал Энрико, что тот заставил его подниматься к Сакре-Кёр по ступеням, хорошим твёрдым каменным ступеням, и не дождался поры, когда запустят фуникулёр. Теперь его путь лежал к подножью холма, где, насыщавшись всей как в канаву стекавшей гущей, садом ароидных – аморфофаллусов и симплокарпусов, – раффлезий, гиднор, цератоний, орхидей фаленописис, геликодицеросов, стапелий, дракункулюсов, рас-

цветал легко, обманчиво доступный порок. Селестина показала Мартину карту территории, и тот увидел, что дворик не просто располагался напротив имевшей определённую репутацию площади Пигаль, но и что помещался в теле, которому контуры улиц придавали такую форму, при которой ту же Пигаль можно было назвать, хм, оглавлением или известным анатомическим жёлудем. Мартин вспомнил старую игру, и в голове теперь смешивались латинское «glans», французское «gland», английское «gloss» и русское «глянец».

Конечно, где, как не в местном квартале красных фонарей – проявочной греха – и могли укрыться анархитекторы, буквально высвечивавшие натуру? Но – натуру посетителей, как можно понять. Для оказывавших же услуги то была обычная работа, требовавшая притворства и едва ли не поточного, промышленного подхода. То была фабрика по утолению похоти и вожделения, особых предпочтений и фантазий, зазывно отверстым, раскрасневшимся, налившимся сотней электрических и газовых ламп алкалищем привлекавшая, вбирившая, всасывавшая, проглатывавшая всё новых и новых «инвесторов», *вложения* которых окупались немедленно и подстрекали к новым. Плоть дряхлая и поражалась недугами, смазка забрызгивала и коркой покрывала все неуместные поверхности, но поршни и плунжеры махины, вгоняемые и отводимые, беспрерывно приводили в движение, гнали огромную махину желаний.

Несмотря на всю навигацию, четвёрка всё же пропусти-

ла нужный поворот, но зато получила возможность описать круг по местности и сделать кое-какие прикидки. Честно говоря, было непонятно, куда, в случае чего, садиться дирижаблю, но Михаил заверил, что это не проблема, их самих, если понадобится, поднимут. Селестина и Сёриз пробовали получить картину Течения, однако показания ис-дисов были смазанными, шли рябью или даже, по выражению Сёриз, напоминали барханы, навеваемые и сдуваемые жаркими ветрами, притом интенсивно. Впрочем, для подтверждения подозрений Селестины этого было недостаточно: умбрэнергия вполне могла быть подвержена подобным горизонтальным миграциям, недостаточно возбуждённая лунным притяжением, Директорат же обычно просто старался не допускать «заболачивания» подобных участков.

Для Мартина же это была возможность увидеть, хотя бы проездом, до сих пор строившуюся церковь Сен-Жан-де-Монмартр, до которой в экспедиции так и не дошли ноги, хотя Мартин в принципе не отказался бы от интервью с её архитектором – Бодо. (Не тем же, что создал стартстопный телеграф.) Здание, за внешней скромностью и сдержанностью, было при этом по-современному эклектичным и конструкционно провокационным, шедшим вразрез с традицией. Сколькие умы приходили и приходят в беспокойство и иное состояние духа от творений Хоксмур, но столькие же смогут оценить подход Бодо? Сравнить стили, без сомнения, дело безблагодатное, речь, собственно, об архитектуре

как таковой, архитектонике. Что же такое Сен-Жан-де-Монмартр? Это первое вторжение железобетона – по системе Коттансена – в церковную жизнь, способное учинить юридические хлопоты рискнувшей её применить упомянутой паре смельчаков, но и возвращавшее и перерождавшее готику, её внутреннюю структурную «честность» и открытость, её пространственность. Вместе с тем железобетонный каркас не выставлялся напоказ, а одевался кирпичом и керамикой, отчасти сближая здание с викторианской неоготикой. К примеру, кирпичным обликом того же Сент-Панкраса, укрывающим металл вокзального амбаркадера – излюбленную паровой эпохой конструкцию из стекла и железа, с каковой тот же Бодо пробовал спорить ещё на Выставке одиннадцать лет назад, предложив альтернативу Галереи машин, отсылавшую к каркасной системе готики, её нервюрам, пускай, и более пологим, напоминавшим и огромные листья, и паутину, что, возможно, и послужило причиной неприятия. Но где, как не в захватывавшем мир ар-нуво ценились плавность пологого, округлое и растительные аллюзии? Церковь можно счесть примером рационального модерна, каковой ещё непременно появится как реакция переосмысления хаотичности ар-нуво первой волны. Полукружиями умеренно и элегантно в три регистра Бодо и украсил фасад Сен-Жан-де-Монмартр: маркизой над входом на нижнем, на среднем – их перекрестьями, рождающими стрельчатые окончания витража и декоративную распорку с эмблемой, на высшем – кружевом коло-

кольные, ещё только намечавшемся, но обетованным за праведное возведение, как Царство небесное, и под стать ему бирюзовое и лазурное. Впрочем, цвета ещё не нанесённой керамики Мартин мог лишь чувствовать и предрекать, но, увы, пока не видеть. Он задумался, почему подобной симфонии определено это место.

– И как же мы поступим? – сворачивала к краю дороги Сёриз и замедляла ход.

– Первый шаг определён верно: на автомобиле врываться туда не будем, – вернулся к насущному Мартин. – А вот с дальнейшим нужно определиться: это миссия спасения и захвата или что-то более деликатное?

– Да, всё-таки неизвестно, на каком положении двор, – вновь разглядывала ис-диспозитиф Селестина. – Охрану дальше въезда мы не заметили, данных, кроме как по численности, нет, неизвестно, что с Анри: сидит он и спокойно изучает бумажки – или что ему там хотели показать – либо же извивается, связанный на полу. Я условно.

– Мартин прав. Неизвестно даже, стоит ли вмешиваться и похищать Чинского, простите за прямоту, – разминал конечности Михаил. – Вот сейчас бы опробовать какой-нибудь из проектов Сергея Алексеевича... В смысле, неплохо бы запустить воздушного змея с фото– или кинокамерой для разведки с воздуха. Или дождаться «офаним».

– Это вы про дирижабль? У нас, на самом деле, не так и

много времени, всего-то где-то до десяти вечера. Да и как вы им дальнейшие команды передадите?

– Без радиооборудования? Банально: жестами.

– К слову об оборудовании, пока опять не забыла. Мне показалось, или у тех чудиков во Дворце конгрессов были экзоскелеты, как на вас в ту ночь?

– Будь они действительно такими же, я бы серьёзно обеспокоился, но нет. Эти не то, что декоративные, они, по-моему, дисфункциональные. Возможно, и пригодны для каких-то определённых и не вполне понятных узкоспециализированных работ, но в остальном же изрядно, насколько могу прикинуть, сковывают движения.

– А вы заметили того, который появился в клетке с Бэзи и исчез вместе с ним?

– Да, только не разглядел. Кажется, на спине у него были какие-то баллоны. Если, конечно, это была спина, и это были баллоны. А знаете... Насчёт того, как мы поступим... Почему бы вам не перенести кого-нибудь из нас на крышу здания?

– Ох, ну, в принципе, можно. Да, это идея, разделимся на пары. Выбираем точки наблюдения, тихо подходим ближе и наблюдаем, общение через ис-дисы. И будем надеяться, что у Совета нет устройств, отслеживающих перемещения по потокам или умбрэнергетические команды. Только учтите, господа: это может быть болезненно, не выдайте нас шумом.

– М-м, Селестина, а я точно потерял сознание из-за вы-

стрела людей Михаила?

– Д-да, да, я же рассказывала про то, как мы выбирались. Эх, жаль, сейчас с нами нет того ружья: тихо бы убрали часовых и прошли через главный вход.

Сёриз и Михаил выбрали здание к северу от двора, а восточное, чтобы и тенью не выдать себя, – Селестина и Мартин, который прихватил саквояж, чем и ужаснул Селестину, когда та увидела его уже после того, как протащила обоих. Сама виновата: о потенциальном поведении взрывоопасных веществ ничего не говорила. Мартин с минуту полежал на крыше, стиснув зубы и накрыв ладонью *утрату* в его теле. Отдышавшись, в саквояже он нащупал бинокль и стал нащёптывать Селестине то, что видел.

Она говорила, что Анри именно во дворе, но его-то Мартин и не видел. И вряд ли он спрятался за деревом или вроде того, то есть невидимость могла бы объясняться неудачным углом обзора, но Сёриз также сообщала, что и она не видит знакомого силуэта. Возможно, обычная картографическая неточность, преследующая даже самые совершенные и необычные системы. Ещё был вариант, что под двором вырыто подземное помещение: как погреб с отдельным входом или как самовольное расширение подвала одного из домов. Второй вариант подтвердила фигурка, вышедшая из двери в здании к западу и отправившаяся патрулировать территорию взамен другой, поспешившей внутрь, показно утирая лоб, указывая на обмокший шейный платок и потянув лямку ру-

жья, перекинутого через плечо.

Некоторую часть двора, никак, кроме единственной лампы – аккурат у входа в дом – не освещавшегося, занимали навесы из парусины, под которыми складировались ящики с окрашенной маркировкой. Половину из них опустошили, о чём можно было судить по снятым крышкам. Если их хранили для костра, то, пожалуй, выбрали для того не лучший сезон. Было слишком темно, разобрать что-либо ещё было невозможно, нужно было попасть туда, вниз. Мартин передал бинокль Селестине, но и она водила им, явно ничего специфического не обнаруживая, что в определённом смысле было хорошо.

Оба услышали что-то похожее на приглушённый хлопок. Сёриз и Михаил – тоже. Как и караульные. А потом ещё пару. Мартин не стал дожидаться, что будет дальше, и принялся разбирать саквояж – в буквальном смысле. Аккуратно, но и не допуская с её стороны неловкости, передал картридж с колбочками и стал методично расчленять сумку. Отстегнул кожаные бока и тканевое нутро, развинтил плечи с плоской, до того скрытой пружинно-блочной системой, пересобрал рёбра каркаса в ложе с направляющей и в болты, на которые повелел Селестине навинтить колбочки, прикрепил блочно-пружинные плечи к направляющей, зацепил тетиву, из остатков добавил механизмы спуска и натяжения и не глядя протянул Селестине руку, чтобы принять партию болтов с колбами; та не сразу, но поняла, что от неё хотят. Мартин

глубоко вздохнул, осмотрев только что собранный арбалет, и потребовал перенести его ближе ко двору; Селестине, как он уточнил, не обязательно ступать на ту почву, главное, чтобы он мог туда добраться – неважно, насколько комфортно. Селестина бесслвно схватила его и доставила к весьма удобной позиции за деревом, за спины растерявшимся, но всё же медленно продвигавшимся сторожам. Мартин извинился за тон и приказал ей отступить и укрыться, просил передать это и остальным.

Вовремя: та самая дверь распахнулась, и из неё, один подерживая другого, поковыляли во двор Анри и какой-то старик. В них ещё не стреляли, но окружали тремя группами. Слишком плотными. Мартин нажал на скобу. Ни один современный Псевдозенон не вышел бы против с апорией о болте: движения, возможно, и не было, но в результате невозможно отрицать изменение состояния материи. Колба при попадании в затылок одному несчастному разбилась и расплескала несомую в себе жидкость, моментально вспыхнувшую жёлто-белым, осветив театр боевых действий, и надёжно, намертво въедавшуюся в ткани ещё двоих страдальцев, бывших рядом и попавших под брызги, которым было суждено либо умереть от ожогов и шока сейчас, либо спустя краткий срок – от отравления токсичными парами. Оставшиеся группы моментально отвлеклись от Анри и его спутника. Мартина заметить не успели, так что он мог произвести ещё залп из той же позиции, но вот потом надлежало заняться тактикой.

Второй болт врезался в деревянный приклад винтовки бойца из другой группы. Мартин видел, как буквально на глазах у него и у ошарашенной, впавшей в ступор жертвы расплавились ткани руки. Мартин услышал бой стекла, – но то было следствием не вопля агонии, а загоревшихся ящичков, рядом с которыми стоял тот несчастный и в которые полетела половина сероуглерода с фосфором. Вот теперь его обнаружили, нельзя было дать себя зажать, но и в направлении Анри он не мог идти. И, кажется, кто-то обходил его с фланга. Мартин не успевал перезарядить арбалет, а если выпустит болт, то сам попадёт под его действие. Он готовился к рукопашной. Когда показался противник, Мартин замахнулся арбалетом, как киркой, надеясь пробить ярёмную вену, но враг оказался расторопным – успел подставить цевьё ружья – и сцепился с ним. Мартин услышал хруст кости и два, куда более громких, хлопка – уже точно похожих на выстрелы. С широко раскрытыми глазами нападавший рухнул под ему ноги.

Михаил попал точно в позвоночник, хотя во второй пуле уверен не был. Он видел, как Мартин отсалютовал ему и побежал занимать другую позицию. Теперь Михаил принимал огонь на себя. В том смысле, что оборонявшиеся, – а он предпочёл мысль, что, несмотря на превосходство числом, они в положении подавляемых, – кое-как перегруппировались и начали отвечать прицельным огнём. Весьма удачной мыслью было прихватить с собой табельный пистолет – лицензионную копию, хоть и не афишируемо изготов-

лявшуюся, плоского самозарядника конструкции Браунинга М.1900, использовавшего браунингова же изобретательства бездымные патроны 7,65×17 мм, очень хорошо, как только что Михаил выяснил, работавшие на относительно ближней дистанции. Михаила успокаивало вспоминать все эти детали, и, возможно, он вскользь обдумывал, как бы внести в рапорт подробности боевого применения пистолета и первые реальные рекомендации по тактике использования. Михаил высунулся из-за укрытия и произвёл ещё пару выстрелов, сразив кого-то. Вот так просто. Ещё три выстрела употребил, чтобы сделать перебежку к ящикам, содержимое которых, как он рассчитывал, задержит или отклонит летевшие в него винтовочные пули. Не ошибся. Но нужно было перезарядить оружие. Михаил сменил нагрузчик на полный новый. В его распоряжении вновь было семь патронов. Всего семь. Но это на один больше, чем если бы он вооружился револьвером, который к тому же ещё и перезаряжать дольше. Похоже, с этой проблемой, если судить по затишью, и столкнулась противная сторона. Нужно было воспользоваться шансом и оценить диспозицию. Словно угадав его намерение, Мартин подсветил двор новой фосфорной вспышкой, поджёгшей одно из деревьев и парусину. Михаил увидел пару курицами по загону носившихся голов и точными выстрелами поразил обе, а ещё одного, – того, что ранее уходил с поста, а теперь высунулся в дверь, – немного погодя, ранил. И одна пуля всё-таки не нашла цели. Но это уже было неважно:

в общей сложности он с Мартином на пару уничтожил девять противников в манере и мастерстве, достойных лучшей сцены Бульвара преступлений. Три патрона оставалось в нагрузчике и ещё сколько-то в равной степени сеющих смерть и панику припасов у Мартина – и боеспособность сохранили трое же оборонявшихся. В правилах хорошего тона сейчас было предложить отпустить Анри и того, с кем он там вышел, в обмен на жизнь, а ещё лучше – сдаться во избежание недоразумений; Мартин, конечно, поступил недобропорядочно, что открыл огонь без предупреждения, но, должно быть, то не от недостатка профессионализма, а из-за его специфики, в которой почему-то упорствует признаться, ну да теперь неважно.

Так он и поступил. Однако переговоры не задались. Кто-то начал было поднимать руки с оружием, но тут же поспешил их опустить, услышав сзади не то приказ, не то укор, не то гипнотическую команду. Чинский. В сполохах огня его худощавое тело в тёмном костюме и голова с копной чёрных промасленных волос напоминали обугленную тлеющую с одного конца головёшку или вовсе спичку. Он предупредил, что сбежавшим всё равно не жить, а чем дольше здесь задерживаются атакующие, тем больше их риск нарваться на силу, с которой совладать они уже не смогут. Поэтому сложить оружие предложил уже он. Самонадеянно. К процессу подключился Мартин, который заявил, что готов отступить, если состоится передача пленников, что не должно обремене-

нить Чинского, ведь, согласно утверждению коего, им «всё равно не жить», – что он теряет? Чинский ответил в том духе, что Анри ещё не дописал последнюю главу его истории, а заниматься этим самому аристократу-гипнотизёру и пользоваться чужим именем ему как-то не по чести. Признал, что в Анри они ошиблись, но, впрочем, не разочаровались; его талант – не столько в том, как писать, а в том, как слушать, а уже потом писать – даже оказался полезнее. Михаил догадывался, что тот просто тянет время, поскольку не предлагает ничего для разрешения ситуации или хотя бы объяснения.

Стало понятно, чего дожидался Чинский, – так ни за чем и не укрывшийся, также наверняка догадывавшийся, что нужен живым. Из двери выскочило с полдюжины человек – точь-в-точь «манекены» со «Скиаграфии». И они не страшились наступать. Конечно, прижимались то к тому, то к этому, но шли на Мартина и Михаила. И делали какие-то циклические движения руками. Михаил расстрелял последний боезапас, но так ни одного не свалил, он даже не понял, что случилось с пулями: те даже не отскакивали, а будто крошились при контакте не то о металлический нагрудник, который больше походил на корсет и который ну никак нельзя было на вид счесть боевым, не то с незримым барьером перед ним. Дело было дрянь. И странно, что сюда не мчались ни соседи, ни пожарные расчёты, ни полиция. «Как эта „изоляция” вообще работает? И кому на пользу?»

И Михаил, и Мартин ощущали непривычные колебания

земли, их укрытий, да, казалось, и их самих. И с приближением манекенов вибрации только усиливались. Их хотели выкурить? Возможно. Но это им узнать не пришлось, благодаря вступившему в бой резерву в лице Сёриз и Селестины. Кто ещё это мог быть? Если до того кому-то и казалось, что двор и так усеян ошмётками мягких тканей, осколками раздробленных черепов и залит кровью, то дамы избавили бы его от этого ложного и несостоятельного убеждения. Первых двух «манекенов» на месте разорвало даже не в клочки, а в розовую дымку, послужащую росой иным травинкам. Третьего вывернуло наружу, при этом экзоскелет сыграл дурную и злую службу, став для вывороченного мяса и потрохов витринными полочками и крюками. Четвёртого и трёх последних караульных, вставших подле него, поглотила и размолола волна каменной кладки, обросшая кроваво-нутряным барашком. К двум оставшимся «манекенам» неукротимо приближались две линии разрывов, – и только по их направлению удалось понять, какие позиции заняли повелительницы урбматерии и укротительницы умбрэнергии, совершавшие руками что-то посложнее *arrondi* и *allongé*⁵³ и едва ли не танцевавшие, – но разбились обо что-то, подобно пулям Михала.

И это что-то обрело создателя. Взору четвёрки – с разных ракурсов – предстал некто под семь футов ростом. «Как он мог уместиться в той капсуле-клетке с Бэзи?» – в той или иной форме мелькнул вопрос у каждого из них. Лицо

было скрыто тенью, а туловище – тёмно-красным рваным и обугленным плащом, но он дал себя разглядеть. Вот и пара заплечных баллонов. Вот и железная обувь, которая и впрямь продолжалась чем-то вроде массивного корригирующего ортопедического устройства. Только оно распространялось и на всю верхнюю половину тела, насколько его позволяли рассмотреть дыры в плаще, и исполнено куда грамотнее того спиралевидно-сетчатого безобразия, что носили «манекены». И было, судя по отливу, медным. И плясали в той меди тысячи сполохов. И те тысячи сполохов спрягались сотней верениц знаков, рассказывали десятки историй – и сводились в один сценарий.

Затем этот некто распростёр руки, подождав к себе жестом Чинского, всё-таки раненого, и двух «манекенов», прорезав ми глазок в масках ловивших любое исходившее от покровителя движение, и готовился бесцеремонно и бессловно с ними исчезнуть. Но на прощание оставил пожар, тянувший жадные языки из дверного проёма, означавшие, что всё интересное, что могло там быть, уже поглощено и переварено, а через минуту-другую пламя слижет и двор. Выбирать и спасти улики времени не было. Не помог бы и наконец-то подлетевший «офаним», который никто пока, кажется, кроме Михаила и не заметил, но для того и создавался.

Михаил указал на небо как на путь к бегству. Селестина и Сёриз согласились, и это обстоятельство следовало рассматривать как дурные вести и вероятную причину, почему они

не перенесли подалее отсюда пару беглецов, так и жавшихся в уголке. Когда кто-то из «кузин» попытался помочь Анри встать, тот резко вскрикнул о том, что их с собратом по побегу разделять нельзя. Выяснить, что к чему, решили уже после подъёма на борт. Михаил дал команду на спуск спасательной сетки, в которую уложили пострадавших, остальным же предлагалась верёвочная лестница. Жар был сильным, и дирижабль поспешил уйти из зоны конвекционных потоков сразу же, как только Михаил, бывший последним, ухватился за канат – пару шишек он и Мартин успели набить об углы и стены, с которыми «офаним» их опасно сближал. Не самое ловкое управление, но логику Михаил понимал: Сергей Аполлонович боялся за проплавление оболочки и воспламенение со взрывом, да и не стоило давать наутро очевидцам повод говорить, что некий дирижабль имеет отношение к поджогу дома.

22

Поднявшись на борт, Михаил скомандовал «вольно» мичманам, наставившим пневмоштуцеры на остальных пассажиров, а также просил передать известно кому, что операция провалена с треском горящих перекрытий того самого дома и досок ящиков во дворе. Фельдшера в команде не было, так что более он ничем помочь не мог и просто отстранился, на-

блюдая за дальнейшим. Разве что напоследок не забыл в свете новых обстоятельств уточнить:

– Мы можем доставить их к медикам на ипподром.

– Лучше в Директорат, тут, кажется, дело по нашей части.

– Нет, – спокойно, но сдавленно прозвучал голос Анри, – никуда, нам не успеют помочь. Просто слушайте.

– Это же Алоиз, пропавший архивариус! – наконец-то признали знакомое лицо второго пленника.

– Во всех смыслах, милые. Ох, – с полными недовольства глазами смотрел он на синюю и тёмно-серо-коричневую униформу – кому приходится поверять то, что и в штабе Директората знает куда меньшее количество человек!

– У нас нет времени на предостережения, да и что это им даст? Алоиз, *ad limina* уже близко, извольте а *limine* основное⁵⁴. Мартин, Мартин, ты же не оставил меня?

– Я здесь, друг мой, – и перстом, как копейным остриём, предостерёг подходившего унтер-офицера от попытки даже коснуться арбалета.

– Запомни: компания «*Seilcéan*». Повтори. Хорошо. Позже достанешь у меня из кармана брошюрку и узнаешь, как это пишется, – чтобы выдать смешок, ему, казалось, пришлось вывернуть лёгкое наизнанку. Мартин неплохо играл в карты, и заметил, что, услышав это название, Михаил наступил брови и перебирал в голове ворох бумаг, возможно даже уже нашёл нужную и только теперь, понимая, что в ней написано, вчитывался в неё.

– У нас не настолько мало времени. А вы, дочери, запомните иное: Игнациус. Он вернулся. И весь остаток сил мне придётся употребить на не особенно краткий и, возможно, путаный сказ о нём, – и сухой старческий голос затрещал синематографическим аппаратом. – Не найдёте в архиве бумаг, память о том вымарана и выжжена. То было тридцать лет назад в сто двадцатый сарос. В четвёртый подряд год не без затмения. Но только это более-менее сносно подходило для давно задуманного. В день зимнего солнцестояния. Всё сразу! Наибольшая оккультация приходилась на Гибралтар. Свадебным венцом был Сатурн, фату держала Венера. Низко, между семнадцатым и восемнадцатым азимутами от горизонта. Этого для ваших устройств мало сейчас, мало было и тогда, но на то и рассчитывали. Старина Блез, уже тогда бывший стариной, и несколько командующих штаба нашли способ снять тяготеющее над – или, вернее, «под», хе-хе, – городом неизбежное проклятье. Как нам казалось. Мы учли ошибки всех редких предыдущих попыток, отбросили ведущие к ним варианты. Но нашли лишь ещё один к ним в коллекцию. Коль скоро не удавалось грубо оторвать одно от другого, подточить или разесть, его решили сдвинуть. Сдвиг! Вы понимаете? Не нужно было ничего поднимать, горизонтальное движение проще вертикального. Изящное решение. И столь острый угол между светилами был только в помощь. Затмения всё спутывают, перемешивают, взбалтывают, заставляют кипеть и бурлить, скажете вы и будете правы, но это

при высоком азимуте. Мы думали, что при низком зимнем они станут движителями: умбрэнергия потянет тело-скриптор за собой, а сольэнергия будет давить на урбматерию и оттолкнёт в противоположную сторону. Нам всего-то и нужно было, что создать маленькую фазовую трещину, инициировать кливаж, а дальше процесс-с-кхэ-кх с-с небольшой помощью продолжился бы по инерции. Лишь одно измерение мы забыли учесть. Да и не знали, не было аппарата – что в смысле машинном, что в смысле научном – так глубоко заглянуть. Нужны были добровольцы, которых устраивало, что то мог быть путь в один конец. И что совершенно точно они не станут прежними. Вы, мои ангероны, от рождения способны быть сосудом – да что там, фляжечкой, малюсеньким флакончиком – умбрэнергии, да и то дырявым. В отличие от простых смертных, каковым и это не светит, будто умбрэнергии и вовсе нет в подлунном мире! Хм, а здесь, как вне стен Директората, как-то подозрительно много эмпагов. Но да, да, продолжаю. Для воздействия на тело-скриптор нужны куда большие запасы. Фактически, добровольцам предстояло претерпеть трансформацию в живые вместилища умбрэнергии. У нас уже были технологии её конденсации тонким слоем на специально подготовленной поверхности: славный результат этих изысканий у вас на руках. И у нас были технологии её запасания в больших объёмах в урбматерии: компенсационные резервуары мы пускаем в ход едва ли не каждый день. Но не то и другое вместе, в одном агрегате. Нуж-

но было объединить флю-мируа с аккумулятором. Фабрис – вы его не знаете, он погиб, – подобрал верное сочетание геометрии самих флю-мируа и их взаимного расположения. Он придумал оптическую ловушку. Теперь умбрэнергию можно было даже узконаправленно излучать! Впрочем, о применении в военно-полицейском деле никто, даже в трудное время осады, ни на минуту не задумался. Кроме Жервеза, души-ки-милитариста. В общем, баллоны, что вы наверняка видели на спине у Игнациуса, – а это был он, если кто-то ещё тратит силы на иные догадки, – это видимая, внешняя механическая часть системы.

– Что значит «внешняя механическая»? – всё-таки не вытерпела Селестина. – Есть ещё и «внутренняя механическая», а то и органическая? Да что же он такое?

– Да, есть, я вам об этом сейчас и расскажу, – заменил он в аппарате плёнку и вновь закрутил ручку мысленного аппарата «Société Pathé Frères». – Добровольцы. Их было трое: Атанасиус, Игнациус и его сестра Агнесса. М-м, её рыжие волосы... Простите старика, я ещё успею с ней воссоединиться. У нас было два варианта устройства Фабриса. Атанасиус – опытнейший и самоотверженнейший из троицы – пожертвовал своим телом, чтобы испытать первый и в теории наиболее мощный. Цистерны – только для второго варианта Фабрису удалось миниатюризировать габариты с минимально возможными потерями – устанавливались стационарно, но неподалёку от места, где всё должно было свер-

шиться, и полагалось их соединить с телом кабелями. Толстенными кабелями, которые сплетали с центральной нервной системой. И вот эти кабели волочились за ним по полумножеству пуповин. Также пришлось одеть его в экзоскелет, улучшающий токи умбрэнергии, и маску, в которую подавалась более насыщенная кислородом дыхательная смесь. Хотя вру. Вот у Агнессы и Игнациуса уже были экзоскелеты и маски, вполне аккуратные и не такие громоздкие, а вот ему пришлось таскать на себе что-то больше напоминавшее, как сейчас уже можно сравнить, появившееся десяток лет спустя творение братьев Карманьоллей. И почти полгода ему пришлось так прожить до решающего дня. За это время были получены уточняющие данные, и решено было изготовить мобильную версию, поскольку могло потребоваться сопровождение и направление разрыва. Всё равно выглядело жутко. Если жуть может быть аккуратной. Уже заговариваюсь. Им тоже пронзили тела трубками и кабелями. Оставили свободу передвижений, но разместили кое-какую механику под кожей, вшивали... А, оставлю эти подробности, они вам ничего не подскажут.

– Алоиз, п-переходи уже к тому дню, – жизнь покидала его быстрее, чем рассказчика.

– Да. Кабинет Блеза не всегда был его кабинетом, туда он переехал больше из сантиментов и тайного страха. Он ведь движим страхом, не так ли? Наверняка думает, что это урбматерия и тело-скриптор отторгают коммуникации Дирек-

тората? Что проклятье наконец-то берёт верх? Ну, простите, дайте немного позлорадствовать напоследок. Что же требовалось от добровольцев? Тоже избавлю вас от ритуальной части, но скажу, что суть была в синхронизированном и направленном воздействии на тело-скриптор. Кливаж следовало запустить, испещрив поверхность тела новыми знаками, внести записи, которые город никак не мог произвести, заставить тело считать, что это не та же материя. А противонаправленные векторы умбрээнергии и сольэнергии подкрепили бы эту легенду. Это должно было вывести тело из дисконнезии, в результате чего некоторые связи оно попыталось бы укрепить, но другие бы вместе с тем и рассоединило, с этого и началось бы освобождение, и Агнесса с Игнациусом повели бы дисконнекцию и не позволяли вновь, по хитрым дугам, прикрепить аксоны к освобождённым областям. И клюнь меня галльский петух в зад, какое-то время всё получалось! На стекло сиренариума проецировалось то, что нельзя было назвать иначе как партитурой для оркестра, где вместо инструментов свои партии играли недоумение, тревога, боязнь, паника, отчаяние, ревность, тоска и – под конец – презрение, отвращение. Скорбь по ненавистному. Отказ. Мы проглядели метанойю. Сущность за телом-скриптором перестала бороться. Вы наверняка думаете, что от этого процесс только пошёл быстрее. Да, так и было, тройке добровольцев позволяли записывать и отделять всё, что те пожелают. Пожелают. Мы всё это время управляли желаниями, не давали и не да-

ём им бесконтрольно захлестнуть город! И проглядели собственную неумеренность.

– Папá Блез и нынешнюю ситуацию считает следствием уподобления Рааву, – потирала то лоб, то висок, то щёку Сёриз. – И неизвестно, что хуже: полностью ли оно неосознанное или же мы знали, но закрывали глаза, пока чаша не переполнилась, пока наш условный Нил не вышел из берегов.

– Ну да, ну да. Образ подобрал точный. Сущность, известная тебе и тебе, мыслила не географически, но геологически. М-м, нет, так вы не поймёте. А, может, и да. Она мыслила не географическими координатами, а геологическими эпохами, космическими, такими, когда один порядок жизни сменяет другой. Ощувив отчуждённость, она не стала смещаться и сдвигаться. Тело-скриптор, всё более окружаемое надвигающейся пустотой, перестало искать, к чему бы присосаться. Они... Мы тогда совершенно не сообразили, в чём дело. А запомнили ли вы, что я упоминал в начале? Мы, существа приземлённые, мыслили в трёх измерениях. Я не упоминаю про гипотетические, ответственные за эффекты умбрэнергии и разворачивающиеся да тут же и сворачивающиеся в петельки в масштабах столь крохотных, что у нас и названий и выражений для них нет... А, впрочем, снова вру: тот немец Планк предлагает толковую систему единиц. Отвлёкся. Сущность и тело-скриптор просто в сытом довольствии не давали нам понять, что важно ещё одно измерение – время. И оно полноценно, это не бинарная система «есть – нет», «те-

чёт – не течёт». Но это знание пришло нам много, много позже. Чем же нам ответили? Тело-скриптор принялось искать утраченное в другом времени. Нет, нам не открылись иные миры, мы не видели древних драконов или то, что предрекают провидцы вроде Верна и Уэллса. Мы увидели иное время. Иное! Иной его порядок! Ну, или беспорядок. «Увидели», впрочем, сильно сказано – для данных телеметрии и того, что слышали от тройки. Всего лишь трое в полной мере погрузились в ту бездну. Их утягивало куда-то по ту сторону времени, реконструировало сообразно его организации. Впрочем, одну только смерть Атанасиуса и следовало считать подтверждённой. Его просто распяло на тех кабелях, а после – перекрутило, расплющило... Старым богам мы его так и возвращали – в скафандре, смятом, искорёженном и оплавленном. Атанор, в котором всё и происходило, наполнился пламенем белее и жарче того, что сегодня устроили вы, месью. Оно чувствовалось и у сиренариума. Игнациус и его сестра, если их ещё не утащило, в таком пекле не могли бы выжить. Но останков, а хоть бы и праха мы после всего не нашли, даже от бедолаги Фабриса, побежавшего неизвестно как им помогать, что-то осталось... – разъедал палящий свет ментальный целлулоид, заставлял пойти пузырями, что лопались кашлем, сменялись язвами и обрывали бег плёнки.

– Вы говорите, что их утащило, что разверзлась бездна...

– Это трудно передать... Вы уже представляете себе физическое перемещение из точки А в точку В. Но это... Так по-

гибают и рождаются миры в хаосмосе. Мы думали, что разверзли врата, которые нам не закрыть, что по нашей вине конец настанет не только нам и городу, но и – кто знает? – миру, вселенной. Однако на закате всё прекратилось. Резко и внезапно. Предполагали было, что совершили переход в то, другое время, прошли трансформацию. Нет. Всё было то же. Даже слишком «то же»: тело-скриптор вернулось в состояние до начала процедуры. Вот мы ещё получаем показания, какие можем, – ну, кому это ещё было интересно, – и видим, что связи с урбматерией слабы, а в следующий миг всякое возбуждение прекращается и мы снимаем с тела-скриптора картинку, как будто ничего и не было. Оно как-то сделало откат своего состояния, нашло, что ли, копию, которую неизвестно где записало. Честно, ничего лучше предположить не могу. Ну, и развязка истории. Всё, что мы могли сделать – воспользоваться осадным положением, перекрыть все потоки и каналы за пределами Тьерского вала, увещевая посвящённых в Отель-де-Вилль, что это нужно в целях обороны от угрозы извне. Готовились к акту отмщения, к небывалому течению, которое были намерены удержать в пределах города. Но его не последовало. Теперь вы знаете истинную причину. И не спрашивайте, как и откуда вернулся Игнациус – этим он со мной не делился. А про «когда» гадать и вовсе не хочу, как бы ни хотелось связать его возвращение с гибелью сес-с-х-хэх-пхэ... Воды...

– Но почему он вернулся? И зачем ему вы?

– На второй вопрос ответить просто: ему нужны мои знания. Я один из редчайших живых свидетелей. К тому же был тогдашним Саржей. Правда, после инцидента попросил назначить обычным архивариусом. Накопленные к тому времени секреты – и свои, и Директората в целом – я был готов хранить, но новых, более жутких, знать не желал и не вытерпел бы причастности к ним. А, быть может, заимев неограниченный доступ к архиву и библиотеке, надеялся понять, как вернуть Агнессу. Что касается первого вопроса, то если в «почему» вы вкладываете не механику и физику процесса, то извольте получить ответ: потому что мог. Или смог, что, подозреваю, куда ближе к истине. Но голову ему припекло знатно. Это я уже о его замысле. Но, возможно, то не от полученных повреждений, а от нашёптывания сущностью. Но его инструментарий и отношение к процессу – это уже, насколько могу судить, личный выбор.

– В таком случае, зачем он вернулся?

– Если сводить к одной фразе, то он вернулся, чтобы вернуть. На деле же задуманное им многогранно. Такому и старые боги позавидуют. Главное в том, ином времени он, похоже, получил некое представление будущего, в этом смысле всё творимое им неизбежно приведёт к единственному варианту этого будущего, а потому в средствах он себя не сдерживает. До сего дня он и вовсе не вмешивался, разве что эффективности ради транспортировал Бэзи, которому немного лучше, чем нам с Анри, хоть и по другим причинам. Вот

честно: он как расписал всем роли в своей трагедии, так больше и не вмешивался в процесс, подысканные персоналии самостоятельно подбирали удобные им способы получения результатов, сами координировали работу, выстраивали иерархию и экономику. Как он на этих людей вышел, почему именно они, почему они ему верны – загадка. Он наслаждался и самим процессом, и процессом наблюдения за процессом. Но в этом же пункте я особо отмечаю, что в его случае убеждённость в детерминированности дня завтрашнего превращает его в главного же исполнителя, в первое передаточное звено, если та исходит от воли, высшей по отношению к нему. Этой убеждённостью он намеревается заразить и других. Не потому, что верит, будто они поймут, но чтобы сломить их волю и упростить себе задачу. Для того ему и потребовалось несколько вариантов донесения неотвратимости всех поджидающей судьбы. Кому-то предложено мягко самоустраниться и затеять игру-междусобойчик с призом неизвестной мне мнимости... А, по вашему лицу вижу, что вы в том клубе побывали. Кому-то – сэкономлю время и прямо назову Блеза и штаб – он подкинул мысль о необратимости и относительной естественности утраты контроля. Чуть не забыл, Блез в тот клуб тоже был приглашён, но что-то его удержало от посещений. Не вашими ли стараниями? Ха-хм. При этом Игнациус таким методом не просто расчищает путь, он действительно желает свергнуть элиты: они в его видение будущего не вписываются и не способны это будущее

обеспечить. И структуры, ими созданные, ему тоже без надобности. Отсюда и первое название его группы: Совет анархитекторов. Чем-то он их да заменит, это не беспардонный акт разрушения, как вы понимаете, но мне лишь остаётся гадать, чем именно. Впрочем, на коммуникации Директората у него планы определённо есть, только применение им он найдёт иное. Да уже находит. Как и технологиям. Что, как видите, чудесным образом возвращает нас к вопросу, для чего я ему понадобился.

– Простите, но меня продолжает беспокоить вот что: так как мы его раньше не замечали в городе?

– Баллоны. Он же может носить с собой запас умбрэнергии. Вот и тратил его то на укрытие от нашей сети, то на принудительную активацию потоков. Всегда – потоков, никогда – каналов. Возможно, вам пригодится. И не могли бы вы подать ещё воды? Благодарю.

– Как же он тогда попал в Нёйи?

– Отыскал законсервированный. Ему пришлось постараться, чтобы утечки не заметили, даже прикрылся активизацией канала. Вообще говоря, он не просто перехватил половину коммуникаций Директората, он ещё и свои проложил, в основном пользуясь сведениями об оставленном и неиспользуемом. Тут, должен признаться, моя вина. В первую из трёх встреч, если считать и сегодняшнюю, он умастил тем, что вернёт Агнессу. Вот только что-то в его собственных глазах заметной надежды на это я не приме-

тил. Но всё же принёс малозначительные бумаги исторического характера. Тогда он ещё не открылся как враг, я действительно был счастлив, что тот эксперимент лишился одной жертвы. Но – не лишился, для этого не обязательно отнимать жизнь. Потом он потребовал техническую документацию, а также – избавить Директорат от досье нескольких миноров. Я пошёл и на это, мне пришлось выкрасть некоторые документы. Но только некоторые. Большинство из тематически интересовавших его давно уничтожены. Он не верил. В дальнейшем общение продолжилось через его людей. И так – вплоть до июня, когда я начал отказывать, и чему последовал шантаж убийством Корнелии, которую выбрали без её ведома на роль гонца с дурными вестями. Да, подразумевалось, что будут ещё две таких, кто донесёт верное сообщение до Директората, но, кажется, они сейчас подле меня. И чувствую, что его план не настолько уж и гениально непредсказуем.

– Мы его назвали сценарием.

– Да, удачное сравнение. Вам бы им с Блезом поделиться – вот он бы это слово просмаковал.

– А ещё мы определили, что важная часть разыгрываемой пьески – избавление от четвёртой стены и перемежение актёров и зрителей.

– Да-да! Прекр-хр-гхр... Прекрасно. Но задача несколько не та, что вы думаете. Я и сам до определённого момента не понимал. Те архивные записи, что были нужны людям Иг-

нациуса, касались некоторых использованных для его трансформации технологий. В частности тех, что вживили ему в голову, что перекроили карту некоторых областей его мозга. Если Фабрис был добрым доктором, то Жервез – злым, но о чём-то таком я уже упоминал. И это было его изобретение. И по задумке оно отвечало за улучшение нейросинхронизации, высокая точность какой требовалась для того рокового дня. Как это выглядело? Считайте внедрением флю-мира в межполушарное пространство. Но оно же при модификации давало возможность перебивать натуральные сигналы мозга наведёнными, сгенерированными другим мозгом, а то и вовсе вело к созданию нейрографа. И, само собой, послушной армии, о чём наверняка, покручивая мерзенькие острые усики, и мечтал Жервез. Но для его работы требовались эмпазы, притом те, что не противились бы подчинению.

– Та группа сочувствующих в Нёйи была...

– Да, это всё – ради отбора кандидатов. Но людям Игнациуса – или Бэзи как ответственного – несказанно повезло: они не каких-то там эмпазов, уж простите, собрали, а миноров. Я бы назвал это первым звонком к требованию пересмотреть политику в отношении миноров, – и в сторону ужесточения, – но это уже потянет на соборные колокола. Возможности Совета возрастали. Известно, что Игнациус хотел было подкорректировать, – воспользуюсь вашей терминологией, – сценарий. Тот пожар – сколько, сколько ещё пожары сему потопу будут сопутствовать? – избавил его от необ-

ходимости. Некоторые проблемы это ему тоже доставило, но больше – городу. Примерно тогда же он понял, что Чеслав способен не только обеспечивать финансовые вливания и открывать любые двери, но и убеждать людей. Звучит алогично, поскольку первые два пункта именно этого умения и требуют, но Игнациус как-то упустил из вида, что может пригодиться эта его дистиллированная способность. Отныне можно было не подыскивать твёрдо убеждённых в идеологии Спектакля, достаточно находить любых податливых. Или похищать. Вот тут миноры, пронюхавшие об укрытом от Директората пути из города, преимущественно промышлявшие контрабандой, и попались в капкан. Но и других похватали. Уж не знаю по какой причине, но состоящими в том основанном Советом клубе – как его? «Sub rosa»? – пока не интересуются, хотя, казалось бы, размягчённые и расслабленные – бери и не мучайся. Значит, нужны зачем-то ещё.

– Возможно для той игры? – повернул голову Михаил. – Предлагается в результате бесед найти некий ключ, отпирающий медные врата. Это и пароль для входа, и ожидание, и приз.

– Не знал. Занятно. Я бы счёл намёком на кабинет Блеза, но как-то не сходится: где клуб, а где кабинет. Что-то самобытное. Или я начисто забыл миф. Игнациусу, Бэзи и Чеславу пришлось во многом всё делать по наитию. Подробные чертежи и пояснения по технологии Жервеза предусмотрительно уничтожили. И лишь в одном месте проглядели кос-

венное упоминание. «Эхоматы». За то немногое и уцепились. И так родились эхоматы вроде тех, с которыми вы сегодня бились.

– Эхоматы? Это как же? Автоматоны, повинующиеся звуку?

– Ах, чтоб меня! Звук! Тот звук! «Манекены»!

– А, так вы слышали его этим утром? Да. И даже если они – автоматоны, то помните, что из плоти и крови. И не столько повинующиеся звуку, хотя и это тоже, сколько следующие приходящим командам. Отголоски себя прежних. Бóльшие пустышки, чем задумывалось в проекте Жервеза.

– А ещё у них корсеты, каковым место разве что на Пигаль.

– Они для усиления приёма-передачи, не более того. Фактически эхоматы связаны в сеть. И в случае некоторых приказов, хм, одноразовые.

– Я сейчас просто назову даты: двадцать девятое апреля и двадцатое мая.

– Ну, тогда я не имел такого доступа к информации, как очутившись в плену, но понятно, о каком инциденте может идти речь в первом случае. А во второй из названных дней – хотя то, вернее, была ночь – Игнациус скорее всего открыл поток в Нёйи. А... А! Так вы та самая, кто взбаламутил омут?! О, Директорату повезло с вами. Что ж, знайте: в апреле погибло не девять, а десять человек. И того десятого следует счесть нулевым. И вряд ли он знал, что погибнет: только

то, что будет катализатором некоего процесса. Это был первый полевой эксперимент Игнациуса. Энергия вырвалась в виде взрыва. При достаточной численности эхоматов сошло бы и так.

– А целью была попытка осуществления поперечной конвекции умбрэнергии? – да, Селестина запомнила ту полученную в болезненном озарении формулировку; зрочки Алоиза расширились. – Может, он пытается повторить сдвиг, только иначе?

– В вас ещё остаётся вера в светлое начало. И, возможно, вы не так далеки от истины. Я над этим не задумывался. Это... это допустимо. Но вот чего он хочет им добиться? Вряд ли того же, что мы – тридцать лет назад. Всё-таки «поперечная конвекция» нужна ему для перекачки умбрэнергии из резервуаров Директората в его собственные. Пока он её запасал, но если бы те в Нёйи не сгорели, то уже пустил бы в ход. Но тут могу и ошибаться. А пока что продолжает накапливаться, не сцеживаемая, из-за новых приливов. Но как я и говорил, он и из этого пользу извлекает. Ха. Возможно, вы не знали, но застой умбрэнергии может локально продуцировать жару. Но об этом задумайтесь уже вы, а я так и вращаюсь вокруг вашей мысли.

– С ней иногда, где-то раз в день, случается. – Сёриз ожидала традиционного для них продолжения, но Селестина ещё лишь погладила по руке – не та была обстановка.

– Просто это даёт лучшее обоснование игр с четвёртой

стеной и объясняет опыты над нами. Необратимые. Но пусть какие-то признаки присутствия духа уже подаст ваш друг, я дополню его свидетельство. А, ещё одно, пока не забыл. Вам это может пригодиться, ангероны. Когда я говорил, что в архиве найти ничего более нельзя, я слукавил: это в известной его части нельзя, но кое-что припасено в потаённой коморке. Пойдёте в архив, найдите там предел, где водятся львы. Сейчас вы не поймёте, но это точное указание. Вам слово, Анри.

– Всё было в рамках ожидаемого, пока Чеслав катал меня по городу и следил, чтобы за нами никто не следил. Я как-то обернулся и узнал вас, Сёриз, – и по лицу, и по стилю костюма, – но подумал, что это неспроста, и не выдал вас. Однако на треугольнике, горбом примыкающим к рю Нотр-Дам-де-Лоретт, вы нас потеряли.

– Да, не рискнула поворачивать за вами на ту улочку, проехала дальше по рю Нотр-Дам-де-Лоретт, но так и не дождалась возвращения на перекрёсток. А ведь это было менее чем в полукилометре от двора!

– Не корите себя. По крайней мере, я начал кое-что соображать. В частности насчёт предупреждений Мартина. И, друг мой, знай, что я всё понял, но прощаю тебе деяние в Нёйи-сюр-Сен. Всё то были монстры и химеры. Или стали бы ими. Я мало что понимаю из сказанного Алоизом, и не могу по достоинству оценить глубину заговора, но отвратный его облик – вполне. Итак, мы всё-таки подъехали к тому двору и отпустили карету. Заверили, что пошлют за новой, ко-

гда мне будет угодно. К охране во дворе я отнёсся спокойно, это нормально для логова. Мне же предстояло приступить к обязанностям официального биографа. Между ящиков не водили, но рассказали о будущих метаморфозах «Скиаграфии», о некоторых смежных акциях – все довольно левой направленности. Некоторые, по моему угасающему мнению, вследствие поджога тех запасов во дворе отныне невозможны. Но это и хорошо, они были довольно дурны – хорошо, что воздержался от совета. И все так или иначе завязаны на указанную мной компанию. Меня провели в дом. Там Чеслав предложил чаю, а затем показал, где что я могу найти, и оставил наедине с материалами. В дальнейшем я мог бы обратиться к нему за подсказками и пояснениями. Я намекнул, что неплохо бы и с людьми пообщаться, в том числе с Бэзи, на что он как-то уклончиво и незапоминаемо ответил. Я увлечённо переписывал интересные фрагменты из либретто уличных постановок, смотрел раскадровки фильмов, что планировалось проигрывать на стенах общественных зданий вместо экранов, включал записи шумов, которыми назначалось заглушать выступления политиков, пальцами перебирал стопки свежих плакатов о сочувствующих со странной схемкой по центру и как-то между делом прихватил брошюрку «Ceilcéan». Час, другой... Чеслав не возвращался, а я даже не заметил, вышел он в ту же дверь или в другую. Но услышал грохот откуда-то снизу. Снизу, где должна быть земля и канализация – больше ничего. Беглый

осмотр стен показал, что была дверь, которую я по увлечённости и упустил из виду. Мне открылся проход в подвальное помещение, откуда доносились звуки не то, чтобы борьбы, но ожесточённой ругани. Выдавать себя пока что не намеревался и пробовал рассмотреть интерьер и прислушаться к разговору – он, несмотря на изобилие ненормативной лексики, был посвящён научной этике и методике и в целом был уместен: то была лаборатория. Добротная полноразмерная функционирующая лаборатория, прямо под двором где-то у подножия Монмартра. Что-то такое можно было бы ожидать на бульваре Гренель, но не у подножия Монмартра. И центральное место занимали капсулы-клетки, похожие на ту в «салоне», только к этим тянулись провода и приводы. И внутри были люди. Я мог бы поспорить, что одного-двух где-то уже видел. В кармане я нащупал подарок апашей и одной рукой придал ему форму револьвера. Почти вовремя. Тут из-за несовершенства укрытия и предательской лампы – кстати, газовой, – моё присутствие раскрыли. Причём сделал это не Чеслав или, как позже выяснилось, Алоиз. Нет. Это был один из тех эхоматов, только пробуждённый. Ладно хоть моё оружие уткнулось поглубже в карман, а не вывалилось на пол рядом со мной. Дальнейшее я помню плохо. Только то, что смотрел на мир, поделённый на квадратики. И припыленный. Меня поместили в капсулу, а рядом – Алоиза. И всё было кончено. «Что?» – допытывался я до Чеслава. «Что кончено?» – но тот лишь неуместно смеялся. Голова страш-

но болела, но боль уменьшалась, если я склонял голову или прижимал её к стеклу в направлении Алоиза, который чувствовал то же. Мы кратко познакомились. Его гипотеза была в том, что нас сделали новыми звеньями цепи, однако мы не прошли психическую обработку, и потому звеньями вышли дефектными, но так ведь и сотворили это с нами в качестве наказания. Теперь мы испытываем побочные эффекты, которых даже он не ожидал. А ещё он сразу определил, что мы умираем... И я умру первым, поскольку технология рассчитана на эмпагов, к коим я не принадлежу. Ещё бы я знал мистическо-городское приложение этого термина! Но зато Алоиз успокоил меня тем, что хотя бы последние часы жизни я им буду и, если повезёт, увижу город по-новому. Что ж, мне повезло. Вернулся Чинский, вернулось и моё желание ему отомстить. Когда он с какой-то бравадой приблизился к моему стеклянно-медному футляру, то получил пулю в живот и сел, где стоял. Ещё два патрона я употребил, чтобы отстрелить патрубки, мешавшие её опрокинуть. Музыкальные рецензии мне отныне заказаны. Затем помог выбраться Алоизу, который отблагодарил тем, что запустил в спустившихся охранника и эхомата бутылку с эфиром. На этом наши силы иссякли. Голову кружило и покалывало, подступала тошнота, вестибулярный аппарат отказывал, а с ним заодно дыхательный и сердечный. Но было легче, когда мы опёрлись друг о друга, положив по руке на плечи. Вечер, свечи... Ну, а дальнейшее вы уже застали.

– И у вас возникает вопрос: откуда этот фатализм и скоропалительный вывод о смертельности процедуры? Ощущение. Я чувствовал, что тело распадается. А подумав, могу и назвать причину: мы больше не те, кем были. Игнациус как-то транслирует подопытным организмам новый порядок или – применительно к сочетанию материи и времени – цикл существования. Как? Либо в штабе лаз, который немедленно следует перекрыть, либо он синхронизирует других со своим состоянием, ставшим для него метастабильным. Ха, ничего удивительного, что он и сам не тот, каким я его помнил. И ничего удивительного, что сеть Директората не улавливает эхоматов: она существует в этом порядке времени, а они – произведения иного. Тем же может объясняться и предшествовавшая тому слепота... М-фх. И потому же мне и Анри легче, когда мы уменьшаем дистанцию между телами: подобное тянется к подобному, избегает пустоты и сливается в более массивный объект. Но наши клетки не успевают перестраиваться. Нас не принимает урбматерия.

– В-вы сгораете, как... отторгаемые конструкторы.

– Да. И вам, как и в случае с ними, придётся довершить дело. Возможно, мы ещё встретим Солнце нового дня, но уже в понедельник вам надлежит кремировать наши отравляющие урбматерию тела. Надеюсь, у Директората есть резерв в приличном учреждении, иначе лучше прямо сейчас поворачивайте и сбросьте нас обратно в пламя того двора. И хорошо, что мы на дирижабле: так причиняем меньше вре-

да и, вероятно, проживём дольше. А теперь оставьте нас так, чтобы мы могли насладиться последним рассветом.

23

«Sepultura», «sepia», «sapiens»... Нет, это было ничтожное сплетение. И вряд ли Мартин когда-либо ещё вернётся к этому упражнению. Крематорий Пер-Лашез начал работу раньше обычного, и сейчас только его купол загорался в восстающих лучах солнца, в то время как колумбарий, надгробия вокруг и ниже по склону цветом ещё уподоблялись праху и костям, что лежали в них, а иной адепт века прогресса добавил бы, что это не само кладбище, а его синематическая проекция.

Перьями феникса пылала аттическая листва на куполе, венчающем город мёртвых и памяти, и в той алеющей позолоте Мартин надеялся разглядеть последние всполохи жизни Генри. Энрико. Анри. В какой из миров отведёт его психопомп? Селестина стояла рядом, но источала одно лишь сопереживание, обращённое не к погибшим, а к Мартину – то искреннее сопереживание, на каковое он, должно быть, поспешил в Бют-Шомон, если и вовсе в нём не отказал.

– Что ж, он хотя бы с достойными, – неловко прервал мистер Вайткроу минуту молчания и хитрыми, неуместными путями вспомнил, что они, похоже, так и не попадут в Кам-

боджийский театр на танцы Клео, четыре года назад позировавшей для скандальной скульптуры Фальгьера, захороненного здесь же этой весной.

– Оба. Но даже не представляю, в какое загробное путешествие они отправятся, – и жестом пригласила им самим уже покинуть это место, их сегодня ждали и иные дела.

– Да. И если оно воспоследует за сожжением, то наверняка будет увлекательнее того, что ожидало бы Энрико в земной жизни, пойдя всё по иному пути, начавшемуся бы с развилки два года назад, когда предо мной возникла дилемма... Похоже, я тоже заражаюсь детерминизмом.

– И самобичеванием. Жаль, что он стал жертвой противостояния, о подоплёке которого не ведал до последнего момента, но упустить который ему не позволяли добропорядочное исполнение профессионального долга и чутьё. И амбиции. Настолько ли уж вы в ответе за его судьбу?

– Я не был ему сторожем, это верно. Но вы говорите про условия, в которых он действовал, уже будучи в них поставлен. Был, был определяющий момент, когда он мог бы остаться на родине.

– Но вы выбрали другое. Что его там такое ждало?

– Кому-то ещё я бы не доверился, но вы должны это узнать, чтобы могли мне довериться ответно. Вы спрашиваете, что его ждало? Лабушер его ждал. Ложка дёгтя в редком бочонке мёда викторианской морали. Пятнадцать лет назад приняли Акт, что вносил поправки к уголовному законода-

тельству, в основном направленные на защиту молодых девушек – да что там, детей – от растления и поругания, хотя вернее будет сказать, что, как и в любом подобном законе, речь не о защите одних, – обеспечить каковую можно лишь постольку-поскольку, и каковая декларативна и невозможна в полной мере после того, как уже свершилось то, что не должно было произойти, – а о наказании других, отвращении от попыток, что, конечно, только распаляет пыл извращенцев, ибо запретный плод сладок и только увеличивает доход поставщиков услуг. В ином случае на продавца легли бы дополнительные издержки и риски, снижающие его прибыль, – на то и был расчёт, – вот только в этой нише рынка проституции и интимных услуг возможно любое повышение цен, граничащее с разумным, – простите, что применил эту категорию в столь гнусной теме, – поскольку детство суть товар и ресурс неотложного потребления и на уровне отдельной фигурки в фартучке – невозобновляемый, имеющий стабильную и богатую клиентуру, приводящий к жарким и скорым аукционам, если недурён собой. Да, с рынка уберут некоторых игроков, большую часть которых составят продавцы-дилетанты вроде решивших подзаработать опекунов, да, предложение всё равно будет опережать спрос в некоторых особенно нищих районах Империи... Но чем ближе к её холодному чугунном и медью механическому сердцу, что греют паровые котлы и коптящие небо фабричные топки, заставляя привести в движение липкую угольно-чернильную смазку-гемолимфу

с красными мундирами на ролях эритроцитов, так и норовящих выбрызнуться наружу при любом повреждении, при любом ранении имперского величия и устлать брешь телами своими и вражескими, чем ближе к шестерням и зацеплениям сей машины безразличия, тем более отличным будет эффект...

– Мартин...

– Ох, конечно. Так вот к этим поправкам, которые сами по себе позитивны, пристроилась в совершенно характерной манере ещё одна – авторства Лабушера, наделяющая правом наказывать, если наказать очень хочется, но нет улики для более серьёзного обвинения, под каковым подразумевается, простите, обвинение в содомии. Любые публичные или приватные подозрительные, в поправке не перечисляемые, но недвусмысленно трактованные как «грубая непристойность», взаимодействия двух мужчин, что, полагаю, может быть как чрезмерно продолжительным и горячим рукопожатием, так и тройным православным поцелуем джентльменов, которых до того никто ранее не мог бы заподозрить в византийском вероисповедании, – да, заодно более никакого аде́льфопоэзиса, – или же помощь и намерение в осуществлении таковых караются двумя годами тюрьмы и, по прихоти обвинения и суда, исправительными работами, хотя не удивлюсь, если в будущем в качестве альтернативы будут предлагать более длительное заключение в психиатрической клинике с целью медикаментозного извлечения. Но де-

ло Генри было из тех, что могло начаться с обвинения по Лабушеру, а позже чудесно обрести свидетельствами и доказательствами и превратиться уже в следствие о содомии. Питали ли пристрастие к подобному Энрико? Да вы и сами поняли, ещё тогда утром, а то и раньше, если не в первые мгновения знакомства. Он несколько лет был вхож в уранианские круги и на близких орбитах – на правах ничтожной в своих притязаниях луны, в тёмные времена по мере сил передающей свет людям – обращался вокруг лучших их представителей, а попался на крючок, когда пошёл в какой-то притон собирать материал для статьи в тот самый день, когда туда нагрянули констебли. Не участвовал, но присутствовал – достаточно для обвинения по разделу №11 вышеуказанного Акта. Конечно, быстро выяснилось, что он шёл по заданию газеты, – скандальненькой, но легальной, – однако за ним уже была некоторая репутация, о которой известили следователей. Кто? Противники его отца в Палате лордов, давно собиравшие способные опорочить репутацию сведения и орлами кинувшиеся терзать плоть скованного законом сына, желавшего просветить людей.

– Но были ведь и сторонники? – надеялась Селестина, что Мартин был на верной стороне и не участвовал в этом, скажем, на ролях одной из ищек.

– И даже имели влияние на мою контору. Когда я услышал, что Генри, с которым я поддерживал корреспонденцию и иногда пересекался на приёмах и в обществах, под стра-

жей, я предупредил руководство, что, если мне позволят, то хотел бы выступить свидетелем защиты. Но мне предложили иную роль, более дипломатичную. Вот тогда и приключилась та развилка: или честно сказать своё слово на процессе и надеяться, что Генри не упекут в Рединг и не предъявят новые обвинения, из-за которых он и по сию пору гнил бы в камере, а его отца скорее всего отправили бы в политический нокаут в самый неподходящий для этого сезон, или же исходить из потребности защитить не Генри, но его отца, что сулило бы конторе расширение финансовой поддержки, и развалить обвинение, – подкупив одного, устранив другого, выкравав третье, – а Генри убедить принять пожизненное изгнание из страны, куда укажут, время от времени принимать и хранить на своих счетах деньги от неизвестного спонсора и покупать недвижимость, каковую предоставит обратившемуся к нему лицу по первому его требованию и не будет, вопреки натуре, допытываться о целях.

– А он знал, чем вы занимаетесь?

– О чём-то не мог не догадываться, но вряд ли осознавал в полной мере, поводов я ему не давал и не откровенничал, а он удерживался от расспросов. Да и преимущественно эпистолярный жанр общения к тому не особенно располагал. Ну, и потом, вот как можно было вплести эти тяжкие признания в разговоры, во время которых он нет-нет, да мог выдать что-то вроде: «Парадокс встречи всепробивающего копья со всеотражающим щитом – это же про письмо, про

писательство, про журналистику!» – и вот думай, какие силлогизмы и переходные пункты он при этом забыл упомянуть. Должно быть, это он так на меня выливал всё то, что не проходило редакционный фильтр и не оформлялось в развёрнутые и практически применимые в его ремесле мысли.

– И всё же *об этом* вы могли беседовать.

– Самое-то страшное и заставляющее задуматься о собственном психическом здоровье. Удивительно, что при этом он не был эмпатом в приданном вами значении.

– Зато был в привычном. Он хотел понять людей.

– Верно. Возможно, чрезмерно увлекался в процессе, но итоговое сообщение составлял так, чтобы поняли и другие. Знаете, я только сейчас осознал, сколь точно он определил основное отличие между Британией и Францией.

– В одной из таких, хм, дионискуссий?

– О да. И задолго до Энрико, – всего лишь понявшего, на что смотреть, – его уловили составители высших арканов Таро: британцы в основание ставят шута и шутку, а французы – мага и великий план.

– Это мне нужно переварить... Хм, а ведь правда, чтоб меня!

Какой-то новой волной прокатились затухавшие и затиравшиеся уже было в памяти чувства Мартина, его восхищение образом собеседницы. Однако он не был уверен, какая любовь из всех известных грекам её видов заставляет его сердце левитировать, в беспокойстве непривычного со-

стояния отчаянно махать короткими крыльями, предназначенными не для лёта, но для укрытия, а разум – тяготеть к её собственному.

Пока ещё не эрос, комплементарный окружавшему их танатосу и который потому мог проявить себя. Но, быть может, то была филия, стремящаяся заполнить лакуну в ближнем круге доверия? Вот по отношению к Генри он мог бы с уверенностью сказать, что то была смесь филии и сторге. Возможно, смесь и эта? Или что-то новое? Как охарактеризовать его лествицу тяготения? Они друг друга чему-то учат, но без строгости, играючи. Вот оно: игра, в высоком смысле слова. «Как же это будет по-гречески? Паис... Пэс... Пэф... Пэкс...» – нет, не вспоминалось. Мучить себя он не стал, да и не звучало как-то. Что заставило его задуматься о том, как это сказалоь на эллинской истории. Пришлось заглянуть к римским преемникам. «Ludus» уже выглядело приличнее. «Почему бы и нет? Ради кого ещё нарушить греческий строй, если не ради неё, если не ради ангероны? И где ещё, если не в Двадцати округах? Только один город достоин Рима... Да. Людус».

Но – нет. Неверными были ответы. Если это всё-таки обучение, а также взаимная проверка, и сами игры тоже развивались как форма тренировки и несли образовательную функцию, то почему отказываться от этой концепции? Всё-таки людус ближе заигрываниям и флирту. И притворству. Сторге тоже предполагает обучение, но то любовь поколе-

ний, передача опыта идущим на смену. А в случае Мартина современники соревновались и дополняли знания друг друга, это иное. «Как будет по-гречески учёба – „μάθησις”? Вот, хорошо. Пусть будет любовь-мафиси». Любовь, что учит. Мафиси. Что остаётся от имени любви, после того, как любовь исчезнет? Но и – любовь пахнет любовью, хоть любовью её назови, хоть нет. Не было печали, да, идиот, нашёл ей название.

От спектрометрии чувств его отвлекло понимание, что за это время он не сподобился спросить себя: а стоит ли обременять её этим, нужно ли это ей? И нет ли между ними, меж их мирами, черты или пропасти, за которой притяжение сменяется отталкиванием? Возможно, стоило сохранять дистанцию и ценить её? Пока ещё возможно, пока и над ними не провели неудачный эксперимент и не обрекли на сближение как единственное облегчение от окружающей пустоты. Быть может, недолгое притворство субботним утром и впрямь было лучшим решением. Он не знал. Но он желал.

Тем временем Мартин и Селестина уже подошли к «Aux Morts» Бартоломи. Посвящение мёртвым было также и посвящением живым, – во всяком случае, Мартину. В отличие от остальных по обеим сторонам горельефа, скучившихся, согбленных и сокрушённых, две центральные фигуры уже прошли за порог и в полный рост встречали тьму, их ожидавшую. Левая, женская, источала расслабленность и спокойствие, она расправила плечи и возложила руку на правую,

мужскую, ещё бывшую нерешительной, умиротворяла её. Но и не сближалась с ней. У каждого по ту сторону был свой путь. То, конечно, композиционный приём, направленный на приоткрытие перспективы безмерного и введение подлинно центрального элемента – пустоты, столь редкого в наши дни рельефа анкрё.

– Селестина, я заметил, что вы стараетесь при мне их не упоминать, – всего один раз использовали в пояснении, – однако остальные не брезгают на правах обращения и восклицания. Кто же старые боги? Я храню в лучшей римской комнате памяти вашу интерпретацию дворцов на Марсовом поле, но о них ли речь?

– О них, о них. Ну, почти. Только к указанной троице добавьте и Кернунна, а то и вовсе поместите над ней. Ими, конечно, пантеон не ограничивается, но эти – основные.

– Кернунн. Что-то не припомню.

– А странно. При вашем-то знании о колонне. Его имя только на ней и встречается, несмотря на то, что сам образ вполне можно встретить на предметах из кельтских раскопок. Вы наверняка вспомните, если опишу его как рогатого бога, скрестившего ноги, опционально – с рогатой же змеёй в одной руке и тороидом в другой, а иногда и, – как это сейчас называется, – попадающим в кадр оленем.

– Да, припоминаю. Но почему вы нарекаете его, хоть и косвенно, верховным? Из-за таинства имени, лишь единожды явленным миру? Или дело в рогах?

– Ну-ну, развивайте мысль. Заодно отыщете, что дело не только в том, что они когда-то принадлежали к одному пантеону.

– Колонна галло-римская, на ней можно найти как богов, что называется, метрополии, так и цивилизуемой, культивируемой периферии. Должно быть, это обращение к более древнему пласту, но древнему – по отношению к Риму, для греческого же теогенеза это, скорее, излёт. Авторов можно заподозрить в намеренном поиске пар божеств со сходными деталями биографии, то есть изображением одного бога отсылать ещё к одному или нескольким. Но утверждать это не берусь, поскольку в принципе плохо помню, кто ещё вытесан в камне, да и гипотезу эту использую просто как обобщающий мостик, перекидываемый к дальнейшим рассуждениям. Римские боги не очень ценили способность воскресать, больше упирали, если придётся, на цикличность, да и с рогами у них было так себе, потому и позаимствована пара божеств по оси зюйд-ост – норд-вест. Я имею в виду, что, возможно, на колонне сквозь лик Кернунна проглядывает Загрей – раннее воплощение Диониса, принявшего вид рогатой змеи, убиенного и с посторонней помощью воскресшего.

– Э-это тоже, но так глубоко копать не обязательно. Могу дать подсказку: наше обращение к ним, хм, профессиональное, унаследованное по цеху. Обратите внимание, что изображаются и упоминаются обычно названные боги с рогами, бараньими по форме.

– Не могу отыскать общий знаменатель.

– А вспомните особенность атрибутов других божеств.

Скажем, что есть у Тараниса помимо колеса?

– Какой-то пучок в другой руке. Или спираль.

– Правильно. Но для спирали ещё нужно перекрутить или что-то одно, но податливое, и как бы огибающая некую ось, или несколько штук чего-то поменьше вокруг оси, общей для них.

– Пока всё равно не понимаю. Но хорошо. Эзус – растительный бог. Листья, ветви... А. – Селестину отчего-то умилило это кроткое «а».

– По поводу Тевтата подскажу сразу, чтобы чаша понимания была полнее: водный поток.

– Да, не на то смотрел. Бараний рог в двухмерной проекции может пересекать себя. Змеи же – извиваются. У деревьев переплетаются ветви в кронах и корни. А водный поток – ну, здесь понятно. В общем, речь о символическом переосмыслении коммуникаций, потоков и каналов – течения. Но позвольте сделать отступление-уточнение, чтобы ненароком не переполнить её. Будет ведь совершенно лишним учитывать, что имя Тевтата и его водная сущность перекликаются с латинским названием кальмаров – Teuthida? В прошлый раз как-то забыл.

– Подъём вод не отдаляет нас от чудищ, глубиной живущих, но им волю даёт; своё отражение на глади узрев, о касанье чуждом их помни. – И подмигнула. – И, факультати-

ва ради, учтите, что кельты в дорогах смыслили не меньше римлян, но их мышление отличалось: сеть была децентрализованной. Возможно, мы когда-нибудь придём к этой модели, избавимся от бытия всерегулирующего Директората.

– А вы этого желаете?

– Любопытный и меткий выбор глагола.

– Только если он к чему-то подводит.

– Так и есть. Попробую дать некоторое пояснение к словам Алоиза. Вчера было не до того. Настала пора поговорить о покрове. Не будем возвращаться к основам, аналогии мы подобрали тогда вполне удачные, только подкорректирую представление. Велум, как вы выразились, – поверхность тела-скриптора. И если окутывает город, то именно что в видении Алоиза и традиции старого поколения, которые считают, что это – поглотившее город проклятие. На теле-скрипторе, по факту дислоцированном под городом, – но протянувшим псевдоподии ко всему его объёму, как и сказал Алоиз, – записывается и всё то, что действительно происходило с урбматерией, и то, что *желает* произойти. Собственно, коммуникации Директората простираются не только на урбматерию и течение, но и читают с поверхности тела-скриптора.

– То есть получается, как бы это назвать... то ли тетрархия, то ли квадрига «Директорат – урбматерия – умбрэнергия – тело-скриптор»?

– Квадрига в том смысле, что все сопряжены, и всё время мчимся? Тогда, пожалуй, что да. Работы у нас предоста-

точно. Мы должны нащупывать баланс, но не потворствовать, что привело бы к зазорам и кавернам, из-за которых непременно начнётся конфликт, а контролировать, квотировать, перераспределять, резервировать. Миноры отказываются понимать эти тонкости, им нужна свобода. Ну да, свобода страдать.

– Но чем отличается информация от тела-скриптора?

– Начну с повергающего в шок откровения: умбрэнергия – энергия, не больше и не меньше. Ответственна за весьма необычные явления, оформляется в квазиструктуры, прочее-прочее, и ещё предстоит точно установить её происхождение и состав, но она не разумна, в ней ничего невозможно отыскать, кроме самой стихийной мощи, активирующей всё остальное, нужно находить способ её применения. Урбматерия же не может поведать о желаниях, что движут ею, – и здесь я имею в виду разумное человеческое начало, придающее материи функцию, – лишь о том, что с ней может произойти и непременно произойдёт ввиду тех или иных химических, физических и прочих факторов, и в её случае для получения телеметрии применяется машинерия, питаемая и умбрэнергией, и электричеством, и стародавними методами.

– Но как считаешь человека?

– В точку. Урбматерия даёт возможность узнать, что это за человек, если его отпечаток есть в нашей базе, но не далее того. Поэтому мы читаем – регистрируем – поверхность тела-скриптора. Представьте сфероид, боб, яйцо – что угод-

но подобное, стремящееся к подобной форме. Заслужите десерт, если при этом ещё и представите, что при взгляде в любую его точку поверхность парадоксальным образом выглядит вогнутой.

– Можно пойти на хитрость и представить, что я смотрю на пузатую бутылку, сохранившую удивительную прозрачность стекла с одной стороны, более близкой к глазу, и закопчённую или запылённую с противоположной. Или, – раз уж речь о любой точке, – то ту же бутылку, но только что доставленную от стеклодува, каковую, дивясь её изяществу, верчу за горлышко одной рукой, вращая над на накрытой тканью другой. Вы мне составите компанию за *une tranche parolitaine*?

– М-м, заманчиво. Так вот, если откинуть слово «изящество», то это и будет урбункул, покрытый потоками, лентами и протуберанцами трансмутирующих записей. Они не на латинице, конечно, но «язык» тот нами разобран. Это тоже не даёт нам слепка всего человека, но так мы узнаём о его желаниях, сопряжённых с жизнью в городе, и можем соответственно корректировать свои действия в отношении урбматерии, способствовать одному и удерживать от другого. Но, конечно, мы обычно сводим это к желаниям общностей, поворачиваем и препарируем то так, то этак.

– Но почему это вдруг проклятие? Не похоже, чтобы вы руководствовались афоризмами из «Так говорил Заратуштра». «И сказал он: Земля имеет оболочку, покрытую болез-

ниями, и имя одной из них, к примеру, – человек».

– Мило. Я и не говорила, что сама считаю это проклятием. Во всяком случае, таким, что требует снятия. Для меня и большинства в Директорате это всего лишь рабочая данность, врождённый порок системы. Но принципиально это всё же проблема, потому что тело-скриптор требует всё больше антипроизводства. Номинально это нормально при интенции к реальности, которая рано или поздно сменит *индустриализм*.

– Последнее – это как на картинах Константина Мёнье?

– Может быть. Признаться, слабо знакома. Мне показалось, что он ближе к поэтике «Отверженных», чем «Жерминаля»: тяжкий труд, горестная жизнь, суровые края, но при всём этом, кажется, образы рабочих выводятся весьма идеалистичными, полными гордости и внутреннего достоинства.

– Как-то так. Впрочем, не случись упомянутого вами перехода – или же таковой не будет выгоден – и идеализм непременно начнут выдавать за реализм. Но – оставим это, увожу нас в сторону.

– Согласна. Вспомните, что Дворец промышленности – и тот заменён на Большой и Малый дворцы, посвящённые искусству. Вот только это Экспозиция; интенция обгоняет возможности. И само проклятье как раз в этом требовании. Вместо обмена регистрациями город ещё и обкладывают данью...

– Алоиз упомянул о сущности, стоящей за телом-скрип-

тором.

– О да, ненасытная сущность, что питается страстями. В частности, поэтому город столь охотно принимает Выставки, презанятные финансовые схемы и всё прочее, что смотрит в будущее и порождает ещё неизведанные в формулировке желания. Тела-скрипторы есть и у других городов, просто большинство обществ, подобных нашему, не имеют технологий или потребностей извлекать из них информацию, и там именно что происходит процесс записи-перезаписи. Более того, тело-скриптор может сливаться с урбматерией, а то и растворяться в ней, – и делает это, – городские поверхности становятся палимпсестами урбматерии. Наше же оказалось не то, чтобы отделено, но выведено вовне. При этом не развилось в организм, предпочло остаться или стать телом без органов. Оно заражено, а некоторые и вовсе считают, что подменено чужеродным или прошло процесс слияния-поглощения. Версий много, но все сходятся, что вернуть его в изначальное состояние вряд ли возможно. Да и что мы о нём знаем? Можно или жить с этим, или попытаться отделить. Как вы поняли, второе с наибольшей вероятностью принесёт вред, нежели пользу.

– Но что же это за сущность?

– Она... тоже цеховое наследие, от другого города. И она мертва. Вернее, в анабиозе, покуда кормима. Но теперь я и сама не знаю. Алоиз говорил о том, что разверзлось время, а известная мне таких фокусов не выкидывала. Да и он упирал

на то, что отделить хотели непосредственно тело-скриптор. Это, честно говоря, заставляет задуматься много о чём. Так и оставили бы город без него? Заменяли бы Директоратом? Но как? Неужели был изобретён протез? И если да, то почему... Мартин, у меня сейчас голова лопнет перегретым паровым котлом, не пытайте.

– Простите, Селестина, ни в коем случае бы не посмел.

– Тогда в завершение темы ещё кое-что. Придётся воспользоваться нестрогим геометрическим сравнением. Вы знаете, что такое пинакоид с центром инверсии?

– Кроме того, что это одна из фигур с гранями, – ничего. Но наличие инверсии, происходящей в определённой точке, уже даёт подсказку.

– Один из вариантов его построения – две параллельные грани с неким числом углов, разделённые пространством третьего измерения, симметричные, однако «перекрученные» на сто восемьдесят градусов.

– Но и не хиральные?

– Да. И вот представьте, что есть два таких наложенных друг на друга пинакоида, грани которых могут «плавать» по своим плоскостям. При этом у первого зафиксирована нижняя и относительно свободна в движении верхняя, а у второго – наоборот: зафиксирована верхняя и относительно свободна нижняя. Теперь представьте, что для каждого нижняя грань – пласт умбрээнергии, а верхняя – город, однако свободные в движении грани являются как бы всего лишь про-

екциями зафиксированных, их «теньями». И «плавание» свободных граней привязано к движению светил так, что при заходе за горизонт светил оно прекращается и возвращается в условное нулевое положение, но при появлении над горизонтом Солнца, давящего на урбматерию сольэнергией, начинает своё «плавание» нижняя грань второго пинакоида, а при появлении над горизонтом Луны, питающей урбматерию умбрэнергией, приводится в движение верхняя грань первого. Дополнительное, но известное вам обстоятельство: грани-проекции при заходе светил, хоть и возвращаются в нулевое положение – на самом деле это упрощение, как вы понимаете, резких переходов не происходит, – но перестают оказывать, – что тоже упрощение, – воздействие присущими им эффектами на зафиксированные грани другого пинакоида. Поэтому все эффекты всегда неидеальны и получаются как бы смазанными, как непоседливые дети и случайные жутко занятые прохожие на фотографиях, а образ урбматерии и плато умбрэнергии не накладываются на рельефы друг друга в полной степени. И чем острее угол между светилом и горизонтом, тем эта «смазанность» выше, тем более извращается или стихает стихийная мощь. А центры инверсий иглами выцарапывают знаки на бенье-скрипторе. Ой, то есть «теле». Хм. Это – наиболее схематичное отображение взаимосвязей. И нет, всё это я вела не к тому, чтобы передать, какое мастерство требуется для владения флю-мируа или дисдиспозитифом, или и вовсе управления течением, вовсе нет.

– Разумеется. Это – чтобы я тоже где-то по пути захотел остудить и подкрепить мозг. С удовольствием.

Они покидали Пер-Лашез, что уже приводили в порядок заглядывавшие посетители, и чьи ночные *livor mortis* щедро припудривало песчинками сольэнергии и красило дроковым цветом пылкое Солнце; выходили из врат, что по бокам украшали крылатые песочные часы, обрамлённые почётным караулом зажжённых факелов. Мартин непременно будет скорбеть, но позже. Кто знает, может случиться так, что нужные слова для прощания он – в случае столь же скоропостижной кончины – подберёт уже по ту сторону, а там придётся сочинять приветственную оду. Ну, а сегодня...

Gather ye rosebuds while ye may,
Old Time is still a-flying:
And this same flower that smiles to-day...
So-o moron thou art, Martin...⁵⁵

Театр Лои Фуллер шлейфом лесного духа белел меж деревьев. Вход в него, при всей смелости и современности фасада, был выполнен без пошлости: он не напоминал вздёрнутый подол, но приглашал за приподнятые дуновением кулисы. Венчавшая вход статуя одновременно и стремилась оторваться от грешной земли, и приглашала разделить с ней укрытие. «Вновь велум». И то для Мартина был модерн, что радовал его сердце и не был замаран кровью. Судя по афи-

шам, ставились сразу несколько представлений.

– Подстраховка. Не оценят что-то одно – сосредоточатся на остальных. В прошлом уже было так, что публика и критики холодно приняли постановку, казалось бы, учитывавшую все аспекты успеха, – так это пояснила Селестина. – Спасает, что декорации не особо затратны. Вы же ещё не видели танцев, что она ставит?

– Нет. Моё непростительное упущение.

– О, в таком случае сейчас и увидите. – Селестина уже приглашала войти, но Мартин ещё раз бросил взгляд на афиши. Одну из них – не шелкографии ли шедевр? – украшал узор, подобный удару бича на «Цикламене» Обриста; в нём была и культура Европы, и каллиграфия арабской вязи, и азиатский дракон, блестящий в золоте зари.

– Британия и Япония, – выдохнул он, – скобки цивилизации.

– Скобки или кавычки?

– Кавычки отдают куда большим сарказмом.

– Или цинизмом.

– Увы, ремарки нет.

Легковесность и динамика фасада компенсировали камерность самого театра. Сценическое пространство, как и намекала Селестина, было не особенно детализировано, но репетировавшие танцовщицы вставали в позы, достойные символизма картин Моро. «И превосходней танца семи покрывал. Но чью же голову затребует новая Саломея, и сколь-

ко их ещё на век придётся? Негоциант Леопольд, провидец Фридрих, художники, что пишут её и посвящают время её образу...» Костюмы, платья, фаты, накидки, покровы развевались, превращая надевших их в элементалей стихий. Крыльями неведомых махаонов, страстными вихрями, ответившими на зов лавинами, сбегаящими со стола листами бумаги вились, выгибались и вспрыгивали бывшие на сцене и вокруг неё девушки. В этот раз Мартину не казалось, он точно видел подобные этюды, хоть и более сдержанные, во дворе, когда Селестина и Сёриз явили доступную им власть над материей. Только в тот вечер их фигуры окрашивали присущие пожару краски, сейчас же некоторые подсвечивались лампами с светофильтрами, и Мартин готов был поклясться, что в тех смешеньях видел не просто пятна, но зелень парков, суету дорог, абрисы домов, ансамбли площадей... Аплодисменты. Впрочем, не его.

– Bravo, девочки, на сегодня с упражнениями хватит. Помните, что это не балет, пользуйтесь пятками, в вашем деле важно чувствовать поверхность, – голос из-за спины хвалил закончивших тренировку с акцентом, который Мартин редко когда слышал, и потому не сразу понял, что во французской речи проступало произношение американского английского.

– Привет, Лои. Смотрю, ввела новые элементы?

– Привет, Сели. Переходные. Снимают напряжение между основными и хорошо сказываются на пластике. А вот ты

что-то заглядывать перестала. Ещё, моя дорогая, и на сладенькое налегаешь, – добродушно поцокала языком Лои, а Селестина в улыбке легонько потёрла платочком уголки губ, смахнув невидимую пыльцу с цветка, манившего пчёл легчайшим сливочным благоуханием клубники, шоколада и – самую малость – мараскино.

– Ой, не говори. Но полным-полно забот.

– Ну-ну, примерно как у зубного врача. Вот и что это такое было, а? Я про заметную брешь в оскале пятого округа. Люди удивляются, как это так незаметно успели снести старую усадьбу, «вроде ж ещё позавчера здесь стояла».

– Её обитатели заслужили наказание каменованием. Причём обломками их же логова. Что? А, не беспокойся. Позволь представить: месьё Вайткроу, британский джентльмен, исследователь академических коридоров и подполья, эмпат, а также союзник Директората. Месьё Вайткроу, Лои Фуллер, эмпат, талант, близкий друг ангерон, обладательница ещё многих и многих положительных характеристик и эпитетов.

– Мадмуазель Фуллер, очарован, околдован...

– Если вы не про мою скромную персону, но о тех юных грациях, то, значит, всё не зря. Хоть на наши способности и накладываются ограничения известного вам рода. А где же Сёриз?

– И это тоже часть обрушившихся забот. На пару с Саржей ищет, в каком архивном углу обитают львы. Если это и впрямь не будет лишено смысла, то позже расскажу. Нужна

консультация. Я месё Вайткроу по пути сюда так и констатировала: никто лучше Лои нас не просветит.

– Занятный подбор глагола, – в один голос усмехнулись Мартин и Лои.

– Ну да, ну да. Вопрос именно по светотехнической части. Взгляни, – и протянула ей брошюрку.

– Что ж, я рассчитывала было отослать вас к Марии, поистине учёному человеку в отличие от моей скромной персоны, но её тревожить не придётся. «Ceilcéan». Аж до скрежета в зубах знакомое название. По твоему лицу вижу, что Директорат-то и не в курсе. Странно.

– Если скажешь, что фирма возникла в двадцатых числах этого мая или позже, то...

– О, нет, эти ребята ещё в апреле приставать начали. Я только начала готовить переезд труппы и реквизита из «Фоли-Бержер» в это помещение.

– А приставать с чем? Это же контора, занимающаяся поставками электротехники.

– Поставками и обслуживанием. Этим они и набили оскомину. А в подсовываемых договорах, у кого бы ни спрашивала, неизменно значился пункт о том, что компания в течение года сама будет проводить обслуживание поставленных ими товаров и систем. В смысле, театральные техники исключались из процесса, и предполагалось, что следует вызвать ремонтную бригаду «Ceilcéan». Также они настаивали на периодических профилактических работах. Где-то раз в

месяц. Чтобы исключить эксцессы.

– А что, – почесал Мартин подбородок подушечкой большого пальца, – у них какое-то оборудование собственного патента, чтобы не подпускать к нему «неквалифицированных» работников и в итоге, извините за латинизм, притягательный рыночный аргумент молодой, но уверенной в себе компании превратить в аргумент *ad nauseam*⁵⁶?

– Вот на патентовании они как раз и не настаивали, хотя какими-то номерами вскользь красовались. Больше упирали на комплексность. Но да ладно бы одно это, многие-то как раз восприняли предложение как более чем разумное и согласились. Да только для меня, уроженки Штатов, «более чем разумное» эквивалентно «неразумному». Они за всё просили ну очень смешные деньги, как по меркам рынка. Я научного любопытства ради пробовала выяснить, не стоит ли за ними какой промышленный магнат, обеспечивший им собственное производство – напоминаю, что позиционируют они себя как поставщиков и обслугу, – но нет, неизвестно, где они это всё заказывают. Но поймите: те деньги, что они выставляли в счетах, вряд ли бы позволили им работать даже в ноль. Я могу предположить только три варианта, зачем этим заниматься. Или это какое-то убыточное предприятие на спор – тяжкий карточный или иной спор, и последствия отказа проигравшей стороны от уговора куда позорнее или страшнее, чем ведение дел подобным образом. Или это какой-то ну очень хитрый способ распугать кредиторов и ак-

ционером, то есть с непонятной целью обанкротить предприятие, но для этого оно ранее должно было быть лакомым пирогом, однако, как вы поняли, за ним нет вообще никакой истории. Или они получают щедрые пожертвования от некоего лица или группы лиц, пожелавших остаться неизвестными, и так агрессивно наращивают долю на рынке электротехнических услуг, что тоже может быть началом какой-то хитрой аферы то ли ухода от налогов, то ли биржевых игр с акциями «компания, стремительно ворвавшаяся на рынок, но уже имеющей своими клиентами до трёх четвертей городских развлекательных учреждений», то ли обрушения расценок конкурентов, которые, ведя более-менее честную игру, такого давления не выдержат.

– Подожди, три четверти? Серьёзно?

– Таково моё ожидание, если они столь же внезапно не уйдут со сцены. Но уже сейчас, если грубо прикидывать, двум третям заведений любого статуса, начиная с брассери и заканчивая закрытыми клубами, они свои лампочки поставляют. Вернее, и сами лампы, и плафоны, и провода к ним подводят, если нужно. И многим внезапно оказалось нужно. В общем, для меня всё это слишком подозрительно, чтобы соглашаться. Пожалуй, теперь и вовсе предупрежу парочку друзей, чтобы в следующий раз уже не открывали двери настырным представителям, раз уж ещё и ты о конторе, оказывается, не слышала. Где-то в конце мая я просила Ролана, – того милого флю-мируиста, любителя фотографии, ты

знаешь, – разузнать что-нибудь. Я знаю, что вам нужны рисунки подушечек пальцев, но те прохиндеи с неуместной чопорностью носили перчатки. Пришлось разыграть комедию, когда они снова пришли, – да-да, кому-то и по четыре раза досаждали. Так вот, пока мы сидели и обсуждали условия, с прохладительными напитками и чернилами для подписания договора пришла Бернадет, но споткнулась столь ловко, что запачкала им и сорочки, и жакеты, и перчатки, вынудив снять последние. Тут-то они и попались. И потеряли интерес к сделке. Ну и ладненько. Возможно, владельцы компании остаются безвестными, но вот этих аферистов выследить удалось. Только до весьма странных, как заключил Ролан, мест. О, и пусть моё пользование им останется между нами, хорошо? Бернадет! Будь добра, принеси мой блокнот.

– Среди этих мест совершенно случайно не было двора между Клиши и Абесс?

– Двор? Неужели тот самый? У вас какая-то деструктивная фаза, что ли, которая дополнительно накладывается на проблемы Директората, о которых умолчим? Нет, его не было. А дома по всем адресам таковы, что во двор их никак не упрятать, что можно даже преступлением назвать. Ты ведь помнишь «Castel Béranger» на рю ля Фонтэн? Так вот, фасады и интерьеры эти как минимум двух из них, обещают, будут куда роскошнее, пиршество растительного ар-нуво. Удастся ли удержаться от маньеризма? Посмотрим. Строительство и отделочные работы по плану завершат в следую-

щем году. У обоих, да. Спасибо, Бернадет. Вот. Первый – дом №29 по авеню Рапп архитектора Лавиротта, а второй – дом №14 на рю д’Абвилль отца и сына Отанов. К слову, не так уж и далеко от этого твоего двора. Не знаю, можно ли на этом этапе сделать обобщение, что представители «Ceilcéan» облюбовали творения Лавиротта и пренебрегают Гимаром и его застройкой шестнадцатого округа, но третий и четвёртый – тоже Лавиротта, «Hôtel Montessuy» №12 на рю Седийо и ещё один на скуа Рапп, №3. А, про пятый ещё вот забыла, тоже дом №12, но на рю Ренар, за авторством группы архитекторов, и тоже сдадут в следующем году, но там разместится синдикат бакалейщиков.

– Что же им нужно было в ещё возводящихся зданиях? Не жили же они там?

– Я мало что понимаю во флюграммах и, как это вы называете, графах, – к слову, простите, сделанный им анализ не был сохранён по обоюдной договорённости, – но за две недели отслеживания они постоянно возвращались к этим адресам, а на месте – как в воздухе растворялись. В один прекрасный день и совсем пропали. Возможно, они наскучили всем настолько, что их отозвали и заменили другой командой коммивояжёров.

– Мадмуазель Фуллер, пожалуйста, уточните, сколько их было, и не произошла ли «замена» в середине июня?

– Да, ровно тогда. В театр-то приходили двое, но в будущем здании синдиката бакалейщиков девочки отыскивали от-

печатки ещё двоих – на пустых бутылках.

– А новые вам докучают?

– Нет. Переключились с полусвета и света нового на свет старый и высший.

– Любопытно, но, похоже, уж прости, придётся потрясти Ролана, раз это все зацепки.

– А вот и не все. Исадора говорит, что её зовут дать частное выступление в «L'affaire Boullan». Только я её отговариваю. Это собрание с известной спецификой. Не удивлюсь, если в итоге ей – вернее, её телу – предложат роль жертвенника на мессе.

– Не желаете, чтобы танец «Serpentine» оброс навеваемым от «Греха» Штука?

– А вы мне нравитесь. Точно. Поразительно, что на этой Экспозиции, в общем-то, чествуют его дизайн мебели, а не картины.

– Лои, так в чём же наш возможный интерес к этому клубу?

– Когда один из булланистов пришёл к нам и после всех увещеваний раскрыл визитницу, чтобы оставить карточку с номером телефона, то ворохом рассыпал и остальные, бывшие там же. Мне в глаза сразу кинулась визитка «Ceilcéan». Могу припомнить только одного-двух знакомых, кто мог бы показать такую же. Насколько поняла из его слов, они не только оформили крупный – в смысле, комплексный – заказ, но и попали в список излюбленных клиентов. Уж не стала

уточнять, что эти любители чёрного искусства делают с таким количеством лампочек. Возможно, более полного портрета потребителя технологий «Ceilcéan» вам не найти, а с определённой долей вероятности можно допустить, что увеличение количества использованных в выстроенной системе элементов положительно повлияет на шанс обнаружения улик, на поиски каковых иначе потрачено было бы слишком много времени и усилий.

– Хорошо. Свяжись с тем ловкачом, но настаивай: Исadora не сможет выступить у них по причине большой занятости, зато у тебя на примете есть парвеню, что жаждет отведать всё, доступное и покорное молодости. Мартин, успокойтесь и не мечтайте, речь не о вас.

– Селестина, а почему бы нам не проверить «Скиаграфию»? Не сомневаюсь, что за освещение отвечала «Ceilcéan».

– Конечно. Только придраться не к чему. Образцовая работа без подозрительных включений. Помните, тогда Сёриз пошла искать минора-служащего? Нашла. И он заверил, что Дворец конгрессов чист, администрация Выставки дозволила только то, что не влияло на инженерные системы здания. Никаких шуточек и сюрпризов, как в Нёйи; ну, кроме виденного нами фокуса с исчезновением. Если говорить прямо, то он из тех, что поджали хвосты и уши, и не хотели бы для себя той же судьбы, а потому пристальнее следят за собой и окружающими, разбегаются каждый в свою норку и щёлку,

ограничивают контакты между собой – вот по таким стереотипным минорам я уже соскучилась.

– Будем полагать, он не умолчал о чём-то, что выходило за рамки заданных вопросов.

– Да. Если Сёриз заявится к нему ещё раз, то кругами по воде разбегутся другие, нам такого не надо. Когда нужно выступить?

– После полнолуния.

– Отчего так неаккуратно?

– Не захотели, чтобы выступление совпадало по времени с сессией другого собрания, с представителями которого они конфликтуют, а то и враждуют.

– А они ревнивы.

24

– Ну, как мы вам? – голос Сёриз выплыл из-за угла раньше, чем она сама в обществе Селестины. Михаил бы вряд ли за недолгим знакомством смог это заметить, но вот Мартин был удивлён переменой. Вместо привычных нарядов в привычной гамме на «кузинах» были карминные с медовым оттенком неизвестной ему ткани облегающие – не смог он подобрать наименование в родном языке – *le pull à col roulé*⁵⁷ с подобными цветам вставками бронзовых на вид лепестков-чешуек и свободного кроя – слишком свободного

и слишком тонкой ткани – юбки, металлически отливавшие корольковой медью. «Не смотри на ноги. Глаза тут, а не где икры, лодыжки, стопы...» Усилием викторианской воли он удерживал внимание на лицах... На лице... И не сразу заметил, что волосы были убраны под сиявшие латунью шлемы, в которых днём было лучше не прогуливаться по улице, в кабаре-театре или доме модельера на показе – пожалуйста. Вроде бы, ничего совсем уж вычурного, но всё равно эксцентрично.

– Восхитительно. Но что это?

– Тот самый посмертный подарок Алоиза. Бумага истлела, по большей части сохранились ушедшие в ничто признания Алоиза Агнессе. Остальное же, если суммировать, указывает, что это был так и не запущенный в производство прототип костюма для ангерон. Было изготовлено три экземпляра. Два, как видите, на нас, а вот третий был на Агнессе. Ещё мы узнали, что изначально ни Игнациус, ни Атанасиус не должны были участвовать в эксперименте, но Блез предпочёл их. Игнациуса – из-за уже существовавшей особой ментальной связи с сестрой, которую надо было лишь подстегнуть эхотехникой Жервеза. Атанасиус... Ну, действительно способных мужчин, которые годились бы не только в флю-мируисты, в каждом условном поколении всего несколько штук – на десятки ангерон, каждая из которых была на счету: тогда преобладала практика закрепления за каждой какой-то своей территории, не пересекающейся с другими; отозвать одну

– оставить брешь и увеличить нагрузку на других в период, когда всё только распалось и начинало бурлить, и ещё не оформилось в жажду маленькой победоносной войны. Атанасиус был более волен в выборе. Мы не разобрали, какой у него был пост, но он мог приказывать Алоизу, а Игнациус был его протеже. Более того, он настаивал, что из этических соображений не может позволить кому-то другому стать первым подопытным своего же проекта. Да, Фабрис понял, как реализовать задуманное на уровне техники, но саму методику разработал Атанасиус. Алоиз таскал бумажки из архива, Блез – шаманил.

– Но сейчас это не самые важные подробности. Саржа ещё разбирается, но суть в том, что эти костюмы, хоть и кажутся чудаковатыми, акцентируют наши способности и не мешают ими пользоваться. А ещё стройнят. И в них на удивление прохладно, м-м-бр-р, – поддразнивала Селестина одетых по всей форме представителей сильного пола, мужественно переносивших жару. Мартин уже несколько раз пожалел, что когда-то демонстративно отказался от пробкового шлема и тропической формы.

– Да, стоит полагать, что экзоскелеты эхоматов производятся в кустарных условиях, и потому могут соответствовать только основным требованиям в ущерб остальным. Вы думаете, нам это сегодня понадобится?

– Возможно. Вы и сами, Михаил, позвали друзей, – кивнула Селестина на мичманов Победоносцева и Деспина, воз-

вратившихся из патруля и доложивших, что всё тихо.

– Друзей для вас, данайцев для иных. Один момент осталось прояснить, раз уж мы без поддержки с воздуха...

– О, да. Вам Луна вредит, нам же – благоволит. Селестина едет с булланистом, со мной держит связь по ис-диспозити-фу. Узнаём, куда её привозят, осматриваемся, ну а дальше уже вы, ребята, по обстоятельствам пользуетесь, хм, этими вашими штуками. Мартин, вы сегодня без саквояжа?

– В этот раз предпочту короткую дистанцию и, для большей убедительности при возможном допросе, что-то злое на вид, – и вынул подарок апашей.

– К слову о вашем арбалете...

– Вам нравится?

– Он неконвенционален. Точнее, его снаряды. Гаагская...

– Ха, чушь! Признаю, что сие орудие в своей совокупности неэтично и неэстетично в степени не меньшей, чем его поражающие компоненты, однако, уж простите, вынужден прервать вас, дабы избавить от ошибочных доводов и рекомендаций касательно его применения. Я догадываюсь, на какой документ вы собираетесь сослаться, но даже если отбросить вопрос о характере конфликта и определении статуса его участников как комбатантов и некомбатантов, – а у нас здесь всё же не война, но нечто другое, что сложно артикулировать и потому, пожалуй, хотя бы на этом основании лучше не афишировать, – то позвольте напомнить вам содержание декларации: она гласит о неупотреблении снарядов,

единственное назначение коих – распространение удушающих или вредоносных *газов*. Образование же *паров* белого фосфора и *аэрозоли* сероуглерода из *жидкости*, представляющей собой в раствор первого во втором, – процесс, технически говоря, попутный, в чём вы не столь и давно имели возможность убедиться воочию.

– А-а-ар-р-р, – уткнулась Селестина в плечо Сёриз.

– И раз уж вы вспомнили о конференции, то не сочтите за труд разрешить одну временами одолевающую меня логическую проблему, связанную с другой декларацией, подписанной тогда же – впрочем, не моей родиной, *туманной* и погодой, и политикой. К чему по своей – нет, даже Высочайшей – воле созывать подобное мероприятие и принимать на нём декларации, ведущие к ограничению собственного же, инициатора мероприятия, военного потенциала? Что же это – подготавливающий почву, в крайней степени прозорливый миротворческий шаг? Или, предложив пятилетнее ограничение на метание снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных новых подобных способов, вы не подозревали, что в следующем году создадите целый флот тех самых «иных новых подобных способов»? Или, может, ваше правительство больше верило в успехи команды графа Цеппелина, а также, как из этого следует, скорое начало войны с рейхом?

– Ваше благородие, дамы, сударь, пора по кустам, – обратил внимание мичман Деспин на шум мотора и, с большой

долей вероятности, предотвратил нелицеприятное и немногословное развитие ситуации.

Селестину пригласили взойти на борт автомобиля – новенького и, что называется, спортивного, – и повезли, как оказалось, не так уж и далеко: по рю дю Коммерс к дому под боком у Сен-Жан-Баптист-де-Гренель, практически на пересечении авеню Феликса Фора и рю де ль’Эглис. «Любопытно, в этом городе вообще кто-нибудь следит, названия каких улиц встречаются?» Но и булланисты, конечно, не отставали: на стыке двух церковных топонимов основали свою лавочку. Нет, даже трёх: Сёриз что-то обронила насчёт переименования обрамлявших церковь улочек в честь какого-то церковного деятеля.

– Буллан, – всё ещё тихо откашливался после своего первого перемещения Михаил, не пропустивший вперёд остальных «по тактическим соображениям». – Откуда мне известна эта фамилия?

– Учтите, – нестойко поднял палец опиравшийся о стену Мартин, – что собрание называет себя «Дело Буллана». Может, было смежным с «делом Чинского»?

– Ох, разумеется. Только оно не было уголовным, да и самого дела как такового не было. Это была, эм-к-хм, начавшаяся ещё за десять лет до процесса Чинского «магическая война» между Булланом, ранее низложенным и обвинённым в сатанизме католическим священником, и ещё одним сподвижником Папюса – Гуайтой, нанёсшим Буллану как-то

профессиональный визит, но ушедшим, будучи шокированным и разгневанным содержанием познанных им ритуалов и практик. Это было не здесь, в Лионе.

– Лион, да? Вы, кстати, знали, что, возможно, город назван в честь одного бога-обманщика из языческого пантеона, и в этом городе проводились пышные празднества в его честь?

– Нет. Занятно. Как бы то ни было, но по старости лет или из-за «магических атак» Буллан всё-таки отошёл к своему хозяину в девяносто третьем. Официальных обвинений в убийстве Гуайте, лишь на четыре года пережившего своего противника, предъявлено не было, несмотря на публикацию обличающей Гуайту статьи ещё одной фигуры оккультного мира – Жюль-Буа. Как можете видеть, у них там всё серьёзно. Признаться, я даже с интересом читаю монографию последнего: «Маленькие религии»...

Михаилу пришлось прерваться, так как свет в окнах дома, за которым они наблюдали, на мгновение погас, стёкла задрожали, и донеслась пара криков – тоненьких, но ладно хоть мужских. Лейтенант Евграфов приказал мичманам расчехлять ружья, а сам с Мартином устремился ко входу.

– Значит, – на коротком бегу подытоживал Мартин, – «булланисты» против «папюсиан»? Тогда понятно, с чего бы «Eilcéan», аффилированной с Чинским, закармливать их своими технологиями – явно небезвредными!

– Да, только я ума не приложу, в чём злой умысел, – Ми-

хаил уже собирался ломиться в двери, но его упредила Селестина.

– Вы чем таким занимались, месё, что вспотели? Всё под контролем. Прошу за мной.

Похоже, что ради устройства клуба был выкуплен весь бельэтаж. Средств затратили изрядно, но подумать только, на что! Стены, облицованные даже не какой-то тёмной керамикой, а тонкими пластинами отшлифованной лавы. Альтарь, больше похожий на операционный или прозекторский стол. Козлиная голова из качественного папье-маше или гипса, на матовую поверхность которой с двух киноаппаратов проецировались плёнки с запечатлёнными как мордами, собственно, представителей подсемейства козьих, занятых своими обычными делами, так и лиц людей, не бывших знакомыми; такой вот капраморфизм взамен антропоморфизма. Но куда большее удивление вызывал аппарат, который смешивал какие-то крошки и кусочки мучных изделий – просфор и облаток? – с тем, что можно обобщённо назвать биологическими жидкостями и выделениями. За чадящими благовониями как-то не сразу и удалось уловить эту омерзительную смесь ароматов. Рвотой, экскрементами, малафьей, кровью – пахло подчинением и насилием, каковые встречаются разве что в карцерах и камерах тюрем с особо опасными заключёнными, к которым для развлечения и выбивания показаний подсаживают дебютантов уголовного мира. Нет страшнее прутьев и их сплетений, чем те, что пронзают и

делят разум.

– Сели, кажется, ты слегка перестаралась, – ступала Сёриз по пошедшему трещинами стеклянному фальшполу, под которым была насыпана земля, устланная кладбищенскими табличками и указателями.

– Не учла усиление костюмом, извините. Михаил, у ваших людей же при себе есть едкий аммиак? Их, – указала она на поверженных оккультистов, – чувствую, проймёт только он, притом залитый в ноздри.

– У меня его не было и на момент того недоразумения в Павильоне. Да и так ли «булланисты» нам нужны? Авксентий, Никанор! – позвал Михаил и понятным им жестом велел изучить устройство электросети.

– «Тема сегодняшнего собрания: Иисус победил, когда внедрился в имперский аппарат подавления», – декламировала Сёриз по вырванной из-под одной туши бумажке, – «перемешав римское и иудейское оплодотворяющие культурные начала, не могшие не быть в конфликте...» – дочитала, смяла и запустила от себя подальше.

– Ваше благородие, извольте взглянуть! – Авксентий всегда находил искомое. – Вот, обратите внимание: некоторые лампы как бы двойные или тройные. Сейчас отвинчу. Никанор, подсоби. Ай, ещё не остыла, горячо, горячо! Ах, вот.

– Да, и впрямь: лампы крупнее привычных, а внутри ещё и с какой-то перегородкой, отделяющей нити накаливания. Я бы даже сказал, что на уже ставшие привычными лампы ре-

шительно не похожи. Вот этим разделением выходов на катод и анод, знаете, чем-то напоминают британские раковины с отдельными кранами под горячую и холодную воду... Ха, да ведь никакая это не нить! Подайте кто-нибудь электропитание обратно, хочу посмотреть на аналогичные лампы в действии. – На бельэтаже зажглось всё освещение, каковое только было возможно.

– Михаил? Михаил?

– Да, да, прошу извинить, задумался. Охо-хох, а кухню-то и не признал!

– Чью кухню? Вы можете говорить яснее?

– Яснее света, что облепляет нас? Да-да, конечно. Поймите: я и стыжусь, и взбудоражен. Стыжусь за то, что сразу не признал технологию, с которой и сам в последние месяцы плотнейшим образом работал. Взбудоражен же тем, как эта технология замаскирована и, чёрт побери, непониманием, как удаётся избежать критического перегрева. Узрейте же, дамы и господа, племянницу Крукса – Хитторфа.

– Это что же, источник X-лучей? Рентгеновских?

– В точку! Ох! Селестина, Сёриз, ваши устройства как-то выключаются? Скорее, скорее выключайте их! И вы, вырубайте тут всё! – этаж погрузился во мрак, разбавляемый желённым пламенем декоративных свеч с чёрным воском.

– Да что с вами, Михаил? – тут уже не выдержал Мартин. – Соберитесь.

– Я... Искренне прошу прощения. В голове столько всего

вертится. Признаюсь: ваше устройство, Селестина, я случайно уничтожил, когда пытался просветить его X-аппаратом, имеющимся в нашем распоряжении. Для меня обошлось без последствий – но обойдётся ли для вас? Я плохо осознаю, если вообще осознаю, что такое умбрэнергия, но, похоже, с рентгеновскими лучами она несовместима. А здесь, я вас уверяю, мы имеем дело с ними. Не передать, как дико себя вело ваше устройство под подобным излучением. Если Директорат ранее не знал о таком эффекте, то пусть немедленно это учтёт. Если «Ceilcéan» оснастил этими лампами добрую половину городских развлекательных учреждений, то в каждом из них вас ожидает ловушка. А если не только их? Если они спрятали лампы по всему городу?

– Сомневаюсь, что слепота Директората вызвана преимущественно действием ламп: их ещё и запитывать надо, а изменения в городской энергосети в штабе бы заметили, для этого не надо хитроумных устройств с фронта законов физики, – Мартин видел состояние Михаила, и потому для уравнивания решил вести диалог с позиции скептицизма.

– Но ведь и Алоиз тогда одни только предположения высказывал, так что исключать это нельзя.

– Конечно, но сейчас я в большей степени готов заключить, что действие ламп направлено против людей, а не организаций. Разница может быть не столь очевидна, поскольку из людей институции и состоят, но попробуйте вдуматься.

Также я попрошу вас сейчас хорошо подумать и сообщить, есть ли у X-лучей какие-то известные опасные или необратимые последствия. Нет-нет, подумайте, не спешите говорить что-то вроде: «Я третий месяц чуть ли не дышу этим излучением, и всё в порядке». Также попрошу и вас, – обратился он к Селестине и Сёриз, – вспомнить, было ли что-то, выбивающееся из общего, простите, бардака этого лета. А, и чтобы простимулировать работу мышления... – Мартин открыл окно настежь, вернулся обратно к группе, полез во внутренний карман пиджака с очень недоброй улыбкой, что-то медленно, нагнетая напряжение, оттуда извлекал в плотно стиснутых пальцах так, чтобы укрыть от зрителей до кульминации сжимаемое в них, на секунду предъявил всем колбочку, чтобы успели осознать, но не отреагировать, и резко метнул её на пол перед открытым окном. Мичманы весьма удивились визгу и тому, сколь ретиво лейтенант Евграфов отвернулся, согнулся и зажал глаза и ноздри, но, кажется, остались довольны шуткой.

– Мартин, – кричала на него Селестина, – а с вами-то что? Вы... Вы больной! Нельзя же так! И... Мы не горим и не дышим ядом?

– Нет, мы совершенно точно не горим. И нет, не дышим ядом, но это уже заслуга выдувающего сероуглерод сквозняка, хоть и не пойму, откуда так дует. Однако, что важнее, позже, когда эта дрянь выветрится, а освещение можно будет вновь включить, вывернув все подозрительные лампы,

то вы увидите, что фосфор сменил аллотропное состояние: из белого превратился в красный. Как? Теперь я знаю ответ, исключив все иные возможности объяснения. И также знаю, Сёриз, что тот минор, которого вы уходили допрашивать в субботу, либо лжец, либо бесполезен. Тем же вечером во дворе я решил использовать одну из колбочек как гранату, да вот только что-то она не произвела положенного ей действия. Чем же она отличалась от прочих? Я брал её с собой на «Скиаграфию». Да, каюсь, но заверяю, что ни одна невинная душа не пострадала бы, дойди всё до применения колбочки. Однако это не всё. Та колбочка не страдала от одиночества. Вы правильно догадываетесь. А по тому, что она разбилась без пламени и вспышки, можно заключить, что воздействие, которому подверглась её «сестра» за субботу, в отношении неё было приумножено и этой ночью. Поэтому я вас всех спрашиваю: на что ещё способны X-лучи?

– Как я мог забыть? – Михаил смотрел на свои руки. – Как я мог забыть тот эксперимент Кюри? Он ведь продемонстрировал, что уран – или радий? я даже этого не помню! – может вызвать раздражение кожи, стоит поносить его в кармане рубашки. Как я мог не сложить два и два? Как мог даже не задуматься, что возможно проявление сходных свойств? Беккерель ведь показал, что соли урана засвечивают фотопластинку... У себя под носом и не заметил. Как?

– Как-как, «Сирано де Бержерак», – буркнул кто-то из мичманов.

– Отставить глумление, невежды.

– Есть отставить глумление!

– Чтоб меня! – теперь уже бегали глаза Селестины – Я тоже хороша. О, Саржа как узнает, так ещё полгода язвить будет. С установлением жары, конечно, стало поступать множество сведений о солнечных ожогах и солнечных же ударах с соответствующими симптомами, вот только планка была задана ещё до пекла. Флю-мируисты отмечали, что больницы и имеющие собственную практику доктора чаще обычного начали сталкиваться с ожогами и отравлениями необъяснимой природы у пациентов, бывших преимущественно буржуа или аристократией. Хе-хе, а некоторые светские львицы, куртизанки и легкомысленные демимонденки сейчас сколь безуспешно, столь и постыдно пытаются излечиться от отсутствующих у них паскудных...

– Спасибо, Сели, мы поняли. Верно ли, что, скорее всего, это те же, кто запечатлён на снимках «Скиаграфии»? Но знают ли люди Бэзи о таких побочных эффектах? Или их и добивались, и это просто приятное визуальное приложение, чтобы никто не сомневался, что всё происходит на самом деле?

– Доказательство отдачи от инвестиций? Возможно, но представлено наверняка было ранее: зачем же ещё и своих нанимателей облучать? А впрочем, Алоиз говорил, что Игнациусу элиты не нужны. Да и уж вряд ли Бэзи – хоть старому, хоть новому – эта идея претила бы.

– Рентгеновская бомба! Беззвучная и неумолимая. Здравствуй, о дивный новый век!

– И поприветствуем век старый. Мартин, в Карлсруэ совершенно случайно не проживали учёные, имеющие сферой академических интересов, хм, радиологию?

– При университете таковые были, но центр подобных исследований всё же сложился в Мюнхене. И нет, что-то залежей ламп я не увидел.

– Или не приняли их за таковые. Возможно, думали, что по ним расфасуют фосфор.

– Не исключено, хотя ровно таких же форм я не видел. Чёрт, представил, как прямо перед громкой премьерой, на которой соберётся французский истеблишмент, «Ceilcéan» заменяет лампы в Гранд-Опера на полные фосфора, те, нагрвшись, лопаются и...

– До чего у вас занятое воображение, Мартин.

– Но возникает вопрос: а зачем и то, и другое? Более того, кроме эвакуации Бэзи, – каковую могли устроить по длинной, но надёжной цепочке знакомств, – не нахожу никаких указаний, что фосфор был нужен Совету анархитекторов. Его применение как-то не укладывается в рамки текущей кампании. Склоняюсь к тому, что то был чей-то ещё заказ, так что это уже моя печаль, и не будем на том заикливаться.

– Объясните мне, а как делались снимки? Ну, допустим, заменили светотехнику, каждый вечер зрителей обдавало живительными X-лучами, но что дальше?

– А дальше вступал в силу контракт с пунктом об эксклюзивном допуске представителей «Ceilcéan» к установленным ими элементам системы. Готов поспорить, что заявлялись ремонтные бригады в целях профилактики чаще, чем было нужно. Что они делали? Моя догадка: заменяли пластины, как-то запрятанные под кресла, ковры или ещё что. Это в свою очередь наводит на вопрос о том, что или они придумали, как быстро крепить и маскировать пластины за то время, пока якобы проверяют оборудование, или они ходили группами и под видом зрителей за время представления делали то же самое, или должна быть ещё одна фирма, которая бы уже занималась чисткой помещений и плотничьими работами. Недели труда – и вот, тысяча снимков, которые теперь можно не собирать столь интенсивно, если вообще нужно.

– Лои, вроде, про плотников не упоминала, хотя кто знает, не приходят ли они только к подписавшим договор с «Ceilcéan».

– А не слишком ли длительная выдержка получается?

– Эти лампы по виду не такие мощные, как у нас – думаю, присутствующие не нуждаются в уточнении, у кого – или в больницах. Здесь... Здесь расчёт на сеансы в несколько часов, притом многократные. В общем, понятно, кто должен был пострадать более других. И в этой связи мне становится любопытно, что в ныне принудительно распушенном, назовём это так, клубе «Sub rosa» не было ни одной электролам-

пы, вообще ни единого намёка на электропроводку.

– Зато здесь – с избытком. И непонятно, – потопала ножкой по гулкому полу Селестина, – где же должны были быть пластинки?

– Стоит проверить этажом ниже, если проникающая способность лучей выше, чем плотность межэтажных перекрытий. Но готов поспорить, что этих выбрали на травление вне конкурса. Они, как выяснилось, идеологические противники мартинистов.

– И всё же мы не можем оставить их...

– В живых?

– ...Просто так, – Селестина потрянула одного за грудки, тот слюняво булькнул, но подал признаки сознания. – Ну, скажешь, что-нибудь интересное? Или вернёшься к предложению «пролить кровь, дабы пролить свет» и сразу отправишься спать дальше?

– На вас сотней глаз смотрит бог, о каком вы и не подозреваете, потому что не знаете: вы его и создали. Он зрит на вас белками сотен глаз, а вы и не видите его. И мы не видели, пока озарение девятью десятками и ещё девяткой ламп не посетило нас. Сотней глаз он взирает на попытку вызвать Бельфегора. Сотней глаз он презирает суету суёт мух, их личинок и паразитов, что облепляют эту слоаса тахіма⁵⁸ и из неё родятся. Сотней глаз смеётся он над вами всеми. Сотней глаз он приветствует тысячи, десятки тысяч новых глаз, что вы взамен креста несёте, не ведая о том. Он надёжно при-

крепился к плоти города. Вы ждёте, что я назову его имя? Вы ещё не поняли? Так взгляните на любой циферблат! Что вы ему противопоставите? Вздумаете бороться с ним – и он навечно будет против вас! – начал распалиться булланист, но был отправлен в царство ночных кошмаров по-барочному увесистым и так же вычурно украшенным томиком заклинаний ин-фолио.

– Хм-м, – протянул Михаил, – если оставить вопрос правоты его веры, то на некоторые топографические рассуждения он меня навёл. Предлагаю продолжить беседу в понедельник утром. Если возможно – в квартире Анри или другом месте, исключаящем посторонних лиц.

– Ваше благородие, разрешите задать вопрос? Он может показаться не к месту, но, мы беспокоимся, что другого места для него и не сыскать.

– Какое почтение. Выкладывайте уже, мичманы.

– Вы Моську не видели? Ну, хотя бы когда заглядывали к нашим в Павильон. Или ещё где. Она с одним экипажем отважилась слетать на Выставку, да там где-то и потерялась, не углядели, в д’Отёй её уже вторую неделю ждут не дождутся.

– И для чего же вам понадобились целые сутки? – с порога встретили Михаила в условленном месте в означенное время.

– Преимущественно для преодоления административных барьеров. И анализа. А сегодня к вечеру я должен вернуть

эти бумаги, – удостоился похлопывания и – нет, никому же не покаалось? – поглаживания зажатый под мышкой тубус, – так что прошу рассчитывать на зрительную память. Но прежде: вы придумали, как очистить город от X-ламп?

– Разумеется, это же проще, чем запретить всем носить мовеиновый!

– Простите?

– Неловко вышло, но знакомьтесь. Михаил, это Саржа, технический работник Директората, о котором вы слышали. Саржа, это тот, хм, с кем я играла в салочки в мае.

– «Технический работник», вот как? Но хотел бы обсудить с вами массу вопросов. В частности, как вы обмениваетесь сообщениями с дирижаблем?

– Как завещал римский оратор: так, словно жмёт обувь. Полагаю, вы и сами придёте к техническому решению через пару лет. Ну, или пять, если не на той развилке свернёте.

– А вы, стало быть, уже твёрдо уверены, что отмели все неверные тропки?

– Нет, шифрование информации и фокусирование передачи всё ещё остаются темами обширных дискуссий. Для нас практическое воплощение пока не так критично, но без этого система перед посторонними весьма незащитна.

– Делаете намёк потому, что пока не нашли однозначного решения, но знаете, *как* можете его заполучить в удобный момент?

– Инсинуация. Сколь фамильярная, столь же и грубая.

– Примите мои извинения. Хорошо, возвратимся к вопросу, заданному вами. Придётся убедить Отель-де-Вилль или Инженерный корпус инициировать расследование деятельности «Ceilcéan». Запустить в газетах серию предупреждающих материалов о ненадёжности и опасности – без упоминания X-лучей – устанавливаемого этой фирмой светового оборудования. И всё в таком духе. Кампания очернения. Небезосновательного. И расчёт на нежелание подвергать предприятие риску. Доверимся профессиональной, – прозвучало это брезгливым фырчанием, – рекомендации Мартина.

– Кстати, а где он?

– Нечленораздельно поразмышлял вслух по поводу колб, почему, как и с чего бы вдруг вообще заподозрили Бэзи, заказе, контейнерах, финиках... нет... пении... феях... не знаю, – сдалась Селестина, – и ушёл слать телеграммы. Пойди его пойми иной раз.

– Не хотелось бы начинать без него. Может, пока расскажете, почему выбрали работу в Директорате?

– «Выбрали», а-ха-ха! – прыснули единодушно Селестина и Саржа, немало смутив Михаила, а Селестина продолжила: – Да нас из сиротского приюта забрали, как и многих других в Директорате. «Дети Двадцати округов, что послужат им». Мы можем лишь решить, делать это добросовестно или нет, противиться тому или нет. Миноры вот решают неправильно. У кого, не сомневаюсь, был выбор, так

это у Анри и Мартина: последовать примеру Туллио Эрмиля и Андреа Сперелли с их окружением, продолжить карьеры своих отцов, пойти им же наперекор, стать агентами короны – это лишь то, что я по своему скудоумию и блёклой фантазии могу назвать вот так сразу. Ну какая бы судьба меня ждала без Директората? В лучшем случае – Клотильды из «Доктора Паскаля» или Денизы из «Дамского счастья». Про Саржу молчу, у него не было бы даже драмы.

– М-да, сплошные мрак и прямота. Не задалась бы и кривая преступной карьеры. Ну, а вы сами, Михаил? Богатый у вас был выбор?

– На грани, по чести говоря, но с вашим положением не сравнить. Виноват. Мне казалось, что... Теперь даже не знаю... Простите, что спросил.

– Нет нужды. Просто для нас двоих это большая тема. Зато вот Сёриз взяли из семьи. Расскажешь Михаилу о директоратовском образовании?

– Возможно, позже: Мартин возвращается, – выставила она ножку на балкончик, – О-о, он ещё и в бакалею зашёл! Как знал, что кое-кто отказался от завтрака и начнёт кидаться на добропорядочных людей. Ай!

– Ай!

– Ай! Прекрати, здесь приличное общество!

– Ай! К-хм, великодушно простите, жантильомы.

– Кажется, я что-то пропустил.

– Ничего такого. Но вот пропустить по чашечке кофе не

помешает. Я пока разверну карты. И, прошу, не оставьте на них пятен или крошек.

Михаил отвернул крышку тубуса и его содержимым замащивал передвинутый в центр комнаты столик, не единожды избранный местом дуэли тех самых копыя и щита. То были два десятка фотографических снимков, которые Михаил старался расположить в определённом порядке, выстраивая их в общую карту – карту Двадцати округов. Было в этих снимках что-то необычное, но потому они и стали причиной их встречи, разве нет?

– Масштабнее Надара, но композиция выдаёт сугубо техническое назначение.

– Так и есть. Возможно, кто-то из вас заметил, что в последнее время дирижабли стали отклоняться от старых маршрутов и охватывать новые территории. И кто-то наверняка счёл это пропагандистским или рекламным ходом. От подобного отношения, конечно, не избавиться, однако маршруты выстраивались с утилитарной целью: сделать подобные снимки.

– Вроде бы, особенно не отличаются от обычных, разве что с резкостью и контрастностью проблемы.

– И это не из-за движения. Хм... Какая-то новая оптика или эксперименты с фотоэмульсией?

– Направление мысли верное: опыты с барий-натрий-силикатным стеклом с оксидом никеля. Мы искали средство визуализации рентгеновских лучей, но они лежат вне диапа-

зона, улавливаемого материалами с традиционными составами. Мы прониклись духом этого города и решили размышлять от противного и абсурдного. Кто-то вспомнил, что солнечное затмение рекомендуется рассматривать через закопчённое стекло, а хоть бы целлулоидную плёнку. Так почему бы не попробовать что-то похожее? Разумеется, не столь примитивное. Недели подбора химического состава – и вот, тёмное стекло, практически непроницаемое в видимом спектре.

– Но улавливающее то, что лежит за ним.

– Именно. Причём мы не сразу поняли, что улавливающее – по обе его стороны. А вернее, преимущественно с той, о которой изначально и не помышляли. Вдумайтесь! Гершель сто лет назад открыл в преломлении излучение, лежащее за красным спектром и более других нагревшее измерительный термометр, а только сейчас мы получили способ массово фиксировать его на плёнке, вычленять и использовать.

– В нынешней ситуации мы, – указал Саржа на себя и «кузин», – можем представить, к чему оно – хоть бы и для проверки, не работают ли X-лампы на улицах, хотя, как вы и сказали, для этих целей оно неэффективно. Однако вам-то оно зачем понадобилось? А-а, намерены с его помощью выстроить невидимую и неуловимую без специальных инструментов линию связи?

– А вы всё о своём.

– Кажется, я понимаю. Михаил, – протянул Мартин кисть

для рукопожатия, – могу вас поздравить: теперь ни одно сражение не должно начинаться без корректировки тактики на основе анализа подобных снимков. Не будете любезны повторить, какой у стекла сплав? Нет? Так и быть. Прошу всех, приглядитесь, – откуда-то с полки достал он лупу и подал Селестине. «Всё, это уже бессознательное».

– Люди, автомобили и здания. Они светлее дорожного покрытия и листвы, чётче более тёмных областей.

– Как бы нам это пригодилось в ту субботу!

– Разве что будь в запасе в два раза больше времени. Ах, да, насчёт времени. И сотен глаз. Когда мы начали обрабатывать первую партию снимков, то заметили нечто, что до сих пор ускользает от вашего внимания. Да, конечно, мы и сами блуждали в догадках: не банальный ли это засвет ли это плёнки от бликов металлических крыш? Однако свершившись с картой и собственными воспоминаниями о тех местах поняли, что, в частности, сухой неотполированный камень так бликовать не может. Более того, в рамках эксперимента мы сделали снимки некоторых местностей под другими углами – и получили те же осветлённые зоны, которые и на крышах дислоцировать было проблематично. Вот, полюбуйте, к примеру, на эти.

– Какое тёмное небо, – всматривалась Селестина в добавочную партию снимков, – и какие белёсые на его фоне строения.

– А теперь вспомните: Алоиз упомянул о жаре и умбр-

энергии. И могу подтвердить: это не нагрев за день, интенсивность коррелирует с движением Луны. Разумеется, этим объяснением я не делился с сослуживцами. Себе дороже.

– Проклятье! – чертыхался Саржа. – Но это всё вне районов компенсационных резервуаров.

– Да нет, – нахмурилась Сёриз, – некоторые, извини за выражение, их щекочат.

– И правда. И это точно области застоя умбрэнергии, которые мы в штабе не видим.

– Ваши резервуары тоже оказалось несложно найти. И даже заключить, что вы их, в отличие от водных, стараетесь держать пустыми. Более того, рискну предположить, что Директорат воспользовался старыми гипсовыми и известняковыми карьерами и шахтами. Бют-Шомон, например, и ещё один маленький зелёный кусочек восточнее него у фортифика. Можно понять, почему парковая зона, но остальные локации не могут этим похвастать. В двенадцатом округе в квартале Бель-Эр у вас пара резервуаров в Пикпю и Бель-Эр. А вокруг Монмартра и вовсе будто кольцо. Вы там устраиваете умбрэнергии карусель? Шутка, шутка. Тринадцатый и четырнадцатый округа практически целиком суть умбрэнергетический бассейн. Жить там во время прилива, полагаю, совсем не весело, хотя, насколько понимаю, для тех районов суматошность и страдания – нормальное явление. Не подумайте, не обвиняю, просто делаю допущение. Территории Сальпетриер это тоже коснулось. Так, что ещё? Примыкающий

к Люксембургскому саду с запада ещё вот участочек, снова парк близ бульвара Лефевр... Хотел бы знать, как поют там птицы и как звучат брошенные в местный пруд камушки... И мы подоברались к моему любимому, – с усилием ткнул он в снимок, нарушив собственное правило об отметинах, – восточной части Трокадеро, где павильоны Трансвааля, Китая и России. Об остальных в восьмом и шестнадцатом округах уж умолчу.

– Не вижу повода для извинений, если вы об этом. Закладывалась возможность гашения демонстраций и беспорядков в защиту или обвинение, обострённых всплеском умбренергии. Уж это-то вы должны оценить. Пока не понадобилось, но кто знает? В свою очередь также умолчу – но уже об архитектонике вашего Павильона. К промышленным конструкциям у нас особое отношение.

– И если присмотритесь, то увидите, что на резервуаре выстроен преимущественно павильон Трансвааля. – «Так себе дипломатия, Сели».

– И мы отклоняемся от курса в мутные воды. Вы что-то говорили про время и камень.

– Да. Где, как не на башнях и фасадах церковей можно найти циферблаты? И Алоиз был уверен, что во время эксперимента прорывалось иное время. Возможно, в притяжении есть логическая ошибка, а то и не одна, но... Высвеченные области где-то в восьмидесяти процентов случаев приходятся на культовые сооружения. Пантеон – ваш резерв королей

под горой – не исключение. Вернее, его купол. От дальнейших заключений воздерживаюсь, поскольку признаю свою некомпетентность в вопросах физики, химии, механики и динамики умбрэнергии.

– Вы посвятили день, – Мартин удержался от глагола «потратили», – анализу высвеченных областей, и ещё до того, как понимаю, приложили некоторые усилия к постижению явления. Удалось ли найти некий общий знаменатель? Поддаётся ли массив какой-либо сортировке и членению на группы?

– Знал, что вы спросите, но, увы, ничего статистически подозрительного, кроме того, что в выборку не попали церкви, исполненные в барочном стиле или близком ему. А впрочем, взгляните сами. Я попытался распределить по бросившимся в глаза признакам, но меня отвлекли, а более я к этому не возвращался за равномерностью заполнения строк. Да, я там не подписал, но Квазимодо, существуй он, тоже стоило бы побеспокоиться.

Византия

со шпилем и органом: Нотр-Дам-д’Отёй (XVI)

Византия

е куполами: Сакре-Кёр (XVIII

)

Готика

с шпилем

с башней/шпилем (

с чем же ещё, кретин?

): Сант-Шапелль (Сите), Сант-Николя-де-Шам (III), Сант-Северен (V), Сант-Лоран (X), Сант-Жозеф-де-Насьон (XI), Нотр-Дам-де-Перпетьюэль-Секур (XI), Сант-Аунтуан-де-Кянз-Ва (XII,

строящ.

),

Готика

с башней/шпилем и органом: Сант-Бернар-де-ля-Шапелль (XVIII)

Готика

с двумя шпилями: Сант-Клотильд (VII)

Готика

с двумя шпилями и органом: Сант-Жан-Баптист-де-Белльвилль (XIX)

Готика

без шпиля (

и кто здесь кретин?

): Нотр-Дам-дю-Ливан (V), Сант-Андре (VIII,
скор.достр.

)

Неоклассика

с органом: Мадлен (VIII)

Неоклассика

с куполом и органом: Нотр-Дам-де-ль'Ассомпсьон-де-
Пасси (XVI,
строящ.

)

Неоклассика

с двумя башнями и органом: Сант-Сюльпис (VI), Сант-
Венсан-де-Поль (X)

Романика

с одной башней: Нотр-Дам-де-Шам (VI), Нотр-Дам-де-ля-
Гар (XIII), Сант-Пьер-де-Монтрж (XIII), Нотр-Дам-де-Кли-
ньянкур (XVIII)

Романика

с одной башней и органом: Сант-Жорж-де-ля-Виллетт
(XIX)

(Синагоги в

IV

и

IX

?)

Эклектика

с органом: Сант-Жермен-ль'Осеруа (I), Сант-Жан-де-Монмартр (XVIII,

строящ.

)

Эклектика

с куполом: Сант-Огюстен (VIII)

Эклектика

с двумя башнями: Сант-Франсуа-Ксавье (VII), Сант-Александр-Невски (VIII,

>2 башен

), Сант-Анн-де-ля-Мэзон-Бланш (XIII,

нов.колокола

)

Эклектика

с одной башней и органом: Сант-Этьен-дю-Монд (V), Сант-Трините (IX), Нотр-Дам-Де-ля-Круа (XX)

Эклектика с двумя башнями и органом: Сант-Амбруаз (XI)

Мартин и Саржа, насупив брови, буравили список. Возможно, и впрямь надеялись отыскать там закономерность, которая могла бы им помочь и которую в спешке упустил Михаил. Во всяком случае, так полагал Мартин в отношении Саржи. Он, безусловно, давно уже заслужил право присутствия, но сейчас, по чести говоря, неизвестно что силился понять, явно продираясь сквозь нечаянный шифр кириллицы. В этом отношении Мартину повезло: худо-бедно он этот алфавит понимал; проигрывал в голове прочитанное, как бы на внутренний слух подбирая исходное французское написание.

Не столько на основании дешифрованного, сколько по общему виду составления списка интуиция подсказывала, что занятие их бесперспективное. Начать хоть с выбранных критериев. Мартин не рискнул бы довериться Михаилу в вопросах эстетики и стилевой дифференциации, однако в принципе с выведенными метастилиями согласиться мог общей модели ради. Но остальное-то. С одной стороны, для Михаила почему-то важно количество башен и шпилей, которые он всё-таки объединил в одну категорию, с другой – это был счёт «один, два и много». И какого чёрта было выделять наличие органов? Да, в православии данный инструмент не нашёл применения, и потому экзотичен для прибывающих из-

за тридцатого меридиана, но так ведь в католичестве он не редкость. И верно ли Михаил вообще определил, где орган есть, а где отсутствует? Далее. Почему вообще превалирует деление по стилям? Мартин трёхлетней давности непременно обратился бы к заложенной архитекторами нумерологии, но Мартин нынешний осознал, что здесь это не имеет решающего значения. Когда-нибудь он, возможно, составит таблицу частотного распределения стилей церквей по округам, количества самих церквей и их площадей на квадратный километр, присовокупит карту с указанием дат постройки... Да, за года можно было бы сейчас ухватиться, мог быть шанс, что анархитекторы удержались не только от барокко, но и не стали трогать сооружения старше или младше какого-то времени постройки, какие-то церкви могли оказаться для них слишком «прикипевшими» или ещё недостаточно налитанными... Да только Михаил посчитал эту переменную незначительной, будто и не было возрождений и переосмысления стилей, хотя сам же ничтоже сумняшеся и определяет вторую по численности совокупность как «эkleктику». Ладно, возможно, в доступной ему литературе подобные сведения были попросту опущены, да и пару пометок насчёт совсем новых сооружений он соизволил оставить. А одну Мартин и вовсе должен был узнать с первого взгляда: Сен-Жан-де-Монмартр. Как близко они были, а Селестина и Сёриз ничего не заподозрили. Также Мартин отметил, что действительно древних церквей – обобщённо: церквей, при-

ходов, соборов, et cetera – были единицы; в массе своей то были книги в камне, начертанные уже в эру от рождения печатного станка. Что ещё он мог почерпнуть из списка, представлявшего неполные сведения? Достаточен ли он? Не был ли прерван до внесения какой-то важной части, способной поменять всё представление? Вот что означают «синагоги» под вопросом? Учитывать их или нет? Чем обоснованно их включение? И что с протестантскими церквами, мимикрирующими под османовские дома? Михаила особенно винить не хотелось, поскольку он и его коллеги фактически делали работу Директората. А вот за оправдание прекращения составления списка и халатное обращение с терминологией пожуричь бы стоило. «Равномерностью» здесь и не пахло. Тут вообще можно рассчитать стандартную ошибку среднего? Да что там, в нормальное распределение виденное Мартином также не попадало. То, что как минимум каждая пятая церковь посвящалась Святой Деве – возможно, но и в том уверенности не было. Что же было не так? Наличие двух пиков и отсутствие центра – вот что. Для начала – вообразить спираль округов. Затем – начать её раскрашивать одним акварельным цветом, насыщая тон округа столько раз, сколько раз он встретится справа от названия церквей. На первый взгляд кажется очевидным, что есть победитель: восьмой округ. Однако стоит вспомнить об упомянутом Пантеоне – и вот, извольте получить равную ему вершину. А что же с остальным? Мартину пришла на ум аналогия: ожере-

лье с бусинами различного диаметра. Ну, хорошо – жемчужинами. Самые крупные стараются расположить рядом и с одной стороны, – и здесь гауссиана, чтоб её, – а в переложении на Двадцать округов получится, что ожерелье тянется к симметрии, да только приблизиться к ней не может: крупные жемчужины полагается не то носить на плечах, не то на ключицах, не то на лопатках – по одной на каждую, – остальное же неравномерное или прятать в перьях и складках одежды, или выставлять напоказ, надеясь, что эта асимметрия, оттенённая симметрией, войдёт в моду. Почему ожерелье? Ох, Мартин и сам только в этот миг понял: потому что было условное отверстие для шеи, хотя если сопоставлять его площадь с площадями «жемчужин», то это уже больше ожерелье королевы, подвеска. А то и не ювелирное изделие, а пончо, сотканное из нитей различной толщины. Мартин цеплялся за подобные аналогии, потому как решительно не хотел считать дисперсию, чтобы доказывать вероятностное уродство увиденного им. Тем не менее само это не то раздвоение-расщепление, не то удвоение-почкование... Быть может, Михаил его-то и приметил и подсознательно пытался провести через счёт башен? Какой-то округ преобладает? Да, седьмой. Пик восьмого, удвоение седьмого – намёк ли это на Выставку? А что? И что? Стоит вернуться к «прорези». Не хватает не только второго округа, где самих по себе церковей штуки три, но и четырнадцатого и пятнадцатого округов – возможно, от недостатка символов веры во камнях, возможно, из-

за выявленного бассейна, больше похожего на болото, как для Мартина. Любопытно, попадает ли здание биржи в те остальные двадцать процентов сооружений, что не относятся к религиозным? Если не обличать финансовый сектор как культ, а брокеров – как жрецов и авгуров, гадающих на сплетении цифр и ведомых невидимой рукой, молебнами и обрядами шесть раз в неделю с полудня до трёх часов дня взывающих о ниспослании доходности ценных бумаг. Снимки второго округа уже заложили другими, так что стоило переключиться на что-то иное. Чуть не упустил: недоставало и семнадцатого округа, но ничего интересного там Мартин не находил, зато получалось, что каждый пятый же округ не был представлен в списке. А почему, собственно, Мартин упёрся в распределение вероятностей? Обвинял подход Михаила за одно, а сам... Какие ещё были варианты? Что-то вроде розы ветров: столько-то в том-то, столько-то в том-то? Нет-нет, этот этап он уже мысленно прошёл. Нужно было искать ответ в какой-то иной плоскости, – поэтому Мартин скомандовал себе «стоп-машина», и тогда, освобождённый от гула, обратил внимание на тишину, длившуюся чуть дольше, чем того требовал хоть и пристальный, но всё же факультативный осмотр листа, и подытожил удивительной прозорливости заключением:

– Я вижу, вы исключили Сакре-Кёр...

– А, да. Строители внутри разводили огонь.

– Понятно. Но как же удаётся удержать эти, хм, сгустки,

что ли, в недостроенных помещениях?

– Своды, как видно по снимкам, – для примера Сёриз указала на один такой, – готовы, да и умбрэнергия не испаряется.

– Своды... Нефы, трансепты... Шпили и купола... – перебирала что-то в голове Селестина и медленно удалялась от стола.

– Показанное вами – серьёзное подспорье для Директората. Как бы то ни было. Точно нет никакой возможности попридержать снимки? Жаль. Можете ли в таком случае одолжить мне листок? Хотя бы три десятка вычистим.

– «Вычистим». Не тебе по улицам бегать, Саржа. И нужно быть готовыми, что наверняка поблизости будут эхоматы. Что и хорошо, и плохо.

– Вопрос: на данный момент эти строения для них просто объект охраны или ещё и источник подпитки?

– Можем узнать это, только проследив за одним из них. Возникает другой вопрос: а можем ли мы ждать?

– О, храбрый Саржа, предлагаешь атаковать в лоб?

– Да. Но не всеми силами. Кто знает, чем Совет ответит?

– Вот именно. Отобъём мы тридцать три или четыре сооружения – и что с оставшимися? А если это тоже какие-то бомбы? Вдруг они действительно нужны, чтобы перегрузить или уничтожить наши коммуникации?

– Мы всё ещё не поняли, по какому принципу эти церкви выбраны. И почему вообще преимущественно церкви?

– Может, Совет опутывал то, до чего мог бесшумно дотянуться?

– За барокко мы следим не пристальнее, чем за остальным.

– Насколько я усвоил, урбматерия довольно холодно – вернее, горячо, но в плохом смысле, – принимает всё новое. Когда Селестина говорила с мадмуазель Фуллер, та указала, что представители «Éilcéan» перемещались – в обычном смысле, хотя намёк был и на иной – исключительно между домами в стиле ар-нуво...

– Да, Сели говорила. Это любопытно, поскольку тело-скриптор весьма охотно принимает модерн – не меньше, чем барокко, к слову говоря, – но я теряюсь, как нам связать одно с другим. Урбматерия, тело-скриптор, умбрэнергия, Директорат – чего добивается Игнациус в отношении каждого?

– «Он вернулся, чтобы вернуть».

– Сказал Алоиз в каком-то подобии просветления в агонии и свёл весь дальнейший рассказ к разрушению. Вернуть войну всех против всех? Установить через это новый порядок?

– Не просто новый порядок, а новый порядок времени. Он хочет повторить тот эксперимент. – Все обернулись к Селестине. Сёриз и Саржа заговорщически переглянулись, словно знали, что сейчас будет. Или что такой момент вообще настанет.

– Одного ему мало было? В чём смысл?

– Пока не знаю. Но он точно намерен инициировать кливаж. Просто если тогда Директорат действовал хирургически, воздействовал на тело-скриптор как самостоятельный актер и не хотел лишний раз тревожить урбматерию, то сейчас Игнациус намерен сделать именно это. Нет... Он... Он как бы намерен обнулить урбматерию. Тогда Атанасиус, Игнациус и Агнесса записывали на поверхности тела новые знаки, тем приводя его в движение, он же решил не писать их, а перемешать все нисходящие и... и...

– Устроить шторм, – вынес приговор будущему Михаил с интонацией, достойной «Nevermore».

– Но добивается-то чего? Точно ли отделения тела-скриптора? Может, установления его доминирования над урбматерией, обращением токов так, чтобы умбрэнергия несла также в город и накопленное телом-скриптором, уже была структурирована к моменту впитывания урбматерией? А элиты уничтожает как производителей наиболее одиозных желаний, дабы таковые более не поступали.

– Простите, но с порядком времени-то это как связано? Ваша гипотеза исходила из этого.

– Не то, чтоб исходила, была вдохновлена. Это мне самой ещё осознать нужно. Алоиз и сам был так себе свидетелем. Пока не забыла, вот о чём я думала до того. Мы считаем это сгустками, заболоченными локациями, чем угодно подобным, потому что не видели и не чувствовали движение

умбрэнергии.

– А она там движется как-то по-особенному?

– Саржа, ты не понял: дело в том, что она вообще движется. Она не просто истощается и пополняется течением, а просто уверена, что она циркулирует. Игнациус создал своё подобие ловушки Фабриса, только без флю-мируа. Он как-то удерживает умбрэнергию от впитывания и рассасывания, заставляет её двигаться не то вихрем, не то хитрой волной.

– Нефы, трансепты... – повторил Мартин. – Шпили и купола...

– Вот именно. Да, можете не говорить, что таковые есть не у всех и не всё из высвеченного можно счесть крупными объектами, но само внутреннее пространство церквей к тому подталкивает. Возможно, назначение некоторых отличается от большинства остальных, вполне допускаю, что они-то как раз и служат батареями или усилителями сигнала для эхоматов. Но суть вы поняли: это всё заготовки.

– Эмбрионы вихрей, как мило.

– И только выглядят автономными, – скрестил Мартин руки, вновь вглядываясь в листопадом устлавшие стол снимки, по десятку раз уже перемещённые и перешедшие из рук в руки. – Возможно, список и заполнялся «равномерно», но само распределение по округам и площади города смущает. Они непременно должны объединяться в сеть, которая бы направляла и координировала их. Подозреваю, Саржа, что ей послужат коммуникации Директората. Подключения – ну,

или врезки – попросту ещё не активированы, а где работают, то заняты выравниванием сигнала – как бы это сказать? – в ноль.

– Допустим, их силу выстроят единым фронтом, то где он проходит?

– Или – где залегает.

– Сели, ты бьёшь рекорды. Второе озарение за день? – Селестина посмотрела полными бесконечного всепрощения глазами на Сёриз и всего лишь выдохнула полной грудью.

– Зависит от того, подтвердит ли моё подозрение Михаил. Скажите, вот эта полоса, что тянется через ряд снимков – это просто отсвет, дефект стекла или что?

– Ни то, ни другое. Неизменно присутствует в материалах за несколько последних дней. Прошу, поделитесь догадкой.

– Ста-арые Боги! – у Сёриз и Саржи, на то похоже, пошли мурашки.

– Ага. Мартин, Михаил, этот след соответствует первой линии метрополитена. Конечные станции: Порт-де-Венсен и Порт-Майо. – «Вот тебе и семнадцатый округ. Или Порт-Майо в шестнадцатом?» – Промежуточные: Марбёф, Конкорд, Тюильри, Пале-Ройяль, Отель-де-Вилль, Сен-Поль, Бастилия, Гар-де-Льон... – «В каком времени это было?»

– И Директорат пока что намеренно поддерживает там повышенное содержание умбрэнергии, по факту это новый канал, даже магистраль. Это свечение и зафиксировано.

– А для кого-то и царь-пушка или многокилометровая ди-

намитная шашка. А «пока что» – это до какого времени?

– До официального открытия в этот четверг.

– Проклятье, если что-то и произойдёт, то в ближайшие трое суток.

– Из которых сутки придётся потратить на административные барьеры уже нам.

– И поддержки с дирижабля у вас, скорее всего, не будет.

– Это как «у вас»? Вы выходите из дела?

– Никак нет, но с того момента, как Чинского я упустил, улики сгорели в пожаре, а выход на новых подозреваемых в моём расследовании обеспечивается и так доступными мне материалами, я утратил некоторую дозволенность в выборе средств помощи вам.

– Прекрасно. Так в чём же мы будем убеждать папá? Что нам остаётся, кроме предложения Саржи?

– Оно грубое, но не плохое, ведь во всяком случае ослабим анархитекторов.

– Ещё придётся придумать, как отводить умбрэнергию.

– Придётся вновь апеллировать к Алоизу: Игнациус до сей поры пользовался только потоками, каковых близ церквей и под ними не может не быть. Даже если наши коммуникации молчат, а ис-дисы выдают одну рябь, то сами потоки уж всяко почувствуем. Сцедим в них умбрэнергию, а дальше уже пусть штаб выбирает, что с ней делать.

– Скорее, «мучается с выбором»: высокая Луна, очень высокая, – для пушного эффекта задрал Саржа подбородок, а

Селестина пальцами придержала его в таком положении.

– Вот и держи нос выше, нет у нас права прятаться по раковинам, когда пылает... О.

– «О»? Три? Ты сегодня в ударе. Ай!

– Михаил, жду вас и ваших людей завтра на закате в районе звезды на рю Жан Гужон. Естественно, вас тоже, Мартин. Дозволяю взять саквояж. Быть может, по какой-то причине барочные церкви и игнорируются анархитекторами, но одну нам проверить стоит.

25

В эти дни закат – равно как и рассвет – уже больше приходилось вспоминать, нежели наблюдать: над городом повисли девятой казнью египетской и непонятного метеорологического происхождения тяжёлые, грузные, все в складках, тёмные тучи, которые, похоже, ждали лишь команды «отдать паруса» либо «опустить занавес», чтобы в то же мгновение обрушиться на город удушливым смогом, – каковой ещё не посетил этот город, но наездами бывал в Лондоне, – осадками плиннианского извержения, телесами уставшей держать небосвод обрюзгшей и одряхлевшей Нут. На запылённых деревьях увядала листва, не приспособленная к фотосинтезу от газового и электрического освещения. Поникали в редком медовом плаче цветы, к которым не летели с хрустом колё-

сами и копытами перемалываемые в муку пчёлы и бабочки. Прокисал лоск вывесок и витрин, манекены пухли газовыми гангренами порадами швов, шипели мелодией пустоты внутри. Фасады покрывались коростами отлуплявшейся краски и шелушились стружьями плакатов и афиш; пожалуй, не стоило удивляться, что меж них отыскивались и листовки «сочувствующих». Всё ещё популярностью пользовались туры в городскую канализацию, в крысином отчаянии люди искали отдохновения от пекла, хотя бы на пару градусов облегчить кару. Набережные Сены уподобились берегам Ганга. Город гнилорыбно дурнел. И неизвестно, что хуже: то, что это динамика, или то, что всё может застыть в статике. И статике формалинной. Необязательно даже изготавливать препараты: формалин применяется и для дубления желатины в кинофотоплёнке. Впрочем, не будет такого, это ещё не конец. Всё это разложение и весь этот разлад, все поломки мегамашины предваряли нечто, что по размаху и яростной драматичности будет достойно полотен Джона Мартина. «Ещё один Мартин, что ж такое...»

– А-а, вы только посмотрите... – выплыла из-за спин Селестина и провела рукой по ближайшей стене. Неизвестно, что было доступно зрению Михаила, но Мартин отчётливо видел, как по её руке, параболой студня ещё целяясь за песчаниковую текстуру, стекала желтоватая субстанция. – Хилус. Город задыхается, захлёбывается, и ещё больше экссудата и транссудата выделится в ближайшие три ночи. Эх...

Господа, я смотрю, вы сегодня с новыми игрушками?

– Да, – потрясал солидных размеров чехлом за спиной Никанор, – может пригодиться, раз уж будем входить в здание.

– Мы ведь не будем уходить на другую улицу?

– Нет, нам всего-то нужно пройти метров сто. Надеюсь, переведёте в ярды и аршины – или что там у вас. Не заметили никакой активности?

– Сто метров для наблюдения за неизвестно чем – это довольно много. Но ничего примечательного. Силуэтов в подозрительных корсетах тоже не встречали.

– Тогда в путь, – повела их за собой Селестина к дому №23.

– Как же это подозрительно близко ко Дворцу конгрессов.

– Ко всему, что связало нас. Но – да, в том числе поэтому я её выбрала.

– «A Notre-Dame de Consolation», – прочёл Авксентий под картушем на утопленном фасаде барочной церкви. – И кого же Богоматерь утешает в этой обители?

– Родственников и любимых ста двадцати шести жертв, – бывших преимущественно женщинами благородного происхождения, – трагедии, унёсшей их жизни в огненном вихре три года назад.

– Ах, та самая благотворительная ярмарка. Но разве тогда не установили причину возгорания? Всё же довольно прозаично свелось к нарушению ещё не до конца оформившейся техники безопасности в киноиндустрии: в мольтениевой

лампе надо было заменить горючую смесь, но ёмкость с эфиром оказалась недостаточно хорошо герметизированной, пары встретились с огнём, произошло возгорание, с лёгкостью охватившее тряпье, картон и папье-маше, каковыми ярмарке придали вид средневековой. . .

– Да, можете не пересказывать. Директорат тогда предложил опознавать обгоревшие останки по зубам. Не без нашей помощи воспроизвели и ход событий. Почему не предотвратили? Ярмарка была временной, не успели, а даже и не считали нужным отслеживать её. И не послали никого приглядеть. Наша ли вина? Отчасти. Иногда город просто берёт своё, никакой механизм не может без жертв. Но здесь мы не чтобы обсуждать ту катастрофу, а, возможно, предотвратить новую.

– Не припомню, чтобы эта местность была высвеченной, иначе церковь внёс бы в список. Чем же привлекла ваше внимание эта церковь, если не попыткой проложить мостик к тем событиям и не одной лишь близостью к Выставке?

– Тем, что должна была открыться в начале мая, но этого так и не случилось. Почему? Формально – для окончания отделочных работ. И что-то характерных признаков я не вижу. Фактически? Это мы и выясним, полагаясь на интуицией обоснованную необходимость. Мне ещё повезло, что вспомнила о ней, – о церкви, не об интуиции, – поскольку это не единственное сооружение, дата начала функционирования которого в этом году переносится. В лучших традициях ор-

ганизации Экспозиции, хоть и не служит её частью. Но где же ещё укрыться, как не в церкви, сёстры которой упорно игнорируются?

– Моветоном будет сказать «в ином случае я бы...» или «в других обстоятельствах я бы...» – мы уже здесь. Селестина, Мартин, прошу подойти как можно ближе. Никанор, ставь ширму. Авксентий, дай мне дрель, а сам займись бороскопом.

– К слову, а где Сёриз? – Мартин старался не мешать Никанору, очерчивавшему дугу вокруг входной группы и отделявшему их от мира слоем необычной ткани.

– Пока что в штабе, а где-то с часу – то здесь, то там. Обретением чудо-лифов мы пока не хвастались, но наверняка пригодятся для работы с циклончиками умбрэнергии или для борьбы с эхоматами. Хотя, вроде, с ними и так можно справиться, если застать врасплох. Всё-таки иметь одну коллективную, принимающую решения, голову на всех – плохо. Потому я и попросила встретиться за несколько часов до того, чтобы не заставлять её, в случае чего, быть в двух местах одновременно. И переодеться в более подходящие одежды, естественно. Как без переодеваний?

– Вы довольно безэмоционально говорите об убийстве эхоматов, – как бы между делом спросил Михаил, тихо доверливая дырку в плотной древесине и понизивший голос. – Вы же помните, что это уже, скорее всего, не пошедшие против вас, а похищенные миноры?

– Эти ваши ружья же несмертельные? Постараемся использовать в первую очередь их. Будет неприятно, если окажется, что эхоматов можно вернуть к прежней жизни, но что-то сомневаюсь. Если они осознают своё положение, хоть и не могут ему противиться, то понимают, что в подвешенном состоянии: или установят новый порядок, или погибнут в этом, лишённые источников подпитки-подзарядки и вынужденные жаться друг к другу весь короткий остаток жизни. Вот в том, что этот страх им оставили в качестве трудового мотива, – уже не сомневаюсь.

– Начинаю и я всё меньше сомневаться в безнадёжности нашего текущего предприятия. Кто-нибудь заметил поблизости голубей?

– В последние дни птиц и так редко увидишь, – направил Никанор ствол пневмоштуцера в аморфную бурую высь.

– Мелкие городские хищники, разоряющие гнёзда, также пропали. Так откуда же на ступенях и кладке взялись потёки яичных белков?

– Чтоб меня! Мартин, а вы не чувствовали тогда запах фимиама или чего-то подобного?

– Вы с нами не соизволите объясниться?

– В том особняке в Нёйи была комната, в которой был только один постоялец. И его лечили от ожогов. А среди прочих средств при них помогает...

– А, теперь понял, к чему вы. Или к кому – Бэзи. Но ведь уже полгода с момента получения травмы прошло.

– Она тяжела и не вполне обычна. Не забывайте о вещи-
стве, нанёсшем её.

– Ваше благородие, – совсем уже шёпотом позвал Авксентий, – внутри вижу семерых... нет, девятерых... нет, снова семерых. Что ж такое-то?

– Делают-то они что?

– Что-то таскают. Точнее не скажу, очертаний не разобрать, так уж поставили лампы. Зайдём – и сразу засияем золотым тельцом.

– Но целиться-то можно будет?

– Да, конечно. Просто тихо войти не выйдет.

– «Войти не выйдет», Авксентий? – поднял бровь Никанор, отвлёкшийся от проверки клапанов уже на втором на пневмоштуцере. – Мандражируешь, твоё благородие.

– Иногда осмотрительность позволяет поправить грамматику. Лучше ты мне скажи: что ж мы свои экзоскелеты не взяли? Я вот присмотрелся и вижу, что не то четверо, не то шестеро – в них.

– Да ну? И как бы мы это всё по улице тащили? Или ты понадеялся бы, что всем вокруг не до пары чудно выглядящих русских, ещё и вспрыгивающих на стены и крыши?

– Вы закончили, господа мичманы? Что с маршрутами передвижений?

– Гостей они не ждут, маршруты практически сводятся к топтанию вокруг отведённого пятачка. И то они больше не охраняют, а, хм, меняются ролями: то стоят, то таскают, то

руки крутят... Для манёвров там до дюжины сажений в длину, как в том дворе, и восемь в ширину. Эм, то есть площадь двадцать четыре на семнадцать метров. Скамей нет, но стоят ящики, а также что-то крупнее, вот это и заканчивает перетаскивать та пара пропадающих из поля зрения – слишком долго и надолго, как по мне. По одному эхомату у каждой боковой стены метрах в семи с половиной от нас. Ещё двое – у алтаря в апсиде, не венчаются. Дальний левый сектор не просматривается, он чем-то отгорожен. За эту-то перегородку и уходит пара «грузчиков». Остались трое, выглядящие обычными, они стоят у края перегородки, разговаривают, один жестикулирует и не то командует, не то убеждает. Возможно, проблема: один из тех, у правой стены, повернулся в нашу сторону. Сделал шаг к нам, – не глядя протянул Авксентий руку Никанору за пневмоштуцером.

– Сначала эхоматы, – целился Михаил уже из своего в ту точку двери, что давала наибольший рычаг. – Мартин, станьте за мной. Когда выстрелю, то пригнусь, а вы подожгите тех у алтаря. Селестина, в арьергард.

Бараньей шерстью всклубился дымок, заставив одну из створок распахнуться так, что она сбила с ног подходившего к ним эхомата. Мартин без колебаний пустил в полёт болт – «Хм, фосфорфор?» – и, прежде чем отойти в укрытие, заметил, что новому пожару на этом месте не бывать: на ящики смесь не попала, но расплескалась и взыскрилась на камне; услышанное им утробное рычание подтвердило поражение

цели. Никанор первым выстрелом из нижнего ствола поломал эхомату у левой стены пантомиму, а вторым из верхнего отправил в нокаут. Авксентий приложил пытавшегося подняться эхомата у двери и, не обнаружив «грузчиков», пальнул дротиком в одного из той троицы, взял на прицел оставшихся. Они подняли руки. Но Селестина, пока не прошедшая через дверной проём, знала, что это может быть стартовой позицией для пары ударов, а потому крикнула, чтобы на парочку были наставлены все стволы и направляющие. Мартин же напомнил – и союзникам, и противникам, – что отступать некуда: там до сих пор догорал фосфор и висели ядовитые пары. Не столько от одной из фигур, сколько в наполненном курениями воздухе, а то и в голове у самого Мартина прозвучало: «Думаешь, мне это впервой? Думаешь, меня это удержит? Думаешь, меня страшит смерть? Слишком много ложных дум!» – и фигура с неожиданной, паучьей резкостью сложилась вдвое, избежала серии попаданий, доставшихся компаньону, и скрылась едва ли не на четырёх конечностях за перегородкой.

– Бэзи! Я за ним! Селестина, господа офицеры, прошу извинить и не прошу следовать, – и, прикрыв нос рукавом и зажмурив глаза, побежал навстречу неизвестно чему.

– Подождите, Мартин! Я с вами! – тоже нырнула за угол Селестина, откуда ненавязчиво так добавила: – Ну, а вы тут приберитесь или ещё чт...

Лейтенант Евграфов и мичманы Деспин и Победоносцев

остались втроём.

– Мы им не поможем?

– Уже помогли. Остальное – не нашего ума дело. Давайте посмотрим содержимое ящиков и прочего. Если что-то полезное, то надо как-то организовать доставку в д’Отёй. Но прежде – вколите этим всем ещё по транквилизатору. Авксентий, я же знаю, что ты взял дыхательный аппарат, будь столь любезен одолжить: я всё-таки посмотрю, что там.

Михаилу протянули маску из вощёной кожи, напоминая ту, что предложил носить врачам де Лорм, только «клюв» не так выдавался вперёд, был более загнут книзу, содержал миниатюрный баллон с кислородом и оканчивался угольным фильтром; но всё это можно было и отвинтить, заменив шлангом, подававшим воздушную смесь так же, как водолазам. Михаилу повезло: стёкла не запотевали, можно было ориентироваться в пространстве. Пустая перестраховка? Возможно. Тем более что Мартину и ткани пиджака хватило. Наверное.

За перегородкой Михаил обнаружил параболически вогнутое зеркало, в какое мог бы в полный рост смотреться и Николя Буржуа. Михаил пытался найти люк в полу или тайный проход в стене, но это был тупик. Оставалось только одно направление. Михаил легко толкнул зеркало, но оно не поддалось. Зато налилось сиянием и будто бы стало не то окном во времени и пространстве, не то кинопроектором, только ещё с передачей цвета и ощущением присутствия там,

правда, нивелировавшимися оптикой маски. Как бы то ни было, Михаил видел речной берег. И детей, что играли на нём. Один пожёвывал соломинку. Двое сорванцов что-то замышляли. О, да, это была шутиха. Или, больше на то похоже, кусок динамитной шашки. И пугать они, похоже, собрались рыб. А, не пугать: оглушить – обычный клёв что-то не шёл. Но хватит ли мощности? Или распугают последних оставшихся и неуловимых? Они даже поспорили на это. Подождли фитилёк – да где они вообще взяли компоненты и как собрали? – и закинули шашку в воду. Ба-бах! К немалому изумлению спорщиков вместо рыбы всплыло с глазами и ртом, зашитыми блестящей нитью особым узором, ушами и носом, чем-то залитыми, раздувшееся тело. И в красных одеждах. Савоярских. Михаил не понимал, откуда шёл звук, но он слышал, как, разрывая ткани, разошёлся шов. По водной поверхности пошли пузырьки. Со всё увеличивавшейся интенсивностью. А затем тело на не прекращавшейся газовой тяге поплыло головой вперёд, нагоняя на лоб волну и при том издавая с другого конца крайне непристойные звуки. Детишки были в экстазе. Зеркало потускнело, будто на него наплыла тень, затем некий силуэт и впрямь пересёк его, потом ещё несколько, в которых он опознал силуэты дирижаблей, после чего пошло трещинами и осыпалось звёздной пылью. Внутри Михаила будто тоже что-то оборвалось.

– Мартин? Мартин, где вы? – Вокруг была дезориенти-

рующая темнота. Флуоресцентное свечение ид-диспозитифа – «Странно, ещё же как минимум часа два...» – не помогало, только пугало, делало приманкой. Было неудобно. Её касалась умбрэнергия, полнившая собой всё неизвестное пространство.

– Я здесь, Селестина, здесь. – Только имена и отклик на них и позволял мыслить, что они ещё не растворились в неведомом нечто, а возможно даже были прежними.

– Мартин, где мы?

– Одна из станций метрополитена, насколько могу судить. Но на поиски названия – безрезультатные – истратил все спички. Узнал только, набив пару шишек, что отделочные работы ещё не завершены. И думал, что попал сюда один. Слишком много думаю, ну да, ну да.

– Так, одну секунду. – Теперь устройство у неё на руке светило не хуже фонарика, только от Селестины требовалось выворачивать руку ладонью к объекту, что желала вычленишь из мрака. Мартин недопонял механику этого жеста и нежно заключил её ладонь меж собственных. «Ещё и пригладил?!»

– М-кхм.

– Простите. – «Идиот». – Простите.

– Раз уж ис-дис работает без ограничений, попробую, что ли, связаться со штабом и Сёриз. А, к слову говоря, мы на станции Лувр. И... О-ох.

– Что? Вы нужны Сёриз?

– Нет, ей я *уже* не нужна. Я не понимаю. Она сообщает, что меня не было сутки. Вас, на то похоже, тоже.

– В каком смысле «не было»?

– Да во всех! Если изобретёте ещё парочку новых, то и в них тоже. Я как и не существовала. Неважно. Нет, важно, конечно, но не так, как остальное. А-ар-р!

– Хорошо, оставим эту тему. Что ещё произошло за это время?

– Мне тут пытаются передать всю хронику боевых действий за прошедшее время, но я и прочитать-то это всё не успеваю, не то, что усвоить. Много чего случилось. Директорат всей мощью обрушился на Совет, но атака захлебнулась. Понятно, идею Саржи одобрили, но не приняли во внимание его слова о сохранении резерва. Бои затянулись, Директорат выдохся, но Совет не контратаковал.

– Удержание позиций соотносится с их возможным планом. И траты собственных запасов, должно быть, жёстко нормируются и контролируются. Теперь это позиционная война. Что с обычными гражданами?

– А что с ними? Они ни сном, ни духом. Подумаешь, тридцать с чем-то улиц перекрыли под благовидным предлогом. Зафиксировано повышение общего уровня социальной агрессии, преимущественно в дальних округах, хотя, казалось бы, им должно дышаться вольготнее. И придётся пока пустить это на самотёк, незачем растрачивать ресурсы, если не избавимся от источника жары.

– А избавимся мы от него, если...

– Когда.

– ... Когда ликвидируем обосновывающую необходимость его существования неведомо что. И в верное ли место нас переместило зеркало, раз уж мы даже появились в различное время и сутки спустя.

– Раз это станция метрополитена, то – в верное. Но совершенно не понимаю, как эти игры со временем работают, а ведь благодаря им и удаются фокусы Игнациуса.

– У меня два вопроса. Первый. Я что-то характерного блеска нигде здесь не увидел. Так как же таскавшие оборудование эхоматы возвращались отсюда? Второй. Если бы отсюда существовал обратный путь в Нотр-Дам-де-Консоласьон, то мы бы попали в восемнадцатое или обратно в семнадцатое июля? Так, интуитивно предположите.

– На первый вопрос ответ простой: обратите внимание на то крошево в углу, со спичкой вы могли его и не заметить. А вот ответ на второй... Я правда не знаю, не пытайте. Мартин, то, что мы на сутки вперёд перенесли, уже ничего хорошего не означает, а если это ещё и двусторонний канал... Вы сами-то осознаёте перспективу? Закинуть объект в будущее и оставить дожидаться там. Имитировать бездействие в настоящем, чтобы позже... Что-то как-то мне надо присесть.

– Есть и другой вариант: это не мостик из прошлого в будущее и обратно, а из будущего в прошлое и так же обратно. Более того, то будущее также не является, хм, текущим

будущим, а представляет ступень прошлого, более близкую по временной шкале к пределу, который достигнуть никак нельзя, поскольку время непрерывно течёт. Или же это подпространства единого...

– Мартин.

– Я к тому, что, возможно, от этого проистекает уверенность Игнациуса в сценарии. Время суть череда метаморфоз материи. Я не представляю, как должен выглядеть математический аппарат, способный предсказывать глобальное будущее. Но что, если смотреть на серию уже свершившихся метаморфоз, видеть генеалогическое древо момента? Конечно, каждое вносимое им изменение в прошлом влияет на будущее, что для Игнациуса означает уже собственное ограничение в возврате к некоему предельному моменту за счёт иссечения невозможных вариаций или в просмотре горизонта временных событий...

– Ма-арти-ин... – схватила за голову Селестина.

– Но что в таком случае означает «другой порядок времени» применительно к моменту эксперимента? И не произошло ли сдвига временных фаз урбматерии и тела-скриптора, что восстановило себя по состоянию на какой-то предшествовавший день, в то время как скачков метаморфоз у урбматерии не было? То есть таковое сосуществование возможно? А поглощённые за тот период желания – что же они? Как произошла ресинхронизация? И для кого или чего она важнее?

– Мартин! – приказным тоном шепнула она.

– Ох, извините...

– Да не в том дело. Смотрите: какое-то свечение дальше по туннелю.

– Идём туда. Хотя нет, секунду... Да, так и есть: Михаил или кто-то из комедийного дуэта под его началом скрал у меня одну из колб. Никак не могли обойтись без сувенира на память. Хорошо, у меня осталось три. И если до них дойдёт, то держитесь как минимум метрах в десяти от области взрыва. Пожалуйста.

– Ладно-ладно. А вы постарайтесь не прижиматься к стенам. Или токопроводящим рельсам. Или эхоматам. Пожалуйста.

– Что там? – метров через сто спросил Мартин.

– В двадцати метрах к северо-востоку от нас – ль’Оратуар-дю-Лувр. Барочная?! А к югу через реку – библиотека Мазарини... Знаю я, знаю, что вы о штуке, на которую наткнулись перед собой. Но, признайте, место для неё и впрямь интересное.

–Весьма. Она перегораживает проезд вагонеток и упирается в стену. По отзвуку похоже на сосуд Дьюара. Хм, зато топологически напоминает муфту. Имею в виду аксессуар.

– Ловушка Фабриса! Так вот, как она выглядит.

– Или то, что на её основе создал уже Игнациус в своих целях.

– Да, я чувствую, что она изменяет динамику движения

умрбэнергии. Такой её организации я ещё не встречала. О, и ис-дис капризничает рядом с ней. Нужно двигаться дальше.

– Ещё одна, – попалась метров через двести. – Не понимаю, почему не Марбёф?

– В каком смысле?

– Ближайшая станция к той церкви. А нас перенесло в первый. Если они занимаются установкой этих ловушек, то почему не начать с ближайшей и двигаться дальше от неё?

– Вы же видите, что ловушки мешают движению. Может, они их не таскают, а катят? Можно даже не по рельсам, асфальтовое покрытие само по себе это позволяет, найдись тележка. То есть приходится катить в дальний конец, – в смысле, ближний к Марбёф, – там выгружать, возвращаться за новой, ставить её ближе к порталу и так далее, пока никуда ходить и не придётся. И вообще, Марбёф тут может быть совершенно ни при чём.

– Но ведь линия тянется от фортифика до фортифика, перерезает город пополам практически полностью. Слишком уж символично. Стали бы анархитекторы пренебрегать её протяжённостью?

– Покорнейше прошу извинить, теорию разъединения урбматерии и тела-скриптора я прогуливала, и потому не могу утверждать или опровергнуть, что такая географическая полнота и впрямь необходима. Зато... Ох, шлёпни меня Луг! Зато Лувр – в смысле, станция – находится в центре относительно прямого отрезка «Площадь Согласия – Сент-Поль».

Они таскали в обе стороны от него.

– А вы не могли бы переместить нас поближе, чтобы не проходить весь путь так? Скажем, к Тюи...

– Тюильри? Пожалуйста.

– О-ох, что ж так резко, Селестина? – Всего на мгновение его вырвало из реальности туннеля, но носу вновь пришлось адаптироваться к рейхенбахским водопадом обрушившегося на него запаху креозота.

– Но вы же сами, кажется, торопитесь?

– Да. В частности потому, что удивлён скоростью Бэзи. Ему как заводной механизм перекрутили. Вот так: опасны бывают не только раненые звери, но и сломанные игрушки.

– Сломанная игрушка? – зловеще, избегая света ис-диспозитифа Селестины, подкрался Бэзи и с разбегу повалил Мартина на пол. – Не больше, чем ты! О, да, я чую! Да, ты тоже поломанная игрушка! – и кулаком ударил под диафрагму, освежив воспоминания об операции, а затем ещё раз. Зря: не прикрыл челюсть, которую Мартин пригрел металлом арбалета. С Бэзи слетела маска, но лица – или его отвратных остатков – было не увидеть. Бэзи с ожидаемым безумным хохотом отступил во тьму туннеля. Интуитивно Мартин решил взять маску с собой. «А почему Селестина бездействовала?»

– Селестина? Селестина! Ох! – нашёл он её у стационарного киоска. Пришлось вновь взять её за руку, чтобы осмотреть. Ударилась головой, но без кровоподтёков. Ткань платья на животе была пропорота наискось, а из-под неё что-

то краснело. «Нет. Нет-нет-нет. Не кровь». Он подрастянул края разодранной белой ткани и увидел под ними медью блесшие цветы. Целые.

– Бу! Нет? Эх, надо было «Бэзи!» – вполне себе страшилка наших дней.

– Очень вовремя, – сердце колотилось с такой скоростью, с таким ритмом, будто переживало несколько жизней одновременно, в каждой из которых было подвергнуто непохожим эмоциям и аффектам.

– Это вам за то, что завели нас в засаду. Ох, помогите встать. Там был эхомат, я не заметила. За это мне – испорченный наряд. Припечатал он меня будь здоров, но Ангерона и слуги её Фабрис и Агнесса хранят меня. А теперь прошу довериться мне. Придётся идти без подсветки: я уже чувствую, как впереди выстраивают оборону. Впервые попробую локацию по умбрэнергии. Возьмите меня за плечо и не отпускайте. Да, вот так.

Почти через двести пятьдесят метров на пути попалась ещё одна модифицированная ловушка. Селестина чертыхнулась, припомнив Вандомскую площадь и штаб-квартиру Ордена Почётного легиона, но не стала разъяснять, что ей не нравится, хотя, как для Мартина, они даже не были на одной линии. Ещё метров через тридцать замерла и медленно присела, рукой дотронулась по асфальтового покрытия. Очень тихо попросила Мартина пустить болт так далеко, как позволял арбалет. Мартин мог бы уточнить, что «так дале-

ко, как позволяла высота туннеля, ограничивавшая использование навесных траекторий», но не стал, а просто выполнил указание, надеясь, что колба в полёте не царапнет свод раньше времени. Он в кого-то попал; жаль, что на Олимпийских играх нет стрельбы из арбалета – совершенно пропагандистское перетягивание каната, видите ли, есть, равно как и стрельба из луков и огнестрельного оружия, в том числе по голубям, а арбалет не у дел! – золотую медаль забрал бы он. Можно было различить три силуэта. Пока Селестина вновь не коснулась покрытия и не послала им навстречу волну, только усиливавшуюся по мере приближения и в конце разразившуюся отнюдь не влажным бризом – градом, камнепадом, залпом мортиры. Остался только расфасованный в металлические сеточки фарш.

Чтобы второй раз за день – по ощущениям, конечно, не номинально – не проходить через ядовитое облако, Селестина переместила себя и Мартина сразу к месту впадения Риволи в Площадь Согласия. Как оказалось, за спину противнику, практически в буквальном смысле. Но Мартин быстро решил эту проблему выстрелами из револьверчика. И в который раз поразился, в общем-то, неэффективности, а то бесполезности эхоматов как бойцов. «Будь всё иначе, останься живы те из Нёйи? Или эхоматов и не готовили в качестве бойцов? Тогда кого? Рабочих сцены? Просто удалённых в пространстве тел, что синхронно исполняют чужую волю? Может быть, может быть. Зачем было проверять готовность

прибыть, куда угодно и когда угодно, если бы им так затормозили собственную умственную активность, как раз и дарующую самостоятельность? Это нелогично. Должно быть, сценарий всё-таки подвергся корректировке, а превращение эхоматов в кукол было лишь одним из этапов работы Совета с минорами. Какой-то акт пропущен. Или упрощён. А в той барочной церкви помимо Бэзи и эхоматов были ещё двое людей, выглядевших нормальными. Двое людей, которых, на персональном уровне остававшихся в тени, и следовало именовать анархитекторами. Скорее всего, им и поручалась организация мероприятий, курируемых Бэзи, но для самого Игнациуса они же не столь полезны. Тогда в зале помимо снимков демонстрировались и эхоматы, которым анархитекторы вряд ли приказывают; вот Бэзи как-то может, издавая те неподдающиеся классификации звуки. Вот! Вот верная ветка рассуждений. К чёрту тех лейтенантов, это кто-то из первых завербованных, как та четвёрка в Нёйи. А вот ещё больше изменившийся Бэзи и его неожиданная власть над эхоматами...»

– Мартин, хватит спать! – Селестина остановила летевшие в них поднятые противником осколки плитки и вопреки собственному же предупреждению коснулась рельса – он обессточен, это уже было понятно – и в отдалении он уподобился щупальцу, пронзившему брюхо одному эхомату и обвившему горло другого; затем она повторила один из приёмов, виденных им во дворе.

– Селестина, с ними можете поступать любым удобным вам образом, но тело Бэзи постарайтесь оставить в максимальной степени сохранным, если я не доберусь до него раньше.

– Что, светлая идея? – продвигалась она вперёд и успешно перенаправляла летевшие в них искры, вернув отправителю полной боли морзянкой.

– Скорее, звучная.

– Так, мы уже под Руаяль. Здесь хотя бы есть освещение. О, и эта ловушка отличается от встреченных ранее.

– Что означает вашу правоту. Такое кесарево сечение.

– Даже без «может»? Как мило. Но не понимаю, а где же Бэзи?

– Возможно, вновь скрылся. Кстати, надо бы проверить выходы – не открыты ли? А возможно, у меня в руках, – немного отойдя, достал он маску, до того заткнутую за пояс, и еле заметно покачал ей вверх и с большей интенсивностью и резкостью – вниз.

Случайный человек бы и не разобрал, что это не обычная демонстративная жестикуляция, но Селестина намёк поняла. Подошла к прилавку у выхода, якобы собираясь далее проверить двери, однако задержалась у него, едва ли просунувшись за него, будто увидела что-то подозрительное или важное, и тем укрыла руки от взора любого постороннего. И вызвала дрожь по всей станции – до скрежета в балках на потолке, из которых, как согнанный метлой паук, выва-

лился, припорошённый кирпичной пылью, Бэзи, с неожиданным металлическим звоном встретившись спиной с рельсом. Мартин сразу прострелил ему колено, чтобы избавить всех от необходимости дальнейшей чехарды, но вместо того, чтобы попасть во второе, – Бэзи очень неудачно дёрнулся – попал в бедренную артерию. Это и так выглядело довольно жестоко, но теперь пришлось ещё и ногой наступить на скарповский треугольник. Должно быть, Селестина сейчас думала о Мартине только дурное, но так он продлевал Бэзи жизнь.

– Ремонт не подлежит! С вас удержат за испорченный реквизит! – погрозил пальцем Бэзи, но тут его руку как магнитом притянуло к рельсу.

– У него тоже экзоскелет, – легонько сдвинула носком полы его сюртука и отпрянула. – Чтоб меня, он не съёмный!

– По образу и подобию своему!

– Если я спрошу тебя, зачем вернулся Игнациус, что ты мне ответишь?

– Вернулся, чтобы вернуть!

– Так и думал. Как ты управляешь эхоматами? Почему ты, а не Игнациус?

– Ах, испорченный ты, испорченный. Где понимание, где сострадание, где сочувствие? Вот как тебе следует спросить. «Почему ты управляешь эхоматами?» «Как ты, а не Игнациус?» Вот ведь я – лежу и умираю. Снова. Избалованный ты ответами, избалованный ты машинерией за спиной, но ничего, я тебя угощу ответами, покажу доброту. А вот Игнациус

машинерией за спиной не избалован, это его тяжкая ноша.

– И он хочет, чтобы её и остальные разделили? Или приумножили, а?

– О-о, опять математика, опять расчёты. В хладную сталь заключён я, но сердцем холоден ты! Кто ты?

– Тот, кому интересно, почему эхоматы такие болваны. Вы же тогда в Нёйи отнюдь не глупых людей подбирали. И вряд ли собирались подавлять их интеллект. Они должны были пойти против Директората, возможно даже, свергнуть и стать новым им. А вы хотите использовать его системы, чтобы что-то сделать с телом-скриптором. Что изменилось?

– Всегда что-то меняется. Устранена лишняя переменная. Эксперимент не задался. Не было плавности и гибкости. Но они не глупы. Они просты, как дети. И как дети на первых выступлениях должны выйти и спеть песенку.

– А они это могут? Я ничего не слышал, кроме рычания, бульканья и сопения.

– А это и не для тебя. Жадный ты.

– Тогда для кого?

– О, и сам уже дуешься, как мальчишка! И возомнил себя лучше них? Только потому, что можешь долго рассуждать, какое печенье из банки достать? О-хо-хо!

– На каком языке эти песни? Что это за слова?

– Волше-е-ебные. Иной народец знает их. Я не из них. А ты из них? Нет, ты тоже не можешь. А вот она... М-м. Не знаю, как и проверить, ведь я-то не умею.

– Что случится, когда песни будут пропеты?

– Эхоматы вернут свои жизни городу. Дети города, что действительно послужат ему.

– То есть отдадут их? Их участь – просто умереть, став проводниками, или ещё и эффектно так взорваться, заодно, хм, подарив городу и жизни других?

– Нет, других теперь не надо. Вот этот эксперимент удался. Один раз не удался.

– Понятно. И всё же скажи, что случится с городом, когда песни будут пропеты?

– Он избавится от проклятья.

– Это настолько прямой ответ, что я теперь даже не знаю, искать ли в нём второе дно.

– Тебе бы сперва крышку сыскать, а уж потом, глянув за прозрачные стенки, думать про дно.

– А что, проклятие ещё и заточено в некоем ящике, в какой-то темнице? Тогда в чём проблема?

– Заточение – решение проблем? Не удивлён. Вот, получи другой ответ: оно не может никуда деться.

– А оно разве хочет?

– «Хочет» и «может» не причина и следствие и не следствие и причина, а отнятый выбор.

– И куда бы оно делось? И не говори, что это ему одному ведомо.

– Нет, не одному. Игнациус тоже знает. Но где он? Где они?

– Хороший вопрос. Почему тебя не спасают? Чинского вот вытащили.

– А вот и подумай, куда его вытащили.

– Или когда. И ты уже там.

– А ты не совсем бестолковый.

– Что делают ловушки, которые вы расставили вдоль линии метрополитена? Эхоматы будут петь песни, а они, как клин, приподнимут ту крышку, раздвинут прутья?

– Грубо. Так уже было.

– Подберут бороздки ключа?

– Да-да!

– Нет-нет. Я знаю про шторм и потоп. Хаос породил космос, но породят ли миллионы перекрученных и перемешанных знаков рельеф ключа? И как в этом шторме вычленить голоса эхоматов?

– Они спрячутся в коконах, коконы будут обрастать знаками, знаки будут наматываться на них, и коконы те шёлковыми нитями потянутся сюда и сплетут ими ключ. Директорат хотел сам, без города, глупец. Коллективный глупец.

– А рентгеновские лучи-то тогда зачем были нужны? От них хоть кто-то умер к этой ночи? Элиты так и будут продолжать желать ненужное вам.

– Но также они пожелают вы-ыздороветь. Уже желают.

– Как-то... наи-ивно. И потом, мне известно, что умбренергия плохо сочетается с X-лучами.

– А, это так, закуска в буфете. Ты всё испытуешь себя

сложностью! Городу недостаёт простоты этого желания. От бедняков его достаточно, но кто их слышит?

– То есть и для сущности, что кормится желаниями, не существует никакого равенства? И это-то ты хочешь освободить, а, Бэзи?

– Их желания часты, бывают переливчаты, но всё же блекнут, сменяются иными.

– Пф. Homo bulla est⁵⁹.

– Не-ет, не пузырь. Не важна форма. Разве только наблюдателю извне, не нам. Человек – грязный поток. Множество потоков. В общей мути уже не рассмотреть. Слишком всё бурлит и наплывает, не знает русла.

– Если только не подчинить одному. Чему-то безусловно инстинктивному, мобилизирующему ресурсы.

– Да. Иначе... Это как привыкание к лекарству. Как зависимость от лауданума. И... ты знаешь про сущность! А, ну да, ну да, догадываюсь, кто тут насплетничал.

– Знаю про дуумвират сущности и тела-скриптора. И знаю, что они подхлестывают город. Но они же и пишут историю всех дефектов и неисправностей в работе мегамашинерии. Но невозможно улучшить машину, не ведающую поломок.

– О-хо-хо-хо!

– Директорат хоть как-то пытается привести триаду урбматерии – тела-скриптора – умбрэнергии к балансу. А вы добиваетесь подчинения людей сущности из прошлого, уба-

юканной видениями будущего. Пробудите вы её – и что случится, когда она поймёт, что то были лишь сказки?

– Пробудим? Кто сказал? Ты не понял. Не понял! И Директорат не понял. А вот Игнациус узрел!

– Да, когда его утянуло неизвестно куда. И вот этого не понимаю: тело-скриптор оперирует только случившимся и желаемым, но не точным и предопределённым будущим. Или мне о чём-то забыли рассказать? Как он устраивает эти игры с темпоральным перемещением? Дай угадаю: иной порядок времени?

– Да-да! Неделимый, бесконечный как мгновение. И хороший, и плохой. Но плохой мёртво вопит из глубины! Вопит, зовёт, поёт... Зовёт и Игнациуса, но тот борется. Он хочет, чтобы больше никого не звал.

– Так избавление от проклятья это... Он хочет убить сущность? Но добраться до неё мешает преграда? А тот зов – попытка открыть замок изнутри?

– Ты прозреваешь, но как котёнок. То половина ключа!

– А-ах, к которой эоматы подберут гармоничную вторую, очищенную от избыточного. Под твоим наставляющим глазом.

– Да-да! Буду дирижёром их оратории. В прошлой жизни у меня это получалось, как ни у кого другого! Вот, вот, смотри, смотри: у меня на горле и в маске! Особый дар Игнациуса!

– Будоражит. И, стало быть, внешняя половина ключа за-

щищает себя сама, не даёт себя обнаружить и выкристаллизовать из общего месива, изменяясь каждый миг.

– Эх-кхех.

– Но знаешь, что я усвоил об умбрэнергии? Эмпат не может повелевать ей в другом городе, и это ограничение наверняка непреодолимо даже в ином порядке времени. А значит, процесс управления эхоматами чисто механический. Воспроизводимый. Просто подтверждения очевидного ради: ты же ведь откажешься пойти против Игнациуса?

– Да. И... А разве ты пойдёшь? Ты ведь начал понимать!

– Точно. Всё хорошо. Тебе больше нет нужды печься... хм-м, прости, то есть страдать о благе других. Прощай.

– Поломанная игрушка, поломанная...

Павшим революционным стягом кровь покрыла полотно метрополитена. Тело Бэзи обмякло и приняло позу, более расслабленную, но всё же напоминавшую «Смерть Марата» Давида, только края ванны заменили рельсы; на обезображенном лице было то же выражение. Оставалось последнее. Мартин отогнул лезвие на «апаше» и провёл резекцию голосового модулятора – куска металла, торчавшего из горла Бэзи вместо адамова яблока, тщательно обтёр его, но освещённости было недостаточно, чтобы рассмотреть детали, да и заняться этим предстояло уже не ему. Наконец он покинул тело и пошёл к Селестине. Та, прикрывавшая рот ладонью, при первых его шагах, кажется, отшатнулась и не отводила от него широко раскрытых глаз. «Сколько она сама сегодня

убила? Что не так?»

– Бэзи был такой же оболочкой, что и эхоматы, манекеном для демонстрации замысла.

– Д-да.

– Селестина, свяжитесь с Сёриз. Пусть явится сюда. Ей нужно передать это и вот это, – в ладони на винноцветном платке покоились трофеями изъятые механизмы, наконец-то покоились. – Селестина, пожалуйста.

– Хорошо, да. Мартин, я... Я теперь не знаю. Уничтожение сущности...

– Можно провести более деликатно и менее, хм, театрально, не вовлекая весь город в ваши дела, – не скажу, что нечестивые, но явно окутанные тьмой и избегающие света. Почему Директорат упорствовал в отделении тела-скриптора и при том умалчивал о судьбе сущности – вы мне не ответите, и вряд ли сами получите ответ от руководства. А собственные ничтожные, неквалифицированные соображения на сей счёт я оставлю при себе. Итак, зовите Сёриз. Вряд ли до кульминации осталось много времени.

– А у вас тут не обошлось без приключений. Сколько ж всего потом убирать, – появилась она минуту спустя, бодрившаяся, но вымотанная.

– Сёриз, я кратко передам содержание, как получится, обсуждением терминологии и подробностей займёмся после всего. Грядущий шторм – попытка освободить сущность за

телом-скриптором. Как? Видите вон ту штуку на путях? Нет, не эту, это Бэзи, дальше. Да. Изменённая ловушка Фабрика. Она – часть системы, что должна отомкнуть замок, препятствующий доступу к сущности. Как понимаю, головной элемент. Видите те тянущиеся от неё провода? Они наверняка идут к усилителю сигнала где-то на поверхности. Куда идёт сам сигнал? К эхоматам в церквях. Зачем? Синхронизировать их действия. И нет, для этого не нужна умбрэнергия, это какая-то разновидность радиопередачи. А значит, её можно перебить и заглушить. Вот, возьмите эти два элемента. Да, один похож на маску Бэзи, это она и есть. Я протёр, берите. С ней соединяется вот эта маленькая металлическая штука. Воздух должен поступать с этой стороны, проходить сквозь неё и попадать в аппарат на тыльной стороне маски. На выходе вы получите жуткий набор звуков, но под них и подстраиваются эхоматы. Ваша задача: пустить в эфир такой звук, который бы разладил и сбил с толку эхоматов в церквях. Найдите кого-то с тонким музыкальным слухом или музыкальным образованием, и пусть сравнивает поведение и пение эхоматов, – не спрашивайте, – они должны действовать вразнобой, разладьте хор. Как удастся это наблюдать? Совсем скоро они удалятся в церкви, встанут под центры вихрей и зачнут шторм, до вас им особого дела не будет, но выждите момент для новой атаки. Я и Селестина останемся здесь. Будем следить за активацией системы ловушек и сообщать, как идёт подстройка. И – нет, пока обойдёмся без

разрушений.

И всё же к началу шторма они не успели. Селестина и Мартин не могли видеть, что происходило в это время в городе, но Сёриз по прибытии в штаб разразилась тирадой о том, что, – как она выразилась, – всё спутывается, и только посмертный подарок Фабриса помог ей добраться, не сильно отклонившись в пути. Селестина почувствовала вибрацию умбрэнергии в головной ловушке и поводила руками, явно в поисках резонансной частоты, удовлетворённо покачала головой и отослала данные в штаб. Потом ещё раз и ещё, некоторые сообщения уже не проходили, терялись во мгле умбрэнергетической бури. Мартин убежал в туннель и проверил, что с двумя ближайшими ловушками. Видения Селестины ему не доставало, но он тоже чувствовал, что работают они вразнобой. Пару раз спринтом побегал от одной до другой и убедился, что результат закреплён. Вернулся к Селестине с этими новостями, а вот она пожаловалась на нехватку таких из внешнего мира – теперь сообщения нужно компоновать не развёрнутыми фразами, а многожды повторёнными краткими приказами. Голос её изменился, был сдавленным. Ещё бы: она призналась, что начинается даже не прилив течения, а потоп, который только помогает шторму, затопляя, поглощая всю сеть потоков и каналов; но также и добавила, что продержится, и наискось провела пальцем по животу. Пришла новость: подобрали универсальную последовательность звуков. Селестина послала подтверждение: голов-

ное устройство дисфункционировало. Мартин не обрадовал её, намекнув, что теперь как-то нужно инвертировать систему-ключ или замкнуть так, чтобы эхоматы «вернули жизни городу» пораньше, и на том шторм бы начал угасать. Селестина рассуждала минут пять, думая несколько мыслей одновременно, ходила туда-сюда, не особо считаясь с планировкой... Затем просияла, спросила, при какой температуре самовозгорается фосфор в колбах Мартина. Тот тоже что-то прикинул в голове и предупредил её, что внутри колбы без доступа кислорода при недостаточно высокой температуре он с большей вероятностью перейдёт в ту самую красную аллотропную модификацию, поэтому надёжнее будет в нужный момент выстрелить одной колбой в другую, разбив обе и запустив реакцию. Она согласилась и наскоро что-то отослала в штаб. После чего протанцевала вокруг ловушки, на то было похоже, весь репертуар театра Лои Фуллер, исполнив некоторые номера на бис, и рухнула на колени, пытаясь отдышаться.

– Через... да, через восемь минут штаб прекратит проигрывать ту серию звуков – мелодией воздержусь их назвать. Я сделала так, что, когда это случится, умбрэнергия в системе-ключе не задержится, а сразу перескочит к следующему в связке эхомату. С ускорением и фокусировкой от ловушек. До таких скоростей мы её ещё не разгоняли – слишком вязкая и тягучая. Увеличение трения – увеличение температуры. Но я хочу, чтобы было ещё жарче. Обжигающе жарко.

Ну, вы поняли: эхоматам мы устроим геенну огненную. Надеюсь, что из-за увеличения плотности и трения умбрэнергия заодно прихватит вставшее у неё на пути при проходе через ловушку. Выберите место, куда прикрепите первую колбу. Постарайтесь, чтобы она хоть как-то задевала вот эту ось, – прочертила она в воздухе прямую. – Но при этом и так, чтобы... Мартин, я отдала все силы и даже сверх того... Я не смогу переместить нас отсюда, а выходы со станции закрыты, я всё-таки проверила. Нам придётся уходить по туннелю. Вернее, вам придётся меня нести, я даже встать пока не смогу.

Но не могла она остаться и в сознании. Мартин быстро оглянулся, чтобы увидеть изгиб туннеля в направлении Марбёф и примерно определил траекторию. Обмотал колбу тканью так, чтобы плотно засела в «муфте», но на самом краешке. Посмотрел на хронометр Селестины и, под внутренний счёт, поднял её и быстрым шагом понёс в тёмную глубину изгиба – гораздо дальше, чем место, откуда мог прицелиться. Кое-как скатал из пиджака валик и подложил под голову Селестине, бережно уложенной у стены. И вернулся, заняв устойчивую позицию. «...Двести сорок семь. Двести сорок восемь. Двести сорок девять. Мы переживём шторм. Двести пятьдесят один. Из трёх сотен. Двести пятьдесят три. Из трёх сотен. Двести пятьдесят пять. Из трёх сотен. Naviget! Næc summa est!»⁶⁰

– Мартин? Всё получилось?

– Подобной огненной плети я ещё не видел. И надеюсь более к таковой не прибегать.

– М-может, тогда...

– Да, конечно.

– Ещё покруживает голову. Ха! А не от предвосхищения успеха ли? – ткнула она пару раз ногтём в ис-диспозитиф. – Сёриз пишет, что шторм утих. С эхоматами, понятное дело, тоже всё. Ой. Мы выжгли некоторые потоки. В тканях города останутся рубцы, но мы заменим их новенькими каналами, вне сомнений. А сюда через пару часов отправят кого-нибудь прибрать за нами. Единственная сомнительная новость: Игнациус нигде замечен не был. Но сейчас и вспоминать о нём не хочу, не могу и не буду. Ох, придётся идти под руку. Вы ведь не против? Только, позвольте, разверну ис-дис.

Так они и брели неспешно по туннелю и в какой-то момент – неизвестно, сколько футов или ярдов, метров или километров спустя, – почувствовали, что заработала вентиляция, нагнав порыв свежего, морозящего, сосной пахшего воздуха. Значит, уже скоро, через несколько часов первые десятки и сотни посетителей первой линии метрополитена обменяют сантимы на билеты малинового и кремового цветов сообразно тому, на вагон какого класса пожелали потратиться: первого, с красными кожаными сидениями и изысканной – резной и глянцевой – деревянной отделкой в духе времени, или второго, приближавшего к двумстам двадцати

киловаттам мощности моторов «Вестингауз», шестьсот вольт постоянного тока, пять тысяч переменного – и всё такое прочее. И у каждого на билете будет громогласно, извещая, кажется, всех в квартале, аппаратом проштамповано «200 00 13», и так начнётся новый этап городского движения, что перезапустит сбитую с ритма и такта мегамашину урбматерии.

Сил Селестины хватало для небольших уловок, помогавших избегать обнаружения людьми в тёмных свитерах с литерой «М», осваивавшихся на рабочих местах. Пара тихо проскочила наружу вслед за одним таким, вышедшим покурить на улицу и отпёршим стеклянные двери входного павильона. «Работа Гимара. Мотивы болотной растительности. Как нечаянно не почувствовать себя земноводным или амфибией? А может, и не случайно? Подземелья, как и пещеры, пробуждают внутреннюю рыбу, от которой долго эволюционировал человек. Для города метрополитен и в самом деле был иным миром, переход в который и должен подчёркивать различие, незримое двойное путешествие. А ещё параллельно это созвучие «Митры» и «метро». Запомнить. Устал. Отложить. Не сейчас».

Они наняли экипаж, и только по приезде Мартин понял, что назвал адрес своей квартирки. Впрочем, лестницу они преодолели на удивление легко. Этаж за этажом всё увереннее, всё слаженнее, всё упруже. Поспешили смыть грязь и сажу. Немного привести себя в порядок и снять накопившуюся тяжесть. И вновь освежиться водой, которой были ли-

шены весь потоп. Простой, прозрачной водой, которой недоставало в шторм. Это был долгий, долгий путь в затопленном лабиринте. И без неё он бы не справился. Без неё, присевшей к нему на кровать. И отвернувшейся. Но лишь затем, чтобы попросить помочь ей с тесьмой и завязками. Она провела его по лабиринту. Провела длинным, запутанным, иной раз ветвившимся во славу старых богов ариадновым клубком, кончики которого он сейчас держал в ладонях. И распускал. Медленно. Прильнул к ней. Нежно. Дыханье – трепетно. Взаимно. В объятий лодке поцелуй.

Быть может, в этой истории пора поставить точку. Пока я ещё в силах повлиять, кто её поставит.

Он и она. Должен и хочу, но не могу их винить. Хоть кто-то в этой трагедии обязан потонуть, встретить судьбу с улыбкой на лице, если уж пасть суждено всем. Не «драматург» я разве, дабы даровать кому-то участь, отличную от прочих (хотел было определить, что «легче прочих», но понимаю, как тяжко будет одному из них от утраты новообретённой половины), и тем самым не отвратить от действия тех немногих, кто продолжает следить за его ходом?

Но можно ли говорить о ходе того, что работает ломаясь?

Чему равен ход, чему соразмерны шаги? Что такая машина отмеряет? Всем ли двигателям должны быть присущи черты часового механизма?

Я задаюсь подобными дурными вопросами, поскольку в форму вопроса не желаю облекать одну-единственную думу.

Быть может, в этой истории пора поставить точку.

Я ещё и размышляю об этом!

Будто так я одновременно и борюсь за факт своего существования, собственной необходимости, и признаю, что я ничтожный демиург, готовлюсь отступить и сдаться. Нет. И ради тебя, и ради будущего я останусь непреклонен. Всё отведённое мне время я взращивал, утверждал в океане трансцендентного остров накануне чего-то рационального – он и есть та точка, дабы достичь которой, огласить и доказать её существование, я запустил ужасную машинерию (саму себя же при помощи извне и поглощающую – ничто не лакомей страстей). Для конструкта ещё не всё потеряно.

И ты видишь, сколь много определений и значений можно точке придать. Плутаю я меж ними или выбираю – определение зависит от точки зрения (вновь точки, ещё одной).

Быть может, в этой – нашей! – истории пора поставить точку. Простую, крохотную, элегантную. Выражающую всё то, чего недоставало плану – спектаклю и его сценарию! – или, вернее, его создателю. И вновь вопрос: возможна ли подобная точка после стольких пёстрых многоточий, обрывавших на полуслове предшествовавшие акты?

Но не с подобного ли начал и я сам? Не была ли заклана сотня жизней для моего возрождения по эту сторону страницы, в обречённом граде этом, но не том? Всё меньше у меня остаётся иллюзий, что то была случайность. И если это фатум, то извращённая – соблазнённая? – природа его отнюдь не та, что может мниться. Почему мы не ведали хотя бы этого? Как могли не узреть бедственную закономерность? Что ж, сама постановка вопросов подсказывает, что ответы искать не нам. Я всё же проложил навигацию к пределу доступного мне. А где-то вне ждёт – «ждёт»... если и так, то вряд ли меня – безмерное. А потому...

Быть может, в этой истории пора поставить точку.

Но в том месте, где ей положено быть, я столь сильно давлю на перо, давлю всей тяжестью поисков, проб и ошибок, будто бы недостаточных по совокупности с предшествовавшими им и в этом мире занявших – заполнивших! – более чем четверть века, и последующих за ними трёх лет не моего возвращения, нет – нашей вынужденной разлуки, что испытываю едва выносимую боль.

Я давлю столь долго, что оставляю вместо точки густое чернильное пятно; оно заменит слёзы боли тела и души, ведь все мои забрало – пожрало! – море, чтобы изрыгнуть-ся, обрушиться полынным шквалом. Безбрежное, бездонное, ненасытное, не ведающее формы, а потому всякую форму заполняющее и поглощающее, – одно, как видишь, суть следствие другого – море. Рукой, что придерживал лист бу-

маги, я касаюсь пятна и подношу к губам рождающую знаки тьму, впитываю её в себя, как если б втягивал росу или припал к бросающему в дрожь хладу родника, – я вспоминаю вкус слёз; горечь их равноценна.

Я давлю на перо столь сильно и столь долго, что, в конце концов, разрываю бумагу и заставляю его судорожно скрипеть по камню стола, как ключ, в блуждании своём царапающий по проржавевшей – или, вернее, покрывшейся патинной? – двери в слепом, отчаянном поиске заиленного замка. Писчий инструмент в последний раз стонет и – переламывается, заставляя что-то оборваться и внутри меня.

Я чиню свежее перо и расправляю хрустящий лист. Не знак ли это, что история и впрямь окончена, что пора дать начало новой? (Даже – новейшей; той, что заменит неудавшуюся нашу?) Но как? Продолжить писать? Или же устраниваться? А если эта история продолжится вне зависимости от того, продолжи писать и воспевать её я либо же кто-то иной? Вновь не те вопросы.

Я вглядываюсь в зияние раны, что оставил вместо точки на искалеченном листе, и понимаю, что в себе ношу такую же, что свою неполноту затапливаю болью и даю чрез эту рану излиться в мир вязкой чёрной желчью, пригодной к воспламенению, и к её возжжению стремлюсь. Какова же ирония, что пожар тушат пожаром, пламя – пламенем!

И уже дважды. До чего причудливым образом развернулась битва первоэлементов, как на разных её этапах они

вплетались в нить повествования!

Я вглядываюсь в зияние зрачка, что раскрыл, изувечив послание для твоих глаз, и ощущаю, как Она, выжидающая, смеётся, находя удовольствие в этих бесплодных играх... к которым мы Её и пристрастили. И Её смех вновь притягивает и одурманивает меня. Как, как же мы избегали подобного Там? Избегали ведь? Избежали ведь? Как бы я желал вместо Её зова слышать твой.

Я закрываю глаза и тем укрываю разум от внешнего мира – и вспоминаю твой голос, твой смех, твой вздох, которым ты наградила мою детскую, наивную, невозможную самоуверенность. Скоро, очень скоро твоей терпеливости воздастся.

Мне ещё остаётся доступным последнее средство, последний ход. В конечном счёте всё свелось к нему, грязному и грубому, но вместе с тем и парадоксально точному... воистину – предтече точки.

Ныне мне известен ключ, что откроет путь к ключу уже искомому. И это не апломб, но полная печали, тоски и покаяния в неизбежном зле, безрадостная надежда, что грядущая отчаянная бойня не останется бессмысленной, не оставит после себя лишь пустоту – разрыв.

Быть может, в этой истории пора поставить точку, дабы не умножать скорбь. Не мы ли обрекли град – тот и этот, – познав то, чему надлежит остаться непознанным и непознаваемым?

Нет, если и заканчивать, то не поэтому.

До сего дня мою решительность подкрепляли только письма к тебе. Ты прочтёшь и это послание. Твой взгляд коснётся последнего слова, последнего знака – и это станет предвестием нашего воссоединения.

Я уже ощущаю дуновение твоего присутствия.

V. Fluctuat nec mergitur

26

Уже через пару дней после открытия первой линии метрополитена город освободился от раскалённых оков, избежал сокрушения давящей толщей и вновь дышал. Лёгкий ветерок приглашал к прогулкам, а при изредка случавшихся порывах как бы подстёгивал навёрстывать упущенное, спешить по делам и приятным хлопотам. Заставлял приятно шуршать вновь напоенную светом и соками листву площадных гледичий, придомовых и набережных лип, украшавших долгие проспекты, аллеи и прямые линии конских каштанов, платанов и айлантов, пригодных для хороводов павловний, ангелоподобных соцветий альбиций и акаций... Улицы и парки наполнились трелями птиц, мелодиями аккордеонов, бойкими криками мальчишек-газетчиков и цветочниц, звонким

и полным энергии смехом. Во всяком случае, так казалось на контрасте с почти что месяцем ожидания и ощущений, будто некое существо из недр ада и в самом деле подбиралось к городу.

Город вновь входил в привычный темп и дышал пневматической сетью, наравне с электрической, питавшей оборудование клиник, станки лёгкой промышленности, лифты и насосы, трамвайный парк, но самое важное – часы, делившиеся на уличные – общественные, каковые можно было найти и на фасадах мэрий, и приватные каковые любой желающий мог заказать себе на дом или в контору, оплатив подключение к пневмомагистрали и согласившись на абонентскую плату в размере в среднем полутора франков в месяц с понижением её стоимости для каждого последующих. Сжатый воздух через равные интервалы времени поступал в их механизмы и одновременно во всём городе переводил стрелки. «Пш-ш» – три часа дня. «Пш-ш» – четыре часа дня. «Пш-ш» – пять часов дня.

Под одним из таких публичных идиолов, фыркнув при воспоминании о сотнях и тысячах глаз, Мартин ожидал Селестину. Опоздала ли она? Да какое это имело значение? Теперь всё время мира он готов был разделить с ней. Если переложить на настоящий момент и что-то менее абстрактное, то в этот день выражением сего желания быть вместе намечалось посещение цирка «Пятерни и шестерни», в котором благодаря чудесам прогресса акробаты попирали фи-

зические ограничения тел, – следствие врождённых пороков или увечий, – и тем возносились над калечным бытием, а также пошлостью и подлостью цирка уродцев, чем вдохновляли и зрителей; а были среди таковых и те, кто даже находил привлекательными сии усовершенствованные тела, во многих случаях прикрытые лишь ремнями креплений механо-лиम्бов. Мысли об эхоматах совершенно не посещали Мартина и Селестину и не могли бы испортить, вновь возникни по прошествии почти пары донельзя спокойных недель, впечатление от представления, на которое они собирались в эту минуту. Но мистер Вайткроу и мадмуазель де Кюивр были столь увлечены друг другом, а также ожиданием того, что увидят сейчас, и обсуждением планов предаться ринкомании будущим вечером, что не заметили в проезжавшем мимо них автомобиле знакомую фигуру, восседавшую подле иной, которой не только не были представлены, но и которую постарались избавить от знания об их существовании. Знакомая фигура тоже не сразу опознала счастливцев, но, сделав это, не решилась подать им знак и как-то поприветствовать. Её поглощали иные думы.

Лейтенант Евграфов сопровождал господина Менделеева на обратном пути с Четвёртого психологического конгресса, где тот не выступал, не был заявлен участником секций и вовсе предпочёл наблюдать из дальнего и тёмного угла, – Михаил позаботился, чтобы во дворце не осталось ни еди-

ной подозрительной лампы, пусть даже и в ущерб освещённости, – не афишируя собственного присутствия, а иной раз еле сдерживаясь от хохота. И Дмитрий Иванович позвал Михаила Дмитриевича для того, чтобы тот увидел плоды своего труда – вернее, одни из. Михаил наблюдал очень внимательно, но только после данного уже в автомобиле комментария смог оценить по достоинству виденное им.

Всё шло чинно-благородно – доклад о душевной деятельности человека как представлении себя, единстве и продолжении «я», доклад об универсальности эстетического суждения с группировкой категорий по ощущениям от органов чувств, интеллектуальному наслаждению и ассоциированным элементам, доклад о сознании умственного усилия с ведущей мыслью о том, что человек подыскивает содержание для имеющихся схем и вступает в борьбу представлений за полный образ, доклад о гербатарианских и физиологических теориях наслаждения с мыслью о неотделимости наслаждения от жизни и стремления, доклад об определении перцепции, доклад о перипатетизме и экспериментальной психологии, краткий и урезанный доклад об отношении едва заметных к более чем едва заметным различиям, доклад о грамматическом типе словесных ассоциаций, доклад о развитии памяти у детей, представлявших группу из 494 мальчиков и 193 девочек, доклад о цветной индивидуализации на основе наблюдений за господами С., К. и И., представлявших людей или поэтические произведения окрашенными в разные цве-

та в зависимости от их качеств, доклад об опытных исследованиях творческого воображения у детей с различением по ассоциации и случаю, весьма уместный и оценённый Михаилом доклад госпожи Иотейко, как он запомнил, об утомлении в центральных и периферических органах с использованием эргографа – ровно до тех пор, пока не был прочитан не внесённый ранее в программу доклад «Психический институт».

В докладе сообщалось о создании подобного учреждения под управлением Международного общества Психического института с такими членами его организационного совета, помимо прочих, как Майерс, Джемс, Ломброзо, Сюлли-Прюдом, Шренк-Нотцинг, прочие, прочие, о которых Михаил ничего не знал, а также читавший сей доклад Охорович и... Менделеев. Тогда Дмитрий Иванович чуть не выдал себя, но удержался в предвкушении последующих баталий. При этом во временный исполнительный комитет должен был войти уважаемый Жанэ, а секретарём общества назначался некий Юрьевич, бывший камер-юнкером при посольстве и, как пояснил Дмитрий Иванович, протезе Муравьёва-Амурского. Последний, к слову, наравне с Менделеевым, Охоровичем, Мечниковым, графом Апраксиным и другими входил в попечительный совет Психического института.

В чём же дело, в чём проблема? Да в том, что Психический институт был представлен как, помимо прочего, способствовавший спиритическим и смежным с ними иссле-

дованиям. Разумеется, предполагалось соблюдение чистоты проведения экспериментов и прочее, прочее. Последовали выступления в защиту и оправдание. «Мы должны быть и смелы, и осторожны, а потому должны держаться одинаково далеко как от слепой доверчивости, так и от ещё более слепого недоверия, отказывающегося исследовать факты только потому, что они представляются в непривычном виде...»⁶¹ Но большинство членов Конгресса, не желавших иметь дела со спиритами, решительно не могли этого понять и принять, восприняли идею в штыки и весьма настойчиво обозначили стремление дистанцироваться от деятельности данного учреждения. Впрочем, почему и нет, ведь даже из самого названия института следует разобшение: отчего употреблено сколь мутное, столь и расплывчатое «психический», а не общепринятое в науке «психологический»? К слову, вопрос остался без ответа. А Дмитрий Иванович, об участии которого в этой аванюре уже шептались от ряда к ряду, держал кулак у рта и закашливал смешки. На слушание докладов о спиритических явлениях он не остался, за ним из зала вынырнул и Михаил.

– О, это будет стоить мне нескольких недель полной недоумения и обид корреспонденции, – бодро, в приподнятом настроении взбирался Менделеев на пассажирское кресло, – но на такую жертву я пойти готов. А заодно и проверим, есть ли у моих знакомцев чувство юмора и – не знаю, можно ли так сказать, – стратегическая жилка. А у вас, Михаил Дмит-

риевич, они наличествуют?

– И всё же в какой-то мере их досаду и огорчение понять возможно, если они не знают всей подоплёки или далеки от политических манёвров в Империи, – последним уточнением Михаил пытался вновь подцепить одну тему, старую, очень старую после этих месяцев, но к которой ныне изменил отношение; повисла пауза, и он вернулся к теме этого дня: – Вот вы четверть века назад...

– Э-хе-хех, – выдохнул старик одесную от него.

– Простите, Дмитрий Иванович, простите, не к тому напомнил... Вот выводите спиритов на чистую воду, разоблачаете и оставляете постыдно нагими пред наукой и обществом, а вот спустя какое-то время уже добровольно надзираете за их попыткой в науку влиться, воспользоваться средствами международно признанной институции. Конечно, как тут в лучшем случае не увидеть что-то вроде покаяния: «Если у них и впрямь что-то получится, то я в первых же рядах и признаю их притязания»?

– Пожалуй, что так. Ведь я, в конце концов, даже не господин Охорович или мистер Крукс, остающиеся видными учёными и авторитетными умами в своих основных областях знания, но при этом и уделяющие внимание спиритическим опытам.

– Вы уверены, что репутационные издержки не превосходят некоего допустимого лимита?

– Ах, вот вы себя и выдали, Михаил Дмитриевич! Но ни-

чего, молодость для того и нужна, чтобы выпитывать новое и учиться у более опытных. Заметьте, что избавляю вас от аналогии с двумя губками, а то больно уж мерзкая картинка рисуется. Слукавлю, если скажу, мол, а на что мне её, эту репутацию, ныне поддерживать. Нет, эти, как вы выразились, издержки нашему делу только на руку. Вернее, разумеется, не они сами, а их причина. Вспомните, кем и чем пропитывается двор. – Михаил как-то не сразу сообразил, о котором велась речь.

– Тем не менее конфронтации касательно тех же северных проектов избежать не удастся, даже с учётом, что нам теперь более-менее известны основные игроки и группы влияния.

– Что ж, хотя бы понимаю, куда вы смотрите и каков ваш охват перспективы. Не зацикливайтесь, рассматривайте более системно и более же приближенно к означенной деятельности организации. Тайно подкинута мной идея создания Психического института преследует довольно утилитарную цель. Пускай, пускай спириты и прочие оккультисты, столь стремящиеся к наукообразию, заглатывают наживку и утоляют потребность в приближении к академическим кругам. Пусть добиваются воспроизведения экспериментов в лабораторных условиях, пусть довольствуются собой. Чуть позже я подброшу и мысль, что неплохо бы институту выпускать собственный журнал. Чем больше и быстрее будет наращиваться бумажная масса, тем лучше. И нам, и им – но первое время. Международное признание, публикации

в периодическом издании с авторитетными соавторами, верификация опытов... О, как тут не вскружиться в голове?! И когда это произойдёт, и они совершат непоправимую и законом преследуемую глупость либо же окажутся в таковую втянуты, мы прихлопнем их, как углекислым газом окуренных насекомых. – Дмитрий Иванович в подтверждение слов даже пристукнул кулаком по борту. – Иницилируем – разумеется, также, через посредников – коллективные судебные тяжбы и тьму исков. Никаких шатких свидетельских показаний. Упор на документальное подтверждение. Они сами этого хотели. И они узнают, что наука – это ответственность. Как можете заметить, кое-чему меня процесс того субчика всё же научил. – Михаил опять не сразу определился, о каком процессе говорил почтенный Дмитрий Иванович, хоть в материалах, переданных ему, и фигурировал всего один, поэтому осторожно спросил:

– А гнева их не боитесь?

– У них будут либо покровители – о, одни «черногорские вороны» чего стоят с их влиянием на императора и в особенности на его супругу, но с Милицей, когда-то вовлékшей и свою печальную сестру Стану, вы и сами пересекались, если верно понимаю, так что опустим рассказ, – либо же школы влиятельных учеников, вне сомнений, но так и я приму некоторые меры для выведения своей персоны из-под, выразимся так, обстрела. Чего я опасуюсь, так это повторения судьбы упомянутого Крукса или того хуже. Опасаюсь дня,

когда не смогу понять свою ошибку, осознать ошибочность знания – и продолжу упёрто отстаивать старую теорию и не признавать величие пришедшей на смену. Буду продолжать верить в то, что отметёт новая наука. И в этом смысле чем-то уподоблюсь спиритам. А, впрочем, нет, и того не страшусь, но то, по чести сказать, уже дурное проявление прививаемого наукой антидота: не бояться неизведанного. Вот только предполагается, что боязнь эта лечится познанием, а не самодовольством. Кто знает, не появится ли, к примеру, такая фундаментально отличная физическая теория уже в ближайшее пятилетие? И я уж молчу об общественно-экономических науках, в них спор нескончаем. Вы слышали о господине Озере?

– М-м, признаться, нет, – Михаил отказался соображать и определяться, но почему-то был уверен, что Мартин наверняка или знал такового и успел с ним пообщаться, или занёс его в блокнотик для запланированных бесед.

– О, Иван Христофорович – восходящая звезда российской экономической мысли. Недавно защитил докторскую диссертацию о развитии прямого налогообложения в рейхе, а до того – магистерскую о подоходном налоге в Британии. В ближайшие пять-семь лет он, как чувствую, напишет важнейшие для России книги. На данный же момент мы согласны с тем, что России необходима дальнейшая индустриализация и значительные перемены в системе образования для возвращения светлых голов, способных к управлению пред-

приятием – промышленным или банковским – или, что ещё лучше, созданию такового, а также пригодных для научной деятельности. А вырасти такие головы могут, если избавиться от превалирующей в нашем обществе установки на то, что предпринимательство – дело неблагородное, жульничество и спекуляция в дурном – и единственно известном – смысле слова. Старая феодальная мораль.

– И это при том, что во Франции, с чьей аристократии наша столько лет брала пример, для человека благородного происхождения не считается зазорным заниматься горным делом, – добрался он всё-таки до Онэ, воспользовавшись передышкой последних дней десяти.

– Ну вот, ну вот. Однако вижу здесь такую связку, что это тоже в своём роде владение землёй и уже потом – управление богатствами её недр. Но неплохо, да. Зато дальше с Иваном Христофоровичем начинаются трения и прения. И начинаются они как раз с налогообложения и доверия. Я-то, видите ли, постепеновец, а вот он не против борьбы – только поймите в правильном ключе. Он, что ли, более гуманистически ориентирован, он более доверяет человеку и менее – государству. И индустриализацию, создание отечественной промышленности он рассматривает как процесс становления за ней творческой, амбицизной, ответственной личности; рабочих это в какой-то мере также касается: они должны понимать, что делают, чего им стоит добиваться, на что должна быть направлена их деятельность, – и тихо, доверительно: –

и я вам этого не говорил, но Охранное отделение уже присматривается к нему, добродушному, как к возможному будущему лектору курсов в рабочем обществе под негласным приглядом филёров, – и продолжил обычным голосом. – И потому ратует за преимущество прямых налогов – и сразу с прогрессивной шкалой, как вы уже поняли, в каких странах. А ещё ему совершенно не нравятся разработанная нами акцизная политика и то, что она, по его словам, привела к посажению российского бюджета на винно-водочный столп, в зависимости от погоды и урожая то стоящий крепко, то шатающийся на ветру спроса и особенно предложения, и соответственному обороту денежных средств и капиталов. В частности, ему не нравится оформляющееся их движение в европейские банки, а не в карманы населения, что стимулировало бы внутренний рынок и не входило бы в противоречие с политикой протекционизма. Не уверен насчёт того, что внезапно привалившее рублями счастье при том самом отмеченном ханжеском отношении к индустриальному производству что-то простимулирует, и деньги действительно пойдут в оборот, извлечение прибыли и дело. Но то мой скептицизм о квалифицированности. А, ну да я уже забыл, к чему завёл этот разговор. Возможно, чтобы убедить прежде всего себя, будто на смену придёт толковое поколение, которое и нам приговор вынесет, и аудит дню сегодняшнему подведёт, и программу оздоровления предложит и исполнит.

– В таком случае позвольте вновь о Психическом инсти-

туте. Не обрушится ли карающая длань закона только на тех, кто действительно пытался найти научное зерно, на не самых вредоносных представителей спиритического сообщества? Подлинные же шарлатаны, подозреваю, как раз выскользнут, увернутся, не будут даже пытаться попасть в корреспонденты института, осознавая, что их и безо всяких судов обличат?

– Не скрою, так получится вполне может. Но поэтому и требуется зафиксировать как можно больше, иметь в архиве широчайший спектр документов. Все их методики так или иначе похожи друг на друга, что-то по аналогии да сходству непременно отыщется. И это не «авось – небось», а уже вопрос статистики.

По приезде в д’Отёй они поднялись на борт «Александра II Освободителя» и из-за позднего часа договорились продолжить разговор следующим днём. Впрочем, экспедиционные команды только-только собирались в очередной рейс до Выставки, его же – отдыхала, так и оставалась резервом по особым поручениям и некоторые благоприятные для полётов ночи пропускала. То было обычно впустую, но уж если что и случалось, то рассказывать об этом было никак невозможно. В частности, не далее как в двадцатых числах пришлось заниматься обыском отдела Рачковского в русском же посольстве и эвакуироваться, – с доставкой-то проблем не было, а вот уход уже могли заметить и задать неприятные вопросы, – на своих двоих, усиленных пневопружинными ме-

ханизмами, оставившими на крышах пары соседних зданий отметины, о происхождении и виде которых ещё непременно пойдёт молва, породив страшилку для детей и пьяниц. Государственные и частные учреждения, поиск документов и наблюдение из темноты – Михаилу начало казаться, что это уже была проверка новой концепции применения экспедиционных отрядов, не особо ему приятной.

А пару дней назад он осмелился в подобной манере вломиться уже в каюту к Дмитрию Ивановичу, пока тот отсутствовал. Михаилу нужно было покончить с одним вопросом. Но всё больше он убеждался, что это не его ума дело. Среди бумаг на столе он нашёл чертежи некой итальянской винтовки авторства капитана Чеи-Риготти, рассчитанной под несколько необычный для такого оружия патрон 6,5 × 52 мм и... «Стрельбу очередями, не уступающую пулемётной? До девятисот выстрелов в минуту?!» К чертежам был приложен доклад о том, что испытания не были признаны успешными ввиду большого количества осечек и сбоев при экстракции гильз, но Михаил сразу прикинул, что это решаемые проблемы и уменьшение калибра было верным подходом. Просто это был слишком скоропалительный ответ – не только в переносном смысле, но отныне ещё и в буквальном – на милитаризацию великих держав. Обнаружил он и наспех начертанную почерком Дмитрия Ивановича записку: «До чего бестолковая, безумная, ужасающая автоматизацией и промышленного масштаба смертоубийств война нас

ждёт!»

Но искал он не это. «Хм, а вот это, кажется...» Нашёл. Что-то, больше напомилавшее подготовительные материалы для мемуаров, нежели планы и руководства – разве что для будущих поколений. «Заветные мысли». Раздел, естественно, о промышленности. Промышленности, «которой нет ни у каких животных, то есть она как государственное устройство и как наука составляет одно из сложных и высоких по значению людских изобретений. Она же стремится всеми способами приноровиться к прочим наукам, а ей сверх идеальных её целей показывает чисто реальные, поэтому науки, так сказать, дружат с промышленностью, и они совокупными усилиями хлопочут, как могут, об „общенародном благе“. Она, умножающаяся с возрастанием количества и качества потребностей, вызывает рост „изобретательности“, то есть нахождения новых способов удовлетворения старых и новых потребностей с наименьшею затратою всякой работы и труда – иными словами, с наибольшею дешевизною. Удовлетворяя реальным общественным потребностям, в то же время отвечает и личным, потому что участие в ней свободнее, чем в большинстве иных дел людей, и потому еще, что в ней необходимо участие множества лиц с разнообразнейшей подготовкой и со всевозможными склонностями, это сочетание общего с личным более всего делает промышленность делом передовым или прогрессивным, а более промышленные народы – наиболее сильными во всем отныне и впредь».

Не совсем то.

А, вот и о «желательном для блага России устройстве правительства». И это уже схема. Сохранение власти государя-императора, – всё, дальше Михаил мог читать без опаски за Дмитрия Ивановича, – переосмысление роли Государственного совета, создание Министерства промышленности, введение функциональной должности премьер-министра, или же канцлера, который бы стоял над министрами и координировал их работу под собственным единоначалием. Разграничение прав и функций и смещение центра тяжести. Хорошо. Такой, стало быть, противовес придворным интриганам Дмитрий Иванович намерен поставить, освежив и наладив работу правительства. А вот это презанятно. При кабинете министров предполагалось учредить Главный статистический комитет, который бы не только ведал всенародными переписями, но и «составлял и публиковал ежегодные отчёты о государственных приходах и расходах, о ходе народного образования, о состоянии путей сообщения, торговли внутренней и внешней, горной, ремесленно-фабрично-заводской и торговой». ⁶² И не просто так, а с последующей обработкой и анализом, прогнозированием. Как же сдюжить это, не создав аппарат, подобно саранче бы застлавшей поле, с коего кормится? Были подколоты эскизы некой машины, видом напоминавшей орган. «Или Павильон?» – не сразу Михаил верно определил масштаб, поскольку едва заметил внизу, у подножия, маленькое сочленение чёрточек и

круглешков, правившего другими чёрточками и круглешками – человека, машиниста. Одного. Справлявшегося, надо полагать. Таков был идеал. И Михаил не мог сказать, что не был готов его разделить. Но объективность статистики зависела от вводимых данных и их интерпретации, от математического аппарата, инструкциями на перфокартах закладываемого в машину – в общем, от человека. «Ложь, наглая ложь и статистика», – как-то мимоходом, кого-то процитировав, определил Мартин три уровня недостоверности информации. Можно ли исключить из процесса человека? А если можно, то не станут ли колёса Лейбница, на которых человечество въедет в новый век, его же неумолимыми – а к кому взывать с мольбами? – жерновами?

Михаилу казалось, что под давящим обилием вопросов у него растёт горб, уподобляя его фигуру выражающему их знаку. В каюте-аквариуме более он оставаться не мог и не считал нужным. Некоторым вопросам суждено повисать в воздухе, вызывая неловкость, или прятаться в иле, выжидая подходящий момент. Но можно ли к таким отнести неопределённость того, что же Михаил желал добиться? Из склизких объятий подобной сумятицы, в которой уму не за что ухватиться, но которая, обвиваясь, его же и душит, он вырывался погружением в работу, возложенную обязанностями или же провоцируемую чтением журналов.

Вот и на сей раз он попытался зарыться в страницы «Вопросов философии и психологии» и «Мира искусства»,

приложил обыкновенно требуемые для того усилия, но в концентрации сознание ему отказывало. Подшивку первого пришлось оставить с закладкой на статье о психологии насекомых – сфексах и халикодомах – сразу после абзаца, передававшего то мнение одного из исследователей, что в мире насекомых, с одной стороны, наблюдается высочайшее знание у вида, наследственно закрепляемое его представителями, но, с другой стороны, на уровне особи проявляется полная бессознательность, удивительная глупость и поразительное невежество. На полях кем-то была оставлена запись: «А ведь насекомые те же автоматы. Возможен ли коллективный ум у механоидов?» В подшивке второго он просто полистал иллюстрации и понял, что надо бы всё-таки сходить в павильон Великого княжества Финляндского, представлявший северный модерн и венчавшийся приветственным маяком – башней с короной из восходящих солнц.

Что ж, раз с литературой не задалось, придётся закончить с добытыми две недели назад трофеями. Не все их тайны ещё были разгаданы, назначение оставалось туманным, и Михаила терзало подозрение, что без помощи Директората вряд ли удастся продвинуться дальше. Но и это была патовая ситуация: допустим, если он выйдет на контакт, то Директорат без сомнений настоит на изъятии находок из Нотр-Дамде-Консоласьон. Текущее отсутствие требований и некоторая забывчивость Селестины и Мартина ему подходили куда больше. Возможно, придётся искать кого-то вроде них уже в

Санкт-Петербурге.

Оставался лишь один предмет, внесённый в опись, но никого из исследователей не заинтересовавший, – о, зато лампы, странные сквозные сосуды наподобие дьюаровских и ещё кое-какие компоненты обнаружили живейший интерес к ним, – а то и вовсе, должно быть, позабытый, назначенный к сбору пыли и конденсата, пока не будет выброшен для освобождения места под некий прототип или набор тех же ширм. То было укрытое плотной тканью, – как ему позже передали, сам он воздерживался от приближения, – зеркало. Возможно, что самое обычное, не проявлявшее эффектов того вогнутого.

Михаил ходил перед забранным тёмным бархатом предметом интерьера взад и вперёд, размышлял и ждал некоего интуитивного прозрения. Вот оно приближалось, но, пошлав смешок и воздушный поцелуй, вновь покидало его, приводило его ум в неприятное возбуждение. Почему зеркало не хочет открыться ему? Не просто так же оно там стояло. Ткань была слишком чистой, а значит, Бэзи в него не заглядывался – больше было некому. А впрочем, то могла быть его последняя шутка. Последняя акция для последнего избранного зрителя. Лежал ли ключ в философском поле? *Nomo homini speculum est*⁶³? Таков был посыл? Михаил понимал, что утрачивал самообладание, но пошёл порыву и страсти навстречу: смял бархат в ладони, как юбку возжеленной девы, и стал медленно приподнимать, возжелав и страшась.

Он видел себя. И тень. Она более не скрывалась. И она *была*. Михаил повернулся на пятках – она *оставалась*. Голову прикрывал чёрный капюшон, но черты лица, подсвеченные отражёнными зеркалом же лучами потолочного освещения, от него не укрылись. Девушка! Смуглая кожа, колониальные пропорции, но глаза – они европейские, такое меланхоличное выражение можно встретить только у немца. Телосложение субтильное. Под стать тонкому клинку, что метил острием ему в подъязычный нерв. Михаил попробовал обратиться к ней по-немецки, но та осекла его, цокнув языком и дав понять, что если бы захотела поговорить, то давно бы уже это сделала, а не пыталась его придушить, не таилась бы где-то на борту, не собирала сведения о дирижабле, – в этом он несколько не сомневался, – из охотничьего инстинкта изредка позволяя поймать себя периферическим полем зрения. Она бы и продолжила игру, но та, как можно было понять, подошла к концу. Ему очень хотелось спросить, почему именно он и как именно она его использовала, но – хладная искорка смерти у шеи, что затушит тихое пламя его жизни. А может, она не умела говорить, была нема? Что ж, это можно было проверить только одним способом.

Молнией сверкнул кончик стилета, что он отвёл от себя, сжав рукой в рабочей армированной перчатке – вот только отразить от кулака та перчатка должна была осколки зеркала, кое он намеревался разбить, не удовлетвори его увиденное в нём, что в каком-то смысле и произошло, – о, он то-

же не был прост, кое-что понимал в атаках и их отражении, но достать форменный кортик, пока поворачивался, и не подумал. Тонкий звон стали, и он, уже вооружённый обломком, сблизился с тенью. Она была вёртка и гибка, но акробатика её натренирована не на скорость, а на выдержку, и на открытом пространстве у неё не то, что преимущества, а и шансов не было. Следовало убить его пятью минутами ранее, проткнув затылочную область. Михаил достал её один раз, второй, трещал её костюм, она сопротивлялась, отвечала выпадами и попаданиями, ещё сжимала в руке сломанный стилет, но его Михаил вскоре выбил, вывернул ей руку, прижал к стенке, дал время понять, что сейчас всадит ей в кисть утраченное острие, но демонстративно воткнул его в пространство меж пальцев и, тем самым, намекнул на переход к схватке без оружия. На крайне близкой дистанции она отыграла несколько очков, дав ему отпор хуком и пощёчиной, он сорвал с неё колпак – коротко подстриженные волосы, непонятная, вызывающая косая чёлка. Зашёл сбоку, затем за спину, сделал подсечку и повалил, чтобы наказать, чтобы нанести окончательные удары обнажённым гладиусом. Только когда он прорвал ткани и вонзился в её плоть, она тихо вскрикнула. И ещё раз. В крик не было вложено ни буквы. На третий выступили слёзы. Михаил делал это механистично. Когда всё было кончено, орудие отмщения от крови он отёр о тёмный бархат.

Нет, ему не мерещилось: в это время откуда-то снаружи и

в самом деле доносились звуки стрельбы и попаданий пуль в корпус. Оправившись, он без оглядки выскочил в коридор. Была объявлена общая тревога. Но что происходило?

– Ваше благородие, угоняют! – нашёл его Авксентий.

– Кого или что? И куда?

– Один из «офанимов», обычный. Все экспедиционные на заданиях.

– Точно? А то, быть может, речь не об одном?

– Неизвестно, все ещё только отчитываются по экстренным кодам.

– Дмитрий Иванович в безопасности?

– Да, конечно, Никанор этим лично занимается. Но нас прижимают пулемётным огнём. Пулемётным! Я думал, что орудия Максима поставляют только армиям и флотам.

– Как-то агрессивно и отчаянно...

В это время откуда-то сверху, что было крайней неожиданностью, донёсся барабаном прозвучавший удар.

– Что это было, бомба?

– Мда, отчаянно... Нет, похоже, что нашим стыковочным крюкам нашли новое применение. И ведь даже не скажешь, является ли это нарушением гаагских деклараций...

– Но ведь ими оснащены только «серафим», «херувим» и те «офанимы», что осенью передадут Франции!

– Два, два пытаются угнать! – встрял какой-то взъерошенный фельдъегерь, которому, должно быть, было поручено обеспечить передачу приказов разрозненным группам. –

Одним прикрывают отход второго! Ваше благородие, вы же из экспедиционных? Срочно отправляйтесь на поле, Савва Иванович пытается организовать погоню с целью абордажа, но надо вывести «офаним» из ангара и постараться, чтобы его не изрешетили!

– Идея сомнительная, но всё понял, уже бегу. Авксентий, я за оружием, а ты найди Никанора или кого-то ещё и расчехляйте компрессор для разгона толпы. Что ж ещё этого никто не сделал? Так, вы. Вы пойдёте со мной и останетесь меня ждать, где скажу.

Михаил быстро сбегал в оружейную за табельным «браунингом» и пневмоштурцером, который снял со стойки-нагнетателя под его краткое, недовольное даже не шипение, но фырчание жадного телёнка, отнятого от вымени, после чего выскочил из аварийного люка с противоположной от обстрела стороны, повелев оставшемуся внутри фельдъегерю никуда от люка не отходить. Немножко поползал брюхом по примятой траве и песку, оценил обстановку. Точек обстрела было всего три, но довольно злые и прилично окопавшиеся. Взглядевшись во тьму разбитых фонарей, он понял, где застряла «абордажная команда». Окинул взглядом небосвод и выяснил, что два угнанных «офанима» пока не вылетели за пределы ипподрома; людям, управлявшим ими, были известны принципы управления, но не его практические особенности. Хорошо, скрыться им будет сложнее. Но скверно, что против флота использовали его же приём с безлун-

ными ночами, да к тому же облачными – наблюдение было пристальным, а его и проворонили. Михаил снова вгляделся в глубины неба и наконец-то заметил третий дирижабль – патрульный, китово взвывавший деформируемым каркасом, мертвенно качавшийся в потоках ветра, неотвратимо обмякавший к катастрофе. Его брюхо вспороли плотной очередью, на то похоже, употребив весь боезапас, – снизу вверх, ещё в самом начале штурма, с расчётом лишить преимущества наблюдения с высоты, – а из вспотрошённого чрева по свисавшим кишкам канатов чудесным образом соскальзывали жирными каплями пережившие нападение свинцовых пираний, сливались ближе к концам и ожидали, когда можно будет прыгнуть, не разбившись. Михаил вернулся к «Александру II Освободителю» и крикнул в люк, чтобы огневые точки обхватывали клешнями: одна группа отвлекает на себя внимание, другая подкатывает компрессор и разносит всё в щепки, затем первая быстро добивает или захватывает в плен тех, кого выбьет с позиций. Особенно мудрить с тактикой было некогда.

По этой части свою работу Михаил посчитал выполненной и направился к ангарам – ещё целым. Вот что значит сочетание, с одной стороны, огня на подавление и правильного складирования взрывоопасных и горючих веществ – с другой. Он нашёл путь, позволивший зайти с тыла к зажатым пулемётными очередями. В его сторону пальнули, но скорее всего поспешили извиниться. Ситуация оправдывала.

– Лейтенант Евграфов для отвоевания преступно захваченного имущества российской короны прибыл! – слишком бодро и раскатисто отрапортовал он.

– Лейтенант, да, это выглядит чрезмерно авантюрно, но что ещё вы предлагаете взамен бездействию, в котором мы и так вынужденно пребываем под ливнем пуль, а? И кто вообще дерзнул учинить подобное?

– Сомневаюсь, что кадровые германские военные, но наёмники на службе той же державы, – встал перед его глазами образ той материализовавшейся тени, – м-м, вполне. Не спрашивайте, не время.

– Это точно. Ну, и когда нас вызволят из тисков?

– С минуты на минуту. Хм, а им приходится удерживать позиции дольше, чем хотелось бы. Длина очередей уменьшилась.

– И какими ещё наблюдениями блеснёт любимчик Дмитрия Ивановича? Да-да, я вас узнал. И не принимайте это определение близко к сердцу, я сгоряча.

– Понятно, Савва Иванович. Вопрос: почему вы не хотите дожидаться экспедиционных «офанимов»? Они придут во всеоружии и перехватят каперов-неумех. – В это время, кажется, Никанор и Авскентий при поддержке других обитателей «серафима» практически в буквальном смысле смели первую точку.

– Ах, вот как? Сидеть, вытянув ноги и опёршись о ладошки, и смотреть, как кто-то без моего ведома мои же инве-

стиции – крупные и тайные, возможно, последние – у меня уводит из-под носа? Нет, это дело личное! И, напомним, добровольное. Если вы не готовы ради меня подставлять шею, так тому и быть. Но знайте, что нам по силам исполнить задуманное.

– Да, конечно, но реализацию обсудим позже. Ещё вопрос: почему не «херувим»? Ему пули атакующих не так страшны.

– Ох, борт нашего левиафана уже испещрён дырами, так вы хотите, чтобы ещё и бегемот кровавым потом обливался? Нет, что-то из нашего флота должно завтра подняться в воздух невредимым! И потом, нам нужно что-то манёвренное, а не угрожающее.

– Всё ясно, – подтвердил Михаил под буханье пневмокомпрессора, возвещавшее контратаку. – Третья огневая точка для нас не представляет угрозы, можем выдвигаться.

Группа состояла сплошь из офицеров, притом выходцев из иного рода войск, но Михаилу никто не перечил. «Офаним» быстро вывели из ангара и на всех парах готовили к полёту. По радиотелеграфу поступали первые полезные сообщения. Похоже, противник освоился с управлением и увеличивал отрыв от преследователей.

– Зато хотя бы знаем их курс, верно?

– Д-да, так точно, – укладывал в голове данные навигатор. – Если не заложат хитрый манёвр, то продолжат движение в направлении Нантера.

– Хорошо, значит, всё случится не над Двадцатью окру-

гами.

– Что случится? Я же сказал: абордаж.

– Савва Иванович, прошу, поверьте, что оба захваченных «офанима» придётся сбить. Насколько аккуратно – отдельный вопрос. Всё равно завтра газетчики будут трубить о подозрительной канонаде на ипподроме д’Отёй. Вот и скажем, что причиной была крайне неудачная подготовка к фейерверку.

– Но – сбить?!

– На этом «офанеме» нет крюка и каких-то специальных приспособлений. Можно попытаться зайти над каким-то из угнанных сверху и заставить прижаться к земле, но тогда наверняка упустим второй, и тут нам ни наблюдатели с земли не помогут, ни возвращающиеся экспедиционные «офанимы». Засечь, может, и засекут, но преследование уже не организуют. Как минимум один придётся уничтожить. Хоть захватчики и надеются, что мы этого не сделаем.

– Э-эх... Ладно, действуйте, – махнул руками Савва Иванович и обхватил ими голову, а Михаил скомандовал догнать и, зайдя с бакборта, поровняться с тем дирижаблем, что прикрывал отход. – Нантер... Почему они идут к северо-западу? Хотят укрыться в Вексене?

– Могут попытаться, но не это их пункт назначения. Думаю, или Амьен, или Руан, если уйдут на норд-вест-тень-вест. Да, пойдут на Руан, а то и сразу к Гавру. Сена куда шире Соммы.

– Вы это о чём?

– Они наверняка погрузят «офаним» на баржу, выйдут в речное устье, а там по проливу доставят к месту назначения. Никакого демонтажа в лесной чащобе.

– А-ах! Пролив! Может, это никакие не германцы, а британцы? Взглянули на формулу «мощь нашего флота равняется суммарной мощи флотов двух следующих по мощи держав», просчитали, как на неё повлияет включение флота воздушного, а там и увидели, что, во-первых, возможно, лучше и дальше поддерживать нейтралитет и не ввязываться в стесняющие союзы, а во-вторых, надо бы прикрыть дыру в обороне собственного воздушного пространства – от любого, кто посягнёт. Как вам такое?

– Хороший вопрос, Савва Иванович. – «Даже слишком. Спросить бы кое с кого. Но Мартин может быть и не осведомлён, не его профиль. И всё же... Вспомни, Михаил Дмитриевич, какая страна не ратифицировала гаагскую декларацию о метании снарядов, а потому и не подумала ограничивать фантазию приватиров на нецелевое применение тех же крюков? До чего ловко получается! Нет, здесь что-то другое... И те глаза...» – Насколько мне известно, заявленной программы разработки воздушного судна, курируемой военным или морским министерством, у них нет. Но что мешает начать её тайно при получении образца, затеять такую путём обратной разработки, принципы которой так подробно изучены опять же нами в последние месяцы?

На ум Михаилу пришла подпись под одной журнальной картинкой: «Клюв антарктического гигантского кальмара из желудка антарктического клыкача, пойманного за южной сорок пятой параллелью». Тем временем гондола погрузилась в океанскую толщу тишины; все на борту слишком, слишком сосредоточились на своих обязанностях, спрятались за ними подобно морской живности в кораллах и водорослях, будто могут притвориться неотъёмной частью вот этой панели с волнующимися рукоятками и вентилями или зарыться в бумажный ил навигационных карт. Остаётся лишь надеяться, что эта мимикрия – хищная.

– Собственно, – прочистил горло Михаил, – проблема ведь не в том, *кто* завладеет, а в том, что в принципе *завладеет*. А нам и признаваться неудобно будет в плане репутации. И если это сделаем, то с потенциальным оформлением и предъявлением иска тоже не всё ясно...

– Ладно, сбивайте! Вот, вот первый! – И в открытый иллюминатор противнику, которого нагнали: – Выкусите! На север ходят только мамонты, слышите?!

Они услышали: били стёкла и щетинились винтовочными стволами. Михаил не стал дожидаться, когда они выпустят яд, и вознёс пневмоштуцер в направлении отданного на закланье дирижабля. Не обычный – уснащённый болтом Мартина, претерпевшим некоторую подгонку и, технически, превращённым в мушкетную гранату. Недолгий полёт, попадание под верным углом, клякса желтоватого пламени на

выбеленном холсте оболочки, призрачное оранжево-красное с синевой обжигающее облако, воспламенение конструкций, люциферианское падение с небес. Вдали сотнями и тысячами огней сияла «Железная леди», люминисцировали золотом – нет, никак не медью и бронзой – Двадцать округов. Михаил добродушно усмехнулся. «Какая-нибудь влюблённая парочка в городе или его окрестностях сейчас заворожённо смотрит на небо и воображает, что это – падающая звезда, и на счастье загадывает желание».

27

Конверт бело-пепельным хвостом кометы гас и таял в тени почтового ящика. Мартин опускал его в щель с теми же тактом и позой, что иллюзионист – кролика в цилиндр. Селестина произнесла напутственное, не вполне цензурное заклинание. Оставалось надеяться, что через три дня, неделю или когда там бюрократическая машина пропустит письмо сквозь зацепления и ленты по пищеварительной системе, прожует и переварит, подав к столу лобастого эльфа, тот присмотрится, распробует и отрыгнёт удовлетворительный ответ. Мартин уведомлял о намерении и далее оставаться в Двадцати округах, обосновывал важность его пребывания в городе, а также, для повышения качества оперативной деятельности, необходимость создания постоянной штаб-квар-

тиры – больше квартиры, нежели штаба – их конторы на континенте на основе ранее купленной Генри недвижимости, управление и потенциальное наращивание которой, с целью превращения в постоянный источник дохода, должны были перейти к нему в случае назначения координатором; и если для этого потребуются изменение статуса Мартина или организация его перевода по линии Форин-офиса либо как-то иначе, то он был готов стать публичной фигурой. В конце письма он заверил, что его «академическая» сторона работы также не пострадает, а во многом даже выиграет, хоть и несколько сменит вектор. Искренне форхэдов, Мартин Вайткроу. Заодно снабдил письмо водяным – вернее, молочным – сигилом, позволявшим сохранять видимые холодность и твёрдость, но при этом означавшим, что прочитанное следует воспринять как покорнейшую просьбу и должок на будущее. Мартин ещё вертел в руках смоченное молоком перо, не касаясь бумаги, раздумывал, соразмерно ли увеличение шанса одобрения планов приобретаемому обязательству, но тут Селестина утащила у него из-под руки стаканчик и отхлебнула из него, чтобы запить банановый десерт, после не поспешив стереть приподнятые в улыбке молочные усики. Всё было решено.

– Так почему всё-таки не барочные? Да-да, Директорат пока не нашёл разумного объяснения. Ха-ха. Зато, кажется, появилась зацепка по оратории эхоматов, неприятным образом намекающая на причастность салона мадам Бибеску. Но

об этом я подробнее расскажу завтра, когда всё проверим с Сёриз.

– Хорошо. Но не знаю, насколько моё предположение можно счесть рабочим, ведь мы нашли исключение из, как считали, правила.

– Да, ль’Оратуар-дю-Лувр. Но здесь, возможно, одна ему всё-таки была нужна, на ещё как минимум одну – кроме той, на месте пожара – он мог согласиться. Всё-таки она не такая, как прочие: и протестантская, и само её название кое на что да намекает.

– Пожалуй. Вероятно, для Игнациуса это по большей части было механико-математическое осложнение: геометрия барочных сооружений генерирует гипертрофированно-смазанное поле с неудобным для расчётов числом переменных и констант... Проклятье, я говорю языком той своей теориейки.

– Мартин, всё хорошо, – милая улыбка, приподнятые брови и, по взвешивании всех «за» и «против», готовность к монологу.

– М-м, зайду с другой стороны. Возможно, то и другое – одной природы. Затруднение Директората – одновременно и частный случай, и следствие того, что выявил Игнациус за время приготовлений. Так или иначе, это своеобразное подтверждение его гипотезы. Думаю, дело в спекулятивности стиля, в его умозрительности. В том, что он чрезмерно завязан на точку зрения, множество точек зрения и их

сопряжение. Ансамбль формируется более не объективно и рационально статикой и пропорциями, но во многом теперь зависит от точки обзора и охватываемой ею совокупностью элементов. Кажется, что он одновременно и эфемерный, и телесный. Для стиля становятся важны не только и не столько понятия объёма и пространства, а сколько – или хотя бы в равной степени – дистанция и время наблюдения. Сама композиция строится на игре света и тени, при этом они словно бы обретают массу и текстуру. Свет и тень были и у Витрувия с антиками, но здесь иное. Здесь концепт пространства выстраивается на концепте света. А почему бы и нет? Концептом был для Витрувия и человек – через идеализацию пропорций его тела, притом тела строго мужского, а затем и выстраивание идеальных сооружений по этим идеальным пропорциям. Барокко – архитектура не общего представления о пространстве, а о его определении, заполнении. Барокко вязко обволакивает. Основным становится вопрос перспективы и проекции, выхватывания подмножества из множества. Барокко кажется избыточным, приторным, а временами и пошлым, – позволю себе допустить подобное упрощение в контексте измышлений, – ровно по одной причине: оно признаёт физическую ограниченность отдельного человека, отходит от соразмерности, антропоцентризма и гуманистической гармонии. Замещает пробелы-искажения собой, некой внечеловеческой натурой. Привлекает внимание к себе, транслируя мощь обрётённой в формах динамикой; да, в барок-

ко появляется не пластика, но динамика. Сообщает зрителю *определение* сооружения и образ формируемого им пространства, основываясь на непосредственно очевидном, притом очевидном в данный момент времени. Впрочем, тем же образом барокко себя множит: здание одно, но неизменно меняющих ликов его – светлых и тёмных, прекрасных и уродливых – десятки и сотни. Не только целое имеет смысл – или власть. И не только материальное формирует пространство и отношение к нему, восприятие его назначения и способ употребления. Другой вопрос – доступность стиля для понимания на символическом уровне его элементов, обоснование ансамбля, логика его построения, источник его единства, его истинность и необходимость. Это диктатура и доминирование телесности, но орудие её силы – едва ли не эфирные субстанции, принимаемые за данность, неуловимые и прозрачные, но присутствующие в каждом кубическом футе и метре нашего мира и при первой возможности заполняющие его, а также вступающие во взаимодействие с барочной текстурой. Мощь форм определяется их зрительным объёмом. Барокко – экспансия вовне. Оно хочет быть увиденным. Как угодно, но – увиденным. Говорят, что Пиранези вооружился светом, чтобы явить мир, от начала своего существования населённый тьмой и тенями. Но, быть может, светом вооружился не он, но тот мир мрачных грёз – иначе как в том мире родились бы тени? И кто кого куда впустил? Кто был чьим орудием и проводником? Чьи это пропорции, кому ведома иная гармо-

ния? Ну вот: риторические вопросы. Сейчас бы для обратного примера Бернини-младшего или Борромини. Или хотя бы какой-нибудь провокационно-итожащий афоризм, на какой снизошёл бы Энрико. Эх, Генри...

– Если подытожить, то получается, что барочное – «ладно, это было не сложно и не так уж больно» – не просто манифест и памятник, ему неизменно нужен наблюдатель, фиксирующий изменчивую природу и волю к могуществу? Хм, из этого следует, что Игнациусу тут было не до игр и интриг, а растворение четвёртой стены не означало и срыва кулис. И что сценарий включал также особую, машинную, часть.

– В каком-то смысле он хотел быть уверен в цепях и якорях.

– Что они не утянут его на дно...

Часы пробили, прошипели и отмерили пять часов дня. У Селестины только сейчас должен был начаться трудовой день – довольно короткий и необременительный, особенно с Сёриз в напарниках. Вот только что-то она не появлялась. Ис-диспозитиф тоже подозрительно молчал: ни уточнений задания, ни общей сводки новостей по приливу. В голове промелькнула одна очень неприятная мысль. Селестина на всякий случай перевела устройство в пассивное состояние, подождала, а затем вернула в активное. Всё то же самое.

– Даже косточка блуждает, – постучала по стеклу того, что и Мартин принимал за компас, но убедился, что стрелка если на что-то и указывает, то точно не на магнитный полюс. – И

нет, я всё равно не расскажу: кошачья она или нет.

– Всё-таки реванш? – уловил он мысль Селестины. – Не все сгинули той ночью?

– Ну, кого-то мы и через неделю изловили. Думали, что последних. Возможно, какой-то план отложенного действия. Как те рентгеновские лампы.

– Или выход на бис. Не вспомню, есть ли миф о труп-пе-призраке.

– Мне надо в штаб.

– Нам. И лучше бы сначала осмотреть территорию вокруг Директората.

– Мы оба знаем, что он один, – отрезала Селестина возвращавшему контроль над координацией Мартину уже по перемещении.

Что-то определённо случилось. Она хотела появиться в спальном крыле, где думала найти Сёриз, но попала в храм коммуникаций. Удивительно пустовавший. Тихий. Тёмный. Не подогреваемый машинами. Мартин невольно указал на потолок, о чём, идиот, сразу же пожалел, этого Селестине лучше было не видеть. Там, в трубках, кабелях и проводах, переплетённых двудольным графом кирхерианской диаграммы познаваемого космоса, что-то было. Что-то – оставшееся от тел флю-мируистов и других штабных работников. Что-то – разорванное, намотанное и перевитое; ещё рефлекторно дёргавшееся, как в дурном подобии опыта Гальвани, – должно быть, от редких, осиротевших адресатом импульсов

в электрических сетях. Селестине было плохо. Мартин оттащил её и усадил. И тут же заметил какое-то движение под соседним столом. Наставил «апаш» и приказал выйти.

– Ладно-ладно, только тише вы... Селестина?

– Саржа! А ты кого ожидал увидеть?

– Не узнал ваши голоса. Но ожидал Сёриз. Она ушла на поиски тех, кого Игнациус мог пропустить. Кого не тронул.

– Я не понимаю, Саржа.

– Без пятнадцати пять отказали абсолютно все коммуникации, в них прекратилось всякое движение, они застыли, как незапитанные. А через десять минут, когда по авралу были подняты все, *он* обрушился на Директорат как смерч. Восточное крыло, потом западное, потом южное... *Он* проходил – не оставалось никого. Забирал всех. Кто пытался оказать сопротивление – ну, вы видели.

– Что значит «забирал»? И почём знаешь, что было в других помещениях, если «забирал всех»? И почему он тебя оставил?

– Просто касался кого-нибудь рукой – покровительственно так, пользовался ростом и клал руку на темя, – и те пропадали, как если бы перемещались, вот только он сам при этом оставался. Можно догадаться, что не вышвыривал их из штаба, куда подальше, а собирал в каком-то месте, одному ему ведомом. А знаю об остальном, поскольку в момент его появления был с Сёриз. Когда всё началось, мы ещё были в западном крыле, выпроваживали последних посетителей,

которые не понимали более мягких намёков, что часы приёма истекли. И кто же это был? Миноры! Из тех, что ещё как-то ориентируются на закон. Надумали учредить орган совместной защиты. Наглость. Мы – их орган защиты. Неблагодарные. И теперь послали к нам представителей, чтобы попытаться о судьбе задержанных по подозрению в, э-э, анархической деятельности. На то похоже, они, как это ни парадоксально, совсем не чувствуют момент. Нет, вы представляете?

– Ты отвлёкся.

– Д-да. Итак, за последним едва успела закрыться дверь, когда *он* объявился и начал сеять смерть и пустоту. Сёриз сообразила, что нужно не биться, а убегать. Она переместилась со мной в южное крыло, мы попытались предупредить остальных, но они не поняли очень чёткую и простую команду: «Бегите из Директората, живо!» Не успели. Нас тоже чуть не изловили. Вернее, чуть не уничтожили. Не знаю: не то благодарить Сёриз за то, что приняла удар на себя, не то ругать за то, что вообще попыталась контратаковать и затормозить продвижение, обвалив перекрытия. Нам оставалось только двигаться в восточное крыло. Там... В каптажной умбрмашинерии всё уже было кончено. Возможно, поэтому с восточного крыла и начал. Если кто и остался, кроме нас, успел затаиться, то Сёриз вернётся с ними с минуты на минуту. Какой-то полуорганизованный бой преторианцы попытались дать только здесь, у приёмной. Мы уже не могли

им помочь. Никому. А он... Он за медными дверями.

– Что, он в кабинете папá? И там остаётся?

– Да. И живы оба. Я не понимаю.

– Вот и я не понимаю, как жива осталась, – тихо подошла к ним Сёриз, которую Селестина крепко обняла, а сделав это, увидела, что костюм на спине был исполосован и обожжён. – Я в порядке. Встретила по пути пару сбежавших из камер людей Бэзи, но, как выразился бы Мартин, *vae victis*⁶⁴.

– У фразы не вполне однозначная история, – начал было в привычной манере, но осёкся. – Однако я безоговорочно рад исходу. И всё же этот след на платье...

– Это... Ну... Понятия не имею – *что*. Жаркое приветствие Игнациуса, благо что дар Фабриса уберёт. Мы-то для атак, в конечном счёте, пользуемся урбматерией, а Игнациусу и того не нужно. Он просто бьёт умбрэнергией. Мне что-то даже как-то страшновато. Если эту мощь употребили для выжигания регистраций на теле-скрипторе, а её не хватило... Саржа, что там с папá?

– Сейчас узнаем, – на цыпочках двинулся он к своему рабочему месту. – Перед появлением гостей я заметил, что телефонная линия, проведённая в кабинет, ещё работает. Мы можем их подслушать, если с той стороны снята трубка.

«Нет нужды», – донёсся из динамика незнакомый голос, – «Я знаю, что вы там. Входите. Вчетвером». Мартин почувствовал на себе косые взгляды и понимал, что получил приглашение в святая святых, куда и не каждый сотрудник Ди-

ректората имел дозволение ступить. И всё же его не остановили.

Да, что-то подобное в плане оформления интерьера он и ожидал увидеть. Похоже, дело было не в самом кабинете, а в том, вокруг чего он был выстроен. И к этому чему-то – сиренариуму – стоял, прислонившись, Игнациус. А на коленях перед ним – папá Блез.

– Вас не постигнет участь остальных. Вы пригодитесь здесь и сейчас. Блеза отчего-то не убедило то, что я сотворил с остальными. Не убедили сотни заложников, жизнь которых зависит от моей. Не выживу я сегодня или не получу требуемое – от Директората останутся три мушкетёра и этот д'Артаньян. Ну, может, ещё пара-другая ангерон, инвалидов да отставников, так и оставшихся в городе. Молчишь? Хорошо, поговорим с вами.

– Мы же истребили эхоматов! – Селестина рассекла воздух рукой, но Игнациус предупредил её насчёт телодвижений. – Причём использовав вашу же систему. Оцените-ка ход.

– А, вот и славно, что мы начали с главного. Видите ли, Блез всегда мог убить её. У него всегда был персональный ключ. Вот только не хочет он избавления от неё. А хочет всем смерти. Блез, я повторяю: я их отправил *прямо туда*.

– «Туда», – взял слово Мартин, так и не знавший, будет ли толк от его револьверчика, – это ведь не место, а время? Переместили их, для условности предположим, на день вперёд,

конструкт которого выбран вами, и теперь, если музыка момента будущего заиграет из иных вибраций момента текущего, то для нас настоящих это будущее может и не настать, мы вернёмся сюда завтра, но не обнаружим их возвращения. – «Что, – между тем додумал он, – подразумевает следующее. с семнадцатого на восемнадцатое июля всё происходило в рамках сценария Игнациуса. Но вот чем было вызвано обрушение зеркала-портала?»»

– Тогда, под землёй, ваши мысли были оформлены несколько иначе, вы были ближе к истине, но и так сойдёт. Впрочем, я застал только первые умопостроения. А, ну и не «сюда», нет-нет, место особое. Блез о нём знает. Да и вам Алоиз наверняка рассказал. Он ведь упоминал помещение, полное белого пламени? Атанор здесь, под нами, на глубине... Нет, пусть хоть что-то останется секретом.

– Поверьте, у меня – да у нас всех – осталось немало вопросов по тому инциденту. И, возможно, уничтожение сущности – действие верное. Но что тогда Директоратом, что на сей раз вами была создана угроза для всего города. И были жертвы, а некоторые ещё только предстоят. А теперь подтверждается, что возможна, хм, более тонкая хирургия, нежели гильотинирование или трепанация.

– «Сущность»? Вы до сих пор не знаете или не уверены? О-о, а я-то думал, что вам оказано большее доверие. Хорошо ты их подготовил, Блез, умеют приоткрывать тайны. Вот только на лицах читаю недоумение. Да-а, про ключик-то и

не знали. . .

– Если вы могли взять его у Блеза, – Сёриз была скептической, – что вам мешало прийти сюда раньше и проверить те же жестокие и кровавые фокусы, что устроили сегодня? Зачем такие сложности? Кроме как убедить папá Блеза, что это выше его сил и он стал бесполезен, что тело-скриптор отторгает коммуникации Директората?

– Да, вы неплохо прочитали элементы сценария. Вы даже поняли, что это – сценарий. Аплодирую. Вот только что толку от одного визита? Блез не отдаёт ключ сейчас, не пожелал бы сделать этого и тогда. Бойтся проронить лишнее слово, но – не новых жертв. И я не про тех заложников. Блез-з, опасное ты с-сущ-щес-ство.

– Будто смерти, причиной которых стали вы, что-то оправдывает, – фыркнул Саржа. – Что вы такое увидели тридцать лет назад, что заставило вас думать подобным образом? Вы были верны Директорату, но губите его. Что ещё за иной порядок времени? Видимо, я здесь самый тупой.

– «Тупой»? Ни в коей мере. Вы, все вы одурачены Блезом. Как были и мы когда-то. Дети эпохи коммуникаций. Директорат коммуникациями, способом регистрации делит мир и время на упорствующие прошлое и будущее, безграничные, но конечные как момент. На зафиксированное свершившееся и желаемое предстоящее. Время Директората – время поверхностей. И вам оно кажется единственно возможным. И нам так казалось. Мы не замечали не то, чтобы противоре-

чия, но несогласованности. И дорого заплатили за знание.

– Директорат инъектирует сущности антипроизводственные желания, и это работает лишь потому, что для сущности они выглядят частями настоящего. Следовательно, то время, в котором она пребывает – иное – бесконечно как момент, но ограничено.

– Да, вот теперь узнаю вас тогдашнего. Помимо времени Директората, что позвольте назвать Эоном, есть и Хронос, момент которого действительно простирается в мир горний, но также и в мир хтоний. И, хм-хм, сущность всё более предпочитает давление глубины, обволакивающее и искажающее. И не так далёк тот день, когда момент переполнится, и она попробует перейти в следующий. Что нас тогда ожидает? Это укрыто даже от меня. И вот мы подошли к сути того эксперимента. Блез всегда мог убить её – и сейчас можешь, слышишь? – без фатальных последствий для остальных. Но вместо этого решил обнулить, опустошить, вычистить момент, настоящее, в коем она покоится. Не захотел или страшился узнать, какой она станет в моменте новом. Ну, какое такое знание ты унаследовал от Градлона, а?

– То есть... То есть кто-то и в самом деле создал протез тела-скриптора? Лишённый истории, что записывал бы её с чистого листа? И вы тогда вносили ложные регистрации, расшевелившие тело-скриптор, чтобы освободить место для подключения этого протеза?

– За годы в архиве черви тронули, похоже, не только книги

Алоиза. Но я рад, что есть светлые головы, – в прямом и переносном смысле, – способные восстанавливать концепции по неполным источникам. Всё верно. Да только о том я узнал незадолго до эксперимента: всё-таки в иерархии я был на две ступени ниже Блеза и Атанасиуса. А, вы и об этом не знали. Да, консулов должно быть двое. А не один, предпочитающий доверительно-замыкающее обращение «папá». Последствия диктаторской власти, стягивающей информационные потоки на себя и выступающей их единственным распределителем, вы и сами видите, – и Игнациус поводил ладонью по черепу стоявшего на коленях так, как обычно гладят набалдашник трости.

– Так и что же вы намерены сделать с сущностью и её временем?

– Ох, никто ему так и не скажет? Позвольте мне. Называйте её Дахут. И она сущее проклятье – и для города, что погубила, и для города, что посмел наследовать ему, впитал его гибнущее величие. Гибнущее по её вине. И вы верно догадываетесь, что Хронос, несмотря на бесконечность, бесконечен подобно уроборосу. Это время мифов, мифического сознания. Только цикличное не двухмерно, – не считая самого измерения времени, – но трёхмерно. Спираль, в которой каждый новый виток – новый момент, отстоящий от предыдущего и различающийся с ним, заполняемый телесным...

– Вы отвлекаетесь от вопроса: вы её убьёте, а дальше что? Не займёте ли её место? Не стремитесь ли распространить

этот Хронос? Выплеснуть его за пределы тела-скриптора и сиренариума?

– Вас ведь, кажется, зовут Саржа? *Безгранично* верный Директорату, пытаетесь найти оправдание политике его предводителя. Нет, не такова моя цель. Однако от Хроноса я избавляться не намерен, потому что невозможно уничтожить время. Эон и Хронос сосуществуют. А в случае Директората, скорее, Эон работает на Хронос.

– Что означает: мы будем вынуждены ускорять течение Эона, чтобы напитывать бездну момента Хроноса, поддерживать нагнетаемое давление желаний, лишь бы Дахут не просыпалась, но этим же и приблизим конец цикла, который перейдёт или не перейдёт на новый виток; насыщать момент-Уран, пока что-то не откажется или не сможет быть переваренным и не станет моментом-Кроносом, а затем напитывать момент-Кронос, пока не воспретендует на его роль момент-Зевс... При этом Дахут может быть очень зла, если поймёт, что не жилá, и попробует наверстать упущенное.

– А напарница вам под стать. Увы, столько безумств нужно узреть и учинить, чтобы обрести ясность собственного разума.

– Звучит слегка нелогично. Бэзи говорил, что вы слышите её зов. Может, ваш разум отравлен этим искажающим и сминающим давлением глубинного Хроноса? Вы открываете замок, а она перестаёт притворяться, будто спит и призывает к себе каким-то бессознательным способом, или же

действительно пробуждается от соприкосновения с миром – и не позволяет себя убить. Я столько раз слышал слово «сиренаиум», что не могу не предполагать, что Дахут и впрямь подобна сирене, а все мы слышали легенды об их песнях. Он пела вам – вы пели ей, пением рассчитывали и освободить от уз.

– И правда что, – с театральным прищуром поддержал Саржа Мартина, – Мы даже не знаем, как вы вернулись в этот мир. И где блуждали до того, если Дахут остаётся в заточении. Не трансмутировали же в чистое желание – и так попали к ней? И не тело-скриптор же высиживало вас, как яйцо?

– Его сестра... Ваша сестра... – это была дневная порция озарения Селестины. – Тогда пропали двое, но вернулся один.

– Да. Мы блуждали в Кер-Ис. В его некой проекции из умбрэнергии и регистраций. Мы видели такие строения... Я был немало удивлён, когда обнаружил, что и в этом времени начали прорасти подобные им. Именно что прорасти. Фасады, будто определяемые подводными течениями и сложенные из листвы, водорослей и раковин. Внутри – винтовые лестницы и колонны, будто позвоночные столбы. Хорды потолков. Сосуды и нервы, проступающие сквозь эпителий стен. Бутоны куполов. Органическая асимметрия во всём. Но были и более привычные, нарочито порывающие с окружением, блистательными кристаллами вырастающие из ила и пород – как тот белоснежный зиккурат с лиственно-древес-

ным декорированием углов, который венчало златолиственное гнездо и над входом в который входящих приветствовали три маскарона, которые продевали змеи – во славу старых богов. Представьте, что я почувствовал, когда такое же обнаружил в Вене? Многие вопросы мне придётся оставить за рамками. Возможно, их зададите и разрешите вы. Вернёмся к Кер-Ис. Поистине город-призрак и город призраков. Но то было нам во благо. Мы могли наблюдать, могли нескончаемо почерпывать знания. Не берусь судить, заняло то годы или дни Хроноса, – всё как одна нескончаемая ночь, – но для Эона прошли два десятка лет. Мы многое узнали об умбрэнергии и власти над теллургической материей, но эти знания должны быть погребены вместе с Кер-Ис. Последние – вместе со мной и Дахут. Но вы также правы и в том, что отведённое мне время на исходе. Агнесса осталась в Кер-Ис. И уже не выберется оттуда. Но она знает, что сейчас происходит. Когда я доберусь до Дахут здесь, она добьёт её там. Если зов всё же возьмёт надо мной верх, окончательный удар ей нанесёте вы. Я в любом случае отвечу за свои действия. И я чувствую, что на вас костюмы Фабриса. Теперь дело за малым, да, Блез?

– Папá Блез? – тот обвёл взглядом четвёрку, начал было двигать челюстями, будто собирался наконец что-то вымолвить, открыл рот, по-змеиному высунул язык, но резко схлопнул челюсти, не дождавшись, пока он вернётся на место. Кусок плоти с брызгами упал на пол, а папá Блез гортан-

но засмеялся, захлёбываясь кровью.

– Что, ключом было слово? Слова? Думаешь, я об этом не догадался? Заставлял эхоматов петь умбрэнергией просто так? Нет, Блез, ты не победил, – и Игнациус проделал над ним некий фокус со временем, вернув его в прежнее состояние. Кусочек языка остался лежать, где лежал. – Да, Блез, ты растерян и не понимаешь, что происходит и что произошло, но ты видишь, что ты попытался сделать. Второго такого случая тебе не представится. Произнеси же слова-ключ, покончи с этим. Это всё, что остаётся от твоей власти над Директором. Так используй же её. Задумайся: если эти слова Градлон сделал ключом, то наверняка желал не того, чтобы они никогда не могли быть произнесены, но наоборот – как отец надеялся, что когда-нибудь если не он, то кто-то из преемников их скажет. Сделает то, на что он не решился – опять же как отец. Он неспроста сохранил последнее слово за собой, он оставил альтернативу. И ты тоже, Блез, понимаешь, что можешь действовать, а не оставлять всё на откуп времени. Что-то ведь тебя убедило не идти в «Sub rosa», а начать сопротивляться моему сценарию. «Теперь в спектакле дай мне быть актёром, чтоб власть мою увидел гордый папа...» И убедило не что-то – их речи. В этом я нисколько не сомневаюсь. Так открой им последнюю тайну. Не цепляйся за Хронос, хоть то и свойственно геронтократам вроде тебя; не мешай Эону, который сам же и возвращивал. Возвращивал, Блез, но ты отчего-то ищешь смысл существования Директората

там, в прошлом, когда он... Лучше посмотри на них... На Сёриз и Селестину. Твои дочери не будут подобны Дахут. В двух я уверен. Что до остальных... Всё остаётся по-прежнему, их жизни угрожаю не я.

Папá Блез поднимался, как зачарованная факиром кобра. Вновь посмотрел на, возможно, последних ангерон. Взор его был не столь холоден, как обычно. Кивнул им. Жестом подозвал Саржу и передал ему в плоской коробочке, выщелкнувшей из потайной дверцы в столе, всё то, что замыкало власть Блеза на нём одном. Мартина же удостоил чем-то вроде шипения. Затем обернулся к сиренариуму, приложил к нему обе ладони, забормотал предваряющие заклинания-регистрации, а закончил всё фразой: «Дахут, Градлон прощает тебя! Дахут, я прощаю тебя! Дахут, Ис прощает тебя!»

Стеклянный – а на деле некая разновидность флю-мируа – пирамидион пошёл трещинами и осыпался. Кабинет залила лимфоподобная жидкость. Папá Блез воздел руки – и был утащен внутрь. Никто ничего не успел сообразить. Из сиренариума выползали белёсые щупальца – нет, что-то вроде пружин, трубок и шлангов, конструкция и материалы которых, должно быть, восходили ещё к технологиям Кер-Ис. Следом являла себя и Дахут, увитая этими наполовину живыми фуникулюсами и потому больше похожая на цефалопода. И прикрытая лишь кровью папá Блеза. Кровавой луной она и восходила.

Мартин, как мог, пытался осознать и воспринять приро-

ду её лика и наготы – некогда им уже виденных и столь же полнолунных. От напряжения подёрнулась сжимавшая револьверчик правая рука, а ногти пальцев левой вонзились в мякоть ладони. И так ему открылось её существо: эту свою слабину он смог узреть в одном из тысяч отражений зеркал-осколков стоящей перед ним Дахут, отражавших и множивших мириады образов, большинство из которых, на то было похоже, черпали источник своего существования далеко за пределами кабинета – по всему городу, а, может быть, и дальше. Возможно, что и в самом Кер-Ис. В нём, в этом отражении, как отражению и положено, Мартин действительно орудовал «апашем» непривычной к тому правой рукой и впивался ногтями в плоть левой. Он пытался разглядеть фрагментарное существо получше, удержать на нём взгляд, ему показалось, что его внимание обращает на себя, ведёт за собой мигрирующая из одного осколка в другой фигура с огненно-рыжими волосами и баллонами за спиной... – «вела, вела...» – но почувствовал не то удар током, не то резь, отличную от знакомой ему ранее, а глаза на миг ослепила вспышка. Пришлось спешно отвести взгляд. Селестина, узрев и почувствовав нечто подобное, какое-то время сохраняла контроль и почему-то испытывала подобие влечения, но всё же вынуждена была обернуться к Сёриз и застала её с нетипичной гримасой: с подёрнутым в отращении и удивлении правым уголком рта, отмеченным родинкой-мушкой. Возможно, ангероны только сейчас в полной мере осознали,

от чего защищали город.

Дрожь объяла кабинет, а Дахут оглушительно зашипела, булькаяще взревела на неведомом языке – «как она воспринимает и усваивает язык уже наш, каким его *видит и представляет? логос или эйдос?*» – и, на то похоже, принялась за старое. Селестина и Сёриз почувствовали накатывающее течение, а кабинет заполнился щебетанием отнюдь не птичьих клювов. Игнациус не медлил: сразу посёк лучами все лишние «конечности», коими она перестала шарить по поверхностям кабинета, однако притягивала их обратно к себе и как бы укутывалась, превращалась в кокон. Игнациус сблизился с ней, завязалась борьба. Он кричал что-то про баллоны. Потом – просто кричал. Селестина и Сёриз всё поняли. Мартину и Сарже повелели убираться из кабинета и настезь распахнуть медные двери. Пришлось подчиниться. До Селестины и Сёриз донеслись щелчки внешних задвижек. Переглянулись. И применили доселе лишь в теории знакомые знания: они стягивали пространство кабинета к сиренариуму. Пол и потолок прогибались воронками песочных часов, взывала сталь, скрежетал и песком обращался камень. Сёриз поддерживала поток умбрэнергии, который обычно двери и преграждали, а Селестина сфокусировала его на баллонах за спиной Игнациуса. Вспышка. Ослепительно-белое пламя, жар ещё был терпим. Они увидели танец Эона и Хроноса. Но более – ничего. На ощупь в таком же танце пытались найти выход. Это был он? Или их тоже затянуло в Кер-Ис?

Нет. Нет! Нет, это была рука, так знакомая Селестине, ласкавшая её рука. Позади захлопнулись медные ворота. И через мгновение вздулись от ударной волны. Что бы Селестина и Сёриз ни сотворили, чему бы ни помогли восторжествовать, дела их отольют в бронзе неба августа.

Следующим вечером, когда Луна вновь поднялась за двадцатый, чтоб его, азимут, удалось разгрести завалы – о, похоже, что та сила, от какой сотрясалось, изламывалось и грозило обратиться в персть здание Директората, неведомыми путями заставляет более пригодные к подробному свидетельствованию речи раскалываться и рассыпаться, истираться в песок ещё на устах и выветриваться с кончика пера.

А под расчищенным – найти заложников. Вымокших, испуганных, не способных удержать хоть толику умбрэнергии, но – живых. Игнациус причинил множество бед, однако, что до остальных? За его деяниями следили все, но так ли мало и ничтожно их собственное участие и безучастие, амбициозность и близорукость? Озябшие, жалкие, немощные – бледными манами рассеивались они по буллеанским просторам Директората и пытались найти себя в новой реальности. Коммуникации, что удивительно, работали. Течение пощадило город. Саржа привыкал к обязанностям «папá» – а вернее, консула – и уже ломал голову над реорганизацией вверенной ему корпорации.

На краю обвалившегося центрального купола, достойного

хоть римского, хоть местного Пантеона, сидели, свесив ноги, фигурки, точно рыбаки на пристани, наблюдавшие за безмолвным, но полным ритуала движением подводной жизни, сейчас, правда, едва приходившей в себя во всё ещё взъиленной после бури толще. Закатные лучи дарили наполнявшему Директорат воздуху, – в котором до сих пор висела дымка пыли, крошки и пепла, а гипс, известь и алебастр продолжали осыпаться со стен, – как на взгляд Мартина, тёрнеровские палитру и атмосферу. «Заход с морскими чудовищами... Или уже без них?»

– Интересно, где Игнациус поставил в сценарии точку? – как обычно задавался он вопросами, вызывавшими у окружающих мигрень.

– Важнее то, сколь срифмованы пролог и эпилог, – промурлыкала Селестина, стараясь не отставать.

– Ох, старые боги, вы что, спорите о природе сценария: от Хроноса он или от Эона? – подседа к ним Сёриз.

– А о чём же ещё спорить? Величайшая шутка, если всё случившееся было одной только прелюдией или разогревом хора с оркестром, а подлинные же симфонию или ораторию нам ещё предстоит услышать.

– Либо мы завершили некий цикл и теперь в начале нового, пытаемся понять правила бесконечной игры, либо всё действительно позади, и в будущее отныне тянутся лишь город и люди в нём.

– Можно ли на что-то подобное заключать пари? И что

достанется победителю?

– Суть пари не в победе, а в решимости сторон, причём одна неизбежно отстаивает, ведает того или нет, ложную позицию. Впрочем, закон исключённого третьего не распространяется на спор глупцов и дураков. И вот уже насчёт того, окажетесь вы... хорошо-хорошо... окажемся *мы* ими или нет, я пари готов заключить.

Селестина с добрыми, хитрыми, игривыми улыбкой и взглядом всматривалась в силуэты, абрисы и контуры Двадцати округов, а уловив меж ними что-то, адресовала пожелание-вызов городу, с наступлением сумерек облачавшемуся в золото, зажигавшему огни и искрившему мечтами: «Пари!»

Fin

Благодарности

Настоящим видом книга обязана Гульнаре Сафиной, продравшейся сквозь весь смысловой, пунктуационный, синтаксический и грамматический сор (и сюр) и одолевшей его, Николаю Толмачёву, терпеливо и медитативно выудившему сомнительную неоднозначность и недосказанность, Алексею Воробьёву, помимо прочих данных им рекоменда-

ций, указавшему на систематически встречающуюся оплошность-неопределённость, по исправлении которой (возможно, не столь очевидном, но оно и вправду есть) повествовательная палитра дополнилась новым оттенком (если не сказать, что ансамбль – новой *перспективой*), а также Д.В., Игорю Гуренко, Александру Д. и Станиславу Савинову, напомнившим о необходимости оборачиваться и пересматривать написанное, сверять оставленное на бумаге с системой в собственной (авторской) голове. Ваш кропотливый труд, ваше мнение, ваши вопросы, ваши советы, беседы с вами – без них этот роман немислим.

И всё же ради защиты репутации этих славных людей я должен сделать оговорку: в книге наверняка остались погрешности и вольности, но они – следствие исключительно моих невежества, невнимательности или неверного понимания комментариев, а возможно, что где-то сохранены в художественных и повествовательных целях.

Я благодарен всем людям, что откликнулись на моё предложение ознакомиться с книгой и уделили, доверили ей (и мне) самое ценное, что у нас всех есть – время. Во всяком случае, вы рискнули её прочитать и понять, а потому отдельной благодарности стоят ваши тёплые слова о прочитанном.

Возможно, стоит сказать «спасибо» и всем трудностям, всем отвлекающе-раздражающим факторам, которые очень старались превратить процесс написания в поверхностный, бесконечный и мучительный, однако будьте столь любезны

в дальнейшем избегать попыток привлечь к вам моё внимание. Вот за это – спасибо.

И, безусловно, я благодарен множеству книг и иных источников вдохновения, – как уже существовавших ко времени развития фабулы романа, так и появившихся на свет уже в последующие годы и десятилетия, – к которым (но, увы, не всем) я, как мог, дал в сюжете две серии отсылок.

Из тех изданий, которыми активно пользовался и которым весьма обязан, но факт употребления которых сложно установить, вчитываясь в страницы романа, и которые нахожу весьма полезными для любого желающего углубиться (по-хорошему, не как я) в озвученную в романе тему Выставок и их взаимоотношений с городом, хотелось бы особенно отметить «Architecture of Instruction and Delight: A Socio-historical Analysis of World Exhibitions as a Didactic Phenomenon» Питера ван Весемаля, а также «Описание Всемирной Выставки 1900 г.» Санкт-Петербургского товарищества «Народная Польза», дозволенное цензурой 30 апреля того же года.

Алессандро Надзари

Примечания

1)

Напоминаю, что английское «disaster» через французское («désastre») и итальянское («disastro») заимствование восходит к греческому «δυσ + ἀστήρ», дословно означающему «несчастливая звезда» и отсылающему к тому, что бедствие предопределено высшими силами и не могло быть предотвращено доступными в последний момент человеку возможностями. #

2)

Приготовьтесь ко встрече с субстантивацией, злоупотреблениям «авторским знаком» – тире, а также многострочными сложносочинёнными и сложноподчинёнными предложениями, перемежающими и вкладывающими друг в друга прямую и косвенную речь в различных их проявлениях и отношениях. #

3)

Перевод С.В. Шервинского. #

4)

Перевод И.М. Бернштейн. #

5)

Перевод Н.С. Мавлевич. #

6)

Перевод Н.М. Демуровой. #

7)

«Помни о смерти». #

8)

Да-да (фр.). #

9)

Заведение с фиксированными ценами и не менее «фиксированным» меню, то есть такое, где потребителю обычно предлагается выбор из нескольких однотипных блюд, которые кухня в определённые часы только и готовит. #

10)

Нам с вами. #

11)

Интригующая, причудливая, неправдоподобная, цветущая переливами мыльного пузыря ненормальность, странность. #

12)

Мой друг (фр.). #

13)

«Социологический ежегодник» (фр.). #

14)

Оголтелый хохот (фр.). #

15)

«Ужасное чудовище, безобразное, огромное, лишённое зрения...» (лат.) #

16)

Препоручительные боны (фр.). #

17)

Турне великих князей (фр.). #

18)

Ночные коробочки (фр.). #

19)

Белые дамы (фр.). #

20)

«Джек-пружинки-на-пятках» (англ.). #

21)

Цитаты взяты из романа «Труженики моря» В. Гюго в переводе А. Худадовой. #

22)

«Особняк Разложения» (фр.). #

23)

«Руководство по жестикуляции» (англ.). #

24)

Отметка «обрати внимание» (лат.). #

25)

Бог из машины (лат.). #

26)

«Не прикасайся ко мне» (лат.). #

27)

Статья «Я обвиняю» (фр.). #

28)

Всякая всячина (итал.). #

29)

Бог из машины (лат.). #

30)

Родина... часть или партия (не политическая)... (фр.) #

31)

Вооружённые силы (фр.). #

32)

Правь, Британья! Правь волной:

Не падут британцы под пятой.

Правь, Британья! Правь веслом:

Не петь британцам русских слов. (англ.) #

33)

Что за день, анилительный день! (вольный перевод, англ.)

#

34)

Как пожелаете (фр.). #

35)

Городу и миру (лат.). #

36)

Благодарю... от всей души (фр.). #

37)

От «rhizome» – корневище и «étant» – бытие (фр.). #

38)

Живая картина (фр.). #

39)

Во французском то же, что в русском – архитектурный каприз. #

40)

Главный вход на Выставку (искаж. фр.). #

41)

Фигура, образованная пересечением двух кругов с одинаковым радиусом, математическое соотношение высоты и ширины которой составляет корень из трёх (лат.). #

42)

Здесь игра слов: и похоронное бюро, и смертельный насос (фр.). #

43)

Принцип невмешательства государства в экономику (искаж. фр.). #

44)

Здесь: особая позиция рук (фр.). #

45)

Охранялась своей темнотой (лат.). #

46)

Несомненно, ибо невозможно (лат.). #

47)

Искусство управления (лат.). #

48)

Всего три слова, но какова лингвистическая игра! Два глагола настоящего времени изъявительного наклонения единственного числа третьего лица, при этом первый – в действительном залоге, а второй – в страдательном, объединённые хитрым союзом. Наиболее точный перевод союзной частицы «нес» на русский язык – «и не». Что до глаголов, то «fluctuat» проще всего перевести как «колеблется», «качается» или «раскачивается», возможно даже «мечется», од-

нако контекстно более симпатичен вариант «волнуется»; но, увы, придётся мириться с коннотацией «волнуется – нервничает», по природе иносказательной и даже пережившей второе рождение, а нынче совершенно упрочившейся в разговорной речи в качестве основной (сравните определения глагола «волноваться» в словарях Ушакова и Ожегова, первые издания которых выпущены с разницей в каких-то 10–15 лет, на которые, впрочем, пришлось и военное время со своим влиянием на носителей языка). Ситуация с «mergitur» тоже не вполне простая, даже несмотря на благосклонность русского языка к страдательному залогу. С переводом проблем нет, инфинитиву «mergere» в русском в интересующем нас смысле соответствуют глаголы «тонуть», «погружать», «утопать». Но то инфинитив. В используемой же форме его придётся передать кратким причастием (например, «потопляем»), что допустимо конструкцией фразы, поскольку от этого не страдает его роль сказуемого. Сохранение разницы залогов представляется важным по той причине, что она отражает характер действия и, соответственно, города, исходящую «изнутри» дозволенность первого, то есть способность адаптироваться и сообразно реагировать, и непозволительность «извне», то есть с участием третьего лица либо капитуляцию перед внешними силами, второго (но отменяет ли страдательный залог исключительное право на самостоятельное доведение до подобного состояния?). Суммируя сказанное, останавливаюсь на следующем переводе девиза:

«Волнуется и не потопляем». По вкусу добавьте тире перед союзом, хоть оно и привнесёт новое, вряд ли заложенное прочтение. #

49)

Под маком (лат.). #

50)

Роман с ключом (фр.). #

51)

Голос из машины (лат.). #

52)

Подозрительная личность (лат.). #

53)

Здесь: основные положения рук в балете, так называемые закруглённые и удлинённые (фр.). #

54)

«Ad limina [apostolorum]» – у [апостольских] врат, «a limine» – сразу (лат.). #

55)

Рвите роз бутоны, девы,

Время бьёт крылами:

Днесь достоин цвет напева,

Завтра... О-ой, дурак ты, Марти... (англ.) #

56)

До тошноты (лат.). #

57)

По-русски это незатейливо зовётся водолажкой. #

58)

Здесь: отождествление самого города с системой его канализации (лат.). #

59)

Человек есть [мыльный] пузырь (лат.). #

60)

Пусть отплывает! В этом всё... (лат.) #

61)

Из речи Дюкло, цитируется по выпуску №55 «Вопросов философии и психологии». #

62)

Скомпоновано и процитировано по изданию «Познание России. Заветные мысли (сборник)», Д.И. Менделеев, Ю. Славянов (сост.). #

63)

Человек человеку зеркало (лат.). #

64)

Горе побеждённым (лат.). #